

Г. Плеханов

Проз 19

БИБЛІОТЕКА НАУЧНАГО СОЦІАЛИЗМА.
Серія I. — Выпускъ III.

СОЧИНЕНІЯ

Г. В. ПЛЕХАНОВА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.
Части I и II.
(1878 — 1884 гг.)

Съ портретомъ автора.

ИЗДАНІЕ БИБЛІОТЕКИ НАУЧНАГО СОЦІАЛИЗМА.
ЖЕНЕВА.
Rue de Candolle, 15.
1905.

6К
2-й экз.

„Пров 30"
„Пров 45"

„*БИБЛІОТЕКА НАУЧНАГО СОЦІАЛИЗМА*"
издается при ближайшемъ участіи *Г. В. Плеханова.*

Адресъ для спошеній съ „*Библіотекой научнаго соціализма*" и со складомъ ея изданій:

Mr Todoroff
Avenue de Lancy, 14.
Genève. Suisse.

645
39

Къ свѣдѣнію читателей!

На 140 стр., въ объявленіи объ изданіи «*библіотеки современнаго соціализма*», въ 15-ой строкѣ сверху, послѣ словъ: «со старыми анархическими тенденціями» — пропущено слѣдующее примѣчаніе:

*) Въ виду неоднократно повторявшихся слуховъ о состоявшемся будто-бы соединеніи старой группы «Черн. Пер.» съ «Нар. Вол.», мы считаемъ нужнымъ сказать здѣсь нѣсколько словъ по этому поводу. Въ послѣдніе два года, дѣйствительно, велись между обѣими группами переговоры о соединеніи. Но, хотя два-три члена нашей группы даже вполнѣ примкнули къ «Нар. Волѣ», полное сліяніе не могло, къ сожалѣнію, состояться. Какъ читатель можетъ увидѣть изъ брошюры «Соціализмъ и Политическая борьба», это сліяніе затрудняется нашимъ разногласіемъ съ «Нар. В.» по вопросу о такъ называемомъ «захватѣ власти», а также нѣкоторыхъ практическихъ пріемахъ тактики революціонной дѣятельности, вытекающей изъ этого пункта программы. Обѣ группы имѣютъ, однако, теперь такъ много общаго, что могутъ дѣйствовать, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, рядомъ, пополняя и поддерживая другъ друга

Оглавленіе перваго тома.

стр.

Предисловіе автора. . . IX—XX

Часть первая.
1878—1883.

Корреспонденціи:
Изъ Каменской станицы (письмо первое). 1—5
Съ новой бумагопрядильни. . 5—6
Законъ экономическаго развитія общества и задачи соціализма въ Россіи (ст. I) 7—19
Корреспонденція съ бумагопрядильной фабрики Кенига. . . 20—28
Законъ экономическаго развитія общества и задачи соціализма въ Россіи (ст. II) 28—38
Волненія въ средѣ фабричнаго населенія. . . . . 38—51
Каменская станица (письмо второе) 52—55
Отъ редакціи «Чернаго Передѣла». 56—57
Черный передѣлъ. . . 58—67
Передовая статья изъ № 1 «Чернаго Передѣла»

стр.

Передовая статья изъ № 2 «Чернаго Передѣла». . . . 74—85
Объ изданіи «Русской соціально-революціонной библіотеки». . 86—100
Предисловіе къ русскому изданію «Манифеста Коммунистической Партіи». 101—103
Вспоминанія объ А. Д. Михайловѣ. 104—122
А. П. Щаповъ. . . . 123—136

Часть вторая.
1883—1884.

Объ изданіи «библіотеки современнаго соціализма». . . . 139—140
Соціализмъ и политическая борьба. . . . . 141—236

Наши разногласія.

Введеніе:
1. Въ чемъ насъ упрекаютъ. . 237—241
2. Постановка вопроса. . . 241—243
3. А. И. Герценъ. . . . 243—246
4. Н. Г. Чернышевскій. . . 246—268
5. М. А. Бакунинъ. . . . 268—278
6. П. Н. Ткачевъ. . . . 278—285
7. Результаты. . . . 286—291

Глава I. Нѣкоторыя историческія справки. 292—295

стр.

2. Л. Тихомировъ. . . . 295—306
3. Группа «Освобожденіе Труда». . 306—313
4. Л. Тихомировъ въ борьбѣ съ группой «Освобожденіе Труда». . . 313—318
5. Историческая роль капитализма. 318—329
6. Развитіе капитализма на Западѣ. 329—346

Глава II. Капитализмъ въ Россіи.

1. Внутренній рынокъ. . . 346—353
2. «Число рабочихъ». . . 353—364
3. Кустари. . . . 364—373
4. Кустарный промыселъ и земледѣліе. 374—376
5. Кустарь и фабрика. . . 376—379
6. Успѣхи русскаго капитализма. . 379—382
7. Сбытъ. . . . 383—384

Глава III. Капитализмъ и общинное землевладѣніе.

1. Капитализмъ въ земледѣліи. . 385—389
2. Община. . . . 389—394
3. Разложеніе нашей общины. . 394—405
4. Идеальная община народниковъ. 405—418
5. Выкупная операція. . . 418—429
6. Мелкое землевладѣніе. . . 429—430
7. Выводъ. . . . 430—432

Глава IV. Капитализмъ и наши задачи.

1. Характеръ предстоящей революціи. 432—459
2. «Захватъ власти». . . 459—468
3. Вѣроятныя послѣдствія «народной» революціи. . . . . 468—488

стр.

4. Колебанія Л. Тихомирова между бланкизмомъ и бакунизмомъ. . . 488—501
5. Вѣроятныя послѣдствія захвата власти соціалистами. . . . 502—504

Глава V. Истинныя задачи соціалистовъ въ Россіи.

1. Соціальдемократы и «зуботычины». 504—516
2. Пропаганда въ рабочей средѣ. . 516—531

Глава VI. Заключеніе. . . 531—534

Программа соціальдемократической группы «Освобожденіе Труда» (1884). 537—541

Предисловіе къ настоящему изданію.

Въ этотъ первый томъ моихъ сочиненій входятъ, между прочимъ, и тѣ, которыя относятся еще къ *народническому* періоду моего развитія и которыя были напечетаны въ свое время, главнымъ образомъ, въ «*Землѣ и Волѣ*» и «*Черномъ Передѣлѣ*». Пусть читатель не удивляется, поэтому, если на первой сотнѣ страницъ этого тома онъ встрѣтитъ взгляды, не вяжущіеся съ моимъ нынѣшнимъ міросозерцаніемъ, т. е. съ *марксизмомъ*. Но пусть не удивляется онъ такъ же, если я прибавлю къ этому, что основная мысль, лежавшая въ моихъ народническихъ взглядахъ, — при всемъ несходствѣ этихъ взглядовъ со взглядами марксистовъ, — не такъ далека, какъ это можетъ показаться на первый взглядъ, отъ основной идеи марксизма и что мое нынѣшнее міросозерцаніе представляетъ собой не болѣе, какъ логическое развитіе основной мысли, увлекавшей меня уже тогда, когда я работалъ въ органахъ революціоннаго народничества. Дѣло тутъ вотъ въ чемъ.

Современные анархисты относятся, какъ извѣстно, весьма отрицательно къ *матеріалистическому объясненію исторіи*. Оно кажется имъ одной изъ ошибочныхъ и вредныхъ «догмъ» марксизма. Не такъ смотрѣлъ на этотъ вопросъ одинъ изъ основателей современнаго анархическаго ученія, покойный М. А. Бакунинъ. Въ своихъ сочиненіяхъ (Въ книгѣ «*Государственность и анархія*», въ полемикѣ съ Мадзини

и, если память мнѣ не измѣняетъ, въ брошюркѣ «*Наука и насущное революціонное дѣло*») онъ называлъ теорію историческаго матеріализма великимъ открытіемъ и неоспоримой заслугой автора «Капитала». Такое отношеніе Бакунина къ этой теоріи раздѣлялось первоначально и многими его учениками. Въ народническій періодъ моего развитія, *я*, — какъ и всѣ наши народники, — находился подъ сильнымъ вліяніемъ сочиненій Бакунина, изъ которыхъ я и вынесъ великое уваженіе къ матеріалистическому объясненію исторіи. Я уже тогда былъ твердо убѣжденъ въ томъ, что именно историческая теорія Маркса должна дать намъ ключъ къ пониманію тѣхъ задачъ, которыя мы должны рѣшить въ своей практической дѣятельности. Читатель легко убѣдится въ этомъ, прочитавъ мою статью: «*Законъ экономическаго развитія общества и задачи соціализма въ Россіи*», напечатанную въ № 3 «*Земли и Воли*» и занимающую въ этомъ томѣ стр. 7-19, а также мои статьи, появившіяся первоначально въ № 1 «*Чернаго Передѣла*» и занимающія въ этомъ томѣ стр. 58-73. Въ одной изъ этихъ статей я категорически говорилъ, что «экономическія отношенія въ обществѣ признаются нами основаніемъ всѣхъ остальныхъ, коренною причиною не только всѣхъ явленій политической жизни, но и умственнаго и нравственнаго склада его членовъ» (см. стр. 64 этого тома). Это уже несомнѣнный марксизмъ. Но этотъ марксизмъ достигъ до моего сознанія, пройдя сначала черезъ призму бакунинскаго ученія, и потому онъ приводилъ меня къ несостоятельнымъ, утопическимъ *выводамъ*. Какіе же это были выводы? Тѣ самые, которые дѣлалъ Бакунинъ изъ матеріалистическаго объясненія исторіи. Онъ разсуждалъ, какъ извѣстно, такъ: если *политическія* отношенія всякаго даннаго общества основываются на его *экономическихъ* отношеніяхъ, то «политика» ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить средствомъ освобожденія пролетаріата; занимаясь «политикой», соціалисты измѣняютъ дѣлу рабочаго класса, который можетъ свергнуть иго капитализма только путемъ *экономической* революціи. На основаніи этого соображенія Бакунинъ и его послѣдователи горячо и упорно возставали противъ того параграфа въ уставѣ Международнаго Товарищества Рабочихъ, который гласитъ, что *полити*

ческая борьба должна служить средствомъ достиженія великой цѣли современнаго сознательнаго пролетаріата. Я, разумѣется, не могу приводить здѣсь всѣ тѣ доводы, которые выдвигались бакунистами противъ этого параграфа: интересующійся ими читатель найдетъ ихъ въ извѣстномъ «Mémoire de la Fédération jurassienne»; мнѣ же достаточно сказать, что мы, русскіе народники, считали эти доводы неотразимыми, и сами горячо и упрямо осуждали всякую «политику».

Споры, происходившіе въ народническомъ обществѣ «Земля и Воля» около времени его распаденія, цѣликомъ вертѣлись вокругъ этой мысли о негодности «политики», какъ средства освобожденія «трудящихся». Тѣ изъ насъ, которые продолжали признавать правильность этой мысли, сгруппировались вокругъ газеты «*Черный Передѣлъ*»; тѣ же, которые стали относиться къ ней отрицательно, сложились въ «партію Народной Воли». Такъ какъ Бакунинское отрицаніе «политики» несомнѣнно было неосновательно и происходило изъ непониманія того, что въ процессѣ общественнаго развитія, — какъ и во всякомъ другомъ процессѣ,—причина является слѣдствіемъ, а слѣдствіе, въ свою очередь, становится причиной, то «народовольское» отрицаніе отрицанія, т. е. отрицаніе народовольцами мысли о вредѣ «политики», было совершенно правильно и являлось большимъ шагомъ впередъ въ исторіи нашей революціонной мысли, какъ я это открыто призналъ еще въ брошюрѣ «Соціализмъ и политическая борьба», воспроизведенной на 141-236 стр. этого же тома. Но слабая сторона «народовольской» теоріи состояла въ томъ, что они, по нѣмецкому выраженію, вмѣстѣ съ водой выплескивали изъ ванны и ребенка: въ борьбѣ съ Бакунинскимъ отрицаніемъ политики они зашли такъ далеко, что стали отрицать также и лежавшую въ основѣ этого отрицанія совершенно правильную, но плохо понятую Бакунинымъ и народниками теорію историческаго матеріализма. Издававшаяся въ Россіи газета «*Народная Воля*» не разъ обнаруживала большую симпатію ко взглядамъ Дюринга, который считаетъ политическую силу основнымъ двигателемъ историческаго развитія. Это была огромная ошибка, которая не замедлила наложить свою печать на всѣ политическіе взгляды и на

всю политическую дѣятельность народовольцевъ. Эта ошибка помѣшала имъ понять, что сила и значеніе всякой данной политической *партіи* обусловливается силой и значеніемъ того общественнаго *класса*, интересы котораго она представляетъ и защищаетъ. А не понимая этого, народовольцы не сумѣли возвыситься и до пониманія того, что наиболѣе революціонная точка зрѣнія нашего времени есть классовая точка зрѣнія пролетаріата. Народовольцы не пошли дальше бланкизма, распространеніе идей котораго было облегчено литературной дѣятельностью покойнаго Н. Ткачева въ серединѣ семидесятыхъ годовъ. Но точка зрѣнія бланкизма, это—точка зрѣнія *заговора*. Партія «Народной Воли» въ самомъ дѣлѣ была не болѣе, какъ тайной организаціей заговорщиковъ, пользовавшейся большими симпатіями со стороны такъ называемаго *общества* и по временамъ заводившей коекакія связи съ *рабочими*, но главныя свои упованія возлагавшей на революціонную *интеллигенцію*. Съ *этой* стороны «народовольство» было *большимъ шагомъ назадъ* сравнительно съ народничествомъ, которое, при всѣхъ своихъ ошибкахъ, имѣло все таки ту заслугу, что твердо помнило первый параграфъ устава интернаціонала: *освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ.**) Правда, народники весьма своеобразно истолковывали этотъ параграфъ. Сообразно *крестьянскому* характеру того «народа», который они хотѣли освобождать, опредѣленное понятіе: *рабочіе* замѣнилось у нихъ весьма расплывчатымъ понятіемъ: *трудящіеся*. Но какъ бы тамъ ни было, они все таки стремились возбуждать революціонную самодѣятельность народной *массы*, и въ этомъ отношеніи стояли несравненно выше народовольцевъ.

Чтобы устранить и ту, и другую односторонность, чтобы исправить ошибки, какъ народниковъ, такъ и народовольцевъ, необходимо было, во первыхъ, отвести политической борьбѣ надлежащее мѣсто въ нашей революціонной программѣ, а во вторыхъ, сумѣть связать эту борьбу съ основными положеніями правильно понятаго научнаго соціализма. Попыткой рѣ-

*) Прошу читателя не забывать, что я говорю здѣсь о народникахъ *революціонерахъ*. Легальные народники въ родѣ г. В. В. ожидали осуществленія своихъ реформаторскихъ плановъ отъ царизма. Но до нихъ мнѣ нѣтъ здѣсь никакого дѣла.

шенія этой, самой насущной тогда для насъ, задачи и была моя брошюра «*Соціализмъ и политическая борьба*».

Эпиграфомъ для этого своего сочиненія я взялъ слова Маркса: «всякая классовая борьба есть борьба политическая». Этими словами я хотѣлъ напомнить *народникамъ* о томъ, что заниматься «политикой» вовсе еще не значитъ измѣнять интересамъ «трудящихся»; и тѣми же самыми словами я хотѣлъ поставить *народовольцамъ* на видъ, что ихъ политическая борьба будетъ плодотворной и побѣдоносной только въ томъ случаѣ, если она станетъ *классовой* борьбою. Такимъ образомъ, точкѣ зрѣнія «интеллигентныхъ» *заговорщиковъ* была противопоставлена мною точка зрѣнія *рабочаго класса*. Само собой разумѣется, что заговорщикамъ это понравиться не могло, и совершенно понятно, что моя брошюра послужила поводомъ къ полемикѣ между мной и главнымъ тогда публицистомъ «народовольства», нынѣ въ реакціи почивающимъ г. Л. Тихомировымъ.

Такъ же понятно и то обстоятельство, что нашъ *политическій споръ* тотчасъ же перешелъ на *экономическую почву*. Чтобы отстоять свою точку зрѣнія *заговорщика*, г. Л. Тихомировъ сдѣлалъ попытку показать несостоятельность моей *классовой* точки зрѣнія. Съ этой цѣлью онъ пустился доказывать, что у насъ раздѣленіе общества на классы зашло пока еще недалеко, что буржуазія наша совершенно безсильна, что рабочихъ у насъ всего 800,000 и т. п. Словомъ, въ спорѣ со мной главный народовольческій публицистъ окончательно вдался въ тѣ историко-соціологическія разсужденія, къ которымъ такъ охотно прибѣгали нѣкогда славянофилы въ своихъ литературныхъ стычкахъ съ западниками. Въ самомъ дѣлѣ, наши славянофилы имѣли довольно точное понятіе о борьбѣ классовъ: не даромъ же историческіе взгляды многихъ изъ нихъ складывались подъ сильнымъ вліяніемъ буржуазныхъ историковъ «гнилого» Запада. Даже Погодинъ совершенно опредѣленно высказывался въ томъ смыслѣ, что западно-европейское общество было историческимъ продуктомъ многовѣковой классовой борьбы и что въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ классовое господство *буржуазіи* должно рухнуть подъ напоромъ *пролетаріата*. Но наша исторія шла, по

мнѣнію Погодина, совсѣмъ не такъ, какъ западная: у насъ не было классовъ, не было классовой борьбы, и то, что на западѣ достигается классовой борьбой, будетъ достигнуто у насъ, благодаря мудрому дѣйствію верховной власти. Революціонные теоретики въ родѣ г. Тихомирова почти цѣликомъ раздѣляли эту погодинскую философію русской исторіи, внося въ нее лишь одну поправку: они объявляли, что наше общественное развитіе совершалось и будетъ совершаться *вопреки* царской власти, и благодаря здоровымъ инстинктамъ *народа* и прогрессивнымъ стремленіямъ *интеллигенціи*. Вотъ почему между тѣмъ, какъ славянофилы въ родѣ Погодина пріурочивали всѣ свои упованія на счастливое будущее къ дѣйствіямъ *царскаго правительства*, революціонные публицисты въ родѣ г. Тихомирова всего ждали отъ дѣйствія «*интеллигентныхъ*» *заговорщиковъ*. Но чѣмъ больше эти публицисты усваивали себѣ, — хотя и безсознательно, — существенное содержаніе славянофильской философіи русской исторіи, тѣмъ болѣе *взгляды* ихъ утрачивали всякій революціонный характеръ и тѣмъ болѣе ихъ революціонные «*идеалы*» становились плодомъ простого и преходящаго *настроенія*. Это лучше всего видно на примѣрѣ самого г. Л. Тихомирова: пока онъ сохранялъ свое революціонное настроеніе, онъ оставался, — какъ я называлъ его еще въ то время, — *взбунтовавшимся славянофиломъ*, а когда бунтовское настроеніе у него улетучилось, онъ поспѣшилъ войти въ ту мирную гавань, въ которой онъ почиваетъ по сіе время. Да и одинъ-ли г. Л. Тихомировъ пережилъ подобное превращеніе?

Г. Л. Тихомировъ обрушился на соціаль-демократическіе взляды группы «Освобожденіе Труда» въ статьѣ «*Чего намъ ждать отъ революціи?*», напечатанной во второй книжкѣ «Вѣстника Народной Воли». Я отвѣтилъ ему въ книгѣ «*Наши разногласія*» (см. стр. 237-535 этого тома). Теперь можетъ, пожалуй, показаться страннымъ, что я счелъ нужнымъ отвѣтить на его статью цѣлой книгой. Но въ борьбѣ съ г. Тихомировымъ я долженъ былъ перейти въ наступленіе, а перейдя въ наступленіе, я немедленно очутился въ Авгіевыхъ стойлахъ экономическихъ предразсудковъ народничества, въ которыхъ мнѣ поневолѣ пришлось замѣшкаться довольно долго. Въ примѣчаніи на стр.

534 этого тома я говорю о томъ, къ чему свелись тѣ возраженія, которыя были сдѣланы мнѣ редакціей «Вѣстника Народной Воли». Здѣсь я прибавлю только, что мнѣ было до послѣдней степени неудобно писать заграницей объ экономическихъ отношеніяхъ Россіи: недостатокъ литературнаго матеріала страшно стѣснялъ меня буквально на каждомъ шагу. Тѣмъ не менѣе, я смѣю утверждать, что дальнѣйшій ходъ экономическаго развитія Россіи, какъ нельзя лучше подтвердилъ все то, что я сказалъ объ этомъ предметѣ въ своей книгѣ.

Одинъ изъ «народовольцевъ» признавался мнѣ, года три спустя послѣ выхода моей книги, что, прочитавъ ее, онъ принялъ меня за человѣка, продавшагося царскому правительству. Ему надо было лично познакомиться со мною, чтобы убѣдиться въ неосновательности своего предположенія. Это достаточно характеризуетъ пріемъ, оказанный моей книгѣ сторонниками старыхъ воззрѣній въ нашей революціонной средѣ...

На этомъ останавливаться не стоитъ; полезнѣе будетъ сдѣлать здѣсь слѣдующія поясненія.

Когда я понялъ, къ какимъ политическимъ выводамъ должно приводить правильно понятое матеріалистическое объясненіе исторіи, и когда я сталъ марксистомъ, я понялъ также и то, что душу марксизма составляетъ его *методъ*. Я съ восторгомъ читалъ и перечитывалъ слова молодого Энгельса въ Deutsch — Französischen Iahrbüchern: «Еще очень несовершенна та общественная философія, которая выдаетъ два-три положенія за свой конечный результатъ и предлагаетъ «Морисоновы пилюли». Намъ не такъ нужны голые результаты, какъ *изученіе*. Результаты безъ развитія, которое ведетъ къ нимъ, — ничто; это мы знаемъ уже со временъ Гегеля. А результаты, которые фиксируются, какъ неизмѣнные, и не кладутся въ основу дальнѣйшаго развитія, хуже чѣмъ безполезны». Поэтому и я не столько дорожилъ нашими тогдашними «*результатами*»,—т. е. практической программой группы «Освобожденіе Труда»,—сколько *методомъ* марксизма, его *точкой зрѣнія*, огромныя преимущества которой мнѣ хотѣлось выяснить «русскимъ соціалистамъ». Я совершенно искренно говорилъ въ своемъ открытомъ письмѣ къ П. Л. Лаврову: «Будущее нашей группы

кажется Вамъ сомнительнымъ. Я самъ готовъ сомнѣваться въ немъ, поскольку рѣчь идетъ о нашей группѣ, какъ таковой, а не о тѣхъ воззрѣніяхъ, которыя она представляетъ» (см. стр. 229 этого тома). Подъ воззрѣніями я разумѣлъ здѣсь именно теорію Маркса, разсматриваемую съ точки зрѣнія ея метода. Еще лучше видно это изъ слѣдующихъ строкъ:

«Мы указываемъ нашей соціалистической молодежи на марксизмъ, эту алгебру революціи.., эту «программу», научающую своихъ приверженцевъ пользоваться каждымъ шагомъ общественнаго развитія въ интересахъ революціоннаго воспитанія рабочаго класса. И я увѣренъ, что рано или поздно наша молодежь и наши рабочіе кружки усвоятъ эту единственно революціонную программу. Въ *этомъ смыслѣ* будущее нашей группы вовсе не сомнительно»... (стр. 237)

Наконецъ, въ полномъ согласіи съ моимъ предпочтеніемъ метода результатамъ я прибавлялъ:

«Повторяю, между самыми послѣдовательными марксистами возможно разногласіе по вопросу объ оцѣнкѣ современной русской дѣйствительности. Поэтому мы ни въ какомъ случаѣ не хотимъ прикрывать свою программу авторитетомъ великаго имени. Къ тому же, мы напередъ готовы признать, что она заключаетъ въ себѣ многіе «недостатки и непрактичности», какъ всякій первый опытъ примѣненія данной научной теоріи къ анализу весьма сложныхъ и запутанныхъ общественныхъ отношеній. Но дѣло въ томъ, что ни я, ни мои товарищи, не имѣемъ пока окончательно выработанной и законченной отъ перваго до послѣдняго параграфа программы. Мы только указываемъ нашимъ товарищамъ *направленіе*, въ которомъ нужно искать рѣшенія интересныхъ имъ революціонныхъ вопросовъ; мы только отстаиваемъ вѣрный и *безошибочный* критерій, съ помощью котораго они смогутъ, наконецъ, сорвать съ себя лохмотья революціонной метафизики, почти безраздѣльно господствовавшей до сихъ поръ надъ нашими умами; мы только доказываемъ, что «наше революціонное движеніе не только ничего не потеряетъ, но, напротивъ, очень много выиграетъ, если русскіе народники и русскіе народовольцы сдѣлаются, наконецъ, русскими марксистами, и новая, высшая точка зрѣнія примиритъ всѣ существующія у насъ фракціи» (эти строки взяты изъ брошюры «соц. и политич. борьба»). Наша программа еще должна быть закончена, и закончена тамъ, на мѣстѣ, тѣми самыми кружками рабочихъ и революціонной молодежи, которые станутъ бороться за ея осуществленіе. Поправки, дополненія, улучшенія этой программы совершенно естественны, неизбѣжны, необходимы. Мы не боимся критики, а ожидаемъ ее съ нетерпѣніемъ, и ужъ, конечно,

не станемъ, какъ Фамусовъ, затыкать передъ нею уши. Представляя дѣйствующимъ въ Россіи товарищамъ этотъ первый опытъ программы русскихъ марксистовъ, мы не только не желаемъ соперничать съ Народной Волей, но ничего не желаемъ такъ сильно, какъ полнаго и окончательнаго соглашенія съ этой партіей. Мы думаемъ, что партія Народной Воли *обязана* стать марксистской, если только хочетъ остаться вѣрной своимъ революціоннымъ традиціямъ и желаетъ вывести русское движеніе изъ того застоя, въ которомъ оно находится въ настоящее время».

При такомъ отношеніи къ дѣлу мы не могли не быть уступчивыми въ томъ, что касалось *частностей*. Наиболѣе яркимъ примѣромъ нашей уступчивости можетъ служить то, что было сказано мною въ брошюрѣ «Соціализмъ и политическая борьба» по вопросу объ общинѣ. Для меня уже тогда совсѣмъ не было сомнѣнія въ томъ, что наша сельская община не обладаетъ никакой внутренней силой, необходимой для ея перехода «въ высшую форму общежитія», какъ выражались народники. Но въ то время, когда я писалъ названную брошюру, — т. е. лѣтомъ 1883 года, — я готовъ былъ не то, что отказаться отъ моего взгляда, на это я, разумѣется, никогда не согласился бы, а не высказывать его въ печатной полемикѣ до тѣхъ поръ, пока вопросъ объ общинномъ землевладѣніи не подвергнется новому пересмотру *съ точки зрѣнія марксизма*. И я даже напоминалъ своимъ читателямъ о томъ, что вопреки увѣреніямъ народниковъ,—которые искали въ марксизмѣ именно только «Морисоновыхъ пилюль», не замѣчая его метода,—Марксъ нигдѣ не давалъ разъ навсегда готоваго и закостенѣвшаго отвѣта на этотъ вопросъ. Къ сожалѣнію или къ счастью, это мое сдержанное отношеніе къ предмету ничему не помогло и ничего не облегчило. Изъ статьи г. Л. Тихомирова я увидѣлъ, что наши противники не только не понимаютъ его, но и не хотятъ понять, а слѣдовательно и никогда не поймутъ. Поэтому въ «Нашихъ Разногласіяхъ» я заговорилъ уже другимъ языкомъ. Но что и тамъ я не былъ такимъ неуступчивымъ, какимъ меня сочли многіе и многіе читатели, это видно изъ сказаннаго мною тамъ же о «терроризмѣ». Я говорилъ, что мы «нисколько не отрицаемъ важности терростической борьбы, которая естественно выросла изъ нашихъ соціально-политическихъ условій и также

естественно должна способствовать измѣненію ихъ въ лучшую сторону». Въ такомъ же духѣ высказывалась и написанная мною въ концѣ 1883 г. «программа соціальдемократической группы Освобожденія Труда» *). Такъ какъ впослѣдствіи я сталъ, какъ говорятъ у насъ, «отрицать терроръ», то мои противники высказывали ироническое сожалѣніе о томъ, что я не остался при моемъ старомъ взглядѣ на него. Но тутъ они забывали то, чего забывать не слѣдовало. Поскольку у меня въ «Нашихъ Разногласіяхъ» рѣчь шла о рабочихъ кружкахъ и объ «интеллигентахъ», посвящавшихъ имъ *свои* силы, я и тамъ не одобрялъ террора, по той простой причинѣ, что мой предварительный революціонный опытъ показалъ мнѣ, какъ сильно и быстро разстраивается, — благодаря террористическимъ увлеченіямъ дѣятелей, — всякая организаціонная и агитаціонная дѣятельность въ рабочей средѣ. Я и тогда хотѣлъ, чтобы «чаша сія» миновала то, что я называлъ элементами будущей нашей рабочей партіи.

«Есть другіе слои населенія, — говорю я въ этой книгѣ, — которые съ гораздо большимъ удобствомъ могутъ взять на себя террористическую борьбу съ правительствомъ. Но помимо рабочихъ нѣтъ другого такого слоя, который въ рѣшительную минуту могъ бы повалить раненное террористами политическое чудовище».

Но «элементы будущей рабочей партіи» составляли тогда очень мало замѣтное и очень слабое меньшинство въ нашей революціонной средѣ. И не къ нимъ и обращалась моя рѣчь о «терроръ». Она обращалась къ тому *большинству*, которое свысока смотрѣло на «занятія съ рабочими» и видѣло въ «терроръ» самый важный пріемъ борьбы съ царизмомъ. Я прекрасно зналъ, что это большинство, взятое въ

*) Кстати, кто-то, — если не ошибаюсь, Рязановъ, — замѣтилъ, что выраженіе «Освобожденіе *Труда*» не правильно и что слѣдовало сказать: Освобожденіе рабочихъ или рабочаго класса. Это такъ, и это показываетъ, что лицо, сдѣлавшее это замѣчаніе, помнило тождественное замѣчаніе Маркса въ его знаменитыхъ «Glossen» на проектъ программы нѣмецкой соціальдемократической партіи. Но бѣда не очень велика. Въ нѣмецкомъ переводѣ устава интернаціонала, сдѣланномъ, если не самимъ Марксомъ, то, весьма вѣроятно, подъ его редакціей, тоже говорится объ *освобожденіи труда*.

его цѣломъ, никогда не перейдетъ на точку зрѣнія пролетаріата и что, поэтому, если бы оно отказалось отъ увлеченія террором, —на что разсчитывать тоже было тогда совершенно невозможно, —то оно сосредоточило бы свою дѣятельность на совершенно уже безплодныхъ попыткахъ «захватить власть». При такомъ ихъ настроеніи нельзя было не считать «терроръ» наиболѣе производительной затратой силъ *этой части нашей тогдашней «соціалистической» партіи.* При томъ же моя уступчивость на счетъ предмета, по отношенію къ которому неуступчивость была бы во всѣхъ смыслахъ безплодной, позволяла мнѣ ожидать нѣкоторой уступчивости со стороны, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ народовольцевъ по вопросу о марксизмѣ вообще и о «занятіяхъ съ рабочими» въ частности. Стало быть, мнѣ нужно было уступать, и я уступалъ, можно сказать, до послѣдняго предѣла.

Но скоро обстоятельства измѣнились: настроеніе «интеллигентныхъ» революціонеровъ сдѣлалось иное, да къ тому же становилось все болѣе и болѣе очевидно, что и *«ранить»-то* царизмъ сколько нибудь серьезно можетъ *только рабочій классъ*, которому *не удобно* заниматься терроромъ. Вотъ почему я счелъ своимъ политическимъ долгомъ предостеречь нашу нарождавшуюся соціальдемократію отъ «террористическихъ» увлеченій. И я былъ бы очень радъ, если бы меня убѣдили въ томъ, что моя литературная дѣятельность не осталась безъ вліянія съ этой стороны. Но и это не значитъ, что я безусловно «отрицалъ» и «отрицаю терроръ». Повторяю, обстоятельства мѣняются, а терроръ не принципъ. Можетъ быть, скоро придетъ такое время, когда я не менѣе энергично стану высказываться *въ пользу террора*...

«Терроризмъ» *не принципъ*, а только пріемъ борьбы. И когда я стану говорить *за* терроръ, тогда меня, пожалуй, опять упрекнутъ въ противорѣчіи; но тѣ, которые упрекнутъ меня въ немъ, только покажутъ, что они способны усвоивать лишь мои «пилюли», по необходимости измѣняющіяся съ измѣненіемъ обстоятельствъ, —и не могутъ усвоить себѣ тотъ *методъ*, который помогаетъ мнѣ понять *общій историческій смыслъ этихъ обстоятельствъ.*

Впрочемъ, объ этомъ мы поспоримъ, если будетъ нужно, впослѣдствіи, а теперь я хочу замѣтить еще

вотъ что. Есть люди, одновременно упрекающіе меня и за то, что былъ слишкомъ уступчивъ по отношенію къ партіи, «господствовавшей» въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, и за то, что я сталъ спорить съ ней, т. е. за то, что я выказалъ неуступчивость. Такая манера драть съ одного вола двѣ шкуры рѣшительно противорѣчитъ всѣмъ правиламъ логики; лучше держаться какого нибудь одного изъ этихъ двухъ упрековъ.

Если же кого интересуетъ вопросъ о размѣрахъ моей уступчивости (или неуступчивости), то я скажу, что *я ни уступчивъ, ни неуступчивъ*. Я—просто человѣкъ, преслѣдующій извѣстную цѣль и твердо рѣшившійся употреблять для ея достиженія такіе пріемы, которые въ данный моментъ кажутся мнѣ наиболѣе дѣйствительными.

Хочется мнѣ еще напомнить, что тѣ споры, которые намъ, марксистамъ, пришлось вести съ народниками и «субъективистами» въ девяностыхъ годахъ, были въ своей сущности лишь повтореніемъ того спора, который я велъ въ «нелегальной» литературѣ съ г. Л. Тихомировымъ. Позиціи борцовъ остались тѣ же; только арена сдѣлалась шире.

Еще два слова въ заключеніе. Лассаль говоритъ въ своей статьѣ о Лессингѣ: «Всякое революціонированіе внѣшней дѣйствительности само остается внѣшнимъ и теряется въ пескѣ, если духу не удается такъ же справиться съ исторически унаслѣдованнымъ внутреннимъ содержаніемъ, провести свой новый принципъ черезъ всѣ инстанціи и области и всѣ ихъ заново построить на основѣ этого принципа». Съ тѣхъ поръ, какъ я правильно понялъ марксизмъ, я всегда считалъ, что революціонеръ измѣняетъ самому себѣ и своему *«новому принципу»*, если ограничивается однимъ *«внѣшнимъ революціонированіемъ»*. Этимъ и объясняется мое будто-бы излишнее пристрастіе къ *полемикѣ*, этимъ объясняется также мой «догматизмъ», заставляющій меня рѣшительно возставать противъ всякихъ попытокъ *«соединить Маркса»* съ тѣмъ или другимъ изъ *идеологовъ буржуазіи* или изъ *соціалистовъ-утопистовъ*.

Г. Плехановъ.

Флюэленъ.
26 августа 1905 года.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1878-1883 гг.

1878 г.

Корреспонденціи *)

Каменская станица.

Вся русская исторія представляетъ не что иное, какъ непрерывную борьбу государственности съ автономными стремленіями общины и личности. Борьба эта тянется красною нитью черезъ все 1000-лѣтнее существованіе русскаго государства, принимаетъ самыя различныя формы — отъ возстанія Стеньки и Пугачева до возведенія бѣгства отъ властей и полнаго отрицанія государственности въ религіозный догматъ. Эта борьба на жизнь и смерть между двумя противоположными принципами отнюдь не прекращается и въ настоящее время. Удалось ли государству внушить крестьянину другія привычки, другія стремленія, можно ли опираться революціонной партіи на эти, повидимому, задавленныя стремленія къ автономіи общины и личности — это вопросъ другой; я же въ настоящемъ письмѣ хочу только описать одинъ изъ эпизодовъ этой борьбы — эпизодъ, имѣющій тѣмъ большій интересъ для читателя, что онъ совершается на нашихъ глазахъ. Я говорю о волненіяхъ донскихъ казаковъ, по поводу введенія новыхъ правилъ пользованія общественными лѣсами. Правила эти состоятъ въ слѣдующемъ. Лѣсъ дѣлится большими просѣками на 30 равныхъ участковъ. Рубка можетъ происходить ежегодно только въ одномъ изъ нихъ. Воспрещается пасти въ лѣсу скотъ. Вводится правильный сборъ лѣсныхъ плодовъ. Каждый казакъ имѣетъ право только на опредѣленное количество лѣса, между тѣмъ какъ до сихъ поръ каждый казакъ пользовался всѣмъ, «куда топоръ и коса ходили». Недовѣріе казаковъ, какъ и

*) Эти корреспонденціи были напечатаны впервые въ № 2 «Земля и Воля», вышедшемъ 15 декабря 1878 г.

всего народа, къ его земскимъ опекунамъ таково, что вопросъ о томъ, цѣлесообразны или нѣтъ предлагаемыя мѣры, вовсе и не поднимался, и только тѣ станицы, въ которыхъ преобладали степные хутора, согласились подписать приговоръ объ отдачѣ лѣса подъ земскую опеку, лѣсныя же — почти всѣ протестовали.

Особенно упорно держалась и держится Луганская стан. Донецкаго округа. Эта станица со своими хуторами окружена со всѣхъ сторонъ лѣсами. Удобныя мѣста для пастьбы скота отстоятъ верстъ на 15 отъ нея, и, разумѣется, гонять скотъ такъ далеко очень неудобно, особенно, когда грозитъ еще перспектива постоянныхъ штрафовъ. «Вышла свинья за ворота — она ужъ въ лѣсу: вотъ тебѣ и потрава!» — говорятъ казаки, и всякій знакомый съ мѣстностью вполнѣ согласится съ ними. Но не одни только эти неудобства заставляютъ протестовать противъ отдачи лѣса. Вѣковое недовѣріе народа къ правительству таково, что вслѣдъ за извѣстіемъ объ «отнятіи» лѣсовъ пошли толки о томъ, что тамъ де пойдутъ отбирать озера, а послѣ «хоть ложись да помирай».

Одна казачка на станичномъ сборѣ, даже сравнила земство съ парнемъ, который сулитъ дѣвкѣ золотыя горы, покуда не добьется своего, а потомъ кругомъ обманываетъ ее.

Казаки, назначенные атаманомъ прокладывать просѣки въ лѣсу, отказались, по желанію всей Луганской станицы, выйти на работу. Изъ Черкасска наѣхало разное начальство, въ томъ числѣ какой-то генералъ, который хвастался передъ казаками, что усмирялъ въ 61 г. бунтовавшихъ крестьянъ. «Мы тебѣ не мужики!» — отвѣчали на это казаки. На одномъ изъ сборовъ, урядники, по приказанію начальства, стали было записывать наиболѣе возставшихъ противъ отдачи лѣса. Но это замѣтили казачки, которыя вообще очень интересуются общественными дѣлами, — кинулись на урядниковъ и принялись ихъ бить на глазахъ у начальства, которое бросилось бѣжать изъ станичнаго правленія.

Началось было слѣдствіе по этому дѣлу, но станица заявила, что «били всѣ». Нѣсколько разъ потомъ приказывали казакамъ выѣзжать для рубки просѣкъ въ лѣсу, и ни разу они не послушались.

Приказано было собрать новый сходъ; но едва

кончилась обѣдня, и атаманъ вышелъ изъ церкви, какъ его окружила толпа казаковъ, послышались ругательства и угрозы, которыя едва не перешли въ дѣйствіе. Атаманъ немедленно же отказался отъ должности и сходъ не могъ состояться. Потомъ казаки отправились къ квартирѣ землемѣра, назначеннаго для межеванія лѣса и проживавшаго въ станицѣ, и грозились убить его, если онъ не уѣдетъ. Прошло нѣсколько дней. Ночью, когда вся станица уже спала, кто-то выстрѣлилъ въ окно хаты, занимаемой землемѣромъ. Хотя онъ не былъ даже раненъ, но переполохъ былъ чрезвычайный. Утромъ землемѣръ поспѣшилъ уѣхать изъ Лугани, а за нимъ и храбрый военачальникъ, усмирявшій въ 61 году крестьянъ. Этотъ послѣдній, еще наканунѣ хвалившійся, что онъ, хоть тридцать лѣтъ проживетъ въ станицѣ, а поставитъ на своемъ, такъ струсилъ. что не рѣшился удирать безъ конвоя.

Все начальство засѣло въ Митякинской станицѣ, въ 25 верстъ отъ Лугани, и оттуда требовало на судъ тѣхъ казаковъ, которые отказались дѣлать просѣки въ лѣсу. Послѣдніе не ѣхали, а требовали, чтобы судъ самъ ѣхалъ къ нимъ. А пока тянулась между ними переписка, въ Луганской станицѣ шло слѣдствіе по дѣлу «о покушеніи на жизнь таксатора». Подозрѣвали сначала нѣсколькихъ казаковъ—одинъ былъ даже арестованъ—но потомъ оказалось, что въ ночь, когда было сдѣлано покушеніе, онъ былъ на одномъ изъ хуторовъ. Стали валить все на какихъ-то темныхъ личностей. которыя жили предъ тѣмъ въ станицѣ, бывали даже на сходахъ и подстрекали будто бы казаковъ къ бунту. Стали розыскивать этихъ таинственныхъ посѣтителей, но оказалось, что ихъ и слѣдъ простылъ. Все дѣло было свалено на нигилистовъ.

Къ выстрѣлу населеніе относится сочувственно и жалѣетъ только, что таксаторъ не былъ убитъ. Между тѣмъ, казаки, которыхъ требовали на судъ по дѣлу о неповиновеніи распоряженіямъ атамана, рѣшились ѣхать: какой-то смѣльчакъ уговорилъ другихъ, что имъ-де и тамъ ничего не посмѣютъ сдѣлать. Но когда они явились въ Каменскую станицу, главную въ Донецкомъ округѣ, — всѣхъ ихъ (30 чел.) арестовали и посадили въ острогъ. Но это только подлило масла въ огонь: между казаками пошли толки о томъ, чтобы не платить совсѣмъ земскихъ и страховыхъ (штрахо-

выхъ, какъ они называютъ) денегъ. Они стали обвинять атамана въ предательствѣ и грозились убить его. Казаковъ пугаютъ военной экзекуціей, а они говорятъ, что «примутъ ее въ пики». Поднялся вопросъ: стоитъ ли давать землю (паекъ въ 200 дес.) тѣмъ изъ офицеровъ, которые особенно энергично «усмиряли» казаковъ.

Чѣмъ все это кончится — неизвѣстно; одно только можно сказать, что волненіе не ограничивается одной Луганской станицей. Въ остальныхъ станицахъ того же округа, напр., въ Гундеровской, казаки хотя и не гонятъ таксатора, но владѣть лѣсами собираются по старому, и приговоръ подписали только «господа», т. е. офицеры, «чернь» же — простые казаки — противится ему.

Вообще, какъ бы ни было различно сопротивленіе, недовольство вездѣ одинаково сильно. Припоминаются какія-то предсказанія «стариковъ», которые давно говорили, что придетъ время, когда будутъ стѣснять казаковъ, когда у нихъ отберутъ всѣ угодья, и тогда произойдутъ на тихомъ Дону смуты, и будетъ кровопролитіе.

И теперь уже казаки другихъ станицъ начинаютъ съ завистью, смѣшанной съ уваженіемъ, смотрѣть на луганцевъ. «Вѣдь у насъ какой народъ-то: имъ-бы, какъ луганцамъ, гнать таксатора, а они уперлись, что не отдадутъ лѣсу, да и только; а таксаторъ вонъ уже просѣкъ въ лѣсу надѣлалъ», говорила мнѣ одна хуторская казачка.

До сихъ поръ, я разсказывалъ вамъ о событіяхъ, которыхъ, или былъ очевидцемъ, или знаю отъ вѣрныхъ людей. Что же касается до слуховъ, то говорятъ, что въ Слонской Станицѣ, Усть-Медвѣдицкаго, если не ошибаюсь, округа, за таксаторомъ, выѣхавшимъ дѣлать въ лѣсу просѣки, бѣгали казаки съ шашками, такъ что онъ едва спасся. Волнуются и въ Урюпинской станицѣ, волнуются въ Усть-Медвѣдицкой, Казанской и Раскольницкой. До сихъ поръ казаки воображаютъ, что стоятъ на легальной почвѣ. «Мы своей кровью завоевали эти мѣста, говорятъ они, кто же можетъ отобрать ихъ у насъ? Когда государь былъ на Дону, онъ прямо сказалъ, что у насъ останется все по старому».

Теперь, къ осени, стали возвращаться казаки съ войны и, понятно, встрѣтятъ далеко не съ радостью эту новую «царскую милость».

Интересно здѣсь особенно то, что казаки Донецкаго округа, гдѣ волненіе приняло самые большіе размѣры, составляли 3-й Орлова полкъ, имѣющій самое большое число георгіевскихъ кавалеровъ и отличившійся въ забалканскомъ походѣ. Эти герои возвращались домой и безъ того сильно раздраженные мошенничествомъ ихъ полковаго командира, полковн. Грекова, замѣнившаго Орлова. По разсказамъ казаковъ, онъ не выдавалъ имъ совсѣмъ фуражу для лошадей, между тѣмъ, какъ самъ получалъ по $2^1/_2$ руб. за каждый пудъ сѣна, которое онъ, будто бы выдавалъ лошадямъ. На возвратномъ пути, при посадкѣ на желѣзную дорогу, казаки, если вѣрить ихъ разсказамъ, «приняли его въ нагайки»». Послѣ этого скандала, былъ вызванъ прежній командиръ полка, Орловъ который и взялся умиротворить казаковъ. На площади въ нашей станицѣ происходилъ публичный торгъ казаковъ съ Орловымъ. Онъ предложилъ казакамъ 7.000 руб. съ тѣмъ, чтобы они прекратили всякое неудовольствіе на Грекова. Казаки насчитали, что онъ укралъ у нихъ 200.000, и требовали ихъ сполна, грозя въ противномъ случаѣ подать жалобу. Въ концѣ концовъ согласились на 25.000 руб., по рублю на водку каждому казаку и по 25 рублей на сотню для угощенія. Послѣ этого публичнаго скандала, они разошлись по домамъ и, разумѣется. только усилятъ собою контингентъ недовольныхъ правительствомъ.

Съ Новой Бумагопрядильни. Читатели помнятъ стачку на Новой Бумагопрядильнѣ, что на Обводномъ каналѣ, стачку, надѣлавшую столько шуму въ Петербургѣ и провинціальныхъ городахъ. Въ настоящее время на той же фабрикѣ случилось слѣдующее, не лишенное интереса происшествіе. 8 ноября (Михайловъ день) рабочіе этой фабрики не явились на работу, мотивируя свое отсутствіе тѣмъ, что, дескать,—праздникъ, работать грѣхъ; между тѣмъ на остальныхъ фабрикахъ работа шла своимъ чередомъ, и такъ какъ каждый рабочій день 2000 чел. приноситъ очень значительный барышъ гг. хозяевамъ Нов. Бум., то естественно, что такое воздержаніе пришлось имъ очень не по вкусу. Чтобы вознаградить себя гг. хозяева

рѣшили увеличить рабочій день съ 13 час. (отъ 5 ч. утра до 8 ч. вечера, съ вычетомъ 1 час. на ѣду), какъ это было до сихъ поръ, до $13^1/_4$ и продолжать на этихъ условіяхъ, пока изъ этихъ кусочковъ времени не составится полный рабочій день.

Два дня на фабрикѣ работа продолжалась до $8^1/_4$ час., возбуждая общее неудовольствіе рабочихъ; но на третій день кому-то пришло въ голову завернуть главный газопроводный кранъ въ 8 час. и такимъ образомъ прекратить работу. Какъ только кранъ былъ завернутъ, рабочіе подняли крикъ, начали бить стекла, портить основу (испорчено 9 основъ) и густой толпой повалили съ фабрики. Вѣрный союзникъ отечественной промышленности, полиція не успѣла на этотъ разъ явиться во время для возстановленія «тишины и порядка», но за то на другой день послѣ этого происшествія на фабрику явилась цѣлая масса охранителей, и до сихъ поръ работа продолжается въ ихъ присутствіи, хотя уже не до $8^1/_4$, а только до 8 час.

Началась разборка: кто потушилъ, не видалъ-ли кто, кто могъ это сдѣлать? Человѣкъ 7 рабочихъ таскали въ участокъ, но они отвѣчали, что ничего не знаютъ. Приставъ (тотъ самый, что во время стачки, уговаривая рабочихъ идти на работу, угощалъ ихъ апельсинами и поилъ ихъ водкой) горячился и кричалъ, что онъ «ушлетъ ихъ въ Архангельскую губ.» (!), но и это не помогло. Одна женщина, которая работала недалеко отъ крана, будучи спрошена, показала, что какой-то человѣкъ съ лицомъ, завязаннымъ передникомъ, влѣзъ на лѣстницу и затворилъ кранъ. Такъ и до сихъ поръ неизвѣстно, кто потушилъ газъ, хотя полиція употребляетъ всѣ усилія для розысканія виновнаго, и фабрика кишитъ полицейскими.

1879 г.

Законъ экономическаго развитія общества и задачи соціализма въ Россіи. *)

«Основная задача соціально-революціонной партіи—установить на развалинахъ теперешняго государственно-буржуазнаго порядка такой общественный строй, который, удовлетворяя требованіямъ народа въ томъ видѣ, какъ они выразились въ мелкихъ и крупныхъ народныхъ движеніяхъ и повсемѣстно присущи народному сознанію,—составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ справедливѣйшую форму общественной организаціи». (См. «рѣчь Мышкина»).

Было время, когда творить соціальные перевороты считалось дѣломъ сравнительно очень нетруднымъ. Стоило устроить заговоръ, захватить въ свои руки власть и затѣмъ обрушиться на головы своихъ подданныхъ рядомъ благодѣтельныхъ декретовъ. Человѣчество считали способнымъ «познать по приказанію начальства» и провести въ жизнь любую истину. Такое воззрѣніе свойственно было, впрочемъ, не однимъ революціонерамъ. Оно вытекало изъ общаго взгляда на соціальныя явленія, по которому всѣ они обусловливаются волею одного или нѣсколькихъ лицъ, держащихъ «кормило правленія». Въ исторіи каждаго народа можно насчитать нѣсколько болѣе или менѣе эксцентричныхъ законодателей, мечтавшихъ перестроить страну по планамъ, выдуманнымъ въ ихъ кабинетахъ и санкціонированнымъ ихъ властью. Это было время теологическаго періода въ развитіи соціологіи. Какъ въ природѣ, во время господства этого періода въ естествознаніи, всѣ явленія объяснялись волею одного или нѣсколькихъ божествъ, такъ и въ обществѣ, ходъ его развитія предполагался зависящимъ исключительно отъ вліянія законодательной власти.

Развитіе болѣе правильныхъ взглядовъ на соціальныя явленія необходимо должно было вытѣснить вышеупомянутыя теоріи общественнаго обновленія, и

*) № 3 «Земля и Воля», 15-го Января 1879 г.

только небольшая кучка революціонеровъ держится ихъ въ настоящее время.

Когда убѣдились, что исторія создается взаимодѣйствіемъ народа и правительства, причемъ за народомъ остается гораздо большая доля вліянія, — большинство революціонеровъ перестало мечтать о захватѣ власти. Они поняли, что перевороты бываютъ гораздо болѣе прочными, когда они идутъ снизу. И вотъ явилось множество разработанныхъ до мельчайшихъ деталей соціальныхъ системъ, которыя предполагалось пропагандировать въ массѣ, чтобы такимъ образомъ подготовить ее къ желательному для революціонеровъ соціальному перевороту.

«Соціалистическіе писатели 30-хъ и 40-хъ годовъ — говоритъ одинъ изъ талантливѣйшихъ учениковъ и популяризаторовъ Маркса — составили, какъ извѣстно, громаднѣйшее множество плановъ желательнаго въ интересахъ большинства народонаселенія кооперативнаго устройства будущаго общества. При этомъ, естественно предполагалось, что люди могутъ по собственному желанію ввести въ употребленіе какую имъ угодно форму сочетанія труда, лишь бы она казалась имъ выгодною и разумною.»

Поскольку эти взляды обусловливали собою измѣненіе старой формулы революціонеровъ «все для народа» въ томъ смыслѣ, что все должно быть сдѣлано посредствомъ народа, — они были шагомъ впередъ въ воззрѣніяхъ соціалистовъ, но и они не отводили надлежащаго мѣста законамъ общественнаго развитія. «Забывали — говоритъ далѣе цитированный нами писатель — что форму общественнаго строя нельзя придумать, нельзя и воротить назадъ, какъ невозможно перескочить изъ ремесла, помимо мануфактуры, въ фабрику, и изъ фабрики въ мануфактуру. Форма эта дается самой жизнью»- А на жизнь-то соціалисты 30-хъ и 40-хъ годовъ не обратили вниманія. Придуманная ими форма общежитія считалась годною для общества, какова бы ни была его экономическая исторія: они не знали предѣловъ своей реформаторской фантазіи. Метафизическая сущность — пропаганда считалась способною измѣнять по произволу ходъ исторіи. Мысль считалась всѣмъ, жизнь — ничѣмъ. Серьезное вниманіе на тѣ элементы соціальныхъ переворотовъ, которые составляютъ результатъ предшест-

вующей жизни общества, соціалисты обратили очень недавно.

Родбертусъ, Энгельсъ, Карлъ Марксъ, Дюрингъ образуютъ блестящую плеяду представителей позитивнаго періода въ развитіи соціализма. У автора «Капитала» соціализмъ является самъ собою изъ хода экономическаго развитія западно-европейскихъ обществъ. Марксъ указываетъ намъ, какъ сама жизнь намѣчаетъ необходимыя реформы общественной кооперації страны, какъ самая форма производства предрасполагаетъ умы массъ къ принятію соціалистическихъ ученій, которыя до тѣхъ поръ, пока не существовало этой необходимой подготовки, были безсильны не только совершить переворотъ, но и создать болѣе или менѣе значительную партію. Онъ показываетъ намъ, когда, въ какихъ формахъ и въ какихъ предѣлахъ соціалистическая пропаганда можетъ считаться производительною тратою силъ. «Когда какое-нибудь общество напало на слѣдъ естественнаго закона своего развитія, — говоритъ онъ — оно не въ состояніи ни перескочить черезъ естественныя формы своего развитія, ни отмѣнить ихъ при помощи декрета; но оно можетъ облегчить и сократить мученія родовъ.» Вліянію пропаганды онъ указываетъ, такимъ образомъ, предѣлы въ экономической исторіи общества. Дюрингъ, признавая вполнѣ вліяніе личностей на ходъ общественнаго развитія, прибавляетъ, что дѣятельность личности должна имѣть «широкую подкладку въ настроеніи массъ».

Казалось бы, что научное обоснованіе соціализма ничего, кромѣ пользы, для него принести не можетъ. На дѣлѣ вышло не такъ. Самъ Марксъ не предвидѣлъ, вѣроятно, какіе выводы сдѣлаютъ изъ его ученія люди, которымъ нужно, во что бы то ни стало, поддержать существующій порядокъ вещей. Мы говоримъ о выводахъ, которые дѣлаютъ изъ его ученія наши либеральные публицисты. «Въ Россіи соціализмъ! — восклицаютъ они — да самъ ересіархъ Марксъ не подписалъ бы ему permis de séjour въ нашемъ отечествѣ Вѣдь онъ признаетъ, что соціалистическая продукція должна развиться изъ капиталистической, и было время въ западной Европѣ, когда останавливать развитіе зарождавшагося капитала значило поворачивать назадъ колесо исторіи; вотъ почему Лассаль называетъ кре-

стьянскія войны въ Германіи реакціонными. Россію нельзя еще назвать страной капиталистической продукціи въ томъ смыслѣ, какой придаетъ этому слову Марксъ. Капиталистическое производство требуетъ для своего развитія образованія класса «свободныхъ отъ всего» и «вольныхъ какъ птица» пролетаріевъ, а у насъ никакого обезземеленія мужиковъ не было; напротивъ, наши крестьяне освобождены съ землей, и крестьянская община служитъ лучшимъ оплотомъ противъ развитія русскаго пролетаріата, Россія застрахована отъ язвы соціализма (блаженъ, кто вѣруетъ!). Законъ смѣны экономическихъ фазисовъ — есть общій законъ для всякаго общества, и если нашимъ теоріямъ и суждено когда-нибудь осуществиться, если соціалистическую пропаганду и можно считать раціональной на Западѣ, то въ Россіи она и по Марксу несвоевременна!» — Поэтому, — доскажемъ мы недосказанное въ писаніяхъ нашихъ оппонентовъ — задача русскихъ послѣдователей Маркса заключается въ томъ, чтобы покровительствовать развитію отечественной промышленности, измѣнить вѣковымъ традиціямъ своего народа и обезземеливать его, утѣшаясь сознаніемъ того, что все это необходимо для развитія соціализма въ Россіи.

Что касается до русскихъ либераловъ, то имъ къ подобной двойственности не привыкать стать: извѣстно, что они издавна имѣли одну мѣрку для Запада, другую для Россіи; что сочувствуя расширенію правъ человѣка въ Европѣ, они пѣли панегирики расширенію правъ квартальныхъ надзирателей у себя дома. Наши вольтеріанцы бывали нерѣдко самыми ярыми крѣпостниками; либеральный другъ энциклопедистовъ — Екатерина II — крестьянскими душами платила за свои египетскія ночи. Еще Денисъ Давыдовъ воспѣвалъ эту двойственность въ стихѣ:

А глядишь — нашъ Лафаетъ,
Брутъ или Фабриціи
Мужиковъ подъ прессъ кладетъ
Вмѣстѣ съ свекловицей.

Но такія вещи могутъ продѣлывать только люди, у которыхъ искренняго отношенія къ проповѣдуемымъ ими убѣжденіямъ ровно столько же, сколько его было у римскихъ авгуровъ временъ Имперіи или сколько

его есть у русскихъ либераловъ временъ Александра II. Соціалистамъ же, доказавшимъ не одинъ разъ, что они не отдѣляютъ слова отъ дѣла, класть мужика подъ усовершенствованный прессъ капиталистическаго производства — вовсе не къ лицу.

Посмотримъ же, къ чему обязываетъ насъ ученіе Маркса, тѣмъ болѣе, что это будетъ очень полезно намъ въ виду необходимости установить исходные пункты нашей программы.

Общество не можетъ перескочить черезъ естественныя фазы «своего развитія, *когда оно напало на слѣдъ естественнаго закона своего развитія*», говоритъ Марксъ. Значитъ, покуда общество не нападало еще на слѣдъ этого закона, обусловливаемая этимъ послѣднимъ смѣна экономическихъ фазисовъ для него не обязательна.

Естественно возникаетъ вопросъ: когда же западно-европейскія общества — служившія объектомъ наблюденія для Маркса—напали на этотъ роковой слѣдъ? Намъ кажется, что это случилось именно тогда, когда пала западно-европейская община. Извѣстно, что она разрушилась еще въ борьбѣ съ средневѣковымъ феодализмомъ. На мѣсто общинаго принципа, съ его правомъ на землю каждаго гражданина, сталъ сначала тотъ феодальный принципъ, что право на землю дается только рожденіемъ, затѣмъ буржуазный принципъ — что землею можетъ владѣть всякій, кто въ состояніи заплатить за нее деньги.

Самый серьезный кризисъ западно-европейскія общества пережили именно тогда, когда разрушеніе общины видоизмѣнило типъ земельныхъ отношеній въ народѣ. Чѣмъ обусловилось паденіе западно-европейской общины — для насъ теперь не важно; мы констатируемъ только фактъ замѣщенія индивидуализмомъ общиннаго принципа. Постепенно развиваясь, индивидуализмъ, по внутренней необходимости, долженъ былъ подкопать феодализмъ, съ помощью нарождавшагося капитала, научныхъ открытій и изобрѣтеній.

Феодализмъ дѣйствительно палъ подъ соединенными ударами своихъ могучихъ противниковъ; но не надо забывать, что «духъ, сообщившій этому движенію жизнь, одушевлявшій эти открытія,—былъ духъ личности, индивидуализма... Этотъ принципъ нашелъ свое политическое воплощеніе и произвелъ общественныя

потрясенія — американскую революцію и французскій переворотъ» (Дрэперъ). Войдя всецѣло въ жизнь западно-европейскихъ народовъ, пропитавши собою всѣ взаимныя отношенія людей, онъ, естественно, могъ погибнуть только вслѣдствіе въ немъ самомъ заключавшихся противорѣчій; а эти послѣднія могли выказаться во всей своей силѣ только въ капиталистической продукціи. Сплачивая большія массы рабочихъ на фабрикахъ, создавая общіе имъ всѣмъ интересы, пріучая ихъ къ той «соціализаціи труда», на которую указываетъ Марксъ, однимъ словомъ, воспитывая въ людяхъ соціальныя привычки, которыя были забиты со времени паденія общины, индивидуализмъ рылъ самъ себѣ могилу, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что соціализмъ встрѣчаетъ такой радушный пріемъ въ мѣстностяхъ крупнаго машиннаго производства. Понятно поэтому все значеніе капитализма—этой крайней формы воплощенія индивидуализма — въ дѣлѣ подготовленія умовъ рабочихъ массъ къ воспріятію соціалистическихъ ученій. Въ обществѣ, построенномъ на принципѣ индивидуализма, но въ которомъ не существуетъ соціализаціи труда на фабрикахъ и крупная промышленность не создаетъ общихъ интересовъ рабочихъ массъ, соціализмъ необходимо долженъ былъ встрѣтить гораздо болѣе холодный пріемъ. Различныя соціалистическія «утопіи» появлялись и въ средніе вѣка, но тогда соціализмъ былъ исповѣдуемъ отдѣльными личностями, въ лучшихъ случаяхъ создавалъ религіозно-коммунистическія секты; массовымъ же движеніемъ онъ сталъ только теперь, въ классическое время капитализма, когда самою техникою производства люди обязываются къ коллективизму: владѣть и работать машиной одному нѣтъ никакой возможности, и рабочіе должны владѣть ею сообща, если не желаютъ оставаться въ вѣчной зависимости отъ фабриканта.

Теперь намъ понятно, почему западно-европейскія общества не могли ни «перескочить черезъ естественныя фазы своего развитія, ни измѣнить ихъ помощью декрета». Общественныя привычки не могутъ быть измѣнены указомъ, точно такъ же, какъ не могутъ дѣлать скачковъ. Измѣненіе ихъ обусловливается постепеннымъ накопленіемъ самыхъ незначительныхъ видоизмѣненій.

Намъ понятна также роль капитализма въ дѣлѣ постепеннаго сплоченія рабочихъ массъ. На Западѣ онъ дѣйствительно былъ естественнымъ предшественникомъ соціализма; но мы полагаемъ, что ходъ развитія соціализма на Западѣ былъ бы совершенно иной, если бы община не пала тамъ преждевременно. Самъ принципъ общественнаго землевладѣнія не носитъ въ себѣ того неизгладимаго противорѣчія, какимъ страдаетъ, положимъ индивидуализмъ, поэтому онъ не носитъ въ себѣ самомъ элементовъ своей погибели. Намъ могутъ сказать, что противорѣчіе принципа первобытной общины заключалось въ томъ, что дальше своихъ предѣловъ она ничего не видѣла, что она конкурировала со всѣми другими общинами. Но мы возразимъ, что это было скорѣе въ родовомъ, чѣмъ въ первобытно-общинномъ бытѣ. Чтобы не далеко ходить за примѣромъ, мы укажемъ хоть на донскихъ казаковъ, у которыхъ земля находится во владѣніи отдѣльныхъ общинъ, но каждый членъ ихъ считается вмѣстѣ съ тѣмъ членомъ всей казацкой области; поэтому онъ можетъ переходить изъ общины въ общину, въ каждой изъ нихъ имѣя право на надѣлъ. И такая земельная и областная федерація общинъ мыслима въ любой странѣ, гдѣ общинный принципъ не искаженъ противоположными ему вліяніями. Точно также возможность общинной обработки земли доказывается тѣмъ, что, даже при теперешнихъ условіяхъ, эта общинная обработка существуетъ въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ общинахъ. Факты эти крайне немногочисленны, но для доказательства того, что общинное владѣніе землею, какъ оно практикуется въ первобытной общинѣ, нисколько не мѣшаетъ коллективной обработкѣ земли, достаточно было бы и одного факта съ тѣмъ условіемъ, конечно, чтобы онъ не былъ созданъ искусственно. Итакъ, въ принципѣ первобытной общины, какъ она существуетъ, положимъ, въ Россіи, мы не видимъ никакихъ противорѣчій, которыя осуждали бы ее на гибель.

Поэтому пока за земельную общину держится большинство нашего крестьянства, мы не можемъ считать наше отечество ступившимъ на путь того закона, по которому капиталистичекая продукція была бы необходимою станціею на пути его прогресса. Тенденція этого закона будетъ заключаться, напротивъ, въ пониженіи

уровня соціальныхъ чувствъ нашего народа, между тѣмъ какъ на Западѣ онъ былъ когда-то явленіемъ дѣйствительно прогрессивнымъ.

Откуда же эта разница въ оцѣнкѣ значенія одной и той же формы кооперації?—спроситъ, быть можетъ, читатель. Не то ли это самое въ чемъ упрекаете вы либераловъ? — Но вопросъ идетъ не о томъ, хороша или дурна форма капиталистической продукціи сама по себѣ, а о томъ, какую форму кооперації она замѣнила собою. Если замѣненная ею форма общежитія была низшаго типа сравнительно съ нею — общество прогрессировало; если же капитализмъ водворился въ обществѣ, построенномъ на болѣе справедливомъ принципѣ — въ общественномъ развитіи былъ сдѣланъ понятный шагъ.

Посмотримъ же теперь, какъ развился капитализмъ на Западѣ и какъ онъ можетъ развиться у насъ. Въ первомъ случаѣ онъ являлся на смѣну кооперації, хотя и отличной отъ него, но построенной на томъ же принципѣ индивидуализма (мы говоримъ о мануфактурѣ), поэтому «*соціализація труда*» крупной промышленностью была положительнымъ пріобрѣтеніемъ для соціальныхъ привычекъ народныхъ массъ. У насъ же капитализмъ вытѣснитъ собою поземельную общину, т. е. такую форму кооперації, которая построена на гораздо болѣе высокомъ принципѣ. И никакая «соціализація труда» на фабрикахъ не вознаградитъ того положительнаго упадка соціальныхъ чувствъ и привычекъ, который произойдетъ вслѣдствіе этого радикальнаго измѣненія въ отношеніяхъ народныхъ массъ къ ихъ главному орудію труда—землѣ.

Вообще, исторія вовсе не есть однообразный механическій процессъ. Да и самъ Карлъ Марксъ не принадлежитъ, сколько намъ извѣстно, къ числу людей, охотно укладывающихъ человѣчество на Прокрустово ложе «общихъ законовъ». Возражая Мальтусу по поводу его «Опыта о народонаселеніи», онъ говоритъ, что абстрактные законы размноженія существуютъ только для животныхъ и растеній. Было бы очень непослѣдовательно съ его стороны отрицать существованіе «абстрактныхъ законовъ» въ вопросѣ о размноженіи человѣчества и признавать ихъ въ несравненно болѣе сложныхъ и запутанныхъ явленіяхъ развитія человѣческихъ обществъ. Выражаясь строже, надо сказать, что общіе законы соціальной динамики сущест-

вуютъ, но, переплетаясь и комбинируясь различно въ различныхъ обществахъ, они даютъ совершенно несходные результаты; точно такъ же, какъ одни и тѣ же законы тяготѣнія даютъ въ одномъ случаѣ эллиптическую орбиту планеты, въ другомъ—параболическую орбиту кометы.

Итакъ, мы не видимъ основательности въ тѣхъ соображеніяхъ, въ силу которыхъ заключаютъ, что Россія *не можетъ* миновать капиталистической продукціи. Поэтому, соціалистическую агитацію въ Россіи мы не можемъ считать преждевременной. Напротивъ, мы думаемъ, что теперь она своевременнѣе, чѣмъ когда-либо, только ея исходная точка и практическія задачи не тѣ, что на Западѣ. Основанія для этой разницы въ революціонныхъ пріемахъ при поверхностномъ взглядѣ могутъ показаться, незаслуживающими особеннаго вниманія; но мы думаемъ, что много «разочарованій» было бы избѣгнуто, много напрасно затраченныхъ силъ получило бы должное приложеніе, если бы это различіе въ задачахъ русскихъ и западноевропейскихъ соціалистовъ было выяснено раньше.

Въ чемъ же дѣло?

Задачи соціально-революціонной партіи не могутъ быть тождественны въ двухъ обществахъ, экономическая исторія, современныя формы общественныхъ отношеній которыхъ представляютъ очень рѣзкую разницу. Если мы не хотимъ вернуться къ метафизическому соціализму 30-хъ годовъ, мы должны признать, что максимумъ необходимыхъ и возможныхъ соціальныхъ реформъ опредѣляется формою землевладѣнія и техникою земледѣлія, если рѣчь идетъ о странѣ земледѣльческой,—формами и техникой промышленности, если говоримъ о странѣ, въ которой преобладаетъ обрабатывающая и добывающая промышленность.

Поясникъ нашу мысль примѣромъ. Возмемъ два общества, положимъ, по 50 человѣкъ. Одно изъ нихъ пусть состоитъ изъ рабочихъ ткацкой фабрики, гдѣ каждый станокъ составляетъ часть одной паровой машины. Если этимъ фабричнымъ рабочимъ надоѣстъ работать на хозяина, то, какъ мы уже говорили выше, никакого другого способа владѣнія этой машиной, кромѣ коллективнаго, имъ и придумать невозможно. Поэтому соціально-революціонная агитація на этой фабрикѣ *можетъ и должна* выставить на своемъ зна-

мени принципъ коллективнаго владѣнія орудіями труда: техника производства создаетъ необходимую для этого коллективизма подготовку въ умахъ и характерахъ рабочихъ. Допустимъ теперь, что другіе 50 человѣкъ составляютъ деревенскую общину. Пусть въ этой общинѣ практикуется экстенсивная культура земли. Самое употребительное при такой обработкѣ земледѣльческое орудіе—соха, съ которою, какъ извѣстно, можетъ съ удобствомъ управляться одинъ рабочій. Если эта община подвержена экономической эксплуатаціи со стороны государства или сосѣдняго крупнаго землевладѣльца, то насущною задачею революціонера будетъ устраненіе этихъ мѣшающихъ благосостоянію и дальнѣйшему развитію общины враждебныхъ вліяній; пропаганда же коллективнаго труда станетъ на очереди при замѣнѣ экстенсивной культуры земли интенсивною и первобытныхъ сохъ орудіями, по самой природѣ своей требующихъ кооперації всѣхъ или нѣсколькихъ членовъ общины. Когда эта община, увидитъ необходимость завести, положимъ, паровой плугъ, то пропаганда коллективнаго владѣнія этимъ плугомъ будетъ несомнѣнно успѣшна. «L'humanité agit avant de raisonner son action», и тѣ или другія формы общественныхъ отношеній устанавливаются не «общественнымъ договоромъ», а экономическою необходимостью; роковая ошибка соціалистовъ 30-хъ годовъ, заключалась не въ планахъ ихъ, разсматриваемыхъ безотносительно, а въ томъ, что эти реформаторскіе планы совершенно игнорировали формы современной намъ кооперації.

Искреннихъ и безкорыстныхъ друзей человѣчества всегда и вездѣ было очень и очень мало; тѣмъ съ большей осмотрительностью должны они браться за практитескую дѣятельность; тѣмъ строже должны они держаться правила: прикладывать свои силы только тамъ и тогда — гдѣ и когда онѣ принесутъ наибольшую пользу.

Желательныя соціалистамъ формы общественныхъ отношеній—коллективное владѣніе землею и орудіями труда — еще не имѣютъ практическаго приложенія на Западѣ. Въ формахъ капиталистической продукціи существуетъ только намекъ на нихъ. Поэтому задачи соціально-революціонной партіи заключаются въ обобщеніи этихъ элементовъ общественнаго обновленія, возведеніи ихъ въ стройную систему и въ пропагандѣ въ массахъ.

Способъ капиталистической продукціи таковъ, что пропаганда коллективнаго труда имѣетъ столько же прецедентовъ въ техникѣ производства, какъ и пропаганда коллективизма владѣнія; даже болѣе: воспріимчивость массъ къ этой послѣдней идеѣ развивалась именно изъ факта коллективнаго труда и только изъ него.

Въ нашемъ отечествѣ дѣло обстоитъ не такъ Россія—страна, въ которой земледѣльческое населеніе составляетъ громадное большинство. Промышленныхъ рабочихъ въ ней едва-ли можно насчитать даже одинъ милліонъ*), да и изъ этого сравнительно ничтожнаго числа большинство—земледѣльцы по симпатіямъ и положенію. Преобладающая форма землевладѣнія въ Россіи не только не нуждается въ пропагандѣ, но составляетъ самую характерную черту въ отношеніяхъ нашего крестьянства къ землѣ, она составляетъ для крестьянина завѣтъ всей его исторіи.

Коллективный трудъ не только служитъ у насъ прецедентомъ коллективнаго владѣнія, но, напротивъ, онъ самъ можетъ развиться только изъ этого послѣдняго. Генезисъ этихъ двухъ главныхъ чертъ соціалистической продукціи, какъ видитъ читатель, будетъ у насъ совершенно обратный. Мы говоримъ «будетъ»,

---

*) Мы приводимъ цифры, показывающія численное отношеніе земледѣльческаго класса, съ одной стороны, и промышленнаго и торговаго — съ другой: въ Англіи, Франціи и Пруссіи:

Классы	Англія	Пруссія	Франція
Земледѣльческій	7,3 0/0	17,6 0/0	13,7 0/0
Торговый. . .	3, 6 0/0	1,9 0/0	4,0 0/0
Промышленный	22,7 0/0	9,1 0/0	10,6 0/0

Точной статистики распредѣленія населенія по занятіямъ въ Россіи не существуетъ. Если судить по численности сословій сельскихъ и городскихъ, то отношеніе будетъ таково:

Промышленные классы	10 0/0
Земледѣльцы	86 0/0

Распредѣливъ въ процентахъ по занятіямъ одно производительное населеніе Англіи, Пруссіи и Франціи, мы получимъ слѣдующія цифры:

Классы	Англія	Пруссія	Франція
Земледѣльческій	17,0 0/0	48,7 0/0	37,0 0/0
Торговый . . .	8,3 0/0	6,8 0/0	11,0 0/0
Промышленный	52,5 0/0	25,6 0/0	28,4 0/0

(См. «Сравн. статист.» Янсона, 98—106 стр.)

Эти цифры указываютъ на громадную разницу въ хозяйственномъ складѣ Россіи и главныхъ европейскихъ странъ—разницу, имѣющую громадный интересъ для всякаго практическаго дѣятеля въ Россіи.

потому что теперь, по нашему мнѣнію, еще не настало время пропаганды коллективнаго труда. А не настало оно потому, что при томъ первобытномъ способѣ земледѣлія, какой практикуется нашимъ крестьянствомъ, коллективный трудъ немного измѣнилъ бы условія успѣшности труда. Тамъ же, гдѣ успѣшность труда находится въ большей зависимости отъ дружнаго, артельнаго веденія дѣла — во всевозможныхъ промыслахъ—такая пропаганда можетъ и должна имѣть успѣхъ. Но тамъ мы и безъ того видимъ всестороннее проведеніе артельнаго принципа въ отношеніи русскаго рабочаго люда; если наши промышленныя артели и клонятся къ упадку, то главная причина этого заключается во вредномъ вліяніи кулаковъ, существованіе которыхъ такъ-же необходимо въ нынѣшнемъ государствѣ, какъ существованіе паразитовъ на тѣлѣ нечистоплотнаго человѣка. Значитъ, главныя усилія и здѣсь должны быть направлены на устраненіе развращающаго вліянія современнаго государства. А оно можетъ быть устранено только окончательнымъ разрушеніемъ государства и предоставленіемъ нашему освобожденному крестьянству возможности устраиваться «на всей своей волѣ».

Короче сказать, одно изъ требованій западно-европейскаго соціализма, коллективизмъ владѣнія, составляетъ у насъ существующій фактъ; другое, коллективизмъ труда, не имѣетъ подъ собою почвы въ техникѣ русскаго земледѣлія.

Такимъ образомъ, мы à priori пришли къ тѣмъ-же практическимъ задачамъ, которыя ставили себѣ титаны народно-революціонной обороны: Болотниковъ, Булавинъ, Разинъ, Пугачевъ и другіе.

Мы пришли къ «Землѣ и Волѣ».

Но тѣмъ самымъ центръ тяжести нашей дѣятельности переносится изъ сферы пропаганды лучшихъ идеаловъ общественности на созданіе боевой народно-революціонной организаціи, для осуществленія народно-революціоннаго переворота въ возможно болѣе близкомъ будущемъ.

Практика 1873—75 гг. привела большинство незараженныхъ доктринерствомъ революціонеровъ къ тѣмъ же выводамъ. Вотъ что говорилъ одинъ изъ выдающихся представителей тогдашняго движенія, Мышкинъ, передъ особ. присутствіемъ правительствующаго се-

ната, 15 ноября 1877 г. «Наша практическая задача — говорилъ онъ — должна состоять въ сплоченіи, въ объединеніи революціонныхъ силъ, революціонныхъ стремленій, въ сліяніи двухъ главныхъ революціонныхъ потоковъ: одного, недавно возникшаго и проявившаго уже достаточную силу — въ интеллигенціи, и другого, болѣе глубокаго, болѣе широкаго, никогда не изсякавшаго потока — народно революціоннаго».

Въ слѣдующихъ N⁰N⁰ мы постараемся показать, какія данныя существуютъ въ нашей исторіи и современной дѣйствительности для созданія революціонной организаціи; теперь же мы желаемъ предупредить одно очень вѣроятное возраженіе. Трудно строить практическую программу — скажутъ намъ — на основаніи земельныхъ отношеній, которыя не сегодня-завтра могутъ быть разрушены правительственными распоряженіями. Извѣстно, что правительство начинаетъ выказывать большую склонность къ введенію участковаго землевладѣнія; а когда оно будетъ введено, русскій народъ станетъ на слѣдъ того закона, по которому только капитализмъ можетъ привести его къ соціалистической общинѣ. — Это не совсѣмъ такъ. Введеніе той или другой формы кооперації важно по тому вліянію, которое оказываетъ она на измѣненіе народныхъ привычекъ. Что кореннаго измѣненія народнаго характера нельзя ожидать тотчасъ же за паденіемъ общины — эту вполнѣ понятную и à priori мысль, доказываютъ нѣкоторые факты изъ жизни малороссовъ. Вліяніе чуждой имъ польской культуры разрушило ихъ поземельную общину уже нѣсколько вѣковъ назадъ. Между тѣмъ, надѣлавшее столько шуму «чигиринское дѣло» началось именно изъ-за стремленія крестьянъ ввести у себя общинное землевладѣніе. Такихъ фактовъ, конечно, не много, но они доказываютъ, что кореннаго измѣненія не произошло и тамъ.

А покуда настроеніе народныхъ массъ останется такимъ же, какъ теперь, наша программа не нуждается въ измѣненіи.

Корреспонденціи.

Съ бумагопрядильной фабрики Кенига. Конецъ прошлаго 1878 г. ознаменовался нѣсколькими болѣе или менѣе крупными столкновеніями петербургскихъ рабочихъ съ нанимателями. Мы хотимъ разсказать о нѣкоторыхъ изъ нихъ, заранѣе извиняясь въ томъ, что нѣсколько запоздали своимъ сообщеніемъ.

Самымъ характернымъ образомъ обрисовываетъ положеніе нашего «освобожденнаго» рабочаго стачка на бумагопрядильной фабрикѣ купца Кенига, потому мы отводимъ ей первое мѣсто въ нашемъ разсказѣ. Читателямъ извѣстно, что наши рабочіе по своему экономическому положенію рѣзко раздѣляются на «заводскихъ» и «фабричныхъ». Между тѣмъ, какъ первые при меньшей продолжительности рабочаго дня, получаютъ плату почти достаточную для сноснаго (въ русскомъ смыслѣ этого слова) существованія, фабричные находятся въ положеніи поистинѣ ужасномъ. Рабочій день здѣсь не бываетъ короче 14 час.; въ 5 час. утра рабочій становится на работу, домой возвращается въ 8 час. вечера. Во все это время ему дается только одинъ часъ (отъ 12 до 1 ч.) на обѣдъ и отдыхъ. На нѣкоторыхъ фабрикахъ продолжительность рабочаго дня еще болѣе. Его заработокъ рѣдко доходитъ до 25 рублей въ мѣсяцъ, чаще же всего онъ колеблется между 17-20 руб. Изъ этой ничтожной суммы онъ долженъ найти средства для прокормленія своей семьи, для уплаты податей и, наконецъ, для покрытія многочисленныхъ и разнообразныхъ штрафовъ. Эти послѣдніе составляютъ очень значительную отрицательную величину въ заработкѣ рабочаго. Налагаются они подъ самыми различными, подчасъ весьма остроумными предлогами; такъ, напр.: хотя работа на фабрикѣ Кенига, по условію, должна начинаться въ 5 ч., предприниматель, по пословицѣ «съ міру по ниткѣ—голому рубаха», начиналъ ее въ $4^3/_4$ ч.; кто не являлся за 5 минутъ до срока, установленнаго такимъ образомъ, вопреки условію, подвергался уже штрафу.

Второй примѣръ. При фабрикѣ есть вѣчно-пьяный и ничего не смыслящій фельдшеръ. Самымъ радикальнымъ средствомъ онъ всѣхъ недуговъ рабочаго онъ считаетъ холодную воду, которою и обливаетъ забо-

лѣвшихъ. Больничныя сцены изъ гоголевскаго «Ревизора», какъ видитъ читатель, повторяются и въ настоящее время. Несмотря на очевидное даже для рабочихъ невѣжество фельдшера, они обязаны были лечиться у него, подъ страхомъ штрафа за попытку получить болѣе полезный совѣтъ на сторонѣ. Если при разсчетѣ, происходящемъ 15 и 30 числа каждаго мѣсяца, рабочій позволитъ себѣ спросить, на какомъ основаніи сдѣланъ тотъ или другой вычетъ изъ слѣдуемыхъ ему денегъ, его штрафуютъ снова. Если хозяинъ не пріѣзжалъ ко дню разсчета и рабочіе освѣдомлялись, когда же они получатъ «жалованье» — они подвергались новому штрафу. Штрафовали за нечистоту машины, за мѣстоименіе «ты», употребленное въ разговорѣ съ мастеромъ и т. д. и т. д. О прогульныхъ дняхъ нечего и говорить; несмотря на то, что плата была поштучная, за каждый прогульный день рабочій долженъ былъ проработать 2 дня безплатно.

При такомъ положеніи дѣлъ, спокойствіе на фабрикѣ, естественно, находилось въ очень неустойчивомъ равновѣсіи. Достаточно было малѣйшаго повода, чтобы вызвать то, что на полицейскомъ языкѣ называется «бунтомъ» Такимъ поводомъ послужило слѣдующее обстоятельство. При производствѣ работы на бумагопрядильной фабрикѣ, получается много отброса, состоящаго изъ порвавшихся нитокъ. Этотъ отбросъ образуетъ возлѣ станковъ кучу такъ-называемой «пыли». Для сортировки ея на фабрикѣ Кенига существовали особыя женщины. Незадолго до описываемаго времени перемѣнили на фабрикѣ Кенига директора, и новая метла стала мести еще чище старой. Новый директоръ разсчиталъ разбиравшихъ «пыль» женщинъ и возложилъ ея сортировку на «заднихъ мальчиковъ»*).

29 ноября эти мальчики, числомъ 33 чел., заявили мастеру, что они не будутъ работать, пока ихъ не избавятъ отъ этой новой обузы. Дѣло происходило въ 12 ч., когда рабочіе отправляются обѣдать. Послѣ обѣда мальчики, дѣйствительно, не пошли работать и стали дожидаться хозяина у зданія фабрики. Когда

*) Каждый прядильщикъ (мюльщикъ) работаетъ на двухъ станкахъ, причемъ у него есть два подручныхъ мальчика: т. н. «средній» 17—19 лѣтъ и «задній» 12—14 лѣтъ. Эти послѣдніе работаютъ тѣ же 14 часовъ, что и взрослые.

онъ явился къ нимъ и они попытались изложить ему свои жалобы, онъ безъ разговоровъ послалъ ихъ къ чорту. Они разошлись по домамъ.

Подождавши нѣкоторое время своихъ подручныхъ, мюльщики заявили мастерамъ, что не могутъ управиться со станками безъ помощи мальчиковъ. Мастеръ увѣрялъ, что къ вечеру все уладится. Но время приближалось къ 8 час., а мальчики не являлись. Чтобы имѣть возможность узнать имена «бунтовщиковъ», хозяинъ рѣшилъ выдать всѣмъ бывшимъ на лицо подручнымъ билеты. Всякому, кто на другой день не предъявитъ такого билета при входѣ на фабрику, грозили хозяйской карой. Но едва мастеръ сталъ раздавать эти билеты, раздался свистокъ, возвѣщающій окончаніе работы, и только трое изъ подручныхъ успѣли ихъ получить.

Несмотря на это, когда рабочіе стали на другой день собираться на фабрику, у подручныхъ спрашивали билеты, и такъ какъ они были только у трехъ, то всѣ остальные были прогнаны съ работы. Г. Кенигъ переходилъ, такимъ образомъ, въ наступленіе.

Но въ это время малолѣтніе стачечники получили неожиданное подкрѣпленіе. Ихъ взрослые товарищи объявили мастерамъ, что будутъ работать только подъ условіемъ исполненія требованій «мальчиковъ». Фабричная администрація не была расположена къ уступкамъ; рабочіе съ своей стороны рѣшились привести угрозу въ исполненіе. Они вышли гурьбою изъ зданія фабрики и присоединились къ толпившимся на улицѣ подручнымъ. Они надѣялись, что хозяинъ пріѣдетъ для объясненія съ ними и имъ удастся убѣдить его сдѣлать уступки. Кенигъ однако не являлся, и рабочіе рѣшили заявить полиціи о своемъ отказѣ отъ работы. Толпой направились они въ участокъ, но здѣсь-то и начались мытарства «бунтовщиковъ». Дежурный околоточный послалъ ихъ въ Екатерингофскій садъ, куда обѣщался пріѣхать для объясненій приставъ. Въ 9 час. послѣдній, дѣйствительно, появился въ саду, сопровождаемый какою-то личностью, которую потомъ видѣли въ III Отд., и вступилъ въ переговоры съ рабочими. Прежде всего онъ освѣдомился объ именахъ близъ стоявшихъ прядильщиковъ. Онъ узналъ и записалъ такимъ образомъ 4 фамиліи, пока простяки не поняли, въ чемъ дѣло, и не объявили ему, что знать

имена для него не важно, такъ какъ отказались работать *всѣ*. Они передали ему письменное изложеніе своихъ жалобъ. Приставъ запѣлъ обычную въ этихъ случаяхъ пѣсню о томъ, что мѣшаться въ отношенія рабочихъ къ хозяевамъ полиція не имѣетъ права, такъ что сдѣлать онъ ничего не можетъ, но, впрочемъ, передастъ ихъ заявленіе градоначальнику. Толпа стала расходиться по домамъ. Тѣ 4 рабочихъ, имена которыхъ успѣлъ записать приставъ, были задержаны и отправлены въ участокъ. Тамъ ихъ продержали до обѣда и, отпуская, приказали явиться къ 8 вечера въ Ш Отд. Несчастные ничего не понимали, но, явившись туда, они встрѣтили тамъ своего хозяина съ двумя мастерами. Начался разборъ ихъ взаимныхъ обвиненій. Первое слово дано было Кенигу. Если читатель припомнитъ защитительныя рѣчи гетевскаго Рейнеке-Лиса, онъ составитъ себѣ полное понятіе о смыслѣ кенигговскихъ объясненій. По его объясненіямъ выходило, что рабочіе его фабрики живутъ какъ нельзя лучше, что его отношенія къ нимъ всегда были безукоризненны, такъ что стачку нужно цѣликомъ отнести насчетъ «постороннихъ внушеній». Г. Кенигъ обѣщался даже узнать и указать полиціи подстрекателей. Когда рабочіе пытались возражать ему, ихъ не хотѣли и слушать. «Знаемъ мы эти рѣчи, закричали на нихъ, мы упечемъ васъ туда, куда вы и не ждете! Завтра же идите на работу, въ противномъ случаѣ мы заставимъ васъ работать силой; такъ и товарищамъ скажите».

Съ этимъ назиданіемъ ихъ отпустили домой. Третьеотдѣленское внушеніе не произвело однако ожидаемаго впечатлѣнія, и на утро фабрика была пуста, какъ и наканунѣ. Рабочіе толпились около зданія фабрики, но и не думали приниматься за работу. Часамъ къ десяти утра пріѣхалъ какой-то «генералъ» изъ синихъ и спросилъ «всѣ ли рабочіе на лицо?». Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ велѣлъ всѣмъ идти на дворъ фабрики. Тѣхъ, кто не шелъ во дворъ добровольно, вталкивали городовые. Когда на улицѣ не осталось никого, фабричныя ворота были заперты, и рабочимъ предложили войти въ контору. Здѣсь ихъ разставили двумя рядами, и генералъ, сопровождаемый двумя мастерами, обошелъ всѣ ряды; очевидно, кенигговское указаніе на постороннее подстрекательство

произвело впечатлѣніе у Цѣпнаго моста, и тамъ рѣшили поймать агитаторовъ. Но никого изъ посторонних не оказалось. Послѣ этой повѣрки генералъ приступилъ къ «увѣщанію». То ласково, то грозя строгимъ наказаніемъ за ослушаніе, просилъ онъ рабочихъ покориться хозяину и приняться за работу.

Когда рабочіе были, повидимому, достаточно обстрѣлены артиллерійскимъ огнемъ жандармскаго краснорѣчія, пустился въ атаку самъ г. Кенигъ; онъ прочиталъ новыя правила, предлагая рабочимъ или согласиться на нихъ, или убираться съ фабрики. Какъ видитъ читатель, планъ атаки былъ составленъ очень недурно: сначала жандармское внушеніе, затѣмъ, какъ снѣгъ на голову, новыя правила и неизбѣжная для рабочихъ альтернатива — или идти на работу, или выказать себя «бунтовщиками» и «зачинщиками» въ глазахъ строгаго генерала. Разсчитывали на неизбѣжное въ такихъ случаяхъ отсутствіе единодушія, на невозможность болѣе вліятельныхъ рабочихъ высказаться и поддержать колеблющуюся массу. Этотъ планъ непремѣнно удался бы, если бы г. Кенигъ не пересолилъ въ своихъ вновь-высиженныхъ правилахъ, которыя оказалнсь еще тяжелѣе старыхъ. Эта безтактность погубила ловко задуманный гешефтъ. Рабочіе единодушно заявили свое нежеланіе работать и начали выходить изъ конторы. Генералъ окончательно потерялъ терпѣніе. Угрозы тюрьмой, Сибирью и т. д. снова посыпались на «свободныхъ» рабочихъ. «Вы слушаете злыхъ людей», кричалъ потерявшій всякій тактъ бурбонъ. «У меня здѣсь сто шпіоновъ слѣдятъ за всѣмъ, что происходитъ у васъ, но если хозяинъ найдетъ, что этого мало, я пришлю еще столько же! Какъ только узнаю, что къ вамъ ходятъ бунтовщики, сейчасъ-же въ Архангельскъ сошлю!» и т. д. Однако и эти новые громы не принесли желаннаго результата: рабочіе разошлись по домамъ и рѣшились на крайнюю мѣру, къ которой всегда прибѣгаетъ русскій человѣкъ, пока не убѣдится, что ему остается апелировать только къ собственному кулаку—они рѣшились подать просьбу Наслѣднику. Утромъ 2 декабря человѣкъ 30 рабочихъ отправились къ Аничкову дворцу. Оказалось, разумѣется, что державный сынокъ такъ же не любитъ оборванной черни, какъ и его папенька: даже прошеніе не было принято. Какой-то наивный офицеръ

посовѣтовалъ имъ обратиться къ Зурову. Совѣтъ былъ исполненъ, и 4 декабря Зуровъ явился съ отвѣтомъ. Какъ видитъ читатель, это было только нѣсколько дней спустя послѣ знаменитаго Зуровскаго «отвѣта» студентамъ-медикамъ. Энергичный градоначальникъ и въ этомъ случаѣ не измѣнилъ себѣ. Выругавши рабочихъ самыми непечатными словами, объявилъ имъ, что прочелъ ихъ просьбу и завтра пришлетъ своего чиновника для разрѣшенія ихъ недоразумѣній съ Кенигомъ. Вмѣсто обѣщаннаго вѣстника мира, въ ночь 5—6 декабря полиція начала ходить по квартирамъ рабочихъ и выгонять ихъ на улицу. Собравши порядочную толпу, ихъ потащили въ Ш Отд. Новыя застращиванія, брань и новыя приказанія сегодня-же становиться на работу. «Да нынче праздникъ» — пытался возразить одинъ изъ рабочихъ. — «Я тебѣ дамъ праздникъ, лѣнтяй ты этакій! — закричалъ на него увѣщавшій — нынче нѣтъ праздника! «Какъ нѣтъ? да нынче Никола, ваше благородіе», заговорили рабочіе, и Ш-отдѣленскіе святоши должны были прикусить языкъ. Въ 7 час. утра рабочихъ выпустили, наконецъ, приказавъ имъ собраться у фабрики и ожидать тамъ чиновника для окончательнаго рѣшенія дѣла. Приказаніе и на этотъ разъ было исполнено: немедленно около зданія фабрики образовалась толпа и стала ожидать, что будетъ. Къ уступкамъ никто изъ рабочихъ не былъ расположенъ. Часовъ около 9 утра къ толпѣ подъѣхалъ Кенигъ и сталъ глумиться надъ рабочими: «Подождите, подождите, а мнѣ ждать некогда, я покуда поѣду въ городъ». На заявленіе рабочихъ, что за его отсутствіемъ чиновнику нельзя будетъ разобрать дѣло, Кенигъ на это отвѣтилъ «подождите!» — и преспокойно отправился въ городъ. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ его пріѣзда пріѣхалъ чиновникъ и, узнавши, что Кенигъ не хотѣлъ его дожидаться, смиренно заявилъ, что онъ можетъ подождать «господина Кенига». Прошло около часу безплоднаго ожиданія на сильномъ морозѣ. Соскучившіеся рабочіе начали донимать чиновника шуточками, высказывая предположеніе, что шинель недостаточно грѣетъ «генерала». Мало по малу шутки начали переходить въ рѣзкія замѣчанія, а затѣмъ и въ брань. «Отъ него ничего не дождешься», кричали рабочіе, «онъ тоже, должно, съ хозяина-то получилъ!» Чинов-

никъ разсвирѣпѣлъ; «бери ихъ, подлецовъ!» — крикнулъ онъ близъ стоявшимъ городовымъ. Но четверо полицейскихъ ничего не могли подѣлать съ выведенною изъ терпѣнія толпою: рабочіе не позволили арестовать никого изъ своихъ товарищей. Въ эту критическую минуту вернулся изъ города Кенигъ, и рабочіе успокоились въ ожиданіи разбора ихъ дѣла. Оказалось, что несчастный чиновникъ пріѣзжалъ совершенно напрасно. Несмотря на всѣ предыдущія застращиванія, рабочіе твердо настаивали на исполненіи ихъ требованій, а такъ какъ Кенигъ не желалъ уступить, то всѣ они взяли разсчетъ.

Количество рабочихъ на бумагопрядильнѣ Кенига было невелико: около 200 челов., изъ которыхъ взрослыхъ было не болѣе 80. Поэтому онъ безъ труда нашелъ новыхъ рабочихъ, которые согласились на условія поистинѣ невѣроятныя. Рабочій день продолжается нынѣ на бумагопрядильнѣ Кенига съ 5 часовъ утра до 12 час. вечера; изъ этихъ 19 час. только 1 часъ полагается на ѣду. Мы не говоримъ о другихъ условіяхъ, которыя были бы непонятны читателю, не имѣющему спеціальнаго знакомства съ техникой прядильнаго ремесла. Скажемъ одно — всѣ они сводятся къ тому, что, затрудняя трудъ рабочаго, сильно понижаютъ и безъ того низкій заработокъ.

Пусть же судитъ читатель, ошибаются ли люди, утверждающіе, что русскій рабочій находится подъ двойнымъ гнетомъ рабства экономическаго и политическаго.

Въ тѣхъ ремеслахъ, гдѣ продолжительность труда не достигаетъ такихъ размѣровъ, какъ въ прядильномъ и ткацкомъ, стачки не всегда кончаются въ ущербъ рабочимъ.

Такъ, напр., въ концѣ августа, на фортепьянной фабрикѣ Беккера, что на набережной Большой Невки, произошло столкновеніе рабочихъ съ хозяевами по слѣдующему поводу. Въ одной изъ мастерскихъ фабрики работаетъ до 40 чел, Половина изъ нихъ т. н. ящичники, столяры, дѣлающіе остовъ фортепьяно, остальные — сборщики — нѣмцы. Всѣ эти рабочіе получали отъ хозяина квартиру, отопленіе и освѣщеніе. Говоря точнѣе, они жили частью въ кухнѣ, частью въ

мастерской. Въ описываемое нами время хозяину понадобилась кухня, и онъ безъ церемоній приказалъ рабочимъ очистить ее. Такимъ образомъ, имъ предстояли новые расходы на квартиру, и они рѣшили потребовать повышенія поштучной платы, именно, набавить на каждый «ящикъ» по 2 р. (прежняя плата доходила до 29—38 руб. за ящикъ). Хозяинъ отвѣчалъ, что они легко могутъ увеличить свой заработокъ, если перестанутъ «понедѣльничать», т. е. будутъ аккуратнѣе являться на работу въ понедѣльникъ. Рабочіе забастовали. Черезъ три дня хозяинъ объявилъ черезъ мастера, что онъ согласенъ на повышеніе платы, и работа пошла по прежнему: только г. Беккеръ пересталъ заходить въ мастерскую, опозорившую себя «бунтомъ».

Такъ-же неудачно для хозяевъ кончились стачки, на табачныхъ фабрикахъ Мичри и Шапшала. Эти послѣднія стачки тѣмъ интереснѣе, что они произошли въ средѣ исключительно женской.

24 сентября, на табачной фабрикѣ Мичри появилось объявленіе, за подписью управляющаго, гласившее приблизительно слѣдующее:

«Симъ объявляю, что папиросницы, получавшія 65 коп. за 1000 шт. папиросъ 1-го сорта, отнынѣ будутъ получать 55 коп.; за 1000 папиросъ 2-го сорта, вмѣсто прежнихъ 55 коп., будетъ платиться 45 к.»

Это пониженіе платы мотивировалось плохимъ сбытомъ готовыхъ папиросъ.

Мастерицы, какъ называютъ себя работницы, сорвали это объявленіе и отправились въ контору для объясненій. Тамъ они объявили приказчику, что несогласны работать за уменьшенную цѣну и просили принять у нихъ палочки и машинки для дѣланія папиросъ. Отвѣтомъ на это заявленіе была непечатная брань со стороны прикащика. Онъ предложилъ имъ убраться немедленно, такъ какъ на ихъ мѣста много охотницъ. Грубое обращеніе прикащика окончательно взорвало мастерицъ: палочки, машинки, скамейки полетѣли въ окна; прикащикъ струсилъ и послалъ за хозяиномъ. Г. Мичри не заставилъ себя долго ждать. Онъ немедленно явился на фабрику, и ласковая рѣчь его, а болѣе всего обѣщаніе не понижать плату успокоили толпу, состоявшую приблизительно изъ 100 мастерицъ. Попытка понизить и безъ того невысокую плату окончилась полной неудачей.

Черезъ два дня та же исторія повторилась на табачной фабрикѣ бр. Шапшалъ*), на нескахъ.

26 сентября на фабрикѣ было вывѣшено слѣдующее объявленіе:

Мастерицамъ табачной фабрики Шапшалъ.

«Симъ объявляю, что по случаю остановки товара, я сбавляю съ каждой тысячи папиросъ — 10 коп.».

Шапшалъ.

Мастерицы, здѣсь уже въ количествѣ 200, немедленно сорвали это объявленіе и на его мѣсто вывѣсили слѣдующее:

Хозяину табачной фабрики Шапшалъ.

«Мы, мастерицы вашей фабрики, симъ объявляемъ, что несогласны на сбавку, потому что и такъ отъ нашего заработка не можемъ порядочно одѣться».

Мастерицы вашей фабрики.

Прикащикъ собралъ мастерицъ и потребовалъ, чтобы они указали писавшую объявленіе. Это требованіе было встрѣчено рѣшительнымъ отказомъ. Мастерицы объявили прикащику, что объявленіе писалось отъ имени всѣхъ ихъ, и что ни одна изъ нихъ не согласна на пониженіе платы. Онѣ начали собираться и уходить. Приказщику оставалось только «умыть руки» и послать за хозяиномъ. Послѣ тщетныхъ попытокъ убѣдить мастерицъ работать за пониженную плату, г. Шапшалу пришлось уступить — величина платы осталась прежняя.

Законъ экономическаго развитія общества и задачи соціализма въ Россіи. **)

Въ N 3 нашего органа мы высказали нашъ взглядъ на практическія цѣли соціальной партіи въ Россіи, сводя ихъ къ созданію боевой народно-революціонной организаціи подъ знаменемъ земли и воли

*) Хозяева разныхъ табачныхъ фабрикъ, очевидно, стакнулись понизить плату одновременно.

**) N° 4 «Земля и Воля», 20-го февраля 1879 г.

Волненія фабричнаго населенія, постоянно усиливающіяся и составляющія теперь злобу дня, заставляютъ насъ раньше, чѣмъ мы разсчитывали, коснуться той роли, которая должна принадлежать нашимъ городскимъ рабочимъ въ этой организаціи.

Вопросъ о городскомъ рабочемъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые, можно сказать, самою жизнью самостоятельно выдвигаются впередъ, на подобающее имъ мѣсто, вопреки апріорнымъ теоретическимъ рѣшеніямъ революціонныхъ дѣятелей. Въ прошломъ, не безъ нѣкотораго основанія, мы обращали всѣ свои надежды, употребляли всѣ свои усилія—на деревенскую массу. Городской рабочій занималъ второстепенное мѣсто въ разсчетахъ революціонеровъ, ему посвящалась, можно сказать, только сверхштатная часть силъ. Въ городѣ пропаганда велась между дѣломъ, въ минуты когда деревня почему-либо была недоступна для пропагандиста, и велась при томъ исключительно съ цѣлью выработать изъ городскаго рабочаго пропагандиста для деревни же. Такое отношеніе къ дѣлу, естественно, исключало возможность какъ настойчивой, систематической пропаганды, такъ и, въ особенности, организаціи городскихъ рабочихъ, и въ настоящее время даетъ себя чувствовать очень плачевными результатами.

Городской рабочій, несмотря на сравнительную незначительность затраченныхъ на него силъ, проникся идеями соціализма въ довольно сильной степени. Теперь уже трудно встрѣтить такую фабрику или заводъ, или даже сколько нибудь значительную мастерскую, гдѣ нельзя было бы найти рабочихъ-соціалистовъ. Но какъ ни отрадны подобныя явленія, они однако лишаются огромной доли своего значенія, когда мы начинаемъ ближе присматриваться къ положенію этихъ спропагандированныхъ рабочихъ въ средѣ ихъ товарищей. Въ теченіи минувшаго года мы видѣли нѣсколько крупныхъ стачекъ на разныхъ фабрикахъ и заводахъ. Гдѣ въ это время были наши соціалисты, какую роль играли они въ этихъ движеніяхъ? Почти никакой. Иногда о нихъ вовсе не было слышно, въ тѣхъ же случаяхъ, когда они пытались дѣйствовать, вліяніе ихъ оказывалось совершенно ничтожнымъ. И это вполнѣ понятно. Наши рабочіе-соціалисты даже между собою не связаны, не съорганизованы. «Сѣвер-

ный Союзъ» представляетъ первую попытку организаціи. До послѣдняго же времени рабочіе-соціалисты были разбиты на мелкіе кружки, задававшіеся почти исключительно цѣлями самообразованія, имѣвшіе иногда кассы, библіотеки, и въ практической дѣятельности не шедшіе дальше пропаганды. Рабочая масса относилась къ рабочимъ-соціалистамъ какъ къ чему-то чуждому, относилась часто насмѣшливо, иногда даже враждебно, и это — фактъ такого рода въ которомъ, къ прискорбію, не можетъ не сознаться всякій, знакомый съ дѣломъ. Интересно, что масса даже сразу окрестила рабочихъ-соціалистовъ именемъ «студентовъ», какъ бы намекая на ихъ отчужденность, и эта кличка лишь въ самое послѣднее время начала замѣняться названіемъ «соціалиста». Понятно, что при такомъ взаимномъ отношеніи самая пропаганда не могла имѣть большого успѣха и вылавливала только отдѣльныхъ личностей, не увлекая за собою массы.

Намъ кажется, что причина этихъ печальныхъ явленій заключается въ самой постановкѣ дѣятельности соціалистовъ, и что при такой постановкѣ масса рабочихъ никакъ не могла относиться къ своимъ товарищамъ-соціалистамъ иначе, чѣмъ относилась.

Прежде всего, рабочіе-соціалисты совершенно не были организованы, а слѣдовательно, не имѣли возможности дѣйствовать на массу дружно, систематично; тѣмъ менѣе они имѣли возможность обратить на себя вниманіе массы какимъ-нибудь крупнымъ проявленіемъ своихъ симпатій, своихъ желаній дѣйствовать въ интересахъ рабочихъ. Сверхъ того, ставя своей цѣлью пропаганду, развитіе и образованіе себя самихъ и всего рабочаго сословія, соціалисты этимъ самымъ выходили изъ сферы тѣхъ интересовъ, которыми живетъ масса, которые ей наиболѣе близки и дороги. Масса существенно, кровно заинтересована прибавкой или уменьшеніемъ заработной платы, большей или меньшей прижимкой хозяевъ и мастеровъ, большей или меньшей свирѣпостью городового. А соціалисты разводятъ передъ нею разныя теоріи, призываютъ ее къ развитію, къ образованію и тому подобнымъ вещамъ, сводящимся иногда къ чтенію лекцій о каменномъ періодѣ или о планетахъ небесныхъ. Какъ можетъ относиться масса къ подобнымъ людямъ? Она только видитъ въ нихъ нѣчто отличное отъ себя, ду-

мающее не въ унисонъ съ нею, иногда насмѣшливо задѣвающее ея вѣрованія и надежды, говорящее даже нѣсколько инымъ языкомъ; но какой-нибудь пользы для себя она не видитъ, не видитъ даже ихъ желанія быть полезными, потому что не понимаетъ, какимъ образомъ свѣдѣнія о каменномъ періодѣ могутъ привести къ устраненію черезъ чуръ придирчиваго табельщика.

А между тѣмъ, масса все это время жила своей жизнью, боролась за свои интересы и иногда практически ставила довольно радикальныя рѣшенія соціальныхъ вопросовъ. Соціалистамъ стоило только принять участіе въ этой жизни, въ этой борьбѣ, обобщить рѣшенія и направить ея частныя проявленія въ одно общее русло — и масса ясно увидѣла бы, что соціалисты — ея друзья, ея помощники; тогда имъ не трудно было бы пріобрѣсти довѣріе и вліяніе, недостающее имъ теперь. Эта задача легко могла быть исполнена совокупными усиліями интеллигенціи и соціалистовъ-рабочихъ, если-бы первоначальная ложная постановка городского вопроса не сбивала ихъ съ пути. Надо было относиться къ городскимъ рабочимъ, какъ къ цѣлому, имѣющему самостоятельное значеніе, надо было изыскивать средства вліять на всю ихъ массу, а это было невозможно до тѣхъ поръ, пока въ городскихъ рабочихъ видѣли только матерьялъ для вербовки отдѣльныхъ личностей.

Серьезному отношенію къ городскимъ рабочимъ всегда мѣшалъ взглядъ на ихъ значеніе, по которому имъ отводилось самое второстепенное мѣсто. Справедливъ-ли этотъ взглядъ? Дѣйствительно-ли городской рабочій остается безъ крупной роли въ будущемъ соціальномъ переворотѣ? Намъ кажется, что это мнѣніе совершенно ошибочно.

Наши крупные промышленные центры представляютъ намъ скопленія десятковъ, иногда даже сотенъ тысячъ рабочаго люда. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ — все это тѣ-же крестьяне, что и въ деревнѣ. Фабрика для нихъ является только видомъ отхожаго промысла и, отвлекая ихъ отъ деревни, хотя бы на цѣлые годы, не уничтожаетъ, однако, ихъ деревенскихъ связей и симпатій. Вопросъ аграрный, вопросъ общинной самостоятельности, земля и воля, одинаково близки сердцу рабочаго, какъ и крестьянамъ. Словомъ это не

оторванная отъ крестьянства масса, а часть того же самаго крестьянства. Дѣло ихъ одно — одна у нихъ можетъ и должна быть борьба. А между тѣмъ, въ городахъ собирается цвѣтъ деревенскаго населенія: болѣе молодые, болѣе предпріимчивые по своему подбору, они, сверхъ того, устранены въ городѣ отъ вліянія болѣе консервативныхъ и боязливыхъ членовъ крестьянской семьи; они, наконецъ, болѣе видѣли и слышали, болѣе широко наблюдали всѣ общественныя отношенія. Не представляя западно-европейской оторванности отъ земледѣльческаго класса, наши городскіе рабочіе одинаково съ западными, составляютъ самый подвижной, наиболѣе удобовоспламеняющійся, наиболѣе способный къ революціонизированію слой населенія. Благодря этому, они явятся драгоцѣнными союзниками крестьянъ въ моментъ соціальнаго переворота. Тактическое же значеніе подобнаго союзника очевидно для каждаго. Какъ бы ни было единодушно возстаніе деревень, оно однако рискуетъ быть подавленнымъ централизованными силами государства, если только не будетъ поддержано взостаніемъ въ самомъ центрѣ, въ самомъ средоточіи правительственной власти. Городская революція должна и можетъ отвлечь силы правительства и дать крестьянскому возстанію время окрѣпнуть и развиться до степени непобѣдимости. Только при подобномъ условіи и мыслимъ успѣхъ соціальнаго переворота. Разойдясь по селамъ и деревнямъ средней части Россіи, изъ которой пополняется главнымъ образомъ ихъ контингентъ, городскіе рабочіе сыграютъ роль «воровских прелестниковъ», оказавшихъ столько услугъ Разинскому и Пугачовскому движенію, они подготовятъ почву для приближающейся лавины революціоннаго движенія; это вторая, не менѣе важная служба, которую можетъ сослужить городъ въ общемъ ходѣ революціонныхъ событій въ Россіи.

Но для исполненія подобной миссіи нужна именно *масса* городскихъ рабочихъ, нужны революціонизированіе *всей* массы и организація, вліяющая на *всю* массу. Осуществить какъ то, такъ и другое возможно лишь путемъ агитаціонной дѣятельности. Первое едва ли требуетъ особыхъ поясненій. Конкретный умъ рабочаго плохо поддается на отвлеченныя логическія соображенія; для него гораздо понятнѣе пропоганда

фактами, тѣмъ болѣе, что эта пропаганда фактами по необходимости должна стать на почву обыденныхъ и осязательныхъ для него интересовъ. Что касается организаціи, куда, конечно, должны войти наиболѣе выдающіяся лица,—то гдѣ же, какъ не въ дѣйствіи, могутъ лучше опредѣлиться лица, способныя къ дѣйствію, къ вліянію? Эти лица выдвигаются борьбой, выясняются ею и ихъ остается тогда только вербовать. Пріобрѣтая, такимъ образомъ, вполнѣ надежныхъ людей, организація не поэтому только можетъ разсчитывать на вліяніе, — они, сверхъ того, примутъ участіе въ борьбѣ за рабочіе интересы, и масса тогда ясно увидитъ, что эти люди дѣйствительно стоятъ за нее, желаютъ ей добра и умѣютъ его достичь. Эта агитаціонная дѣятельность можетъ вестись ежедневно и ежечасно на самыхъ мелкихъ даже фактахъ жизни рабочаго, но особенный смыслъ и значеніе пріобрѣтаетъ она во время стачекъ.

Каждый разъ, когда рабочіе той или другой фабрики сговариваются дѣйствовать за одно, вопросъ объ отношеніи къ нимъ различныхъ классовъ общества, до верховной власти включительно, ставится ребромъ. Рабочая масса на дѣлѣ узнаетъ своихъ друзей и враговъ. Ей представляется хорошій случай провѣрить искренность отношеній къ ней того воображаемаго союзника, на котораго она разсчитывала столько времени и которому она *подарила* столько вѣковъ нищеты. Какъ только она начинаетъ изнемогать въ борьбѣ, она обращаетъ свои мольбы къ Зимнему или Аничкову дворцу, и каждый разъ, разумѣется, эти мольбы остаются гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. И она начинаетъ, наконецъ, понимать, какъ жестоко ошиблась, разсчитывая на царскую помощь, а ежеминутная *прижимка* со стороны хозяина не даетъ впасть въ отчаяніе, толкаетъ ее на борьбу волей-неволей.

Воспитательное значеніе такихъ разочарованій очевидно, и намъ удавалось прослѣдить упадокъ вѣры въ царскую помощь на тѣхъ фабрикахъ, гдѣ къ ней уже пробовали обращаться.

Но этого мало; совмѣстная борьба рабочихъ съ хозяевами развиваетъ въ нихъ способность къ согласному, единодушному дѣйствію. Рабочіе разныхъ губерній, иногда разныхъ нарѣчій, въ спокойное время чуждав-

щіеся другъ друга, сплачиваются и объединяются во время стачки.

Идея солидарности интересовъ всего рабочаго сословія и противоположности ихъ интересамъ привилегированныхъ классовъ имѣетъ превосходнѣйшую иллюстрацію въ каждой стачкѣ рабочихъ, въ каждомъ столкновеніи ихъ съ нанимателями. Денежная помощь стачечникамъ, а если можно, одновременное прекращеніе работы на нѣсколькихъ фабрикахъ служатъ прекраснымъ воспитательнымъ средетвомъ для массы.

Намъ могутъ замѣтить, что стачки не всегда оканчиваются удачно для рабочихъ и въ случаѣ пораженія онѣ производятъ деморализирующее вліяніе на массу. Мы думаемъ, что нѣтъ ничего ошибочнѣе такого взгляда на дѣло.

Въ самомъ дѣлѣ постараемся опредѣлить, въ чемъ собственно заключается т. н. деморализирующее вліяніе кончившихся неудачно народныхъ движеній. Неудача, застращивая массу, разрушаетъ ея увѣренность въ собственныхъ силахъ. Но если-бы съ этимъ и пришлось согласиться безъ всякихъ оговорокъ, то и тогда можно обратить вниманіе читателя на то обстоятельство, что развитіе самоувѣренности въ массѣ, есть далеко не единственно хорошій результатъ активной борьбы, съ нимъ сосуществуетъ цѣлый рядъ положительныхъ вліяній этого способа дѣйствій, на которыя неудача не оказываетъ никакого или почти никакого вліянія. Болѣе рѣзкое опредѣленіе идей рабочаго сословія и, какъ неизбѣжное слѣдствіе этого, сознаніе солидарности интересовъ внутри его, разочарованіе въ помощи, ожидаемой со стороны правительства — всѣ эти результаты получаются одинаково при *удачной* или *неудачной* стачкѣ.

Что касается пресловутой потери самоувѣренности въ массахъ, намъ кажется, этотъ вопросъ рѣшался слишкомъ ужъ поспѣшно. Прежде чѣмъ терять что-либо, нужно имъ обладать, прежде чѣмъ лишиться увѣренности въ своихъ силахъ, нужно обладать этой увѣренностью, хотя бы въ теченіе очень короткаго времени. А всегда-ли обладаетъ ею масса? Конечно, далеко не всегда. Очень часто она страдаетъ именно полнымъ отсутствіемъ увѣренности въ своихъ силахъ; очень часто она имѣетъ преувеличенное понятіе о своей неспособности къ сопротивленію. Представимъ

же себѣ теперь, что такая, не сознающая величины своихъ силъ масса вступаетъ въ борьбу и, на первый разъ, неудачно. Мы говоримъ, что результатомъ такого пораженія будетъ не окончательный упадокъ самоувѣренности въ массѣ, но, напротивъ, убѣжденіе въ томъ, что побѣдоносный противникъ далеко не такъ страшенъ, какъ его рисовало раньше напуганное воображеніе.

При первыхъ встѣчахъ съ европейцами, вооруженными огнестрѣльнымъ оружіемъ, дикари думаютъ, что сами боги пошли на нихъ войною. Только рядомъ столкновеній съ мнимыми богами, столкновеній, всегда кончающихся пораженіемъ дикарей, эти послѣдніе убѣждаются въ томъ, что противники ихъ простые люди и, какъ таковые, вовсе не могутъ считаться не побѣдимыми. Паника проходитъ, сопротивленіе становится все болѣе и болѣе стойкимъ, и европейцамъ тяжелымъ опытомъ приходится убѣдиться, что горсти удальцовъ, какъ бы хорошо ни была вооружена она, недостаточно для завоеванія страны.

«Не давайте массѣ вступать въ открытую борьбу съ ея притѣснителями: неизбѣжныя въ этой борьбѣ пораженія только деморализируютъ массу, лишаютъ ее надежды на успѣхъ»,—говорятъ сторонники системы воздержанія въ дѣлѣ революціонной подготовки народа. Организуйте массу для борьбы, путемъ борьбы и во время борьбы: только такимъ образомъ создадите вы въ ней самодѣятельность, самоувѣренность и стойкость, какихъ она не имѣла до сихъ поръ, и благодаря отсутствію которыхъ десяти городовыхъ бываетъ часто достаточо, чтобы разогнать и навести ужасъ на цѣлую толпу рабочих,—отвѣчаемъ мы.

Агитація есть, по нашему мнѣнію, единственно возможное средство для достиженія и упроченія вліянія на массу; помимо ея возможно привлекать къ дѣлу только отдѣльныхъ личностей, — но исторія создается народомъ, а не единицами. Или, можетъ быть, мы пока еще настолько слабы, что и не можемъ получить необходимаго для насъ вліянія на массу? Оставляя въ сторонѣ вопросъ о нашей численности и силѣ, мы замѣтимъ только, что агитація есть лучшее средство для качественнаго и количественнаго увеличенія нашихъ силъ.

Что бы ни говорили о цѣляхъ англійскихъ trade-

unions, эти послѣдніе обладаютъ, во всякомъ случаѣ, силой и вліяніемъ, которымъ нельзя не позавидовать. Пусть читатель припомнитъ исторію trads-unions до 1814 г., т. е. до отмѣны законовъ противъ коалиціи, пусть припомнитъ онъ, какимъ путемъ добились англійскіе рабочіе этой отмѣны и, если только онъ не думаетъ, что и съ самаго начала своей исторіи они держались ошибочныхъ практическихъ пріемовъ, онъ неизбѣжно долженъ будетъ согласиться съ нами, въ томъ, что агитаціонный путь воздѣйствія на массу даетъ гораздо болѣе плодотворные результаты и гораздо скорѣе ведетъ къ цѣли, нежели практиковавшійся, такъ сказать, до вчерашняго дня способъ вліянія на *отдѣльныхъ личностей*,—скорѣе ведетъ къ цѣли уже потому, что не только не устраняетъ второго способа дѣйствій, но, напротивъ, даетъ возможность выбирать испытанныхъ, дѣйствительно заслуживающихъ вниманія личностей.

Вліяйте на нихъ, развивайте ихъ, сколько позволяетъ ваше время и ваше собственное развитіе,—это дастъ вамъ агитаторовъ болѣе выработанныхъ, ораторовъ болѣе убѣдительныхъ, но помните, что это только средство для лучшаго достиженія вашей главной цѣли — *агитаціи въ массѣ*. Когда этимъ выработаннымъ вашимъ вліяніемъ личностямъ представится случай воздѣйствія на массу, не останавливайте ихъ, хотя бы имъ угрожала гибель, Съ точки зрѣнія нравственности, на васъ не будетъ отвѣтственности, потому что каждый революціонеръ долженъ заранѣе привыкнуть къ мысли, что судьба уже обрекла его; съ толки зрѣнія пользы для дѣла, васъ нельзя будетъ упрекнуть потому, что никогда еще гибель личностей во имя интересовъ массы и на ея глазахъ не проходила безслѣдно въ исторіи...

Сильно обострившаяся борьба можетъ повести къ гибели всѣхъ сознательныхъ революціонеровъ въ данной мѣстности; поверхностному наблюдателю можетъ показаться, что дѣло придется начать сначала, что всѣ труды пропали даромъ. Но это не такъ; личности погибли, но масса знаетъ, за что они погибли; борьба дала ей опытъ, котораго она не имѣла раньше, борьба разсѣяла ея иллюзіи, она освѣтила настоящимъ свѣтомъ смыслъ существующихъ общественныхъ отношеній. Такіе уроки не пропадаютъ даромъ.

Личности гибнутъ, но революціонная энергія единицъ переходитъ сначала только въ оппозиціонную, а затѣмъ, мало-по-малу, въ революціонную *энергію массъ*. Въ этомъ заключается весь смыслъ борьбы, этимъ объясняется также тайна иногда по-истинѣ невѣроятныхъ успѣховъ гонимыхъ и преслѣдуемыхъ религіозныхъ сектъ и политическихъ ученій. Такой переходъ одного рода энергіи въ энергію другого, несомнѣнно высшаго рода, никакъ не можетъ считаться «неудачею», а потому и гибель личностей не можетъ быть названа безполезною. Заботы революціонеровъ должны заключаться въ томъ, чтобы найти наименьшій эквивалентъ для такого перехода, стараться затратить *минимумъ силъ*, необходимыхъ въ данномъ случаѣ для вліянія на массу.

Не говоря о множествѣ разнообразящихся до безконечности практическихъ пріемовъ, ведущихъ къ этой цѣли, въ каждомъ частномъ случаѣ мы уже указывали на *организацію*, какъ на главное постоянное условіе сбереженія силъ революціонеровъ и увеличенія производительности ихъ труда.

Организація русскаго рабочаго сословія, конечно, не можетъ брать себѣ за образецъ тѣхъ способовъ организацій, которые практикуются въ Западной Европѣ — »то различіе обусловливается различіемъ политическихъ условій борьбы въ Россіи и на Западѣ. При массѣ опасностей, которымъ подвергается всякая тайная организація, — а революціонная организація и не можетъ быть другою у насъ, при тѣхъ преслѣдованіяхъ, которыя грозятъ ея членамъ, выборъ личностей долженъ быть строгъ и осмотрителенъ.

Вытекающія отсюда трудности расширенія организаціи должны вознаграждаться исключительными способностями и преданностью дѣлу со стороны лицъ, посвященныхъ въ ея тайны; «страшная тайна и величайшее насиліе въ средствахъ» составляли отличительную черту англійскихъ рабочихъ союзовъ до 1824 года; и ни одинъ мыслящій человѣкъ не упрекнетъ рабочую организацію за неразборчивость въ средствахъ, когда она увидитъ себя вынужденною на насиліе отвѣчать насиліемъ, когда на терроръ правительства, закрѣпощающаго рабочаго фабриканту, карающаго, какъ уголовное преступленіе, всякую попытку рабочихъ къ улучшенію своего положенія, правительства,

не останавливающагося передъ поголовною экзекуціею дѣтей, принимающихъ участіе въ стачкѣ, — когда на бѣлый терроръ такого правительства она отвѣтитъ, наконецъ, краснымъ...

Волненія въ средѣ фабричнаго населенія.

И несутъ эти люди безвѣстные
Неисходное горе въ сердцахъ...

Едва мы окончили въ № 3 разсказъ о стачкѣ у Кенига, какъ намъ приходится описывать стачку, происшедшую разомъ на двухъ фабрикахъ и отразившуюся рядомъ волненій въ средѣ всего фабричнаго населенія Петербурга.

Наша легальная литература не посмѣла или не нашла нужнымъ хоть сколько нибудь распространиться объ этихъ фактахъ. Только «Русская Правда» помѣстила нѣсколько строкъ о стачкѣ на Новой Бумагопрядильнѣ.

Правительство, съ своей стороны, свалило и въ этомъ случаѣ всю вину на подпольную агитацію.

Индиферентизмъ такъ называемаго общества и Угрюмъ-Бурчевскія преслѣдованія со стороны правительства — вотъ что встрѣчаетъ рабочій въ трудную минуту своей жизни.

Соціалисты, разумѣется, не могутъ оставаться равнодушными зрителями такихъ важныхъ событій въ жизни рабочихъ, какъ стачка; но, спросимъ еще разъ, мыслима-ли была бы хоть какая нибудь агитація, если бы она не имѣла прецедентовъ въ положеніи рабочаго?

Наши освободительные подвиги на Балканскомъ полуостровѣ такъ тяжело отразились на экономическомъ положеніи рабочихъ, что мы боимся надоѣсть читателю однообразіемъ нашей лѣтописи рабочей жизни, если описанію каждой стачки — а онѣ не замедлятъ своимъ повторсніемъ — будемъ предпосылать описаніе экономическаго положенія рабочаго.

Наша лѣтопись, дѣйствительно, будетъ очень однообразна. Смыслъ описываемыхъ ею событій всегда оди-

наковъ. Весь онъ выражается въ одномъ силлогизмѣ:

Первая посылка: 14-часовой трудъ не только для мущинъ, но и для женщинъ, и для дѣтей, низкая заработная плата и штрафы, штрафы безъ конца...

Вторая посылка: общее хроническое недовольство рабочихъ, съ одной стороны, и оборонительный и наступательный союзъ фабриканта и околодочнаго — съ другой.

Выводъ отсюда ясенъ: какой нибудь мелкій, самъ по себѣ неважный фактъ — и на фабрикѣ происходитъ «бунтъ», со всѣми его послѣдствіями; эти послѣднія можно всегда предсказать заранѣе: масса будетъ «искать правды» у всѣхъ, кто только прійдетъ на память въ данную минуту; ей будутъ отвѣчать драгонадами тѣ, къ которымъ она до сихъ поръ обращается съ такою трогательною довѣрчивостью.

Что это — водевильное недоразумѣніе или безобразная историческая драма? По нашему, это драма, имѣющая гораздо большій интересъ, нежели всевозможныя «битвы русскихъ съ кабардинцами» — происходятъ ли они подъ Телишемъ или подъ Карсомъ. Не всѣ. впрочемъ, думаютъ такъ, какъ мы. Эти послѣднія битвы воспѣвались Тряпичкиными-очевидцами, имъ же имя легіонъ. Наши газеты посылали «спеціальныхъ» корреспондентовъ на оба театра войны, но ни одинъ изъ газетныхъ строчилъ и не подумалъ заглянуть на Обводный каналъ или на Нарвскую заставу, хотя это и не стоило бы никакихъ издержекъ.

Пусть же читатель не сѣтуетъ на насъ за утомительныя и подчасъ однообразныя подробности. Вѣдь только нашъ, взапуски разыскиваемый сотнями шпіоновъ, станокъ и печатаетъ отчеты объ этихъ драмахъ, что ежечасно и ежесекундно разыгрываются за всевозможными «заставами», на всевозможныхъ «каналахъ» и «рѣкахъ», въ этихъ грязныхъ и мрачныхъ предмѣстьяхъ нашей столицы, гдѣ смертность вдвое болѣе, чѣмъ въ буржуазныхъ кварталахъ города.

Но приступимъ къ разсказу.

15-го января рабочіе Новой Бумагопрядильни по обыкновенію, явились въ 5 час. утра. Нѣсколько часовъ пришло обычнымъ порядкомъ; но передъ обѣдомъ въ ткацкое отдѣленіе фабрики явился главный мастеръ и вывѣсилъ какое-то объявленіе. Объявленіе отличалось лаконизмомъ: въ немъ были только имена

44-хъ ткачей, назначенныхъ «къ расчету». Но мастеръ дополнилъ его довольно обстоятельнымъ словеснымъ объясненіемъ. Онъ очень развязно заявилъ рабочимъ, что 44 ихъ товарища выбрасываются на улицу за то, что они «бунтовщики» и что подобное правило будетъ и впредь «принято къ руководству», и всѣ неблагонадежные будутъ изгоняться съ фабрики. Заявилъ онъ также, что вообще администрація фабрики, въ виду постоянныхъ «бунтовъ» рабочихъ, думаетъ замѣнить мужчинъ-ткачей — женщинами и дѣтьми.

Рѣчь его была прервана взрывомъ негодованія рабочихъ. Объявленіе было изорвано въ клочки, самъ ораторъ долженъ былъ ретироваться. Ткачи высыпали на улицу и разбрелись по домамъ обѣдать.

Послѣ обѣда, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, передъ воротами фабрики образовалась толпа, черезъ которую не прошелъ ни одинъ изъ тѣхъ, кто еще колебался пристать къ стачкѣ.

Прологъ разыгрался.

Опытный взглядъ, впрочемъ, замѣтилъ бы «бунтъ», еслибъ и не видѣлъ толпы. Около фабрики забѣгали какія-то подозрительныя личности, очень внимательно прислушивавшіяся къ толкамъ рабочихъ присматривавшіяся къ ихъ лицамъ.

«Фискалы, пауки!» — кричали имъ вслѣдъ рабочіе; это — названіе, которымъ окрестили они шпіоновъ.

Показались околодочные въ полной формѣ, съ револьверами на боку: ихъ сопровождали десятки городовыхъ.

Обычныя въ этихъ случаяхъ картины!

Полиція начала разспрашивать, въ чемъ дѣло. Для начала ея обращеніе было очень мягко. Узнавши, что рабочіе объявили забастовку, она мало-по-малу скрылась. Вѣроятно, еще не было получено надлежащихъ инструкцій.

Рабочіе, придя къ единодушному рѣшенію относительно забастовки, тоже разошлись по домамъ. Нужно было выработать планъ дѣйствій, составить требованія — и вотъ начались сходки. Сходки въ такихъ случаяхъ бываютъ двухъ родовъ. Иногда рабочіе собираются открыто на улицѣ, и тогда сходки бываютъ очень многочисленны; замѣчательно, что полиція ни-

когда не рѣшается нападать на нихъ. Иногда же они сходятся по квартирамъ. Въ грязной, низкой и душной комнатѣ собирается нѣсколько десятковъ рабочихъ; малолѣтніе «подручные» — гамены нашихъ рабочихъ кварталовъ — становятся на часы и зорко слѣдятъ, не появится-ли паукъ или полицейскій.

Тутъ-то принимаются рѣшенія стоять «до конца», не идти «противъ общества» и т. д.; здѣсь же пишутся тѣ прошенія, которыя подаются потомъ по начальству и, неизвѣстно, вызываютъ-ли въ немъ злобный смѣхъ или зѣвоту.

Вечеромъ 15 января требованія стачечниковъ были формулированы слѣдующимъ образомъ:

1. 44 человѣка, назначенныхъ къ исключенію, должны остаться на своихъ мѣстахъ.
2. Заработная плата должна быть повышена на 5 коп.
3. Рабочій день сократить на $2^1/_2$ часа.
4. Штрафы за поломку «вилокъ» (одинъ изъ инструментовъ, необходимыхъ для тканья) прекращаются, такъ какъ эти поломки—вещь неизбѣжная въ работѣ.
5. При пріемѣ готовыхъ уже кусковъ полотна, кромѣ браковщиковъ отъ хозяина, должны присутствовать выборные отъ рабочихъ.
6. Нѣсколько ненавистныхъ мастеровъ и подмастерьевъ должны быть выгнаны.
7. Хозяинъ долженъ заплатить за все время стачки, какъ будто работа и не прекращалась.

Эти требованія были приняты единогласно, нѣсколько разъ прочитаны и потомъ, для памяти, записаны на бумагѣ.

Слухи о стачкѣ на Обводномъ кан. стали распространяться между рабочими другихъ фабрикъ, и на другой день человѣкъ 30—40 ткачей явились съ *фабрики Шау*, что за Нарвской заставой; они рѣшились пристать къ стачечникамъ и предлагали выработать общія требованія. Полнаго тождества въ требованіяхъ рабочихъ обѣихъ фабрикъ быть не могло, такъ какъ порядки, практикуемые у Шау, нѣсколько отличаются отъ принятыхъ на Новой Бумагопрядильнѣ.

Дѣло въ томъ, что работа у Шау идетъ безостановочно день и ночь. Рабочіе раздѣляются на двѣ смѣны: однѣ сутки одна смѣна работаетъ 16 ч., другая 8, другія — наоборотъ. Трудолюбивый фабрикантъ

не прекращаетъ работу даже вечеромъ наканунѣ праздника — она кончается только въ 6 ч. утра. Въ отношеніи низкой заработной платы и постоянныхъ штрафовъ порядки, впрочемъ, одинаковы. Г. Шау принялъ на себя также и продовольствіе рабочихъ: онъ имѣетъ лавочку, въ которой рабочіе должны брать продукты; когда они являются за «получкой» въ контру, тамъ уже сдѣланы вычеты за «харчи», и иногда рабочему не достается получить ни гроша.

Правила, выработанныя на общемъ собраніи представителей рабочихъ обѣихъ фабрикъ, мало чѣмъ отличались отъ предыдущихъ. Приведемъ, впрочемъ, требованія рабочихъ г. Шау, «шавинскихъ», какъ ихъ называютъ остальные рабочіе.

1. Чтобы на каждый вытканный кусокъ прибавили платы по 5 коп.

2. Чтобы прогульные дни не считались, если самъ хозяинъ виноватъ въ прогулѣ.

3. Чтобы основы выдавались хорошія и чтобы матерьялъ выдавался при нашихъ выборныхъ.

4. Чтобы товаръ не браковали зря; чтобы за этимъ тоже наблюдали наши выборные.

5. Чтобы не штрафовали за поломъ инструмента, за отсутствіе изъ фабрики по болѣзни или надобности и пр.

6. Чтобы за харчи платить не въ конторѣ, какъ теперь, а въ лавкѣ, по получкѣ денегъ на руки.

7. Чтобы на больницу платилось не по $1^1/_4$ коп. съ рубля, какъ теперь, а по 10 коп. въ мѣсяцъ.

8. Чтобы за кипятокъ на фабрикѣ рабочіе не платили.

9. Чтобы утромъ давалось время съ $8^1/_2$ до 9 ч. на завтракъ.

10. Чтобы наканунѣ праздниковъ работа кончалась не въ 6 ч. утра, какъ теперь, а въ 9 вечера.

11. Чтобы газовыя горѣлки расположить какъ лучше для работы; мы сами укажемъ мѣста для нихъ; а то теперь въ иныхъ мѣстахъ вовсе свѣту нѣтъ.

12. Чтобы прогнать съ фабрики подмастерьевъ: Никифора Арсентьева и Нефеда Ефимова, Николая Волкова и шпульника Кирилла Симонова. Намъ отъ нихъ житья нѣтъ! и мы съ ними не хотимъ работать.

13. За время стачки — денегъ съ насъ не вычитать, потому что мы не работаемъ не по своей винѣ, а по упорству хозяевъ.

14. Чтобы никого изъ насъ не брали въ полицію за то, что не работаемъ; а тѣхъ, что теперь забрали, пусть выпустятъ.

На сходкѣ представителей отъ обѣихъ фабрикъ обсуждались также мѣры для поддержанія бѣднѣйшихъ изъ стачечниковъ, а такихъ, естественно, должно было болѣе оказаться на фабрикѣ Шау, гдѣ хозяинъ грозился прекратить выдачу припасовъ изъ своей лавки; поэтому рѣшено было первые сборы отдать въ пользу «шавинскихъ». Сборы же предполагалось дѣлать на всѣхъ фабрикахъ и заводахъ; въ этомъ смыслѣ были напечатаны воззванія ко всѣмъ петербургскимъ рабочимъ. Надежда на ихъ помощь не оказалась тщетною; сборы дѣлались почти повсемѣстно, и возбужденіе рабочихъ во время этихъ сборовъ было подчасъ такъ велико, что грозило перейти въ забастовку.

На фабрикѣ Мальцева (на Выборгской сторонѣ) разбросаны были прокламаціи стачечниковъ; былъ даже арестованъ рабочій, подозрѣваемый въ ихъ распространеніи. Рабочіе заволновались. Пошли толки о томъ, чтобы поддержать «новоканавцевъ», но хозяину тактичнымъ обращеніемъ и обѣщаніемъ всякихъ благъ въ будущемъ удалось возстановить спокойствіе. Г. Чешеру (его фабрика тоже на Выборгской) не удалось отдѣлаться одними обѣщаніями — онъ долженъ былъ прибавить по 3 коп. на кусокъ, и только этою уступкою ему удалось отклонить грозившую стачку, Волновались рабочіе на Охтѣ. Такъ заразительно подѣйствовалъ примѣръ. Между тѣмъ полиція и «пауки» дѣлали свое дѣло.

Въ ночь 16—17 число произведено было нѣсколько арестовъ и обысковъ. Арестовано было 6 человѣкъ изъ рабочихъ Шау, около 20 чел. съ Н. Б., одинъ слесарь на Лиговкѣ и т. д.

Со стороны полиціи «въ битвахъ съ непріятелемъ» больше всего отличился нѣкій Степановичъ. Онъ былъ еще во время мартовской стачки 1878 г. околодочнымъ 3 участка Александро-Невской части, въ районѣ котораго находится Н. Б., и отличился такою энергіею, что, хотя и былъ переведенъ куда то въ другой участокъ, но, едва повторилась стачка на Н. Б., онъ былъ снова переведенъ въ 3 участокъ — усмиреніе бунтовщиковъ составляло его миссію.

Между тѣмъ забастовка увлекала все новыя массы

рабочихъ. 17 число было апогеемъ стачечныхъ успѣховъ. Въ этотъ день все прядильное отдѣленіе Н. Б. присоединилось къ стачкѣ. Изъ начальственныхъ мѣропріятій за это число можно отмѣтить въ нашей лѣтописи пріѣздъ какого-то «полковника» за Нарвскую заставу, для выслушанія жалобъ рабочихъ. Такіе миротворцы являются обыкновенно вмѣстѣ съ хозяевами забастовавшихъ, сопровождаемые, какъ древне-римскіе консулы — ликторами, цѣлымъ отрядомъ жандармовъ. Нашъ полковникъ, конечно, не измѣнилъ этому почтенному обычаю. Онъ спросилъ собравшуюся толпу рабочихъ о причинахъ забастовки; ему подали письменное изложеніе жалобъ. «Согласны вы на это требованіе?» спросилъ онъ, обращаясь къ г. Шау; тотъ отвѣчалъ, разумѣется, отрицательно. — «Ну такъ чего же вы, такіе-сякіе, хотите? Да я васъ...» и т. д. и т. д. Начались обычныя увѣщанія, обильно пересыпанныя крѣпкими словами. «У меня, заключилъ храбрый полковникъ, сейчасъ 25.000 солдатъ подъ ружьемъ, попробуйте только бунтовать!» — «Больно ужъ много ты, ваше благородіе, для насъ наготовилъ то»—отвѣчали ему, съ обычнымъ юморомъ русскаго простого человѣка, рабочіе — «насъ всего-то здѣсь 300 челов. и съ бабами, и съ ребятишками, а мужиковъ-то не будетъ и 70».

«Полковникъ» понялъ, что зарапортовался и, для поддержанія своего авторитета, приказалъ схватить одного изъ остряковъ, но толпа окружила его и не позволила бросившимся городовымъ исполнить начальническое приказаніе.

Переговоры кончились безуспѣшно.

Между тѣмъ начавшіеся аресты производили свое дѣйствіе на рабочихъ: снова собрались представители обѣихъ фабрикъ и рѣшили добиваться освобожденія товарищей. Нужно сказать, что въ числѣ рабочихъ, арестованныхъ ночью съ 16 на 17, былъ малолѣтній прядильщикъ — «подручный» съ Н. Бумагопрядильни. Его товарищи, такіе же малыши, какъ онъ, отправились утромъ въ числѣ около 50 чел. къ участку и требовали его освобожденія. Приставъ Бочарскій мужественно вышелъ на встрѣчу къ этимъ «бунтовщикамъ» и съ помощью десятка городовыхъ и 3-4 мастеровъ погналъ ребятишекъ на работу. Разумѣется, пріѣдя на фабрику, всѣ они тотчасъ-же разбѣжались.

Взрослые рабочіе послѣдовали примѣру своихъ «подручныхъ» и рѣшили вступить въ переговоры съ полиціею относительно освобожденія арестованныхъ.

Часовъ около 10 утра, 18 числа, толпа рабочихъ, около 200 чел., собралась недалеко отъ фабрики.

Здѣсь было громогласно прочитано и одобрено слѣдующее заявленіе.

«Мы, рабочіе съ Н. Бумагопрядильни, симъ заявляемъ, что не пойдемъ на работу, пока не будутъ уважены всѣ наши заявленныя хозяину требованія. Что же касается полиціи, то мы отказываемся отъ всякаго вмѣшательства съ ея стороны для примиренія насъ съ хозяиномъ, пока не будутъ освобождены наши товарищи — люди, за которыми мы не знаемъ ничего худого. Если ихъ обвиняютъ въ чемъ либо, пусть судятъ ихъ у мирового, причемъ мы всѣ будемъ свидѣтелями ихъ невинности.

Теперь же ихъ арестовали и держатъ безъ суда и слѣдствія, что противно даже существующимъ законамъ».

Пока читалось это заявленіе, явился околоточный: онъ предлагалъ рабочимъ отправиться для объясненій къ приставу, но они сочли болѣе удобнымъ переговорить съ градоначальникомъ. Путь рабочихъ лежалъ черезъ Загородный пр. На немъ есть домъ мѣщанской гильдіи съ проходнымъ дворомъ. Едва рабочіе прошли этотъ дворъ и вышли на Фонтанку, они были аттакованы жандармами съ приставомъ Бочарскимъ во главѣ.

Приставъ ѣхалъ на дрожкахъ и махалъ палкой. Съ крикомъ: «бей ихъ, бунтовщиковъ!» соскочилъ онъ съ дрожекъ и кинулся на толпу; «рыцари ордена собачьей головы и метлы» поддержали своего полководца, и началась расправа во вкусѣ Александра Освободителя...

Описывать-ли эту сцену, или воображеніе русскаго читателя возстановитъ ее во всѣхъ деталяхъ, какъ давно и хорошо знакомую?

Оторопѣвшихъ рабочихъ били и мяли лошадьми; разумѣется, что здѣсь уже некогда было разбирать не только праваго отъ виноватаго, но даже и рабочихъ отъ простыхъ прохожихъ. «Послѣ разберемъ» — вотъ обычный девизъ укротителей.

А послѣ оказалось вотъ что.

11 человѣкъ пришлось отвозить въ больницу; изъ нихъ было нѣсколько человѣкъ прохожихъ, попавшихся подъ руку. «Незначительныхъ ссадинъ» въ родѣ тѣхъ, что констатировалъ, по словамъ «Правит. Вѣстника», медицинскій осмотръ у студентовъ-медиковъ, послѣ ихъ избіенія, оказалось, вѣроятно, немало у тѣхъ изъ рабочихъ, которыхъ не сочли нужнымъ отправлять въ больницу.

«Викторія» была рѣшительная. «Внутренній врагъ» обратился въ безпорядочное бѣгство, оставивъ въ рукахъ побѣдителя 52 человѣка плѣнныхъ, которые и были препровождены въ пересыльную тюрьму. .

На полѣ битвы была оставлена засада, въ которую и попадались интересовавшіеся участью своихъ товарищей и привлеченные слухами о побоищѣ рабочіе. Говорятъ, что цифра плѣнныхъ въ этотъ день дошла до 80.

Какъ, вѣроятно, весело сочинять и получать «реляціи» о такихъ подвигахъ! Мы предлагаемъ нашему «обожаемому монарху» учредить годовщину этой битвы и праздновать ее разводомъ въ манежѣ и обѣдомъ въ Зимнемъ дворцѣ.

Узнавъ о мѣстѣ заключенія плѣнниковъ, родные и знакомые поспѣшили навѣстить ихъ и снабдить деньгами и пищей. Ихъ нетолько не допустили до свиданія съ арестованными, но нѣкоторые изъ нихъ были задержаны и также посажены въ пересыльную.

Между тѣмъ околоточный Степановичъ продолжалъ «тревожить непріятеля» партизанскими ночными аттаками. Нечаянныя нападенія на артельныя квартиры, обыски и аресты нѣсколькихъ человѣкъ — въ этомъ прошла вся ночь.

Печально встрѣтили утро слѣдующаго дня рабочіе Н. Бумагопрядильни.

Въ нѣкоторыхъ квартирахъ не осталось ни одного жильца и онѣ были заколочены, точно послѣ чумы. Въ другихъ — изъ 15 жильцовъ осталось всего 4-5 чел. Не было почти ни одной кварттры, гдѣ бы не былъ арестованъ хоть одинъ жилецъ*).

Къ этому прямому насилію присоединилось, такъ сказать, косвенное. Полиція ходила по мелочнымъ

*) Нужно замѣтить, что фабричные рабочіе живутъ артелями, человѣкъ по 10-15.

лавочкамъ и запрещала купцамъ выдавать рабочимъ въ долгъ провизію. Только двое изъ лавочниковъ (Баляшниковъ и Цвѣтковъ) не послушались этого приказа и продолжали выдачу «на книжку».

Квартирныхъ хозяевъ, у которыхъ рабочіе снимали свои артельныя помѣщенія, понуждали требовать уплату старыхъ долговъ, чтобы этимъ принудить рабочихъ выйти на работу.

Нужно сознаться, — мѣры эти были какъ нельзя болѣе своевременны.

Забастовка продолжалась уже нѣсколько дней и, повидимому, довольно чувствительно отражалась на акціяхъ «компаніи Н. Б.». Такъ, по крайней мѣрѣ, мы объясняемъ себѣ то обстоятельство, что несмотря на совершенное отсутствіе рабочихъ, г. директоръ Бумагопрядильни приказалъ ежедневно топить печи, разводить пары, зажигать газовые рожки утромъ и вечеромъ, давать сигнальные свистки и т. д. При русской, если можно такъ выразиться, гласности, и такія мѣры служатъ иногда къ поддержанію кредита.

Кромѣ того, г. директоръ снесся съ Ш Отдѣл., и 20 чел. жандармовъ были присланы для охраненія тишины и спокойствія. Засѣвши въ домѣ Кобузева, на Обводномъ каналѣ, эта шайка начала свои безчинства. Отъ директора ей присылалось угощеніе: водка и надлежащая закуска. — Идетъ мимо дома Кобузева фабричный и играетъ на гармоникѣ. Изъ воротъ выбѣгаетъ жандармъ, выхватываетъ гармонику и снова прячется во дворъ. Вечеромъ изъ этого гнѣзда раздаются звуки отнятой гармоники, крикъ, гамъ и разгульныя пѣсни. «Обѣщался Рюрикъ грабить по закону, а на мѣсто того — вонъ что вышло!» припоминается намъ мѣсто изъ одной сатиры.

По трактирамъ рыскали околоточные, городовые и шпіоны; они безъ разговоровъ хватали всякаго, кто хоть сколько нибудь былъ похожъ на «подстрекателя».

Пока все это происходило на Обводномъ каналѣ, г. Шау рѣшилъ не вводить «во искушеніе» полицію и покончить дѣло при помощи мѣропріятій, такъ сказать, экономическихъ. Рабочихъ на его фабрикѣ было немного и онъ разсчиталъ, что можетъ замѣнить ихъ всѣхъ новымъ составомъ. Когда рабочіе отказались брать разсчетъ, онъ попросилъ у полиціи одной услуги — принудить рабочихъ взять его.

Просьбу его, разумѣется, поспѣшили исполнить; но полиція не могла отказать себѣ въ удовольствіи устроить облаву на бунтовщиковъ и повторила здѣсь тѣ же сцены, что и на Обводномъ каналѣ: обыски, аресты, шпіонство и здѣсь пошли полнымъ ходомъ. Около дер. Волынки, за Нарвской же заставой, стояло все это время нѣсколько ротъ солдатъ.

Изъ 70-ти взрослыхъ рабочихъ здѣсь было взято около 20 чел. Пойдетъ человѣкъ за чаемъ въ трактиръ — и пропалъ, и не возвращается; гдѣ, куда дѣлся? — его сожители не знаютъ, и могутъ только догадываться.

Пошло нѣсколько человѣкъ на Обводный каналъ на сходку — и также пропали безъ вѣсти. Это была сходка, на которую собралось нѣсколько десятковъ рабочихъ съ обѣихъ забастовавшихъ фабрикъ; никто изъ нихъ не вернулся домой; на утро послали мальчика на квартиру, гдѣ собиралась сходка — пропалъ и мальчикъ...

Какъ ни тяжело вліяло все это на рабочихъ Н. Бумагопрядильни, но они все таки народъ не въ первый разъ «бунтовавшій», такъ сказать, уже обстрѣленный; на «шавинскихъ» же все это нагнало панику: принужденные полиціей взять разсчетъ, они въ ужасѣ бѣжали на другія фабрики, или прятались у своихъ знакомыхъ въ городѣ.

Мѣсто ихъ заняли новые рабочіе — и фабрика снова пошла обычнымъ ходомъ. Ходили потомъ слухи о какомъ-то неудавшемся покушеніи на цѣлость зданія фабрики, но опредѣленнаго насчетъ этого таинственнаго покушенія мы ничего пока сообщить не можемъ.

23 января вышло, наконецъ, «рѣшеніе» взятыхъ въ плѣнъ на обоихъ театрахъ военныхъ дѣйствій. Ихъ раздѣлили на двѣ категоріи. Первую категорію, въ которую вошли малолѣтніе рабочіе (до 15 лѣтъ) *переслѣдили поголовно* и освободили, пригрозивши вторичной поркой, если кто нибудь изъ наказанныхъ не пойдетъ на работу. Да, читатель, это фактъ, о которомъ тебѣ разскажетъ любой изъ рабочихъ Н. Бумаг. Малолѣтнихъ дѣтей порютъ поголовно за участіе въ стачкѣ!

Во вторую, категорію вошли взрослые рабочіе, которыхъ выслали административнымъ порядкомъ частью на родину, частью въ Вологодскую губ. До самаго

отъѣзда къ нимъ не допускали никого изъ родныхъ или знакомыхъ. «Съ воли» сидящимъ не позволялось передавать ни деньги, ни даже съѣстные припасы. На Никол. вокзалъ ихъ пригнали съ партіей преступниковъ, которую сопровождалъ конвой солдатъ, усиленный на этотъ разъ жандармскимъ полувзводомъ. Пришедшіе было проводить ихъ товарищи лишь издали могли перекинуться съ ними прощальнымъ привѣтомъ.

Эта высылка произвела очень тяжелое впечатлѣніе на стачечниковъ. У нѣкоторыхъ изъ высланныхъ остались въ Петербургѣ семьи, которыя лишились такимъ образомъ всякой поддержки, что, при отсутствіи заработка во время стачки, при запрещеніи лавочникамъ давать рабочимъ въ долгъ съѣстные припасы, ставили ихъ въ положеніе совершенно безвыходное. Одна надежда была на сборы, дѣлаемые въ средѣ учащейся молодежи и рабочихъ другихъ фабрикъ, но, при той сѣти шпіоновъ, которой были окутаны стачечники, даже раздача денегъ бѣднѣйшимъ изъ нихъ не могла производиться открыто; наконецъ, собранныхъ денегъ не всегда хватало, иетогда стачечники сами собирали свои гроши для помощи голодавшимъ. Тотъ, кто хоть разъ присутствовалъ при такихъ сборахъ, не забудетъ ихъ никогда. Стоитъ толпа рабочихъ, человѣкъ въ 80-90. Толкуютъ о положеніи дѣлъ; сообщаютъ о новыхъ подвигахъ полиціи; принимаютъ тѣ или другія рѣшенія. «Послушайте, братья! — раздается изъ толпы голосъ — я видалъ сегодня старика (называетъ имя); у него жена, ребятишки; вѣрите-ли, купилъ онъ давеча утромъ на гривенникъ харча, а завтра что будетъ ѣсть — и самъ не знаетъ; надо бы помочь!» — «Надо, надо! — соглашается толпа. — Эй, Ванюха! обходи народъ съ шапкой!». Ванюха снимаетъ картузъ и обходитъ присутствующихъ. И тянется загрубѣвшая, мозолистая рука фабричнаго и кидаетъ онъ въ шапку серебряныя и мѣдныя монеты, причемъ положившій мало, считаетъ долгомъ извиниться собственнымъ стѣсненнымъ положеніемъ. «Вотъ что, братья, я только 3 коп. кладу — ну ей-богу самому ѣсть нечего». — «Знаемъ, знаемъ, отвѣчаютъ ему, ты объ этомъ не говори, а кто что можетъ, то и клади!» Въ шапкѣ оказывается нѣсколько рублей, которые и вручаются кому-нибудь изъ присутствующихъ, для

передачи по назначенію. Иногда тотъ, для кого дѣлаются такіе сборы, оказывается присутствующимъ въ толпѣ, и тогда деньги передаются ему непосредственно. «Спасибо вамъ, братцы! кланяется тронутый рабочій — дай вамъ богъ...» — «Не на чемъ, не на чемъ, мы должны помогать другъ дружкѣ, дѣло общее; мы тебѣ собрали отъ всего общества» возражаютъ ему.

— «Пауки черезъ заборъ глядятъ» раздаются тоненькіе голоса «подручныхъ», — и толпа начинаетъ расходиться.

А ночью новые обыски, новые аресты. Около 5 час. утра толпы городовыхъ подъ предводительствомъ нѣсколькихъ околоточныхъ ходятъ по квартирамъ рабочихъ, расталкиваютъ ихъ тесаками и буквально силой гонятъ ихъ на работу; кто энергичнѣе протестуетъ, тому приказываютъ «одѣваться» — его арестуютъ и ведутъ въ участокъ.

Днемъ происходятъ другія сцены. Стоитъ у дверей трактира рабочій, къ нему подходитъ околоточный въ сопровожденіи 5 городовыхъ. «Что не идешь на работу?» Рабочій что-то отвѣчаетъ. «Ахъ, ты такой сякой!» Околодочный хватаетъ и трясетъ его за бороду «такъ ажъ зубами онъ защелкалъ», говорилъ намъ очевидецъ.

Идетъ фабричный на улицѣ, на встрѣчу ему околоточный. «Поровнялся съ нимъ — да въ бокъ кулакомъ... а потомъ развернулся да по щекамъ... да по щекамъ...» разсказываютъ потомъ другъ другу рабочіе.

Г-нъ хроникеръ «Вѣстн. Европы»! точно ли крѣпостное право трудами людей вашего пошиба уничтожено въ Россіи?

Намъ кажется, что оно только приняло иныя формы. Кто изъ насъ правъ — пусть судитъ читатель.

Всѣ описанныя происшествія сломили, наконецъ, энергію рабочихъ. Стачка держалась 9 дней, на 10-й —шпулечницы (около 50) и часть мюльщиковъ вышли на работу. Первымъ прибавлено по 3 коп. за пудъ смотанной пряжи, вторые не получили никакихъ уступокъ.

На другой день пошли на работу и ткачи, сначала чел. 100, послѣ обѣда около половины, а къ вечеру только нѣсколько десятковъ человѣкъ продолжали упорствовать. Теперь большинство работаетъ, но опустошенія, произведенныя полиціей въ средѣ рабочихъ

такъ велики, что много станковъ остается не занятыми.

Фабрика снова въ полномъ ходу; пыхтитъ паръ, стучатъ колеса, покрикиваютъ мастера и браковщики, и только унылыя лица рабочихъ и нѣсколько десятковъ семей, лишившихся трудовыхъ рукъ своихъ отцовъ, содержащихся по «чижовкамъ»—напоминаютъ о случившемся, да нѣсколько десятковъ сосланныхъ, которыхъ ихъ товарищи называютъ «политическими» и тѣмъ выдѣляютъ изъ массы ссылаемыхъ за уголовныя преступленія, — разносятъ по отдаленнымъ окраинаиъ Россіи вѣсть о новой жизни рабочаго, наступившей для него послѣ 19 февраля 1861 г.

Еще недавно масса смотрѣла на «политическихъ», какъ на «измѣнниковъ» и «бунтовщиковъ»; нѣкоторые не сильные въ мышленіи люди видѣли въ этомъ проявленіе ея здраваго смысла. Теперь масса знаетъ, что называется бунтомъ на языкѣ предержащихъ властей; она знаетъ, что въ числѣ «политическихъ» есть ея люди, которые пострадали за «общее», «правое» дѣло.

Такъ популяризируется идея бунта и политическихъ преступленій въ Россіи!

Стачечники вышли на работу; ходятъ слухи, что каждый изъ нихъ заплатитъ трехруб. штрафъ. Можетъ быть, они подчинятся и этому новому грабежу. Но стачка все таки не кончилась, только продолженіе ея отсрочено на неопредѣленное время. Въ томъ то и заключается жизненная сила такихъ протестовъ, что они вспыхиваютъ, когда не удовлетворяется минимумъ даже самыхъ необходимыхъ потребностей массы. Никакія репрессіи не застращаютъ ее надолго, когда ей представляется альтернатива: бунтовать или умирать съ голоду. А когда ей удается отвоевать себѣ удовлетвореніе этого минимума, явятся новыя потребности, стойкость ея окрѣпнетъ, благодаря опыту, пріобрѣтенному въ борьбѣ, и отъ бунта за 5-тикопѣечную прибавку она постепенно будетъ переходить къ болѣе и болѣе широкому протесту, пока не исполнитъ, наконецъ, завѣта своихъ дѣдовъ и прадѣдовъ, завѣта всей русской исторіи, пока не возьметъ въ свои могучія трудовыя руки краснаго знамени *Земли и Воли*.

Каменская станица. (Письмо второе).

Я уже писалъ вамъ*) о такъ называемой Луганской исторіи, волновавшей населеніе нашего округа съ самаго начала весны 1878 г. Вы помните, вѣроятно, что 30 ч. луганцевъ «наряженныхъ» для рѣзки лѣса станичнымъ начальствомъ и отказавшихся исполнить это распоряженіе, были посажены въ каменскій острогъ. Этихъ козловъ отпущенія держали въ тюрьмѣ до конца ноября, постоянно таская на допросы. Отвѣты арестованныхъ были коротки и единодушны: «мы ни въ чемъ не виноваты, бунтовали не мы одни, а вся станица, да и по прочимъ станицамъ также недовольны земствомъ и разными прочими нововведеніями и терпятъ только до поры до времени».

«Неповиновеніе власти» было слишкомъ упорно, соблазнъ для другихъ станицъ слишкомъ великъ: начальство рѣшилось дѣйствовать «со скоростью и строгостью». Посылать солдатъ въ станицу, въ которой вмѣстѣ съ принадлежащими ей хуторами, считается до 15 тыс. жителей, было слишкомъ рискованно, поэтому изобрѣтательное начальство прибѣгло къ другому способу дѣйствій. Въ Луганскую станицу снова является какой-то «генералъ» и обращается къ проживающему тамъ шпіону изъ отставныхъ офицеровъ Апостолову, съ просьбою указать бунтовщиковъ и тѣмъ поддержать «основы». Тотъ, разумѣется, не заставилъ повторять просьбы и его усердіе превозошло даже генеральское ожиданіе. Бунтовщиковъ оказалось цѣлыхъ полторы сотни, въ число которыхъ, замѣчу я отъ себя, попали казаки даже не бывшіе на сборахъ. Но провѣрять вѣрность показаній «доносителя» было некогда, да и надбности не представлялось. Импровизированнымъ бунтовщикамъ была объявлена слѣдующая альтернатива: или уговорить казаковъ отдать лѣсъ, или раздѣлить участь арестованныхъ раньше 30 чел., которымъ грозитъ Сибирь. Вы, молъ, бунтовали, вы и усмиряйте! Усмирить они должны были въ весьма короткій срокъ.

Узнавъ объ этой дикой выходкѣ начальства, луганцы призадумались. Поддержки другія станицы не оказываютъ, а начальство грозитъ Сибирью даже не-

*) № 3 «Земли и Воли».

виннымъ, рѣшено стереть Лугань съ лица земли. Нѣсколько дней шли всевозможные толки въ станицѣ и, наконецъ, стачечники рѣшили, что «одинъ въ полѣ не воинъ». Эхъ, говорили они, съ проклятіемъ подписывая приговоръ объ отдачѣ лѣса, поддержи насъ другія станицы, не такъ бы кончилось дѣло!» Какъ только приговоръ былъ подписанъ, немедленно были освобождены отъ слѣдствія не только 150 чел. оболганныхъ Апостоловымъ, но и тѣ 30 чел., что содержались въ каменскомъ острогѣ. Тяжкія обвиненія, которыя взваливались на нихъ, были забыты начальствомъ тотчасъ же, какъ миновалась надобность въ заложникахъ, на которыхъ можно было бы сорвать сердце и показать спасительный примѣръ строгости.

Такъ кончилась Луганская исторія; кончилась, какъ и множество другихъ такъ называемыхъ мелкихъ бунтовъ, побѣдою правительства, причемъ сопротивленіе населенія во время «бунта», только рѣдко и то не-надолго, переходило изъ пассивнаго въ активное. Но причины, вызвавшія сопротивленіе, не только не перестали существовать, но, напротивъ, получили законную санкцію. Это, разумѣется, только увеличиваетъ неудовольствіе казаковъ, и вотъ почему я думаю, что намъ, быть можетъ, придется еще увидѣть эпилогъ только что закончившейся драмы.

А эпилогъ, пожалуй, будетъ интереснѣе самой драмы, хотя бы потому, что разыгрывать его будутъ не новички. Луганскій «бунтъ» оставилъ казакамъ драгоцѣнный опытъ въ подобныхъ дѣлахъ. Этотъ опытъ показалъ, во 1), что для того, чтобы разсчитывать на какой-нибудь успѣхъ въ борьбѣ съ правительствомъ, необходимо дѣйствовать дружно и единодушно; онъ показалъ во 2), полную возможность единодушнаго дѣйствія, такъ какъ причины неудовольствія одинаковы во всемъ войскѣ.

Казаки хорошо сознаютъ это, и мнѣ кажется, что ни въ какой другой части населенія Россіи нельзя встрѣтить болѣе осмысленнаго и болѣе сильнаго недовольства существующимъ порядкомъ вещей.

Недовольны казаки своимъ новорожденнымъ земствомъ, которое отбираетъ лѣса, озера, рѣки, налагаетъ пошлины на мельницы, налагаетъ вмѣстѣ съ правительствомъ акцизъ на соль, добываемую въ войскѣ, такъ какъ прежде добываніе ея было вольное и т. д.

Недовольны они плохимъ надѣломъ земель. Это можетъ показаться страннымъ, такъ какъ всѣмъ извѣстно, что свободныхъ земель въ войскѣ пропасть. Но въ томъ то и дѣло, что изъ этихъ свободныхъ земель никакихъ прирѣзокъ станицамъ не дѣлается, хотя населеніе растетъ. Оффиціальный душевой надѣлъ казака въ нашемъ округѣ считается 30 десятинъ, онъ и подать (положимъ небольшую—50 коп. съ пая) платитъ за 30 дес., — а между тѣмъ, количество земли, дѣйствительно удобной для обработки, колеблется отъ 8 до 10 дес., да и то цѣнится такъ дешево, что арендная плата не превышаетъ 50 коп.

Рядомъ съ этими, такъ сказать, экономическими причинами недовольства, являются правительственныя, вродѣ отобранія оружія у казаковъ. По возвращеніи съ театра военныхъ дѣйствій у нихъ въ Кіевѣ были отобраны пушки, а затѣмъ, когда они пріѣхали въ Черкаскъ—и ружья. Казаки объясняютъ эти мѣры тѣмъ, что начальство, дескать, боится общаго бунта на Дону.

Насколько ненавидятъ казаки земство и какъ хорошо понимаютъ они, что замѣна прежняго казацкаго самоуправленія земскимъ—равносильна замѣнѣ дѣйствительнаго, неподдѣльнаго самоуправленія фиктивнымъ и, притомъ не дешево стоющимъ, — видно во всякомъ словѣ казака, толкуете-ли вы съ нимъ въ хатѣ, встрѣтитесь-ли и разговоритесь по дорогѣ или, наконецъ, явится-ли онъ на сборъ въ станичное правленіе.

Случилось мнѣ недавно пойти въ одинъ хуторъ недалеко отъ нашей станицы. Дорогой меня нагналъ казакъ, ѣхавшій въ телѣгѣ. Послѣ обычныхъ привѣтствій и вопроса «гдѣ (т. е. куда) идешь?» — вызвался подвезти меня до хутора. Я воспользовался предложеніемъ и у насъ завязался разговоръ, который разумѣется, тотчасъ же свелся на земство.

«Земство, говорилъ мой собесѣдникъ, будетъ постепенно отнимать наши права; оно хорошо знаетъ, что если захочетъ отнять ихъ сразу, то казаки взбунтуются всѣ. Казакъ—что быкъ: если его будутъ пріучать къ упряжи постепенно, будетъ терпѣть, пока хватитъ силъ, если же сразу подъ ярмо—непремѣнно взбѣсится. Многіе еще не понимаютъ земства и его подходовъ, когда-же узнаютъ, то это даромъ не пройдетъ, казаки—имъ не мужики».

«Если уже земство такъ умно, что всюду суетъ свой носъ», иронизировалъ другой казакъ на сборѣ въ Гундеровской станицѣ, «то пусть лучше обучаетъ мою старуху хлѣбы печь, а къ намъ не мѣшается».

Съ кѣмъ изъ казаковъ не заговорите, вездѣ услышите одно и тоже. Появляются свои доморощенные ораторы, которые производятъ сильное впечатлѣніе и на нашего брата, а о казакахъ и говорить нечего. Я встрѣтилъ одного изъ такихъ выразителей общаго недовольства, Теперь уже сѣдой и вдобавокъ глухой, этотъ замѣчательный человѣкъ всю жизнь свою не могъ осѣсться на одномъ мѣстѣ. Лѣтомъ онъ бурлачитъ, зимой ходитъ по хуторамъ и станицамъ и рисуетъ планы. Пламенныя рѣчи свои онъ начинаетъ словами: «пріутихъ, пріунылъ славный Донъ», далѣе слѣдуетъ мастерское сравненіе прежняго вольнаго казачьяго житья съ настоящимъ, конечно, не въ пользу послѣдняго; оканчиваетъ онъ ихъ пѣсней собственнаго сочиненія, которой я, къ сожалѣнію, не могъ записать запомнилъ-же только начало:

Ктой-то, братцы, наше Войско
Губитъ, грабитъ, разоряетъ?
Ктой-то, братцы, нашу землю
Податями облагаетъ?

Таково положеніе дѣлъ у насъ, на Дону въ настоящее время. Сдѣлать изъ описаннаго тѣ или другіе выводы предоставляю читателю.

1880 г.

*Отъ редакціи.**)

Въ № 1 «Народной Воли» было уже заявлено о причинахъ прекращенія изданія «Земли и Воли» и появленія двухъ новыхъ органовъ, не совсѣмъ согласныхъ между собою въ опредѣленіи практическихъ задачъ русской соціально-революціонной партіи.

Намъ остается лишь дополнить сдѣланное тамъ объясненіе. Расколъ въ редакціи «Земли и Воли» не ограничился, къ сожалѣнію, предѣлами литературнаго кружка: онъ выражалъ собою два различныхъ теченія, возникшія внутри народно-революціонной партіи. Которое изъ нихъ болѣе соотвѣтствуетъ духу девиза этой партіи — Земли и Воли, — какое изъ двухъ новыхъ изданій уклонилось отъ первоначальной ея программы — объ этомъ не мѣсто высказываться въ нижеслѣдующихъ немногихъ строкахъ. Мы ограничимся, поэтому, замѣчаніемъ, что «Земля и Воля» по прежнему останется нашимъ практическимъ, боевымъ девизомъ, такъ какъ эти два слова наиболѣе полно и широко выражаютъ народныя потребности, стремленія и идеалы.

Въ статьѣ о «Черномъ Передѣлѣ» подробно говорится объ отношеніи повсемѣстнаго ожиданія народомъ передѣла земли къ этой исторической революціонной формулѣ. Что касается названія нашего изданія органомъ соціалистовъ-федералистовъ, то оно объясняется нашимъ убѣжденіемъ, что лишь федеративный принципъ въ политической организаціи освободившагося народа, только полное устраненіе принудительнаго начала, на которомъ основаны современныя государства, и свободная организація снизу вверхъ — можетъ гарантировать нормальный ходъ развитія народной жизни. Насколько торжество федеративнаго принципа можетъ быть достигнуто однимъ ударомъ,

*) Изъ передовой статьи въ № 1 «Черный Передѣлъ», вышедшемъ 15-го января 1880 г.

однимъ побѣдоноснымъ революціоннымъ движеніемъ, — невозможно, конечно, сказать въ настоящее время. Но партія должна направить всѣ свои усилія къ обезпеченію его торжества, и соціально-реворюціонныя изданія не могутъ обходить молчаніемъ этого важнаго вопроса.

Этнографическій составъ населенія русскаго государства постоянно заставляетъ считаться съ нимъ даже въ современной намъ практикѣ. Малороссія, Бѣлоруссія, Польша, Кавказъ, Финляндія, Бессарабія — каждая изъ этихъ составныхъ частей Россійской Имперіи имѣетъ свои народныя особенности, требуетъ самобытнаго, автономнаго развитія.

Въ виду этого, было бы весьма полезно развитіе мѣстной революціонной литературы; но пока оно составляетъ задачу будущаго, «Черный Передѣлъ» по необходимости является органомъ всѣхъ русскихъ соціалистовъ, раздѣляющихъ основныя положенія его программы. Тѣмъ не менѣе каждое указаніе на мѣстныя отличія въ постановкѣ соціальнаго вопроса и практическихъ пріемахъ партіи, всегда найдетъ самый радушный пріемъ на страницахъ нашего изданія.

Наконецъ, исходя изъ условій русскихъ общественныхъ отношеній въ постановкѣ своей практической программы, русская соціально-революціонная партія не можетъ упускать изъ виду положеній научнаго соціализма, которыя должны служить для нея критеріемъ при оцѣнкѣ различныхъ сторонъ и формъ народной жизни. Изданіе, имѣющее въ виду, главнымъ образомъ, интеллигентныхъ читателей — къ которымъ мы относимъ также и часть городскихъ рабочихъ — даже обязано указывать на тѣсную связь русскаго революціоннаго движенія съ общими выводами западно-европейской жизни и мысли, оттѣнять ихъ тождество — въ послѣднемъ счетѣ — съ стремленіями и задачами русской соціально-революціонной партіи.

Сказаннаго, полагаемъ, достаточно, чтобы отклонить могущія возникнуть по поводу названія нашего органа недоразумѣнія.

— —

Черный Передѣлъ. *)

Гласъ народа — гласъ божій.

Въ многомилліонной массѣ русскаго крестьянства безпрерывно появляется, исчезаетъ и вновь возникаетъ множество самыхъ разнообразныхъ слуховъ, толковъ и ожиданій. Несмотря на свое видимое разнообразіе, всѣ эти слухи имѣютъ одинъ и тотъ же источникъ — страстное искаціе народомъ того или другого выхода изъ современнаго невыносимо-тяжкаго положенія. Но ни одинъ изъ нихъ не пріобрѣлъ такого широкаго, можно сказать, повсемѣстнаго распространенія, ни одинъ не остановилъ на себѣ въ такой степени вниманія правительства и интеллигентнаго общества, какъ слухъ о предстоящемъ, будто-бы, въ скоромъ времени передѣлѣ земли. Никто не можетъ указать не только автора этого «превратнаго толкованія», но даже и мѣста первоначальнаго появленія послѣдняго. Пущенный, быть можетъ, однимъ изъ тѣхъ «бывалыхъ» людей изъ народа, которымъ ихъ продолжительное скитальчество по бѣлому свѣту сообщаетъ не псевдо-цивилизованныя привычки городского обывателя изъ мѣщанъ, не презрительное отношеніе къ «сѣрой деревенщинѣ», но глубокое, инстинктивное пониманіе народныхъ потребностей и нероднаго горя, слухъ этотъ облетѣлъ всю земледѣльческую Россію... и вездѣ перешелъ въ непоколебимую увѣренность относительно скораго приближенія «слушнаго часа» и т. п. Не заботясь о томъ, чьимъ «священнымъ правамъ», какимъ «общественнымъ основамъ» противорѣчитъ его желанный аграрный переворотъ, народъ нашъ положилъ ожиданіе этого переворота въ основаніе своего примиренія съ тяжелымъ настоящимъ, своихъ надеждъ на лучшее будущее. Съ точки зрѣнія этого, по его мнѣнію, неотвратимаго факта, онъ оцѣниваетъ всѣ событія внутренней и внѣшней жизни современной Россіи. Покушеніе на жизнь императора, казни политическихъ преступниковъ, стѣсненіе казаковъ, восточная война, приготовленія къ ревизіи, всѣ эти факты, несмотря на ихъ очевидную несоизмѣримость, взвѣшиваются на-

*) Статья изъ № 1 «Чернаго Передѣла».

родомъ исключительно съ точки зрѣнія его завѣтныхъ ожиданій земельнаго передѣла, въ каждомъ изъ нихъ онъ видитъ только подтвержденіе основательности своихъ надеждъ. Правительственный циркуляръ, изданіемъ котораго г. Маковъ едва не оказалъ медвѣжьей услуги популярности царскаго имени въ народѣ, встрѣченъ послѣднимъ съ полнымъ недовѣріемъ. «Такъ и передъ волей не единожды читали и объявляли, а все-таки воля вышла», — вотъ непредвидѣнный, вѣроятно, г. Маковымъ отвѣтъ, о своеобразную логику котораго разобьется еще не одно правительственное заявленіе.

Вліяніе этой непоколебимой увѣренности простирается даже на сферу чисто коммерческихъ отношеній: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне, какъ извѣстно, отказываются отъ покупки земель и избѣгаютъ долгосрочныхъ арендныхъ контрактовъ. По своему вліянію на народные умы, слухъ о передѣлѣ земли можетъ сравниться развѣ только съ тѣми слухами объ уничтоженіи крѣпостного права, которые ходили въ народѣ чуть-ли не съ самаго возникновенія этого института въ Россіи, послужили поводомъ ко множеству мелкихъ волненій, съ каждымъ годомъ расширявшихся и возраставшихъ въ числѣ *) и убѣдили, наконецъ, правительство въ томъ, что «лучше освободить народъ сверху», нежели ждать, пока это освобожденіе будетъ предпринято снизу.

Не прошло еще и двадцати лѣтъ послѣ «великой реформы» нынѣшняго царствованія, какъ народъ, со свойственной массамъ черной неблагодарностью, начинаетъ поговаривать о передѣлѣ земли и толкуетъ объ этомъ съ тою же роковою увѣренностью, которая одинъ разъ уже вынудила правительство къ уступкѣ. Никто не можетъ поручиться въ томъ, что если бы правительство уступило и на этотъ разъ, народъ не потребовалъ бы отъ него новыхъ и новыхъ уступокъ, пока постоянно ограничивая и урѣзывая самого себя, государство не дошло бы, наконецъ, до полнаго самоотрицанія, а такъ какъ это послѣднее никакъ уже не можетъ входить въ правительственные виды, то никто не можетъ поручиться и въ томъ, что народъ не

*) См. кн. Романовича-Славатинскаго: «Дворянство въ Россіи» гдѣ представлена перепись этихъ волненій.

будетъ вынужденъ удовлетворять своимъ потребностямъ путемъ того воздѣйствія «снизу», тенетъ котораго всѣ правительства и всѣ либералы въ мірѣ избѣгаютъ такъ же старательно, какъ Мефистофель избѣгалъ креста. Что касается до насъ революціонеровъ-народниковъ, то мы считаемъ такое воздѣйствіе неминуемымъ, такъ какъ вся внутренняя исторія Россіи есть, по нашему мнѣнію, ничто иное, какъ длинное, полное трагизма повѣствованіе о борьбѣ на жизнь и смерть между полярно-противоположными принципами народно-общиннаго и государственно-индивидуалистическаго общежитія. Кровавая и шумная, какъ ураганъ, въ минуты крупныхъ массовыхъ движеній, въ родѣ бунтовъ Разина, Пугачева и др., борьба эта не прекращалась ни на минуту, принимая самыя разнообразныя формы. Откупаясь отъ государственнаго вмѣшательства въ его жизнь во времена Грознаго, какъ откупался онъ когда-то отъ норманновъ, хазаръ или, потомъ, татаръ; разбредаясь розно и заселяя пустынныя степныя окраины и лѣсныя тайги сѣвернаго поморья и Сибири; образуя шайки понизовой вольницы подъ предводительствомъ своихъ любимыхъ «атаманушекъ»; оплакивая «древнее благочестіе» въ глухихъ раскольничьихъ скитахъ, народъ вездѣ и всюду отстаивалъ одни и тѣже стремленія, боролся за одни и тѣ же идеалы общежитія.

Свободное общинное самоустройство и самоуправленіе: предоставленіе всѣмъ членамъ общины сначала права свободнаго занятія земли «куда топоръ, коса и соха ходитъ», потомъ, съ увеличеніемъ народонаселенія, равныхъ земельныхъ участковъ съ единственною обязанностью участвовать въ «общественныхъ разметахъ и разрубахъ»; трудъ, какъ единственный источникъ права собственности на движимость; равное для всѣхъ право на участіе въ обсужденіи общественныхъ вопросовъ и свободное, реальными потребностями народа опредѣляемое соединеніе общинъ въ болѣе крупныя единицы — «земли»: вотъ тѣ начала, тѣ принципы общежитія, которые такъ ревниво оберегалъ народъ и которые, кратко формулируясь въ боевомъ девизѣ «Земля и Воля», въ минуты, когда чаша народнаго долготерпѣнія оказывалась переполненной до краевъ, обладали магическимъ свойствомъ волновать умы массы отъ прикаспійской Астрахани до бѣломорскаго

Соловецкаго монастыря. Съ самыхъ раннихъ временъ своего существованія государство вступило въ противорѣчіе съ этими принципами. Отдача свободныхъ дотолѣ общинъ въ «кормленіе» представителямъ государственной власти, которые вмѣшивались въ народную жизнь и лишили общину до тѣхъ поръ неоспоримаго ея права на рѣшеніе возникавшихъ внутри ея вопросовъ: призвольное обложеніе общинъ податями для непонятныхъ народу и чуждыхъ его интересамъ цѣлей; захватъ общинныхъ земель и раздача ихъ частнымъ лицамъ; раздача вотчинъ и помѣстій высшимъ классамъ и предоставленіе имъ права на крестьянскій трудъ; полное закрѣпощеніе народа и насиліе, насиліе, насиліе, отъ насильственнаго спаиванія народа при «тишайшемъ» Алексѣѣ Михайловичѣ до обращенія съ помощью военныхъ экзекуцій селъ въ города и насильственнаго введенія культуры картофеля при «незабвенномъ» Николаѣ — вотъ тѣ блага, которыя приносило народу государство, тѣ пріемы, которыхъ оно неуклонно держалось впродолженіе всей своей исторіи. Напрасно гг. оффиціальные историки стремятся убѣдить насъ въ томъ, что русскій народъ не только добровольно призвалъ князей, но и всегда охотно подчинялся государственнымъ порядкамъ. Это подчиненіе было настолько же добровольно, какъ и подчиненіе малорусскаго народа польскому или подчиненіе индійцевъ англичанамъ.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ было то-же насильственное вторженіе въ народную жизнь, то-же непониманіе и игнорированіе ея склада и особенностей, то-же попраніе народныхъ правъ, и еще неизвѣстно, который изъ трехъ народовъ болѣе энергично протестовалъ, настойчивѣе отстаивалъ устои исконныхъ бытовыхъ формъ своего общежитія. До сихъ поръ русское государство оставалось побѣдителемъ въ его борьбѣ съ народомъ, но кто возьмется высчитать шансы этой борьбы въ будущемъ? До сихъ поръ торжество государства было полно и повсемѣстно. Оно сдавило народъ желѣзнымъ кольцомъ своей организаціи: пользуясь ея преимуществами, оно съ успѣхомъ подавляло не только мелкія и крупныя народныя движенія, но и всѣ проявленія самостоятельной народной жизни и мысли; оно наложило свою тяжелую руку на казачество, исказило земельную общину; заставило народъ

заплатить за его исконное достояніе — замлю — выкупъ, превышающій стоимость самой земли; но въ то время, когда оно отпраздновало уже тысячелѣтній юбилей своего существованія, когда оно повидимому уже ни мало не сомнѣвалось въ окончательной гибели самобытной народной жизни, народъ съ полнымъ спокойствіемъ и ничѣмъ неразрушимою увѣренностью заявляетъ, что далѣе такъ продолжаться не можетъ, что самъ царь пойметъ, наконецъ, эту невозможность и возьметъ на себя починъ перестройки общественныхъ отношеній въ духѣ исконныхъ народныхъ идеаловъ. Ничто не могло такъ горько отравить торжества побѣдителей, не могло нагляднѣе доказать, что вліяніе государственности было и остается до сихъ поръ поверхностнымъ, что оно не простирается на умы и воззрѣнія массы, какъ этотъ замогильный голосъ заживо погребеннаго, но все еще полнаго силъ и способности къ самобытному развитію народа.

Вотъ почему правительство забило тревогу и, вопреки всѣмъ прежнимъ оффиціальнымъ увѣреніямъ относительно того, что русская соціально-революціонная партія есть не болѣе, какъ «горсть злонамѣренныхъ личностей», не имѣющихъ никакой почвы и вліянія въ народѣ, — оно объявило, что ходящіе въ крестьянствѣ толки о передѣлѣ земли нужно цѣликомъ отнести на счетъ соціалистической пропаганды. Оно приписало соціалистамъ такое громадное вліяніе на народные умы, о которомъ они до сихъ поръ не всегда позволяли себѣ даже мечтать. Такова логика оффиціальныхъ заявленій. Справедливость заставляетъ насъ, однако, признать, что въ подобной ошибкѣ правительство виновато менѣе, чѣмъ это можетъ показаться съ перваго взгляда.

Мудрено ли, что неимѣющее понятія объ особенностяхъ склада жизни и правовыхъ воззрѣніяхъ народа, изъ всѣхъ событій русской исторіи знающее лишь исторію дворцовыхъ переворотовъ да лѣтопись дворцовыхъ крупныхъ и мелкихъ интригъ, часто забывающее даже исторію своихъ собственныхъ «мѣропріятій», мудрено-ли, говоримъ, что такое правительство съ удивленіемъ и страхомъ услышавшее о живущихъ въ крестьянствѣ ожиданіяхъ полнаго аграрнаго переворота, объяснило эти ожиданія вліяніемъ соціально-революціонной партіи? Оно узнало, что народъ

не признаетъ за высшими классами права собственности на землю, что онъ требуетъ не только экспропріаціи земли у высшихъ классовъ, но и установленія совершенно иныхъ, мало понятныхъ съ правительственной точки зрѣнія, формъ отношенія къ ней; оно узнало, словомъ, что народъ ждетъ соціальной революціи, и, естественно, обвинило въ томъ соціалистовъ.

Читатель, сколько нибудь знакомый съ ходомъ возникновенія партій вообще, и русской соціально-революціонной въ частности, не нуждается, конечно, въ доказательствахъ того, что въ данномъ случаѣ слѣдствіе принято за причину. Не потому народныя воззрѣнія на землю и право владѣнія и пользованія ею противорѣчатъ воззрѣніямъ высшихъ классовъ, не потому не согласуются они съ понятіемъ о собственности, санкціонированнымъ сводомъ государственныхъ законовъ, что появилась въ Россіи соціально-революціонная партія. Напротивъ, эта послѣдняя потеряла бы всякій смыслъ существованія, навсегда осталась бы экзотическимъ растеніемъ, неизвѣстно кѣмъ и зачѣмъ пересаженнымъ на русскую почву, если бы не было вышеупомянутой розни, если бы она не положила своего отпечатка на всю исторію внутреннихъ отношеній въ нашей странѣ, не проникала собою всѣхъ сферъ человѣческаго общежитія. Этою рознью только и вызвана къ жизни наша партія, въ ней заключаются наши надежды, въ ней видимъ мы залогъ своего успѣха и ее же считаемъ мы исходнымъ пунктомъ, операціоннымъ базисомъ нашей революціонной работы въ народѣ. Полагаемъ, что не безполезно будетъ остановиться на этомъ нѣсколько долѣе.

Наши воззрѣнія на практическія задачи нашей партіи составляются изъ двухъ слагаемыхъ: общихъ указаній науки и спеціальныхъ условій русской исторіи и современной дѣйствительности. Мы признаемъ соціализмъ послѣднимъ словомъ науки о человѣческомъ обществѣ и въ силу этого считаемъ торжество коллективизма въ области владѣнія и труда альфой и омегой прогресса въ экономическомъ строѣ общества. Мы знаемъ, что выраженіе «природа не дѣлаетъ скачковъ» одинаково приложимо какъ въ сферѣ явленій природы, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, такъ и въ ходѣ развитія человѣческихъ обществъ.

Мы помнимъ, что каждый шагъ на пути этого развитія строго опредѣляется предшествующей исторіей общества и его состояніемъ въ данный моментъ, словомъ всей суммой данныхъ динамики и статики разсматриваемаго общества. Но мы убѣждены также и въ томъ, что палліативы не исцѣляютъ соціальныхъ золъ, что всякій общественный дѣятель долженъ стремиться провести въ общество максимумъ необходимыхъ и возможныхъ реформъ, что, выражаясь кратко, каждый общественный дѣятель долженъ быть *радикаломъ*. Такъ какъ экономическія отношенія въ обществѣ признаются нами основаніемъ всѣхъ остальныхъ, коренною причиною не только всѣхъ явленій политической жизни, но и умственнаго и нравственнаго склада его членовъ, то радикализмъ прежде всего долженъ стать, по нашему мнѣнію, радикализмомъ экономическимъ. Усилія реформатора-радикала должны направляться, главнымъ образомъ, на максимальное измѣненіе къ лучшему общественно-экономическаго строя, не справляясь о томъ, мирно или при насильственномъ сопротивленіи со стороны лицъ, заинтересованныхъ въ сохраненіи стараго порядка, можетъ совершиться это измѣненіе.

Всѣ эти положенія суть ничто иное, какъ выводы современной соціологіи, равно обязательные для всего человѣчества. Сознательно или безсознательно, слѣдуя или противорѣча имъ на практикѣ, съ ними считались всѣ реформаторы и революціонеры, всѣ общественные дѣятели отъ Будды до К. Маркса, отъ «великаго» Ликурга, до «маленькаго» Тьера или ген.-губ. Гурко включительно. Но едва мы захотимъ приложить эти положенія къ практической дѣятельности въ нашемъ отечествѣ, едва вмѣсто условій общественнаго развитія вообще, мы заговоримъ объ условіяхъ русскаго прогресса въ частности, мы, логикой тѣхъ же самыхъ положеній обращаемся въ русскихъ *революціонеровъ-народниковъ*. Только въ формахъ русской народной жизни находимъ мы здѣсь задатки для развитія полнаго коллективизма въ отношеніяхъ производителей къ орудіямъ труда, только отстаивая эти формы мы можемъ найти незыблемую опору въ крестьянской массѣ; въ устраненіи враждебныхъ вліяній и расчисткѣ пути для правильнаго развитія этихъ формъ заключается сумма возможныхъ въ настоящее время экономи-

ческихъ и, стоящихъ къ нимъ въ отношеніи слѣдствія къ причинѣ, политическихъ реформъ въ Россіи *). Но для осуществленія этого максимума реформъ, намъ прежде всего нужно обратить свои усилія на разрушеніе нынѣ существующаго въ нашемъ отечествѣ государственнаго строя. Государству закрѣпощена главная масса народнаго труда. Созданное имъ путемъ экспроріаціи земли у народа, малоземелье образуетъ тотъ контингентъ искусственно оторванныхъ отъ родной хаты и нивы батраковъ, изъ котораго набираютъ «рабочія руки» фабрики и заводы. Тяжелыми поборами оно заставляетъ крестьянина искать средства для удовлетворенія требованій государства на сторонѣ, т. е. вынуждаетъ его отдавать себя въ жертву хозяйской эксплуатаціи. Оно поддерживаетъ кулачество и ростовщическій капитализмъ въ деревнѣ и такимъ образомъ подбирается къ формамъ народной жизни съ самой опасной стороны. Выше мы старались исторически освѣтить враждебность государства къ всестороннему развитію формъ народной жизни, теперь указываемъ на современныя отношенія народа къ государству. Цѣль нашей статьи будетъ достигнута, если читатель согласится съ нами, что все принадлежащее послѣднему будетъ безвозвратно потеряно для народа, что каждый годъ его существованія стоитъ народу массы бѣдствій, несчастій и горя, что оно деморализуетъ народъ, стараясь привить къ нему формы чуждой ему жизни. Вотъ почему разрушеніе государственной организаціи должно составлять нашу первую задачу. А такъ какъ борьба съ государствомъ можетъ совершаться только на почвѣ «Земли и Воли», то мы, исходя изъ вышеизложенныхъ общихъ положеній, соціализма, приходимъ къ необходимости агитаціи во имя тѣхъ же началъ, за которые уже боролись Разинъ, Пугачевъ и др., приходимъ къ тому, что мы называемъ революціоннымъ народничествомъ. Такъ, понимающій дѣло русскій агрономъ, руководствуясь общими положеніями агрономической науки, выросшей на почвѣ иныхъ условій народонаселенія, сбыта, техники земледѣлія, утилизируетъ эти положенія, сообразно съ русскими условіями выгодной эксплуатаціи почвы.

*) Болѣе полно эти мысли были развиты нами въ № 3 «Земли и Воли» въ статьѣ «Законъ экономическаго развитія и задачи соціализма въ Россіи», къ которой мы и отсылаемъ читателя.

Вотъ почему мы называемъ нашу газету «Черный Передѣлъ». Въ этихъ двухъ словахъ заключается рѣшеніе крестьянского вопроса, отъ котораго, въ свою очередь, зависятъ всѣ остальные. Конечно рѣшеніе это касается только экономической стороны упомянутаго вопроса, но экономическія отношенія въ обществѣ служатъ субстратомъ для всѣхъ остальныхъ категорій человѣческихъ отношеній. Толкуя о «Черномъ Передѣлѣ», о землѣ, народъ забываетъ, повидимому, о «Волѣ», т. е. о той суммѣ общественныхъ реформъ, которая исторически связана съ этимъ словомъ, даже болѣе, народъ нашъ, повидимому, считаетъ возможнымъ примирить передѣлъ земли съ существованіемъ современнаго государства: онъ ждетъ этого передѣла отъ царя.

Но какъ бы ни думалъ объ этомъ въ настоящее время народъ, отъ кого бы ни ждалъ онъ осуществленія его требованій, экономическая, поземельная революція неизбѣжно поведетъ за собою переворотъ во всѣхъ другихъ общественныхъ отношеніяхъ. Въ знаменитомъ девизѣ крупныхъ народныхъ движеній воля такъ же неотдѣлима отъ земли, какъ сила неотдѣлима отъ матеріи, какъ слѣдствіе неотдѣлимо отъ причины. Пусть народъ ждетъ поземельной революціи отъ царя, пусть онъ вѣритъ въ него, видитъ въ немъ своего защитника и ходатая. Но царь, существующій въ народномъ понятіи, и царь, сидящій на русскомъ престолѣ — такъ же не похожи другъ на друга, какъ римскій народный трибунъ не похожъ на восточнаго деспота, какъ Кай-Гракхъ не похожъ на Ширъ-Али и мы утверждаемъ, что даже происходившее подъ авторитетнымъ знаменемъ Пугачевское движеніе логикою народныхъ требованій было бы доведено до полнаго отрицанія царской власти, какъ мы понимаемъ ее теперь. А во-вторыхъ, рано или поздно фикція должна изчезнуть передъ указаніемъ опыта, народъ долженъ увидѣть царскую власть въ ея истинномъ свѣтѣ.

Соціально-революціонная партія должна взять на себя заботу, какъ о скорѣйшемъ разрушеніи этой фикціи, такъ и объ уясненіи народу, проведеніи въ его сознаніе всѣхъ необходимыхъ слѣдствій ожидаемаго имъ аграрнаго переворота. Толкая народъ въ активную борьбу съ государствомъ, воспитывая въ немъ самодѣятельность и активность, организуя его

для борьбы, пользуясь каждымъ мелкимъ случаемъ для возбужденія народнаго неудовольствія и для сообщенія народу, путемъ пропаганды словомъ и дѣломъ, правильныхъ воззрѣній на смыслъ нынѣ-существующихъ и желательныхъ въ будущемъ соціальныхъ отношеній, соціально-революціонная партія должна довести народъ отъ пассивнаго ожиданія «Чернаго Передѣла», долженствующаго совершиться сверху, до активныхъ требованій «Земли и Воли», предъявляемыхъ снизу. Въ этомъ заключается задача и возможные предѣлы ея воздѣйствія на народъ, только на этомъ пути ожидаетъ нашу интеллигенцію славное историческое будущее, только на немъ и встрѣтитъ она мостъ для перехода той громадной пропасти, которая отдѣляетъ интеллигенцію отъ народа чуть ли не со времени крещенія Руси и проникновенія въ высшіе классы чуждыхъ народу, выработанныхъ на истощенной почвѣ разлагавшейся Византіи, воззрѣній и понятій.

Всѣ другіе пути дѣйствія, какъ бы ни казались они радикальны, какъ бы много ни сулили они народу, будутъ ретроградны по своему существу, потому что всѣ они предполагаютъ не только сохраненіе государства, но и дѣйствіе съ его помощью. Какъ бы ни приспособлялось государство къ народнымъ потребностямъ и интересамъ, оно всегда во столько же разъ меньше дастъ народу, во сколько индивидуалистическій принципъ, лежащій въ основѣ современнаго государства (не только русскаго, но и всякаго другого), во сколько этотъ принципъ ниже принципа коллективизма, мірской помощи и солидарности, на которыхъ всегда строилась или стремилась построиться народная жизнь. Въ этомъ смыслѣ мы и говорили, что голосъ народа, требующаго аграрной революціи, есть какъ бы голосъ божій, указывающій нашей интеллигенція ея истинное, провиденціальное назначеніе.

*С. Петербургъ, 14 декабря.**)

Въ то время, когда, вслѣдъ за наступившимъ послѣ 1848 года затишьемъ, въ западной Европѣ снова начало усиливаться рабочее движеніе, въ Россіи сталъ обнаруживаться революціонныя тенденціи въ средѣ интеллигентной молодежи. Пройдя нѣсколько фазисовъ и захвативши извѣстную часть рабочаго населенія, русское интеллигентно-революціонное движеніе остановилось на такъ называемомъ народничествѣ, которое и составляетъ нынѣ преобладающее теченіе въ нашемъ революціонномъ мірѣ. Какое значеніе можетъ имѣть это движеніе въ общей жизни страны? Въ состояніи ли она измѣнить въ теченіи вѣковъ установившееся отношеніи между народомъ и государствомъ? въ какомъ отношеніи стоитъ русское народничество къ западно-европейскому соціализму. Эти вопросы, представляющіе интересъ для всякаго, кто разсматриваетъ событія нашей внутренней жизни не исключительно съ точки зрѣнія уголовнаго кодекса, естественно должны быть разработаны изданіемъ, посвященнымъ пропагандѣ революціоннаго народничества въ средѣ нашей интеллигенціи и указанію путей и способовъ его практическаго осуществленія. Въ предлагаемомъ рядѣ слѣдующихъ статей мы задаемся цѣлью дать на нихъ посильный отвѣтъ.

Прежде всего нужно установить сколько нибудь опредѣленную и точную терминологію. Это тѣмъ болѣе необходимо въ виду того, что съ народничествомъ въ разныхъ странахъ и въ различные періоды ихъ общественнаго развитія могутъ быть связаны совершенно различныя и даже противоположныя другъ другу теоретическія представленія и практическія программы.

Названіе «народно-революціонной» можетъ быть отнесено ко всякой партіи, ставящей на своемъ знамени соціальную революцію въ интересахъ и согласно съ воззрѣніями и идеалами народной массы. Но, употребленное безъ взякихъ оговорокъ, названіе это не даетъ еще никакого представленія о характерѣ дол-

*) «Черный Пѣредѣлъ» № 1.

женствующаго совершиться переворота. Современные ирландскіе агитаторы были бы народниками-революціонерами, если-бы вмѣсто болѣе или менѣе палліативныхъ реформъ, они указали низшему классу ирландскаго населенія на аграрную революцію, какъ единственный выходъ изъ его бѣдственнаго положенія. Агитація Гракховъ въ Римѣ, равно какъ и дѣлавшіяся во время Цицерона предложенія относительно передѣла земли были радикально-народническими въ полномъ смыслѣ этого слова, такъ какъ они вполнѣ совпадали съ интересами бѣднѣйшей части римскихъ гражданъ и ихъ представленіями о справедливой организаціи поземельнаго владѣнія, Но какъ въ современной Ирландіи, такъ и въ древнемъ Римѣ, аграрная революція могла бы лишь передать право поземельной собственности въ руки всего народа, не внося новаго принципа въ отношенія людей къ землѣ. Она могла бы только раздробить частную поземельную собственность, но не уничтожить ее совсѣмъ. Въ каждой изъ этихъ странъ аграрная община исчезла уже задолго до названныхъ нами аграрныхъ волненій, и въ населеніи успѣло изгладиться всякое представленіе о коллективной поземельной собственности, по крайней мѣрѣ на пахотныя земли.

Совершенно иное значеніе пріобрѣтаютъ аграрныя волненія въ странахъ, гдѣ община является преобладающей формой крестьянскаго землевладѣнія. Экспропріація крупныхъ поземельныхъ собственниковъ необходимо, ведетъ въ этомъ случаѣ, не только къ болѣе справедливому распредѣленію экспропріированныхъ земель, но и къ замѣнѣ индивидуальнаго владѣнія ими коллективнымъ, т. е. обусловливаетъ торжество высшаго принципа имущественныхъ отношеній. Такой именно смыслъ имѣютъ живущія въ русскомъ народѣ ожиданія чернаго передѣла, которыя, даже въ тѣхъ частяхъ нашего отечества, гдѣ существуетъ подворно-наслѣдственное владѣніе землею, нерѣдко связываются съ представленіемъ объ общинномъ землевладѣніи и душевной разверсткѣ. Вслѣдствіе этого соціалистъ, провозглашающій коллективное владѣніе орудіями и объектами труда, по крайней мѣрѣ, въ той части своей пропаганды, которая касается поземельнаго владѣнія, становится выразителемъ и обобщителемъ народныхъ стремленій и, не отказываясь

отъ своего выработаннаго наукою міросозерцанія, онъ съ полнымъ правомъ можетъ назвать себя *революціонеромъ-народникомъ*, въ лучшемъ значеніи этого слова.

Сочувствіе массы земледѣльческаго населенія коллективнымъ формамъ землевладѣнія, въ свою очередь придаетъ своеобразный видъ какъ постановкѣ соціальнаго вопроса, такъ и практическимъ задачамъ соціалистической партіи въ Россіи, сравнительно съ ея задачами на Западѣ.

Чтобы опредѣлить и выяснить это различіе нужно обратить вниманіе на тѣ формы кооперации производителей на Западѣ, которыя служатъ яко-бы прообразомъ организаціи труда и владѣнія въ будущемъ обществѣ. Эти формы созданы крупной капиталистической промышленностью. Соединяя въ одно организованное цѣлое изолированныхъ производителей ремесленнаго періода, соціализируя трудъ, она подготовляетъ почву для соціализаціи владѣнія, которое, со времени разрушенія западно-европейской поземельной общины, стало индивидуалистическимъ даже по отношенію къ недвижимой собственности. Такъ какъ въ настоящее время уже не мыслимъ возвратъ къ ремесленному изолированному производству, то единственно-возможное рѣшеніе рабочаго вопроса заключается въ экспропріаціи капиталистовъ и организаціи коллективнаго владѣнія орудіями труда.

Техника современнаго производства, начавшись соціализаціей труда, логически-неизбѣжно ведетъ къ соціализаціи владѣній, т. е. къ практическому осуществленію соціалистическихъ ученій. Родившись на фабрикѣ рабочій соціализмъ проникаетъ и въ деревню, вслѣдъ за исчезновеніемъ мелкой поземельной собственности и капиталистической организаціи земледѣльческихъ предпріятій. При господствѣ индивидуальнаго владѣнія землею, соціализація поземельнаго владѣнія можетъ явиться лишь какъ слѣдствіе соціализаціи труда въ такихъ предпріятіяхъ. Неудивительно поэтому, что соціалистическая пропаганда встрѣчаетъ самый радушный пріемъ въ мѣстностяхъ, охваченныхъ процессомъ капиталистическаго производства; напротивъ, мелкіе собственники-крестьяне относятся къ ней очень враждебно и составляютъ надежную опору реакціонныхъ партій. Классическимъ примѣромъ въ этомъ случаѣ можетъ служить земледѣльческое населеніе

современной Франціи. Но и тамъ концентрація поземельнаго владѣнія въ рукахъ крупныхъ собственниковъ рано или поздно вытѣснитъ господствующую нынѣ систему землевладѣнія и французское крестьянство, силою экономической необходимости, вынуждено будетъ присоединиться къ революціонной арміи городскаго пролетаріата.

Такимъ образомъ капитализмъ подготовляетъ почву соціализму и является его необходимымъ предшественникомъ. Но, какъ могъ уже замѣтить читатель изъ вышеизложеннаго, неизбѣжность капиталистической продукціи, какъ переходной ступени къ соціалистической организаціи будущаго общества признается нами лишь для тѣхъ сферъ имущественныхъ отношеній людей, гдѣ индивидуализмъ являлся до сихъ поръ исключительно господствующимъ принципомъ. Еще со времени феодализаціи поземельной собственности на Западѣ, этотъ послѣдній вытѣснилъ собою коллективное владѣніе землею; что касается орудій труда, то они по самымъ свойствамъ своимъ требовали единоличнаго владѣнія и лишь введеніе машинъ крупной промышленностью создало конкретную основу для примѣненія къ нимъ коллективнаго начала.

Поэтому всѣ сферы общественныхъ отношеній въ западно-европейскомъ обществѣ должны были пройти чистилище капиталистической продукціи, чтобы реорганизоваться на началахъ коллективизма. Тамъ-же, гдѣ эти послѣднія проникаютъ собою, по крайней мѣрѣ, поземельныя отношенія массы, ихъ дальнѣйшее развитіе и распространеніе на движимыя орудія труда можетъ совершиться естественнымъ путемъ, конечно, при благопріятныхъ условіяхъ. Коллективныя формы владѣнія даже движимой собственностью не представляютъ чего либо новаго и неизвѣданнаго въ исторіи имущественнаго права. Мы встрѣчаемъ ихъ на первыхъ ступеняхъ общественнаго развитія и если онѣ, мало по малу разрушаясь, уступили, наконецъ, мѣсто торжеству противоположныхъ имъ индивидуалистическихъ формъ, во всѣхъ извѣстныхъ намъ культурныхъ странахъ, то до сихъ поръ еще вопросъ о причинахъ ихъ исчезновенія представляется далеко не рѣшеннымъ окончательно и безапеляціонно въ сторону внутренней необходимости. Напротивъ даже съ предвзятою мыслью предпринятыя изслѣдованія приводятъ лишь новыя

доказательства въ пользу того мнѣнія, что исчезновеніе коллективизма обусловливалось неблагопріятнымъ стеченіемъ историчеткихъ условій. Онѣ не только не носятъ въ самихъ себѣ элементовъ *разложенія*, но напротивъ, при благопріятномъ стеченіи обстоятельствъ прогрессируютъ и совершенствуются, налагая свою печать на всѣ предпріятія общинниковъ. Стремленіе къ коллективной организаціи промышленныхъ предпріятій было замѣчено во всѣхъ странахъ, гдѣ поземельная община сохранилась въ болѣе или менѣе полномъ видѣ.

Таково, напр., развитіе артельныхъ промысловъ въ тотъ періодъ нашей исторіи, когда государственный гнетъ съ одной стороны, не успѣлъ еще подавить народной иниціативы, а съ другой — не породилъ еще того кулачества, которое монополизируетъ въ настоящее время всѣ отрасли промышленности.

Подобное же явленіе замѣчается и въ Индіи, гдѣ уже древнѣйшія законодательства упоминаютъ о «людяхъ, соединившихся съ цѣлью содѣйствовать, каждый своими трудами, успѣху общаго предпріятія». Несмотря на множество самыхъ неблагопріятныхъ историческихъ вліяній эти кооперативно-промышленныя товарищества существовали вплоть до англійскаго завоеванія. Но, разумѣется, примѣненіе принципа кооперації возможно только въ тѣхъ сферахъ труда, гдѣ оно способно повести къ увеличенію его производительности. Современное состояніе, напр., нашего земледѣлія, господство экстенсивной культуры почвы, не благопріятствуетъ общинной эксплуатаціи полей. Самое употребительное при такой обработкѣ земледѣльческое орудіе — соха, съ которою, какъ извѣстно, съ удобствомъ можетъ управляться одинъ рабочій. Раздѣленіе труда между отдѣльными работниками невозможно при подобномъ состояніи земледѣльческихъ орудій, а потому артельная обработка мірскихъ земель не въ состояніи была бы увеличить его производительность. Въ этомъ нужно искать разгадки того на первый взглядъ страннаго явленія, что, несмотря на всю привычку нашего крестьянина къ артельной организаціи, онъ не примѣняетъ своего излюбленнаго артельнаго принципа къ земледѣлію. Совсѣмъ иное значеніе имѣетъ этотъ принципъ въ другихъ отрасляхъ сельскаго хозяйства и вообще крестьянскаго обихода. Покосъ луговъ, вырубка лѣса,

рытье канавъ и т. п. часто требуютъ дружныхъ усилій всего міра, и здѣсь мы видимъ примѣненіе коллективнаго труда.

Такимъ образомъ, соціализація земледѣльческаго труда можетъ явиться естественнымъ слѣдствіемъ общиннаго землевладѣнія лишь на извѣстномъ уровнѣ сельско-хозяйственной культуры. Введеніе интенсивныхъ способовъ обработки почвы и болѣе совершенныхъ земледѣльческихъ орудій не только не затрудняется, но, напротивъ, значительно облегчается существованіемъ нераздѣленной поземельной собственности въ общинѣ. А это введеніе поставитъ на очередь вопросъ объ артельной эксплуатаціи мірскихъ полей. Тогда и пропаганда послѣдней получитъ, такъ сказать, экономическую санкцію и будетъ, безъ всякаго сомнѣнія плодотворной. Въ настоящее же время только общинное землевладѣніе и артельная организація народной промышленности составляютъ практически осуществимую въ Россіи часть соціалистической доктрины, Поэтому онѣ и должны быть взяты агитаціоннымъ девизомъ русской соціально-революціонной партіи. Говоримъ агитаціоннымъ, потому что возможность и предѣлы *пропаганды* въ различныхъ частныхъ случаяхъ могутъ и должны быть шире требованій, непосредственно вытекающихъ изъ условій переживаемаго Россіей фазиса экономическаго развитія.

Такъ понимаемъ мы различіе, существующее въ постановкѣ и способахъ рѣшенія соціальнаго вопроса на Западѣ Европы и въ Россіи. Но это различіе не исчерпывается вышеуказаннымъ. Какъ это понятно само собой, оно распространяется и на практическіе пріемы нашей партіи, что и составитъ предметъ слѣдующихъ статей.

Лондонъ, 2 сентября).*

Намъ, соціалистамъ конца 70 и начала 80 годовъ, пришлось быть современниками весьма серьезнаго перелома въ общественной жизни Россіи. Когда то всесильный, нигдѣ и ни въ комъ не встрѣчавшій сопротивленія, абсолютизмъ обнаруживаетъ старческую дряхлость и почти полную безпомощность. Въ его разслабленномъ организмѣ жизнь поддерживается только усиленными пріемами возбуждающихъ веществъ въ видѣ всевозможныхъ «временныхъ мѣропріятій», отъ военной диктатуры до заграничныхъ займовъ и выпусковъ новыхъ бумажныхъ денегъ включительно. Все искусство придворныхъ знахарей, вся мудрость Зимняго Дворца пущены въ оборотъ, но полученные до сихъ поръ результаты едва ли могутъ назваться отрадными для безкорыстныхъ и нанятыхъ сторонниковъ абсолютизма.

Это и не удивительно. По традиціонной привычкѣ — искать въ казармѣ разрѣшеніе общественныхъ вопросовъ, перепуганный самодержецъ рѣшилъ, что храбрый генералъ непремѣнно долженъ быть «мудрымъ правителемъ» и, не долго думая, произвелъ «Фельдфебеля въ Вольтеры». Лорисъ Меликовъ былъ облеченъ полномочіями, неслыханными въ Россіи со временъ «Царя Земщины», блаженной памяти татарина Симеона Бекбулатовича. Занявши свой высокій постъ», Михаилъ Таріэловичъ принялся спасать «порядокъ», «семью», «собственность» и все, къ чему взываютъ предержащія власти, когда начинаютъ опасаться за свои прерогативы. Онъ «каралъ», «миловалъ», обѣщался чего то «непотерпѣть», кого то призвать къ «содѣйствію власти», а въ послѣднее время отважился даже на переименованіе III-го отдѣленія, со всѣми его чадами и домочадцами, въ департаментъ полиціи политической. Но, вопреки увѣренію сикофантовъ, его воззванія не содержали въ себѣ рѣшительно ничего оригинальнаго, его «реформы» оказались тѣмъ низкопробнымъ политическимъ шулерствомъ, въ области котораго наше правительство составило себѣ такую печальную извѣстность.

---

*) Изъ «Чернаго Передѣла» № 2, 1880 г.

Нѣкоторая разница между нашими «помпадурами борьбы» замѣчается только въ слогѣ. Михаилъ Тарiэловичъ любитъ «штиль» высокiй и проситъ общество о «содѣйствiи власти». «Самъ» предпочитаетъ языкъ, если не совершенно «подлый», то, во всякомъ случаѣ, простой и безъискусственный. «Господа, говоритъ онъ, многiе изъ васъ — домовладѣльцы, слѣдите, пожалуйста, за своими жильцами». Въ «добромъ русскомъ сердцѣ» такая откровенная просьба находитъ даже болѣе сочувственный откликъ, чѣмъ псевдо-либеральное краснорѣчiе бывшаго диктатора. Это доказывается тѣмъ, что въ отвѣтъ на призывъ самодержца слушатели гаркнули немедленное и дружное «ура», между тѣмъ, какъ читатели Лорисъ-Меликовской прокламацiи и до сихъ поръ продолжаютъ чесать у себя въ затылкѣ. Что же касается сердецъ, лишившихся своей первобытной чистоты подъ тлетворнымъ вліяніемъ Запада, людей, недовольныхъ современными русскими порядками, то опытъ показалъ уже, какъ относятся они къ правительственнымъ просьбамъ о помощи и обѣщаніямъ реформъ. О соцiалистахъ, разумѣется, нечего и говорить. Эти люди до такой степени испорченные, что бесѣды съ ними возможны только въ застѣнкахъ «департамента полицiи политической». Но стоитъ припомнить земскiе адреса, записку профессоровъ Петербургскаго университета, стоитъ раскрыть книжку сколько-нибудь честнаго журнала, развернуть номеръ мало-мальски чистоплотной газеты — чтобы увидѣть, какъ глубоко палъ абсолютизмъ въ общественномъ мнѣнiи. Обязанность вынимать правительство изъ петли, которой оно само себя захлестнуло, общество не отдѣляетъ и не можетъ отдѣлить отъ права участiя въ управленiи и его контроля.

Тлетворное вліяніе Запада сказалось на всемъ общественномъ мнѣнiи, и правительству волей-неволей прiйдется пойти на уступки. Александръ Николаевичъ пока еще не понимаетъ всей безысходности своего положенiя. Повидимому, онъ надѣется еще поддержать колеблющуюся «храмину» абсолютизма соединенными силами дворниковъ, полицiи, жандармерiи и всѣхъ забалканскихъ и закавказскихъ героевъ. Но отличившiеся «въ дѣлахъ противъ непрiятеля» полководцы, не обнаруживаютъ никакихъ талантовъ въ по-

ходѣ противъ духа времени; высочайше пожалованныя въ соловьи кукушки остаются кукушками. А положеніе дѣлъ съ каждымъ днемъ ухудшается. Невыносимая духота чувствуется во всей общественной атмосферѣ. Всѣ сознаютъ крайнюю ненормальность современнаго положенія, всѣ ищутъ выхода изъ него, но въ умышленно поддерживаемой правительствомъ темнотѣ всѣ бродятъ ощупью, сталкиваются, ушибаются, посылаютъ другъ другу проклятія и постоянно натыкаются на новыя препятствія. «Слово и дѣло государево» распространяетъ настоящую панику, шпіонство достигаетъ небывалыхъ размѣровъ, и даже дѣти играютъ въ военные суды и смертные приговоры...

Надъ Россіей тяготѣетъ проклятіе, налагаемое исторіей на всякую отсталую и развращенную страну. Сама природа какъ будто ополчается на наше несчастное отечество и поражаетъ его цѣлымъ рядомъ бѣдствій. Неурожай, засуха, жучки, черви, голодъ, пожары, эпидеміи, эпизоотіи и т. п. и т. п.—вотъ чѣмъ полны отдѣлы внутреннихъ извѣстій нашихъ газетъ; вотъ картина, по яркости красокъ, не уступающая картинѣ египетскихъ казней. Ни въ чемъ неповинный народъ бѣдствуетъ, голодаетъ, разоряется окончательно. Вслѣдъ за послѣднею коркою хлѣба, онъ потеряетъ также и терпѣніе. Какъ предвѣстники приближающейся грозы то здѣсь, то тамъ вспыхиваютъ волненія; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне отказываются платить недоимки и ободряютъ себя тѣмъ соображеніемъ, что «хуже не будетъ». «Хуже не будетъ, хуже невозможно»—это вопль отчаянія, въ которомъ народы, какъ и отдѣльныя личности, рѣшаются на все, трусы дѣлаются героями, самые слабые люди—силачами.

Такъ продолжаться долѣе не можетъ. Общество увидитъ, наконецъ, всю глубину пропасти, на край которой привело его правительство и, движимое чувствомъ самосохраненія, добьется необходимыхъ реформъ. Въ противномъ случаѣ Гордіевъ узелъ современной безурядицы будетъ разрубленъ топоромъ крестьянина.

Но вѣроятнѣе первый исходъ. Одинъ изъ Александровъ — II или III — это, въ сущности, все равно, вынужденъ будетъ высочайше пожаловать конституцію, которая удовлетворитъ интересамъ высшихъ классовъ. На минуту нарушенное согласіе между ними

и монархомъ возстановится, голодающему народу кинутъ корку-другую хлѣба, охранителей изъ «департамента» замѣнятъ охранители изъ Земскаго Собора, и «порядокъ» будетъ возстановленъ, къ общему удовольствію всѣхъ, заинтересованныхъ въ его сохраненіи.

Въ этомъ спорѣ за власть между отживающимъ абсолютизмомъ и нарождающейся буржуазіи, какую роль будутъ играть соціалисты? Сосредоточатъ ли они свои силы на политической борьбѣ, или найдутъ для себя въ народѣ дѣло болѣе плодотворное, болѣе достойное партіи, написавшей на своемъ знамени экономическую революцію въ интересахъ трудящихся массъ?

Конечно, не намъ, отрицающимъ всякое подчиненіе человѣка человѣку, оплакивать паденіе деспотизма въ Россіи; не намъ, которымъ борьба съ существующимъ режимомъ стоила такихъ страшныхъ усилій и столькихъ тяжелыхъ потерь—желать его продолженія. Мы знаемъ цѣну политической свободы и можемъ пожалѣть лишь о томъ, что русская конституція отведетъ ей недостаточно широкое мѣсто. Мы привѣтствуемъ всякую борьбу за права человѣка, и чѣмъ энергичнѣе ведется эта борьба, тѣмъ болѣе мы ей сочувствуемъ. «Свѣта, больше свѣта!» — На этомъ требованіи сойдутся всѣ честные и уважающіе себя люди въ Россіи. Но кромѣ выгодъ, которыя несомнѣнно принесетъ съ собою политическая свобода, кромѣ задачъ ея завоеванія, — есть другія выгоды и задачи; и забывать о нихъ невозможно именно въ настоящее время, когда общественныя отношенія такъ обострились и когда, поэтому, нужно быть готовыми ко всему.

Кризисы, переживаемые обществомъ, при замѣнѣ одного режима другимъ, всегда сопровождаются нѣкоторымъ броженіемъ въ народѣ; при благопріятныхъ условіяхъ оно разрѣшается рядомъ болѣе или менѣе сильныхъ волненій. И это понятно. Народу всегда тяжелѣе всѣхъ другихъ клаасовъ приходится расплачиваться за ошибки правительства. Отсюда — недовольство, съ особенной силой проявляющееся въ минуты правительственной дезорганизаціи. Такъ было во время Великой Революціи во Франціи, такъ было въ Германіи въ 1848 г. Народъ возобновлялъ свою вѣковую распрю съ господствующими классами и поджигалъ помѣщичьи замки, не справляясь о консерва-

тивномъ или либеральномъ образѣ мыслей ихъ владѣльцевъ. Исходы такихъ волненій опредѣлялись, конечно, всей суммою современныхъ имъ условій. Но въ алгебраической суммѣ послѣднихъ весьма значительную отрицательную величину—всегда составляло отсутствіе въ народѣ сплоченности, единства и организованности дѣйствій. Въ то время иначе и быть не могло. Крестьянскія массы только въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ способны выдвинуть изъ своей среды достаточное количество организующихъ и руководящихъ элементовъ. Интеллигенція же того времени почти цѣликомъ стояла на сторонѣ буржуазіи и на благо народа смотрѣла сквозь призму интересовъ 3-го сословія. Это опять таки было естественно тогда, но совершенно непозволительно для соціалистической интеллигенціи нашего времени. Было бы очень печально, еслибы бы, увлеченные политической борьбой, мы предоставили народнымъ волненіямъ совершаться безъ нашего участія, воздѣйствія и вліянія. Поступая такимъ образомъ, мы собственноручно подписали бы себѣ патентъ на безпочвенность, который такъ усердно навязываютъ намъ наши враги. Соціалистическая «партія» безъ почвы и вліянія въ народѣ, безъ заботы о ихъ пріобрѣтеніи — это non sens, «штабъ безъ арміи», мнимая величина, не имѣющая значенія въ ходѣ общественной жизни страны. Съ такою партіей было бы ненужно считаться ея врагамъ: они могли бы игнорировать ея требованія, безъ всякой серьезной для себя опасности.

Итакъ, разсуждая даже исключительно съ точки зрѣнія нашего вліянія на ходъ политическихъ событій въ Россіи, мы должны поставить дѣятельность въ народѣ превыше всѣхъ задачъ, какъ источникъ нашей силы и нашихъ успѣховъ въ борьбѣ съ врагами, которыхъ въ конституціонной Россіи у насъ, конечно, будетъ не менѣе, чѣмъ теперь и которые всѣми силами будутъ стараться затруднять нашу дѣятельность, помѣшать нашей пропагандѣ, объявить насъ внѣ закона.

Но какую же проповѣдь понесемъ мы въ эту среду, какія задачи и цѣли укажемъ мы ей, какъ наиболѣе важныя и легче всего достижимыя? Экономическій вопросъ всегда и вездѣ былъ и будетъ сильнымъ, жгучимъ, самымъ существеннымъ вопросомъ для трудя-

щихся массъ. Съ точки зрѣнія этого вопроса онѣ опредѣляютъ свое отношеніе къ существующему порядку вещей, благословляютъ или проклинаютъ появленіе новаго, отталкиваютъ или поддерживаютъ различныя партіи. Выступая активно въ моменты общественныхъ кризисовъ, народъ преслѣдуетъ именно цѣль своего экономическаго освобожденія. Вопросы политическіе имѣютъ для него второстепенное значеніе, если не игнорируются имъ совершенно. Въ этомъ — несчастіе всѣхъ дворянскихъ и буржуазныхъ партій и — залогъ несомнѣннаго успѣха для соціалистовъ, которые признаютъ коренную важность экономическаго вопроса и рѣшаютъ его въ пользу трудящихся массъ. Но здѣсь же и предостереженіе для соціалистической интеллигенціи. Всякое ея уклоненіе съ пути экономической революціи будетъ наказываться ослабленіемъ ея связи съ народомъ, потерей ея значенія, паденіемъ ея вліянія въ народной средѣ.

Вотъ почему, при всемъ нашемъ сочувствіи политической борьбѣ, на которое устремилось уже не мало силъ, когда то работавшихъ вмѣстѣ съ нами, мы говоримъ, что борьба эта имѣетъ лишь второстепенное значеніе; вотъ почему мы говоримъ: современное положеніе дѣлъ въ Россіи не только не требуетъ сосредоточенія *всѣхъ* нашихъ силъ на политической аренѣ, но болѣе, чѣмъ когда-либо, вызываютъ спросъ на нихъ со стороны народа.

* * *

«Но, говорятъ намъ, дѣятельность въ народѣ такъ затруднена; мы окружены въ деревнѣ цѣлою сѣтью шпіоновъ; каждый шагъ нашъ наблюдается и принимается къ свѣдѣнію; о работѣ сколько-нибудь продолжительной нечего и думать. Мы должны отъ нея отказаться, если не хотимъ «тратить всѣ силы на то, чтобы биться около народа, какъ рыба объ ледъ».

На это мы замѣтимъ, что мы сами виноваты, если не воспользовались многими представлявшимися намъ случаями усилить свое вліяніе и сдѣлать популярнымъ свое имя въ народѣ. Стоитъ лишь припомнить волненія казаковъ на Уралѣ, въ Полтавской станицѣ Кубанскаго Войска и на Дону; стачки рабочихъ въ Серпуховѣ, Костромѣ, селѣ Тейковѣ, наконецъ, въ

Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ и Одессѣ, чтобы увидѣть какъ обильна была наша жатва и какъ мало оказалось жнецовъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ соціалисты не сдѣлали и сотой доли того, что они должны были и могли сдѣлать даже при существующихъ политическихъ условіяхъ. А сколько крестьянскихъ волненій стало намъ извѣстно только тогда, когда «порядокъ былъ возстановленъ», о сколькихъ изъ нихъ мы совсѣмъ не имѣли свѣдѣній? Одно только Чигиринское дѣло было попыткой утилизировать спорадически вспыхивающія въ крестьянствѣ волненія, съ цѣлью созданія въ его средѣ болѣе или менѣе широкой революціонной организаціи. И результаты этой единственной въ своемъ родѣ попытки едва ли подтверждаютъ основательность вышеизложенныхъ пессимистическихъ взглядовъ. Крестьяне такъ горячо относились къ вопросу своего освобожденія, такъ охотно примыкали къ организаціи, что неожиданно-обширное распространеніе ея, можно сказать, и погубило дѣло. Но случайность болтливости одного изъ членовъ могла бы быть устранена болѣе осмотрительнымъ пріемомъ новичковъ въ организацію; это сообщило бы ей устойчивость и тогда, какъ знать, чѣмъ окончилось бы дѣло? Говорить ли о городскихъ рабочихъ? Повторять ли, что Малиновскіе, Обнорскіе, Петры Алексѣевы, Петерсоны и т. д. служатъ наглядымъ доказательствомъ плодотворности нашей дѣятельности въ рабочей средѣ? Лѣтъ 20-25 тому назадъ группа рабочихъ соціалистовъ въ Россіи была бы «чудомъ родины своей», а въ началѣ 80 гг., намъ пришлось услышать объ арестѣ тайной типографіи петербургскихъ рабочихъ и о готовящемся къ изданію соціалистическомъ рабочемъ листкѣ.

Мы не споримъ, не мало неудачъ пришлось намъ пережить, но причины ихъ надо искать не въ свойствахъ народной среды и — по крайней мѣрѣ частью — не въ современныхъ политическихъ условіяхъ, а въ собственной нашей неловкости, въ нашемъ собственномъ неумѣньи. Но и это — болѣзни излѣчимыя. Рядъ нашихъ недостатковъ располагается во времени, по убывающимъ, а не по возрастающимъ степенямъ. Но довольно объ этомъ. Наша статья переросла уже намѣченные для нея размѣры и мы почти до пост-скриптума должны были отложить мно-

гіе, весьма существенные вопросы. Пріемы революціонной дѣятельности въ народѣ должны прежде всего занять остающееся мѣсто. Перейдемъ же къ ихъ разсмотрѣнію.

Выше мы постарались показать, что соціалистическая интеллигенція лишится почвы въ народѣ, если хоть на время откажется отъ преслѣдованія задачъ революціи экономической. Мы говорили, что въ минуты, когда народное вниманіе будетъ возбуждено политическими событіями въ странѣ, соціалистическая пропаганда, — словомъ и дѣломъ — пріобрѣтетъ особенно важное значеніе и особенно внимательныхъ слушателей; мы утверждали также, что если начнутся въ народѣ волненія, на обязанности нашей интеллигенціи лежитъ ихъ расширеніе, организація и внесеніе въ нихъ возможно болѣе широкой революціонной идеи. Но для этого нужно имѣть предварительно связи въ народѣ, нужно упрочить свое положеніе въ его средѣ. И чѣмъ скорѣе будутъ исполнены эти подготовительныя работы, тѣмъ спокойнѣе мы будемъ смотрѣть на приближающіяся событія, тѣмъ увѣреннѣе пойдемъ мы къ своей цѣли.

Переходъ орудій и объектовъ труда въ руки трудящихся — такова формула ее выражающая, таковъ девизъ соціалистической революціи. И чтобы не принесли съ собою грядущія событія, мы никогда не должны терять ее изъ виду.

Трудная и долгая работа ея достиженія не подходитъ, разумѣется, подъ разъ навсегда установленные шаблоны, не укладывается въ неизмѣнныхъ рамкахъ, а разнообразится въ связи съ условіями времени и окружающей среды Устная и письменная пропаганда должна вносить въ сознаніе народа идею соціалистической революціи со всѣми ея выводами и послѣдствіями. Но при настоящихъ условіяхъ соціалистическая пропаганда должна вестись тайнымъ образомъ, при запертыхъ дверяхъ и опущенныхъ сторахъ. Поэтому она поневолѣ будетъ затрагивать только отдѣльныхъ личностей. Чтобы вліять на массу нужно изыскивать другія способы дѣйствій. Посредственно или непосредственно, они заключаются въ словѣ «агитація». Въ русской соціалистической литературѣ достатично уже занимались разработкой вопроса о значеніи агитаціонныхъ пріемовъ. Поэтому мы излишнимъ счи-

таемъ приводить новые аргументы въ ихъ пользу. Интереснѣе вопросъ о точкахъ опоры для нашей агитаціи, тѣхъ исходныхъ пунктахъ ея, которые, въ главныхъ чертахъ, всегда могутъ быть указаны для данной среды и извѣстнаго времени. Имѣя дѣло съ массой, всегда можно указать среднюю ариѳметическую недовольства составляющихъ ее единицъ, найти, ту струну народнаго сердца, которая больнѣе всего затрагивается окружающей дѣйствительностью. Для русскаго крестьянина такую больную струну составляетъ безъ сомнѣнія, вопросъ аграрный. Крестьянинъ съ завистью смотритъ на барскую и казенную землю; онъ недоволенъ своимъ надѣломъ, задавленъ лежащими на немъ платежами; онъ ждетъ аграрныхъ перемѣнъ, «чернаго передѣла», «слушнаго часу» и т. п. Но вмѣсто хлѣба, правительство и высшіе классы поддаютъ ему камень. И по временамъ, терпѣніе его истощается, долго накоплявшееся недовольство прорывается пассивнымъ сопротивленіемъ или открытымъ бунтомъ. Тогда готова почва для соціалистической агитаціи. Революціонеръ долженъ явиться обобщителемъ частныхъ причинъ народнаго недовольства, подвести ихъ къ знаменателю экономиччской революціи, поддержать стойкость и энергію въ протестующей массѣ. Насколько удастся ему эта работа въ каждомъ частномъ случаѣ предсказать, конечно, невозможно. Масса не всегда одинакова настроена въ пользу радикальнаго рѣшенія волнующихъ ее вопросовъ. Но въ этомъ направленіи должны вліять на нее соціалисты. Недоконченное въ одномъ случаѣ довершится въ другомъ, пропаганда дополнитъ вліяніе революціонера на отдѣльныхъ, выдающихся личностей, организація свяжетъ ихъ въ одинъ революціонный союзъ, образуетъ изъ нихъ звенья одной цѣпи, и основаніи народной соціально-революціонной партіи, въ данной мѣстности, могутъ считаться заложенными.

Но говоря объ агитаціонномъ способѣ дѣйствій, мы должны коснуться тѣхъ сторонъ его, которыя, при недостаточно внимательномъ къ нимъ отношеніи, легко могутъ сдѣлаться отрицательными. По нашему мнѣнію, Сцилла и Харибда агитаціи лежитъ, 1) въ такъ называемыхъ ближайшихъ, минимальныхъ требованіяхъ и 2) въ предразсудкахъ массы, съ которыми агитатору во всякомъ случаѣ приходится считаться.

Устремляясь на путь первыхъ, мы изъ соціалистовъ-революціонеровъ превратились бы въ соціальныхъ реформаторовъ; излишній опортюнизмъ по отношенію къ народнымъ предразсудкамъ, можетъ привести насъ къ самымъ опаснымъ компромиссамъ.

Аграрная революція, какъ выражается она въ народныхъ требованіяхъ, сама по себѣ есть минимумъ въ сравненіи съ задачами и требованіями соціализма. Ставя эту революцію исходнымъ пунктомъ своей агитаціи въ народѣ, мы должны всѣми силами стараться обобщать и расширять ея требованія въ соціалистическомъ духѣ, а не урѣзывать ихъ, отвлекая вниманіе народа на различные палліативы. Организація поземельнаго кредита, увеличеніе надѣловъ, уменьшеніе податей, расширеніе крестьянскаго самоуправленія и огражденіе его отъ произвола администраціи—всѣ эти и подобныя имъ требованія могутъ служить *поводомъ* для агитаціи, въ томъ или другомъ частномъ случаѣ. Но единственною *цѣлью* ея должно быть приведеніе ихъ къ одному общему знаменателю экономической революціи. Предлагать же эти полумѣры всей массѣ крестьянства, какъ средства серьезныхъ улучшеній въ ея судьбѣ—значило бы упрочивать, а не разрушать существующій нынѣ общественный строй. Сказанное относится ко всѣмъ моментамъ народной жизни, не исключая момента политическихъ преобразованій въ Россіи. Въ послѣднемъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, на подготовленную ходомъ событій почву мы должны бросать сѣмя экономической революціи, хотя бы всходы не вездѣ обѣщали быть одинаково хорошими.

Перейдемъ къ вопросу о политическихъ суевѣріяхъ массы, разстаться съ которыми ей иногда труднѣе, чѣмъ вступить въ открытый бой съ ея угнетателями. Можетъ ли соціалистъ утилизировать эти предразсудки для цѣлей революціи? Встрѣтивши на страницахъ «Чернаго Передѣла» разсказъ о Чигиринской попыткѣ нашихъ товарищей, многіе приняли насъ за апологетовъ такой утилизаціи. Но это ошибка. Ниже мы перепечатываемъ письмо, помѣщенное нами въ польскомъ соціалистическомъ изданіи «Rownosci». Читатель можетъ видѣть изъ него, какъ относимся мы къ «Чигиринскому дѣлу». Здѣсь же мы скажемъ вообще, что вливаніе новаго вина въ старые мѣха совершенно неблагодарная работа,

осужденная исторіей на полное безплодіе. И на страницахъ «Чернаго Передѣла» немыслима программа, ищущая въ народныхъ предразсудкахъ опоры для соціально-революціонной дѣятельности, видящая въ нихъ фундаментъ и основу народнаго освобожденія. Чѣмъ скорѣе и полнѣе совершится разрушеніе политическихъ идоловъ народа, тѣмъ скорѣе пробьетъ часъ его экономической свободы. Соціалистическая агитація всегда должна имѣть въ виду эту зависимость и не щадить усилій въ борьбѣ съ политическими суевѣріями массы. Только при соблюденіи этого условія, созданныя въ народѣ революціонныя организаціи будутъ обнаруживать устойчивость и жизненность, растущія вмѣстѣ съ его сознаніемъ и политической опытностью.

Заканчивая теперь нашу статью, мы нелишнимъ считаемъ сдѣлать небольшую оговорку. Когда мы говорили объ условіяхъ и способахъ соціалистической дѣятельности въ Россіи, мы имѣли въ виду, главнымъ образомъ, крестьянскую среду. Мы указывали на важность агитаціи въ этой средѣ, на необходимость сплачиванія и организаціи выдвигаемыхъ ею революціонныхъ силъ; мы старались формулировать требованія, во имя которыхъ можетъ совершиться сліяніе соціалистической интеллигенціи съ массой земледѣльческаго населенія. Но это не значитъ, чтобы въ *цѣляхъ* нашихъ лежалъ какой нибудь особенный, крестьянскій соціализмъ. Мы совсѣмъ не отрицаемъ значенія революціонной работы въ нашихъ промышленныхъ центрахъ. Такое отрицаніе невозможно для насъ уже и потому, что мы не въ состояніи опредѣлить заранѣе, изъ какихъ слоевъ трудящагося населенія будутъ вербоваться главныя силы соціально-революціонной арміи, когда пробьетъ часъ экономической революціи въ Россіи. Въ настоящее время промышленное развитіе Россіи ничтожно, и понятіе —«трудящіеся массы» почти покрывается понятіемъ «крестьянство». Поэтому, говоря о практической дѣятельности, мы, главнымъ образомъ, имѣемъ въ виду экономическій бытъ, нужды и требованія земледѣльцевъ. И если грозѣ соціальнаго переворота суждено предупредить значительныя измѣненія въ общественномъ строѣ Россіи—главный интересъ этого переворота сосредоточится на вопросѣ аграрномъ.

Но пока мы дѣлаемъ свое дѣло, русская промышленность также не стоитъ на одномъ мѣстѣ. Нужда отрываетъ крестьянина отъ земли и гонитъ его на фабрики, на заводы. Рядомъ съ этимъ, центръ тяжести экономическихъ вопросовъ передвигается по направленію къ промышленнымъ центрамъ.

Распредѣленіе нашихъ силъ должно сообразоваться съ этимъ органическимъ процессомъ. Укрѣпившись на фабрикѣ и въ деревнѣ, мы займемъ позицію, соотвѣтствующую не современному только положенію, но всему ходу экономическаго развитія Россіи. Написавши на своемъ знамени девизъ:—«рабочій, бери фабрику, крестьянинъ—землю»; связавши въ одно цѣлое революціонныя организаціи промышленныхъ и земледѣльческихъ рабочихъ, мы можемъ предоставить ходъ экономическихъ измѣненій въ Россіи ихъ естественному теченію, и не бояться ихъ колебаній въ ту или другую сторону.

Объ изданіи Русской Соціально-революціонной библіотеки.

Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ все болѣе и болѣе ощущалась потребность въ пополненіи существующей на русскомъ языкѣ соціалистической литературы. Мы имѣли, правда, за это время нѣсколько періодическихъ соціально-революціонныхъ изданій, но они не могли пополнить нашихъ литературныхъ пробѣловъ.

Эти изданія не имѣли и не могли имѣть въ виду теоретическихъ вопросовъ соціализма. Дѣло въ томъ, что ко времени ихъ возникновенія, т. е. къ концу 1877 и началу 1878 гг.,—наша соціалистическая партія имѣла уже за собою опытъ предшествовавшихъ лѣтъ борьбы. На основаніи этого опыта подвергались критикѣ старые способы дѣйствія, вырабатывались новыя программы, проэктировались новые практическіе пріемы. А между тѣмъ, съ прекращеніемъ заграничныхъ соціалистическихъ изданій, единственнымъ средствомъ обмѣна мыслей по всѣмъ этимъ, не терпящимъ отлагательства, вопросамъ оставались единичныя встрѣчи тѣхъ или другихъ лицъ, или такъ называемыя «сходки» соціалистовъ. При многолюдности среды, въ которой поднимались эти вопросы, при постоянно-возраставшей бдительности полиціи и отсутствіи системы въ возникавшихъ на сходкахъ преніяхъ, ни тотъ, ни другой изъ названныхъ способовъ не могли удовлетворить нуждамъ партіи.

Жизнь настойчиво требовала расширенія соціалистической аудиторіи. Начиналось горячее, тревожное время. Завязывалась борьба, ребромъ поставившая многіе, до тѣхъ поръ не ясно формулированные, вопросы. Выстрѣлъ Вѣры Засуличъ, ея оправданіе присяжными; демонстрація передъ зданіемъ суда; демонстрація по поводу убійства Сидорацкаго; стачка рабочихъ на Новой Бумагопрядильнѣ и другіе факты, столь же значительной революціонной важности, популяризовали имя партіи, обращали на нее вниманіе

даже тѣхъ, кто до той поры вовсе не зналъ о ея существованіи или объяснялъ его интригами внѣшнихъ враговъ. Пульсъ революціонера забился сильнѣе, чѣмъ когда бы то ни было. Въ вихрѣ событій, слѣдовавшихъ одно за другимъ съ небывалой быстротой, чувствовалась необходимость столковаться, выработать общій планъ дѣйствій, обезпечить себѣ возможность говорить сразу нѣсколькимъ тысячамъ человѣтъ. Тогда участились прокламаціи Петербургской Вольной типографіи, появились номера соціалистическихъ газетъ. Съ тѣхъ поръ, каждый дѣятельный и обладавшій средствами кружокъ долженъ былъ включить изданіе органа въ число своихъ необходимыхъ функцій.

Но то же самое положеніе дѣлъ, которое вызвало къ жизни наши періодическія изданія, не позволяло имъ отвести много мѣста теоретическимъ вопросамъ. Занимаясь обсужденіемъ условій и шансовъ практической борьбы, они, естественно, носили на себѣ по преимуществу агитаціонный характеръ. Поставленная имъ самой жизнью задача заключалась въ томъ, чтобы, при данныхъ силахъ соціально-революціонной партіи въ Россіи и при данномъ сопротивленіи со стороны правительственной организаціи найти способы дѣйствій, которые сдѣлали бы на, блѣе производительными наши неизбѣжныя затраты. Необходимость и неизбѣжность соціальной революціи въ современныхъ европейскихъ обществахъ, теоретическія положенія соціализма служили первыми посылками при рѣшеніи этой задачи и считались какъ бы не требующими доказательствъ и болѣе детальной разработки. Ихъ общею догматической формулировкою начиналась большая часть руководящихъ статей. И это не удивительно. Наши «подпольныя» изданія имѣли въ виду опредѣленный кругъ читателей, съ которыми имъ не было нужды условливаться на счетъ своихъ исходныхъ пунктовъ. Такими читателями были убѣжденные соціалисты. Но если окончательно сложившійся соціалистъ, во всемъ, что касалось оцѣнки его практической дѣятельности, и не нуждался въ иныхъ спобобахъ аргументаціи, то не нужно забывать, что никакое новое ученіе, никакая новая партія не могутъ безнаказанно игнорировать теоретическихъ вопросовъ. Въ Россіи эта истина имѣетъ большее,

чѣмъ гдѣ бы то ни было, значеніе. До невѣроятности напряженная борьба съ правительствомъ не позволяетъ соціалисту-революціонеру спокойно заниматься пополненіемъ пробѣловъ въ его образованіи. У него нѣтъ для этого ни времени, ни подходящихъ условій. Попавши съ самыхъ молодыхъ лѣтъ подъ огонь полицейскихъ преслѣдованій, онъ часто не имѣетъ даже комнаты, которую онъ могъ бы назвать своею. Цѣлые мѣсяцы, а иногда и годы, онъ не имѣетъ опредѣленнаго мѣстожительства. Онъ ведетъ скитальческій образъ жизни и, вставши утромъ, не всегда знаетъ, гдѣ найдетъ пріютъ на слѣдующую ночь. При такихъ условіяхъ умственныя занятія если не совершенно невозможны, то крайне затруднены. Заинтересованный тѣмъ или другимъ историческимъ вопросомъ, тѣмъ или другимъ общимъ положеніемъ соціализма, онъ не можетъ читать многотомныхъ изслѣдованій, не можетъ искать въ легальной литературѣ необходимыхъ для него фактическихъ данныхъ. Да и много ли дастъ эта литература, въ странѣ, гдѣ даже «Курсъ Позитивной Философіи» Конта считается запрещеннымъ сочиненіемъ? А между тѣмъ, не только умственныя привычки и потребности, но и практическая польза могутъ требовать отъ соціалиста увеличенія его умственнаго багажа. Успѣшность пропаганды въ средѣ интеллигенціи или городскихъ рабочихъ и не только соціалистической теоріи, но и практическихъ способовъ дѣйствія, находится, иногда, въ прямой пропорціональности съ разносторонностью образованія пропагандиста.

Соціалистическая литература одна могла придти въ этомъ случаѣ на помощь практическимъ дѣятелямъ. Не задаваясь фантастически-широкими цѣлями, она должна была представить систематическое и обстоятельное изложеніе соціалистической доктрины, исторію и связь этой послѣдней съ различными сторонами современной ей общественной жизни, обработать, съ соціалистической точки зрѣнія, хотя бы важнѣйшія эпохи исторической жизни человѣчества. Въ своемъ изложеніи, отдѣльныя книги и брошюры, съ большимъ удобствомъ, чѣмъ періодическія изданія могли бы приспособляться къ различнымъ фазисамъ умственнаго развитія читателей, къ различнымъ степенямъ выработанности ихъ міросозерцанія. Это

было бы однимъ изъ незамѣнимыхъ ихъ преимуществъ, такъ какъ рядомъ съ убѣжденными соціалистами, въ числѣ читателей нашихъ изданій, находились люди, еще не успѣвшіе подвести итога своимъ теоретическимъ свѣдѣніямъ и своему жизненному опыту. Они не удовлетворялись уже тою спутанностью понятій, тѣмъ слабымъ намекомъ на опредѣленность воззрѣній, которыми, волей или неволей, довольствуется наша многострадальная легальная литература, но они не перешли еще на другую сторону пропасти отдѣляющей цензурное міросозерцаніе русскаго обывателя отъ міросозерцанія соціалиста. Эта пропасть такъ велика, что только очень немногіе могли перескочить ее безъ посторонней помощи; лишь очень счастливая комбинація обстоятельствъ давала возможность самостоятельной выработки соціалистическихъ воззрѣній. Понятно, что насущная необходимость не только пополнять наши потери, но и постоянно увеличивать численность рядовъ соціалистической партіи, не соотвѣтствовала медленности и случайности такой выработки личностей. Нужно было ускорить этотъ переходъ изъ неопредѣленной оппозиціи въ ряды революціоннаго соціализма, надо было построить мостъ, по которому безъ труда и риска обезсилѣть въ дорогѣ могли бы перейти къ намъ эти люди, ищущіе теоретической истины и житейской правды. Нужно было популяризировать, разработывать въ деталяхъ, освѣщать съ различныхъ точекъ зрѣнія тѣ общія посылки, которыя служили исходною точкою въ изданіяхъ, трактующихъ о способахъ практической борьбы.

Мы до сихъ поръ не исполнили этой обязанности или, если угодно, исполнили ее въ весьма несовершенной степени.

На столѣ вещественныхъ докакательствъ фигурируютъ, правда, во многихъ процессахъ, сочиненія Бакунина, изданія редакцій «Впередъ» и «Работника». Нѣкоторыя изъ нихъ носятъ на себѣ печать недюжиннаго таланта и разносторонней эрудиціи. Ихъ изложеніе разнообразится отъ отвлеченной бесѣды съ европейски-образованнымъ читателемъ до сказки, понятной и десятилѣтнему ребенку. Но, не говоря уже о томъ, что эти изданія становятся все рѣже и рѣже, что трудность удовлетворенія спроса на нихъ возрастаетъ съ каждымъ годомъ, составленная изъ нихъ

библіотека все таки не отличалась бы достаточной полнотою. Сочиненія эти выходили въ свѣтъ независимо одно отъ другого. Общаго плана изданія возможно болѣе полной и разносторонней серіи соціалистическихъ сочиненій въ то время не существовало. Эта неполнота и безсистемность сдѣлала то, что русская соціалистическая литература, съ самыхъ первыхъ временъ своего возникновенія, не могла совершенно удовлетворить требовательности читателей изъ среды, такъ называемой, интеллигенціи. Въ теченіи же послѣднихъ лѣтъ мы вовсе не обращали вниманія на теоретическую литературу, не смотря на то, что въ началѣ 80 хъ г.г. читатель можетъ быть въ этомъ отношеніи требовательнѣе, чѣмъ былъ онъ десять лѣтъ тому назадъ. Если условія русской дѣйствительности требовали сосредоточенія нашего вниманія на поприщѣ практической борьбы, то теоретическая работа шла своимъ обычнымъ путемъ въ средѣ западноевропейскихъ соціалистическихъ партій. Литература послѣднихъ обогащалась новыми пріобрѣтеніями. Практическая жизнь также не стояла на одномъ мѣстѣ, и во второй половинѣ послѣдняго десятилѣтія совершились событія, заслуживающія полнаго вниманія соціалистовъ всѣхъ странъ и народовъ. Таковы —волненія рабочихъ въ Америкѣ, ирландская аграрная агитація, конгрессы французскихъ рабочихъ и т. п. Русскій читатель узнаетъ о нихъ лишь по корреспонденціямъ цензурныхъ газетъ, такъ какъ, заваленныя матеріалами, наши періодическія изданія только изрѣдка могли бросить бѣглый взглядъ на общественныя движенія Запада.

Намъ кажется, что настала пора серьезно задуматься объ исправленіи указанныхъ недостатковъ. Чѣмъ ожесточеннѣе становится наша борьба съ правительствомъ, чѣмъ чаще сыплются на насъ его удары, чѣмъ болѣе усложняются условія, въ которыхъ намъ приходится жить и дѣйствовать, тѣмъ крѣпче мы должны сжимать въ своихъ рукахъ спасительную нить нашихъ руководящихъ принциповъ, тѣмъ чаще мы должны обращать на нее вниманіе всѣхъ окружающихъ, чтобы и они могли видѣть и осязать ее во всей ея реальности. Въ лабиринтѣ непредвидѣнныхъ политическихъ событій она предохранитъ насъ отъ неразумныхъ компромисовъ и не позволитъ намъ

уподобиться библейскому Исаву, продавшему свое первенство за чечевичную похлебку. Въ потокѣ грязи и лжи, который выливаютъ на насъ наши противники, она поможетъ безпристрастному свидѣтелю отличить праваго отъ виноватаго, понять стремленія соціализма.

Такъ понимаемъ мы значеніе соціалистической литературы для пропаганды нашихъ идей въ средѣ интеллигенціи. Народная литература заслуживаетъ не меньшаго вниманія со стороны русскихъ соціалистовъ.

Наши изданія для народа состоятъ, главнымъ образомъ, изъ болѣе или менѣе талантливо написанныхъ тенденціозныхъ разсказовъ. Сказка составляетъ преобладающій элементъ въ этой литературѣ.*) Характеристическою чертою послѣдней является единобразіе того средняго типа читателя, къ пониманію котораго приспособляется языкъ и способъ аргументаціи авторовъ. Читая наши народныя изданія можно подумать, что среда, для которой они предназначаются, не представляетъ рѣзкихъ различій по умственному развитію, общественно-экономическому положенію и наиболѣе жизненнымъ интересамъ ея отдѣльныхъ составныхъ частей. Можно подумать, что пріемы и способы соціалистической пропаганды остаются единообразными и неизмѣнными какъ въ ватагѣ рыбаковъ на Волгѣ, такъ и между рабочими большихъ городовъ, въ столицѣ казачьяго войска и въ мастерской мелкаго ремесленника уѣздной глуши.—Даже болѣе. До появленія «Паровой машины» на малорусскомъ языкѣ, мы не имѣли ни одной книжки, которая доказывала бы, что мы помнимъ о разноплеменномъ составѣ Россійской имперіи. Предназначая свои народныя изданія для всего трудящагося люда, отъ одного конца Россіи до другого, мы не приняли во вниманіе того обстоятельства, что русское государство состоитъ изъ различныхъ народностей, вполнѣ сохранившихъ, въ низшихъ слояхъ населенія, свою національную самобытность и свой языкъ. «Сказку о четырехъ братьяхъ» могли понимать только великоруссы; Емелька Пугачевъ считался годнымъ

*) Просимъ имѣть въ виду, что все сказанное нами по поводу соціалистической литературѣ на «русскомъ» языкѣ — относится, собственно, къ великорусской литературѣ.

для оживленія революціонной традиціи какъ въ Поволжьѣ, такъ и въ Малороссіи, воспѣвающей своихъ народныхъ героевъ, имѣвшей свои массовыя движенія. Какъ извѣстно, проповѣдники христіанства, были въ этомъ отношеніи практичнѣе, чѣмъ мы, ибо апостолы своевременно позаботились о сошествіи святаго духа и о полученіи дара говорить на всѣхъ языкахъ.— Практика не могла, разумѣется, выиграть отъ такого рода пріемовъ. Ставя солидарность интересовъ всего трудящагося міра какъ идеалъ, нельзя считать понятіе о ней присущимъ миросозерцанію народа; помимо воздѣйствія соціалистовъ, нельзя считать ее исходнымъ пунктомъ революціонной пропаганды. Задача послѣдней заключается не въ томъ, чтобы предложить народу эту солидарность, какъ готовый абстрактный выводъ, какъ догматъ откровенія, а въ томъ, чтобы сдѣлать самый процессъ обобщенія интересовъ трудящихся единицъ понятнымъ и доступнымъ уму крестьянина, рабочаго или казака. Передъ ихъ глазами, примѣняя способъ наглядпаго обученія, нужно разложить формулу солидарности на ея составныя части, которыя содержитъ въ себѣ обыденная жизнь. Въ этомъ заключается смыслъ и значеніе, такъ называемой, пропаганды или агитаціи на почвѣ мѣстныхъ интересовъ. Но для ихъ успѣха соціалистическая литература не должна игнорировать мѣстныя, національныя, историческія или экономическія особенности, а, напротивъ, совершенно приспособить къ нимъ свою дѣятельность и, уже исходя изъ всѣмъ понятныхъ, мѣстныхъ интересовъ, стараться сглаживать шероховатости, примирять существующій между различными народностями или группами трудящихся антагонизмъ.

Возьмемъ хоть Казацкое Донское Войско. Какъ крестьянину, такъ и казаку прежде всего бросается въ глаза экономическая и правовая разница ихъ положенія. Отсюда—антагонизмъ, заставляющій крестьянина съ завистью посмитривать на огромный, сравнительно, надѣлъ донца, а этого послѣдняго презирать «мужика».—Наши народныя революціонныя изданія имѣютъ въ виду, какъ мы уже говорили, средній типъ читателя. Этимъ типомъ служитъ крестьянинъ. Спрашивается, полагаютъ ли русскіе соціалисты совершенно оставить въ покоѣ казачество и,

если нѣтъ, то какой успѣхъ будетъ имѣть въ казачествѣ революціонная брошюра, трактующая о нуждахъ мужика, написанная крестьянскимъ языкомъ?—Факты показываютъ, что даже эти брошюры встрѣчаютъ тамъ хорошій пріемъ и онѣ дѣлаютъ свое дѣло, если сопровождаются дѣльными комментаріями. Но если почва для соціалистическаго воздѣйствія тамъ хороша, то это тѣмъ болѣе заставляетъ жалѣть о полномъ отсутствіи спеціально къ ней приспособленныхъ орудій ея воздѣлыванія. Дѣйствительно, мы не имѣемъ ни одной книжки, ни одной прокламаціи, которая пыталась бы разъяснить казачеству его истинное отношеніе къ государству, указать на выходъ изъ этого положенія, на необходимость солидарности съ презираемымъ на Дону мужикомъ. Тоже, разумѣется, нужно сказать и о войскѣ уральскомъ и черноморскомъ.

Если отъ казачества перейти къ городскимъ рабочимъ, то картина, представляемая нашею революціонною литературою, не станетъ утѣшительнѣе. Можно сказать безъ преувеличенія, что слой заводскихъ рабочихъ совершенно лишенъ всякихъ подходящихъ для него соціалистическихъ изданій. Прежде всего, это — въ большинствѣ случаевъ, — городскіе мѣщане. И хотя ихъ контингентъ и пополняется, частью, крестьянами, но эти послѣдніе, попавши въ экономическія условія, совершенно отличныя отъ деревенскихъ, скоро свыкаются съ своимъ положеніемъ и пріобрѣтаютъ всѣ привычки постояннаго жителя большихъ городовъ. Заводскій рабочій, конечно, не перестаетъ интересоваться земельнымъ вопросомъ, но уже съ точки зрѣнія чисто отрицательной. Не занимаясь болѣе земледѣліемъ, и какъ знающій ремесло человѣкъ, не видящій выгоды въ возвратѣ къ нему, онъ мечтаетъ лишь о томъ, чтобы отдѣлаться отъ лежащихъ на его надѣлѣ податей, которыя часто превышаютъ доходность земли. Центръ тяжести его интересовъ заключается въ вопросѣ о заработной платѣ, цѣнѣ на квартиры и предметахъ первой необходимостуи или даже комфорта. Процессъ капиталистическаго производства захватилъ его въ свой механизмъ и наложилъ свой отпечатокъ на всѣ его интересы, привычки и міроеозерцаніе. Относительная высота его зарботной плат ы даетъ ему возможность

занимать комнату, а не уголъ. *) жить и питаться до нѣкоторой степени по человѣчески возвышаетъ его потребности и, въ то-же время, надъ его головой постоянно виситъ Дамокловъ мечъ безработицы и полнаго, безпомощнаго нищенства. Неопредѣленность его положенія дѣлаетъ его подвижнымъ, воспріимчивымъ и недовольнымъ. Онъ не презираетъ болѣе нѣмецкаго платья, — онъ щеголяетъ имъ въ праздникъ и тратитъ на него значительную часть заработка. Онъ чуждается деревенскихъ оборотовъ рѣчи и уснащаетъ свои фразы иностранными словами; онъ хочетъ казаться образованнымъ. Впрочемъ выраженіе «*казаться*» было бы не совсѣмъ правильнымъ. Жизнь въ большихъ центрахъ разрушаетъ въ немъ то равновѣсіе, которое характеризуетъ міросозерцаніе земледѣльца экономически отсталой страны, и дѣлаетъ изъ него скептика, превращаетъ умъ его въ tabula rasa, на которой жизнь постепенно очерчиваетъ новый, болѣе широкій кругозоръ. Эта умственная переборка вызываетъ дѣйствительное желаніе знать и учиться. Заводскіе рабочіе слѣдятъ за газетами, на столѣ болѣе развитыхъ изъ нихъ появляются книги. Много-ли дастъ имъ при такихъ условіяхъ какая нибудь «*Сказка о копѣйкѣ*»?

Аграрный вопросъ представляетъ мало интереса для заводскаго рабочаго. Самый способъ аргументаціи и изложенія нашихъ народныхъ изданій не соотвѣтствуетъ степени его умственнаго развитія. Возбудивши работу мысли въ мозгу рабочаго, вызвавши множество сомнѣній и недоразумѣній, онѣ не даютъ и не могутъ дать на нихъ отвѣта. Ему остается или искать разрѣшенія интересующихъ его вопросовъ въ бесѣдѣ съ пропагандистомъ, или приняться за чтеніе цензурныхъ книгъ. Ни то, ни другое не въ состояніи вознаградить рабочаго за недостатокъ доступной для его пониманія, соціалистической литературы. Въ странѣ, гдѣ сыщикъ можетъ примѣнить къ себѣ слова писанія: «Идѣ-же бо еста два или тріе —ту есмь посредѣ ихъ»—большія собранія очень затруднены, а частный, единичный обмѣнъ мыслей по-

*) Все, что мы говоримъ здѣсь о заводскихъ рабочихъ, не относится къ такъ называемымъ чернорабочимъ, живущимъ нисколько не лучше крестьянина.

неволѣ отличается отрывочностью и отсутствіемъ системы. И чѣмъ больше будетъ возростать число новообращенныхъ, тѣмъ труднѣе будетъ соціалистамъ замѣнять живою рѣчью недостатокъ печатнаго слова. Наконецъ, нужно принять во вниманіе и то обстоятельство, что работа предшествовавшихъ лѣтъ создала въ рабочей средѣ извѣстный контингентъ соціалистовъ, контингентъ, который своими размѣрами перерось возможность личнаго воздѣйствія наиболѣе развитыхъ единицъ. Что-же касается до легальной литературы, то ея служеніе дѣлу проповѣди соціализма можетъ быть только косвеннымъ. Она можетъ дать матеріалъ, представить факты, изслѣдованія, которыя, при правильной критикѣ, послужатъ уясненію соціалистичеекихъ задачъ; но дѣло подобнаго рода критики—не ея дѣло. Большинство ея представителей или враждебно, или индифферентно по отношенію къ соціализму. Наконецъ, существующія цензурныя условія запрещаютъ «вредныя ученія соціализма и коммунизма». Ко всему этому нужно прибавить, что рабочій имѣетъ слишкомъ мало времени, чтобы въ кучѣ печатнаго хлама найти глубоко зарытое зерно истины, чтобы разностороннимъ и систематическимъ чтеніемъ выработать въ себѣ способность оріентироваться среди недомолвокъ, иносказаній, а подчасъ и лицемѣрія легальной литературы. Ея объемистые томы предназначены не для тѣхъ, кто работаетъ не менѣе 10 часовъ въ сутки.

При отсутствіи соціалистической литературы, результаты чтенія рабочими легальныхъ изданій далеко неутѣшительны. Французская революція умѣщается рядомъ съ Екатерининскимъ Наказомъ, Парижская Коммуна — съ фабричнымъ законодательствомъ въ Англіи, сочиненія Чернышевскаго рядомъ съ конституціонными вождѣленіями либеральныхъ газетъ и журналовъ. Въ концѣ концовъ, для рабочаго ясно только то, что онъ партія въ современномъ обществѣ, что онъ недоволенъ своимъ положеніемъ и готовъ взяться за оружіе для его измѣненія къ лучшему. Въ чемъ заключается это лучшее, какими путями можно къ нему подойти? Это также темно и неопредѣленно для него, какъ и для того французскаго рабочаго, который, прійдя въ 1848 г. къ Луи-Блану, делегатомъ отъ своихъ товарищей, требовалъ декрета

объ «*организаціи труда*» и на вопросъ въ чемъ долженъ состоять декретъ, повторялъ только эти два слова. Событія, послѣдовавшія во Франціи послѣ 1848 г., показали, кто остается въ выигрышѣ отъ подобнаго положенія дѣлъ.

Безсистемностью своей пропаганды мы готовимъ поле для интригъ политическихъ партій, которыя выйдутъ же когда нибудь изъ своего современнаго безсилія. Но тогда поправлять дѣло будетъ, пожалуй, ужъ поздно. Мы не говоримъ, конечно, объ отдѣльныхъ личностяхъ. Счастливая комбинація условій дала нѣкоторымъ изъ рабочихъ возможность пріобрѣсти солидное образованіе. Мы знаемъ такихъ лицъ, но знаемъ также, что именно они-то и согласятся скорѣе всего со сказаннымъ нами. Въ этихъ строкахъ мы повторяемъ лишь то, что ни одинъ разъ слышали отъ нихъ самыхъ. Исторія ихъ умственнаго развитія есть исторія труда, на который способенъ только недюжинный умъ. Изъ того, что западноевропейская рабочая среда выдвинула Бебелей, Мостовъ, Малоновъ и Варленовъ, нельзя еще заключать что она не нуждается, такъ сказать въ соціалистическихъ букваряхъ. Наши западно-европейскіе братья отлично знаютъ цѣну печатнаго слова. Не говоря уже о Германіи, которая является классической страной популярной соціалистической литературы, можно указать на цѣлую серію итальянскихъ народныхъ брошюръ. Въ нихъ трактуется *о государствѣ, о машинахъ и соціализмѣ, о коллективизмѣ въ соціализмѣ о распредѣленіи* и т. д. и т. д. Французы сдѣлали въ этомъ отношеніи меньше другихъ, но у нихъ этотъ недостатокъ пополняется отчасти существованіемъ рабочаго органа (Proletaire), рабочими конгрессами и собраніями. Мы не должны пренебрегать этимъ примѣромъ. Намъ могутъ сказать, конечно, что заводскіе рабочіе, о которыхъ мы говорили на предъидущихъ страницахъ, составляютъ лишь меньшинство, что большинство фабричныхъ мало чѣмъ отличается отъ крестьянъ и, дѣлая изъ своего фабричнаго труда родъ отхожаго промысла, интересуется болѣе вопросомъ о землѣ, чѣмъ вопросомъ о фабрикѣ. Это вѣрно лишь по стольку, по скольку оно не говоритъ противъ необходимости соціалистической литературы для фабричныхъ. Трудъ на фабрикѣ для мно-

гихъ изъ нихъ дѣйствительно отхожій промыселъ. Но на этомъ промыслѣ зиждется часто все благосостояніе семьи. Фабричный рабочій идетъ изъ той полосы Россіи, гдѣ земля не окупаетъ лежащихъ на ней платежей. Заработная плата составляетъ самую значительную часть въ бюджетѣ такого полупромышленнаго, полуземледѣльческаго рабочаго. Ея колебанія отражаются на немъ самымъ тяжелымъ образомъ и, волей-неволей, вызываютъ его на борьбу съ капиталомъ. Можно-ли сказать, что въ этой борьбѣ ему не нужна помощь соціалиста? А если да, то въ чемъ должна состоять эта помощь, какъ не въ уясненіи цѣлей и способовъ этой борьбы, въ разъясненіи истинныхъ отношеній труда къ капиталу. Крупныя стачки петербургскихъ ткачей и прядильщиковъ показали, какую важность имѣетъ существованіе рабочихъ организацій въ промышленныхъ центрахъ. Тѣже самыя стачки показали, что вліяніе тайныхъ организацій рабочихъ - соціалистовъ находится въ прямой зависимости отъ ясности пониманія ими современныхъ общественныхъ отношеній и задачъ экономической революціи. Впрочемъ, это понятно и a priori. Пополненіе соціалистической литературы является одной изъ насущнѣйшихъ задачъ современнаго рабочаго движенія въ Россіи. Это одна изъ серьезнѣйшихъ услугъ, какую только можетъ оказать ему наша соціалистическая интеллигенція, къ которой нужно причислить и часть городскихъ рабочихъ.

Точно также, едва ли кто станетъ отрицать значеніе соціалистическихъ изданій для крестьянъ. Мы далеки отъ того, чтобы предлагать распространеніе книгъ, какъ единственный способъ соціалистической дѣятельности въ народѣ. Мы знаемъ, что есть другіе пріемы, которые не утратятъ своей важности никогда, а, при существующихъ политическихъ условіяхъ въ Россіи, тѣмъ болѣе выдвигаются на видъ. Но какъ бы мало ни придавалъ значенія распространенію книгъ живущій въ народѣ соціалистъ, какъ бы ни считалъ онъ ограниченной сферу ихъ возможнаго распространенія, онъ все таки долженъ согласиться, что онѣ могутъ оказать ему весьма серьезныя услуги. Прежде всего, онъ никогда не можетъ обойтись безъ союзниковъ изъ среды самаго народа. Какъ мѣстные люди, такіе союзники должны служить связу-

ющимъ звеномъ между соціалистической организаціей и массой народа. При болѣе близкомъ знакомствѣ они могутъ и должны быть приняты въ организацію. Тогда явится необходимость посвятить ихъ въ ея цѣли и задачи и здѣсь то начинается роль книжной пропаганды. Степень устойчивости и вліятельности организаціи и здѣсь, какъ въ средѣ городскихъ рабочихъ или въ интеллигенціи, прямо пропорціональна сознательности отношенія ея членовъ къ окружающей ихъ дѣйствительности и средствамъ достиженія лучшаго будущаго. Въ этомъ отношеніи, описаніе современнаго положенія крестьянства, его надѣловъ и лежащихъ на нихъ платежей, количественное отношеніе мелкаго и крупнаго землевладѣнія въ Россіи, исторія крестьянскаго сословія, наконецъ цѣли и стремленія соціально-революціонной партіи, — все это могло бы быть весьма благодарною темою для нашихъ народныхъ изданій.

Подводя итогъ всему сказанному, мы увидимъ, что каждая изъ существующихъ отраслей соціалистической литературы требуетъ весьма значительнаго пополненія. Кромѣ того, въ виду разницы экономическаго положенія и привычекъ различныхъ классовъ трудящагося населенія Россіи, наша народная литература должна, такъ сказать, дифференцироваться на нѣсколько различныхъ отраслей: изданія для городскихъ рабочихъ, казачества и крестьянства.

Сдѣлать это тѣмъ болѣе можно и должно, что та же самая борьба, которая ставитъ намъ эту задачу, даетъ косвенныя средства для ея разрѣшенія. Извѣстный процентъ русскихъ соціалистовъ постоянно долженъ искать убѣжища на чужбинѣ. Личный составъ нашей эмиграціи, правда, постоянно мѣняется. Но и тѣхъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, которые приходится провести каждой отдѣльной личности за границей, достаточно, чтобы, такъ или иначе, способствовать дѣлу пополненія соціалистической литературы для интеллигенціи, крестьянъ и рабочихъ. Кромѣ того, есть люди, возвратъ которыхъ въ Россію будетъ невозможенъ еще очень долгое время. Ихъ обязанность заключается въ томъ, чтобы досугъ, остающійся отъ ежедневной борьбы за существованіе, посвятить дѣлу соціальной революціи на родинѣ;— обязанность хорошо организованной партіи состоитъ въ утилизаціи ихъ силъ.

Мы предлагаемъ соціалистамъ всѣхъ фракцій и оттѣнковъ, выражаются ли ихъ взгляды изданіями «Впередъ», «Работника» или «Общины»; «Земли и Воли», «Начала», «Народной Воли», «Чернаго Передѣла», или «Громады»—соединиться для дѣла, несомнѣнно полезнаго имъ всѣмъ.

Это дѣло—изданіе книгъ и брошюръ, разработывающихъ теоретическіе вопросы, относящіеся къ соціализму. Весь рядъ будетъ носить общее названіе *Русской Соціально-революціонной библіотеки.*

Изданія Русской Соціально-революціонной Библіотеки предназначаются:

1) *Для интеллигенціи*, т. е. для читателей, подготовленныхъ къ чтенію серьезныхъ трудовъ и располагающихъ необходимымъ для этого досугомъ.

2) *Для народа*, т. е. для читателей по недостатку времени или подготовки не могущихъ воспользоваться трудами первой категоріи. Сюда войдутъ популярныя брошюры для рабочихъ, крестьянъ, казачества и т. д. Народныя изданія Русской Соціально-революціонной Библіотеки по языку и способу изложенія будутъ примѣняться къ важнѣйшимъ экономическимъ и этнографическимъ особенностямъ различныхъ мѣстностей Россіи.

Болѣе или менѣе полное достиженіе поставленной такимъ образомъ задачи зависитъ отъ той поддержки, какую окажутъ нашему предпріятію различные соціально-революціонные кружки въ Россіи.

Для покрытія издержекъ изданія образуется *фондъ* Русской Соціально-революціонной Библіотеки.

Дѣла изданія Русской Соціально-революціонной Библіотеки находятся въ завѣдываніи *Редакціонной Коммиссіи*, состоящей изъ трехъ лицъ, и *кассира*.

Способы избранія коммиссіи и кассира и ихъ функціи будутъ установлены на первомъ собраніи всѣхъ лицъ, согласныхъ содѣйствовать изданію. Оно должно быть созвано черезъ полгода по выходѣ первой книжки Русской Соціально-революціонной Библіотеки.

Въ настоящее время избрана по большинству голосовъ лицами, согласившимися участвовать своими трудами въ изданіи, *временная Редакціонная Коммиссія* и ею избранъ кассиръ.

Дѣло временной редакціонной коммиссіи ограничивается установленіемъ порядка въ изданіи предла-

гаемыхъ ей трудовъ, соображаясь со временемъ ихъ доставки и со средствами кассы. Коммиссія имѣетъ право устранять лишь труды, прямо отрицающіе основныя начала рабочаго соціализма, и тѣ, которые явно лишены всякаго литературнаго достоинства. Если она найдетъ, что присланныя рукописи нуждаются въ дополненіяхъ или измѣненіяхъ, то входитъ по этому вопросу въ сношенія съ авторами, но не можетъ безъ согласія послѣднихъ дѣлать какія либо измѣненія въ рукописяхъ и, въ крайнемъ случаѣ, можетъ внести въ изданія нѣкоторыя примѣчанія. Если бы авторъ дозволилъ себѣ личныя оскорбительныя выраженія относительно другихъ членовъ соціалистической партіи, выраженія, которыя коммиссія нашла бы неприличными и противорѣчащими самой цѣли изданія, именно, соединенію всѣхъ фракцій русскаго соціализма въ серьезной обработкѣ общихъ вопросовъ для общихъ цѣлей, то коммиссія созоветъ общее собраніе, которому и предложитъ рѣшить вопросъ.

На обязанности *кассира* лежитъ веденіе всѣхъ дѣлъ по кассѣ фонда и на его имя должна быть адресована вся переписка. Онъ же выдаетъ росписки о полученіи денегъ въ кассу или рукописей для редакціонной коммиссіи.

Первое собраніе всѣхъ русскихъ соціалистовъ, согласныхъ участвовать трудами или взносами въ изданіи, окончательно установитъ всѣ подробности веденія дѣла, при чемъ лица, не находящіяся на мѣстѣ, передаютъ свой голосъ другимъ.

Во временную Редакціонную Коммиссію избраны слѣдующія лица: *Л. Н. Гартманъ*, *П. Л. Лавровъ* и *Н. А. Морозовъ*.

1880 г.

1882 г.

Предисловіе къ русскому изданію «Манифеста Коммунистической Партіи.»

Имена Карла Маркса и Фридриха Энгельса пользуются у насъ такою громкою и почетною извѣстностью, что говорить о научныхъ достоинствахъ «Манифеста Коммунистической Партіи» значитъ повторять всѣмъ извѣстную истину. Вмѣстѣ съ другими сочиненіями его авторовъ «Манифестъ» началъ новую эпоху въ исторіи соціалистической и экономической литературы — эпоху безпощадной критики современныхъ отношеній труда къ капиталу и чуждаго всякихъ утопій, научнаго обоснованія соціализма. Едва ли нужно, поэтому, объяснять мотивы, побудившіе «Русскую Соціально-Революціонную Библіотеку» издать «Манифестъ» на русскомъ языкѣ. Достаточно сказать, что вышедшій въ шестидесятыхъ годахъ русскій переводъ его представляетъ собою теперь библіографическую рѣдкость въ полномъ смыслѣ этого слова. Кромѣ того, въ переводъ этотъ закралось, какъ намъ кажется, нѣсколько неточностей, мѣшавшихъ правильному пониманію мыслей авторовъ. Мы рѣшились сдѣлать новый переводъ этого великаго, хотя и не объемистаго произведенія, которое разошлось въ огромномъ количествѣ экземпляровъ во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ, и несомнѣнно получило бы еще большее распространеніе, если бы образованные представители господствующихъ классовъ продолжали интересоваться наукой даже въ томъ случаѣ, когда выводы ея противорѣчатъ ихъ интересамъ и предразсудкамъ.

Намъ казалось, что изданіе русскаго перевода «Манифеста Коммунистической Партіи» не только полезно, но и необходимо теперь, когда русское соціалистическое движеніе окончательно уже выступило на путь открытой борьбы съ абсолютизмомъ, и вопросъ о значеніи и задачахъ политической дѣятельности нашей партіи становится жгучимъ практическимъ вопросомъ. Взаимная зависимость и связь политическихъ и экономическихъ интересовъ трудящихся указаны въ «Манифестѣ» съ полною ясностью. Авторы

его сочувствуютъ «всякому революціонному движенію противъ существующихъ общественныхъ и политическихъ отношеній». Но, отстаивая ближайшія, непосредственныя цѣли всякаго революціоннаго движенія, они въ то же время не упускаютъ изъ виду его «будущности». Поэтому «Манифестъ» можетъ предостеречь русскихъ соціалистовъ отъ двухъ одинаково печальныхъ крайностей: отрицательнаго отношенія къ политической дѣятельности съ одной стороны, и забвенія будущихъ интересовъ партіи — съ другой. Люди, склонные къ первой изъ упомянутыхъ крайностей, убѣдятся въ томъ, что «всякая классовая борьба есть борьба политическая», и что отказываться отъ активной борьбы съ современнымъ русскимъ абсолютизмомъ значитъ косвеннымъ образомъ его поддерживать. Съ другой стороны, «Манифестъ» показываетъ, что успѣхъ борьбы каждаго класса вообще, а рабочаго въ особенности зависитъ отъ объединенія этого класса и яснаго сознанія имъ своихъ экономическихъ интересовъ. Отъ организаціи рабочаго класса и непрестаннаго выясненія ему враждебной противоположности его интересовъ съ интересами господствующихъ классовъ зависитъ будущность нашего движенія, которую, разумѣется, невозможно приносить въ жертву интересамъ данной минуты.

Основанія этой организаціи рабочаго класса могутъ быть заложены уже въ настоящее время. Русское соціалистическое движеніе не ограничивается уже предѣлами того слоя, который принято называть учащеюся молодежью, мыслящимъ пролетаріатомъ и т. п. Рабочіе нашихъ промышленныхъ центровъ, въ свою очередь, начинаютъ «мыслить» и стремиться къ своему освобожденію. Несмотря на всѣ преслѣдованія правительства, тайныя соціалистическія организаціи рабочихъ не только не разрушаются, но принимаютъ все болѣе широкіе размѣры. Вмѣстѣ съ этимъ расширяется соціалистическая пропаганда, растетъ спросъ на популярныя брошюры, излагающія основныя положенія соціализма. Было бы очень желательно, чтобы имѣющая возникнуть русская рабочая литература поставила себѣ задачей популяризацію ученій Маркса и Энгельса, минуя окольные пути болѣе или менѣе искаженнаго прудонизма.

Правда, у насъ до сихъ поръ еще довольно сильно

распространено убѣжденіе въ томъ, что задачи русскихъ соціалистовъ существенно отличаются отъ задачъ ихъ западно-европейскихъ товарищей. Но не говоря уже о томъ, что окончательная цѣль должна быть одинакова для соціалистовъ всѣхъ странъ, раціональное отношеніе нашихъ соціалистовъ къ особенностямъ русскаго экономическаго строя возможно лишь при правильномъ пониманіи западно-европейскаго общественнаго развитія. Сочиненія же Маркса и Энгельса представляютъ собою незамѣнимый источникъ для изученія общественныхъ отношеній Запада.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о «приложеніяхъ», помѣщенныхъ нами въ концѣ книги. Въ своемъ предисловіи къ нѣмецкому изданію 1872 г. авторы «Манифеста» указываютъ на опытъ Парижской Коммуны, «показавшей, что рабочій классъ не можетъ просто овладѣть готовой государственной машиной и воспользоваться ею для своихъ собственныхъ цѣлей». При этомъ они ссылаются на брошюру «Гражданская война во Франціи», въ которой вопросъ о развитіи и значеніи современной государственной власти разсматривается подробнѣе. Въ виду того, что русское изданіе этой брошюры теперь уже совершенно разошлось, мы рѣшили приложить къ «Манифесту» переводъ указаннаго авторами мѣстаизъ «Гражданской войны во Франціи». Что касается Устава Международнаго Товарищества Рабочихъ, то мы считали его интереснымъ дополненіемъ къ «Манифесту» потому, что это знаменитое Товарищество представляетъ собою въ высшей степени плодотворный опытъ международной организаціи рабочаго класса на началахъ, впервые развитыхъ въ «Манифестѣ Коммунистической Партіи». Несмотря на непродолжительность своего существованія, Международное Товарищество Рабочихъ сдѣлало свое дѣло, скрѣпивши «братскими узами солидарности» соціалистическія партіи всего міра.

Воспоминаніе объ А. Д. Михайловѣ. *)

Я познакомился съ А. Д. Михайловымъ осенью 1875 года, когда онъ, окончивши гимназическій курсъ, поступилъ въ Технологическій институтъ въ Петербургѣ. Знакомство наше состоялось на одной изъ многочисленныхъ тогда студенческихъ сходокъ, на которыхъ обсуждались занимавшіе молодые умы вопросы о «знаніи и революціи», «хожденіи въ народъ», пропагандѣ, агитаціи и т. п. Сходка, о которой я говорю, состоялась гдѣ-то около Технологическаго института въ довольно просторной и высокой комнатѣ, биткомъ набитой студентами разныхъ учебныхъ заведеній. Проспоривши часа два подъ-рядъ, мы всѣ почувствовали нестерпимую духоту и рѣшили отворить форточку. Тогда наступилъ родъ перерыва, и пренія приняли частный характеръ; собраніе разбилось на небольшія группы, въ которыхъ продолжалось обсужденіе различныхъ спорныхъ пунктовъ. Мы горячились и кричали, не обращая вниманія на то, что, благодаря открытой форточкѣ, собраніе наше могло обратить на себя вниманіе дворниковъ и полиціи. Вдругъ всѣ голоса были покрыты чьимъ-то громкимъ напоминаніемъ объ осторожности. Обернувшись въ сторону говорившаго, мы увидѣли довольно высокаго, бѣлокураго господина въ красной шерстяной рубашкѣ и высокихъ сапогахъ.

— Вы лучше помолчите, господа, пока форточка откркыта—продолжалъ бѣлокурый господинъ, не проронившій до тѣхъ поръ ни одного слова и потому не обратившій на себя ничьего вниманія.

Не знаю почему, всѣ мы расхохотались надъ этимъ предостереженіемъ, но не отказались, однако, послѣдовать благому совѣту. У многихъ явилось желаніе познакомиться съ осторожнымъ господиномъ, одѣтымъ настоящимъ «нигилистомъ». Около него образовалась кучка, посыпались вопросы: гдѣ учитесь, какъ ваша фамилія и т. д. «Михайловъ, студентъ Технологическаго

*) «На Родинѣ» № 3

Института, первокурсникъ», — обстоятельно пояснялъ, съ легкимъ заиканіемъ, бѣлокурый господинъ, не обращаясь ни къ кому въ частности. Я былъ въ числѣ вопрошавшихъ и, узнавши, что Михайловъ — технологъ, спросилъ его о новыхъ правилахъ, только что введенныхъ Вышнеградскимъ и вызывавшихъ всеобщее неудовольствіе студентовъ.

— Говорятъ, что не сегодня-завтра студенты откажутся ходить на репетиціи и начнутся «безпорядки» ?

— Студенты очень возбуждены, и «безпорядки» весьма возможны, но я не приму въ нихъ ни малѣйшаго участія, отвѣчалъ мой новый знакомый.

Это откровенное заявленіе ужасно удивило меня, такъ какъ отказъ поддерживать товарищей въ ихъ справедливыхъ требованіяхъ считался несомнѣннымъ признакомъ трусости.

— Видите-ли, въ чемъ дѣло, невозмутимо продолжалъ Михайловъ, они хотятъ сообща отказаться отъ репетицій, потому что каждый изъ нихъ боится сдѣлать это въ одиночку. Я давно уже переступилъ этотъ Рубиконъ: съ самаго поступленія въ Институтъ я не былъ ни на одной репетиціи, такъ какъ считаю ихъ совершенно безполезными. Если бы и другіе поступали какъ я, то новыя правила были бы устранены фактически, и тогда не было бы надобности въ «безпорядкахъ» и неизбѣжныхъ затѣмъ высылкахъ.

— Но вѣдь тѣ, которые не являются на репетиціи получаютъ нуль, а за нѣсколько нулей студентъ не допускается къ экзамену.

— А пусть себѣ ставятъ нули, вѣдь нельзя же оставить на второй годъ всѣхъ студентовъ всѣхъ курсовъ.

— Но пока вы одинъ, съ вами это, навѣрное, случится.

— Это уже ихъ дѣло, а я все таки не пойду на репетиціи, потому что это пустая трата времени.

На этомъ и прекратился мой разговоръ съ Михайловымъ. Вскорѣ послѣ нашей первой съ нимъ встрѣчи дѣйствительно начались «безпорядки» въ Технологическомъ Институтѣ, а за ними послѣдовали административныя «водворенія на родину». Михайловъ былъ высланъ однимъ изъ первыхъ, хотя онъ сдержалъ слово и не принималъ ни малѣйшаго участія въ «без-

порядкахъ». Его выслали какъ упрямаго протестанта противъ новыхъ порядковъ, доказавшаго свою «злую волю» непосѣщеніемъ репетицій еще въ то время, когда другіе студенты являлись на нихъ самымъ исправнымъ образомъ. Его водворили, кажется, въ Путивлѣ, откуда онъ скоро перебрался въ Кіевъ.

Въ шумномъ водоворотѣ петербургской студенческой жизни я скоро совсѣмъ забылъ о Михайловѣ, не подозрѣвая, что мнѣ еще придется жить и дѣйствовать съ нимъ вмѣстѣ. Поэтому я такъ порядкомъ удивился, когда въ октябрѣ 1876 года, столкнулся съ нимъ на имперьялѣ конно-желѣзной дороги. Послѣ первыхъ привѣтствій онъ разсказалъ мнѣ свою Одиссею и прибавилъ, что получивши разрѣшеніе вернуться въ Петербургъ, онъ пріѣхалъ съ цѣлью поступить въ Горный Институтъ или какое нибудь другое высшее учебное заведеніе. Въ минуту нашей внезапной встрѣчи онъ ѣхалъ на Садовую, чтобы освѣдомиться на счетъ правилъ пріема въ Институтъ Инженеровъ Путей Сообщенія. Какъ человѣкъ практичный, онърѣшилъ держать экзамены въ двухъ учебныхъ заведеніяхъ сразу, чтобы, «срѣзавшись» въ одномъ, не лишиться шансовъ на успѣхъ въ другомъ. Нужно замѣтить, что пріемные экзамены въ Горный Институтъ отличались тогда большою строгостью, такъ что опасенія Михайлова касательно провала были не лишены основанія. Впрочемъ техника интересовала его въ это время очень мало. Студенческій билетъ долженъ былъ доставить ему нѣкоторую гарантію отъ преслѣдованій полиціи, которая, какъ извѣстно, вообще неблагосклонно смотритъ на пребываніе въ Петербургѣ людей «безъ опредѣленныхъ занятій». Я не помню, удалось-ли ему запастись этимъ громоотводомъ, знаю только, что поселившись въ столицѣ, Михайловъ посвящалъ все свое время разыскиванію «настоящихъ революціонеровъ». Припоминая теперь его тогдашній образъ жизни, я думаю, что онъ долженъ былъ пережить страшно много за какихъ нибудь два-три мѣсяца. Онъ какъ-бы переродился. Изъ уединеннаго обитателя Измайловскаго полка, какимъ я зналъ его годъ тому назадъ, онъ превратился въ самаго подвижнаго, самаго живого члена студенческихъ «коммунъ», нигдѣ не остающагося надолго, но вѣчно перекочевывающаго изъ одной квартиры въ другую. «Коммуны», въ которыхъ

онъ вращался въ это время, представляли собою иногда небольшую студенческую комнату, занимаемую вмѣстѣ съ настоящимъ ея хозяиномъ цѣлой массой пришлаго населенія. Я помню разсказъ Михайлова объ обстановкѣ одной изъ такихъ коммунъ. На Малой Дворянской улицѣ, на Петербурской сторонѣ, въ крошечномъ и низкомъ деревянномъ домикѣ, настоящей избушкѣ на «курьихъ ножкахъ», кто-то изъ знакомыхъ Михайлова занималъ комнату, помѣщавшуюся въ первомъ этажѣ и выходившую окнами на улицу. Мало по малу, вмѣсто одного постояннаго жильца въ ней оказалось цѣлыхъ шестеро, размѣщавшихся, какъ это легко себѣ представить, безъ всякой претензіи на удобства. Спали на кроватяхъ, спали на столахъ, спали на полу, и когда къ постояннымъ обитателямъ комнаты присоединялось нѣсколько «ночлежниковъ», то весь полъ былъ занятъ спящими, такъ что путешествіе изъ одного угла комнаты въ другой представляло собою настоящую «скачку съ препятствіями». «Когда дворникъ отворялъ по утрамъ ставни нашихъ оконъ, разсказывалъ Михайловъ, то, пораженный этимъ необычайнымъ зрѣлищемъ, онъ могъ только произнести—О, Господи!» Въ настоящее время, конечно, ни одинъ дворникъ не ограничился бы такими лирическими порывами, но лѣтъ пять-шесть тому назадъ полиція снисходительнѣе смотрѣла на студенческіе нравы и терпѣливѣе «ожидала поступковъ». Она ни разу не потревожила Михайлова и его сожителей, которые, не довольствуясь обычнымъ въ ихъ квартирѣ многолюдствомъ, часто устраивали сходки изъ нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ. Въ то время сходки вообще были очень многолюдны и оживлены. Наступившее послѣ арестовъ 1873—74 годовъ затишье, уступило мѣсто новому оживленію молодежи, на развалинахъ старыхъ кружковъ выростали новыя организаціи, революціонныя «программы» предшествующаго періода замѣнялись, такъ называемымъ, «народничествомъ».

Михайловъ горячо интересовался всѣми «проклятыми вопросами» этого періода нашего революціоннаго движенія и принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ вызывавшихся ими дебатахъ. Посѣщая всѣ сколько нибудь интересныя собранія, онъ надѣялся встрѣтиться тамъ съ «настоящими революціонерами», которые облегчили бы ему переходъ отъ слова къ дѣлу.

Надежды его оправдались въ очень скоромъ времени. На одной изъ сходокъ, если не ошибаюсь, въ описанной уже выше «коммунѣ» на Малой Дворянской улицѣ, онъ познакомился съ членами возникавшаго тогда общества «Земля и Воля» и скоро самъ былъ въ него принятъ. Тогда окончился «нигилистическій», какъ любилъ выражаться Михайловъ, періодъ его жизни. Онъ достигъ своей цѣли, нашелъ подходившихъ къ его воззрѣніямъ людей, нашелъ кое-какую организацію и энергически принялся за ея расширеніе. Теперь онъ уже не посѣщалъ «коммунъ», не ужасалъ дворниковъ оригинальностью своего костюма. Онъ превратился въ сдержаннаго организатора, взвѣшивающаго каждый свой шагъ и дорожащаго каждой минутой времени. «Нигилистическій» костюмъ съ его плэдомъ и высокими сапогами могъ обратить на себя вниманіе шпіона и повести къ серьезнымъ арестамъ. Михайловъ немедленно отказался отъ него, какъ только взялся за серьезную работу. Онъ одѣлся весьма прилично, справедливо разсуждая, что лучше истратить нѣсколько десятковъ рублей на платье, чѣмъ подвергаться ненужной опасности. Во всемъ кружкѣ «Земля и Воля» не было съ тѣхъ поръ болѣе энергичнаго сторонника приличной внѣшности. Часто, послѣ обсужденія какого нибудь серьезнаго плана, онъ дѣлалъ своему собесѣднику замѣчаніе относительно неисправности его костюма и настаивалъ на необходимости ремонта этого послѣдняго. Если собесѣдникъ отговаривался неимѣніемъ денегъ, то Мхайловъ умолкалъ, но при этомъ записывалъ что-то шифромъ въ свою книжечку. Черезъ нѣсколько дней онъ доставалъ деньги и сообщалъ адресъ недорогого магазина платья, такъ что его неисправно одѣтому товарищу оставалось только итти по указанному адресу, чтобы вернуться домой въ приличномъ видѣ. Другою, не менѣе постоянною заботою Мхайлова былъ квартирный вопросъ. Помимо обыкновенныхъ житейскихъ удобствъ, найденная имъ «конспиративная» квартира имѣла много другихъ, незамѣтныхъ для глаза непосвященнаго въ революціонныя тайны смертнаго. Окна ея оказывались особенно хорошо приспособленныя для установки «знака», который легко могъ быть снятъ въ случаѣ появленія полиціи, такъ что не входя еще въ квартиру можно было знать, что тамъ «неблагополучно»; отъ

другихъ квартиръ она отдѣлялась толстою капитальною стѣною, такъ что ни одно слово не могло долетѣть до ушей, быть можетъ, нескромныхъ сосѣдей; планъ двора, положеніе подъѣзда, — все было принято въ соображеніе, все было приспособлено къ «конспиративнымъ» цѣлямъ. Я помню, какъ, показавши мнѣ всѣ достоинства только что нанятой имъ квартиры, на Басейной улицѣ, Михайловъ вывелъ меня на лѣстницу, чтобы обратить мое вниманіе на ея особенныя удобства.

— Видите, какая площадка, произнесъ онъ съ восхищеніемъ.

Признаюсь, я не понялъ — въ чемъ дѣло.

— Въ случаѣ несвоевременнаго обыска мы можемъ укрѣпиться на этой площадкѣ и, обстрѣливая лѣстницу, защищаться отъ цѣлаго эскадрона жандармовъ, — пояснилъ мнѣ Михайловъ.

Вернувшись въ квартиру, онъ показалъ мнѣ цѣлый арсеналъ различнаго оборонительнаго оружія, и я убѣдился, что жандармамъ придется дорого поплатиться за «несвоевременный» визитъ къ Михайлову.

Но всѣ эти хлопоты занимали Ал. Дм. лишь временно. Онъ собирался «въ народъ», на Донъ или на Волгу, туда, гдѣ, по его мнѣнію, еще жива была память о Разинѣ и Пугачевѣ, гдѣ крестьянство не свыклось еще съ ярмомъ государственной организаціи и не махнуло рукой на свое будущее. Но такъ какъ бродячая пропаганда 1873 — 74 годовъ не принесла хорошихъ результатовъ, то общество «Земля и Воля» рѣшилось основать прочныя поселенія въ народѣ, чтобы имѣть возможность дѣйствовать осмотрительно, съ знаніемъ мѣстности и разумнымъ выборомъ личностей. Для этого, разумѣется, нужно было занять извѣстное положеніе въ деревнѣ, нужно было званіе учителя, писаря, фельдшера или чего либо подобнаго. Михайловъ рѣшился сдѣлаться учителемъ, но не въ православной, а въ раскольничьей деревнѣ. На пропаганду среди раскольниковъ тогда возлагались очень большія надежды; безпоповцевъ, въ особенности, считали, какъ и теперь считаютъ многіе, носителями неиспорченнаго народнаго идеала, которыхъ безъ большого труда можно превратить изъ оппозиціоннаго — въ революціонный элементъ русской общественной жизни. Наилучшею репутаціею пользовались, конечно,

бѣгуны. Мысль о заведеніи съ ними правильныхъ и постоянныхъ сношеній была не нова, но осуществленіе ея представляло большія трудности. Михайловъ не видѣлъ возможности познакомиться съ представителями этой секты иначе, какъ черезъ посредство другихъ, менѣе крайнихъ, менѣе преслѣдуемыхъ, а потому, естественно, и менѣе недовѣрчивыхъ сектъ. Онъ рѣшился научиться всѣмъ обрядамъ безпоповцевъ, усвоить главныя основанія ихъ ученій и затѣмъ, въ качествѣ своего человѣка поселиться учителемъ въ какой нибудь раскольничьей деревнѣ. Окончательный выборъ его палъ на Саратовскую губернію.

Весною 1877 г. съ разныхъ концовъ Россіи члены общества «Земля и Воля» двинулись въ Поволжье для устройства «поселеній». Пространство отъ Нижняго до Астрахани принято было за операціонный базисъ, отъ котораго должны были итти поселенія по обѣ стороны Волги. Въ одномъ мѣстѣ устраивалась ферма, въ другомъ — кузница, тамъ поселялся лавочникъ, здѣсь пріискивалъ себѣ мѣсто волостной писарь... Въ каждомъ губернскомъ городѣ былъ свой «центръ», завѣдывавшій дѣлами мѣстной группы. Саратовская и Астраханская группы непосредственно сносились съ членами кружка, жившими въ Донской области, а надо всѣми этими группами стоялъ Петербургскій «основной кружокъ», завѣдывавшій дѣлами всей организаціи. Много потерь и неудачъ пришлось испытать и «основному кружку», и мѣстнымъ группамъ, но въ общемъ дѣла шли очень недурно. Какъ членъ «основнаго» петербургскаго кружка, Михайловъ долженъ былъ принимать дѣятельное участіе въ организаціи Саратовской группы, но въ тоже время онъ усердно готовился къ своей миссіи среди раскольниковъ. Пріѣхавши въ Саратовъ въ концѣ іюля 1877 года и увидѣвшись съ Михайловымъ, я узналъ отъ него, что онъ уже завелъ знакомства между саратовскими раскольниками, даже поселился у одного изъ нихъ на квартирѣ и занимается изученіемъ «писанія». Его новый образъ жизни не разъ вызывалъ во мнѣ удивленіе къ его желѣзной настойчивости и самой строгой выдержанности. Раскольничье семейство, въ которомъ онъ поселился, обитало гдѣ-то на окраинахъ Саратова и отличалось самыми патріархальными нравами. Много нужно было характера и терпѣнія, чтобы приспосо-

биться къ этимъ допотопнымъ нравамъ и не соскучиться выполненіемъ раскольничьихъ обрядовыхъ церемоній. Засидѣться въ гостяхъ долѣе 6 час. вечера считалось въ этой средѣ чуть не преступленіемъ; начинавшееся съ разсвѣтомъ утро посвящалось всевозможнымъ молитвамъ, «метаніямъ» и причитаніямъ; нечего и говорить о постахъ, которые соблюдались съ педантическою строгостью. Живя въ комнатѣ, отдѣленной отъ хозяйскаго помѣщенія лишь тоненькой перегородкой, Михайловъ не могъ скрыть ни одного своего шага отъ подозрительнаго глаза хозяевъ, и долженъ былъ взять себя въ ежевыя рукавицы, чтобы окончательно отдѣлаться отъ столичныхъ привычекъ. Съ поразительнымъ терпѣніемъ и аккуратностью молился онъ богу, разстилая на полу какой-то «платъ» и надѣвая на руку какой-то удивительный кожаный треугольникъ, висѣвшій на длинномъ ремнѣ. Помолившись и повздыхавши о своихъ грѣхахъ, онъ принимался за чтеніе «священныхъ» книгъ, и по цѣлымъ днямъ назидался разсужденіями о пришествіи Ильи и Еноха, о двуперстномъ сложеніи, о кончинѣ міра и т. п. Скоро онъ такъ преуспѣлъ въ этой раскольничьей теологіи, что рѣшился принять участіе въ диспутахъ, часто происходившихъ въ православныхъ храмахъ между православнымъ духовенствомъ и раскольничьими начетчиками. Онъ сообщилъ мнѣ о своемъ намѣреніи и мы условились итти вмѣстѣ. «Во едину отъ субботъ», въ октябрѣ или ноябрѣ 1877 года, мы явились съ нимъ въ такъ называемую «Кивонію», которая служила главной ареной обличительной дѣятельности саратовскаго духовенства. Всенощная уже окончилась и оставшаяся въ церкви публика, очевидно, дожидалась диспута. Скоро причетникъ поставилъ посреди церкви два аналоя, зажегъ около каждаго изъ нихъ по большому подсвѣчнику и сталъ поджидать «батюшекъ», ковыряя въ носу и напѣвая какую-то молитву. Мы воспользовались этой свободной минутой, чтобы разспросить его о предстоящемъ диспутѣ. Михайлова болѣе всего интересовалъ вопросъ о томъ, кто изъ раскольничьихъ «столповъ» будетъ отстаивать «древнее благочестіе». Но къ великому его огорченію причетникъ отвѣчалъ, что раскольники почти перестали ходить на диспуты, такъ какъ, не довольствуясь книжной мудростью, «батюшки» доносятъ на своихъ

оппонентовъ полиціи, и за несогласіе съ духовной властью раскольники получаютъ должное воздаяніе отъ власти свѣтской. Благодаря этому извѣстію, диспутъ утратилъ въ глазахъ Михайлова почти всякій интересъ, но онъ все таки рѣшился остаться «посмотрѣть что будетъ». Намъ не долго пришлось ожидать появленія православныхъ «свѣтильниковъ церкви». Изъ алтаря вышли одинъ за другимъ два священника, неся въ каждой рукѣ по огромной книгѣ, въ кожаномъ порыжѣломъ переплетѣ. Подойдя къ аналоямъ и возведя глаза къ небу, они объявили, что цѣлью ихъ «собесѣдованія» будетъ оспариваніе не помню уже какого догмата раскольниковъ «австрійскаго согласія». Михайловъ насторожился. «Вотъ, напримѣръ, раскольники утверждаютъ, что передъ пришествіемъ антихриста церковь погибнетъ, смиренномудро говорилъ одинъ изъ «батюшекъ», а между тѣмъ въ Писаніи сказано...

«Созижду церковь мою и врата адовы не одолѣютъ ю» — подхватывалъ его товарищъ, перелистывая порыжѣлые фоліанты и отыскивая въ нихъ прилрчный случаю текстъ.

«О, господи, помилуй насъ грѣшныхъ, сокрушенно шепталъ кто-то въ толпѣ, и «батюшки» переходили къ новому пункту раскольничьихъ «лжеученій».

Не подлежало никакому сомнѣнію, что оппонентовъ въ толпѣ не имѣется. Смиренномудрые «лики» батюшекъ озарились уже было сознаніемъ побѣды, какъ вдругъ Михайловъ попросилъ нѣкоторыхъ разъясненій. Дѣло шло о пришествіи Ильи или Еноха; Михайловъ утверждалъ, что для него не ясенъ смыслъ относящагося сюда пророчества. «Батюшки» разъясняли его «сомнѣнія», онъ немедленно высказывалъ новыя. Диспутъ оживился. Не интересовавшись никогда ни Ильей, ни Енохомъ, я былъ совершеннымъ профаномъ въ этихъ вопросахъ и не понималъ рѣшительно ничего во всемъ спорѣ. Я видѣлъ только, что Михайловъ говоритъ очень самоувѣренно, что его не мущаютъ возраженія «батюшекъ», и что на каждый изъ приводимыхъ ими текстовъ, онъ приводитъ не менѣе вѣское свидѣтельство того или другого святого. Окружающіе слушали его съ большимъ вниманіемъ, а «батюшки» чувствовали себя, какъ видно было, не совсѣмъ ловко. Они не ожидали такого отпора и нѣ-

сколько растерялись. Михайловъ настойчиво допрашивалъ ихъ, какъ понимаютъ они пришествіе Еноха —духовно или тѣлесно, «батюшки» почему-уо избѣгали прямого отвѣта.

Не знаю, чѣмъ кончилось бы это препирательство, еслибы Михайловъ не имѣлъ неосторожности упомянуть о бѣгунахъ. Какъ только назвалъ онъ эту секту, оппоненты его снова почувствовали себя на твердой почвѣ.

— Ну да вѣдь бѣгуны и царя не признаютъ, воскликнулъ одинъ изъ нихъ.

— «Бога бойся, царя почитай» — вторилъ другой громовымъ голосомъ.

Михайловъ не имѣлъ ни малѣйшаго желанія толковать съ ними о политикѣ и въ свою очередь сталъ отвѣчать уклончиво. Черезъ нѣсколько минутъ «собесѣдованіе» окончилось. Мы направились къ выходу.

— А позвольте васъ спросить, обратился къ Михайлову одинъ изъ священниковъ, — вы гдѣ живете?

Я вспомнилъ слова причетника, и началъ опасаться, что развязка диспута будетъ имѣть мѣсто въ полицейскомъ участкѣ.

— Да я не здѣшній, я изъ Камышина, заявилъ, не смущаясь, Михайловъ.

— Да остановились-то вы гдѣ? — допрашивалъ батюшка.

— У одного знакомаго, я вѣдь всего на два дня сюда пріѣхалъ.

— Вы не подумайте, что я для чего-нибудь, успокаивалъ неотвязчивый диспутантъ, мнѣ только хотѣлось бы поговорить съ вами, я вижу въ васъ сомнѣнія...

Кое-какъ отдѣлавшись отъ его допросовъ, мы вышли на улицу. Михайловъ былъ доволенъ своимъ дебютомъ. Онъ убѣдился, что его усидчивыя занятія не остались безъ результата, и что онъ пріобрѣлъ уже нѣкоторый навыкъ въ богословскихъ спорахъ. «Побѣдихомъ, побѣдихомъ», — повторялъ онъ съ веселымъ смѣхомъ, и рѣшился, не откладывая долѣе, ѣхать въ какую-нибудь раскольничью деревню.

Его останавливала лишь необходимость отбыванія воинской повинности. Солдатчина могла надолго отвлечь его отъ исполненія задуманнаго имъ предпріятія. Но ему повезло неожиданное счастье. Отпра-

вившись въ Москву и записавшись въ одномъ изъ призывныхъ участковъ, онъ вынулъ номеръ, по которому его зачислили въ запасъ и отпустили на всѣ четыре стороны. Онъ немедленно возвратился въ Саратовъ и недѣли черезъ двѣ поселился гдѣ-то среди спасовцевъ въ качествѣ «своего» (т. е. не назначеннаго отъ земства, а нанятаго самими раскольниками) учителя.

Болѣе я не встрѣчался уже съ нимъ въ Саратовѣ. Обстоятельства заставили меня вернуться въ Петербургъ, гдѣ я прожилъ всю зиму 1877 — 1878 года. Михайловъ изрѣдка сообщалъ «основному кружку» о своихъ успѣхахъ среди раскольниковъ, но письма его были довольно лаконичны и блѣдны подробностями. «Весною пріѣду, разскажу болѣе», заключалъ онъ обыкновенно свои сообщенія. Мы ждали его въ серединѣ мая.

Читатель помнитъ, конечно, какими бурными событіями ознаменовалась въ Петербургѣ весна 1878 г. Стачки рабочихъ, процессъ В. И. Засуличъ, давшій поводъ къ кровавому столкновенію публики съ полиціей, демонстрація въ честь убитаго Сидорацкаго, въ которой приняли участіе люди весьма солиднаго общественнаго положенія — все это давало поводъ думать, что русское общество начинаетъ терять терпѣніе и готово серьезно протестовать противъ произвола правительства.. Живя въ провинціи, Михайловъ только по газетамъ могъ слѣдить за положеніемъ дѣлъ въ Петербургѣ. Его воображеніе дополняло газетныя извѣстія, и онъ былъ убѣжденъ, что въ скоромъ времени предстоятъ еще болѣе крупныя событія. Онъ не вытерпѣлъ, и въ началѣ апрѣля уже мчался въ Петербургъ, чтобы принять участіе въ тамошнихъ волненіяхъ, надежды его, однако, не оправдались, одна ласточка не «сдѣлала весны». Энергія петербургскаго общества истощилась въ очень короткое время, газеты не дотянули начатой ими либеральной ноты, и скоро все вошло въ обычную уныло-казенную колею. Соціалистамъ оставалось только примириться съ новымъ разочарованіемъ и продолжать начатую въ народѣ работу. Махнулъ рукою на петербургскую «революцію» и Михайловъ. Онъ снова сосредоточилъ всѣ свои помыслы на революціонной дѣятельности среди раскольниковъ. Но, заручившись знакомствомъ и связями

въ этой средѣ, онъ, какъ организаторъ по преимуществу, не удовлетворялся уже своею прежнею ролью одинокаго наблюдателя раскольничьей жизни. Онъ стремился сорганизовать цѣлый кружокъ лицъ, знающихъ исторію раскола, начитанныхъ «отъ писанія» и могущихъ не приспособляться только, но и приспособлять къ своимъ идеаламъ окружающихъ лицъ. Онъ требовалъ отъ нашего кружка основанія особой типографіи съ славянскимъ шрифтомъ, спеціальною цѣлью которой было бы печатаніе различныхъ революціонныхъ изданій для раскольниковъ. Чтобы хоть нѣсколько подготовиться къ своей будущей роли реформатора раскола, онъ началъ усердно посѣщать Публичную Библіотеку, пользуясь каждой свободной минутой для изученія богословской литературы. Къ сожалѣнію, времени у него было очень мало. Его организаторскій талантъ дѣлалъ необходимымъ участіе его въ различныхъ революціонныхъ предпріятіяхъ, требовавшихъ иногда весьма продолжительной бѣготни. Къ этому присоединился пересмотръ программы общества «Земля и Воля» и устава его организаціи. По смыслу выработаннаго въ началѣ 1877 г. временнаго устава петербургскаго основного кружка, программа общества должна была подвергаться, если не ошибаюсь, ежегодному пересмотру съ цѣлью измѣненія или расширенія ея сообразно съ указаніями опыта. Но такъ какъ весною 1878 г. у насъ не было еще ни малѣйшаго сомнѣнія въ практичности нашей программы, то оставалось только ввести въ нее нѣсколько дополнительныхъ пунктовъ о дѣятельности въ народѣ. Не такъ скоро покончили мы съ уставомъ. Михайловъ требовалъ радикальнаго измѣненія устава въ смыслѣ большей централизаціи революціонныхъ силъ и большей зависимости мѣстныхъ группъ отъ центра. Послѣ многихъ споровъ почти всѣ его предложенія были приняты, и ему поручено было написать проектъ новаго устава. При обсужденіи приготовленнаго имъ проекта не малую оппозицію встрѣтилъ параграфъ, по которому членъ основного кружка обязывался исполнить всякое распоряженіе большинства своихъ товарищей, хотя бы оно и не вполнѣ соотвѣтствовало его личнымъ воззрѣніямъ. Михайловъ не могъ даже понять точки зрѣнія своихъ оппонентовъ. «Если вы приняли программу кружка, если вы сдѣлались членомъ организа-

ціи, то въ основныхъ пунктахъ у васъ не можетъ быть разногласій съ большинствомъ ея членовъ, повторялъ онъ съ досадой. Вы можете разойтись съ ними во взглядѣ на умѣстность и своевременность порученнаго вамъ предпріятія, но въ этомъ случаѣ вы должны подчиниться большинству голосовъ. Что касается до меня, то я сдѣлаю все, что потребуетъ отъ меня организація. Если бы меня заставили писать стихи, я не отказался бы и отъ этого, хотя и зналъ бы напередъ, что стихи выйдутъ невозможные. Личность должна подчиняться организаціи!» Въ концѣ концовъ былъ принятъ и этотъ параграфъ, съ тѣмъ, однако, добавленіемъ, что организація должна, по возможности, принимать въ соображеніе личныя наклонности различныхъ ея членовъ.

Покончивши съ уставомъ, Михайловъ снова углубился было въ изученіе раскольничьей литературы, но событія все болѣе и болѣе отклоняли его отъ избраннаго имъ пути. Большинство членовъ основного кружка предложило Михайлову оттожить на неопредѣленное время дѣятельность его среди раскольниковъ и принять участіе въ организаціи нѣкоторыхъ изъ задуманныхъ тогда предпріятій. Волей-неволей ему пришлось подчиниться этому рѣшенію и оставить на время мысль о возвращеніи въ Саратовъ. Было бы неудобно разсказывать здѣсь о томъ, что именно дѣлалъ въ это время Михайловъ.*) Я замѣчу только, что теперь, какъ и всегда, онъ фигурировалъ, главнымъ образомъ, въ роли организатора. Такъ, напримѣръ, осенью 1878 г. ему поручено было ѣхать въ Ростовъ на Дону съ тѣмъ, чтобы собрать свѣдѣнія о происходившихъ тогда въ Луганской станицѣ волненіяхъ и, если окажется возможнымъ, принять участіе въ движеніи козаковъ, организовавши, предварительно особую организаціонную группу изъ мѣстныхъ «радикаловъ». Михайловъ отправился по назначенію, но едва прибывши въ Ростовъ, былъ снова отозванъ въ Петербургъ, гдѣ во время его отсутствія произошли многочисленные аресты. По возвращеніи въ Пе-

*) Теперь, когда Михайлова уже нѣтъ въ живыхъ, можно сказать, что онъ участвовалъ тогда въ попыткѣ освободить Войнаральскаго. Примѣч. къ новому изданію.

тербургъ онъ нашелъ только немногіе остатки незадолго передъ тѣмъ сильнаго и прекрасно организованнаго «основного кружка». Положеніе дѣлъ было самое печальное. Оставшіеся на свободѣ чсены организаціи не имѣли ни денегъ, ни паспортовъ у нихъ не было даже возможности снестись съ провинціальными членами организаціи, такъ какъ они не знали ихъ мѣстопребыванія. Та ая дезорганизація грозила, разумѣется, новыми провалами. Я помню, что пріѣхавши въ Петербургъ спустя около недѣли послѣ арестовъ, я не зналъ о нихъ рѣшительно ничего и только благодаря случайной встрѣчѣ съ однимъ изъ уцѣлѣвшихъ членовъ нашей организаціи, я не пошелъ на квартиру Малиновской, гдѣ полицейскіе хватали всякаго приходящаго. Михайловъ принялся возстановлять полу разрушенную организацію. Съ утра до вечера бѣгалъ онъ по Петербургу, доставая деньги приготовляя паспорта, заводя новыя связи, словомъ поправляя все, что было поправимо въ нашемъ тогдашнемъ положеніи. Скоро дѣла наши пришли въ нѣкоторый порядокъ, и общество «Земля и Воля» не только не распалось, но приступило даже къ изданію своей газеты. Неутомимая дѣятельность Михайлова за этотъ періодъ времени составляетъ одну изъ самыхъ главныхъ заслугъ его передъ русскимъ революціоннымъ движеніемъ. Онъ уже окончательно теперь отказался отъ мысли возвратиться въ Саратовъ и весь отдался организаціоннымъ заботамъ.

Въ принципѣ Михайловъ по прежнему признавалъ дѣятельность въ народѣ главною задачею общества «Земля и Воля», но онъ думалъ, что при наличныхъ силахъ этого общества, нельзя было надѣяться на сколько нибудь серезный успѣхъ въ крестьянской средѣ. «Въ настоящую минуту намъ, находящимся въ городахъ, нечего и думать объ отъѣздѣ въ деревню, — говорилъ онъ по возвращеніи изъ Ростова, — мы слишкомъ слабы для работы въ народѣ. Соберемся сначала съ силами, создадимъ крѣпкую и обширную организацію, и тогда перенесемъ центръ тяжести нашихъ усилій въ деревню. Теперь же волей-неволей приходится намъ сосредоточить свое вниманіе на городскихъ рабочихъ и учащейся молодежи». Въ то время мы были, дѣйствительно, такъ слабы, что никому изъ насъ и въ голову не приходило не соглашаться

съ Михайловымъ. Порѣшивши остаться въ Петербургѣ, мы подраздѣлили дѣятельность «основного кружка» на нѣсколько различныхъ отраслей, такъ что каждому изъ насъ предстоялъ особый родъ работы. На Михайловѣ лежали, главнымъ образомъ, хозяйственныя заботы. Онъ завѣдывалъ паспортной частью, типографіей, распространеніемъ «Земли и Воли», переписывался съ провинціальными членами нашей организаціи, доставалъ и распредѣлялъ средства между различными вѣтвями кружка и т. д. *) Уже это одно требовало очень значительной затраты времени, но Михайловъ этимъ неограничился. Аккуратный и точный до педантизма, онъ всегда умѣлъ, такъ распредѣлить свои занятія, что у него оставалось по нѣсколько свободныхъ часовъ ежедневно. Этими часами, которые, казалось бы, составляли законное время отдыха, онъ воспользовался для дѣятельности среди рабочихъ. Здѣсь, какъ и вездѣ, онъ фигурировалъ, главнымъ образомъ, въ роли организатора. Не имѣя возможности лично посѣщать рабочіе кварталы, онъ старался по крайней мѣрѣ, собирать свѣдѣнія объ всемъ, что происходило въ революціонныхъ рабочихъ группахъ, снабжалъ ихъ книгами, деньгами, паспортами, а главное давалъ множество разнообразныхъ и всегда разумныхъ совѣтовъ. Кромѣ того, вращаясь среди петербургской революціонной молодежи, онъ сближался съ личностями, способными по его мнѣнію, взяться за революціонную пропаганду между рабочими, вводилъ ихъ въ занимавшуюся этимъ дѣломъ группу способствовалъ, такимъ образомъ, расширенію послѣдней. Въ особенности сблизился онъ съ «рабочей группой» во время большой стачки въ январѣ или февралѣ 1879 года. Рабочіе фабрики Шау и такъ называемой Новой Бумагопрядильни на Обводномъ каналѣ забастовали почти одновременно, сговорившись, черезъ посредство своихъ делегатовъ «стоять дружно» и начинать работу не иначе, какъ съ общаго согласія стачечниковъ обѣихъ фабрикъ. Болѣе 1500 человѣкъ осталось, временно, безъ всякаго заработка,

*) Прибавлю, что главнымъ образомъ, благодаря его усиліямъ взялся за свою оригинальную дѣятельность знаменитый Клѣточниковъ, которому многіе изъ насъ,— я въ томъ числѣ,—обязаны были тѣмъ, что могли счастливо избѣгать полицейскихъ ловушекъ. Примѣч. къ нов. изд.

а слѣдовательно и безъ всякихъ средствъ къ существованію, если не считать кредита въ мелочныхъ лавочкахъ. Кромѣ того предвидѣлись вмѣшательство полиціи и административныя расправы съ «бунтовщиками». Нужно было организовать немедленную матеріальную помощь всѣмъ стачечникамъ и обезпечить семейства арестованныхъ или высланныхъ въ особенности. Работа закипѣла. Сборы производились повсюду, гдѣ была какая нибудь надежда на успѣхъ: между рабочими, студентами, литераторами и т. д. При своихъ огромныхъ связахъ Михайловъ часто въ одинъ день собиралъ такую сумму, какой не собирали другіе сборщики за все время стачки. Каждый день, явившись на засѣданіе «рабочей группы» *) Михайловъ предъявлялъ ей довольно значительную сумму денегъ, и немедленно начиналъ самые обстоятельные распросы. Съ довольнымъ видомъ, пощипывая свою эспаньолку, выслушалъ онъ разсказы людей, сошедшихся изъ разныхъ концовъ Петербурга, занося въ свою записную книжечку всевозможныя порученія относительно паспортовъ, прокламацій, даже оружія и костюмовъ. Выработавши планъ дѣйствій на слѣдующій день, собраніе расходилось, и Михайловъ спѣшилъ по какому нибудь новому дѣлу, на свиданіе съ тѣмъ или другимъ «человѣчкомъ», на собраніе какой нибудь другой группы нашего общества или самаго «основного кружка».

Ал. Дм. никогда не могъ увлечься какимъ нибудь спеціальнымъ дѣломъ до забвенія, хотя бы и временнаго, другихъ отраслей революціоннаго дѣла. Каждое отдѣльное предпріятіе имѣло для него смыслъ лишь въ томъ случаѣ, когда онъ видѣлъ, понималъ и если можно такъ выразиться, осязалъ связь его со всѣми остальными функціями общества «Земля и Воля». Не будучи никогда литераторомъ ни по случаю, ни по призванію, онъ не пропускалъ ни одного собранія редакціи, издававшейся тогда «Земли и Воли»: онъ не могъ быть спокоенъ, пока не зналъ состава приготовляемаго номера и содержанія каждой его статьи. Редакція до такой степени привыкла къ присутствію

*) Изъ предыдущаго изложенія читатель понялъ уже, вѣроятно, что «рабочею группою» называлась группа, спеціальною цѣлью которой была дѣятельность среди городскихъ рабочихъ; въ нее входили какъ рабочіе, такъ и «интеллигенція».

Михайлова на ея собраніяхъ, что часто отсрочивала ихъ, если онъ былъ чѣмъ нибудь занятъ. «Я очень люблю читать Михайлову свои статьи,—говорилъ мнѣ одинъ изъ членовъ редакціи. *)—замѣчанія его такъ удачны, такъ мѣтки, что съ нимъ почти всегда приходится согласиться, и часто я перемѣняю весь планъ статьи, прочитавши ему черновую рукопись». Критическіе пріемы Михайлова не лишены были нѣкоторой своеобразности. Кромѣ согласія съ программой, доказательности и хорошаго слога, онъ очень цѣнилъ въ статьяхъ краткость изложенія. Какъ только на собраніяхъ редакціи приступали къ чтенію имѣвшихся въ ея распоряженіи рукописей, А. Д. вынималъ часы (мимоходомъ замѣчу, имѣвшіе удивительное свойство останавливаться на ночь: «тоже спать хотять», говорилъ онъ, заводя ихъ утромъ) и замѣчалъ во сколько времени можетъ быть прочитана та или другая статья. «Не торопитесь, потише, останавливалъ онъ читающаго, публика читаетъ обыкновенно медленнѣе... 25 минутъ, нѣсколько длинно... Вы бы какъ нибудь покороче; а кромѣ того я хотѣлъ вамъ замѣтить»... слѣдовали замѣчанія по существу дѣла.

Выходъ каждаго N⁰ «Земли и Воли» ознаменовывался нѣкоторымъ торжествомъ въ квартирѣ Михайлова. Тогда бывало «разрѣшеніе вина и елея». Въ маленькой комнаткѣ, нашъ «Катонъ- цензоръ», какъ называли мы его тогда, приготовлялъ скромное угощеніе. Часовъ въ девять вечера появлялись виновники торжества,—члены редакціи «Земли и Воли»,—и начиналось «празднество». Михайловъ откупоривалъ бутылку коньяку, наливалъ изъ нея каждому по рюмкѣ и тотчасъ же запиралъ въ шкапъ. Затѣмъ выступали на сцену какая-то «рыбка» и чай со сладкимъ печеньемъ. Спустивши стору и установивши «знакъ» для кого нибудь изъ запоздавшихъ, Михайловъ оживленно и весело бесѣдовалъ съ гостями, отдыхая отъ тревогъ и волненій истекшаго мѣсяца. Эти собранія были едва-ли не единственнымъ развлеченіемъ Ал. Дм.; въ театръ онъ не могъ пойти, если бы и захотѣлъ, такъ какъ это было бы «неосторожно»: тамъ его могли узнать шпіоны; у своихъ знакомыхъ онъ оставался не долѣе, чѣмъ это требовало дѣло. Каждый вечеръ шифровалъ

*) Это былъ Л. Тихомировъ. (Примѣч. къ нов. изд.)

онъ въ своей записной книжечкѣ, росписаніе предстоящихъ на завтра дѣлъ и свиданій, и ложась спать онъ долго еще ворочался въ постели, стараясь припомнить каждую мелочь. Пробуждаясь на утро онъ прежде всего бросалъ бѣглый взглядъ на маленькій клочекъ бумаги, висѣвшій надъ его кроватью и составлявшій единственное украшеніе комнаты. На этой бумажкѣ красовалось написанное крупными буквами лаконическое напоминаніе: «*Не забывай своихъ обязанностей*» Какъ мѣдный «змій» спасалъ евреевъ отъ тѣлесныхъ недуговъ, надпись эта спасала Михайлова отъ случайныхъ искушеній и слабостей: желанія проспать долѣе положеннаго времени, почитать утромъ газету и т. д. Взглянувши на эту надпись, онъ немедленно вскакивалъ съ постели, тщательно чистилъ платье и, одѣвшись «прилично», принимался за свою ежедневную бѣготню по Петербургу.

Личныхъ друзей въ обществѣ «Земля и Воля» у Михайлова было очень немного. По характеру своему онъ болѣе чѣмъ кто нибудь другой склоненъ былъ согласиться съ Прудономъ въ томъ, что «любовь есть нарушеніе общественной справедливости». Про него говорили, что онъ любитъ людей только со времени вступленія ихъ въ «основной кружокъ» и только до тѣхъ поръ, пока они состоятъ членами послѣдняго. И нельзя не согласиться, по крайней мѣрѣ, съ положительной стороной этой характеристики. Къ каждому изъ своихъ товарищей онъ относился съ самою нѣжною заботливостью, хотя и не упускалъ случая сердито поворчать за неисправность или неосторожность. Несомнѣнно также, что революціонная работа до такой степени проникала собой всѣ помыслы и чувства Михайлова, что онъ не могъ полюбить человѣка иначе, какъ на «дѣлѣ» и за «дѣло». Для столкновеній съ людьми помимо этого дѣла у него просто не было времени.

Весною 1879 года совершился крутой переломъ въ воззрѣніяхъ Михайлова. Онъ все болѣе и болѣе началъ склоняться къ такъ называемому террористическому способу дѣйствій. Переломъ этотъ произошелъ конечно, не вдругъ. Нѣкоторое время Михайловъ не высказывался принципіально противъ старой программы, хотя не упускалъ случая замѣтить, что мы не имѣемъ и десятой доли силъ, необходимыхъ для ея

выполненія. Но мало по малу, новый способъ дѣйствій выяснился для него окончательно, и когда весною 1879 г., Соловьевъ и Гольденбергъ пріѣхали въ Петербуръ, жребій былъ брошенъ, Михайловъ сдѣлался террористомъ. Съ этихъ поръ начинается новый періодъ его жизни, который мнѣ извѣстенъ менѣе, чѣмъ предыдущіе.

Я не знаю придется-ли мнѣ еще встрѣтиться съ Михайловымъ, послужитъ-ли онъ еще революціонному дѣлу, или погибнетъ въ каторжной тюрьмѣ*), несмотря на свой желѣзный характеръ. Но я увѣренъ, что у всѣхъ знавшихъ Михайлова, никогда не изгладится изъ памяти образъ этого человѣка, который, подобно Лермонтовскому Мцыри «зналъ *одной* лишь думы власть, *одну* но пламенную страсть»: этой думой было счастье родины, этой страстью была борьба за ея освобожденіе.

1882 г.

---

*) Какъ извѣстно, Михайловъ осужденъ на пожизненную каторжную работу. Это наказаніе представляетъ собою смягченіе первоначальнаго приговора—смертной казни «черезъ повѣшеніе».

*) Въ тюрьмѣ Михайловъ скоро умеръ. (Примѣч. къ нов. изд.).

1883 г. *)

Аѳанасій Прокоѳьевичъ Щаповъ (жизнь и сочиненія), сочиненіе профессора Н. Я. Аристова (посмертное изданіе). С.-Петербургъ 1883 г.

Книга покойнаго Аристова вызвала очень мало толковъ въ нашей «легальной» литературѣ. Мы прочли гдѣ-то, что это объясняется ея недостатками. Но такое объясненіе едва ли можно признать удовлетворительнымъ. При всѣхъ своихъ недостаткахъ, книга эта, навѣрное, возбудитъ огромный интересъ въ лучшей части нашей читающей публики по той простой причинѣ, что она говоритъ о личности слишкомъ дорогой для всякаго, кто не остался равнодушнымъ къ нашему освободительному движенію послѣднихъ десятилѣтій. Историческіе труды А. П. Щапова оказали и продолжаютъ оказывать большое вліяніе на умственное развитіе нашей нарождающейся демократіи. Если они и не легли въ основу, то по крайней мѣрѣ были весьма значительнымъ вкладомъ въ теорію народничества, которое до сихъ поръ составляетъ едва-ли не преобладающее направленіе въ русской революціонной и оппозиціонной средѣ. Но до сихъ поръ не было еще систематическаго и критическаго обзора ни самой теоріи народничества въ ея цѣломъ, ни тѣхъ элементовъ ея, изъ которыхъ она сложилась исторически. Уже по одному этому можно и должно было посвятить сочиненію Аристова хотя бы одну статью, хотя бы въ одномъ изъ тѣхъ журналовъ, которые борются теперь противъ фальсифицированнаго народничества. Историческіе труды Щапова не составляютъ библіографической рѣдкости и могли бы съ большою пользою пополнить пробѣлы, нерѣдкіе въ книгѣ Аристова; что же касается жизни Щапова, то она заключаетъ въ себѣ столько глубоко поучительнаго, что не мѣшало бы лишній разъ напомнить о ней читателямъ и противопоставить ее «безмятежному житію» нашихъ оффиціальныхъ ученыхъ.

Вѣрнѣе всего, что именно особенности жизни Ща-

*) Вѣстникъ Народной Воли, № 1.

пова и послужили причиною молчанія нашихъ журналовъ о книгѣ Аристова. Слишкомъ трудно писать въ цензурныхъ рамкахъ о такой нецензурной личности, какъ авторъ «Земства и раскола», лишенный кафедры и потомъ сосланный въ Иркутскъ за демонстрацію весьма недвусмысленнаго свойства.

«По нынѣшнимъ временамъ» о немъ можно писать развѣ лишь въ духѣ покойнаго «профессора, доктора русской исторіи и инспектора историко-филологическаго института князя Безбородко, въ Нѣжинѣ» Аристова, почти на каждой страницѣ своей книги оплакивающго обнаружившійся въ Щаповѣ «задоръ судить и рядить о дѣлахъ практическихъ», развитіе въ немъ «интереса къ политикѣ» и т. д., и видящаго причину гибели Щапова лишь въ его «дикомъ нравѣ и непростительномъ упорствѣ». Кто не желаетъ говорить въ этомъ духѣ о нашемъ даровитомъ историкѣ, кто припоминаетъ его безвременную гибель не съ тѣмъ, чтобы воззвать къ русской молодежи:

Смотрите, вотъ примѣръ для васъ,
Онъ гордъ былъ, не ужился съ нами,

тотъ рискуетъ никогда не увидѣть своей статьи въ печати, потому что волей-неволей долженъ будетъ высказать нѣсколько горькихъ истинъ о современномъ политическомъ положеніи Россіи. Пользуясь свободой заграничнаго органа, мы со своей стороны считаемъ нелишнимъ посвятить нѣсколько страницъ изложенію нашего взгляда на жизнь и историческія теоріи Щапова.

Покойный Афанасій Прокофьевичъ Щаповъ принадлежалъ къ числу самыхъ типичныхъ и самыхъ замѣчательныхъ представителей нашего мыслящаго пролетаріата. Сынъ сельскаго дьячка, принадлежавшій, по матери, къ бурятскому племени, онъ стоически вынесъ всѣ мытарства бурсы и семинаріи и отправился въ Казанскую духовную Академію со страстнымъ желаніемъ продолжать свое научное образованіе. Нѣсколько лѣтъ прожилъ онъ, погруженный въ свои книги и рукописи, по семнадцати часовъ въ сутки простаивалъ за своей конторкой, такъ что отъ его сапогъ оставались углубленія, и студенты прозвали эти углубленія «ямами новаго столпника, блаженнаго Афанасія»; наконецъ назначенъ былъ, по окончаніи курса «бакалавромъ» академіи по кафедрѣ русской исторіи. Въ

эту пору своей жизни онъ еще до такой степени чуждъ былъ какихъ бы то ни было политическихъ стремленій, до такой степени оставался «великимъ труженникомъ чистой науки», что рѣшился было идти въ монахи, когда возникло сомнѣніе въ томъ, что его оставятъ при академіи. Но онъ обладалъ слишкомъ живымъ характеромъ, чтобы остаться индифферентнымъ въ виду освободительнаго движенія, охватившаго наше общество послѣ крымской войны. Онъ страстно любилъ свою науку, но еще страстнѣе любилъ онъ тотъ народъ, «многочисленныя бѣдствія котораго во всѣ вѣка» онъ часто оплакивалъ «навзрыдъ» (стр. 39). Страданія народа, «бѣды и напасти забитаго и угнетеннаго крестьянства» слишкомъ рѣзко запечатлѣлись въ его душѣ съ дѣтства, чтобы онъ могъ на всю жизнь остаться безстрастнымъ кабинетнымъ труженникомъ. Всеобщее возбужденіе умовъ ускорило неизбѣжный переломъ въ характерѣ молодого ученаго. «Крестьянская реформа наэлектризировала Щапова до послѣдней степени, и надо было ожидать если не громового удара, то сильнаго треска. Своимъ страстнымъ увлеченіемъ и порывистой энергіей, страшной силой убѣжденія и непреклоннаго характера, необычайной задушевностью и горячей любовью къ народу онъ электризовалъ и студентовъ».

И вотъ тогда-то и сталъ обнаруживаться у него «задоръ судить и рядить о дѣлахъ практическихъ», какъ повѣтствуетъ не безъ высокомѣрнаго презрѣнія инспекторъ историко-филологическаго института князя Безбородко. «Много я могъ бы наговорить дѣльнаго, жизненнаго нашимъ деревяннымъ правителямъ, да развѣ они снизойдутъ до того, чтобы выслушать? — говорилъ онъ съ раздраженіемъ. — Мысль подчасъ такъ мучитъ, такъ напрягаетъ голову, что и самыхъ тяжелыхъ вздоховъ, а за вздохами слезъ мало для облегченія мысленнаго давленія. Слово, свободное слово — единственный просторъ мысли. Это — ея свѣжій воздухъ!...» Но такъ какъ этого воздуха не было, то поневолѣ приходилось задумываться о томъ, какъ бы очистить атмосферу русской жизни, не дожидаясь согласія на то «деревянныхъ правителей», и припоминать исторію прежде бывшихъ попытокъ этого рода. Такъ, напримѣръ, Аѳанасій Прокофьевичъ съ большою симпатіею относился къ декабристамъ. По этому по-

воду Аристовъ сообщаетъ въ своей книгѣ фактъ въ высшей степени интересный и едва-ли не единственный въ исторіи нашихъ университетовъ. Разъ, будучи уже приглашенъ на кафедру русской исторіи въ университетъ, Щаповъ заявилъ, что будетъ читать о декабристахъ. «Само собой разумѣется, что 7-ая аудиторія къ назначенному часу была биткомъ набита; едва успѣлъ Щаповъ взойти на кафедру, растворилась дверь, вошелъ помощникъ попечителя Тихомандрицкій и занялъ мѣсто. Наступила мертвая тишина. Лекторъ при неожиданности немного растерялся: досталъ изъ кармана бумажку, на которой написанъ былъ конспектъ, повертѣлъ ее въ рукахъ и опять положилъ въ карманъ, потомъ опять вынулъ конспектъ и тотчасъ заявилъ, что лекція его имѣетъ предметомъ исторію декабристовъ... Онъ началъ говорить съ такой свободой и о такихъ подробностяхъ, какъ будто дѣло шло о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ между близкими пріятелями. Эту лекцію Щаповъ заключилъ стихами:

Иной возстанетъ грозный мститель,
Иной родится мощный родъ:
Страны своей освободитель
Проснется дремлющій народъ.

«Восторженный взрывъ рукоплесканій и криковъ пронесся словно буря съ трескомъ и громомъ и проводилъ смѣльчака—доцента». (стр. 59).

Такая смѣлая и откровенная рѣчь, такое явное сочувствіе революціонной попыткѣ, о которой лишь за нѣсколько лѣтъ до того была съ высочайшаго одобренія издана лживая и полная клеветъ книга барона Корфа,—были и до сихъ поръ остаются «не ко двору» нашимъ университетамъ.

Молодой доцентъ скоро попалъ на замѣчаніе, и бездонская исторія была лишь внѣшнимъ поводомъ для его увольненія. «Какъ фанатикъ своихъ убѣжденій,—читаемъ мы въ книгѣ Аристова,—онъ привыкъ высказывать ихъ не стѣсняясь; если бы даже грозили ему страданія за откровенность, онъ не посмотрѣлъ бы на нихъ, а только закалился бы въ своемъ стремленіи» (стр. 64). Такой характеръ заранѣе обрекалъ Щапова на мученичество и отнималъ у него возможность спокойно продолжать свою научную карьеру. Онъ умеръ не академикомъ, а ссыльнымъ, лишен-

нымъ не только научныхъ пособій, но даже средствъ къ существованію. «Не задолго до кончины своей онъ иногда *приходилъ голоднымъ къ знакомымъ и просилъ, чтобы накормили его*; обыкновенной его домашней пищей былъ чай съ хлѣбомъ. Отсутствіе питанія ускорило развязку дѣла и сокрушило его злополучную жизнь: *безъ добрыхъ людей и раньше онъ могъ бы умереть съ голода*».

Щаповъ скончался 27 февраля 1876 г. Весьма характерно, что «сообщеніе о его кончинѣ не разрѣшено было къ печатанью въ газетѣ «Сибирь», и общество иркутское узнало о его смерти, когда «уже онъ давно лежалъ въ землѣ сырой». Такъ погибъ этотъ ученый представитель русскаго мыслящаго пролетаріата, бывшій, по словамъ Аристова, цѣлую жизнь заступникомъ русскаго народа.

Покойный инспекторъ также огорчается этою безвременною гибелью, но онъ обвиняетъ въ ней не тѣхъ, кого слѣдуетъ. Мы уже сказали, что онъ винитъ въ ней больше всего самого Щапова.

Упомянувши о рѣчи, послужившей поводомъ къ аресту Щапова, нашъ авторъ съ горечью восклицаетъ, что «минутное торжество безцѣльной политики убило на повалъ развитіе науки». Мы высоко ставимъ благородную и талантливую личность Щапова и не сомнѣваемся въ томъ, что онъ могъ бы вести политическую агитацію съ большею цѣлесообразностью, а потому и съ большимъ успѣхомъ. Но мы никакъ не можемъ признать вреднымъ для науки пробужденіе въ ученомъ политическихъ интересовъ. Кому же не извѣстно, что очень многіе изъ западноевропейскихъ ученыхъ принимаютъ дѣятельное участіе въ политической жизни своей страны, въ парламентскихъ засѣданіяхъ и въ избирательной агитаціи, и въ тоже время дѣлаютъ для своей спеціальности не меньше, чѣмъ сдѣлали всѣ вмѣстѣ взятые студенты казанской духовной академіи, политическій индифферентизмъ которыхъ съ такой похвалой оттѣняетъ въ своей книгѣ Аристовъ? Пора же, наконецъ, русскимъ ученымъ понять, что наука можетъ безпрепятственно развиваться лишь тамъ, гдѣ ея ученія свободны, и что такая свобода мыслима лишь въ свободномъ государствѣ. На основаніи этой аксіомы можно сказать, что наши политическіе мученики дѣлаютъ для буду-

щаго развитія русской науки больше, чѣмъ ученые филистеры, не видящіе потребностей нашей современной дѣйствительности изъ-за ретортъ, лѣтописей или кристалловъ. Тому, кто назвалъ бы нашу мысль преувеличеніемъ, мы напомнимъ слѣдующія слова одного изъ величайшихъ нѣмецкихъ мыслителей. «Я убѣжденъ,—говоритъ Фихте, обращаясь къ студентамъ въ 1813 г.—я убѣжденъ, что царству исконнаго врага человѣческаго рода—зла вообще, въ различныя эпохи являющагося въ самыхъ различныхъ видахъ, конецъ можетъ быть положенъ только развитіемъ науки въ человѣческомъ родѣ. Вамъ извѣстно, что я разумѣю подъ этимъ воплощеніе знанія, разума, мудрости въ самую жизнь...

Но эта духовная война противъ зла требуетъ внѣшняго мира, спокойствія, тишины, неприкосновенности ведущихъ ее личностей. Если бы это условіе было нарушено, если бы свободное развитіе человѣческаго духа стѣснялось или запрещалось, тогда *прежде всего другого* должно было бы завоевать эту свободу, ничего не щадя для нея, жертвуя даже кровью и состояніемъ, потому что если она не завоевана и пока она не завоевана, немыслимо никакое улучшеніе человѣческихъ отношеній и человѣческій родъ долженъ вести позорное и безцѣльное существованіе». Мы знаемъ, конечно, что не всѣ ученые мужи могутъ возвыситься до такой точки зрѣнія и что сама Германія была и остается классической страной «книжныхъ червей» всевозможныхъ спеціальностей; но пора же Вагнеру понять, что онъ только Вагнеръ и не удивляться тому, что докторъ Фаустъ задыхается въ своемъ ученомъ кабинетѣ.

Перейдемъ къ историческимъ идеямъ Щапова. Въ книгѣ Аристова мы не находимъ критики этихъ идей. Покойный докторъ русской исторіи ограничился лишь немногими замѣтками относительно «своеобразнаго проселочнаго пути», проложеннаго Щаповымъ въ своей наукѣ, да нѣсколькими ворчливыми выходками противъ его «скороспѣлыхъ выводовъ». Но онъ даетъ намъ небезынтересныя свѣдѣнія о ходѣ развитія и занятій нашего талантливаго историка и объ отношеніи его къ современнымъ ему литературнымъ направленіямъ. Онъ разсказываетъ, что Н. Г. Чернышевскому сильно хотѣлось привлечь на свою

сторону Щапова, но съ тѣмъ, чтобы онъ измѣнилъ хоть отчасти свой историческій взглядъ; съ этой цѣлью онъ устроилъ съ нимъ свиданіе на масляницѣ 1862 г. Цѣлый вечеръ продолжался горячій споръ между ними о коренныхъ воззрѣніяхъ на русскую историческую жизнь и современное состояніе народовъ; Щаповъ узналъ только при прощаніи, съ кѣмъ онъ велъ долгій и дѣльный споръ—и однако ни на шагъ не уступилъ изъ своихъ выработанныхъ убѣжденій. Съ той поры участіе его въ «Современникѣ» сдѣлалось сомнительнымъ... (стр. 91). За двѣ страницы передъ тѣмъ мы читаемъ, что «сталкиваясь съ сотрудниками «Современника», Елисеевымъ, Пыпинымъ, Помяловскимъ и другими, Щаповъ не могъ помириться съ направленіемъ этого журнала, считая его искусственнымъ, сочиненнымъ и непригоднымъ для русскаго народа, намѣтившаго свой жизненный путь, по которому и слѣдуетъ сознательно вести его истинно-образованнымъ людямъ». Это разногласіе нисколько не удивитъ насъ, если мы припомнимъ, что въ Щаповѣ были очень сильны славянофильскія тенденціи.

Въ основѣ его міросозерцанія лежало, какъ извѣстно, противоположеніе «двухъ опытовъ земскаго строенія: 1) опыта свободнаго самоустройства и саморазвитія, въ формѣ земли русской, земства, земско-вѣчевого міра, 2) опыта едино-державно-бюрократическаго строительства, въ формѣ государства, имперіи всероссійской». Онъ настолько же отрицательно относился ко второму изъ названныхъ періодовъ, какъ горячо защищалъ первый. Эта ненависть къ централизаціонной эпохѣ нашей исторіи коренилась, съ одной стороны, въ сильномъ сочувствіи Щапова къ народнымъ массамъ, которыя расплачивались страшной цѣною за созданіе сильнаго русскаго государства. Всякій, знакомый съ его сочиненіями, помнитъ, вѣроятно, съ какимъ сочувствіемъ описываетъ Щаповъ борьбу «сельской Россіи» противъ всепоглащающей государственности. Съ другой стороны, его взгляды являлись естественной реакціей противъ односторонности предшествовавшихъ историковъ.

«Когда я изучалъ, пишетъ онъ, исторію Устрялова и Карамзина, мнѣ всегда казалось страннымъ, отчего въ ихъ исторіи не видно нашей сельской Руси,

исторіи массъ, такъ называемаго простого, чернаго народа? Развѣ это громадное большинство не имѣетъ правъ на просвѣщеніе, на историческое развитіе и значеніе? Прочитайте лѣтописи, акты и писцовыя книги, вы увидите, что строителями Россіи были крестьяне всюду и вездѣ, и они вынесли на своихъ могучихъ плечахъ свѣтлое будущее нашего отечества». Это признаеніе исторической самодѣятельности народныхъ массъ и эта симпатія къ ней заставляли его съ особенной любовью останавливаться на томъ времени, когда Московскіе приказы и Петербургскія канцеляріи не довели еще до ничтожнаго минимума «излюбленнаго народомъ самоуправленія», когда «жизнь русскаго народа слагалась во всѣхъ отношеніяхъ *естественно* свободно, безъ искусственнаго росписанія русскаго народонаселенія, *«по землѣ и водѣ»*, когда «каждая область съ мелкими подраздѣленіями имѣла свою самобытность и самостоятельное управленіе, сложившееся естественно, по требованію жизни народонаселенія». Въ своей симпатіи къ этому періоду Щаповъ, въ свою очередь, доходилъ до крайности. Хотя онъ и признавалъ, что «законы историческаго роста, воспитанія и народнаго организма такъ же естественны и вѣчны, какъ законы природы», хотя онъ и понималъ, что съ этой точки зрѣнія «самыя реформы петровской эпохи централизаціонной системы и бюрократическія учрежденія его могутъ имѣть силу жизненности и воспитательности исторической», — но это признаніе не мѣшало ему смотрѣть на нѣсколько столѣтій русской исторіи, какъ на одну огромную ошибку. Въ очеркѣ «русскаго управленія XVIII-го вѣка» онъ доказываетъ, что сущность всего правительственнаго строительства въ теченіе XVIII и первой половины XIX столѣтій состоитъ въ непрерывномъ, послѣдовательномъ отрицаніи предшествовавшихъ учрежденій установленіями послѣдующими, въ измѣненіи коммиссій, проектовъ и положеній». По смыслу этихъ словъ выходитъ, что государственно-централизаціонная эпоха русской исторіи привела и могла привести лишь къ отрицательнымъ результатамъ. И въ этомъ случаѣ одинъ изъ родоначальниковъ русскаго народничества сходится съ самымъ блестящимъ представителемъ— если такъ можно выразиться—манчестерской истори-

ческой школы на Западѣ. Читатель помнитъ, что, по мнѣнію Бокля, самыя мудрыя распоряженія государей заключаются въ отмѣнѣ законовъ, изданныхъ ихъ предшественниками.

Развиваясь далѣе, это воззрѣніе Щапова на историческую роль русскаго государства совпало въ умахъ нашихъ народниковъ съ анархическимъ ученіемъ Прудона и Бакунина и послужило какъ бы его историческимъ объясненіемъ.

Взгляды Щапова на расколъ и на революціонныя движенія «сельской Россіи» подтверждали, казалось, убѣжденіе русскихъ анархистовъ въ томъ, что народъ нашъ обладаетъ «прирожденными» антигосударственными и коммунистическими стремленіями. Здѣсь не мѣсто входить въ оцѣнку исторической роли государства вообще и русскаго государства въ частности. Но не мѣшаетъ обратить вниманіе на то интересное обстоятельство, что разногласіе между Н. Г. Чернышевскимъ и А. П. Щаповымъ заключалось совсѣмъ не въ отношеніи къ общинѣ. Первый изъ названныхъ писателей защищалъ ее энергичнѣе, чѣмъ кто бы то ни было до и послѣ него. Яблокомъ раздора былъ именно вопросъ о государствѣ, его исторической роли и желательномъ для демократовъ отношеніи его къ народу въ настоящее время. Какъ видно изъ его «Очерковъ политической экономіи», Ник. Гавр. Чернышевскій хорошо понималъ, что соціалистическій переворотъ, устраняя раздѣленіе общества на классы, долженъ въ концѣ концовъ уничтожить существующее нынѣ противоположеніе между обществомъ и государствомъ. Но это была отдаленная цѣль и необходимый выводъ изъ пересозданія общественно-экономическихъ отношеній; самое это пересозданіе было, повидимому, мыслимо для него лишь подъ условіемъ энергическаго воздѣйствія со стороны государства. Его статья «Экономическая дѣятельность и законодательство» по сущности своей аргументаціи ровно столько же касается анархистовъ, какъ и экономистовъ манчестерской школы. Защищая общинное землевладѣніе, Н. Г. Чернышевскій ставилъ его подъ охрану и покровительство государства, которое играло роль главнаго рычага во всѣхъ его реформаторскихъ проектахъ. Само собой разумѣется, что понятіе о государствѣ, какъ факторѣ общественнаго

прогресса, не совпадало у него съ понятіемъ объ «единодержавно-бюрократическомъ государствѣ». Причину неудачи пресловутыхъ «реформъ прошлаго царствованія» онъ видѣлъ, какъ это показываютъ его «Письма безъ адреса», именно въ томъ, что онѣ были предприняты безъ активнаго участія общества и народа. Онъ придавалъ огромное значеніе созданію свободныхъ политическихъ учрежденій; но онъ понималъ, что желательныя для него экономическія реформы однаково затрагиваютъ интересы народа на всемъ пространствѣ Россіи, и потому должны быть предприняты по государственной, а не мѣстной, общинной или областной иниціативѣ.

Съ своей стороны, А. П. Щаповъ обращалъ главное вниманіе не на экономическую, а на общественно-правовую сторону реформъ, интересовавшихъ русскихъ демократовъ и соціалистовъ того времени. Хотя эти двѣ стороны соціальнаго строя очень тѣсно связаны между собой, хотя общественно-правовыя реформы бываютъ часто необходимымъ условіемъ осуществленія экономическихъ реформъ, но нужно замѣтить, что при выработкѣ своей практической программы всякій общественный дѣятель долженъ прежде выяснить себѣ свои экономическія задачи, а затѣмъ уже изыскивать подходящія для нихъ политическія средства. Въ противномъ случаѣ, онъ рискуетъ стать въ противорѣчіе съ своей собственной цѣлью и симпатизировать такимъ общественно-правовымъ реформамъ, которыя лишатъ представляемый имъ классъ возможности придти прямымъ путемъ къ экономическому благосостоянію. Убѣжденный въ томъ, что экономическій бытъ русскаго народа «также создался естественнымъ путемъ колонизаціи и промысловой дѣятельности, сообразно съ мѣстными условіями», что «внутреннее поземельное устройство и экономическое саморазвитіе носило (въ доцентрализаціонный періодъ нашей исторіи) областной оттѣнокъ», покойный историкъ видѣлъ въ возвратѣ къ федеративному строю едва-ли не главное условіе экономическаго освобожденія народа. Онъ забывалъ, что, при раздѣленіи общества на классы, федеративный строй, можетъ быть, по крайней мѣрѣ, такимъ же удобнымъ орудіемъ эксплуатаціи большинства меньшинствомъ, какъ и централистическій. Онъ забывалъ также, что для низ-

шаго класса народа, главная сила котораго состоитъ въ его численности, лучшею школою котораго является жизнь въ большихъ центрахъ, политическое раздробленіе равносильно ослабленію, а иногда и полному уничтоженію возможности низвергнуть давящее ихъ иго. Чтобы не ходить далеко за примѣромъ, укажемъ хоть на исторію швейцарскаго фабричнаго законодательства, существующаго въ своемъ настоящемъ видѣ, благодаря иниціативѣ обще-союзнаго правительства. Отчеты фабричныхъ инспекторовъ наглядно показываютъ, какимъ сильнымъ препятствіемъ къ осуществленію даже этихъ далеко не идеальныхъ законовъ являются мѣстныя, общинныя власти, естественно находящіяся подъ вліяніемъ крупныхъ промышленниковъ. Существующія въ той же Швейцаріи такъ называемыя «communes bourgeoises», предоставляющія исключительныя права коммунальнымъ старожиламъ, также могли бы убѣдить любого изъ крайнихъ послѣдователей Щапова, что въ экономическомъ развитіи всякаго цивилизованнаго народа рано или поздно наступаетъ періодъ, когда общинныя рамки становятся слишкомъ тѣсными для выраженія и защиты интересовъ рабочаго класса; когда права гражданъ находятъ надежное для себя обезпеченіе не въ общинныхъ, а въ государственныхъ учрежденіяхъ. Самъ Щаповъ никогда не требовалъ, разумѣется, полнаго уничтоженія государства, какъ средства освобожденія народныхъ массъ: этотъ выводъ былъ сдѣланъ изъ его воззрѣній лишь нашими бакунистами. Но, благодаря невыясненности своихъ экономическихъ понятій, онъ никогда не представлялъ себѣ ясно тѣхъ требованій, съ какими можетъ обратиться къ государству современное рабочее сословіе. «Пожелаемъ мірскимъ сходамъ больше простора, свободы въ своемъ саморазвитіи — писалъ онъ въ статьѣ «Сельскій міръ и мірской сходъ», — а крестьянамъ больше правъ свободнаго пользованія землями, лѣсами и другими источниками народнаго богатства, простора для торгово-промышленнаго развитія, возрастаніе богатыхъ селъ на степень городовъ, безъ искусственаго указнаго вмѣшательства».

Если мы сравнимъ эту программу Щапова съ тѣмъ, что писалъ и предлагалъ Н. Г. Чернышевскій,— сдѣлавши, разумѣется, поправки на неизбѣжныя, по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ, недо-

молвки,—то мы увидимъ, что первый стоитъ въ такомъ же отношеніи ко второму, какъ современный демократъ къ *соціаль*-демократу. Одинъ желаетъ *свободнаго* личнаго и общественнаго развитія и считаетъ уменьшеніе государственнаго вмѣшательства въ экономическую жизнь общества самымъ главнымъ и чуть ли не единственнымъ условіемъ этого развитія. Его экономическія требованія ограничиваются предоставленіемъ «крестьянамъ побольше правъ свободнаго пользованія землями, лѣсами и другими источниками народнаго богатства». Другой понимаетъ уже, что это пользованіе «землями и лѣсами» требуетъ не только «свободы», но и цѣлесообразной организаціи, безъ которой «возрастаніе богатыхъ селъ до степени городовъ» поведетъ лишь къ угнетенію рабочаго класса; въ исторіи народовъ онъ видитъ не только борьбу двухъ абстрактныхъ принциповъ *федерализма* и *централизма*, но и тѣ экономическія условія, которыя создали федералистическія и централистическія государства; онъ прослѣживаетъ борьбу классовъ черезъ всѣ пройденные ею фазисы, анализируетъ тѣ политическія формы, которыя служили защитой для эксплуататоровъ; опредѣляетъ тѣ общественно-экономическія задачи, которыя выросли въ процессѣ вѣковой борьбы общественныхъ классовъ, — и приходитъ къ тому заключенію, что община сдѣлалась слишкомъ узкимъ базисомъ для рѣшенія этихъ задачъ, и что рабочій классъ долженъ не разрушать такъ дорого стоившую ему государственную машину, а видоизмѣнять и утилизировать ее для своихъ цѣлей. Въ то время, какъ русскій *демократъ* стремится лишь какъ можно болѣе ограничить сферу государственнаго вмѣшательства, родоначальникъ русской *соціальной* демократіи ставитъ этому вмѣшательству ясныя цѣли, опредѣляемыя экономическими задачами рабочаго класса.

Едва-ли нужно прибавлять, что наши симпатіи лежатъ на сторонѣ послѣдняго. При всемъ уваженіи къ А. П. Щапову, какъ честному борцу за свои убѣжденія и талантливому историку, пролившему новый свѣтъ на одну изъ интереснѣйшихъ сторонъ русской исторіи, мы не можемъ не видѣть односторонности и угловатости его воззрѣній. Если тотъ періодъ нашей исторіи, въ продолженіе котораго жизнь русскаго на-

рода «слагалась — какъ увѣряетъ Щаповъ — во всѣхъ отношеніяхъ естественно и свободно» — могъ привести лишь къ «единодержавно-бюрократическому строю», то ясно, что русская свобода того времени носила зародышъ смерти въ своихъ собственныхъ нѣдрахъ; ясно также, что соціально-политическія отношенія, въ результатѣ которыхъ явилась эта свобода, заключали въ себѣ коренные недостатки: «естественное» развитіе ихъ привело къ деспотизму московскаго и петербургскаго періодовъ. Намъ замѣтятъ, пожалуй, что деспотизмъ являлся слѣдствіемъ внѣшнихъ, а не внутреннихъ условій, что онъ зародился и укрѣпился въ борьбѣ съ иноземными завоевателями. Пусть будетъ такъ! Но тогда зачѣмъ же намъ идеализировать тотъ печальный періодъ народной безпомощности, который если и оставлялъ русскому народу какой нибудь выборъ, то лишь выборъ между чужеземными или домашними поработителями? Не должны ли мы припомнить въ этомъ случаѣ слова Маркса, который говоритъ, что «соціальная революція девятнадцатаго столѣтія можетъ черпать свою поэзію не въ прошломъ, а только въ будущемъ», что «она не можетъ начаться до тѣхъ поръ, пока не уничтожатся всѣ суевѣрія прошлаго», что между тѣмъ какъ «предшествующія революціи нуждались въ всемірно-историческихъ образцахъ и воспоминаніяхъ, революція девятнадцато столѣтія должна предоставить мертвымъ хоронить своихъ мертвецовъ», и «сосредоточить свое вниманіе на своемъ собственномъ содержаніи». Мы увѣрены, что пришла уже пора критической оцѣнки всѣхъ элементовъ нашего народничества. Между этими элементами взгляды Щапова на взаимныя отношенія народа и государства, на расколъ и общину —занимаютъ, какъ мы сказали, очень видное мѣсто и уже по одному этому заслуживаютъ полнаго вниманія нашихъ соціалистическихъ писателей. Чѣмъ тверже ступятъ русскіе революціонеры на точку зрѣнія научнаго соціализма, тѣмъ опредѣленнѣе имъ представится созидающая экономическая роль русскаго народнаго государства; чѣмъ яснѣе сознаютъ они экономическія задачи соціалистической революціи, тѣмъ очевиднѣе будетъ для нихъ, что старыя формы народной жизни и народнаго міросозерцанія слишкомъ тѣсны для того, чтобы воплотить въ себя практику и

теорію новаго движенія. Укрѣпившись въ этомъ сознаніи, наша соціально-революціонная партія начнетъ третій, непредвидѣнный Щаповымъ, періодъ «земскаго строительства», равно-далекій, какъ отъ земско-вѣчевого, такъ и отъ единодержавно-бюрократическаго «опыта»—именно *періодъ соціально-демократическій.*

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

1883-1884 гг.

Объ изданіи «библіотеки современнаго соціализма».

Борьба съ абсолютизмомъ — историческая задача общая русскимъ соціалистамъ съ другими прогрессивными партіями въ Россіи — не принесетъ имъ возможнаго вліянія въ будущемъ, если паденіе абсолютной монархіи застанетъ русскій рабочій классъ въ неразвитомъ состояніи, индифферентнымъ къ общественнымъ вопросамъ или неимѣющимъ понятія о правильномъ рѣшеніи этихъ вопросовъ въ своихъ интересахъ.

Поэтому соціалистическая пропаганда въ средѣ наиболѣе воспріимчивыхъ къ ней слоевъ трудящагося населенія Россіи, и организація по крайней мѣрѣ наиболѣе выдающихся представителей этихъ слоевъ составляетъ одну изъ серьезнѣйшихъ обязанностей русской соціалистической интеллигенціи.

Необходимымъ условіемъ такой пропаганды является созданіе рабочей литературы, представляющей собою простое, сжатое и толковое изложеніе научнаго соціализма, и выясненіе важнѣйшихъ соціально-политическихъ задачъ современной русской жизни, съ точки зрѣнія интересовъ рабочаго класса.

Но, прежде чѣмъ взяться за созданіе такой литературы, наша революціонная интеллигенція должна сама усвоить современное соціалистическое міросозерцаніе, отказавшись отъ несогласимыхъ съ нимъ старыхъ традицій. Поэтому критика господствующихъ въ ея средѣ программъ и ученій должна занять важное мѣсто въ нашей соціалистической литературѣ.

Всякій, знакомый съ современнымъ состояніемъ нашей соціалистической литературы, знаетъ, какъ мало удовлетворяетъ она обоимъ вышеуказаннымъ требованіямъ.

Члены группы, впервые приступившей къ изданію «Чернаго Передѣла» (въ 1879-80 г.), рѣшились всѣми зависящими отъ нихъ средствами способствовать пополненію этихъ пробѣловъ и съ этой цѣлью приступаютъ теперь къ изданію *«Библіотеки Современнаго Соціализма»*.

Вполнѣ признавая необходимость и важность борьбы съ абсолютизмомъ, они полагаютъ въ то-же время, что русская революціонная интеллигенція слишкомъ игнорировала до сихъ поръ вышеуказанныя за-

дачи организаціи рабочаго класса и пропаганды соціализма въ его средѣ; они думаютъ, что борьба ея съ правительствомъ не сопровождалась въ достаточной мѣрѣ подготовленіемъ русскаго рабочаго класса къ сознательному участію въ политической жизни страны. Разрушительная работа нашихъ революціонеровъ не дополнялась созданіемъ элементовъ для будущей рабочей соціалистической партіи въ Россіи.

Измѣняя нынѣ свою программу въ смыслѣ борьбы съ абсолютизмомъ и организаціи русскаго рабочаго класса въ особую партію съ опредѣленной соціально-политической программой, бывшіе члены группы «*Чернаго Передѣла*» образуютъ нынѣ новую группу «*Освобожденіе Труда*» и окончательно разрываютъ со старыми анархическими тенденціями.

Успѣхъ перваго предпріятія этой группы зависитъ, конечно, отъ сочувствія и поддержки со стороны дѣйствующихъ въ Россіи революціонеровъ. Поэтому она и обращается ко всѣмъ кружкамъ и лицамъ, въ Россіи и заграницей, сочувствующимъ вышеизложеннымъ взглядамъ, съ предложеніемъ обмѣна услугъ, организаціи взаимныхъ сношеній и совмѣстной выработки болѣе полной программы для работы на пользу общаго дѣла.

Группа эта смотритъ на «Библіотеку Современнаго Соціализма», какъ на первый опытъ, удача котораго дала бы ей возможность расширить свое дѣло и приступить къ изданію соціалистическихъ сборниковъ или даже періодическаго обозрѣнія.

Задача, поставленная себѣ издателями «Библіотеки Современнаго Соціализма», едва ли нуждается, послѣ всего сказаннаго, въ болѣе подробномъ объясненіи. Она сводится къ двумъ главнымъ пунктамъ:

1) Распространенію идей научнаго соціализма, путемъ перевода на русскій языкъ важнѣйшихъ произведеній школы Маркса и Энгельса, и оригинальныхъ сочиненій, имѣющихъ въ виду читателей различныхъ степеней подготовки.

2) Критикѣ господствующихъ въ средѣ нашихъ революціонеровъ ученій и разработкѣ важнѣйшихъ вопросовъ русской общественной жизни, съ точки зрѣнія научнаго соціализма и интересовъ трудящагося населенія Россіи.

Женева, 25 сентября 1883 г.

СОЦІАЛИЗМЪ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА

Предисловіе.

Предлагаемая брошюра можетъ подать поводъ ко многимъ недоразумѣніямъ или даже неудовольствіямъ. Лица, сочувствующія направленію «Земли и Воли» и «Чернаго Передѣла» (органовъ, въ редактированіи которыхъ я принималъ участіе), могутъ упрекнуть меня въ томъ, что я отступилъ отъ теоріи такъ называемаго народничества. Сторонникамъ другихъ фракцій нашей революціонной партіи можетъ не понравиться моя критика дорогихъ имъ воззрѣній. Считаю нелишнимъ, поэтому, небольшое предварительное объясненіе.

Стремленіе работать *въ народѣ* и для народа, увѣренность въ томъ, что «освобожденіе рабочаго класса должно быть дѣломъ самого рабочаго класса» — эта *практическая* тенденція нашего народничества дорога мнѣ по прежнему. *Теоретическія* же его положенія, дѣйствительно, кажутся мнѣ во многихъ отношеніяхъ ошибочными. Годы пребыванія за-границей и внимательнаго изученія соціальнаго вопроса убѣдили меня, что торжество стихійнаго народнаго движенія, въ родѣ бунта Ст. Разина или крестьянскихъ войнъ въ Германіи, не можетъ удовлетворить соціально-политическихъ нуждъ Россіи, что старыя формы нашей народной жизни носили въ самихъ себѣ много зародышей своего разложенія, и что онѣ не могутъ «развиться въ высшую коммунистическую форму» безъ непосредственнаго воздѣйствія на нихъ сильной и хорошо организованной *рабочей* соціалистической партіи. Поэтому я думаю, что рядомъ съ борьбой противъ абсолютизма

русскіе революціонеры должны стремиться, по крайней мѣрѣ, къ выработкѣ элементовъ для созданія такой партіи въ будущемъ. Въ этой созидательной дѣятельности имъ, по необходимости, придется перейти на почву современнаго соціализма, такъ какъ идеалы «Земли и Воли» не сотвѣтствуютъ положенію промышленныхъ рабочихъ. И это будетъ очень кстати теперь, когда теорія русской самобытности становится синонимомъ застоя и реакціи, а прогрессивные элементы русскаго общества группируются подъ знаменемъ осмысленнаго «западничества».

Перехожу къ другому пункту моего объясненія. Здѣсь, прежде всего, скажу въ свою защиту, что я касался не лицъ, а мнѣній и что частныя разногласія мои съ той или другой соціалистической группой ни мало не уменьшаютъ моего уваженія ко всѣмъ искреннимъ борцамъ за освобожденіе народа.

Кромѣ того, такъ называемое террористическое движеніе открыло собою новую эпоху въ развитіи нашей революціонной партіи—эпоху *сознательной политической борьбы* съ правительствомъ. Эта перемѣна въ направленіи дѣятельности нашихъ революціонеровъ дѣлаетъ необходимымъ пересмотръ всѣхъ взглядовъ, унаслѣдованныхъ ими отъ предыдущаго періода. Жизнь требуетъ внимательнаго пересмотра всего нашего умственнаго багажа при нашемъ вступленіи на новую почву и я смотрю на свою брошюру, какъ на посильный вкладъ въ это дѣло критики, давно уже начавшейся въ нашей революціонной литературѣ. Читатель не забылъ еще, вѣроятно, біографіи А. И. Желябова, заключающей въ себѣ строгую и часто весьма вѣрную критическую оцѣнку программы и дѣятельности кружка «*Земли и Воли*». Очень можетъ быть, что мои критическія попытки окажутся менѣе удачными, но едва-ли было бы справедливо признать ихъ менѣе своевременными.

Г. П.

Женева, 25 октября 1883 г.

Соціализмъ и политическая борьба.

Всякая классовая борьба есть борьба политическая.
Карлъ Марксъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ русское революціонное движеніе окончательно выступило на путь открытой борьбы съ абсолютизмомъ, вопросъ о политическихъ задачахъ соціалистовъ сдѣлался самымъ насущнымъ, самымъ жгучимъ вопросомъ для нашей партіи. Изъ-за него расходились люди, связанные многими годами совмѣстной практической дѣятельности, изъ-за него распадались цѣлые кружки и организаціи. Можно даже сказать, что всѣ русскіе соціалисты временно раздѣлились на два лагеря, державшіеся діаметрально-противоположныхъ взглядовъ на «политику». Какъ и всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, дѣло не обошлось безъ крайностей. Одни считали политическую борьбу чуть-ли не измѣной народному дѣлу, проявленіемъ въ нашей революціонной интеллигенціи буржуазныхъ инстинктовъ, осквернениемъ чистоты соціалистической программы. Другіе не только признавали необходимость этой борьбы, но и готовы были, въ ея мнимыхъ интересахъ, идти на компромиссы съ либерально-оппозиціонными элементами нашего общества. Нѣкоторые доходили даже до того, что считали вреднымъ для настоящаго времени всякое проявленіе классового антагонизма въ Россіи. Такихъ взглядовъ держался, напр., Желябовъ, которому «русская революція представлялась, по словамъ его біографа, не исключительно въ видѣ освобожденія крестьянскаго или даже (?) рабочаго сословія, а въ видѣ политическаго возрожденія всего русскаго народа вообще» *). Другими словами, революціонное движеніе противъ абсолютной монархіи сливалось въ его

*) См. брошюру «Андрей Ивановичъ Желябовъ», стр. 110.

представленіи съ соціально-революціоннымъ движеніемъ рабочаго класса во имя своего экономическаго освобожденія; частная, спеціально-русская задача настоящаго времени заслоняла собою общую задачу рабочаго класса всѣхъ цивилизованныхъ странъ. Далѣе этого разногласіе идти не могло, и разрывъ сталъ неизбѣженъ.

Время сгладило, однако, крайности и разрѣшило значительную часть спорныхъ вопросовъ въ удовлетворительномъ для обѣихъ сторонъ смыслѣ. Мало по малу всѣ или почти всѣ признали, что начатая политическая борьба должна продолжаться до тѣхъ поръ, пока широкое освободительное движеніе въ народѣ и обществѣ не разрушитъ зданія абсолютизма, какъ землетрясеніе разрушаетъ курятникъ, если можно употребить энергическое выраженіе Маркса. Но очень многимъ изъ нашихъ соціалистовъ борьба эта до сихъ поръ представляется какимъ-то вынужденнымъ компромиссомъ, временнымъ торжествомъ «практики» надъ «теоріей», насмѣшкой жизни надъ безсиліемъ мысли. Сами «политики», оправдываясь отъ сыпавшихся на нихъ упрековъ, избѣгали всякой аппеляціи къ основнымъ положеніямъ соціализма, а ссылались опять на неотразимыя требованія дѣйствительности. Въ глубинѣ души они и сами, повидимому, вѣрили, что имъ не совсѣмъ къ лицу политическія тенденціи, но утѣшали себя тѣмъ соображеніемъ, что только въ свободномъ государствѣ они могутъ предоставить мертвымъ хоронить своихъ мертвецовъ и, покончивши всякіе счеты съ политикой, всецѣло посвятить себя дѣлу соціализма. Это смутное убѣжденіе приводило иногда къ нелишеннымъ курьеза недоразумѣніямъ. Разбирая рѣчь «русскаго гостя» на Хурскомъ Конгрессѣ, и пытаясь оправдаться отъ мнимаго упрека въ политиканствѣ, «Народная Воля» замѣтила, между прочимъ, что ея сторонники не соціалисты и не политическіе радикалы, а просто «народовольцы». Органъ террористовъ полагалъ, что «на Западѣ» вниманіе радикаловъ исключительно поглощено политическими вопросами, а соціалисты, наоборотъ, знать не хотятъ «политики». Всякій, знакомый съ программами западно-европейскихъ соціалистовъ, понимаетъ, конечно, насколько ошибочно такое представленіе по отношенію къ огромному ихъ большинству. Извѣстно, что соціальная

демократія Европы и Америки никогда не придерживалась принципа политическаго «воздержанія». Ея сторонники не игнорируютъ «политики». Они только не представляютъ себѣ задачъ соціалистической революціи въ видѣ «возрожденія всего народа вообще». Они стараются организовать рабочихъ въ особую партію, чтобы отдѣлить, такимъ образомъ, эксплуатируемыхъ отъ эксплуататоровъ и дать политическое выраженіе экономическому антагонизму. Откуда же взялась у насъ увѣренность въ томъ, что соціализмъ обусловливаетъ собою политическій индиферентизмъ, — увѣренность, стоящая въ полномъ противорѣчіи съ дѣйствительностью? У Шиллера Валленштейнъ говоритъ Максу Пикколомини, что человѣческій умъ широкъ, между тѣмъ какъ міръ узокъ, и что поэтому мысли легко уживаются въ первомъ, между тѣмъ какъ вещи сталкиваются между собою во второмъ. Должны ли мы сказать про себя, что въ нашемъ мозгу, наоборотъ, не могутъ ужиться рядомъ понятія о такихъ вещахъ, которыя не только прекрасно уживаются на практикѣ, но и вообще немыслимы внѣ взаимной связи? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, намъ нужно, прежде всего, привести въ ясность тѣ представленія о соціализмѣ, которыя существовали у нашихъ революціонеровъ въ эпоху возникновенія въ ихъ средѣ политическихъ тенденцій. Убѣдившись въ томъ, что эти представленія были ошибочными или отсталыми, мы посмотримъ, какое мѣсто отводитъ политической борьбѣ то ученіе, которому даже буржуазные его противники не отказываютъ въ названіи *научнаго соціализма*. Послѣ этого намъ останется только сдѣлать въ нашихъ общихъ выводахъ поправки, неизбѣжныя въ виду тѣхъ или другихъ особенностей современнаго положенія дѣлъ въ Россіи — и наша тема будетъ исчерпана; политическая борьба рабочаго класса съ врагами, принадлежащими къ той или иной исторической формаціи, окончательно обнаружитъ передъ нами свою связь съ общими задачами соціализма.

I.

Соціалистическая пропаганда оказала огромное вліяніе на весь ходъ умственнаго развитія въ цивилизованныхъ странахъ. Нѣтъ почти ни одной отрасли общественной науки, на которую эта пропаганда не

повліяла бы въ томъ, или въ иномъ смыслѣ. Она частью разрушила старые, научные предразсудки, частью превратила изъ ихъ наивнаго заблужденія въ софизмъ. Понятно, что еще сильнѣе должно было отозваться вліяніе соціалистической пропаганды на самихъ сторонникахъ новаго ученія. Всѣ традиціи прежнихъ «политическихъ» революціонеровъ подверглись безпощадной критикѣ, всѣ пріемы общественной дѣятельности были анализированы съ точки зрѣнія «новаго Евангелія». Но такъ какъ дѣло научнаго обоснованія соціализма было закончено лишь съ появленіемъ «Капитала», то понятно, что результаты этой критики далеко не всегда были удовлетворительны. А такъ какъ, съ другой стороны, въ утопическомъ соціализмѣ существовало нѣсколько школъ, почти равносильныхъ по своему вліянію, то мало по малу выработался родъ какого то средняго соціализма, котораго и придерживались люди, не претендовавшіе на основаніе новой школы и не принадлежавшіе къ числу особенно рьяныхъ сторонниковъ школъ, прежде существовавшихъ. «Этотъ эклектическій соціализмъ представляетъ собою, какъ говоритъ Фр. Энгельсъ — различныхъ оттѣнковъ смѣсь изъ наиболѣе общепризнанныхъ и наименѣе глубокихъ критическихъ замѣчаній, экономическихъ положеній и общественныхъ идеаловъ различныхъ основателей сектъ, смѣсь тѣмъ легче получаемую, чѣмъ скорѣе составныя ея части утрачиваютъ въ потокѣ дебатовъ — какъ камни въ ручьѣ — свои острые углы и грани» *) Этотъ средній соціализмъ, замѣчаетъ тотъ же авторъ, господствуетъ въ головахъ большинства рабочихъ въ Англіи и Франціи**). Мы, русскіе, могли бы прибавить, что такая же точно смѣсь господствовала въ половинѣ семидесятыхъ годовъ въ умахъ нашихъ соціалистовъ и представляла тотъ общій фонъ, на которомъ выдѣлялись два крайнія направленія: такъ называемыхъ «впередовцевъ» и «бакунистовъ». Первые склонялись къ нѣмецкой соціальдемократіи, вторые представляли собою русское изданіе анархи-

*) См. Entwicklung des Socialismus, s. 18.

**) Примѣчаніе къ новому изданію. Теперь во Франціи окончательно восторжествовалъ марксизмъ, основныя положенія котораго признаются, въ болѣе или менѣе искаженномъ видѣ, даже «оппортунистами» изъ лагеря Жореса.

ческой фракціи интернаціонала. Расходясь между собою въ очень многомъ, почти во всемъ, оба направленія сходились — какъ это ни странно сказать — въ отрицательномъ отношеніи къ «политикѣ». И нужно сознаться, что анархисты были, въ этомъ отношеніи, послѣдовательнѣе русскихъ соціальдемократовъ того времени.

Съ анархической точки зрѣнія политическій вопросъ является пробнымъ камнемъ всякой рабочей программы. Анархисты не только отрицаютъ всякія сдѣлки съ современнымъ государствомъ, но исключаютъ изъ своихъ представленій о «будущемъ обществѣ» все, что напоминаетъ такъ или иначе государственную идею. «Автономная личность въ автономной общинѣ» — таковъ былъ и есть девизъ всѣхъ послѣдовательныхъ сторонниковъ этого направленія. Извѣстно, что родоначальникъ его, Прудонъ, поставилъ себѣ, въ своемъ органѣ «La voi du peple», несовсѣмъ скромную задачу «сдѣлать по отношенію къ идеѣ правительства (которую онъ смѣшивалъ съ государственной идеей) то же, что сдѣлалъ Кантъ по отношенію къ идеѣ религіозной» *), и дошелъ въ своемъ государственномъ рвеніи до того, что объявилъ самого Аристотеля «скептикомъ въ вопросѣ о государствѣ»**). Рѣшеніе поставленной имъ себѣ задачи было очень просто и вытекало, если угодно, совершенно логично изъ экономическихъ ученій французскаго Канта. Прудонъ никогда не могъ представить себѣ экономическаго строя будущаго иначе, какъ въ формѣ товарнаго производства, исправленнаго и дополненнаго новой, «справедливой» формой обмѣна на началахъ «конституированной стоимости». При всей «справедливости»

*) См. Confession d'un revolutionnair, Préfaré, p. 4.

**) До какой степени Аристотель былъ «скептикомъ въ вопросѣ о государствѣ», видно изъ первой главы первой книги его «*Политики*», гдѣ онъ говоритъ, что «государство есть самая законченная форма общественности»; что цѣль его есть «высшее благо», и что поэтому оно оказывается явленіемъ «естественнымъ въ самомъ высокомъ смыслѣ этого слова, а человѣкъ есть животное, самой природой предназначенное къ государственой формѣ общественности», (В. I, С. I, §§ I — XI нѣмецкаго изданія Зюсемиля 1879 года). Авторъ «Политики» такъ же «скептично» относится къ государству, какъ Прудонъ къ товарному производству; первый не могъ представить себѣ иной, высшей формы общественности, второй не подозрѣвалъ, что продукты могутъ распредѣляться между членами общества, не являясь въ видѣ товаровъ.

этой новой формы обмѣна, она не исключаетъ, разумѣется, ни купли, ни продажи, ни долговыхъ обязательствъ, сопровождающихъ товарное производство и обращеніе. Всѣ эти сдѣлки предполагаютъ, конечно, различные договоры, которыми и опредѣляются взаимныя отношенія обмѣнивающихся сторонъ. Но въ современномъ обществѣ «договоры» основываются на общихъ правовыхъ нормахъ, обязательныхъ для всѣхъ гражданъ и охраняемыхъ государствомъ. Въ «будущемъ обществѣ» дѣло должно будетъ происходить нѣсколько иначе. Революція должна была, по мнѣнію Прудона, уничтожить «законы», оставляя одни «договоры». «Не нужно законовъ, вотированныхъ большинствомъ или единогласно — говоритъ онъ въ своей «Idée générale de la Révolution au XIX siécle» — каждый гражданинъ, каждая коммуна и корпорація установятъ свои особые законы» (р. 259). При такомъ взглядѣ на дѣло, политическая программа пролетаріата упрощалась до послѣдней возможности. Государство, признающее лишь общіе и обязательные для всѣхъ гражданъ законы, не могло служить даже средствомъ для достиженія соціалистическихъ идеаловъ. Пользуясь имъ для своихъ цѣлей, соціалисты лишь укрѣпляютъ то зло, съ искорененія котораго должна начаться «соціальная ликвидація». Государство должно «разложиться», открывая, такимъ образомъ, «каждому гражданину, каждой коммунѣ и корпораціи» полную свободу издавать «свои собственные законы» и заключать необходимые для нихъ «договоры». Если же анархисты не будутъ терять времени въ періодъ «ликвидаціи», то «договоры» эти будутъ заключены въ духѣ «Системы экономическихъ противорѣчій», и торжество «Революціи» будетъ обезпечено.

Задача русскихъ анархистовъ упрощалась еще болѣе. «Разрушеніе государства» (занявшее мало по малу въ анархической программѣ мѣсто рекомендованнаго Прудономъ его «разложенія») должно было расчистить путь для развитія «идеаловъ» русскаго народа. А такъ какъ въ этихъ «идеалахъ» общинное землевладѣніе и артельная организація промысловъ занимаютъ очень видное мѣсто, то предполагалось, что «автономные» россіяне демократическаго происхожденія будутъ заключать свои «договоры» уже не въ

духѣ прудоновской взаимности, а скорѣе въ духѣ аграрнаго коммунизма. Какъ «прирожденный соціалистъ», русскій народъ не замедлитъ понять, что одно общинное владѣніе землею и орудіями производства не гарантируетъ еще желаннаго «равенства», и вынужденъ будетъ взяться за организацію «автономныхъ общинъ» на совершенно коммунистическихъ основаніяхъ.

Впрочемъ, русскіе анархисты — по крайней мѣрѣ анархисты такъ называемаго «бунтарскаго» оттѣнка — мало задумывались объ экономическихъ послѣдствіяхъ проповѣдуемой народной революціи. Они считали своею обязанностью устранить тѣ общественныя условія, которыя мѣшали, по ихъ мнѣнію нормальному развитію народной жизни; но они не спрашивали себя о томъ, по какому пути пойдетъ это развитіе, освободившись отъ внѣшнихъ препятствій. Что эта своеобразная передѣлка на революціонный фасонъ знаменитаго девиза манчестерской школы: laissez faire laissez passer, исключала всякую возможность серьезной оцѣнки современнаго состоянія нашей общественно-экономической жизни и уничтожала всякій критерій для опредѣленія самаго понятія о «нормальномъ» ходѣ развитія—этого также не подозрѣвали ни «бунтари», ни появившіеся впослѣдствіи «народники» Притомъ же, подобная оцѣнка была бы совершенное безнадежной попыткой до тѣхъ поръ, пока исходной точкой разсужденій нашихъ революціонеровъ оставались ученія Прудона. Слабѣйшею частью этихъ ученій, пунктомъ ихъ логическаго грѣхопаденія, является понятіе о товарѣ и мѣновой стоимости, т. е. именно тѣ посылки, на основаніи которыхъ только и можно сдѣлать правильное заключеніе о взаимныхъ отношеніяхъ производителей въ экономической организаціи будущаго. Съ точки зрѣнія прудоновскихъ теорій не имѣетъ никакой особенной важности то обстоятельство, что современное русское общинное землевладѣніе отнюдь не исключаетъ товарнаго производства. Прудонистъ понятія не имѣетъ о «внутренней, неизбѣжной діалектикѣ», превращающей товарное производство, на извѣстной стадіи его развитія, въ — капиталистическое*). Его русскому кузэну и въ голову не прихо-

*) См. Das Kapital, 2 Auflage, s. s. 607—8.

дило, поэтому, спросить себя, достаточно-ли разъединенныхъ усилій «автономныхъ» лицъ, коммунъ и корпорацій для борьбы съ этой тенденціей товарнаго производства, грозящей снабдить въ одинъ прекрасный день нѣкоторую часть «прирожденныхъ» коммунистовъ «благопріобрѣтенными» капиталами и превратить ихъ въ эксплуататоровъ остальной массы населенія. Анархистъ отрицаетъ созидающую роль государства въ соціалистической революціи именно потому, что не понимаетъ задачъ и условій этой революціи.

Мы не можемъ вступать здѣсь въ подробный разборъ ни анархизма вообще, ни «бакунизма» въ частности*). Мы хотимъ лишь обратить вниманіе нашихъ читателей на то обстоятельство, что какъ Прудонъ, такъ и русскіе анархисты были, съ своей точки зрѣнія, вполнѣ правы, возводя «политическое невмѣшательство» въ основной догматъ своей практической программы. Соціально-политическій складъ русской жизни, казалось, въ особенности оправдывалъ обязательное для всѣхъ анархистовъ отрицаніе «политики». Прежде чѣмъ выступить на поприще политической агитаціи, русскій «*обыватель*» долженъ превратиться въ *гражданина*, т. е. завоевать себѣ хоть какія нибудь политическія права, а прежде всего, разумѣется, право думать что хочетъ и говорить что думаетъ. Такая задача сводится на практикѣ къ «политической революціи», а опытъ западной Европы ясно «показалъ» всѣмъ

*) Напомнимъ только читателю возраженіе, слѣланное Прудону Риттингаузеномъ. «Власть, правительство со всѣми его формами,— говорилъ неутомимый пропагандистъ теоріи прямого народнаго законодательства,—представляютъ собою лишь *виды* того *рода*, который называется: *Вмѣшательство общества въ отношенія людей къ вещамъ, а черезъ посредство вещей—и другъ къ другу*... Я вызываю г. Прудона бросить мнѣ въ лицо, какъ результататъ его умственной работы, слѣдующее заключеніе: нѣтъ, не нужно такого вмѣшательства общества въ отношенія людей, къ вещамъ и другъ къ другу!» См. Législation directe par le peuple et ses adversaires, p. 194—195. Риттингаузенъ думалъ, что «поставить вопросъ такимъ образомъ — значитъ рѣшить его», такъ какъ «г. Прудонъ самъ признаетъ *необходимость такого вмѣшательства*». Но онъ не предвидѣлъ, что ученики пойдутъ дальше учителя, и что теорія анархіи выродится, наконецъ, въ теорію «соціальнаго аморфизма». Современные анархисты не признаютъ никакого вмѣшательства общества въ отношенія индивидуумовъ, какъ они неоднократно заявляли это на страницахъ нѣкоторыхъ своихъ органовъ.

анархистамъ, что такія революціи никакой пользы народу не принесли, не принесутъ и принести не могутъ. Соображеніе же о необходимости политическаго воспитанія народа путемъ участія его въ общественной жизни своей страны не могло имѣть мѣста уже потому, что анархисты считаютъ, какъ мы видѣли, такое участіе не воспитаніемъ, а развращеніемъ народныхъ массъ: оно развиваетъ въ нихъ «вѣру въ государство», а слѣдовательно и тенденцію къ государственности или, какъ сказалъ бы покойный М. А. Бакунинъ, «заражаетъ его офиціально-общественнымъ ядомъ, и во всякомъ случаѣ, отвлекаетъ его хоть на малое время отъ единственно нынѣ полезнаго и спасательнаго дѣла—отъ бунта»*). При томъ же, по философіи исторіи нашихъ «бунтарей» выходило, что русскій народъ цѣлымъ рядомъ крупныхъ и мелкихъ движеній показалъ свои антигосударственныя наклонности, а потому и можетъ считаться достаточно зрѣлымъ въ политическомъ отношеніи. Поэтому, прочь всякое «политиканство»! Поможемъ народу въ его антигосударственной борьбѣ, сольемъ въ одинъ революціонный потокъ его разрозненныя усилія—и тогда неуклюжее зданіе государства разлетится въ прахъ, открывая своимъ паденіемъ новую эру соціальной свободы и экономическаго равенства! Въ этихъ немногихъ словахъ выражалась вся программа нашего «бунтарства».

Въ этомъ бѣгломъ обзорѣ программъ различныхъ фракцій русскихъ революціонеровъ мы не должны упускать изъ виду, что взгляды, съ точки зрѣнія которыхъ «всякія конституціи» являлись, по выраженію стараго Ф. Г. Якоби, лишь болѣе или менѣе невыгодной сдѣлкой съ чертомъ — такіе взгляды, говримъ мы, были свойственны не однимъ народникамъ и анархистамъ. Если читателю извѣстна полемика Фр. Энгельса съ П. Ткачевымъ**), то онъ вѣроятно помнитъ, что редакторъ «Набата», расходясь съ бакунистами по вопросу о практической борьбѣ, совершенно сходился съ ними въ основныхъ взглядахъ на соціально-политическое положеніе нашего отечества. Онъ разсматривалъ его черезъ ту-же призму русской самобытности и «прирожденныхъ коммунистическихъ наклонностей

*) См. весьма интересную и характерную брошюру М. А. Бакунина «Наука и насущное революціонное дѣло».

**) См. «Offener Brief Herrn an F. Engels.

русскаго народа»*). Какъ истинный бланкистъ, онъ не отрицалъ, разумѣется, «политики», но понималъ ее исключительно въ формѣ заговора съ цѣлью захвата государственной власти. Эта цѣль занимала, повидимому, все поле зрѣнія нашихъ тогдашнихъ бланкистовъ и приводила ихъ ко многимъ противорѣчіямъ. Оставаясь послѣдовательными, они должны были признать, что дѣятельность ихъ можетъ быть полезна дѣлу прогресса лишь въ томъ исключительномъ случаѣ, когда направляемый ими ударъ ни на волосъ не минуетъ своей цѣли. Если задуманный захватъ власти не удастся, если заговоръ будетъ открытъ или революціонное правительство будетъ низвергнуто либеральной партіей, то русскій народъ не только ничего не выиграетъ, но, напротивъ, рискуетъ очень много потерять. Въ особенности гибеленъ послѣдній изъ предположенныхъ случаевъ. Либералы создадутъ сильное правительство, борьба съ которымъ будетъ гораздо труднѣе, чѣмъ борьба противъ современной «абсолютно-нелѣпой и нелѣпо-абсолютной» монархіей; а «огонь экономическаго прогресса» разрушитъ коренныя основы народной жизни. Подъ его вліяніемъ, разовьется обмѣнъ, упрочится капитализмъ, уничтожится самый принципъ общины», словомъ, рѣка временъ унесетъ тотъ камень, съ котораго рукой подать до коммунистическаго неба. Въ случаѣ неудачи, русскіе бланкисты должны были нанести страшный вредъ дѣлу народнаго освобожденія и попадали, такимъ образомъ, въ трагическое положеніе Вильгельма Теля, рисковавшаго жизнью собственнаго сына. Но такъ какъ они едва ли отличались ловкостью мифическаго швейцарскаго «крамольника», то русскій народъ не крикнулъ бы имъ:

Стрѣляй! я не боюсь!

если бы усвоилъ ихъ взглядъ на «коренныя основы» своей жизни и былъ приглашенъ высказать свое мнѣніе объ ихъ программѣ.

Такая узкая и безнадежная философія русской исторіи должна была логически вести къ тому поразительному выводу, что экономическая отсталость

*) Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ лишь сравнить названное «Письмо къ Фр. Энгельсу» съ цитированной выше брошюрой М. А. Бакунина.

Россіи является надежнѣйшимъ союзникомъ революціи, а застой долженъ красоваться въ качествѣ перваго и единственнаго параграфа нашей «программы-минимумъ.» «Каждый день приноситъ намъ новыхъ враговъ, создаетъ новые враждебные намъ общественные факторы» — читаемъ мы въ первомъ, ноябрьскомъ номерѣ «Набата» за 1875 годъ. «Огонь подбирается и къ нашимъ государственнымъ формамъ. Теперь онѣ мертвы, безжизненны. Экономическій прогрессъ пробудитъ въ нихъ жизнь, вдохнетъ въ нихъ новый духъ, дастъ имъ силу и крѣпость, которыхъ пока еще въ нихъ нѣтъ», и т. д. Но если Іисусу Навину удалось, по библейскому разсказу, остановить солнце «на десять степеней», то время чудесъ прошло и нѣтъ ни одной партіи, которая могла бы крикнуть: «стойте производительныя силы, не шевелись капитализмъ!» Исторія такъ же мало обращаетъ вниманія на опасенія революціонеровъ, какъ и на реакціонныя іереміады. «Экономическій прогрессъ» дѣлаетъ свое дѣло, не дожидаясь того времени, когда анархисты или бланкисты осуществятъ свои намѣренія. Каждая фабрика, основанная въ Петербургѣ, каждый лишній «работничекъ», принятый ярославскимъ кустаремъ, усиливаетъ роковое будто бы для революціи «пламя прогресса», а слѣдовательно и уменьшаетъ вѣроятность народнаго торжества. Можно ли назвать революціоннымъ такой взглядъ на взаимное отношеніе различныхъ общественныхъ силъ въ Россіи? Мы думаемъ, что нѣтъ. Чтобы сдѣлаться революціонерами по существу, а не по названію, русскіе анархисты, народники и бланкисты должны были, прежде всего, революціонизировать свои собственныя головы, а для этого имъ нужно было научиться понимать ходъ историческаго развитія и стать во главѣ его, а не упрашивать старуху-исторію потоптаться на одномъ мѣстѣ, пока они проложатъ для нея новые, болѣе прямые и торные пути.

Кружокъ «впередовцевъ» понималъ незрѣлость и ошибочность вышеизложенныхъ воззрѣній, и было время, когда онъ могъ получить преобладающее умственное вліяніе въ нашей революціонной средѣ. Это было именно то время, когда практическій опытъ порядкомъ таки поистрепалъ основы стараго, анархическаго народничества, и всѣ его сторонники

чувствовали, что ихъ программа нуждается въ тщательномъ пересмотрѣ. Тогда послѣдовательная критика всѣхъ ея теоретическихъ и практическихъ положеній могла сдѣлать приближающійся переломъ въ движеніи еще болѣе рѣшительнымъ и безповоротнымъ. За такую критику удобнѣе всего было взяться «впередовцамъ», которые, стоя почти цѣликомъ на точкѣ зрѣнія соціальдемократіи, были совершенно свободны отъ всѣхъ народническихъ традицій. Но, чтобы имѣть успѣхъ, критика ихъ должна была *не осуждать, а выяснять и обобщать* тѣ насущныя потребности русской жизни, которыя все болѣе и болѣе толкали нашихъ революціонеровъ на путь политической борьбы. Между тѣмъ «впередовцы» отрицали «политику», такъ же рѣшительно, какъ и анархисты. Они не думали, правда, что соціализмъ не совмѣстимъ со вмѣшательствомъ въ политическую жизнь буржуазнаго государства, и вполнѣ оправдывали программу западно-европейской соціальдемократіи. Но они полагали, что возможность открытой организаціи рабочаго класса въ особую политическую партію куплена въ современномъ «правовомъ» государствѣ слишкомъ дорогою цѣной: окончательнымъ торжествомъ буржуазіи и соотвѣтствующимъ эпохѣ капитализма ухудшеніемъ положенія рабочихъ. Они забывали, что при оцѣнкѣ этого положенія нужно принимать во вниманіе не только распредѣленіе національнаго дохода, но и *всю организацію производства и обмѣна*, не только *среднее количество* потребляемыхъ рабочимъ продуктовъ, но и самый *видъ*, который принимаютъ эти продукты *), не только *степень* эксплуатаціи, но — и въ особенности — *ея форму*, не только *фактъ порабощенія* рабочихъ массъ, но также и тѣ *идеи* и *понятія*, которыя зарождаются и могутъ зародиться въ головѣ рабочаго подъ вліяніемъ этого факта **). Они едва ли согласились бы съ тѣмъ, что фабричный рабочій долженъ оказаться воспріимчивѣе къ соціализму, чѣмъ временно-обязанный крестьянинъ; тѣмъ менѣе приз-

*) Т. е. являются ли они въ видѣ товаровъ или непосредственно потребляются семьею производителя, его господиномъ или, наконецъ, государствомъ, не являясь вовсе на рынкѣ.

**) Просимъ имѣть въ виду, что мы говоримъ не о редакціи журнала «Впередъ», а о дѣйствовавшихъ въ Россіи сторонникахъ этого органа.

нали бы они, что переходъ, напр., отъ натуральнаго хозяйства къ денежному увеличиваетъ возможность сознательнаго движенія рабочихъ массъ во имя своего экономическаго освобожденія. Философско-историческая часть ученія Маркса осталась для нихъ непрочитанною главою любимой книги; они слишкомъ вѣрили во всемогущее вліяніе своей пропаганды, чтобы искать для нея опоры въ объективныхъ условіяхъ общественной жизни. И, подобно соціалистамъ утопическаго періода, они сводили къ этой пропагандѣ всю дальнѣйшую исторію своей страны вплоть до соціальнаго переворота. При такой постановкѣ вопроса они могли, вмѣстѣ съ анархистами сказать, пародируя извѣстную фразу Прудона — la révolution est au-dessus de la politique. Но именно потому они и не могли вывести наше движеніе изъ той мертвой точки, въ которую оно попало въ концѣ семидесятыхъ годовъ, благодаря отрицанію всякой политической борьбы, съ одной стороны, невозможности создать, при современныхъ политическихъ условіяхъ, сколько-нибудь сильную рабочую партію — съ другой.

Честь сообщенія новаго размаха нашему движенію безспорно принадлежитъ «Народной Волѣ». У всѣхъ еще на памяти тѣ нападенія, которыя вызвали противъ себя тенденціи народовольцевъ. Пишущій эти строки самъ принадлежалъ къ числу рѣшительныхъ противниковъ этого направленія, и хотя совершенно признаетъ теперь, что борьба за политическую свободу стала злобою дня современной Россіи, но до сихъ поръ раздѣляетъ далеко не всѣ взгляды, высказывавшіеся въ «народовольческихъ» изданіяхъ. Это не мѣшаетъ ему, однако, признать, что въ спорахъ, происходившихъ въ организаціи «Земли иВоли» около времени ея распаденія, народовольцы были совершенно правы, пока они оставались на почвѣ нашего практическаго опыта. Этотъ опытъ и тогда уже приводилъ къ поразительнымъ и совершенно неожиданнымъ выводамъ, хотя мы и не смѣли сдѣлать ихъ именно вслѣдствіе ихъ неожиданности. Попытки практической борьбы «противъ государства» въ сущности и тогда уже должны были навести на ту мысль, что русскій «бунтарь» непреодолимою силою обстоятельствъ вынужденъ направлять свою агитацію нѣ

противъ государства вообще, а только противъ *абсолютнаго* государства, воевать не съ государственной, а съ бюрократической идеей, не во имя полнаго экономическаго освобожденія народа, а во имя устраненія тѣхъ тягостей, которыми обременяетъ народъ самодержавное императорство. Конечно, аграрный вопросъ лежалъ въ основаніи всѣхъ или почти всѣхъ проявленій народнаго недовольства. Иначе и быть не могло въ средѣ земледѣльческаго населенія, гдѣ «власть земли» сказывается рѣшительно во всемъ складѣ и нуждахъ частной и общественной жизни. Этотъ аграрный вопросъ настойчиво требовалъ своего разрѣшенія, но онъ не вызывалъ *политическаго* недовольства. Крестьяне съ спокойною увѣренностью ожидали рѣшенія этого вопроса сверху; они «бунтовались» не во имя земельнаго передѣла, а противъ притѣсненій администраціи, противъ непомѣрныхъ тягостей податной системы, противъ азіатскаго способа взысканія недоимокъ и т. д., и т. д. Формулой, обобщавшей большую часть случаевъ активнаго протеста, являлось «правовое государство», а не «Земля и Воля», какъ намъ всѣмъ казалось въ то время. Но если это было такъ и если революціонеры считали своею обязанностью принимать участіе въ разрозненной и неосмысленной борьбѣ отдѣльныхъ общинъ противъ абсолютной монархіи, то не пора ли было имъ понять смыслъ своихъ собственныхъ усилій и направить ихъ съ большею цѣлесообразностью? Не пора ли имъ было призвать къ этой борьбѣ всѣ прогрессивныя, живыя силы Россіи и, найдя для нея наиболѣе общее выраженіе, аттаковать абсолютизмъ въ самомъ центрѣ его организаціи? Отвѣчая утвердительно на эти вопросы, «народовольцы» только подводили итогъ революціонному опыту предшествующихъ лѣтъ: поднимая знамя политической борьбы, они только не пугались этихъ итоговъ и сознательно продолжали идти по дорогѣ, на которую мы выступили, имѣя ошибочное понятіе объ ея направленіи. «Терроризмъ» совершенно логически выросъ изъ нашего «бунтарства».

Но съ появленіемъ Н. В. логическое развитіе нашего революціоннаго движенія переходило уже въ тотъ фазисъ, въ которомъ оно не могло болѣе удовлетворяться народническими теоріями добраго стараго, —т. е. чуждаго политическихъ интересовъ, — времени.

Примѣры перерастанія теоріи практикой очень не рѣдки въ исторіи человѣческой мысли вообще и революціонной мысли въ частности. Внося то или другое измѣненіе въ свою тактику, подвергая тѣмъ или другимъ передѣлкамъ свою программу, революціонеры часто и не подозрѣваютъ, какому серьезному испытанію подвергаютъ они общепризнанныя въ ихъ средѣ ученія. Многіе изъ нихъ такъ и умираютъ въ тюрьмахъ или на висѣлицахъ, вполнѣ увѣренные въ томъ, что они дѣйствовали въ духѣ именно этихъ ученій, между тѣмъ какъ въ сущности они были представителями новыхъ тенденцій, возникшихъ на почвѣ старыхъ теорій, но уже переросшихъ ихъ и готовыхъ найти новое теоретическое выраженіе. Такъ было и у насъ съ тѣхъ поръ, какъ окрѣпло «народовольческое» направленіе. Съ точки зрѣнія старыхъ народническихъ теорій направленіе это не выдерживало критики. Народничество стояло въ рѣзкомъ отрицательномъ отношеніи ко всякой государственной идеѣ; народовольцы разсчитывали осуществить свои соціально-реформаторскіе планы съ помощью государственной машины. Народничество открещивалось отъ всякой «политики»; народовольцы видѣли въ «демократическомъ политическомъ переворотѣ» самое надежное «средство соціальной реформы». Народничество основывало свою программу на такъ называемыхъ «идеалахъ» и требованіяхъ крестьянскаго населенія; народовольцы должны обращаться, главнымъ образомъ, къ городскому и промышленному населенію, а слѣдовательно и отвести интересамъ этого населенія несравненно болѣе широкое мѣсто въ своей программѣ. Словомъ, въ дѣйствительности, «народовольство» было новымъ и всестороннимъ отрицаніемъ народничества, и пока спорящія стороны аппелировали къ основнымъ положеніямъ послѣдняго, «новаторы» были совершенно неправы: ихъ практическая дѣятельность стояла въ непримиримомъ противорѣчіи съ ихъ теоретическими взглядами. Нуженъ былъ полный пересмотръ этихъ взглядовъ, чтобы придать программѣ «Народной Воли» характеръ цѣльности и послѣдовательности; практическая революціонная дѣятельность ея сторонниковъ должна была, по крайней мѣрѣ, *сопровождаться* теоретической революціей въ умахъ нашихъ соціалистовъ; взрывая Зимній дворецъ, нужно было вмѣстѣ съ тѣмъ взорвать и наши

старыя анархическія и народническія традиціи. Но «ходъ идей» и здѣсь отсталъ отъ «хода вещей», и пока еще трудно предвидѣть, когда онъ, наконецъ, его нагонитъ. Не рѣшаясь разорвать съ народничествомъ, новая фракція необходимо должна была прибѣгать къ фикціямъ, приносящимъ съ собою хоть кажущееся разрѣшеніе присущихъ ея программѣ противорѣчій. Идея русской самобытности получила новую переработку, и если прежде она вела къ полному отрицанію политики, то теперь оказывалось, что самобытность русскаго общественнаго развитія именно въ томъ и заключается, что экономическіе вопросы рѣшались и должны рѣшаться у насъ путемъ государственнаго вмѣшательства. Весьма распространенное у насъ въ Россіи незнакомство съ экономической исторіей Запада способствовало тому, что подобнаго рода «теоріи» никого не приводили въ изумленіе. Періодъ капиталистическаго накопленія въ Россіи противопоставлялся періоду капиталистическаго производства на Западѣ, и неизбѣжное несходство этихъ двухъ фазисовъ развитія экономической жизни приводилось, какъ убѣдительнѣйшее доказательство, во первыхъ, нашей самобытности, а во вторыхъ, обусловленной этой самобытностью цѣлесообразности «народовольческой программы».

Нужно-ли прибавлять, что наши революціонные писатели, какъ и большинство русскихъ писателей вообще, смотрѣли на «Западъ» съ точки зрѣнія еврейскаго мальчика въ извѣстномъ разсказѣ Вейнберга? Бѣдному школьнику весь свѣтъ казался подраздѣленнымъ на двѣ равныя части: «Россію и за-границу», при чемъ достойныя вниманія черты различія существовали для него лишь между этими «половинами» земного шара,—«заграница» же представлялась ему совершенно однообразнымъ цѣлымъ. Русскіе «самобытные» писатели сдѣлали въ этой остроумной географической классификаціи лишь одно нововведеніе: они подраздѣлили «за-границу» на Востокъ и Западъ и, не долго думая, принялись сравнивать этотъ послѣдній съ нашей «громкой державой», игравшей при этомъ роль какой-то «Срединной Имперіи». Историческое развитіе Италіи отождествлялось, такимъ образомъ, съ историческимъ развитіемъ Франціи, въ экономической политикѣ Англіи не усматривалось никакой разницы съ

экономической политикой Пруссіи, дѣятельность Кольбэра валилась въ одну кучу съ дѣятельностью Ричарда Кобдэна, своеобразно-«патріотическая» физіономія Фридрихъ Листа терялась въ толпѣ «западно-европейскихъ» политико-экономиковъ, старавшихся, по совѣту Тюрго, «забыть, что существуютъ на свѣтѣ государства, раздѣленныя границами и различно организованныя». Какъ всѣ кошки въ темнотѣ кажутся сѣрыми и совершенно походятъ другъ на друга, такъ и общественныя отношенія различныхъ государствъ« Запада» утрачивали всякія несходства при отраженномъ свѣтѣ нашей самобытности. Очевидно было одно: «Франки» давно уже «обуржуазились», между тѣмъ какъ «храбрые Россы» сохранили невинность «первыхъ человѣковъ» и, въ качествѣ избраннаго народа, идутъ самобытнымъ путемъ къ своему спасенію. Чтобы достигнуть обѣтованной земли, имъ нужно лишь неуклонно держаться этой стези самобытности и не удивляться тому, что программы русскихъ соціалистовъ стоятъ въ противорѣчіи съ научными положеніями западно-европейскаго соціализма, а иногда и со своими собственными посылками!

Типическимъ образчикомъ фикцій, наскоро придуманныхъ для соглашенія практической программы «Народной Воли» съ народническими теоріями, было извѣстное пророчество о томъ, что въ будущемъ русскомъ Учредительномъ Собраніи 90% депутатовъ явятся сторонниками соціальной революціи, если только мы добьемся всеобщаго избирательнаго права. Здѣсь теорія нашей самобытности дошла уже до Геркулесовыхъ столбовъ, за которыми ей грозила гибель со стороны самаго простого здраваго смысла. Народники «старой вѣры», твердо держась догмата «самобытности», допускали, все-таки, что эта самобытность нуждается еще въ нѣкоторой окончательной отдѣлкѣ. Одни находили, что у русскаго народа находится еще въ слишкомъ зачаточномъ состояніи бугоръ... виноваты! —чувство храбрости и независимости, другіе стремились къ тому, чтобы реализовать самобытное настроеніе русскаго народа въ видѣ не менѣе самобытной революціонной организаціи. Но всѣ одинаково признавали необходимость предварительной работы въ народѣ. Народовольцы пошли далѣе. Въ передовыхъ статьяхъ первыхъ-же №№ своего журнала они стали

развивать ту мысль, что такая работа, во-первыхъ, безплодна («биться въ народѣ, какъ рыба объ ледъ»), а во-вторыхъ, и излишня, потому что 90% депутатовъ, сочувствующихъ соціальной революціи, болѣе чѣмъ достаточно для осуществленія стремленій русскихъ народниковъ. Программа «Народной Воли» не могла придать себѣ народническаго характера иначе, какъ доводя до абсурда всѣ характеристическія особенности народническаго міросозерцанія.

Въ этомъ заключается отрицательная заслуга народовольческихъ фикцій. Онѣ будили критическую мысль русскихъ революціонеровъ, представляя имъ въ утрированномъ видѣ «самобытныя» черты ихъ народнической программы. Но едва-ли можно даже заводить рѣчь о положительной заслугѣ этихъ фикцій. Онѣ укрѣпляли временно энергію бойцовъ, нуждавшихся въ теоретическомъ обоснованіи своей практической дѣятельности, но сшитыя на живую нитку, они не выдерживали ни малѣйшаго прикосновенія серьезной критики, и своимъ паденіемъ компрометировали дѣло борьбы, которая велась подъ ихъ знаменемъ. Нанеся своею практическою дѣятельностью смертельный ударъ всѣмъ традиціямъ правовѣрнаго народничества и сдѣлавши такъ много для развитія революціоннаго движенія въ Россіи, Народная Воля не можетъ найти себѣ оправданія, да и не должна искать его, помимо современнаго научнаго соціализма. Но чтобы стать на эту новую точку зрѣнія, она должна подвергнуть очень серьезному пересмотру свою программу, такъ какъ теоретическіе промахи и пробѣлы этой программы не могли не придать ей извѣстной практической односторонности.

Прежде чѣмъ говорить, въ какомъ смыслѣ долженъ быть предпринятъ этотъ пересмотръ, постараемся, — согласно нашему плану, — выяснить отношеніе научнаго соціализма къ политическимъ движеніямъ рабочаго класса.

II

Но что такое научный соціализмъ? Подъ этимъ именемъ мы разумѣемъ то коммунистическое ученіе, которое начало вырабатываться въ началѣ сороковыхъ годовъ изъ утопическаго соціализма подъ сильнымъ вліяніемъ гегелевской философіи, съ одной стороны, и классической экономіи — съ другой; то ученіе, которое впервые дало реальное объясненіе всему ходу развитія человѣческой культуры, безжалостно разрушило софизмы теоретиковъ буржуазіи и «во всеоружіи знанія своего вѣка» выступило на защиту пролетаріата. Это ученіе не только съ полною ясностью показало всю научную несостоятельность противниковъ соціализма, но, указывая ошибки, оно въ то же время давало имъ историческое объясненіе и такимъ образомъ, какъ сказалъ нѣкогда Гаймъ о философіи Гегеля, «привязывало къ своей тріумфальной колесницѣ каждое побѣжденное имъ мнѣніе». Какъ Дарвинъ обогатилъ біологію поразительно простой и вмѣстѣ съ тѣмъ строго-научной теоріей происхожденія видовъ, такъ и основатели научнаго соціализма показали намъ въ развитіи производительныхъ силъ и въ борьбѣ этихъ силъ противъ отсталыхъ «общественныхъ условій производства» великій принципъ измѣненія *видовъ общественной организаціи*. Едва ли нужно говорить, кого считаемъ мы основателями этого соціализма. Заслуга эта безспорно принадлежитъ Карлу Марксу и Фридриху Энгельсу, ученіе которыхъ именно такъ относится къ современному революціонному движенію въ цивилизованномъ человѣчествѣ, какъ относилась когда-то, по словамъ одного изъ нихъ, передовая нѣмецкая философія къ освободительному движенію въ Германіи: оно составляетъ его *голову*, между тѣмъ какъ пролетаріатъ составляетъ его *сердце*. Но само собою разумѣется, что развитіе научнаго соціолизма еще не закончено и такъ-же мало можетъ остановиться на трудахъ Энгельса и Маркса, какъ теорія происхожденія видовъ могла считаться окончательно выработанной съ выходомъ въ свѣтъ главныхъ сочиненій англійскаго біолога. За установленіемъ основныхъ положеній новаго ученія должна послѣдовать детальная разработка относящихся къ нему вопросовъ, разработка, дополня-

ющая и завершающая переворотъ, совершенный въ наукѣ авторами «Коммунистическаго Манифеста». *) Нѣтъ ни одной отрасли соціологіи, которая не пріобрѣтала бы новаго и чрезвычайно обширнаго поля зрѣнія, усваивая ихъ философско-историческіе взгляды. Благотворное вліяніе этихъ взглядовъ и теперь уже начинаетъ сказываться въ области исторіи, права и такъ называемой первобытной культуры. Но эта философско-историческая сторона современнаго соціализма слишкомъ еще мало извѣстна у насъ въ Россіи, и потому мы считаемъ нелишнимъ сдѣлать здѣсь нѣсколько выписокъ, знакомящихъ съ нею читателя словами самого Маркса.

Ведя свою родословную между прочимъ «отъ Канта и Гегеля», научный соціализмъ является тѣмъ не менѣе самымъ смертельнымъ и рѣшительнымъ противникомъ идеализма. Онъ изгоняетъ его изъ его послѣдняго убѣжища — соціологіи, въ которой его принимали съ такимъ радушіемъ позитивисты. Научный соціализмъ предполагаетъ «матеріалистическое пониманіе исторіи», т. е, онъ объясняетъ духовную исторію человѣчества развитіемъ его общественныхъ отношеній (между прочимъ подъ вліяніемъ окружающей природы). Съ этой точки зрѣнія, какъ и съ точки зрѣнія Вико, «ходъ идей соотвѣтствуетъ ходу вещей», а не наоборотъ. Главной же причиной того или иного направленія ихъ развитія является состояніе производительныхъ силъ и соотвѣтствующая имъ экономическая структура общества. «Въ своей общественной жизни люди наталкиваются, говоритъ Марксъ,**) на извѣстныя, необходимыя, независящія отъ ихъ воли отношенія, именно на отношенія производства, соотвѣтствующія той или другой степени развитія производительныхъ силъ. Вся совокупность этихъ отношеній производ-

*) Прим. ко 2-му изданію. Впослѣдствіи г.г. «критики Маркса» упрекали насъ, «ортодоксовъ», въ томъ, что мы возставали противъ всякой попытки дальнѣйшаго развитія взглядовъ Маркса. Читатель видитъ, что я не обнаруживалъ склонности къ подобному возстанію. Но само собою разумѣется, что въ качествѣ ученика Маркса, понимавшаго великое значеніе его теоріи, я долженъ былъ возстать противъ всякой попытки замѣнить нѣкоторыя положенія марксизма старыми, давно отжившими буржуазными «догмами». И эту свою обязанность я исполнилъ, какъ могъ.

**) См. «Zur Kritik der Politischen Oekon.», Vorwort s. s. IV—VI

ства составляетъ экономическую структуру общества' реальный базисъ, на которомъ возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соотвѣтствуютъ извѣстныя формы общественнаго сознанія. Соотвѣтствующій матеріальной жизни способъ производства обусловливаетъ собою процессы соціальной, политической и духовной жизни вообще. Не понятія опредѣляютъ общественную жизнь людей, но наоборотъ, ихъ общественная жизнь обусловливаетъ собою ихъ понятія... Правовыя отношенія, равно какъ и формы государственной жизни, не могутъ быть объяснены ни сами собою, ни такъ называемымъ общимъ развитіемъ человѣческаго духа, но коренятся въ матеріальныхъ условіяхъ жизни, совокупность которыхъ Гегель, по примѣру англичанъ и французовъ 18 столѣтія, обозначилъ именемъ гражданскаго общества; анатомію же гражданскаго общества нужно искать въ его экономіи... На извѣстной ступени своего развитія матеріальныя производительныя силы общества приходятъ въ столкновеніе съ существующими отношеніями производства, или—говоря юридическимъ языкомъ—съ имущественными отношеніями, внутри которыхъ онѣ до тѣхъ поръ вращались. Изъ формъ, способствующихъ развитію производительныхъ силъ, эти имущественныя отношенія дѣлаются его тормазами. Тогда наступаетъ эпоха соціальной революціи. Съ измѣненіемъ экономическаго основанія измѣняется болѣе или менѣе быстро вся возвышающаяся на немъ огромная надстройка. Ни одна общественная формація не исчезаетъ раньше, чѣмъ разовьются всѣ производительныя силы, которымъ она предоставляетъ достаточно простора; и новыя высшія отношенія производства никогда не занимаютъ мѣста старыхъ раньше, чѣмъ выработаются въ нѣдрахъ стараго общества матеріальныя условія ихъ существованія. Поэтому можно сказать, что человѣчество всегда ставитъ себѣ лишь исполнимыя задачи, ибо, при внимательномъ разсмотрѣніи, всегда оказывается, что самая задача является лишь тамъ, гдѣ матеріальныя условія ея рѣшенія уже существуютъ или находятся въ процессѣ своего возникновенія».

Теперь понятно, почему Марксъ и Энгельсъ отзывались съ такой презрительной насмѣшкой объ «истинныхъ соціалистахъ» Германіи конца сороковыхъ годовъ, ставшихъ въ отрицательное отношеніе къ

борьбѣ нѣмецкой буржуазіи противъ абсолютизма и «проповѣдующихъ народной массѣ, что въ этомъ буржуазномъ движеніи она ничего не можетъ выиграть, но рискуетъ все потерять». Историческое ученіе Маркса и Энгельса представляетъ собою настоящую «алгебру революціи», какъ выразился когда-то Герценъ о философіи Гегеля. Поэтому они сочувствовали «всякому революціонному движенію противъ существующихъ общественныхъ и политическихъ отношеній»; потому же они отнеслись съ горячимъ сочувствіемъ и къ руссому движенію, сдѣлавшему Россію, по ихъ выраженію, передовымъ отрядомъ европейской революціи.

Но, несмотря на всю ихъ ясность и недвусмысленность, взгляды Маркса подали, однако, поводъ ко многимъ недоразумѣніямъ въ области революціонной теоріи и практики. Такъ, напримѣръ, у насъ часто говорятъ, что теоріи научнаго соціализма непримѣнимы къ Россіи, потому что онѣ выросли на почвѣ западно-европейскихъ экономическихъ отношеній. Ученію Маркса подсказывается тотъ смѣшной выводъ, что Россія должна пройти совершенно тѣ-же фазы историко-экономическаго развитія, которыя были пройдены Западомъ. Подъ вліяніемъ убѣжденія въ неизбѣжности этого вывода, уже не одинъ русскій философъ, незнакомый ни съ Марксомъ, ни съ исторіей Западной Европы, ополчался на автора «Капитала», обвиняя его въ узости и шаблонности взглядовъ. Но, разумѣется, это была борьба съ вѣтряными мельницами. Наши донъ-Кихоты не понимали, что исторія западно-европейскихъ отношеній положена Марксомъ лишь въ основу *исторіи капиталистическаго производства*, которое родилось и выросло именно въ этой части свѣта. Общіе философско-историческіе взгляды Маркса имѣютъ ровно такое же отношеніе къ современной Западной Европѣ, какъ къ Греціи и Риму, Индіи и Египту. Они обнимаютъ всю культурную исторію человѣчества и могутъ быть непримѣнимы къ Россіи только въ случаѣ ихъ общей несостоятельности. Само собою понятно, что ни авторъ «Капитала», ни его знаменитый другъ и сотрудникъ не исключаютъ изъ своего поля зрѣнія экономическихъ особенностей той или другой страны; они только ищутъ въ нихъ объясненія всѣхъ ея общественно-политическихъ и

умственныхъ движеній. Что они не игнорируютъ значенія нашей поземельной общины, видно уже изъ того обстоятельства, что не далѣе какъ въ январѣ 1882 года, они не считали возможнымъ сдѣлать рѣшительное предсказаніе относительно ея будущей судьбы. Въ предисловіи къ нашему переводу «Манифеста коммунистической партіи» (Женева, 1882 г.), они даже прямо говорятъ, что русская община можетъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, «непосредственно перейти въ высшую коммунистическую форму землевладѣнія». Эти обстоятельства стоятъ, по ихъ мнѣнію, въ тѣсной связи съ ходомъ революціоннаго движенія на западѣ Европы и въ Россіи. «Если русская революція — говорятъ они — послужитъ сигналомъ рабочей революціи на Западѣ, такъ что обѣ онѣ пополнятъ другъ друга, то современное русское землевладѣніе можетъ явиться исходнымъ пунктомъ коммунистическаго развитія» (Ман. ком. партіи, VIII). Едва-ли хоть одному «народнику» придетъ въ голову отрицать такого рода условность рѣшенія вопроса объ общинѣ. Едва ли кто нибудь можетъ утверждать, что гнетъ современнаго государства благопріятенъ для развитія или хотя бы для сохраненія поземельной общины. Точно также, едва ли хоть одинъ человѣкъ, понимающій значеніе международныхъ отношеній въ экономической жизни современныхъ цивилизованыхъ обществъ, можетъ отрицать, что развитіе русской общины «въ высшую коммунистическую форму» тѣсно связано съ судьбою рабочаго движенія на Западѣ. Оказывается, такимъ образомъ, что во взглядѣ Маркса на Россію нѣтъ ничего противорѣчащаго самой очевидной дѣйствительности, и нелѣпый предразсудокъ относительно его крайняго «западничества» лишается всякой тѣни разумнаго основанія.

Но существуетъ другое недоразумѣніе, которое непосредственно касается интересующаго насъ вопроса о значеніи политической борьбы въ дѣлѣ переустройства соціальныхъ отношеній и коренится въ ошибочномъ пониманіи взгляда Маркса на роль экономическаго фактора въ развитіи человѣческой культуры. Взглядъ этотъ часто истолковывался многими въ томъ смыслѣ, что авторъ «Капитала» придаетъ политическому строю общества лишь самое ничтожное значеніе, считаетъ его незаслуживающею вниманія второ-

степенною частностью, которая не можетъ служить не только цѣлью, но даже и средствомъ плодотворной дѣятельности. Нерѣдко и до сихъ поръ можно встрѣтить у насъ «марксистовъ», которые именно на этомъ основаніи игнорируютъ политическія задачи соціализма. Экономическія отношенія, говорятъ они, лежатъ въ основаніи всякой общественной организаціи. Измѣненіе этихъ отношеній составляетъ причину всякаго политическаго переустройства. Чтобы освободиться отъ ига капитала, рабочій классъ долженъ имѣть въ виду не слѣдствіе, а причину, не политическую, а экономическую организацію общества. Политическая организація не приблизитъ рабочихъ къ ихъ цѣли, такъ какъ ихъ политическое порабощеніе будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока не будетъ устранена экономическая зависимость ихъ отъ имущихъ классовъ. Употребляемыя рабочими *средства* борьбы должны быть приведены въ соотвѣтствіе съ ея *цѣлью*. Экономическая революція можетъ быть достигнута только путемъ борьбы на экономической же почвѣ.

При нѣкоторой послѣдовательности, понимаемый такимъ образомъ «марксизмъ» долженъ былъ бы измѣнить самый взглядъ соціалистовъ на цѣли и средства соціальной революціи и вернуть ихъ къ знаменитой формулѣ Прудона: «политическая революція — цѣль, экономическая революція — средство». Точно также онъ долженъ былъ бы значительно сблизить, по крайней мѣрѣ въ теоріи, соціалистовъ-революціонеровъ съ послѣдователями «консервативнаго соціализма», который такъ рѣшительно противится политической самодѣятельности рабочаго класса. Послѣдній честный и умный послѣдователь этого соціализма, Родбертусъ, именно потому и не сошелся съ Лассалемъ, что знаменитый агитаторъ старался выдвинуть нѣмецкихъ рабочихъ на путь самостоятельной политической дѣятельности. Не Марксъ, а Родбертусъ, не *революціонный*, а *консервативный*, *монархическій* соціализмъ отрицаетъ значеніе «политическихъ примѣсей къ революціоннымъ цѣлямъ» рабочаго класса. И консерваторы прекрасно понимаютъ, почему они такъ дѣлаютъ; но тѣ, которые хотятъ примирить революціонное движеніе рабочаго класса съ отрицаніемъ «политики», тѣ, которые подсказываютъ Марксу практическія тен-

денціи Прудона или даже Родбертуса, — наглядно показываютъ, что они не понимаютъ автора «Капитала» или сознательно извращаютъ его ученіе. Мы говоримъ о сознательномъ извращеніи, потому что извѣстная книга московскаго профессора, г. Иванюкова, есть ничто иное, какъ именно такое сознательное извращеніе всѣхъ слѣдствій, вытекающихъ изъ основныхъ положеній научнаго соціализма. Книга эта показываетъ, что наши русскіе *полицей*-соціалисты не прочь эксплуатировать для своихъ реакціонныхъ цѣлей даже такую теорію, подъ знаменемъ которой совершается самое революціонное движеніе нашего вѣка. Одно это обстоятельство могло бы сдѣлать необходимымъ подробное выясненіе *политической* программы современнаго соціализма. Мы и приступимъ теперь къ этому выясненію, не пускаясь, однако, ни въ какую полемику съ гг. Иванюковыми, такъ какъ достаточно выяснить истинный смыслъ той или другой теоріи, чтобы тѣмъ самымъ опровергнуть умышленныя ея искаженія. При томъ же насъ гораздо болѣе интересуютъ здѣсь тѣ революціонеры, которые, при всей искренности своихъ стремленій, слишкомъ еще пропитаны, хотя быть можетъ и безсознательно, анархическими ученіями, и потому готовы видѣть въ сочиненіяхъ Маркса мысли, умѣстныя только въ «Общихъ идеяхъ революціи въ XIX вѣкѣ». Критика выводовъ, сдѣланныхъ ими изъ философско-историческихъ взглядовъ Маркса, логически приведетъ насъ къ вопросу о такъ называемомъ *захватѣ власти* и покажетъ намъ, насколько правы тѣ, которые усматриваютъ въ этомъ актѣ какое-то преступленіе противъ идеи человѣческой свободы, а равно и тѣ, которые, наоборотъ, видятъ въ немъ альфу и омегу всего соціально-революціоннаго движенія.

Посмотримъ, прежде всего, какое значеніе имѣютъ понятія о причинѣ и слѣдствіи въ примѣненіи къ общественнымъ отношеніямъ.

Если мы толкнемъ рукой или кіемъ билліардный шаръ, то онъ придетъ въ движеніе; если мы ударимъ сталью о камень, то появится искра. Въ каждомъ изъ такихъ случаевъ очень легко опредѣлить, какое явленіе служитъ причиной и какое—слѣдствіемъ. Но эта легкость рѣшенія задачи обусловливается лишь крайнею ея простотою. Если вмѣсто двухъ одиноко

стоящихъ явленій, мы возьмемъ процессъ, въ которомъ одновременно замѣчается, нѣсколько явленій, или даже нѣсколько рядовъ явленій то дѣло значительно усложнится. Такъ, напримѣръ, горѣніе свѣчи есть, относительно говоря, довольно сложный процессъ, въ результатѣ котораго является свѣтъ и теплота. Казалось бы, поэтому, что мы безо всякаго риска ошибиться, можемъ назвать выдѣляемую пламенемъ теплоту однимъ изъ слѣдствій этого химическаго процесса. Такъ оно и есть до извѣстной степени. Но если бы какимъ нибудь способомъ мы ухитрились лишить пламя выдѣляемой имъ теплоты, то горѣніе тотчасъ прекратилось бы, такъ какъ интересующій насъ процессъ не можетъ происходить при обыкновенной температурѣ. Поэтому оказался бы до извѣстной степени правымъ и тотъ, кто сказалъ бы, что теплота есть *причина* горѣнія. Чтобы не уклоняться отъ истины ни въ ту, ни въ другую сторону, мы должны были бы сказать, что теплота, явившаяся въ данный моментъ *слѣдствіемъ* горѣнія, въ слѣдующій затѣмъ моментъ является его *причиной*. Значитъ, по отношенію къ процессу горѣнія въ продолженіе нѣсколькихъ моментовъ, мы должны сказать, что теплота является *и слѣдствіемъ* его *и причиной*, или, другими словами, *ни слѣдствіемъ, ни причиной*, а просто однимъ изъ явленій, вызываемыхъ этимъ процессомъ и, въ свою очередь, составляющихъ необходимое для него условіе. Возьмемъ другой примѣръ. Всякому, «даже не обучавшемуся въ семинаріи», извѣстно, что такъ называемые растительные процессы человѣческаго организма оказываютъ огромное вліяніе на психическія явленія. То или другое настроеніе духа оказывается *слѣдствіемъ* того или другого физическаго состоянія организма. Но разъ существуетъ извѣстное настроеніе духа, то самые растительные процессы часто испытываютъ на себѣ его вліяніе, и оно дѣлается, такимъ образомъ, *причиной* тѣхъ или другихъ измѣненій въ физическомъ состояніи организма. Чтобы и здѣсь не погрѣшить ни въ ту, ни въ другую сторону, мы должны сказать, что психическія явленія и растительная жизнь организма представляютъ собою два ряда сосуществующихъ процессовъ, при чемъ каждый изъ этихъ рядовъ испытываетъ вліяніе другого. И если бы какой нибудь медикъ сталъ игнорировать

психическія вліянія на томъ основаніи, что душевное настроеніе человѣка есть слѣдствіе физическаго состоянія его организма, мы сказали бы, что школьная логика лишила его всякой способности къ разумной медицинской практикѣ.

Общественная жизнь отличается еще большею сложностью, чѣмъ жизнь индивидуальнаго организма. Поэтому, въ ней еще болѣе замѣтна относительность понятій о причинѣ и слѣдствіи. По ученію классической экономіи, высота заработной платы опредѣляется, въ среднемъ выводѣ, уровнемъ насущнѣйшихъ потребностей рабочаго. Значитъ, данная высота заработной платы есть *слѣдствіе* даннаго состоянія потребностей рабочаго. Но, съ своей стороны, потребности эти могутъ повыситься лишь въ случаѣ повышенія заработной платы, потому что иначе не было бы достаточной причины для измѣненія ихъ уровня. Слѣдовательно, данная высота заработной платы есть *причина* даннаго состоянія потребностей рабочаго. Изъ этого логическаго круга нельзя вырваться съ помощью школьныхъ категорій причины и слѣдствія. А мы будемъ попадать въ него на каждомъ шагу нашихъ соціологическихъ разсужденій, если забудемъ, что «причина и слѣдствіе суть понятія, имѣющія значеніе лишь въ примѣненіи къ отдѣльнымъ случаямъ; но разъ мы разсматриваемъ этотъ случай въ его общей міровой связи, то причина и слѣдствіе совпадаютъ, ихъ противоположность исчезаетъ при созерцаніи всемірнаго взаимодѣйствія, въ которомъ причина и слѣдствіе постоянно мѣняются мѣстами, и то, что теперь или здѣсь — слѣдствіе, станетъ тамъ или тогда причиной, и наоборотъ» (Фр. Энгельсъ) *).

Сдѣлавши эту оговорку, постараемся опредѣлить теперь, въ какомъ смыслѣ нужно понимать причинную связь между экономическими отношеніями и политическимъ строемъ даннаго общества.

Чему учитъ насъ, въ этомъ случаѣ, исторія? Она показываетъ намъ, что всегда и вездѣ, гдѣ процессъ экономическаго развитія вызывалъ расчлененіе общества на классы, — противорѣчіе интересовъ этихъ классовъ неизбѣжно приводило ихъ къ борьбѣ за политическое господство. Эта борьба возникала не только

*) См. Herrn Eugen Duehring's Umwaelzung der Wissenschaft s. 6.

между различными слоями господствующихъ классовъ, но также между этими классами, съ одной стороны, и народомъ — съ другой, если только послѣдній былъ поставленъ въ условія, хоть немного благопріятныя для его умственнаго развитія. Въ государствахъ древняго Востока мы видимъ борьбу между воинами и жрецами; весь драматизмъ исторіи античнаго міра заключается въ борьбѣ аристократіи и демоса, патриціевъ и плебеевъ; средніе вѣка выдвигаютъ горожанъ, которые стремятся завоевать политическое господство въ предѣлахъ своихъ коммунъ; наконецъ, современный рабочій классъ ведетъ политическую борьбу съ буржуазіей, достигшей полнаго господства въ новѣйшемъ государствѣ. Всегда и вездѣ политическая власть была рычагомъ, съ помощью котораго добившійся господства классъ совершалъ общественный переворотъ, необходимый для его благосостоянія и дальнѣйшаго развитія. Чтобы не заходить далеко, вспомнимъ исторію «третьяго сословія», этого класса, который съ гордостью можетъ смотрѣть на свое прошлое, полное блестящихъ завоеваній во всѣхъ отрасляхъ жизни и мысли. Едва ли кому нибудь можетъ придти въ голову упрекнуть буржуазію въ отсутствіи такта и умѣнья достигать своихъ цѣлей наиболѣе подходящими средствами. Никто не станетъ также отрицать, что ея стремленія имѣли вполнѣ опредѣленный экономическій характеръ. Это не помѣшало ей, однако, вступить на путь политической борьбы и политическихъ завоеваній. То съ оружіемъ въ рукахъ, то путемъ мирныхъ договоровъ, то во имя республиканской независимости своихъ городовъ, то во имя усиленія королевской власти — нарождающаяся буржуазія вела въ теченіе цѣлыхъ столѣтій безпрерывную, упорную борьбу съ феодализмомъ, и уже задолго до французской революціи могла съ гордостью указывать врагамъ на свои успѣхи. «Различны были шансы и неодинаковъ успѣхъ въ великой борьбѣ горожанъ противъ феодаловъ — говоритъ историкъ *) — и не только сумма вольностей, вырванныхъ силою или полученныхъ путемъ мирнаго соглашенія, была не повсюду одинакова, но даже и при однѣхъ и тѣхъ же политическихъ формахъ города пользовались часто различною степенью свободы и независимости». Тѣмъ не менѣе смыслъ движенія

*) См. Essai sur l'histoire du Tiers Etat, par Aug. Thierry, p. 33-34.

былъ тождественъ повсюду и знаменовалъ собою начало соціальной эмансипаціи третьяго сословія и упадка аристократіи, свѣтской и духовной *). Въ общемъ, это движеніе принесло горожанамъ «муниципальную независимость, право выбора всѣхъ мѣстныхъ властей, точную опредѣленность въ повинностяхъ», обезпечило права личности внутри городскихъ коммунъ**), дало буржуазіи болѣе высокое положеніе въ сословныхъ государствахъ «стараго режима», и рядомъ постоянныхъ завоеваній привело ее, наконецъ, къ полному господству въ современномъ обществѣ. Ставя себѣ совершенно опредѣленныя, хотя современемъ и измѣняющіяся, соціально-экономичевкія цѣли, почерпая средства для своей дальнѣйшей борьбы изъ пріобрѣтенныхъ уже выгодъ своего матеріальнаго положенія, буржуазія не уступила ни одного случая дать правовое выраженіе достигнутымъ ею ступенямъ экономическаго прогресса и, наоборотъ, съ такимъ же искусствомъ пользовалась каждымъ своимъ политическимъ пріобрѣтеніемъ для новыхъ завоеваній въ области экономической жизни. Не далѣе, какъ въ половинѣ сороковыхъ годовъ текущаго столѣтія, англійская «Лига противъ хлѣбныхъ законовъ» добивалась, по остроумному плану Ричарда Кобдена, усиленія своего *политическаго* вліянія въ «графствахъ» ради отмѣны ненавистной ей «монополіи», имѣвшей, повидимому, исключительно *экономическій* характеръ.

Исторія есть величайшій діалектикъ, и если, въ ходѣ ея движенія, разумъ превращается, по выраженію Мефистофеля, въ безсмыслицу, а благодѣяніе становится источникомъ страданій, — то не менѣе часто въ историческомъ процессѣ слѣдствіе становится

*) Сторонники феодализма прекрасно понимали цѣли горожанъ и связь ихъ политическихъ и экономическихъ требованій. «Коммуна есть слово новое и гнусное — говритъ аббатъ Гиберъ — и вотъ что оно означаетъ: люди, обязанные нести повинности, платятъ своему господину должную ими ренту одинъ только разъ въ годъ. Когда они совершаютъ какое нибудь преступленіе, они платятъ установленный закономъ штрафъ; а что касается денежныхъ обложеній, которымъ подвергаются обыкновенно крѣпостные, то они освобождаются отъ нихъ совершенно». Laurent, la féodalité et l'église. p. 546.

**) Лютихскій Статутъ установляетъ принципъ неприкосновенности жилища въ слѣдующемъ энергическомъ выраженіи: «*Бѣднякъ въ своемъ жилищѣ — король*». Laurent, Ibid, p. 540.

причиной, а причина оказывается слѣдствіемъ. Выростая изъ экономическихъ отношеній современнаго ему общества, политическое могущество буржуазіи, въ свою очередь, служило и служитъ незамѣнимымъ факторомъ дальнѣйшаго развитія этихъ отношеній.

Теперь, когда буржуазія близится къ окончанію своей исторической роли и пролетаріатъ становится единственнымъ представителемъ прогрессивныхъ стремленій въ обществѣ, мы можемъ наблюдать явленіе аналогичное вышеуказанному, хотя и совершающееся при измѣнившихся условіяхъ. Во всѣхъ передовыхъ государствахъ цивилизованнаго міра, въ Европѣ такъ же, какъ и въ Америкѣ, рабочій классъ выступаетъ на поприще политической борьбы, и чѣмъ сознательнѣе относится онъ къ своимъ экономическимъ задачамъ, тѣмъ рѣшительнѣе выдѣляется онъ въ особую политическую партію. «Такъ какъ существующія нынѣ политическія партіи всегда дѣйствовали лишь въ интересахъ имущихъ для охраненія ихъ экономическихъ привилегій — читаемъ мы въ программѣ Сѣверо-Американской соціалистической рабочей партіи — то рабочій классъ обязанъ организоваться въ большую рабочую партію, чтобы *добиться политической силы въ государствѣ* и завоевать, съ ея помощью, экономическую независимость, потому что освобожденіе рабчаго класса можетъ быть совершено лишь самими рабочими»*). Въ томъ же духѣ и вполнѣ согласно съ программой нѣмецкой соціаль-демократіи высказывается французская рабочая партія, которая признаетъ, что пролетаріатъ долженъ стремиться къ экономической революціи «всѣми зависящими отъ него средствами, не исключая и всеобщаго избирательнаго права, превращаемаго, такимъ образомъ, изъ орудія обмана, какимъ оно было до сихъ поръ, *въ орудіе освобожденія*». Испанская рабочая партія также стремится къ «завоеванію политической власти» для устраненія препятствій, стоящихъ на пути къ освобожденію рабочаго класса**).

Въ Англіи, гдѣ, со времени прекращенія чартистскаго движенія, борьба пролетаріата сосредоточива-

*) Von Studnitz, Nordamerikanische Arbeiterverhaeltnisse, s. 353.

**) Мы цитируемъ эту программу по книгѣ Б. Малона — Le nouveau parti, t. I, p. 15.

ется исключительно на экономической почвѣ, — политическія стремленія рабочихъ начинаютъ снова оживать въ послѣднее время. Не далѣе, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ нѣмецкій экономистъ Луи Брентано съ торжествомъ констатировалъ въ своей книгѣ «Das Arbeitsverhältniss etc.» полное исчезновеніе «соціальдемократическихъ» тенденцій въ Англіи и съ истинно-буржуазнымъ самодовольствомъ глубокомысленно философствовалъ на ту тему, что «въ настоящее время Англія снова образуетъ *одну* націю, что «современные англійскіе рабочіе снова составляютъ часть великой либеральной партіи», а не стремятся къ захвату государственной власти, чтобы съ ея помощью «перестроить общество въ своихъ интересахъ» (стр. 110). Опубликованный недавно манифестъ англійской «демократической федераціи» показываетъ, что радость буржуазнаго экономиста была нѣсколько преждевременна. Демократическая федерація стремится вызвать политическое отдѣленіе эксплуатируемыхъ отъ эксплуататоровъ, и приглашаетъ первую изъ этихъ «націй» именно къ захвату государственной власти съ цѣлью переустройства общества въ интересахъ рабочихъ.

«Пришло время, — говоритъ названный манифестъ, — когда народная масса необходимо должна взять въ свои собственныя руки завѣдываніе касающимися ея дѣлами; политическая и соціальная сила представляетъ собою въ настоящее время монополію людей, живущихъ трудомъ своихъ согражданъ. Землевладѣльцы и капиталисты, завладѣвшіе Верхней Палатой и пополняющіе нижнюю, стремятся лишь къ охраненію своихъ собственныхъ интересовъ. Возьмите свою судьбу въ свои собственныя руки, устраните этихъ богатыхъ паразитовъ обѣихъ группъ и разсчитывайте только на самихъ себя!» Манифестъ требуетъ «*полнаго права голосованія для всѣхъ взрослыхъ мужчинъ и женщинъ*» Соединеннаго Королевства, и другихъ политичекихъ реформъ, осуществленіе которыхъ «показало бы только, что мужчины и женщины этой страны стали господами у себя дома». Далѣе перечисляется, — въ качествѣ ближайшихъ требованій англійской демократической федераціи, — цѣлый рядъ мѣръ, необходимыхъ для развитія «здороваго, независимаго и серьезно образованнаго поколѣнія, готоваго организовать трудъ каждаго на пользу всѣхъ и *овладѣть*, *наконецъ*, *всей со-*

ціально-политической машиной государства, въ которомъ перестанутъ тогда существовать классовыя различія и привилегіи».

Такимъ образомъ и англійскій пролетаріатъ снова выступаетъ на тотъ путь, на который давно уже вышли работники другихъ цивилизованныхъ государствъ.

Но подобно тому, какъ буржуазія не только боролась съ аристократіей на почвѣ существующихъ уже политическихъ отношеній, а стремилась также перестроить эти отношенія въ своихъ интересахъ, пролетаріатъ не ограничиваетъ евою политическую программу захватомъ современной государственной машины. Въ его средѣ все болѣе и болѣе распространяется убѣжденіе въ томъ, что «каждый порядокъ вещей, опредѣляющій взаимное положеніе гражданъ и ихъ имущественныя и трудовыя отношенія, соотвѣтствуетъ особой формѣ правленія, которая служитъ для него средствомъ осуществленія и сохраненія въ одно и то же время» *). Между тѣмъ, какъ представительная (монархическая или республиканская) система была дѣтищемъ буржуазіи, пролетаріатъ требуетъ *прямого народнаго законодательства*, какъ единственной политической формы, при которой возможно осуществленіе его соціальныхъ стремленій. Это требованіе рабочаго класса занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ программѣ соціальной демократіи всѣхъ странъ и стоитъ въ самой тѣсной связи со всѣми остальными пунктами ея программы**). Вопреки Прудону, пролетаріатъ продолжаетъ смотрѣть на «политическую революцію», какъ на самое могущественное средство достиженія экономическаго переворота.

Уже одно это свидѣтельство исторіи должно было бы предрасположить насъ къ той мысли, что не ошибочная теорія, а вѣрный практическій инстинктъ лежитъ въ основѣ политическихъ тенденцій различныхъ общественныхъ классовъ. Если несмотря на полное несходство въ другихъ отношеніяхъ, всѣ классы, ве-

---

*) См. Sozialdemokratische Abhandlungen, von M. Ritinghausen, dritts Helf, ueber die Nothwendigkeit der dirckten Gesetzgebung durch das Volk. S. 3.

**) См. Программу нѣмецкой и сѣверо-американской рабочихъ партій. Манифестъ англійской демократической партіи также требуетъ «прямого голосованія по всѣмъ важнымъ вопросамъ».

дущіе сознательную борьбу съ своими противниками, начинаютъ на извѣстной стадіи своего развитія стремиться обезпечить себѣ политическое вліяніе, а затѣмъ и господство — то ясно, что политическій строй общества представляетъ собою далеко не безразличное условіе для ихъ развитія. А если мы видимъ, кромѣ того, что ни одинъ классъ, добившійся политическаго господства, не имѣетъ причинъ раскаиваться въ своемъ интересѣ къ «политикѣ»; если, напротивъ, каждый изъ нихъ достигалъ высшей, кульминаціонной точки своего развитія лишь послѣ того, какъ онъ пріобрѣталъ политическое господство, то мы должны признать, что политическая борьба представляетъ собою такое средство соціальнаго переустройства, годность котораго доказана исторіей. Всякое ученіе, противорѣчащее этой исторической индукціи, лишается значительной доли убѣдительности, и если бы современный соціализмъ дѣйствительно осуждалъ политическія стремленія рабочаго класса, какъ нецѣлесообразныя, то уже по одному этому онъ не могъ бы назваться научнымъ.

Провѣримъ теперь наше наведеніе дедуктивнымъ путемъ, принимая философско-историческіе взгляды Маркса за посылки для нашихъ выводовъ.

Представимъ себѣ общество, въ которомъ данный классъ пользуется полнымъ господствомъ. Онъ добился этого господства, благодаря преимуществамъ своего экономическаго положенія, которыя открываютъ, согласно нашимъ посылкамъ, путь ко всѣмъ другимъ успѣхамъ общественной жизни. Въ качествѣ *господствующаго* класса, онъ, разумѣется, приспособляетъ общественную организацію къ наиболѣе выгоднымъ условіямъ своего существованія и тщательно устраняетъ изъ нея все, что можетъ такъ или иначе ослабить его вліяніе. «Господствующій классъ каждаго даннаго періода — справедливо говоритъ Шэффле — есть также и творецъ его права и обычаевъ. Его члены повинуются лишь инстинкту самосохраненія, когда они стараются упрочить свое господство и удержать его на возможно болѣе продолжительное время за своими потомками, какъ необходимое условіе ихъ привиллегированнаго положенія и средство эксплуатаціи угнетенныхъ... Почти ни одна часть положительнаго права не пользуется такимъ почетомъ со стороны гос-

подствующихъ сословій даннаго времени, ни одной не приписывается въ такой степени характеръ «вѣчныхъ» институтовъ или даже «священныхъ» основъ общества, какъ той, которая упрочиваетъ сословныя права и защищаетъ классовое господство»*). И до тѣхъ поръ, пока господствующій классъ будетъ носителемъ наиболѣе прогрессивныхъ общественныхъ идеаловъ, созданный имъ строй будетъ удовлетворять всѣмъ требованіямъ соціальнаго развитія. Но какъ только экономическая исторія даннаго общества выдвинетъ новые элементы поступательнаго движенія, какъ только его «производительныя силы придутъ въ столкновеніе съ существующими отношеніями производства — или говоря юридическимъ языкомъ — съ имущественными отношеніями, внутри которыхъ онѣ до тѣхъ поръ вращались», прогрессивная роль даннаго господствующаго класса будетъ окончена. Изъ представителя прогресса онъ сдѣлается заклятымъ его врагомъ и, разумѣется, воспользуется государственной машиной съ цѣлью самообороны. Политическая власть сдѣлается въ его рукахъ самымъ могучимъ орудіемъ реакціи. Чтобы открыть свободный путь развитію производительныхъ силъ общества, необходимо устранить тормозящія это развитіе имущественныя отношенія, т. е. произвести, какъ говоритъ Марксъ, соціальную революцію. Но это невозможно до тѣхъ поръ, пока законодательная власть находится въ рукахъ представителей стараго порядка, т. е. говоря другими словами, пока она охраняетъ интересы господствующаго класса. Неудивительно, поэтому, что новаторы, т. е. представители угнетеннаго класса или классовъ, будутъ стремиться выбить изъ рукъ своихъ противниковъ и обратить противъ нихъ это страшное оружіе. Сама логика вещей выдвинетъ ихъ на путь политической борьбы и захвата государственной власти, хотя они и задаются цѣлью экономическаго переворота. Лассаль сказалъ глубокую истину, когда замѣтилъ въ предисловіи къ своей «Системѣ пріобрѣтенныхъ правъ», что «тамъ, гдѣ юридическія отношенія, переходя въ область частнаго права, теряютъ,

*) См. Шэффле Bau und Leben des soc. Koerpers B. Ш., s. s. 91 u. 102.

повидимому, всякую связь съ политикой, въ нихъ *оказывается гораздо болѣе политическаго, чѣмъ въ самой политикѣ*, потому что они представляютъ собою тогда элементъ *соціальный*»*).

Въ практической жизни дѣло происходитъ, конечно, далеко не такъ скоро, какъ это можно было бы предположить, разсуждая a priori. Угнетенный классъ лишь постепенно уясняетъ себѣ связь между *экономическимъ* положеніемъ и своею *политическою* ролью въ государствѣ. Долгое время онъ не понимаетъ во всей ея полнотѣ даже своей экономической задачи. Составляющіе его индивидуумы ведутъ тяжелую борьбу за все повседневное существованіе, не задумываясь даже о томъ, какимъ сторонамъ общественной организаціи обязаны они своимъ бѣдственнымъ положеніемъ. Они стараются избѣгать наносимыхъ имъ ударовъ, не спрашивая себя, откуда и кѣмъ направляются, въ послѣднемъ счетѣ, эти удары. Въ нихъ нѣтъ еще классового сознанія, въ ихъ борьбѣ противъ отдѣльныхъ угнетателей нѣтъ никакой руководящей идеи. Угнетенный классъ еще не существуетъ *для себя*; онъ *будетъ* современемъ передовымъ классомъ общества, но онъ еще не *становится* имъ. Сознательно-организованной силѣ господствующаго класса противостоятъ лишь разрозненныя, единичныя стремленія отдѣльныхъ личностей или отдѣльныхъ группъ личностей. Такъ, напр., и теперь еще не рѣдкость встрѣтить рабочаго, который ненавидитъ особенно энергичнаго эксплуататора, но не подозрѣваетъ еще необходимости борьбы противъ цѣлаго класса эксплуататоровъ и устраненія самой возможности эксплуатаціи человѣка человѣкомъ.

Мало по малу процессъ обобщенія дѣлаетъ, однако, свое дѣло, и угнетенные начинаютъ сознавать себя классомъ. Но они еще слишкомъ односторонне понимаютъ особенности своего классового положенія; пружины и двигатели общественнаго механизма, въ его цѣломъ, остаются еще скрытыми отъ ихъ умственныхъ взоровъ. Классъ эксплуататоровъ представляется имъ простою совокупностью отдѣльныхъ предпринимателей, не связанныхъ нитями политической *организаціи*. На

*) См. System der erworbenen Rechte, Leipzig, 1880, erster Theil Vorrede, s. VII.

этой ступени развитія въ понятіяхъ угнетенныхъ, какъ и въ головѣ профессора Лоренца фонъ Штейна, не ясна еще связь между «обществомъ» и «государствомъ». Предполагается, что государственная власть стоитъ выше антагонизма классовъ, ея представители кажутся естественными судьями и примирителями враждующихъ сторонъ. Угнетенный классъ относится къ нимъ съ полнымъ довѣріемъ и приходитъ въ большое удивленіе, когда обращенныя къ нимъ съ его стороны просьбы о помощи остаются безъ отвѣта. Не останавливаясь на частныхъ примѣрахъ, мы замѣтимъ только, что подобная путаница понятій обнаруживалась до послѣдняго времени англійскими рабочими, которые вели весьма энергичную борьбу на экономической почвѣ и въ то же время находили возможнымъ фигурировать въ рядахъ той или другой буржуазной политической партіи.

Только на слѣдующей и послѣдней ступени развитія угнетенный классъ всесторонне выясняетъ себѣ свое положеніе. Теперь онъ понимаетъ, какая связь существуетъ между обществомъ и государствомъ, и не аппелируетъ на притѣсненія своихъ эксплуататоровъ къ тѣмъ, кто представляетъ собою политическій органъ той же эксплуатаціи. Онъ знаетъ, что государство есть крѣпость, служащая оплотомъ и защитой его притѣснителямъ, крѣпость, которою можно и должно овладѣть, которую можно и должно перестроить въ интересахъ своей собственной защиты, но невозможно обойти, полагаясь на ея нейтралитетъ. Разсчитывая лишь на самихъ себя, угнетенные начинаютъ понимать, что «*политическая* самопомощь есть, какъ говоритъ Ланге, важнѣйшій изъ всѣхъ видовъ *соціальной* самопомощи». Они стремятся тогда къ политическому господству, чтобы помочь себѣ путемъ измѣненія существующихъ соціальныхъ отношеній и приспособленія общественнаго строя къ условіямъ своего собственнаго развитія и благосостоянія. Разумѣется, они тоже не вдругъ достигаютъ господства; лишь постепенно становятся они грозной силой, исключающей въ умахъ противниковъ всякую мысль о сопротивленіи. Долгое время добиваются они лишь уступокъ, требуютъ лишь такихъ реформъ, которыя дали бы имъ не господство, а только возможность рости и созрѣвать для будущаго господства, реформъ, которыя удо-

влетворили бы самыя насущныя, самыя ближайшія ихъ требованія, и хоть немного расширили бы сферу ихъ вліянія на общественную жизнь страны. Только пройдя суровую школу борьбы за отдѣльные клочки непріятельской территоріи, угнетенный классъ пріобрѣтаетъ настойчивость, смѣлость и развитіе, необходимыя для рѣшительной битвы. Но разъ пріобрѣтя эти качества, онъ можетъ смотрѣть на своихъ противниковъ, какъ на классъ окончательно осужденный исторіей: онъ можетъ уже не сомнѣваться въ своей побѣдѣ. Такъ называемая революція есть только послѣдній актъ въ длинной драмѣ революціонной классовой борьбы, которая становится сознательной лишь постольку, поскольку она дѣлается борьбою *политической* *).

Спрашивается теперь, цѣлесообразно ли поступили бы соціалисты, если бы они стали удерживать рабочихъ отъ «политики» на томъ основаніи, что политическій строй общества обусловливается экономическими отношеніями? Конечно, нѣтъ. Они лишили бы рабочихъ точки опоры для ихъ борьбы, отняли бы у нихъ возможность сконцентрировать свои усилія и направить свои удары на созданную ихъ эксплуататорами общественную организацію. Вмѣсто этого рабочимъ пришлось бы вести партизанскую войну съ отдѣльными эксплуататорами или самое большее, съ отдѣльными группами этихъ эксплуататоровъ, на сторонѣ которыхъ всегда стояла бы организованная сила государства. Именно такую ошибку дѣлали русскіе соціалисты изъ такъ называемой интеллигенціи, когда они порицали (въ 4 N З. и В.) «Сѣверно-русскій рабочій союзъ» за то, что онъ выставилъ въ своей программѣ извѣстныя политическія требованія. Ту-же ошибку повторило «Зерно», которое рекомендовало рабочимъ вести борьбу на экономической почвѣ, добиваться сокращенія рабочаго дня, повышенія заработной платы и т. п., даже убивать шпіоновъ и особенно

*) Примѣчаніе ко 2-му изданію. Эти строки были написаны за 15 лѣтъ до выступленія г. Бернштейна въ роли «Критика Маркса». Пусть судитъ самъ читатель, правъ ли этотъ «критикъ» и его многочисленные единомышленники, упрекающіе насъ, «ортодоксовъ», въ томъ, что мы понимаемъ революцію пролетаріата, какъ простую и почти моментальную «катастрофу».

нелюбимыхъ мастеровъ и предпринимателей, но ни однимъ словомъ не обмолвились о *политическихъ* задачахъ русскихъ работниковъ. Это отсутствіе синтеза въ революціонныхъ взглядахъ и программахъ нашихъ соціалистовъ не могло не оказать самаго вреднаго вліянія на результаты ихъ дѣятельности. Охраняя политическій индиферентизмъ рабочихъ, какъ важнѣйшій признакъ радикализма ихъ экономическихъ требованій, мы тѣмъ самымъ оказывали косвенную поддержку современному абсолютизму. Кромѣ того, обрывая наши программы именно на томъ пунктѣ, гдѣ нужно было подвести политическій итогъ соціальнымъ требованіямъ рабочаго класса, мы уменьшали практическое значеніе этихъ программъ въ глазахъ рабочихъ, лучше насъ понимавшихъ, до какой степени безплодна разрозненная борьба противъ отдѣльныхъ эксплуататоровъ. Къ счастью, наше рабочее движеніе очень рано переросло эту первую фазу своего развитія. Отвѣтъ Сѣверно-Русскаго Рабочаго Союза редакціи «Земли и Воли» (см. N 5 этого изданія) показалъ, что, по крайней мѣрѣ, члены этого союза раньше нашей «интеллигенціи» поняли всю неумѣстность «политическаго невмѣшательства» рабочаго класса.

Все это прекрасно, скажетъ иной читатель, но ваша аргументація не попадаетъ въ цѣль. Мы не отрицаемъ, что рабочему классу было бы *полезно* добиться политическаго вліянія и захватить государственную власть въ свои руки; мы утверждаемъ только, что въ настоящее время это *невозможно* для него по многимъ причинамъ. Ваша ссылка на исторію буржуазіи не доказательна, такъ какъ положеніе пролетаріата въ буржуазномъ обществѣ вовсе не сходно съ положеніемъ третьяго сословія въ государствахъ «стараго режима». Самъ Марксъ признаетъ это несходство и формулируетъ его слѣдующимъ образомъ въ «Коммунистическомъ манифестѣ». «Подъ гнетомъ лежавшаго на немъ ига, средневѣковый крѣпостной возвысился —говоритъ онъ— до степени члена коммуны, подобно тому, какъ горожанинъ выросъ до буржуа, несмотря на гнетъ феодальнаго абсолютизма. Напротивъ, современный рабочій, вмѣсто того, чтобы съ прогрессомъ промышленности улучшать свое положеніе, опускается все ниже и ниже. Работникъ становится нищимъ, и нищета развивается быстрѣе, чѣмъ населеніе и богат-

ство буржуазныхъ странъ». Если каждый прогрессивный шагъ буржуазіи въ области производства и обмѣна сопровождался «соотвѣтствующими политическими завоеваніями», то въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: всякому извѣстно, что улучшеніе матеріальнаго благосостоянія того или другого класса сопровождается возрастаніемъ его политическаго вліянія. Но именно тотъ фактъ, что политическія завоеванія буржуазіи предполагали увеличеніе ея богатства — именно этотъ фактъ и заставляетъ безнадежно смотрѣть на политическія движенія рабочаго класса. Все болѣе и болѣе превращаясь въ «нищихъ», рабочіе должны, повидимому, утратить ту долю вліянія, которую они пріобрѣли въ борьбѣ за интересы буржуазіи, «побивая враговъ своихъ враговъ, — остатки абсолютной монархіи, землевладѣльцевъ, непромышленную буржуазію» и т. д. Политическая борьба рабочаго класса нецѣлесообразна, потому что, въ силу экономическаго его положенія, она осуждена на неудачу.

При всей своей внутренней несостоятельности, возраженіе это кажется, на первый взглядъ, до такой степени рѣшительнымъ, что его невозможно обойти молчаніемъ. Оно является послѣднимъ основаніемъ аргументаціи тѣхъ сторонниковъ теоріи политическаго невмѣшательства, которые считаютъ себя послѣдователями Маркса)*. Поэтому, съ его устраненіемъ, теорія невмѣшательства падаетъ окончательно, и политическія задачи современнаго соціализма выступаютъ въ ихъ истинномъ свѣтѣ.

Доля рабочаго класса въ національномъ продуктѣ

---

*) Примѣчаніе ко 2-му изд. Это покажется парадоксомъ, но на самомъ дѣлѣ теорія политическаго невмѣшательства рабочаго класса формулирована была Бакунинымъ, *какъ выводъ изъ матеріалистическаго объясненія исторіи*. Бакунинъ, бывшій горячимъ сторонникомъ этого объясненія, разсуждалъ такъ: если политическій строй всякаго даннаго общества основывается на его экономикѣ, то *политическая* революція излишня: она сама явится результатомъ *экономической* революціи. Этотъ человѣкъ, который былъ когда то ученикомъ Гегеля и который долженъ былъ бы, кажется, изощрить свою логику, никакъ не могъ понять, что результатомъ экономики является не только всякій данный, *готовый* политическій строй, но и всякое новое политическое движеніе, которое, возникнувъ на почвѣ данныхъ экономическихъ отношеній, въ свою очередь, служитъ необходимымъ *орудіемъ* ихъ переустройства. На этомъ *нельпоразумѣніе* до сихъ поръ строются всѣ *наиболѣе серьезныя* возраженія *анархистовъ* противъ *соціалъдемократовъ*.

постоянно уменьшается, — это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Онъ становится бѣднѣе не только относительно, но и абсолютно, его доходъ не только не возрастаетъ въ одинаковой прогрессіи съ доходомъ другихъ классовъ общества, но онъ падаетъ; реальная заработная плата современнаго пролетарія (количество достающихся ему предметовъ потребленія) меньше, чѣмъ была плата рабочаго 500 лѣтъ тому назадъ — это доказано изслѣдованіями Роджерса, Дюшатлэ и др*). Но отсюда вовсе еще не слѣдуетъ, что въ настоящее время экономическія условія менѣе благопріятны для политическаго движенія рабочаго класса, чѣмъ были они въ четырнадцатомъ вѣкѣ. Мы говорили уже выше, что, при такого рода оцѣнкѣ экономическихъ условій данной страны, нужно принимать во вниманіе не только распредѣленіе національнаго дохода, но, главнымъ образомъ, организацію производства и способъ обмѣна продуктовъ. Сила зарождавшейся буржуазіи заключалась не столько въ ея богатствѣ, сколько въ томъ общественно-экономическомъ прогрессѣ, носителемъ котораго она нѣкогда явилась. Не увеличеніе ея дохода толкнуло ее на путь революціонной борьбы и обезпечило возрастаніе ея политическаго вліянія, а противорѣчіе между вызванными ею къ жизни производительными силами и тѣми условіями, въ которыхъ совершались производство и обмѣнъ продуктовъ въ феодальномъ обществѣ. Сдѣлавшись представительницей прогрессивныхъ требованій въ этомъ обществѣ, она собрала подъ свое знамя всѣ его недовольные элементы и повела ихъ на борьбу противъ режима, ненавистнаго огромному большинству народа. Не деньги, а неразвитое состояніе рабочаго класса создало ей руководящую роль въ этомъ освободительномъ движеніи. Ея богатство, ея и тогда уже относительно довольно высокое общественное положеніе были, конечно, необходимы для исполненія этой роли. Но чѣмъ обусловливалась эта необходимость? Прежде всего невозможностью для нея вести дѣло разрушенія стараго порядка безъ помощи низшихъ слоевъ населенія. Здѣсь-то и помогло ей ея

*) Примѣчаніе ко 2-му изд. Это касается «теоріи обнищанія», надѣлавшей столько шуму во время *«Бернштейніады»*. О ней см. въ моей статьѣ *«Критика нашихъ критиковъ»*, въ 2—3-ей книжкѣ «Зари».

богатство. Оно принесло ей вліяніе на ту самую массу, которая должна была сражаться за ея господство. Не будучи богатой, буржуазія не была бы и вліятельной, а безъ вліянія на народъ она не побѣдила бы и аристократіи, потому что она была сильна не собственной силою, а той силой, надъ которой она уже господствовала и которой она повелѣвала, благодаря своимъ капиталамъ. Спрашивается теперь, *возможно-ли* для пролетаріата такое вліяніе на какой нибудь другой классъ населенія и *нужно-ли* оно для его торжества? Достаточно поставить этотъ вопросъ, чтобы услышать рѣшительное — «нѣтъ» отъ всякаго понимающаго современное положеніе рабочаго класса. Пролетаріату *невозможно* вліять на низшіе классы такъ, какъ вліяла когда-то на него буржуазія, по той простой причинѣ, что нѣтъ такихъ классовъ, которые стояли бы ниже его; онъ представляетъ собою самую послѣднюю экономическую формацію современнаго общества. Да ему и *не нужно* добиваться такого вліянія, потому что онъ, въ то же время, есть *самый многочисленный* слой этого общества, потому что, вмѣстѣ съ другими слоями трудящагося населенія, онъ всегда былъ именно тою средою, вмѣшательство которй рѣшало политическіе споры. Говоримъ — самый многочисленный классъ, потому что всѣ «прочіе классы приходятъ въ упадокъ и уничтожаются, съ развитіемъ крупной промышленности, пролетаріатъ же именно ею и создается. Средніе слои, мелкіе купцы и промышленники и крестьяне — всѣ они борются противъ буржуазіи, чтобы отстоять свое существованіе, какъ среднихъ слоевъ. Слѣдовательно, они консервативные. Еще того болѣе, они реакціонны, они стремятся повернуть назадъ колесо истріи. Если они имѣютъ революціонное значеніе, то лишь постольку, поскольку имъ предстоитъ переходъ въ ряды пролетаріата, поскольку они защищаютъ не современные, но будущіе свои интересы, поскольку они покидаютъ свою точку зрѣнія и становятся на точку зрѣнія пролетаріата».

Прежде рабочій классъ побѣждалъ, состоя подъ начальствомъ буржуазіи, и только наивно дивился тому странному обстоятельству, что почти всѣ трудности борьбы падаютъ на его долю, между тѣмъ какъ почти всѣ выгоды и почести побѣды достаются его союзницѣ. Теперь онъ не довольствуется этой слу-

жебной ролью и обращаетъ противъ буржуазіи ту самую силу, которая нѣкогда принесла ей побѣду. Но теперь эта сила значительно увеличилась. Она возросла и продолжаетъ возростать въ той же пропорціи, въ какой совершались и совершаются концентрація капиталовъ и распространеніе крупнаго производства. Она возросла, кромѣ того, въ той самой мѣрѣ, въ какой умножился политическій опытъ рабочаго класса, выведеннаго самой буржуазіей на арену общественной дѣятельности. Можно-ли сомнѣваться, что пролетаріатъ, оказавшійся нѣкогда достатчточно сильнымъ, чтобы разрушить феодальный абсолютизмъ подъ руководствомъ буржуазіи, будетъ современемъ достаточно силенъ, чтобы сломить политическое господство буржуазіи по своей собственной инціативѣ? Буржуазія могла побѣдить феодализмъ, лишь благодаря своему богатству, пролетаріатъ побѣдитъ буржуазію именно потому, что его удѣлъ — «нищета» — становится удѣломъ все большей и большей части современнаго общества.

Но въ исторіи развитія буржуазіи богатство оказало ей и другую и при томъ весьма «*производительную* услугу», какъ выразились бы экономисты. Оно дало ей знаніе, сдѣлало ее самимъ передовымъ и образованнымъ слоемъ тогдашняго общества. Можетъ-ли онъ быть одновременно и самымъ бѣднымъ и самымъ развитымъ изъ всѣхъ общественныхъ классовъ? Политическое господство невозможно для него внѣ этого условія, потому что безъ знанія — нѣтъ силы!

Мы говорили уже, что сама буржуазія начала политическое воспитаніе пролетаріата. Она заботилась объ его образованіи, по-скольку это было нужно ей для борьбы съ ея врагами. Она расшатала его религіозныя вѣрованія тамъ, гдѣ это было необходимо для ослабленія политическаго значенія духовенства; она расширила его правовыя воззрѣнія тамъ, гдѣ ей нужно было противопоставить «естественное» право писанному праву сословнаго государства. Теперь сталъ на очередь экономическій вопросъ, и политическая экономія играетъ теперь — по выраженію одного очень умнаго нѣмца*) — такую же важную роль, какую играло въ XVIII столѣтіи естественное право. Захочетъ

*) Примѣчаніе ко второму изд. Т. е. Родбертуса.

ли буржуазія быть руководительницей рабочаго класса при изслѣдованіи отношеній труда къ капиталу, этого вопроса изъ вопросовъ всей общественной экономіи? Она неохотно беретъ на себя даже эту выгодную для нея роль, потому что поднимать этотъ вопросъ значитъ уже угрожать ея господству. Да и *можетъ-ли* она выполнить эту роль хотя бы такъ, какъ она выполнила ее когда-то по отношенію къ религіи и праву? Нѣтъ! Ослѣпленные интересами своего класса, ея ученые представители давно уже утратили всякую способность къ объективному, научному изслѣдованію общественныхъ вопросовъ. Въ этомъ и заключается вся тайна современнаго упадка буржуазной экономіи. Рикардо былъ послѣднимъ экономистомъ, который, оставаясь буржуа до конца ногтей, имѣлъ достаточно ума, чтобы понять діаметральную противоположность интересовъ труда и капитала. Сисмонди былъ послѣднимъ экономистомъ-буржуа, у котораго было достаточно чувства, чтобы нелицемѣрно оплакать этотъ антагонизмъ. Послѣ нихъ *общія*, теоретическія изслѣдованія буржуазныхъ экономистовъ утратили, большею частью, всякое научное значеніе. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно припомнить исторію политической экономіи со временъ Рикардо и полюбоваться произведеніями Бастіа, Кери, Леруа-Болье или хотя бы современныхъ катедеръ-соціалистовъ. Изъ мирныхъ и объективныхъ мыслителей буржуазные экономисты превратились въ воинственныхъ охранителей и стражей капитала, направляющихъ всѣ свои усилія на то, чтобы перестроить съ военными цѣлями самое зданіе науки. Но несмотря на эти воинственныя упражненія, они отступаютъ безпрерывно и оставляютъ въ рукахъ непріятелей ту научную территорію, на которой они когда-то властвовали безконтрольно. Въ настоящее время люди, совершенно чуждые какихъ бы то ни было «демагогическихъ» стремленій, увѣряютъ, будто рабочіе «лучше какого-нибудь Пр. Смита или Фаухера способны усваивать самыя абстрактныя понятія» въ экономической наукѣ. Такъ думалъ, наприм, человѣкъ, имя котораго пользуется огромнымъ авторитетомъ среди нѣмецкихъ экономистовъ, но который съ своей стороны питалъ къ нимъ самое глубокое презрѣніе. «Мы смотримъ на рабочихъ, какъ на дѣтей, — прибавлялъ этотъ

человѣкъ, — между тѣмъ какъ они переросли уже насъ на цѣлую голову»*).

Но нѣтъ-ли въ его словахъ преувеличенія? Можетъ-ли рабочій классъ понимать «абстрактные» вопросы общественной экономіи и соціализма не говоримъ уже лучше, но такъ же, какъ люди, затратившіе цѣлые десятки лѣтъ на свое образованіе?

На чемъ основываются положенія современнаго научнаго соціализма? Представляютъ-ли они собою измышленія какого-нибудь досужаго благодѣтеля человѣческаго рода, или являются обобщеніемъ тѣхъ самыхъ явленій, съ которыми мы всѣ такъ или иначе сталкиваемся въ своей ежедневной жизни, объясненіемъ тѣхъ самыхъ законовъ, которыми опредѣляется наше участіе въ производствѣ, обмѣнѣ или просто въ распредѣленіи продуктовъ? Кто рѣшитъ этотъ вопросъ въ послѣднемъ смыслѣ, тотъ согласится, что рабочій классъ имѣетъ много шансовъ для правильнаго пониманія «самыхъ абстрактныхъ» законовъ общественной экономіи, для усвоенія самыхъ отвлеченныхъ положеній научнаго соціализма. Трудность пониманія законовъ той или другой науки обусловливается неполнымъ знакомствомъ съ данными, лежащими въ основаніи этихъ законовъ. Тамъ, гдѣ рѣчь идетъ лишь объ объявленіяхъ повседневной жизни, гдѣ научный законъ обобщаетъ лишь каждому извѣстные случаи, тамъ люди практическаго дѣла не только отлично понимаютъ теоретическія положенія, но и могутъ иногда научить самихъ теоретиковъ. Спросите сельскаго хозяина о вліяніи отдаленности рынка на цѣну его продуктовъ или плодородія почвы на высоту поземельной ренты. Спросите фабриканта о вліяніи расширенія сбыта на удешевленіе производства. Спросите рабочаго, откуда берется прибыль его предпринимателя... Вы убѣдитесь, что всѣ эти люди знаютъ Рикардо, никогда не видавши даже обертки его сочиненій. А вѣдь эти вопросы пользуются репутаціей весьма сложныхъ и «абстрактныхъ» вопросовъ; вѣдь по поводу ихъ пролиты цѣлыя моря чернилъ, написано такое огромное количество томовъ, что, приступая къ изученію экономической науки,

*) Примѣчаніе ко второму изданію. Я опять имѣю въ виду Родбертуса.

можно ужаснуться этихъ вороховъ печатной бумаги. И такъ во всемъ, во всѣхъ частяхъ общественной экономіи! Возьмите хоть теорію мѣновой стоимости. Въ двухъ словахъ вы можете объяснить рабочему, чѣмъ и какъ она опредѣляется; а вотъ многіе изъ г.г. буржуазныхъ экономистовъ до сихъ поръ не хотятъ или не могутъ понять этой весьма простой теоріи и впадаютъ, въ спорахъ о ней, въ такія грубыя логическія ошибки, за которыя ни одинъ учитель ариѳметики не постѣснялся бы поставить единицу ученику «младшаго возраста». Поэтому мы и думаемъ, что цитированный нами писатель былъ правъ, что въ настоящее время единственною понятливою аудиторіею по жгучимъ соціальнымъ вопросамъ можетъ быть только аудиторія, состоящая изъ пролетаріевъ или людей ставшихъ на точку зрѣнія пролетаріата. А разъ усвоены основныя положенія общественной экономіи,—пониманіе научнаго соціализма не представляетъ уже трудности: рабочій и здѣсь будетъ слѣдовать лишь указаніямъ своего ректическаго опыта. Эта сторона дѣла прекрасно выяснена самимъ Марксомъ. «Если пролетаріатъ провозглашаетъ разложеніе *всего современнаго порядка* — читаемъ мы въ его «*Критикѣ гегелевской философіи права*» — то онъ высказываетъ этимъ лишь тайну *своего собственнаго существованія*, потому оно есть *фактическое разложеніе* этого порядка. Если пролетаріатъ требуетъ *отрицаніе частной собственности*, то этимъ онъ только возводитъ на степень *общественнаго принципа* то, что уже возведено въ *его* принципъ самимъ обществомъ, что воплотилось уже въ немъ, какъ отрицательный общественный результатъ, безъ всякаго содѣйствія съ его стороны» *).

Мы видимъ, стало быть, что пролетаріатъ не нуждается въ матеріальномъ богатствѣ, чтобы развиться до пониманія условій своего освобожденія. Его нищета, — обусловленная *не бѣдностью и дикостью общества*, а *недостатками общественной организаціи*,—*такая* нищета не только не затрудняетъ, но облегчаетъ пониманіе этихъ условій.

*) См. Deutsch-Franzoesische Iahrbuecher. 1 u. 2 Lieferung, s. s. 81—85.

Законы распредѣленія продуктовъ въ капиталистическомъ обществѣ въ высшей степени не благопріятны для рабочаго класса. Но свойственныя капитализму организація производства и форма обмѣна впервые создаютъ и объективную и субъективную возможность эмансипаціи трудящихся. Капитализмъ расширяетъ міросозерцаніе рабочаго, уничтожаетъ всѣ предразсудки, унаслѣдованные имъ отъ стараго общества; онъ толкаетъ его на борьбу и въ то же время обезпечиваетъ побѣду, увеличивая его численный составъ и предоставляя въ его распоряженіе экономическую возможность организаціи царства труда. Развитіе техники увеличиваетъ власть человѣка надъ природой и поднимаетъ производительность труда до такой степени, что обязательность его не можетъ послужить препятствіемъ, но, наоборотъ, явится необходимымъ условіемъ всесторонняго развитія всѣхъ членовъ соціалистическаго общества. Въ то же время, характеризующая капитализмъ соціализація *производства* прокладываетъ путь для обращенія въ общую собственность его *средствъ и продуктовъ*. Акціонерныя компаніи, эта высшая въ настоящее время форма организаціи промышленныхъ предпріятій, устраняютъ капиталистовъ отъ всякой активной роли въ экономической жизни общества и превращаютъ ихъ въ трутней, исчезновеніе которыхъ не можетъ произвести ни малѣйшаго замѣшательства въ ходѣ этой жизни. «Если дѣятельному роду майордомовъ удалось нѣкогда безъ труда свергнуть съ престола облѣнившуюся королевскую династію — говоритъ консерваторъ Родбертусъ, — то почему бы живая и энергичная организація рабочихъ (служебный персоналъ компаній составляютъ квалифицированные работники), почему бы такая организація не была бы въ состояніи устранить современемъ собственниковъ, превратившихся въ простыхъ рентьеровъ?.. А между тѣмъ капиталъ уже не можетъ свернуть съ этой дороги! Переживши періодъ расцвѣта, капиталъ превращается въ своего собственнаго могильщика!»

Почему бы, спросимъ мы, въ свою очередь, та самая организація рабочихъ, которая будетъ въ состояніи и «утранить собственниковъ, сдѣлавшихся простыми рентьерами», почему бы такая организація не въ состояніи была захватить въ свои руки госу-

дарственную власть и добиться, такимъ образомъ, политическаго господства? Вѣдь первое предполагаетъ второе: «устранить» собственниковъ можетъ только такая организація, которая въ состояніи преодолѣть ихъ *политическое* сопротивленіе.

Но и это не все; существуютъ другія общественныя явленія, которыя также увеличиваютъ вѣроятность *политической* побѣды пролетаріата.

«Наконецъ, въ тѣ періоды, когда борьба классовъ близится къ развязкѣ, процессъ разложенія въ средѣ господствующаго класса, внутри всего стараго общества, достигаетъ такой сильной степени, что нѣкоторая часть господствующаго сословія отдѣляется отъ него и примыкаетъ къ революціонному классу, несущему знамя будущаго. Какъ часть дворянства соединилась нѣкогда съ буржуазіей, такъ переходитъ теперь къ пролетаріату часть буржуазіи, именно буржуа-идеологи, которые возвысились до теоретическаго пониманія всего хода историческаго движенія».

У негровъ сѣверной Гвинеи есть одна въ высшей степени замѣчательная легенда. По словамъ этой легенды, «богъ призвалъ къ себѣ однажды двухъ сыновей первой человѣческой пары. Одинъ изъ нихъ былъ бѣлый, другой — чернокожій. Положивши передъ ними кучу золота и книгу, богъ приказалъ черному брату, какъ старшему, выбирать любой изъ этихъ предметовъ. Тотъ выбралъ золото, и младшій братъ получилъ, такимъ образомъ, книгу. Неизвѣстная сила немедленно перенесла его тогда, вмѣстѣ съ книгой, въ отдаленную и холодную страну. Но благодаря своей книгѣ онъ сдѣлался ученымъ и сталъ страшенъ и силенъ. Старшій же братъ остался на родинѣ и прожилъ достаточно долго, чтобы увидѣть, насколько наука выше богатства».

Буржуазія обладала когда то и знаніемъ, и богатствомъ. Въ противоположность черному брату негритянской лдгенды, она вступила во владѣніе и золотомъ, и книгой, потому что богъ человѣческихъ обществъ, исторія, не признаетъ правъ несовершеннолѣтнихъ классовъ и отдаетъ ихъ въ опеку ихъ старшихъ братьевъ. Но настало время, когда обдѣленный исторіей рабочій классъ вышелъ изъ дѣтскаго возраста и буржуазіи пришлось съ нимъ дѣлиться. У нея осталось золото, между тѣмъ, какъ ея младшій

братъ получилъ «книгу», благодаря которой онъ, не смотря на мракъ и холодъ своихъ подваловъ, сталъ и теперь уже «силенъ и страшенъ». Мало по малу научный соціализмъ вытѣсняетъ буржуазныя теоріи со страницъ этой магической книги, и скоро пролетаріатъ прочтетъ въ ней, какъ завоевать ему матеріальное довольство. Тогда онъ сброситъ съ себя позорное иго капитализма и покажетъ буржуазіи, «на сколько наука выше богатства».

III.

Въ первой главѣ мы старались исторически объяснить возникновеніе того убѣжденія, что соціализмъ несовмѣстимъ ни съ какой «политикой». Мы видѣли, что въ основѣ этого убѣжденія лежало прудоновско-бакунинское ученіе о государствѣ — съ одной стороны — и нѣкоторая непослѣдовательность нашихъ соціальдемократовъ семидесятыхъ годовъ — съ другой. Кромѣ того, оно встрѣчало поддержку въ общемъ колоритѣ того фона, на которомъ выдѣлялись оба вышеназванныя направленія. Фонъ этотъ состоялъ, какъ мы сказали словами Энгельса, изъ смѣси различныхъ ученій различныхъ основателей соціалистическихъ сектъ. Извѣстно, что соціалисты-утописты относились совершенно отрицательно къ политическимъ движеніямъ рабочаго класса, въ которыхъ они видѣли «лишь слѣпое невѣріе въ новое евангеліе». Этотъ отрицательный взглядъ на «политику» былъ занесенъ къ намъ вмѣстѣ съ ученіями утопистовъ. Задолго до начала сколько нибудь сильнаго революціоннаго движенія въ Россіи, наши соціалисты готовы были — подбно «истиннымъ» соціалистамъ Германіи конца сороковыхъ годовъ (см. Коммун. Ман., стр. 32) —«расточать традиціонныя проклятія либерализму, представительному правленію, буржуазной конкур-

ренціи, буржуазной свободѣ слова, буржуазному праву, буржуазной свободѣ и равенству», совершенно забывая, что всѣ эти нападки «имѣютъ въ виду современное буржуазное общество съ соотвѣтствующими ему экономическими отношеніями и политической организаціей», т. е. именно тѣ условія, о завоеваніи которыхъ только еще должна была пойти рѣчь въ нашемъ отечествѣ *).

Въ результатѣ всѣхъ этихъ вліяній получилась такая твердая увѣренность въ неумѣстности всякой политической борьбы, помимо борьбы революціонной въ узкомъ и вульгарномъ значеніи этого слова, что мы стали съ предубѣжденіемъ смотрѣть на тѣ соціалистическія партіи Западной Европы, которыя видѣли, напримѣръ, въ избирательной агитаціи могучее средство воспитанія и организаціи рабочихъ массъ. Всѣ сдѣланныя путемъ этой агитаціи политическія и экономическія пріобрѣтенія, казались намъ непростительнымъ оппортюнизмомъ, гибельной сдѣлкой съ демономъ буржуазнаго государства, равносильной отказу отъ блаженства въ будущей соціалистической жизни. Мы и сами не замѣчали, что наши теоріи завели насъ въ заколдованный кругъ неразрѣшимыхъ противорѣчій. Мы считали поземельную общину исходной точкой соціально-экономическаго развитія Россіи, и въ тоже самое время, отказываясь отъ политической борьбы, мы добровольно лишали себя всякой возможности предохранить эту общину, путемъ государственнаго вмѣшательства, отъ разрушительныхъ вліяній настоящаго времени. Мы должны были, такимъ образомъ, оставаться равнодушными зрителями процесса, разрушающаго тотъ самый фундаментъ, на которомъ мы хотѣли строить зданіе будущаго.

Мы видѣли, однако, что логика событій вывела русское движеніе на другую дорогу и заставила русскихъ революціонеровъ, въ лицѣ партіи «Народной Воли», добиваться политическаго вліянія и даже господства, какъ одного изъ самыхъ могучихъ факторовъ экономической революціи. Мы видѣли также, что

*) Сказанное не относится, впрочемъ, къ группѣ, издававшей «Народное Дѣло» въ Женевѣ, группѣ, неоднократно заявлявшей свое отрицательное отношеніе къ «теоріи политическаго невмѣшательства».

выступая на эту дорогу, наше движеніе выростало настолько, что соціально-политическія теоріи различныхъ разновидностей прудонизма оказались для него слишкомъ узкими и неудобными. Свойственный русской общественной жизни ходъ вещей пришелъ въ столкновеніе съ ходомъ господствовавшихъ въ нашей революціонной средѣ идей, и тѣмъ вызвалъ новое умственное теченіе.

Это новое умственное теченіе, сказали мы далѣе, до тѣхъ поръ не отдѣлается отъ свойственныхъ ему теперь противорѣчій, пока не сольется съ несравненно болѣе глубокимъ и широкимъ теченіемъ современнаго соціализма. Русскіе революціонеры должны стать на точку зрѣнія соціальной демократіи Запада и разорвать свою связь съ «бунтарскими» *теоріями* такъ же, какъ они уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ отказались отъ «бунтарской» *практики*, вводя новый, *политическій* элементъ въ свою программу. Сдѣлать это имъ будетъ не трудно, если они постараются усвоить себѣ правильный взглядъ на политическую сторону ученія Маркса и захотятъ подвергнуть пересмотру пріемы и ближайшія задачи своей борьбы, прилагая къ нимъ этотъ новый критерій.

Мы видѣли уже во второй главѣ, къ какимъ ложнымъ выводамъ подали поводъ философско-историческія посылки современнаго соціализма. Сама «Народная Воля» не замѣчала, повидимому, ошибочности этихъ выводовъ и склонна была «даже къ защитѣ соціологической точки зрѣнія Дюринга о преобладающемъ вліяніи политико-юридическаго элемента общественнаго строя на экономическій», какъ выразился П. Л. Лавровъ, характеризуя новѣйшія направленія въ русскомъ революціонномъ движеніи *). Только этою склонностью и можно объяснить содержащуюся во внутреннемъ обозрѣніи № 6-го «Народной Воли» полемику противъ какихъ-то «непосредственныхъ толкователей» исторической «теоріи Маркса», основывающихъ свой взглядъ, по словамъ автора, «главнымъ образомъ на извѣстной тріадѣ Гегеля», не имѣющихъ «иного индуктивнаго матеріала» для своихъ выводовъ и объясняющихъ «Гегелевъ законъ въ томъ смыслѣ, что дурное

*) См. статью «Взглядъ на прошедшее и настоящее русскаго соціализма», Календарь Н. В., стр. 109.

просто въ своемъ крайнемъ развитіи приведетъ къ хорошему» *). Достаточно познакомиться съ программой нѣмецкихъ соціальдемократовъ или французскихъ коллективистовъ, чтобы видѣть, какъ понимаютъ «историческую теорію Маркса» его западно-европейскіе послѣдователи и, если угодно, «непосредственные толкователи». Со своей стороны, мы можемъ увѣрить нашихъ русскихъ товарищей, что эти «толкователи» понимаютъ «Гегелевъ законъ» вовсе не «въ томъ смыслѣ, что дурное, просто въ своемъ крайнемъ развитіи, приведетъ къ хорошему», и къ тому же пользуются имъ какъ «*индуктивнымъ* матеріаломъ» лишь при изученіи исторіи нѣмецкой философіи, въ которой этотъ законъ занимаетъ весьма видное мѣсто и изъ которой его, *во всякомъ случаѣ*, не выкинешь, какъ не выкинешь, по народному выраженію, слова изъ пѣсни. Цитированное нами мѣсто есть почти буквальное повтореніе словъ Дюринга, упрекавшаго Маркса въ томъ, что въ его исторической схемѣ «гегелевское отрицаніе отрицанія играетъ, за недостаткомъ лучшихъ и болѣе ясныхъ средствъ, роль повивальной бабки, при помощи которой будущее выйдетъ изъ нѣдръ настоящаго»**). Но эта выходка понесла уже заслуженную кару со стороны Энгельса, разоблачившаго все научное ничтожество произведеній бывшаго берлинскаго доцента. Зачѣмъ же повторять чужія ошибки и становиться, на такомъ шаткомъ основаніи въ отрицательное отношеніе къ величайшей и самой революціонной общественной теоріи XIX вѣка? Вѣдь безъ революціонной теоріи нѣтъ революціоннаго движенія, въ истинномъ смыслѣ этого слова. Всякій

*) Примѣчаніе ко 2-му изд. Впослѣдствіи этотъ вздоръ на разные лады повторяли наши «легальные» критики, — Н. Михайловскій и братія. Вообще надо замѣтить, что эти господа въ спорахъ съ нами не могли придумать ровно ничего новаго сравнительно съ тѣмъ, что писалось противъ насъ въ *нелегальной* литературѣ. Кто хочетъ убѣдиться въ этомъ, пусть прочтетъ статью г. Тихомирова во 2-й книжкѣ «Вѣстника Народной Воли» («Чего намъ ждать отъ революціи»?) и сравнитъ съ тѣми доводами, которые пришлось, долго спустя, опровергать Бельтову въ своей книгѣ. «Нелегальная» мысль давно опередила у насъ «легальную».

**) См. «Kritische Geschichte der Nationaloekonomie und des Socialismus», dritte Auflage, s. 498.

классъ, стремящійся къ своему освобожденію, всякая политическая партія, добивающаяся господства, — революціонны лишь постольку, поскольку они представляютъ собою наиболѣе прогрессивныя общественныя теченія, а слѣдовательно являются носителями наиболѣе передовыхъ идей своего времени. (Революціонная, по своему внутреннему содержанію, идея есть своего рода динамитъ, котораго не замѣнятъ никакія взрывчатыя вещества въ мірѣ. И пока наше движеніе будетъ происходить подъ знаменемъ отсталыхъ или ошибочныхъ теорій, оно будетъ имѣть революціонное значеніе лишь *нѣкоторыми*, но далеко не всѣми своими сторонами). Въ то же время оно, безъ вѣдома своихъ участниковъ, будетъ носить въ себѣ зародыши реакціи, которые лишатъ его и этой доли значенія въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, потому что, какъ сказалъ еще Гейне, всякому

Новому времени новый костюмъ
Потребенъ для новаго дѣла.

А вѣдь настанетъ же, наконецъ, оно, это дѣйствительно новое время и для нашего отечества.

Впрочемъ, невѣрное пониманіе тѣхъ или другихъ положеній современнаго соціализма не составляетъ еще главнаго препятствія для окончательнаго выхода нашего революціоннаго движенія на путь, проложенный рабочимъ классомъ Запада. Ближайшее знакомство съ литературой «марксизма» покажетъ нашимъ соціалистамъ, какого могучаго оружія лишали они себя, отказываясь понять и усвоить теорію великаго учителя «пролетаріевъ всѣхъ странъ». Они убѣдятся тогда, что наше революціонное движеніе не только ничего не потеряетъ, но напротивъ, очень много выиграетъ, если русскіе народники и русскіе народовольцы сдѣлаются, наконецъ, русскими марксистами, и новая, высшая точка зрѣнія примиритъ всѣ существующія у насъ фракціи, которыя правы, каждая по своему, потому что, при всей своей односторонности, каждая изъ нихъ выражаетъ извѣстную насущную потребность русской общественной жизни.

Есть другое препятствіе для развитія нашего движенія въ только что указанномъ направленіи. Оно заключается въ томъ отсутствіи у насъ политическаго глазомѣра, которое съ самаго начала движенія мѣшало

нашимъ революціонерамъ привести свои ближайшія задачи въ соотвѣтствіе съ своими силами, и которое обусловливается ничѣмъ другимъ, какъ недостаткомъ политическаго опыта у русскихъ общественныхъ дѣятелей. Отправлялись ли мы въ народъ съ цѣлью распространенія соціалистическихъ изданій, селились ли мы въ деревняхъ для организаціи протестующихъ элементовъ нашего крестьянства, вступали ли мы въ непосредственную борьбу съ представителями абсолютизма, мы вездѣ повторяли одну и ту же ошибку. Мы всегда преувеличивали свои силы, никогда не принимали въ разсчетъ, во всей его полнотѣ, ожидающаго насъ сопротивленія общественной среды, и торопились возвести временно благопріятствуемый обстоятельствами способъ дѣйствія въ универсальный принципъ, исключающій всѣ другіе способы и пріемы. Всѣ наши программы находились, благодаря этому, въ совершенно неустойчивомъ равновѣсіи, изъ котораго ихъ могла вывести самая незначительная перемѣна въ окружающей обстановкѣ. Чуть не каждые два года мѣняли мы эти программы, и не могли остановиться на чемъ либо *прочномъ*, потому что всегда останавливались на чемъ нибудь *узкомъ* и *одностороннемъ*. Подобно тому, какъ, по словамъ Бѣлинскаго, русское общество, не имѣя еще литературы, пережило уже всѣ литературныя направленія, русское соціалистическое движеніе, не сдѣлавшись еще движеніемъ нашего рабочаго класса, успѣло уже перепробовать всѣ возможные оттѣнки западно-европейскаго соціализма.

Предпринятая «Народной Волей» борьба съ абсолютизмомъ, — выдвигая нашихъ революціонеровъ на болѣе широкій путь дѣятельности, заставляя ихъ стремиться къ созданію дѣйствительной *партіи*,—будетъ, безъ всякаго сомнѣнія, сильно содѣйствовать устраненію односторонности *кружковъ*. Но чтобы превратить эту постоянную смѣну программъ, чтобы отдѣлавшись отъ этихъ привычекъ политическихъ номадовъ и пріобрѣсти, наконецъ, умственную осѣдлость, русскіе революціонеры должны довести до конца дѣло критики, начавшееся съ возникновеніемъ въ ихъ средѣ сознательныхъ политическихъ тенденцій. Они должны стать въ критическое отношеніе къ той самой программѣ, которая сдѣлала необходимой критику *всѣхъ* прежнихъ программъ и теорій. «Партія Народа

Воли» есть дитя переходнаго времени. Ея программа есть послѣдняя программа, родившаяся въ тѣхъ условіяхъ, которыя дѣлали нашу односторонность неизбѣжнымъ и потому законнымъ явленіемъ. Расширяя политическій горизонтъ русскихъ соціалистовъ, программа эта сама не свободна еще отъ односторонности. Въ ней также замѣтно отсутствіе политическаго глазомѣра, способности сообразовать ближайшія цѣли партіи съ ея дѣйствительными или возможными силами. Партія Народной Воли напоминаетъ человѣка, идущаго по настоящей дорогѣ, но еще не имѣющаго понятія о разстояніяхъ и потому увѣреннаго въ томъ, что онъ тотчасъ же можетъ «верстъ сто тысячъ отмахать и нигдѣ не отдыхать». Практика разрушитъ, разумѣется, его иллюзію, но это разрушеніе можетъ стоить ему очень дорого. Лучше ему самому спросить себя, не принадлежатъ ли семимильные шаги къ области фантазіи.

Подъ хожденіемъ семи-мильными шагами мы разумѣемъ упомянутый уже фантастическій элементъ въ интересующей насъ программѣ, который во второмъ № «Народной Воли» выразился въ увѣренности относительно соціально-революціоннаго (мы не говоримъ *соціалистическаго*) большинства въ будущемъ русскомъ Учредительномъ Собраніи, а въ № 8-9—проявилъ себя въ разсужденіяхъ о «захватѣ власти временнымъ революціоннымъ правительствомъ». Мы глубоко убѣждены, что этотъ фантастическій элементъ въ высшей степени вреденъ для самой «партіи Народной Воли». Какъ партіи соціалистической, онъ вреденъ ей тѣмъ, что отвлекаетъ ее отъ ея непосредственныхъ задачъ въ средѣ рабочаго класса въ Россіи; какъ партіи, взявшей на себя иниціативу нашего освободительнаго движенія, — онъ вреденъ ей тѣмъ, что всегда будетъ отталкивать отъ нея очень много средствъ и силъ, которыя могли бы, при другихъ условіяхъ, притекать къ ней изъ среды такъ называемаго общества. Объяснимся подробнѣе.

Къ кому обращается, къ кому *можетъ* и должна обращаться «Народная Воля» въ своей борьбѣ съ абсолютизмомъ? «Привлеченіе въ организацію (Народной Воли) *отдѣльныхъ лицъ изъ среды крестьянства*, — способныхъ къ ней примкнуть, —читаемъ мы въ «Ка-

лендарѣ Народной Воли»*)—конечно, всегда признавалось очень желательнымъ... Но что касается организаціи въ настоящее время *въ массѣ* крестьянства, то она признавалась въ эпоху составленія программы совершенной фантазіей, и, если не ошибаемся, дальнѣйшая практика не могла измѣнить въ этомъ отношеніи мнѣній нашихъ соціалистовъ». Быть можетъ «партія Народной Воли» разсчитываетъ опереться на болѣе передовой слой нашего трудящагося населенія, т. е. на городскихъ рабочихъ? Она, дѣйствительно, придаетъ весьма большое значеніе дѣлу пропаганды и организаціи въ ихъ средѣ, она считаетъ, что «городское рабочее населеніе должно обратить на себя серьезное вниманіе партіи». Но уже самая мотивировка необходимости этого дѣла показываетъ, что, по ея понятіямъ, городскіе рабочіе должны быть лишь однимъ изъ элементовъ нашего революціоннаго движенія. Они «имѣютъ особенно важное значеніе *для революціи*, какъ по своему положенію, такъ и по относительно большей развитости — поясняетъ намъ тотъ же документъ, — успѣхъ перваго нападенія всецѣло зависитъ отъ поведенія рабочихъ и войска». Значитъ, предстоящая революція не будетъ рабочей революціей въ полномъ смыслѣ этого слова, но рабочіе должны принять въ ней участіе, такъ какъ они имѣютъ *для нея* особенно важное значеніе». Какіе же другіе элементы войдутъ въ это движеніе? Мы видѣли уже, что войдетъ, между прочимъ, «войско», а въ войскѣ «при настоящихъ условіяхъ пропаганда между солдатами затруднена въ такой степени, что на нее едва ли можно возлагать много надеждъ. Гораздо удобнѣе воздѣйствіе на *офицерство*: болѣе развитое, болѣе свободное, оно болѣе доступно вліянію»! Это, конечно, совершенно справедливо, но не будемъ пока останавливаться на этомъ и пойдемъ далѣе. Кромѣ рабочихъ и «офицерства», партія Народной Воли имѣетъ въ виду также либераловъ и «Европу», по отношенію къ которой «политика партіи должна стремиться къ тому, что-бы обезпечить русской революціи сочувствіе *народовъ*, вызвать къ этой революціи симпатіи европейскаго общественнаго мнѣнія». Для достиженія этой цѣли «партія должна знакомить Европу со всѣмъ

*) «Подготовительная работа партіи», страница 129 въ примѣчаніи.

пагубнымъ значеніемъ русскаго абсолютизма для самой европейской цивилизаціи, съ истинными цѣлями партіи, со значеніемъ нашего революціоннаго движенія, какъ выраженія всенароднаго протеста». Что же касается «либераловъ», то въ отношеніи къ нимъ «слѣдуетъ, не скрывая своего радикализма, указывать на то, что, при современной постановкѣ партіонныхъ задачъ, интересы наши и ихъ заставляютъ совмѣстно дѣйствовать противъ правительства».

Мы видимъ, такимъ образомъ, что «партія Народной Воли» разсчитываетъ не на одинъ только рабочій и крестьянскій классы и даже не главнымъ образомъ на эти классы. Она имѣетъ въ виду также и общество и офицерство, которое, въ сущности, есть «плоть отъ плоти и кость отъ костей» того же общества. Она хочетъ убѣдить либеральную часть этого общества, что «при современной постановкѣ партіонныхъ задачъ» интересы русскаго либерализма сходятся съ интересами русской соціально-революціонной партіи. Что же она дѣлаетъ, чтобы вселить въ русскихъ либераловъ это убѣжденіе? Она издаетъ, во-первыхъ, программу «Исполнительнаго Комитета», въ которой говорится, что «*народная воля* была бы достаточно хорошо высказана и проведена Учредительнымъ Собраніемъ, избраннымъ свободно, всеобщей подачей голосовъ, при инструкціяхъ отъ избирателей». Въ извѣстномъ «Письмѣ къ Александру III» Исполнительный Комитетъ также требуетъ «созыва представителей отъ всего русскаго народа для пересмотра существующихъ формъ государственной и общественной жизни и передѣлки ихъ сообразно съ народными желаніями». Такая программа, дѣйствительно, совпадаетъ съ интересами русскихъ либераловъ, и для ея осуществленія они, пожалуй, примирились бы и со всеобщимъ избирательнымъ правомъ, котораго не можетъ не требовать «Исполнительный Комитетъ». Во всемъ этомъ программа названнаго «Комитета» обнаруживаетъ гораздо большую зрѣлость, чѣмъ всѣ предшествовавшія ей программы. Но, не говоря уже о такомъ крупномъ промахѣ, какъ требованіе свободы сходокъ, слова, печати и избирательныхъ программъ лишь «въ видѣ временной мѣры», *) припомнимъ другія заявленія

*) Смотри «Письмо къ Александру III», «Календарь Народной Воли», стр. 14.

«партіи Народной Воли». Органъ этой партіи поспѣшилъ предупредить читающую публику, что большинство депутатовъ Учредительнаго Собранія будетъ состоять изъ сторонниковъ радикальнаго экономическаго переворота. Мы уже говорили выше, что эта увѣренность была не болѣе, какъ фикціей, придуманной для соглашенія несогласимыхъ между собою элементовъ народовольческой программы. Взглянемъ теперь на печатное выраженіе такой увѣренности съ точки зрѣнія тактики. Спрашивается, развѣ экономическій переворотъ входитъ въ интересы русскаго либерализма? Развѣ наше либеральное общество сочувствуетъ аграрной революціи, которой, по словамъ «Народной Воли», будутъ добиваться крестьянскіе депутаты? Западно-европейская исторія говоритъ намъ весьма убѣдительно, что тамъ, гдѣ «красный призракъ» принималъ хоть сколько нибудь грозныя формы, «либералы» готовы были искать защиты въ объятіяхъ самой безцеремонной военной диктатуры. Думалъ ли террористическій органъ, что наши русскіе либералы составятъ исключеніе изъ этого общаго правила? Если такъ, то на чемъ основывалъ онъ свое убѣжденіе? Думалъ ли онъ также, что современное «общественное мнѣніе Европы» до такой степени проникнуто соціалистическими идеями, что будетъ сочувствовать созыву соціально-революціоннаго Учредительнаго Собранія? Или онъ думалъ, что, трепеща краснаго призрака у себя дома, европейская буржуазія будетъ аплодировать появленію его въ Россіи? Само собою разумѣется, что ничего подобнаго онъ не думалъ и ничего подобнаго не забывалъ. Но зачѣмъ же, въ такомъ случаѣ, было дѣлать это рискованное заявленіе? Или органъ «партіи Народной Воли» былъ до такой степени убѣжденъ въ неминуемомъ осуществленіи своего пророчества, что считалъ нужнымъ побудить членовъ организаціи къ принятію мѣръ, соотвѣтствующихъ важности ожидаемаго событія? Но въ виду того, что въ томъ же органѣ дѣятельность въ народѣ объявлялась безплодною, мы думаемъ, что заявленіе это имѣло скорѣе успокоительный, чѣмъ побудительный характеръ: соціально-революціонное большинство въ Учредительномъ Собраніи ожидалось, *несмотря* на то, что названная дѣятельность напоминаетъ собою теперь «наполненіе бездонныхъ бочекъ Данаидъ».

Само по себѣ заявленіе это могло бы считаться неважнымъ, тѣмъ болѣе, что «Народная Воля» сама, повидимому, разсталась съ преувеличенно-радужными надеждами на составъ будущей русской Конституанты. Мы думаемъ такъ потому, что передовая статья № 8-9 говоритъ объ экономическомъ переворотѣ, который, въ случаѣ отсутствія соціально-революціонной иниціативы въ самомъ народѣ, долженъ быть совершенъ «временнымъ революціоннымъ правительствомъ» ранѣе созыва Учредителнаго Собранія. Авторъ статьи совершенно справедливо видитъ лишь въ такомъ переворотѣ гарантію того, что «на созванный Земскій Соборъ явятся истинные представители народа». Прежняя иллюзія «Народной Воли» разсѣялась, такимъ образомъ, окончательно. Но, къ сожалѣнію, она исчезла лишь затѣмъ, чтобы уступить мѣсто новой, еще болѣе вредной для дѣла самой «партіи Народной Воли». Фантастическій элементъ программы не уничтожился, онъ принялъ только новый видъ и называется теперь тѣмъ самымъ «*захватомъ власти временнымъ революціоннымъ правительствомъ*», который долженъ доставить партіи возможность совершить упомянутый экономическій переворотъ. Само собою понятно, что эта новая «постановка партіонныхъ задачъ» ни въ какомъ случаѣ не можетъ внушить ни русскимъ либераламъ, ни буржуазной Европѣ мысли о солидарности ихъ интересовъ съ интересами русскаго революціоннаго движенія. Какъ ни забито, какъ ни задавлено русское общество, но оно вовсе не лишено инстикта самосохраненія, и ни въ какомъ случаѣ не пойдетъ добровольно на встрѣчу «красному призраку»; указывать ему на такую «постановку» задачъ партіи — значитъ лишать себя его поддержки и разсчитывать лишь на свои собственныя силы. Но на столько ли велики эти силы, чтобы не рискованно было отталкивать отъ себя такого союзника? Могутъ ли наши революціонеры дѣйствительно захватить въ свои руки власть и удержать ее хоть на короткое время, или всѣ толки объ этомъ представляютъ собою ничто иное, какъ выкраиваніе шкуры звѣря, не только еще не убитаго, но по обстоятельствамъ дѣла, и не подлежащаго убіенію? Вотъ вопросъ, который становится въ послѣднее время злобою дня революціонной Россіи...

Спѣшимъ оговориться. Предыдущія страницы дол-

жны были уже убѣдить читателя, что мы не принадлежимъ къ числу принципіальныхъ противниковъ такого акта, какъ захватъ власти революціонной партіей. По нашему мнѣнію, онъ представляетъ собою послѣдній и при томъ совершенно неизбѣжный выводъ изъ той политической борьбы, которую, на извѣстной ступени общественнаго развитія, долженъ начать всякій классъ, стремящійся къ своему освобожденію. Достигшій политическаго господства революціонный классъ только тогда и сохранитъ за собою это господство, только тогда и будетъ въ сравнительной безопасности отъ ударовъ реакціи, когда онъ направитъ противъ нея могучее орудіе государственной власти. Den Teufel halte, wer Ihn hält! говоритъ Фаустъ

Но диктатура класса, какъ небо отъ земли, далека отъ диктатуры группы революціонеровъ-разночинцевъ. Это въ особенности можно сказать о диктатурѣ рабочаго класса, задачей котораго является, въ настоящее время, не только разрушеніе политическаго господства непроизводительныхъ классовъ общества, но и устраненіе существующей нынѣ анархіи производства, сознательная организація всѣхъ функцій соціально-экономической жизни. Одно *пониманіе* этой задачи предполагаетъ развитой рабочій классъ, обладающій политическимъ опытомъ и воспитаніемъ, освободившійся отъ буржуазныхъ предразсудковъ и умѣющій самостоятельно обсуждать свое положеніе. *Рѣшеніе* же ея предполагаетъ, кромѣ всего сказаннаго, еще и распространеніе соціалистическихъ идей въ средѣ пролетаріата, сознаніе имъ своей силы и увѣренность въ побѣдѣ. Но *такой* пролетаріатъ *и не позволитъ* захватить власть даже самымъ искреннимъ благожелателямъ. Не позволитъ по той простой причинѣ, что онъ проходилъ школу своего политическаго воспитанія съ твердымъ намѣреніемъ окончить когда нибудь эту школу и выступить самостоятельнымъ дѣятелемъ на аренѣ исторической, а не переходить вѣчно отъ одного опекуна къ другому; не позволитъ потому, что такая опека была бы излишней, такъ какъ онъ и самъ могъ бы тогда рѣшить задачу соціалистической революціи; не позволитъ, наконецъ, потому, что такая опека была бы вредной, такъ какъ сознательнаго участія производителей въ дѣлѣ организаціи производства не замѣнитъ никакая конспираторская сворка, никакая отвага

и самоотверженіе заговорщиковъ. Одна мысль о томъ, что соціальный вопросъ можетъ быть на практикѣ рѣшенъ кѣмъ либо, помимо самихъ рабочихъ, указываетъ на полное непониманіе этого вопроса, безъ всякаго отношенія къ тому, держится ли ея «желѣзный канцлеръ» или революціонная организація. Понявшій условія своего освобожденія и созрѣвшій для него пролетаріатъ возьметъ государственную власть въ свои собственныя руки съ тѣмъ, чтобы, покончивши со своими врагами, устроить общественную жизнь на началахъ — не ан-архіи, конечно, которая принесла бы ему новыя бѣдствія, — но *пан*-архіи, которая дала бы возможность непосредственнаго участія въ обсужденіи и рѣшеніи общественныхъ дѣлъ всѣмъ взрослымъ членамъ общества. До тѣхъ же поръ, пока рабочій классъ не развился еще до рѣшенія своей великой исторической задачи, обязанность его сторонниковъ заключается въ ускореніи процесса его развитія, въ устраненіи препятствій, мѣшающихъ росту его силы и сознанія, а не въ придумываніи соціальныхъ экспериментовъ и вивисекцій, исходъ которыхъ всегда болѣе, чѣмъ сомнителенъ.

Такъ понимаемъ мы вопросъ о захватѣ власти въ соціалистической революціи. Примѣняя эту точку зрѣнія къ русской дѣйствительности, мы должны сознаться, что отнюдь не вѣримъ въ близкую возможность соціалистическаго правительства въ Россіи.

«Народная Воля» считаетъ современное соотношеніе политическихъ и экономическихъ факторовъ на «русской почвѣ» особенно «выгоднымъ» для соціалистовъ. Мы согласны, что оно болѣе выгодно для нихъ въ Россіи, чѣмъ въ Индіи, Персіи или Египтѣ, но его, конечно, невозможно и сравнивать съ западноевропейскими общественными отношеніями. И если «Народная Воля» пришла къ своему убѣжденію, противопоставляя наши порядки не египетскимъ или персидскимъ, а французскимъ или англійскимъ, то она впала въ очень крупную ошибку. Современное «соотношеніе общественныхъ факторовъ «на русской почвѣ» обусловливаетъ собою невѣжество и индифферентизмъ народной массы; когда же такія свойства были выгодны для дѣла ея освобожденія? «Народная Воля» полагаетъ, повидимому, что индифферентизмъ этотъ начинаетъ исчезать, такъ какъ въ народѣ все болѣе и болѣе

«пробуждается ненависть къ привиллегированнымъ, правящимъ сословіямъ и настойчивое стремленіе къ радикальному измѣненію экономическихъ отношеній». Но что же выходитъ изъ этого стремленія? «Ненависть къ привиллегированнымъ сословіямъ» еще ровно ничего не доказываетъ: она не сопровождается часто ни однимъ лучемъ политическаго сознанія. При томъ же въ настоящее время намъ нужно строго различать *сословное* сознаніе отъ сознанія *классового*, такъ какъ старыя сословныя подраздѣленія не соотвѣтствуютъ болѣе экономическимъ отношеніямъ Россіи и готовятся уступить свое мѣсто формальному равенству гражданъ въ «правовомъ государствѣ». Если «Народная Воля» взглянетъ на современное міросозерцаніе нашего крестьянства съ точки зрѣнія развитія въ немъ *классового* и *политическаго* сознанія, то она едва ли будетъ настаивать на выгодности соотношенія нашихъ общественныхъ факторовъ для дѣла соціальнаго переворота. Вѣдь не можетъ же она считать «выгодными» для этого дѣла хотя бы тѣ толки, которые идутъ въ средѣ крестьянства по поводу ея собственной борьбы съ правительствомъ. Какъ ни сильно сказывается въ этихъ толкахъ «ненависть къ правящимъ классамъ», но въ виду того, что самое революціонное движеніе приписывается крестьянами крѣпостническимъ проискамъ дворянъ и чиновниковъ, «временное революціонное правительство» будетъ находиться въ большой опасности, когда народъ начнетъ «отвоевывать экономическое равенство у своихъ вѣковыхъ угнетателей и эксплуататоровъ». Тогда нынѣшнее соотношеніе интересующихъ насъ факторовъ обнаружитъ, пожалуй, свойства, весьма *невыгодныя* для временно восторжествовавшихъ заговорщиковъ. Да и что значитъ «отвоевать экономическое равенство»?

Достаточно ли для этого экспропріировать крупныхъ землевладѣльцевъ, капиталистовъ и предпринимателей? Не нужно ли для этого организовать, извѣстнымъ образомъ, и самое производство? А если да, то благопріятны ли ей современныя экономическія отношенія Россіи, иначе говоря, много ли шансовъ на ея успѣхъ обѣщаетъ намъ «экономическій факторъ»? Мы думаемъ, что нѣтъ, и думаемъ такъ по слѣдующей причинѣ. Всякая организація предполагаетъ извѣстныя, опредѣляемыя ея цѣлью и характеромъ, свойства организу-

емаго. Соціалистическая организація производства предполагаетъ такой характеръ экономическихъ отношеній, который дѣлалъ бы эту организацію логическимъ выводомъ изъ всего предыдущаго развитія страны, и, слѣдовательно, отличался бы весма значительной опредѣленностью. Другими словами, соціалистическая, какъ и всякая другая, организація требуетъ сотвѣтствующей ей основы. Этой-то основы и нѣтъ въ современной Россіи. Старые устои народной жизни слишкомъ узки, разнородны и односторонни и кромѣ того, слишкомъ уже расшатаны, а новые — только еще вырабатываются. Объективныя общественныя условія производства не созрѣли еще для соціалистической организаціи, а потому и въ самыхъ производителяхъ нѣтъ еще ни стремленія, ни способности къ такой организаціи: наше крестьянство не можетъ еще ни понять, ни рѣшить этой задачи. Поэтому «временному правительству» придется не «санкціонировать», а *совершать* «экономическій переворотъ», если его не снесетъ волной народнаго движенія, если только оно встрѣтитъ достаточно повиновенія со стороны производителей.

Но декретами не создашь условій, чуждыхъ самому характеру современныхъ экономическихъ отношеній. «Временному правительству» придется мириться съ тѣмъ, что есть, брать то, что дастъ ему современная русская дѣйствительность въ качествѣ основы его реформаторской дѣятельности. И на этой то узкой и шаткой основѣ зданіе соціалистической организаціи будетъ строиться руками правительства, въ которое войдутъ: во-первыхъ, городскіе рабочіе, пока еще мало подготовленные къ такой трудной дѣятельности, во-вторыхъ, представители нашей революціонной молодежи, всегда остававшейся чуждой практической жизни, и, въ третьихъ, «офицерство», въ экономическихъ познаніяхъ котораго весьма позволительно усомниться. Мы не хотимъ дѣлать весьма вѣроятнаго предположенія относительно того, что, рядомъ со всѣми этими элементами, во временное правительство проникнутъ и либералы, которые будутъ не сочувствовать, а мѣшать соціально-революціонной «постановкѣ партійныхъ задачъ». Мы предлагаемъ читателю взвѣсить лишь вышеперечисленныя обстоятельства и затѣмъ спросить себя: много ли вѣроятности успѣха имѣетъ «экономическій переворотъ», на-

чавшійся при этихъ обстоятельствахъ? Точно ли выгодно для дѣла соціалистической революціи существующее нынѣ «соотношеніе политическихъ и экономическихъ факторовъ на русской почвѣ»? И не принадлежитъ ли увѣренность въ выгодности этого соотношенія къ числу фикцій, заимствованныхъ изъ анархически-бунтарскаго міросозерцанія и доведенныхъ въ новой, *политической* партіи до совершенно уже невозможной крайности? А вѣдь этой фикціей опредѣляются ближайшія «непосредственныя задачи» партіи, на ней основывается стремленіе къ немедленному «захвату власти», стремленіе, пугающее наше общество и придающее односторонній характеръ всей дѣятельности нашихъ революціонеровъ!

Намъ возразятъ, быть можетъ, что «Народная Воля» и не думаетъ приступать къ соціалистической организаціи общества тотчасъ же, послѣ захвата ею власти, что проектируемый ею «экономическій переворотъ» имѣетъ цѣлью лишь воспитаніе народа для будущей соціалистической революціи. Посмотримъ, возможно ли такое предположеніе, и если — да, то какіе слѣдуютъ изъ него выводы?

Передовая статья № 8-9 «Народной Воли» говоритъ объ экономическомъ равенствѣ, которое будетъ «отвоевано» самимъ народомъ, а въ случаѣ недостатка въ немъ иниціативы, создано временнымъ правительствомъ. Мы говорили уже, что это, такъ называемое, экономическое равенство возможно лишь при соціалистической организаціи производства. Но допустимъ, что «Народная Воля» считаетъ его возможнымъ и при другихъ условіяхъ, что экономическое равенство будетъ, по ея мнѣнію, достаточно обезпечено переходомъ земли и орудій производства въ собственность трудящихся. Такое мнѣніе было бы ничѣмъ инымъ, какъ возвратомъ къ старымъ народническимъ идеаламъ «Земли и Воли», и, съ экономической точки зрѣнія, обнаруживало бы тѣ же самыя слабыя стороны, которыя свойственны были этимъ идеаламъ. Взаимныя отношенія отдѣльныхъ общинъ другъ къ другу, превращеніе продуктовъ труда общинниковъ въ товары, и связанное съ нимъ капиталистическое накопленіе грозили бы сдѣлать это «равенство» весьма неустойчивымъ. При самостоятельности міра, «какъ экономической и административной единицы», при «широ-

комъ областномъ самоуправленіи, обезпеченномъ выборностью всѣхъ должностей и принадлежности земли народу», — которыхъ требуетъ программа Исполнительнаго Комитета, центральное правительство не *могло бы* принять никакихъ мѣръ для упроченія этого равенства; если даже и предположить, что оно придумало бы такія мѣры, которыя упразднили бы не только писанные законы Россійской имперіи, но и законы самаго товарнаго производства. Да оно и не захотѣло бы принимать такихъ мѣръ, такъ какъ оно состояло бы изъ представителей того «освобожденнаго экономически и политически народа», идеалы котораго въ лучшемъ случаѣ выражались бы словами «Земли и Воли», и не оставляли бы мѣста для какой либо организаціи національнаго производства (мы не говоримъ уже объ *интернаціональномъ*.)

Предположимъ, что въ виду этой опасности «временное правительство «Народной Воли» не передастъ захваченной имъ власти народнымъ представителямъ и превратится въ — постоянное. Тогда ему будетъ предстоять такая альтернатива: или оно должно будетъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ медленнаго разложенія созданнаго имъ «экономическаго равенства», или оно вынуждено будетъ *организовать* національное производство. Рѣшить эту трудную задачу оно должно будетъ или въ духѣ современнаго соціализма, чему помѣшаютъ, какъ его собственная непрактичность, такъ и современная степень развитія національнаго труда и привычки самихъ трудящихся; или же оно должно будетъ искать спасенія въ идеалахъ «патріархальнаго и авторитарнаго коммунизма», внося въ эти идеалы лишь то видоизмѣненіе, что вмѣсто перувіанскихъ «сыновъ солнца» и ихъ чиновниковъ національнымъ производствомъ будетъ завѣдывать соціалистическая каста. Но русскій народъ и теперь уже слишкомъ развитъ, чтобы можно было льстить себя надеждою на счастливый исходъ такихъ опытовъ надъ нимъ. Несомнѣнно, кромѣ того, что при такой опекѣ народъ не только не воспитался бы для соціализма, но или окончательно утратилъ бы всякую способность къ дальнѣйшему прогрессу, или сохранилъ бы эту способность, лишь благодаря возникновенію того самаго экономическаго *не*равенства, устраненіе котораго было бы непосредственной цѣлью

революціоннаго правительства. Мы не говоримъ уже о вліяніи между-народныхъ отношеній и о невозможности перувіанскаго коммунизма даже на востокѣ Европы XIX или XX столѣтія.

Впрочемъ, зачѣмъ такъ много говорить о *результатахъ* захвата власти нашими революціонерами. Вѣроятенъ ли, возможенъ-ли самый захватъ? По нашему мнѣнію очень, очень мало вѣроятенъ; такъ мало вѣроятенъ, что его можно считать совсѣмъ невозможнымъ. Нашъ «мыслящій пролетаріатъ» сдѣлалъ уже очень много для освобожденія своей родины. Онъ расшаталъ абсолютизмъ, пробудилъ политическій интересъ въ обществѣ, занесъ сѣмя соціалистической пропаганды въ среду нашего рабочаго класса. Онъ составляетъ переходъ отъ высшихъ классовъ общества къ низшему, обладаетъ образованіемъ первыхъ и демократическими инстинктами второго. Это положеніе облегчало ему разностороннюю работу агитаціи и пропаганды. Но то же самое положеніе даетъ ему очень мало надежды на успѣхъ заговора съ цѣлью захвата власти. Для такого заговора недостаточно талантовъ, энергіи и образованія; нужны связи, богатство и вліятельное общественное положеніе заговорщиковъ. Именно этого-то и не достаетъ нашей революціонной интеллигенціи. Пополнить этотъ недостатокъ она можетъ, лишь вступая въ союзъ съ другими недовольными элементами русскаго общества. Допустимъ, что ея планы встрѣтятъ сочувствіе со стороны этихъ элементовъ, допустимъ, что къ заговору примкнутъ богатые землевладѣльцы, капиталисты, чиновники, штабъ- и оберъ-офицеры. Успѣхъ заговора станетъ тогда вѣроятнѣе, хотя вѣроятность эта будетъ еще очень невелика: припомнимъ только исходъ большей части извѣстныхъ въ исторіи заговоровъ. Но главная опасность будетъ грозить *соціалистическому* заговору не со стороны существующаго правительства, а со стороны его собственныхъ участниковъ. Вошедшія въ него вліятельныя и высокопоставленныя лица могутъ быть искренними соціалистами лишь въ видѣ «счастливой случайности». Относительно же большей части этихъ лицъ не можетъ быть никакихъ гарантій въ томъ, что они не пожелаютъ воспользоваться захваченною ими властью для цѣлей, не имѣющихъ ничего общаго съ интересами рабочаго класса. А разъ

заговорщики отклонятся отъ соціалистической цѣли заговора, его можно считать не только безполезнымъ, но даже вреднымъ для соціальнаго развитія страны; вѣдь нельзя же изъ ненависти къ абсолютизму сочувствовать успѣху «новѣйшихъ Сэяновъ», — какъ выражается Степнякъ въ своей извѣстной книгѣ, — которые захотѣли бы воспользоваться заговоромъ въ своихъ собственныхъ интересахъ. Такимъ образомъ, результаты заговора соціалистической интеллигенціи съ цѣлью захвата власти въ ближайшемъ будущемъ станутъ тѣмъ болѣе сомнительными, чѣмъ болѣе сочувствія встрѣтитъ онъ во вліятельныхъ сферахъ, т. е., чѣмъ вѣроятнѣе будетъ его внѣшній успѣхъ; и наоборотъ, результаты такого заговора, поскольку рѣчь идетъ о намѣреніяхъ его участниковъ — будутъ тѣмъ несомнѣннѣе, чѣмъ болѣе его сфера ограничится нашей соціалистической «интеллигенціей», т. е, чѣмъ невѣроятнѣе будетъ его счастливый исходъ. Все заставляетъ думать, что въ настоящее время русскому соціалистическому заговору грозила бы неудача скорѣе второго, чѣмъ перваго рода.

Въ виду всего сказаннаго мы думаемъ, что единственною нефантастическою цѣлью русскихъ соціалистовъ можетъ быть теперь только завоеваніе свободныхъ политическихъ учрежденій съ одной стороны, и выработка элементовъ для образованія будущей *рабочей соціалистической партіи* Россіи — съ другой. Они должны выставить требованіе демократической конституціи, которая, вмѣстѣ съ «правами человѣка», обезпечила бы рабочимъ «права гражданина» и дала бы имъ, путемъ всеобщаго избирательнаго права, возможность активнаго участія въ политической жизни страны. Не пугая никого далекимъ пока «краснымъ призракомъ», такая политическая программа вызывала бы къ нашей революціонной партіи сочувствіе всѣхъ, не принадлежащихъ къ систематическимъ противникамъ демократіи; вмѣстѣ съ соціалистами подъ ней могли бы подписаться очень многіе представители нашего либерализма. *) И между тѣмъ, какъ захватъ

*) Примѣчаніе ко 2-му изданію Сочувствіе «общества» для насъ очень важно. И мы можемъ, — точнѣе: у насъ *было много шансовъ*, — пріобрѣсти его, ни на іоту не измѣняя своей программѣ. Но разумѣется, для перехода этой *возможности въ дѣйствительность* необходимъ *тактъ*, которымъ мы не всегда обладаемъ. Вотъ, напримѣръ,

власти той или другой тайной революціонной организаціей всегда останется лишь дѣломъ этой организаціи и лицъ, посвященныхъ въ ея планы, агитація въ пользу названной программы была бы дѣломъ всего русскаго общества, въ которомъ она усиливала бы сознательное стремленіе къ политическому освобожденію. Тогда интересы либераловъ дѣйствительно «заставили» бы ихъ «вмѣстѣ съ соціалистами дѣйствовать противъ правительства», потому что либералы перестали бы встрѣчать въ революціонныхъ изданіяхъ увѣренія въ томъ, что ниспроверженіе абсолютизма будетъ сигналомъ соціальной революціи въ Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ другая, менѣе пугливая, и болѣе трезвая часть либеральнаго общества перстала бы видѣть въ революціонерахъ непрактичныхъ юношей, задающихся несбыточными и фантастическими планами. Этотъ невыгодный для революціонеровъ взглядъ уступилъ бы мѣсто уваженію общества не только къ ихъ героизму, но и къ ихъ политической зрѣлости. Постепенно это сочувствіе перешло бы въ активную поддержку или, что вѣроятнѣе, самостоятельное общественное движеніе, и тогда пробилъ бы, наконецъ, часъ паденія абсолютизма. Соціалистическая партія играла бы въ этомъ освободительномъ движеніи весьма почетную и выгодную роль. Ея славное прошлое, ея самоотверженіе и энергія придали бы вѣсъ ея требованіямъ, и она имѣла бы, по крайней мѣрѣ, шансы завоевать, такимъ образомъ *народу* возможность политическаго развитія и воспитанія, а *себѣ* право открытаго обращенія къ нему съ своею проповѣдью и открытой организаціи его въ особую партію.

Но этого мало. Вѣрнѣе, это недостижимо безъ одновременной дѣятельности другого рода и въ другой сферѣ. Безъ силы нѣтъ и права. Всякая конституція, — по прекрасному выраженію Лассаля, — соотвѣтствуетъ или стремится придти въ соотвѣтствіе съ «*реальными, фактическими отношеніями силы, существующими въ странѣ*». Поэтому, наша соціалстическая интеллигенція должна позаботиться о томъ,

---

мы иногда пускаемся ругать «капиталъ» какъ разъ *по тому поводу*, — хотя, конечно, и *не за то*, — что онъ «бунтуетъ». Марксъ, никогда не сдѣлалъ бы такой грубой тактической ошибки. Онъ нашелъ бы что она достойна Карла Грюна и другихъ «истинныхъ соціалистовъ».

чтобы еще въ до-конституціонный періодъ измѣнить эти фактическія отношенія русскихъ общественныхъ силъ въ пользу рабочаго класса. Въ противномъ случаѣ, паденіе абсолютизма далеко не оправдаетъ надеждъ, возлагаемыхъ на него русскими соціалистами или даже демократами. Требованія народа и въ конституціонной Россіи могутъ быть оставлены совсѣмъ безъ вниманія или удовлетворены лишь настолько, насколько это необходимо для усиленія его податной способности, нынѣ почти совершенно истощенной хищническимъ характеромъ государственнаго хозяйства. Сама соціалистическая партія, завоевавши либеральной буржуазіи свободу слова и дѣйствія, можетъ очутиться въ «исключительномъ» положеніи, подобномъ положенію современной нѣмецкой соціальдемократіи. Въ политикѣ на благодарность вчерашнихъ союзниковъ и нынѣшнихъ враговъ можетъ разсчитывать лишь тотъ, кому невозможно разсчитывать на что-либо болѣе серьезное.

Къ счастью, русскіе соціалисты могутъ строить свои надежды на болѣе прочномъ основаніи. Они могутъ и должны надѣяться прежде всего на рабочій классъ. Сила рабочаго, какъ и всякаго другого класса, зависитъ, между прочимъ, отъ ясности его политическаго сознанія, отъ его сплоченности и организованности. Именно эти элементы его силы и подлежатъ воздѣйствію нашей соціалистической интеллигенціи. Она должна стать руководительницей рабочаго класса въ предстоящемъ освободительномъ движеніи, выяснить ему его политическіе и экономическіе интересы, равно, какъ и взаимную связь этихъ интересовъ, должна подготовить его къ самостоятельной роли въ общественной жизни Россіи. Она должна всѣми силами стремиться къ тому, что-бы, въ первый же періодъ конституціонной жизни Россіи, нашъ рабочій классъ могъ выступить въ качествѣ особой партіи съ опредѣленной соціально-политической программой. Подробная выработка этой программы, конечно, должна быть предоставлена самимъ рабочимъ, но интеллигенція должна выяснить имъ главнѣйшіе ея пункты, какъ напримѣръ, радикальный пересмотръ современныхъ аграрныхъ отношеній, податной системы и фабричнаго законодательства, государственная помощь производительнымъ ассоціаціямъ и т. п. Все это можетъ быть

достигнуто лишь путемъ усиленной работы въ средѣ, по крайней мѣрѣ, наиболѣе передовыхъ слоевъ нашего рабочаго класса, путемъ устной и печатной пропаганды и организаціи рабочихъ соціалистическихъ кружковъ. Эти задачи всегда занимали, правда, болѣе или менѣе видное мѣсто въ программахъ нашихъ соціалистовъ, а «календарь Народной Воли» можетъ убѣдить насъ въ томъ, что онѣ не были забыты даже въ пылу самой ожесточенной борьбы съ правительствомъ (смотри «подготовительную работу партіи», рубрику— В. *Городскіе рабочіе*). Но мы предлагаемъ всякому, знакомому съ нашимъ революціоннымъ движеніемъ, припомнить и сравнить, сколько силъ и средствъ поглотила разрушительная работа и сколько пошло ихъ на подготовленіе элементовъ для будущей *рабочей соціалистической партіи*. Не виня никого, мы думаемъ, однако, что распредѣленіе революціонныхъ силъ было слишкомъ односторонне. А между тѣмъ, мы напрасно стали бы объяснять это свойствомъ самихъ революціонныхъ силъ или той рабочей среды, на которую имъ нужно было воздѣйствовать, согласно ихъ собственной программѣ. Появленіе и успѣхъ такихъ изданій, какъ «Зерно» и «Рабочая газета», показываютъ, что наши революціонеры не утратили склонности къ пропагандѣ, а наши рабочіе не остались къ ней равнодушны. Названныя изданія не избѣжали, конечно, ошибокъ, иногда весьма существенныхъ, но не ошибается только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ. Главная бѣда въ томъ, что въ изданіи этихъ листковъ не видно той энергіи, съ какой ведется литературная пропаганда въ «интеллигентныхъ» слояхъ общества, что арестованная типографія не замѣняется новой, что за невозможностью вести дѣло изданія въ Россіи оно не переносится заграницу и т. д. Изъ всѣхъ заграничныхъ журналовъ, а ихъ было у насъ не мало, только «Работникъ» и имѣлъ въ виду читателей изъ народа, и въ этомъ величайшая заслуга его издателей. Но «Работникъ» давно уже прекратился, а мы ничего не слыхали о новыхъ попыткахъ въ этомъ родѣ, хотя бы и съ другою программою, болѣе подходящей къ измѣнившимся взглядамъ русскихъ соціалистовъ. А что издано у насъ для рабочихъ въ Россіи, кромѣ «Зерна» и «Рабочей газеты»? Ровно ничего. Ни од-

ной книжки, ни одной брошюры? *). И это въ то время, когда революціонное движеніе обратило на себя всеобщее вниманіе и народъ, съ жадностью ловя всѣ слухи и толки, въ недоумѣніи спрашиваетъ себя: чего хотятъ эти люди? Можно ли послѣ этого удивляться тѣмъ нелѣпымъ отвѣтамъ на этотъ вопросъ, которыми онъ довольствуется иногда, за неимѣніемъ лучшихъ. Повторяемъ, мы не винимъ *никого*, но *всѣмъ* совѣтуемъ обратить вниманіе на эту сторону дѣла, чтобы во время наверстать упущенное. **)

Такимъ образомъ, борьба за политическую свободу съ одной стороны, и подготовка рабочаго класса къ его будущей самостоятельной и наступательной роли — съ другой, такова по нашему мнѣнію «постановка партійныхъ задачъ», единственно возможная въ настоящее время. Связывать въ одно два такихъ существенно-различныхъ дѣла, какъ низверженіе абсолютизма и соціалистическая революція, вести революціонную борьбу съ разсчетомъ на то, что эти моменты общественнаго развитія *совпадутъ* въ исторіи нашего отечества — *значитъ отдалять наступленіе и того, и другого.* Но отъ насъ зависитъ *сблизить* эти два момента. Мы должны послѣдовать прекрасному примѣру нѣмецкихъ коммунистовъ, которые шли, по словамъ *Манифеста*, «рядомъ съ буржуазіей, по скольку она являлась революціонной въ борьбѣ своей противъ абсолютной монархіи» и, въ тоже время, ни на минуту не переставали вырабатывать въ умахъ рабочихъ возможно болѣе ясное сознаніе враждебной противо-

---

*) Примѣчаніе ко 2-му изданію. Отсюда видно, что идея популярнаго органа совсѣмъ не новость въ нашей литературѣ. Но это обстоятельство, разумѣется, не помѣшало ей казаться опаснымъ новшествомъ многимъ товарищамъ *не далѣе какъ наканунѣ нашего второго съѣзда*, когда я являлся между «искровцами» едва-ли не единственнымъ ея сторонникомъ. Теперь эта идея получила уже практическое, —болѣе или менѣе удачное, — осуществленіе. Лучше поздно, чѣмъ никогда. Но если бы вы слышали, читатель, какіе изумительные доводы приводились противъ этой идеи въ только что указанное, еще недалекое отъ насъ время, вы воскликнули бы, какъ Фаустъ: Wie weh, wie weh, wie weh!.

**) «Въ истекшемъ году — читаемъ мы въ Прибавленіи къ Листку Н. В. No 1 (1883 г., стр. 61) — былъ цѣлый рядъ стачекъ, которыя *благодаря отсутствію организаціи рабочихъ*, кончались большею частью неудачей»

положности интересовъ буржуазіи и пролетаріата». Поступая такимъ образомъ, коммунисты хотѣли, чтобы «нѣмецкая буржуазная революція послужила лишь непосредственнымъ прологомъ революціи рабочей».

Современное положеніе буржуазныхъ обществъ и вліяніе международныхъ отношеній на соціальное развитіе каждой цивилизованной страны даютъ право надѣятся, что соціальное освобожденіе русскаго рабочаго класса послѣдуетъ очень скоро за паденіемъ абсолютизма. Если нѣмецкая буржуазія «*пришла слишкомъ поздно*», то русская запоздала еще болѣе, и господство ея не можетъ быть продолжительнымъ. Нужно только, чтобы русскіе революціонеры, въ свою очередь, не «слишкомъ поздно» начали дѣло подготовки рабочаго класса, дѣло, теперь уже ставшее вполнѣ современнымъ и насущнымъ.

Во избѣжаніе недоразумѣній оговоримся. Мы не держимся того взгляда — скорѣе, какъ мы видѣли, навязаннаго школѣ Маркса, чѣмъ существовавшаго въ дѣйствительности— взгляда, по которому соціалистическое движеніе не можетъ будто бы встрѣтить поддержки въ нашей крестьянской средѣ до тѣхъ поръ, пока крестьянинъ не превратится въ безземельнаго пролетарія, а сельская община не разложится подъ вліяніемъ капитализма. Мы думаемъ, что—въ общемъ —русское крестьянство отнеслось бы съ большой симпатіей ко всякой мѣрѣ, имѣющей въ виду такъ называемую «національзацію земли». При возможности сколько нибудь свободной агитаціи въ его средѣ *) оно отнеслось бы съ сочувствіемъ и къ соціалистамъ, которые не замедлили бы, разумѣется, внести требованіе такого рода мѣръ въ свою программу. Но мы не преувеличиваемъ силъ нашихъ соціалистовъ и не игнорируемъ тѣхъ препятствій, того сопротивленія среды, съ которыми имъ неизбѣжно придется считаться въ своей дѣятельности. Поэтому, и *только поэтому*, мы думаемъ, что имъ слѣдуетъ, на первое время, сосредоточить главное свое вниманіе на промышленныхъ центрахъ. Современное сельское населеніе, живущее при отсталыхъ соціальныхъ условіяхъ, не только менѣе промышленныхъ рабочихъ способно къ сознательной политической *иниціативѣ*, но и менѣе ихъ *воспріим-*

*) Примѣчаніе ко 2-му изданію. Т. е. при конституціи.

чиво къ движенію, начатому нашей революціонной интеллигенціей. Ему труднѣе усвоить соціалистическія ученія, потому что условія его жизни слишкомъ не похожи на условія, породившія эти ученія. Къ тому же крестьянство переживаетъ теперь тяжелый критическій періодъ. Прежніе «старо-дѣдовскіе устои» его хозяйства рушатся, «сама несчастная община дискредитируется въ его глазахъ», по признанію даже такихъ «стародѣдовски»-народническихъ органовъ, какъ «Недѣля» (см. 39 N⁰ статью г. N. Z. «*Въ родныхъ мѣстахъ*»); новыя же формы труда жизни еще только складываются, и этотъ созидательный процессъ обнаруживаетъ наибольшую интенсивность именно въ промышленныхъ центрахъ. Какъ вода, размывая и разрушая одну часть почвы, образуетъ въ другихъ мѣстахъ новые осадки и отложенія, такъ процессъ русскаго соціальнаго развитія образуетъ новыя общественныя формаціи, разрушая вѣковыя формы отношенія крестьянъ къ землѣ и другъ къ другу. Эти новыя общественныя формаціи носятъ въ себѣ зародыши новаго общественнаго движенія, которое одно только и можетъ положить конецъ эксплуатаціи трудящагося населенія Россіи. Промышленные рабочіе, —обладающіе большимъ развитіемъ, болѣе высокими потребностями и болѣе широкимъ кругозоромъ, чѣмъ крестьянство, —примкнутъ къ нашей революціонной интеллигенціи въ ея борьбѣ съ абсолютизмомъ, и затѣмъ, добившись политической свободы, организуются въ рабочую соціалистическую партію, которая и должна будетъ начать систематическую пропаганду соціализма въ средѣ крестьянства. Говоримъ о *систематической пропагандѣ* потому, что отдѣльные случаи пропаганды и агитаціи въ крестьянствѣ, конечно не должны быть упускаемы и въ настоящее время. Едва-ли нужно прибавлять, что наши соціалисты должны были бы измѣнить распредѣленіе своихъ силъ въ народѣ, если бы въ средѣ крестьянства обнаружилось сильное самостоятелное движеніе.

Такова «программа», которая самою жизнью подсказывается русской революціонной соціалистической партіи. Сумѣетъ ли она выполнить эту программу? Захочетъ ли она покинуть фантастическіе планы и замыслы, которые, надо сознаться, очень много говорятъ чувству и воображенію? Пока еще трудно отвѣчать

на это съ увѣренностью. «Объявленіе объ изданіи Вѣстника Народной Воли» говоритъ о политическихъ задачахъ революціонной партіи лишь въ самыхъ общихъ выраженіяхъ. Редакція «Вѣстника» называетъ эти цѣли «совершенно опредѣленными» и не считаетъ, повидимому, нужнымъ снова опредѣлять ихъ въ своемъ объявленіи. Можно опасаться, поэтому, что она не сочтетъ также нужнымъ спросить себя, соотвѣтствуютъ ли «совершенно опредѣленныя условія» современной русской дѣйствительности «совершенно опредѣленнымъ цѣлямъ» партіи Народной Воли? Въ такомъ случаѣ, новый органъ оставитъ неудовлетворенной самую насущную потребность нашей революціонной литературы, потребность въ критическомъ пересмотрѣ устарѣвшихъ программъ и традиціонныхъ способовъ дѣйствія. Но мы надѣемся, что будущее разсѣетъ наши опасенія. Намъ хочется думать, что новый органъ трезво взглянетъ на тѣ задачи нашей революціонной партіи, отъ рѣшенія которыхъ зависитъ ея будущее. Общественная жизнь отнесется къ ея современнымъ иллюзіямъ съ тою же безпощадностью, съ какой отнеслась она къ иллюзіямъ нашихъ «бунтарей» и пропагандистовъ. *Лучше теперь же послѣдовать ея указаніямъ, чѣмъ оплачивать, впослѣдствіи, ея суровые уроки новыми расколами и новыми разочарованіями.*

Наши разногласія.

Письмо къ П. Л. Лаврову

(вмѣсто предисловія).

Многоуважаемый Петръ Лавровичъ!

Вы недовольны группой «Освобожденіе Труда». Въ № 2 «Вѣстника Народной Воли» Вы посвятили ея изданіямъ особую замѣтку, и хотя замѣтка эта очень не велика, но заключающихся въ ней двухъ съ половиной страницъ было достаточно для выраженія Вашего несогласія съ ея программой и Вашего неудовольствія по поводу ея отношенія къ «партіи Народной Воли».

Привыкши издавна уважать Ваши мнѣнія, зная, кромѣ того, съ какимъ вниманіемъ прислушивается къ нимъ наша революціонная молодежь всѣхъ оттѣнковъ и направленій, я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ въ защиту группы, къ которой Вы отнеслись, какъ мнѣ кажется, не совсѣмъ справедливо.

Я тѣмъ болѣе считаю себя вправѣ сдѣлать это, что въ своей замѣткѣ Вы говорите, главнымъ образомъ, о моей брошюрѣ «*Соціализмъ и политическая борьба*». Ею вызваны Ваши упреки, ея автору удобнѣе всего и отвѣчать на нихъ.

Вы находите, что эта брошюра можетъ быть раздѣлена на двѣ части, «къ которымъ, по Вашему мнѣнію, Вамъ приходится отнестись различно». Одна часть этой брошюры, «именно вторая глава, заслуживаетъ такое же вниманіе, какъ всѣ серьезные труды по вопросамъ соціализма». Другая, значительная

доля ея—говорите Вы—посвящена полемикѣ противъ прежней и настоящей дѣятельности партіи Народной Воли, заграничнымъ органомъ которой имѣетъ въ виду быть Вашъ журналъ. И Вы не только не согласны съ мнѣніями, высказанными мною въ этой части моей брошюры, но самый фактъ «полемикипротивъ Нарсдной Воли» кажется Вамъ заслуживающимъ строгаго порицанія. Вы думаете, что «не особенно трудно было бы доказать г. Плеханову, что его нападенія могутъ быть встрѣчены весьма вѣскими возраженіями (тѣмъ болѣе, что—можетъ быть вслѣдствіе поспѣшности—онъ цитируетъ неточно)». Вы убѣждены также, что моя «собственная программа дѣйствія заключаетъ въ себѣ, можетъ быть, гораздо большіе недостатки и непрактичности, чѣмъ тѣ, въ которыхъ я обвиняю партію Народной Воли». Но для указанія этихъ недостатковъ и непрактичностей Вы, къ величайшему моему сожалѣнію, не имѣете свободнаго времени. По Вашимъ словамъ, «органъ партіи «Народной Воли» посвященъ борьбѣ противъ политическихъ и соціальныхъ враговъ русскаго народа»; эта борьба такъ сложна, что требуетъ отъ Васъ «*всего* Вашего времени, *всѣхъ* Вашихъ трудовъ». Вамъ «нѣтъ ни досуга, ни охоты» посвящать долю Вашего изданія «на полемику противъ фракцій русскаго революціоннаго соціализма, считающихъ, что для нихъ полемика съ Народной Волей болѣе своевременна, чѣмъ борьба съ русскимъ правительствомъ и съ другими эксплуататорами русскаго народа». Надѣясь, что само время разрѣшитъ спорные вопросы въ Вашу пользу, Вы не считаете полезнымъ «подчеркивать не особенно значительное разногласіе» Ваше съ Освободителями труда—какъ Вамъ угодно называть насъ*)—прямыми ударами, на-

*) По поводу этого, придуманнаго Вами, названія, я позволю себѣ, мимоходомъ, замѣтить слѣдующее: «Освобожденіе труда» есть девизъ и названіе нашей группы. Но называть группу «Освобожденіе труда» группой «Освободителей труда» — значитъ грѣшить противъ этимологіи. Поясню это примѣромъ. Ваши сотрудники очень много говорятъ о «народоправленіи»; при нѣкоторой логической послѣдовательности они должны были бы согласиться, что самое названіе ихъ «партіи» — Народная Воля — является ничѣмъ инымъ, какъ девизомъ, выраженіемъ стремленія къ такому политическому строю, представленіе о которомъ связывается со словомъ народоправленіе. Но значитъ ли это, что они могутъ претендовать на титулъ *народоправителей?*

правленными на фракцію, большинство членовъ которой можетъ быть не сегодня-завтра въ рядахъ *Народной Воли*». Это превращеніе «освободителей труда» въ народовольцевъ кажется Вамъ тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что, по Вашимъ словамъ, «самъ г. Плехановъ, какъ онъ указалъ въ предисловіи къ своей брошюрѣ, совершилъ уже достаточно значительную эволюцію въ своихъ политико-соціальныхъ убѣжденіяхъ», и Вы «имѣете основаніе надѣяться на новые шаги» съ моей стороны «въ томъ же направленіи». Дойдя до этого пункта въ своей «эволюціи», пункта, который кажется Вамъ, повидимому, апогеемъ возможнаго въ настоящее время развитія русскаго соціализма, я сознаю, быть можетъ, — надѣетесь Вы — и еще одну сторону практической задачи всякой группы общественной арміи, дѣйствующей противъ общаго врага: именно, что разстраивать организацію этой арміи—даже если въ ней видишь, или предполагаешь нѣкоторые недостатки—дозволительно только или врагамъ *дѣла* этой арміи (изъ числа которыхъ Вы меня исключаете) или группѣ, которая сама, своею дѣятельностью, своею силою и организаціею способна стать общественною арміей въ данную историческую минуту». Но такая роль «находится, по Вашему мнѣнію, въ далекомъ, да пожалуй и нѣсколько сомнительномъ будущемъ» для «Освободителей труда», какъ таковыхъ, т. е. не завершившихъ еще цикла своихъ превращеній и изображающихъ собою въ настоящее время нѣчто въ родѣ народовольческихъ личинокъ или куколокъ.

Таково, многоуважаемый Петръ Лавровичъ, содержаніе всего сказаннаго Вами о моей брощюрѣ, переданное почти дословно. Я, быть можетъ, утомилъ Васъ обиліемъ цитатъ изъ Вашей собственной замѣтки, но съ одной стороны я боялся новаго обвиненія въ томъ, что я «не точно цитирую», а кромѣ того я считалъ нелишнимъ напомнить читателю Ваши слова во всей ихъ полнотѣ, чтобы, такимъ образомъ, облегчить ему произнесеніе окончательнаго приговора по нашему дѣлу. Вы знаете, что читающая публика есть главный, верховный судья во всѣхъ спорахъ, возникающихъ въ свободной «республикѣ слова». Неудивительно, поэтому, что каждая изъ сторонъ должна принимать всѣ мѣры для выясненія этой публикѣ истиннаго характера спорнаго вопроса.

Изложивши ваши замѣчанія на мою брошюру и Ваши соображенія о принятой группой «Освобожденіе труда» тактикѣ по отношенію къ «партіи Народной Воли», я перехожу теперь, многоуважаемый Петръ Лавровичъ, къ тѣмъ объясненіямъ, безъ которыхъ невозможно правильное пониманіе мотивовъ, побудившихъ меня и моихъ товарищей поступать именно такъ, а не иначе.

Собственно говоря, я могъ бы признать всякій разговоръ о такихъ мотивахъ совершенно излишнимъ, а читатель можетъ найти его очень мало интереснымъ. Какъ! Развѣ вопросъ о ближайшихъ задачахъ, тактикѣ и научномъ обоснованіи всей дѣятельности нашихъ революціонеровъ не составляетъ для насъ самаго важнаго, самаго насущнаго вопроса русской общественной жизни? Развѣ вопросъ этотъ можетъ уже считаться рѣшеннымъ окончательно и безаппеляціонно? И развѣ не обязанъ всякій революціонный писатель способствовать выясненію его всѣми силами, какими онъ только обладаетъ, со всѣмъ вниманіемъ, на какое онъ только способенъ? Или выясненіе это можетъ быть признано полезнымъ лишь въ томъ случаѣ, когда въ результатѣ его получается то убѣжденіе, что, не обладая непогрѣшимостью папы, русскіе революціонеры не сдѣлали, однако, ни одной ошибки въ своей практической дѣятельности, ни одного промаха въ своихъ теоретическихъ разсужденіяхъ, что «все обстоитъ благополучно», какъ въ томъ, такъ и въ другомъ отношеніи? Или люди, не раздѣляющіе этой пріятной увѣренности должны быть осуждены на молчаніе и чистота ихъ намѣреній можетъ быть заподозрѣна всякій разъ, когда они берутся за перо, чтобы обратить вниманіе революціонеровъ на то, какъ ведется и какъ должно быть ведено, по ихъ крайнему разумѣнію, революціонное дѣло? Если Спиноза еще въ XVII столѣтіи говорилъ, что въ свободномъ государствѣ каждому должно быть предоставлено право думать, что онъ хочетъ и говорить, что онъ думаетъ, то возможно ли, чтобы это право могло быть подвергнуто сомнѣнію въ концѣ XIX вѣка, въ средѣ соціалистической партіи хотя бы и самаго отсталаго государства Европы? Признавая право свободной рѣчи въ принципѣ, занося требованіе его въ свои программы, русскіе соціалисты не могутъ

предоставить *пользованіе* этимъ правомъ лишь той фракціи или «партіи», которая претендуетъ на гегемонію въ данный періодъ революціоннаго движенія. Я думаю, что теперь, когда наша легальная литература подвергается самому безпощадному гоненію, когда въ нашемъ отечествѣ, въ области мысли, какъ и во всѣхъ другихъ сферахъ дѣятельности, «все живое, все честное косится» — я думаю, что въ такое время отъ революціоннаго писателя можно скорѣе потребовать объясненія его *молчанія*, чѣмъ *факта появленія* того или другого изъ его произведеній. И если Вы согласитесь съ этимъ, — а не согласиться едва-ли возможно —то Вы согласитесь также и съ тѣмъ, что нельзя же осуждать на лицемѣріе писателя-революціонера, который очень и очень многимъ долженъ пожертвовать, по прекрасному выраженію Герцена, «человѣческому достоинству, свободной рѣчи». А если и это такъ, то можно ли винить его, если онъ прямо, безъ обиняковъ и недомолвокъ, высказываетъ то, что думаетъ о тѣхъ или другихъ программахъ революціонной дѣятельности? Я увѣренъ, уважаемый Петръ Лавровичъ, что Вы отвѣтите на этотъ вопросъ отрицательно. За это мнѣ ручается, помимо всего другого, Ваша подпись подъ «Объявленіемъ объ изданіи Вѣстника Народной Воли», гдѣ, на страницѣ VIII, мы читаемъ слѣдующее: «Соціализмъ, какъ всякая жизненная «историческая идея, вызываетъ многочисленныя, хотя не особенно существенныя, разногласія между своими «приверженцами, и много, какъ теоретическихъ, такъ «и практическихъ вопросовъ въ немъ остаются спор«ными. Вслѣдствіе большей сложности, большихъ «затрудненій и меньшей давности въ развитіи рус «скаго соціализма, болѣе или менѣе замѣтныя рас«хожденія во взглядахъ между русскими соціалистами, «могутъ быть еще многочисленнѣе. Но это, повто«ряемъ, именно доказываетъ, что русская соціалисти«ческая партія есть партія живая, вызывающая энер«гическую работу мысли, энергическія убѣжденія «среди своихъ сторонниковъ, партія, не успокоивша«яся на догматическомъ вѣрованіи въ заученныя формулы.»

Я не понимаю, какимъ образомъ редакторъ, подписавшій это объявленіе, можетъ встрѣчать съ неудовольствіемъ литературныя произведенія группы,

разногласія которой съ Народной Волей онъ именно считаетъ «не особенно значительными» (В. Н. В. № 2, отд. II, стр. 65, строка 10 снизу); я не могу допустить, чтобы журналъ, напечатавшій это объявленіе, могъ относиться враждебно къ людямъ, «неуспокоившимся на догматическомъ вѣрованіи въ заученныя формулы». Вѣдь нельзя же думать, что вышеприведенныя строки были написаны лишь для того, чтобы объяснить читателю, почему «программа, поставленная Вѣстникомъ Народной Воли, охватываетъ взгляды, въ нѣкоторой мѣрѣ нетожественные между собою» (Объявл. объ изд. В. Н. В. стр. VII). Нельзя также предполагать, что, поставивъ себѣ такую «опредѣленную программу», В. Н. В. признаетъ жизненное значеніе «болѣе или менѣе замѣтныхъ расхожденій между русскими соціалистами» лишь въ томъ случаѣ, когда они «не выходятъ изъ предѣловъ» этой программы, «охватывающей взгляды, въ нѣкоторой мѣрѣ нетожественные между собою». Это значило бы быть терпимымъ лишь по отношенію къ членамъ свой собственной церкви, признавать съ героями Щедрина, что оппозиція не вредна лишь въ томъ случаѣ, если она не вредитъ. Такой либерализмъ, такая терпимость не много отраднаго заключали бы въ себѣ для всѣхъ русскихъ соціалистовъ — «нонконформистовъ», которыхъ теперь, повидимому, не мало, такъ какъ Вы въ своей замѣткѣ говорите о «фракціяхъ, считающихъ, что для нихъ полемика противъ Народной Воли своевременнѣе» и т. д. Изъ этихъ словъ явствуетъ, что такихъ фракцій по крайней мѣрѣ двѣ и что В. Н. В., «имѣющій въ виду быть органомъ объединенія всѣхъ русскихъ соціалистовъ-революціонеровъ», до сихъ поръ далеко не достигъ еще своей цѣли. Я думаю, что такая неудача должна была бы расширять, а не суживать предѣлы свойственной его редакціи терпимости.

Вы совѣтуете мнѣ не «разстраивать организацію» нашей революціонной арміи. Но прежде всего, позвольте мнѣ спросить Васъ, о какой «общественной арміи» говорите Вы? Если подъ этой метафорой Вы понимаете организацію «партіи Народной Воли», — то я никогда не думалъ, что моя брошюра окажетъ на нее разрушительное дѣйствіе, и убѣжденъ, что первый спрошенный Вами народоволецъ успокоитъ Васъ на этотъ счетъ. Если же подъ «разстраиваніемъ органи-

заціи общественной арміи» Вы понимаете привлеченіе къ нашей группѣ людей, по тѣмъ или другимъ причинамъ стоявшихъ внѣ «партіи Народной Воли», то отъ такого привлеченія «организація общественной арміи» можетъ только выиграть, такъ какъ въ ея средѣ появится новая группа, составленная, такъ сказать, изъ новобранцевъ. Кромѣ того, съ какихъ это поръ обсужденіе пути, по которому идетъ та или другая армія, выраженіе увѣренности въ томъ, что существуетъ другой путь, который вѣрнѣе и скорѣе приведетъ ее къ побѣдѣ—стало считаться «разстраиваніемъ организаціи этой арміи»? Я думаю, что такое смѣшеніе понятій возможно только въ дикихъ полчищахъ азіатскихъ деспотій, а никакъ не въ арміяхъ современныхъ цивилизованныхъ государствъ. Кому же не извѣстно, что критика тактики, принятой той или другой арміей можетъ повредить развѣ лишь военной репутаціи генераловъ этой арміи, которые, пожалуй, не прочь будутъ «наложить палецъ молчанія» на нескромныя уста. Но причемъ же здѣсь «организація арміи», да и кто ея предводители? Вы знаете, что такіе предводители могутъ быть или выбранными самими рядовыми или назначенными сверху. Допустимъ на минуту, что Исполнительный Комитетъ играетъ роль предводителя нашей революціонной арміи. Спрашивается, обязаны ли повиноваться ему даже тѣ, которые не участвовали въ его избраніи, а если онъ назначенъ сверху, то кто и какую имѣлъ власть для этого назначенія?

Вы относите нашу группу къ «фракціямъ русскаго революціоннаго соціализма, считающимъ, что для нихъ полемика съ *«Народной Волей»* болѣе своевременна, чѣмъ борьба съ русскимъ правительствомъ и съ другими эксплуататорами русскаго народа». Позвольте мнѣ спросить Васъ, думаете ли Вы, что къ числу особенностей русскаго народа и «данной исторической минуты» относится и то обстоятельство, что борьба «противъ его эксплуататоровъ» можетъ быть ведена безъ распространенія идей, въ которыхъ выражались бы смыслъ и тенденція этой борьбы? Мнѣ ли, бывшему «бунтарю», доказывать Вамъ, бывшему редактору журнала «Впередъ», что ростъ революціоннаго движенія немыслимъ безъ распространенія наиболѣе передовыхъ, наиболѣе здравыхъ, словомъ, наиболѣе революціонныхъ идей и понятій въ соотвѣтствующемъ слоѣ об-

щества? Ваше-ли вниманіе нужно обращать на то обстоятельство, что соціализмъ, «какъ онъ выразился» въ сочиненіяхъ Маркса и Энгельса, представляетъ собою самое могучее духовное оружіе въ борьбѣ со всевозможными эксплуататорами народа? Въ распространеніи же ученій названныхъ писателей именно и заключается цѣль моихъ товарищей, какъ это ясно высказано въ объявленіи объ изданіи «*Библіотеки Современнаго Соціализма*». Что соціализмъ школы Маркса во многомъ расходится съ «русскимъ соціализмомъ, какъ онъ выразился» въ нашемъ революціонномъ движеніи вообще и въ «партіи Народной Воли» въ частности — это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, такъ какъ «русскій соціализмъ» до сихъ поръ еще носитъ очень длинную бакунистскую косу за своей спиною. Что русскимъ марксистамъ нерѣдко приходится, поэтому, становиться въ отрицательное отношеніе къ нѣкоторымъ «заученнымъ формуламъ» русскаго соціализма—это также вполнѣ понятно и естественно; но отсюда еще никоимъ образомъ не слѣдуетъ, что они борьбу противъ революціонеровъ предпочитаютъ борьбѣ противъ правительства. Въ Вѣстникѣ Народной Воли нѣкто г. Тарасовъ усиливается опровергнуть одно изъ основныхъ положеній исторической теоріи Маркса.*) Статья г. Тарасова занимаетъ первое мѣсто, такъ сказать передній уголъ во 2 № В. Н. В. Значитъ ли это обстоятельство, что г. Тарасовъ находитъ, что для него полемика противъ Маркса «своевременнѣе, чѣмъ борьба съ русскимъ правительствомъ и съ другими эксплуататорами русскаго народа?» Или полемика, умѣстная и «своевременная» подъ перомъ дюрингіанцевъ, бакунистовъ и блайкистовъ, становится оскорбленіемъ величества русской революціи, какъ только возвышаютъ свой голосъ марксисты? Справедливо ли, скажу больше, объяснимо ли такое отношеніе со стороны писателя, столько разъ заявлявшаго о своемъ согласіи съ теоріями Маркса?

*) Съ г. Тарасовымъ я еще надѣюсь побесѣдовать особо, по окончаніи его статьи. Теперь же замѣчу, что г. Тарасовъ совсѣмъ не понялъ ни Маркса, ни его «эпигоновъ», и въ своей святой простотѣ полемизируетъ, въ сущности, противъ маленькаго буржуа Жоржа Молинари, а отнюдь не противъ великаго соціалиста Карла Маркса. Точно также «методъ» г. Тарасова приводитъ меня въ большое смущеніе. Почтенный авторъ очевидно заимствовалъ его изъ

Я хорошо знаю, что рѣшеніе вопроса о задачахъ нашей революціонной партіи съ точки зрѣнія названныхъ теорій представляетъ собою далеко не легкую задачу. Основныя положенія этихъ теорій составляютъ, собственно говоря, лишь «большую посылку» силлогизма, такъ что люди, одинаково признающіе правильность и великое научное значеніе этой первой посылки, могутъ соглашаться или расходиться между собою въ выводѣ, смотря потому какъ понимаютъ они вторую, «малую» посылку, роль которой должна играть та или иная оцѣнка современной русской дѣйствительности. Я нисколько не удивляюсь, поэтому, Вашему несогласію съ нашей программой, хотя и думаю, что оставаясь марксистомъ, Вы не въ состояніи были бы «доказать» мнѣ, что «моя» программа заключаетъ въ себѣ «гораздо большіе недостатки и непрактичности», чѣмъ тѣ, въ которыхъ я «обвиняю партію Народной Воли». Но никакія разногласія въ оцѣнкѣ современной русской дѣйствительности не объяснятъ мнѣ и моимъ товарищамъ того несправедливаго отношенія, въ какое Вы стали къ намъ въ своей замѣткѣ.

Я обращаюсь къ безпристрастію читателя. На письменномъ столѣ редактора «Вѣстн. Народ. Воли» лежатъ двѣ брошюры, изданныя группой «Освобожденіе труда». Одна изъ этихъ брошюръ представляетъ собою переводъ того сочиненія Энгельса, которое уважаемый редакторъ называетъ «самымъ замѣчательнымъ произведеніемъ соціалистической литературы за послѣдніе годы».

Вторая изъ этихъ брошюръ, по словамъ того же редактора, одною своею частью заслуживаетъ «такое же вниманіе, какъ и всѣ серьезные труды по вопросамъ соціализма». Другая часть этой брошюры заклю-

---

той же самой буржуазной науки, «банкротство» которой онъ такъ неопровержимо доказалъ въ первомъ N⁰ «Вѣстника». Какъ буржуазные писатели для доказательства своихъ «естественныхъ законовъ» имѣли обыкновеніе изобрѣтать «дикарей», которые, разумѣется, ни о чемъ такъ не мечтали, какъ о «сбереженіи» и «накопленіи капитала», такъ и г. Тарасовъ, сознательно уже игнорируя данныя современной этнологіи, изобрѣтаетъ «дикарей», которые оказываются явными бланкистами и стремятся лишь къ «захвату власти» надъ своими сосѣдями. Этотъ своеобразно-*индуктивный* методъ грозитъ привести къ полному «банкротству» соціалистическо-дюрингіанскую «науку» г. Тарасова.

чаетъ въ себѣ «полемику противъ прежней и настоящей дѣятельности Народной Воли», полемику, которая имѣетъ цѣлью доказать этой партіи, что «нанеся своею практическою дѣятельностью смертельный ударъ всѣмъ традиціямъ правовѣрнаго народничества и сдѣлавъ такъ много для развитія революціоннаго движенія въ Россіи, партія Народной Воли не можетъ найти оправданія, да и не должна искать его, помимо современнаго научнаго соціализма» *). И эта-то *одна часть одной части* изданій группы «Освобожденіе труда» доказываетъ, по мнѣнію нашего редактора, что названная группа задается чуть ли не исключительною цѣлью «полемики противъ Народной Воли» и ради этой цѣли готова отказаться отъ борьбы съ правительствомъ! При самой незначительной долѣ безпристрастія, читатель согласится, что такое умозаключеніе отъ части къ цѣлому не оправдывается характеромъ другихъ частей этого цѣлаго.

Я не отрицаю полемическаго или, вѣрнѣе, критическаго характера «одной части» своей брошюры. Но что полемика противъ Народной Воли не являлась исключительной цѣлью даже этой, инкриминированной, ея части, — видно уже изъ того, упущеннаго Вами, Петръ Лавровичъ, изъ виду обстоятельства, что моя критика не ограничивалась однимъ народовольческимъ періодомъ русскаго движенія. Я критиковалъ тамъ и другія его формаціи. И если ужъ изъ факта печатнаго и притомъ *мотивированнаго* выраженія моего несогласія съ той или другой революціонной программой слѣдуетъ, что полемика противъ этой программы составляетъ главную цѣль моей литературной дѣятельности, то въ интересахъ истины нужно было бы значительно расширить выдвинутое противъ меня обвиненіе. Слѣдовало сказать, что главною цѣлью моей литературной дѣятельности является полемика противъ анархистовъ, бакунистовъ, народниковъ стараго толка, народовольцевъ и, наконецъ, «марксистовъ», непонимающихъ значенія политической борьбы въ дѣлѣ эмансипаціи пролетаріата. Кромѣ того, нужно было бы принять въ соображеніе еще и то обстоятельство, что «другая доля брошюры г. Плеханова посвящена изложенію и подтвержденію философско-

*) См. бр. «Соціализмъ и политическая борьба», стр. 20. (стр. 160 этого перваго тома собр. соч.)

исторической стороны ученія Маркса и Энгельса». Тогда было бы ясно, что я виновенъ въ распространеніи тѣхъ революціонныхъ взглядовъ, которые я раздѣляю, и въ полемикѣ, противъ тѣхъ, которые кажутся мнѣ ошибочными. Но и это не все. При внимательномъ разсмотрѣніи всѣхъ обстоятельствъ дѣла изъ него явствовало бы, что мое преступленіе совершено «по заранѣе обдуманному намѣренію», такъ какъ еще въ «Объявленіи объ изданіи Библіотеки современнаго соціализма» я и П. Аксельродъ прямо заявляемъ, что задача нашихъ изданій сводится:

1) Къ распространенію идей научнаго соціализма, путемъ перевода на русскій языкъ важнѣйшихъ произведеній школы Маркса и Энгельса, и оригинальныхъ сочиненій, имѣющихъ въ виду читателей различныхъ степеней подготовки.

2) Критикѣ господствующихъ въ средѣ нашихъ революціонеровъ ученій и разработкѣ важнѣйшихъ вопросовъ русской общественной жизни съ точки зрѣнія научнаго соціализма и интересовъ трудящагося населенія Россіи.

Таковъ истинный характеръ вызвавшаго Ваше неудовольствіе «дѣянія». Чтобы сдѣлать хоть одинъ упрекъ человѣку, его совершившему, нужно прежде всего доказать, что теперь не представляется никакой надобности въ критикѣ господствующихъ въ нашей революціонной средѣ программъ и ученій, или что эта критика должна превратиться, какъ выражался когда-то Бѣлинскій по другому, конечно, поводу, въ «скромную служительницу авторитета, льстивую повторяльщицу избитыхъ общихъ мѣстъ». Но я уже говорилъ, что едва ли найдется писатель, который рѣшился бы поддерживать такое неслыханное положеніе, и ужъ ни въ какомъ случаѣ не Вы, многоуважаемый Петръ Лавровичъ, станете утверждать, что нашей революціонной партіи пора «успокоиться на догматическомъ вѣрованіи въ заученныя формулы». А если это такъ, то

Wozu der Laerm?

Впрочемъ, не рѣшаясь вполнѣ отрицать значеніе критики въ нашей революціонной литературѣ, многіе думаютъ, повидимому, что не всякая отдѣльная личность и не всякая группа личностей имѣетъ право критиковать ученія и тактику «дѣйствующей партіи».

Послѣ выхода въ свѣтъ моей брошюры мнѣ не разъ приходилось слышать замѣчанія въ этомъ смыслѣ. «Партія дѣйствія», «традиціи Народной Воли», «героическая борьба», — вотъ фразы, которыми прикрывалась боязнь самомалѣйшаго прикосновенія къ «заученнымъ формуламъ» нашего революціоннаго катехизиса. Мое право на выраженіе моихъ несогласій съ «партіей Народной Воли», или, вѣрнѣе, съ ея литературными произведеніями, подвергалось оспариванію совершенно независимо отъ вопроса о томъ, кто правъ, — я или публицисты нашей «партіи дѣйствія»? Прислушиваясь къ этимъ нападкамъ на мою брошюру, я невольно вспоминалъ аргументацію «Саламанкскаго баккалавра» дона Иниго-и-Медрозо-и-Комодіосъ-и-Папаламіендо въ знаменитой controverse des mais. «Mais, monsieur, malgré toutes les belles choses que vous venez de me dire, — говорилъ этотъ діалектикъ — vous m'avouerez que votre église anglicane, si respectable, n'existait pas avant dom Luther et avant dom Eocolampade; vous êtes tout noveaux: donc vous n'êtes pas de la maison!» И я спрашивалъ себя, неужели аргументація, подсказанная великимъ сатирикомъ своимъ злѣйшимъ врагамъ, можетъ быть серьезно употреблена въ дѣло русскими революціонерами, и каррикатура католическаго «баккалавра» станетъ точнымъ изображеніемъ русскихъ діалектиковъ изъ революціонной среды? Согласитесь, многоуважаемый Петръ Лавровичъ, что нѣтъ ничего печальнѣе такого рода перспективы и что никакія опасенія за цѣлость «организаціи» ровно ничего не значатъ въ сравненіи съ опасеніемъ такого ужаснаго умственнаго упадка!

Въ интересахъ Народной Воли лежитъ самое рѣшительное противодѣйствіе вырожденію нашей революціонной литературы въ революціонную схоластику. А между тѣмъ, Ваша замѣтка, многоуважаемый Петръ Лавровичъ, можетъ скорѣе поддержать, чѣмъ ослабить рвеніе нашихъ революціонныхъ «баккалавровъ». Высказанное Вами убѣжденіе въ томъ, что «разстраивать организацію» революціонной арміи «дозволительно или врагамъ *дѣла* этой арміи или группѣ, которая сама, своею дѣятельностью, своею силою и организаціею способна стать общественною арміею въ данную историческую минуту», Ваше указаніе на то обстоятельство, что для нашей группы «эта роль находится еще

въ далекомъ, да пожалуй и нѣсколько сомнительномъ будущемъ» — все это можетъ подать поводъ къ тому выводу, будто по Вашему мнѣнію наша группа «въ свои лѣта» хотя и можетъ «смѣть свое сужденіе имѣть», но должна старательно припрятывать его каждый разъ, когда оно противорѣчитъ мнѣніямъ редакціи того или другого изъ періодическихъ изданій «партіи Народной Воли». Разумѣется, такой выводъ изъ сказаннаго Вами былъ бы неправильнымъ; но не нужно забывать того обстоятельства, что люди не всегда разсуждаютъ по всѣмъ правиламъ строгой логики.

Самый принципъ, высказанный Вами въ только что цитированныхъ строкахъ, можетъ вызвать много печальныхъ недоразумѣній. Эти строки могутъ послужить совершенно «несвоевременнымъ» avis для читателей-нонконформистовъ. Онѣ могутъ навести ихъ на такія, приблизительно, размышленія. Группѣ, способной стать «общественной арміей въ данную историческую минуту», *дозволительно* «разстроивать организацію» нашей революціонной арміи. Тѣмъ болѣе «дозволительно» этой послѣдней, въ качествѣ заслуженнаго и испытаннаго войска, «разстраивать организацію» тѣхъ «несогласномыслящихъ» группъ, гегемонія которыхъ кажется ей дѣломъ очень далекимъ, «да пожалуй и нѣсколько сомнительнымъ». Какую же революціонную фракцію считаетъ «общественной арміей» редакція «Вѣстника Народной Воли»? Вѣроятно — «партію Народной Воли». Значитъ... но выводъ ясенъ, и выводъ въ высшей степени печальный для группъ, которыя, подобно намъ, полагали до сихъ поръ, что можно критиковать чужія воззрѣнія, но нельзя «разстраивать» чужія организаціи, а лучше идти съ ними «*рядомъ, поддерживая и пополняя другъ друга*».*)

Будущее нашей группы кажется Вамъ сомнительнымъ. Я самъ готовъ сомнѣваться въ немъ, посколку рѣчь идетъ о нашей группѣ, какъ таковой, а не о тѣхъ воззрѣніяхъ, которыя она представляетъ.**)

Дѣло вотъ въ чемъ.

---

*) См. Объявленіе объ изданіи «*Библіотека Совр. Соціализма*», стр. 3, въ примѣчаніи.

**) Примѣч. къ настоящему изданію. Теперь странно даже и читать эти споры о будущности соціаль-демократіи въ Россіи. Теперь она господствуетъ между революціонерами и, конечно, была бы еще сильнѣе, еслибы не раздоры въ ея собственной средѣ.

Ни для кого не тайна, что наше революціонное движеніе находится теперь въ критическомъ періодѣ. Террористическая тактика Народной Воли поставила передъ нашей партіей цѣлый рядъ въ высшей степени жизненныхъ и важныхъ вопросовъ. Но, къ сожалѣнію, они до сихъ поръ остаются неразрѣшенными. Находившійся у насъ въ обращеніи запасъ бакунистскихъ и прудонистскихъ теорій оказался недостаточнымъ даже для правильной *постановки* этихъ вопросовъ. Выгнутая прежде въ одну сторону палка перегнулась теперь въ — другую. Прежнее, лишенное всякаго основанія отрицаніе «политики» уступило мѣсто столь же мало основательной увѣренности во всемогуществѣ конспираторскаго «политиканства». Программа петербургской «Нар. Воли» была поставленнымъ на голову бакунизмомъ, съ его славянофильскимъ противопоставленіемъ Россіи Западу, съ его идеализаціей первобытныхъ формъ народной жизни, съ его вѣрой въ соціальное чудотворство революціонныхъ организацій нашей интеллигенціи. Исходныя теоретическія положенія программы остались неизмѣненными и только практическіе выводы оказались діаметрально-противоположными прежнимъ. Отрекшійся отъ политическаго воздержанія бакунизмъ описалъ дугу въ 180 градусовъ, и возродился въ видѣ русской разновидности бланкизма, основывающей свои революціонныя надежды на экономической отсталости Россіи.

Этотъ бланкизмъ пытается теперь создать свою особую теорію, и въ послѣднее время нашелъ довольно полное выраженіе въ статьѣ г. Тихомирова «*Чего намъ ждать отъ революціи?*». Въ этой статьѣ употребленъ въ дѣло весь арсеналъ, какимъ только располагаютъ русскіе бланкисты для защиты своей программы. Г. Тихомирову нельзя отказать въ умѣніи владѣть оружіемъ: онъ ловко группируетъ говорящіе въ его пользу факты, осторожно обходитъ явленія противоположнаго характера и не безъ успѣха аппелируетъ къ чувствамъ читателя тамъ, гдѣ не надѣется подѣйствовать на его логику. Оружіе его подновлено, подчищено, подточено. Но присмотритесь къ нему внимательнѣе и Вы увидите, что оружіе это есть ничто иное, какъ старомодная шпага бакунизма, ткачевизма, украшенная новымъ клеймомъ: реакціонныхъ теорій мастеръ В. В. въ Петербургѣ. Ниже я сдѣлаю нѣкоторыя выписки изъ

«*Открытаго письма къ Фр. Энгельсу*» П. Н. Ткачева, и Вы сами увидите, многоуважаемый Петръ Лавровичъ, что товарищъ Вашъ повторяетъ лишь то, что десять лѣтъ тому назадъ было высказано редакторомъ «Набата» и что вызвало рѣзкій отвѣтъ Энгельса въ небезызвѣстной Вамъ брошюрѣ «Soziales aus Russland». Неужели же десять лѣтъ движенія не научили ничему лучшему нашихъ писателей? Неужели «партія Народной Воли» не хочетъ понять историческій смыслъ понесенныхъ ею жертвъ, политическаго значенія своей, поистинѣ геройской борьбы съ абсолютизмомъ? Находясь внѣ Россіи, ни я, ни Вы—не можемъ сказать ничего опредѣленнаго о настроеніи, господствующемъ въ настоящее время среди народовольцевъ. Но насколько можно судить по явленіямъ, происходящимъ внѣ организаціи «Народной Воли»—несомнѣнно, что не подъ ткачевскимъ знаменемъ суждено возродиться революціонному движенію. Наша революціонная молодежь находится въ нерѣшительномъ, колеблющемся состояніи, она извѣрилась въ старые способы дѣйствія, а множество возникающихъ въ ея средѣ новыхъ программъ и теорій показываетъ, что ни одна изъ нихъ въ частности не въ состояніи охватить всѣхъ дѣйствительныхъ интересовъ и всѣхъ насущныхъ задачъ нашего движенія. Скептицизмъ вступаетъ въ свои права. Народная Воля утрачиваетъ свое прежнее обаяніе. Три съ лишнимъ года, протекшіе со времени дѣла 1-го Марта, характеризуются упадкомъ революціонной энергіи въ Россіи. Нельзя оспаривать это печальное явленіе. Но многіе и многіе объясняютъ его, какъ мнѣ кажется, слишкомъ поверхностнымъ образомъ. Говорятъ, что наше движеніе ослабѣло подъ вліяніемъ правительственныхъ преслѣдованій. Я слишкомъ вѣрю въ «своевременность» русской революціи, чтобы удовольствоваться такимъ шаблоннымъ объясненіемъ. Я думаю, что потенціальная энергія русской революціи огромна, непобѣдима, и что если реакція и поднимаетъ голову, то лишь потому, что мы не умѣемъ перевести эту потенціальную энергію въ — кинетическую. Общественныя задачи современной Россіи не могутъ найти удовлетворительное рѣшеніе въ традиціонной, заговорщицкой программѣ бланкизма. Мало по малу эта избитая программа превратится въ Прокрустово ложе русской революціи. Ея призрачнымъ,

фантастическимъ цѣлямъ будутъ одинъ за другимъ принесены въ жертву всѣ тѣ способы дѣйствія, всѣ тѣ элементы движенія, которые составляли его силу, обусловливали его вліяніе. Террористическая борьба, агитація въ народѣ и въ обществѣ, возбужденіе и развитіе народной самодѣятельности — все это имѣетъ для бланкиста лишь второстепенное, подчиненное значеніе. Его вниманіе сосредоточено прежде всего на заговорѣ съ цѣлью захвата власти. Онъ не заботится о развитіи общественныхъ силъ,. о созданіи такихъ учрежденій, въ результатѣ которыхъ явилась бы невозможность возврата къ старому режиму. Онъ старается лишь скомбинировать готовыя уже общественныя силы. Онъ не считается съ исторіей, не стремится понять ея законы и направить сообразно съ ними свою революціонную дѣятельность; онъ просто замѣняетъ историческое развитіе своей конспираторской сноровкой.*) А такъ какъ ростъ революціонныхъ силъ Россіи еще далеко не законченъ, такъ какъ онѣ находятся еще въ процессѣ des Werdens, то это насильственное прекращеніе ихъ развитія должно имѣть очень вредныя послѣдствія, упрочивать существованіе реакціи, вмѣсто того, чтобы служить дѣлу прогресса. Въ этомъ случаѣ можетъ произойти одно изъ двухъ. Или будущее русской революціи окажется поставленнымъ на карту самаго несбыточнаго изъ всѣхъ—«*соціально-революціоннаго*»—заговора, или изъ нѣдръ оппозиціонной и революціонной Россіи выдвинется новая сила, которая, отодвинувъ на задній планъ «партію Народной Воли», возьметъ въ свои руки дѣло нашего движенія.

Для соціалистовъ было бы очень невыгодно, если бы руководство борьбой перешло въ руки нашихъ либераловъ. Это сразу лишило бы ихъ всего прежняго вліянія и на долгіе годы отсрочило бы созданіе соціалистической партіи въ передовыхъ слояхъ народа. Вотъ почему мы и указываемъ нашей соціалистической молодежи на марксизмъ, эту алгебру революціи, какъ я назвалъ его въ своей брошюрѣ, эту «программу»,

*) Наглядный примѣръ: одинъ изъ параграфовъ устава такъ называемыхъ нечаевцевъ прямо говоритъ, что «общій принципъ организаціи — не убѣждать, т. е. *не вырабатывать, а сплачивать тѣ силы, которыя уже есть на лицо*».

научающую своихъ приверженцевъ пользоваться каждымъ шагомъ общественнаго развитія въ интересахъ революціоннаго воспитанія рабочаго класса. И я увѣренъ, что рано или поздно наша молодежь и наши рабочіе кружки усвоятъ эту единственно революціонную программу. *Въ этомъ смыслѣ* «будущее» нашей группы вовсе не «сомнительно», и я не понимаю, откуда берется въ этомъ случаѣ скептицизмъ у Васъ, у писателя, не далѣе, какъ въ томъ же второмъ N⁰ Вѣстника, называющаго Маркса «великимъ учителемъ, который ввелъ соціализмъ въ его научный фазисъ, доказалъ его историческую правомѣрность и въ то же время положилъ начало организаціонному единству рабочей революціонной партіи». Вѣдь нельзя же признавать теоретическія положенія «великаго учителя» и умозаключать отъ нихъ къ бакунизму или бланкизму на практикѣ.

Повторяю, между самыми послѣдовательными марксистами возможно разногласіе по вопросу объ оцѣнкѣ современной русской дѣйствительности. Поэтому мы ни въ какомъ случаѣ не хотимъ прикрывать свою программу авторитетомъ великаго имени*). Къ тому же, мы напередъ готовы признать, что она заключаетъ въ себѣ многіе «недостатки и непрактичности», какъ всякій первый опытъ примѣненія данной научной теоріи къ анализу весьма сложныхъ и запутанныхъ общественныхъ отношеній. Но дѣло въ томъ, что ни я, ни мои товарищи не имѣемъ пока окончательно выработанной и законченной отъ перваго до послѣдняго параграфа программы. Мы только указываемъ нашимъ товарищамъ *направленіе*, въ которомъ нужно искать рѣшенія интересныхъ имъ революціонныхъ вопросовъ; мы толко отстаиваемъ вѣрный и безошибочный критерій, съ помощью котораго они смогутъ, наконецъ, сорвать съ себя лохмотья революціонной метафизики, почти безраздѣльно господствовавшей до сихъ поръ надъ нашими умами; мы только доказываемъ, что «наше революціонное движеніе не только ничего не потеряетъ, но, напротивъ, очень много выиграетъ, если русскіе народники и русскіе народо-

*) Прим. къ настоящему изданію. Очень недавно, совсѣмъ надняхъ, такое же мое заявленіе было понято соціальдемократической газетой «Пролетарій» за выраженіе неувѣренности въ правильности моего мнѣнія. Но дѣло объясняется иначе. Я никогда не хотѣлъ urare in verba magistri.

вольцы сдѣлаются, наконецъ, русскими марксистами, и новая, высшая точка зрѣнія примиритъ всѣ существующія у насъ фракціи»*). Наша программа еще должна быть закончена и закончена тамъ, на мѣстѣ, тѣми самыми кружками рабочихъ и революціонной молодежи, которые станутъ бороться за ея осуществленіе. Поправки, дополненія, улучшенія этой программы совершенно естественны, неизбѣжны, необходимы. Мы не боимся критики, а ожидаемъ ее съ нетерпѣніемъ, и ужъ, конечно, не станемъ, какъ Фамусовъ, затыкать передъ нею уши. Представляя дѣйствующимъ въ Россіи товарищамъ этотъ первый опытъ программы русскихъ марксистовъ, мы не только не желаемъ соперничать съ Народной Волей, но ничего не желаемъ такъ сильно, какъ полнаго и окончательнаго соглашенія съ этой партіей. Мы думаемъ, что партія Народной Воли *обязана* стать марксистской, если только хочетъ остаться вѣрной своимъ революціоннымъ традиціямъ и желаетъ вывести русское движеніе изъ того застоя, въ которомъ оно находится въ настоящее время.

Говоря о революціонныхъ традиціяхъ Нар. Воли, я имѣю въ виду не одну только террористическую борьбу, не одни аттентаты и политическія убійства. Я говорю о томъ расширеніи русла русскаго движенія, которое было необходимымъ слѣдствіемъ этой борьбы и которое показало намъ, до какой степени узки, абстрактны и односторонни были исповѣдуемыя нами въ то время теоріи. Вмѣстѣ съ Александромъ II динамитъ убилъ и эти теоріи. Но какъ русскій абсолютизмъ, такъ и бакунизмъ, во всѣхъ его разновидностяхъ, только убиты, а не похоронены. Они уже не живутъ, не развиваются, но они еще продолжаютъ разлагаться и своимъ разложеніемъ заражаютъ всю Россію, отъ самыхъ консервативныхъ до самыхъ революціонныхъ ея слоевъ. Только здоровая атмосфера марксизма можетъ помочь Народной Волѣ закончить такъ блистательно начатое ею дѣло, потому что, какъ говорилъ Лассаль, «съ высокихъ вершинъ науки можно раньше увидѣть зарю разсвѣта, чѣмъ среди обыденной сумятицы». Марксизмъ укажетъ нашимъ «народовольцамъ», какимъ образомъ, привлекая къ движенію новые, почти

*) «Соціализмъ и политическая борьба», стр. 56. (См, стр. 194 настоящаго I. т. собр. соч.).

еще незатронутые имъ слои, они могутъ вмѣстѣ съ тѣмъ обойти подводные камни гибельныхъ односторонностей, какимъ образомъ, утилизируя прогрессивныя стороны назрѣвающей либеральной революціи, они могутъ, тѣмъ не менѣе, до конца остаться вѣрными дѣлу рабочаго класса и соціализма. Совершенно чуждые узкаго духа сектантства, мы желаемъ Народной Волѣ не неудачъ, а дальнѣйшихъ успѣховъ, и если мы протягиваемъ ей *только одну* руку для примиренія, то это происходитъ потому, что другою рукою мы указываемъ ей на теоріи современнаго научнаго соціализма со словами — «*сими побѣдиши*!»

Къ сожалѣнію, Спенсеръ совершенно вѣрно замѣчаетъ, что консерватизмъ всякой организаціи прямо пропорціоналенъ ея совершенству. Суровая практика борьбы съ абсолютизмомъ выработала крѣпкую и сильную организацію Народной Воли. Совершенно необходимая и въ высшей степени полезная, организація эта не составляетъ исключенія изъ общаго правила и препятствуетъ теоретическимъ успѣхамъ партіи Народной Воли, стремясь возвести въ догматъ и увѣковѣчить ту программу и тѣ ученія, которыя могли имѣть лишь временное, переходное значеніе. Въ концѣ своей брошюры «*Соціализмъ и политическая борьба*» я выражалъ надежду, что «*Вѣстникъ Народной Воли*» сумѣетъ критически отнестись къ теоретическимъ промахамъ въ программѣ и практическимъ пробѣламъ въ дѣятельности Народной Воли. «Намъ хочется думать, говорилъ я, что новый органъ трезво взглянетъ на тѣ задачи нашей революціонной партіи, отъ рѣшенія которыхъ зависитъ ея будущее». Я ожидалъ, что женевскій «Вѣстникъ» пойдетъ дальше петербургской «Народной Воли». Но если Вы, многоуважаемый Петръ Лавровичъ, прочтете внимательно статью г. Тихомирова, то Вы сами убѣдитесь, что высказанные въ ней взгляды представляютъ собою огромный шагъ назадъ даже по отношенію къ «Народной Волѣ». И это совершенно естественно. Теоретическія посылки старой программы «Народной Воли» такъ шатки и противорѣчивы, что идти впередъ, опираясь на нихъ, — значитъ опускаться внизъ. Остается ожидать, что другіе прогрессивные элементы «партіи Народной Воли» возвысятъ, наконецъ, свой голосъ и что революціонное движеніе внутри этой партіи пой-

детъ, какъ шло оно всегда и вездѣ, то есть — *снизу*

А до тѣхъ поръ, пока этого не случится, мы не перестанемъ будить общественное мнѣніе нашихъ революціонеровъ, сколько бы ни вызывала наша литературная дѣятельность нападокъ, упрековъ и обвиненій, какъ бы ни было намъ тяжело то обстоятельство, что даже Вы, многоуважаемый Петръ Лавровичъ, встрѣчаете эту дѣятельность съ не удовольствіемъ, Вы, на одобреніе и сочувствіе котораго мы еще такъ недавно могли, казалось намъ, разсчитывать. Мы споримъ съ народовольцами въ интересахъ ихъ собственнаго дѣла и надѣемся, что они согласятся съ нами рано или поздно. Если же искренность наша будетъ заподозрѣна, если въ насъ увидятъ враговъ, а не друзей, — мы утѣшимся сознаніемъ правоты своего дѣла. Убѣжденные марксисты, мы останемся вѣрны девизу нашего учителя и пойдемъ своей дорогой, предоставивъ людямъ говорить, что имъ вздумается!

Крѣпко жму Вашу руку.

Искренно уважающій Васъ

Г. Плехановъ.

Женева 22 Іюля 1884 года.

Наши разногласія.

Введеніе.

I. Въ чемъ насъ упрекаютъ.

Сказанное мною выше о нападкахъ, упрекахъ и обвиненіяхъ—не пустая фраза. Группа «Освобожденіе труда» существуетъ еще очень недавно, а между тѣмъ, какъ много пришлось намъ услышать возраженій, порожденныхъ лишь упорнымъ нежеланіемъ вдуматься въ сущность нашей программы; какъ много недоразумѣній вызвано было однимъ желаніемъ подсказать намъ мысли и намѣренія, никогда не приходившія намъ въ голову! Одни прямо, другіе косвенно, намеками и полунамеками, избѣгая наносить намъ «прямые удары», не называя нашихъ именъ, но употребляя наши выраженія и истолковывая вкривь и вкось наши мысли,—изображали насъ сухими книжниками, доктринерами, готовыми пожертвовать счастьемъ и благосостояніемъ народа въ интересахъ стройности и гармоничности своихъ, высиженныхъ въ кабинетѣ, теорій. Сами теоріи эти объявлялись какимъ то заморскимъ товаромъ, распространеніе котораго въ Россіи было бы такъ же вредно для нея, какъ ввозъ англійскаго опія вреденъ для Китая. Давно уже пора положить конецъ этой путаницѣ понятій, давно пора выяснить эти, болѣе или менѣе искреннія, недоразумѣнія!

Я начинаю съ самаго важнаго.

Въ первой главѣ своей брошюры я сказалъ нѣсколько насмѣшливыхъ словъ по адресу революціонеровъ, боящихся «буржуазнаго» экономическаго прогресса и неизбѣжно приходящихъ «къ тому поразительному выводу, что экономическая отсталость Россіи является надежнѣйшимъ союзникомъ революціи, а застой долженъ красоваться въ качествѣ перваго и единственнаго параграфа нашей программы-минимумъ»

Я говорилъ тамъ, что русскіе анархисты, народники и бланкисты могутъ сдѣлаться «революціонерами по существу, а не по названію», лишь «революціонизируя свои собственныя головы, учась понимать ходъ историческаго развитія и становясь въ его главѣ, а не упрашивая старуху-исторію потоптаться на одномъ мѣстѣ, пока они проложатъ для нея новые, болѣе прямые и торные пути».*)

Въ концѣ третьей главы той же брошюры я старался убѣдить своихъ читателей въ томъ, что «связывать въ одно два такихъ существенно различныхъ момента, какъ низверженіе абсолютизма и соціалистическая революція, вести революціонную борьбу съ разсчетомъ на то, что эти два момента *совпадутъ* въ исторіи нашего отечества — *значитъ отдалять наступленіе и того, и другого*».**) Я выражалъ, далѣе, ту мысль, что «современное сельское населеніе, живущее при отсталыхъ соціальныхъ условіяхъ, не только менѣе промышленныхъ рабочихъ способно къ сознательной политической *иниціативѣ*, но и менѣе ихъ *воспріимчиво* къ движенію, начатому нашей революціонной интеллигенціей»... «Къ тому же—продолжалъ я—крестьянство переживаетъ теперь тяжелый критическій періодъ. Прежніе «стародѣдовскіе устои» его хозяйства рушатся, сама несчастная община дискредитируется въ его глазахъ, по признанію даже такихъ «стародѣдовски» - народническихъ органовъ, какъ «Недѣля», новыя же формы труда и жизни еще только складываются, и этотъ созидательный процессъ обнаруживаетъ наибольшую интенсивность именно въ промышленныхъ центрахъ».

Эти—и другія, подобныя имъ—мѣста подали поводъ къ тому умозаключенію, будто я и мои товарищи, убѣдившись, что ближайшее будущее принадлежитъ у насъ капитализму, готовы толкать трудящееся населеніе Россіи въ желѣзныя объятія капитала, и считаемъ «несвоевременной» всякую борьбу народа за свое экономическое освобожденіе.

Въ статьѣ «*Чего намъ ждать отъ революціи?*» г. Тихомировъ, описывая «курьезную роль» тѣхъ общественныхъ дѣятелей, программы которыхъ «лишены

*) Соціализмъ и Политическая борьба стр. 12—13. (См. стр. 153 настоящаго изданія.

**) Ibid 76.

связи съ жизнью», особенно подробно изображаетъ «трагическое положеніе» соціалистовъ, думающихъ, «что для выработки матерьяльныхъ условій, необходимыхъ для возможности соціалистическаго строя, Россія обязательно должна пройти черезъ стадію капитализма». Въ изображеніи г. Тихомирова положеніе это оказывается просто отчаяннымъ, въ немъ,

Что ни шагъ, то—ужасъ!

Нашимъ соціалистамъ приходится «хлопотать о созданіи класса, во имя котораго они хотятъ дѣйствовать, а для этого приходится желать скорѣйшей раскассировки тѣхъ милліоновъ рабочаго люда, которые существуютъ въ дѣйствительности, но, не будучи по несчастью пролетаріями, не имѣютъ роли въ научной схемѣ соціальнаго прогресса». Но грѣхопаденіе этихъ педантовъ соціализма не можетъ ограничиться сферой «хлопотъ» и «желаній». Wer A sagt, muss auch B sagen! «Будучи послѣдовательнымъ, и ставя интересы революціи выше своей личной нравственной чистоплотности, соціалистъ тутъ долженъ былъ бы прямо вступить въ союзъ съ рыцарями *первоначальнаго накопленія*, у которыхъ не дрогнетъ сердце и рука развивать разныя «прибавочныя стоимости» и объединять рабочихъ въ единоспасающемъ положеніи нищаго пролетарія». Революціонеръ превращается, такимъ образомъ, въ сторонника эксплуатаціи труда, и г. Тихомировъ вполнѣ «своевременно» спрашиваетъ— «гдѣ же тогда различіе между соціалистомъ и буржуа?»

Я не знаю, какихъ именно «соціалистовъ» имѣлъ, въ данномъ случаѣ, въ виду почтенный авторъ. Онъ вообще, какъ замѣтно, не любитъ «прямыхъ ударовъ» и, не указывая своихъ противниковъ, просто сообщаетъ читателямъ, что дескать «прочіе—другіе» думаютъ такъ-то и такъ-то. Читатель остается въ полной неизвѣстности относительно того, — кто же эти *прочіе —другіе* и точно ли они *думаютъ* то, что *говоритъ* за нихъ г. Тихомировъ. Я не знаю также, раздѣляютъ ли читатели его ужасъ передъ положеніемъ критикуемыхъ имъ соціалистовъ. Но затронутый имъ предметъ такъ интересенъ, обвиненія, выставленныя имъ противъ *нѣкоторыхъ* соціалистовъ, такъ сходны съ

обвиненіями, не разъ выдвигавшимися противъ насъ самихъ, отрицательное рѣшеніе вопроса о капитализмѣ до такой степени опредѣляетъ собою всю программу г. Тихомирова, всѣ его «ожиданія отъ революціи», — что именно его статья должна послужить *поводомъ* для возможно болѣе полнаго и всесторонняго выясненія этого вопроса.

Итакъ, «должна» или не «должна» Россія пройти черезъ «школу» капитализма?

Рѣшеніе этого вопроса имѣетъ огромную важность для правильной постановки задачъ нашей соціалистической партіи. Неудивительно, поэтому, что на него давно уже было обращено вниманіе русскихъ революціонеровъ. До самого послѣдняго времени огромное большинство ихъ склонно было категорически рѣшать его въ отрицательномъ смыслѣ. Я также отдалъ дань общему увлеченію, и въ передовой статьѣ 3 N «*Земли и Воли*» я старался доказать, что «исторія вовсе не есть однообразный механическій процессъ», что капитализмъ былъ необходимымъ предшественникомъ соціализма лишь «на Западѣ, гдѣ поземельная община разрушилась еще въ борьбѣ съ средневѣковымъ феодализмомъ»; что у насъ,—гдѣ эта община «составляетъ самую характерную черту въ отношеніяхъ нашего крестьянства къ землѣ», — торжество соціализма можетъ быть достигнуто совсѣмъ другимъ путемъ; коллективное владѣніе землею можетъ послужить исходнымъ пунктомъ для организаціи всѣхъ сторонъ экономической жизни народа на соціалистическихъ началахъ. «Поэтому, умозаключалъ я, главная задача наша заключается въ созданіи боевой народно-революціонной организаціи для осуществленія народно-революціоннаго переворота въ возможно болѣе близкомъ будущемъ».

Я поддерживалъ, такимъ образомъ, еще въ январѣ 1879 года то же положеніе, которое отстаиваетъ г. Тихомировъ, правда

Mit ein bischen anderen Worten,

теперь, въ 1884 г., говоря, что за той «таинственной чертой, гдѣ бурлятъ и пѣнятся волны историческаго потока», т. е. выражаясь проще, за паденіемъ современнаго соціально-политическаго строя, «насъ ждетъ» не царство капитализма, какъ утверждаютъ «нѣкоторые», а «начало соціалистической организаціи

Россіи». Необходимость созданія «боевой народно-революціонной организаціи» отходитъ у г. Тихомирова на второй планъ и уступаетъ мѣсто конспираторской организаціи нашей интеллигенціи, которая должна захватить власть и тѣмъ дать сигналъ народной революціи. Въ этомъ случаѣ его взгляды расходятся съ моими прежними взглядами ровно на столько, на сколько программа «Народной Воли» отличается отъ программы «Земли и Воли». Но ошибки, сдѣланныя г. Тихомировымъ, по отношенію къ экономической сторонѣ вопроса, почти «тожественны» съ ошибками, сдѣланными мною въ названной статьѣ. Вслѣдствіе этого, возражая г. Тихомирову, я долженъ буду часто дѣлать поправки въ той аргументаціи, которая казалась мнѣ когда-то совершенно убѣдительной и безаппеляціонной.

Уже по одному тому, что точка зрѣнія г. Тихомирова не отличается свѣжестью и новизною,—я не могу ограничиться критикой его доводовъ, а долженъ разсмотрѣть по возможности полно все, что говорилось ранѣе его въ пользу отрицательнаго рѣшенія интересующаго насъ вопроса. Русская литература предшествующихъ десятилѣтій даетъ намъ гораздо болѣе цѣнный критическій матеріалъ, чѣмъ статья «Чего намъ ждать отъ революціи?»

2. *Постановка вопроса.*

Въ самомъ дѣлѣ, г. Тихомировъ не сумѣлъ даже правильно поставить этотъ вопросъ.

Вмѣсто того, чтобы сказать все, что могъ онъ сказать въ пользу возможности положить «начало соціалистической организаціи» на развалинахъ современнаго соціально-политическаго строя Россіи, г. Тихомировъ посвящаетъ въ своей статьѣ чуть не цѣлую главу на критику того «утѣшенія», которое остается у людей, вѣрящихъ въ «историческую неизбѣжность русскаго капитализма». Онъ вообще какъ-то слишкомъ быстро и неожиданно, даже не перешелъ, а соскочилъ съ той объективной точки зрѣнія, на которой стоялъ въ началѣ первой главы, гдѣ онъ доказывалъ, что «логика исторіи, историческій ходъ событій и такъ далѣе» есть «сила стихійная, своротить которую съ выбраннаго ею пути не можетъ никто, именно

потому, что самый путь выбирается ею не произвольно, а выражаетъ равнодѣйствующую линію, слагающуюся изъ комбинаціи тѣхъ силъ, внѣ которыхъ общество не заключаетъ въ себѣ ничего реальнаго, способнаго производить какое нибудь дѣйствіе». Спрашивается, остановится ли эта «сила стихійная» передъ соображеніемъ о *безутѣшности* русскихъ соціалистовъ? Очевидно, нѣтъ. Значитъ, прежде чѣмъ толковать о томъ, что было бы съ русскими соціалистами въ случаѣ торжества капитализма, нужно было постараться составить себѣ «правильное представленіе объ этой силѣ и ея направленіи», представленіе, «обязательное для каждаго общественнаго дѣятеля, потому что безъ соотвѣтствія съ нею—политическая программа не можетъ имѣть никакого значенія», какъ въ этомъ насъ убѣждаетъ тотъ же г. Тихомировъ. Но онъ предпочитаетъ обратный методъ. Онъ старается прежде всего запугать своихъ читателей, а потомъ уже, въ «послѣдующихъ главахъ» намѣчаетъ «въ общихъ чертахъ» тѣ «цѣли и средства нашей революціи», которыя позволяютъ намъ вѣрить въ возможность отклонить отъ устъ Россіи чашу капитализма. Не говоря пока ничего о томъ, насколько удачна была его попытка запугиванія своихъ читателей-соціалистовъ, я замѣчу только, что такой пріемъ аргументаціи не долженъ былъ бы употребляться при рѣшеніи серьезныхъ общественныхъ вопросовъ.

По причинамъ, въ разсмотрѣніе которыхъ здѣсь неумѣстно было бы вдаваться, русскому интеллигентному человѣку пришлось сильно интересоваться «ролью личности въ исторіи». Много писали объ этомъ «проклятомъ» вопросѣ, еще больше толковали о немъ въ разныхъ кружкахъ, а между тѣмъ и до сихъ поръ русскіе общественные дѣятели часто не умѣютъ даже ограничить сферу *необходимаго* отъ сферы *желательнаго*, и готовы, по временамъ, спорить съ исторіей почти также, какъ спорилъ Хлестаковъ съ трактирнымъ слугою. «Вѣдь нужно же мнѣ что-нибудь ѣсть, вѣдь эдакъ я могу совсѣмъ отощать!» говорилъ безсмертный Иванъ Александровичъ.—Вѣдь какой же я послѣ этого буду соціалистъ? Вѣдь эдакъ мнѣ придется «прямо вступить въ союзъ съ рыцарями первоначальнаго накопленія!»—воскликнетъ, пожалуй, иной читатель подъ вліяніемъ тихомировскихъ запу-

гиваній. Но нужно надѣяться, что разсужденіе г. Тихомирова о непреодолимой силѣ «логики исторіи» будетъ значительно способствовать устраненію этого крупнаго «промаха незрѣлой мысли».

Точка зрѣнія группы «Освобожденіе труда» съ своей стороны ведетъ, какъ мнѣ кажется, къ устраненію такого рода злоупотребленій «субъективнымъ методомъ въ соціологіи». Для насъ желательное выростаетъ изъ необходимаго и ни въ какомъ случаѣ не замѣняетъ его въ нашихъ разсужденіяхъ. Для насъ свобода личности заключается въ знаніи законовъ природы,—т. е. между прочимъ и исторіи,—и въ умѣніи *подчиняться* этимъ законамъ, т. е., между прочимъ, и *комбинировать* ихъ *наивыгоднѣйшимъ образомъ*. Мы убѣждены, что когда «общество ступило на слѣдъ естественнаго закона своего движенія, оно не можетъ ни перескочить естественныя фазы своего развитія, ни устранить ихъ декретами. *Но оно можетъ сократить и облегчить мученія родовъ*». Въ этомъ «сокращеніи и облегченіи мученій родовъ» и состоитъ, по нашему мнѣнію, одна изъ важнѣйшихъ задачъ соціалистовъ, убѣдившихся въ «исторической неизбѣжности капитализма въ Россіи». Въ *возможности* облегченія этихъ мученій и должно заключаться ихъ утѣшеніе. *Послѣдовательность*, навязываемая имъ г. Тихомировымъ есть, какъ мы увидимъ ниже, послѣдовательность метафизика, не имѣющаго ни малѣйшаго понятія о діалектикѣ общественнаго развитія.

Но не будемъ уклоняться отъ нашего предмета.

3. А. И. Герценъ.

Еще въ началѣ пятидесятыхъ годовъ А. И Герценъ, доказывая неизбѣжность соціалистической революціи на Западѣ, уже ставилъ передъ нарождающейся русской демократіей тотъ

Вѣчно тревожный и повый вопросъ,

который съ тѣхъ поръ

Столько головъ безпокойныхъ томилъ...
Столько имъ муки принесъ,

и который послужилъ поводомъ, между прочимъ, и для нашей «полемики противъ партіи Народной Воли».

«Должна ли Россія пройти всѣми фазами европейскаго развитія, или ея жизнь пойдетъ по инымъ законамъ?»*), спрашивалъ онъ въ своихъ «Письмахъ къ Линтону».

«Я совершенно отрицаю необходимость этихъ повтореній, — спѣшилъ отвѣтить знаменитый писатель. Мы, пожалуй, должны пройти трудными и скорбными испытаніями историческаго развитія нашихъ предшественниковъ: но такъ, какъ зародышъ проходитъ до рожденія всѣ низшія ступени зоологическаго существованія. Оконченный трудъ и добытый результатъ входятъ въ общее достояніе всѣхъ понимающихъ— это круговая порука прогресса маіоратъ человѣчества... Всякій школьникъ долженъ самъ найти рѣшеніе Евклидовыхъ предложеній—но какая огромная разница между трудомъ Евклида, открывшаго ихъ, и трудомъ ученика нашего времени!»... «Россія продѣлала свою эмбріогенію въ европейскомъ классѣ. Дворянство съ правительствомъ представляютъ у насъ европейское государство въ славянскомъ. Мы прошли всѣ фазисы политическаго воспитанія, начиная отъ нѣмецкаго конституціонализма, отъ англійскаго канцелярскаго монархизма до поклоненія 93 году... Народу русскому не нужно начинать снова этотъ тяжкій трудъ. Зачѣмъ ему проливать кровь свою для достиженія тѣхъ полурѣшеній, до которыхъ мы дошли и которыхъ вся важность состояла только въ томъ, что мы черезъ нихъ дошли до иныхъ вопросовъ, до новыхъ стремленій. Мы за народъ отбыли эту тяжелую работу—мы поплатились за нее висѣлицами, казематами, ссылкою, раззореніемъ и нестерпимою жизнью, въ которой живемъ!»

Связующее звено, мостъ, по которому русскій народъ можетъ перейти къ соціализму, Герценъ видѣлъ, конечно, въ общинѣ и связанныхъ съ нею особенностяхъ народнаго быта. «Русскій народъ собственно стали узнавать — говоритъ онъ — только послѣ революціи 1830 года. Съ удивленіемъ увидѣли, что русскій человѣкъ, равнодушный, неспособный ко всѣмъ политическимъ вопросамъ—бытомъ своимъ ближе всѣхъ европейскихъ народовъ подходитъ къ новому соціальному устройству»... «Сохранить общину и дать свободу лицу, распространить селькое и волостное self-gever-

*) Искандеръ. «Старый міръ и Россія», стр. 31—32.

nement по городамъ и всему государству, сохраняя народное единство—вотъ въ чемъ состоитъ вопросъ о будущемъ Россіи, т. е. вопросъ той же соціальной антиноміи, которой рѣшеніе занимаетъ и волнуетъ умы Запада.»*)

Въ его умѣ по временамъ возникало, правда, сомнѣніе относительно этой исключительной близости русскаго народа «къ новому соціальному устройству». Въ томъ же «Письмѣ» онъ спрашиваетъ Линтона — «можетъ вы скажете на это, что въ этомъ русскій народъ походитъ на нѣкоторые азіатскіе народы, и укажете на сельскія общины у индусовъ, довольно схожія съ нашими?» Но, не отвергая нелестнаго сходства русскаго народа съ «нѣкоторыми азіатскими», онъ усматривалъ, однако, между ними весьма, казалось ему, существенныя различія. «Не общинное устройство держитъ азіатскіе народы въ неподвижности, а ихъ исключительная народность, ихъ невозможность выйти изъ патріархализма, освободиться отъ рода: — мы не въ такомъ положеніи. Славянскіе народы ... имѣютъ большую удобовпечатляемость; они легко усваиваютъ себѣ языкъ, нравы, обычаи, искусство и технику другихъ народовъ. Они равно обживаются у Ледовитаго Океана и на берегахъ Чернаго Моря». Эта «большая удобовпечатляемость», дающая славянамъ возможность «выйти изъ патріархализма, освободиться отъ рода» и рѣшала весь вопросъ по мнѣнію Герцена. Авторитетъ его былъ такъ великъ, предлагаемое имъ сокращеніе пути къ соціализму было такъ соблазнительно, что русская интеллигенція начала шестидесятыхъ годовъ мало была склонна скептически относиться къ найденному имъ рѣшенію «соціальной антиноміи» и вовсе, повидимому, не задумывалась надъ вопросомъ о томъ, — черезъ какія именно мѣстности пролегаетъ этотъ историческій проселокъ и кто же именно поведетъ имъ русскій народъ «равнодушный, неспособный ко всѣмъ политическимъ вопросамъ»? Для нея важно было прежде всего найти хоть какую нибудь философскую санкцію своимъ радикальнымъ стремленіямъ, и она довольствовалась на первый разъ тѣмъ отвлеченнымъ соображеніемъ, что никакая философія въ мірѣ

*) Ibid. 37.

не можетъ заставить ее примириться съ буржуазными «полу-рѣшеніями».

Но этого отвлеченнаго соображенія было, конечно, недостаточно для начертанія практическаго способа дѣйствія, для выработки сколько нибудь цѣлесообразныхъ пріемовъ борьбы съ окружающею обстановкой. Данныхъ для рѣшенія этой новой задачи нужно было искать внѣ философіи исторіи, хотя-бы и болѣе строгой и научной, чѣмъ философія Герцена. Между ея абстрактными формулами и конкретными нуждами общественной жизни лежала цѣлая пропасть, которую можно было заполнить лишь цѣлымъ рядомъ новыхъ, все болѣе и болѣе частныхъ формулъ, требовавшихъ знакомства опять таки съ цѣлымъ рядомъ все болѣе и болѣе сложныхъ явленій. Впрочемъ, философія оказала въ этомъ случаѣ русской мысли косвенную услугу, познакомивъ ее съ діалектическимъ методомъ и научивши ее той, столько разъ забытой потомъ истинѣ, что въ общественной жизни «все течетъ», «все измѣняется», и что явленія этой жизни могутъ быть поняты лишь въ движеніи, въ процессѣ своего возникновенія, развитія и исчезновенія.

4. *Н. Г Чернышевскій.*

«*Критика философскихъ предубѣжденій противъ общиннаго землевладѣнія*» была и остается самымъ блестящимъ въ нашей литературѣ опытомъ приложенія діалектики къ анализу общественныхъ явленій. Извѣстно, какое огромное вліяніе имѣла статья эта на развитіе нашей революціонной интеллигенціи. Она укрѣпила ея вѣру въ общину, *доказавши*, что этотъ видъ землевладѣнія можетъ, при извѣстныхъ условіяхъ, прямо перейти въ коммунистическую форму развитія. Но строго говоря, какъ самъ Н. Г. Чернышевскій, такъ и его послѣдователи дѣлали изъ «критики философскихъ предубѣжденій» выводы болѣе широкіе, чѣмъ это допускалось характеромъ посылокъ. Найденное Чернышевскимъ рѣшеніе вопроса о судьбѣ общины было, въ сущности, чисто алгебраическимъ, да и не могло быть инымъ, такъ какъ онъ противопоставлялъ его чисто алгебраическимъ формуламъ своихъ противниковъ. Русскіе манчестерцы доказывали, что общинное землевладѣніе необходимо и вездѣ должно уступить, мало по малу, мѣсто частной поземельной

собственности. Такова была выставленная ими схема развитія имущественныхъ отношеній. Н. Г. Чернышевскій доказалъ, во первыхъ, что схема эта не охватываетъ всего процесса развитія, такъ какъ на извѣстной его стадіи общественная собственность снова должна стать господствующей формой; кромѣ того, онъ совершенно основательно указывалъ на то обстоятельство, что нѣтъ никакихъ основаній приписывать неизмѣнную, разъ навсегда опредѣленную продолжительность тому историческому промежутку, который отдѣляетъ эпоху первобытнаго коммунизма отъ времени сознательнаго переустройства общества на коммунистическихъ началахъ. Говоря вообще, этотъ промежутокъ есть x, который въ каждой отдѣльной странѣ пріобрѣтаетъ особое ариѳметическое значеніе въ зависимости отъ комбинаціи внѣшнихъ и внутреннихъ силъ, опредѣляющихъ ея историческое развитіе. Такъ какъ эта комбинація силъ необходимо должна быть очень разнообразна, то неудивительно, что интересующій насъ x, — т. е. продолжительность господства частной собственности — становится въ извѣстныхъ случаяхъ безконечно-малой величиной, т. е. можетъ, безъ большой ошибки, быть приравненъ *нулю*. Такимъ образомъ была доказана *абстрактная возможность* непосредственнаго перехода первобытной общины въ «высшую, коммунистическую форму». Но именно, благодаря абстрактному характеру *аргументаціи*, этотъ общій результатъ философско-исторической діалектики былъ одинаково примѣнимъ ко всѣмъ странамъ и народамъ, сохранившимъ общинное землевладѣніе, — отъ Россіи до Новой Зеландіи, отъ сербской задруги до того или другаго племени краснокожихъ индійцевъ.*) Поэтому онъ оказывался недостаточнымъ для приблизительнаго хотя бы предсказанія будущей судьбы общины въ каждой изъ этихъ странъ, взятой въ отдѣльности. Абстрактная *возможность* еще не есть конкретная *вѣроятность;* тѣмъ мѣнѣе можно считать ее окончательнымъ доводомъ тамъ, гдѣ рѣчь идетъ объ *исторической необходимости*. Чтобы сколько нибудь серьезно говорить объ этой послѣдней, нужно было

*) Прим. къ наст. изд. Въ то время еще не было окончательно выяснено, что русская сельская община не имѣетъ ничего общаго съ первобытнымъ коммунизмомъ. Теперь это стоитъ внѣ сомнѣнія.

бы перейти отъ алгебры къ ариѳметикѣ и доказать, что въ интересующемъ насъ случаѣ, — все равно, въ Россіи или въ государствѣ Ашантіевъ, въ Сербіи или на Ванкуверовомъ островѣ, — *x* дѣйствительно будетъ равняться *нулю*, т. е. частная собственность должна погибнуть еще въ зародышѣ. Для этого необходимо было бы обратиться къ статистикѣ, къ оцѣнкѣ внутренняго хода развитія данной страны или даннаго племени и внѣшнихъ вліяній на нихъ, имѣть дѣло уже не съ *родомъ*, а съ *видомъ* или даже съ *разновидностью*, не съ первобытно-коллективной неотчуждаемой собственностью вообще, а съ русской, или сербской, или ново-зеландской поземельной общиной въ частности, принимая въ соображеніе, какъ всѣ враждебныя или благопріятныя ей вліянія, такъ и то состояніе, въ которое она пришла въ данное время, благодаря этимъ вліяніямъ.

Но на такое изслѣдованіе мы не находимъ даже намека въ «Критикѣ философскихъ предубѣжденій противъ общиннаго землевладѣнія», въ которой Н. Г. Чернышевскій имѣлъ дѣло съ «философствующими мудрецами». Въ другихъ же случаяхъ, въ которыхъ ему пришлось спорить съ «экономизирующими мудрецами», разрушать предубѣжденія, которыя «вытекаютъ изъ непониманія, забвенія или незнанія *общихъ* истинъ, относящихся къ матеріальной дѣятельности человѣка, къ производству, труду и общимъ его законамъ» — въ этихъ статьяхъ онъ также говорилъ лишь о выгодахъ коллективнаго землевладѣнія вообще, и получалъ, такимъ образомъ, въ результатѣ опять таки лишь алгебраическія формулы, лишь общія экономическія теоремы. *)

Впрочемъ, съ его стороны это нисколько не удивительно. Критикъ Милля могъ имѣть въ виду лишь дореформенную общину, еще не вышедшую изъ условій натуральнаго хозяйства и приведенную къ одному знаменателю нивеллирующимъ вліяніемъ крѣпостного права. Это вліяніе не устраняло, конечно, свойственныхъ сельской общинѣ «экономическихъ противорѣчій», но оно держало ихъ въ скрытомъ состояніи, и тѣмъ доводило ихъ практическое значеніе до ничтожнаго

*) Примѣч. къ новому изд. Ср. мою статью «Н. Г. Чернышевскій» въ № 1 журнала «Соціаль-Демократъ», Женева 1890 года.

минимума. Поэтому, Н. Г. Чернышевскій могъ довольствоваться тѣмъ соображеніемъ, что у насъ «масса народа до сихъ поръ понимаетъ землю, какъ общинное достояніе», что «каждый русскій имѣетъ и родную землю и право на участокъ ея. И если онъ самъ откажется отъ этого участка или потеряетъ его, то за дѣтьми его остается право, въ качествѣ членовъ общины, самостоятельно требовать себѣ участка». Хорошо понимая, что освобожденіе крестьянъ поставитъ ихъ въ совершенно новыя экономическія условія, что «Россія, доселѣ мало участвовавшая въ экономическомъ движеніи, быстро вовлекается въ него, и нашъ бытъ, доселѣ остававшійся почти чуждымъ вліянію тѣхъ экономическихъ законовъ, которые обнаружмваютъ свое могущество только при усиленіи экономической и торговой дѣятельности, начинаетъ быстро подчиняться ихъ силѣ», что «скоро и мы, можетъ быть, вовлечемся въ сферу полнаго дѣйствія закона конкурренціи», онъ заботился лишь о сохраненіи той формы землевладѣнія, которая помогла бы крестьянину начать новую экономическую жизнь при наиболѣе выгодныхъ условіяхъ. «Каковы бы ни были ожидающія Россію преобразованія, — писалъ онъ еще въ апрѣлѣ 1857 года,—да не дерзнемъ мы коснуться священнаго, спасительнаго обычая, оставленнаго намъ нашею прошедшею жизнью, бѣдность которой съ избыткомъ искупается однимъ этимъ драгоцѣннымъ наслѣдіемъ, — да не дерзнемъ мы посягнуть на общинное пользованіе землею, — на это благо, отъ пріобрѣтенія котораго теперь зависитъ благоденствіе земледѣльческихъ классовъ Западной Европы. Ихъ примѣръ да будетъ намъ урокомъ».

Мы не пишемъ здѣсь разбора всѣхъ взглядовъ Н. Г. Чернышевскаго на общинное землевладѣніе, а только стараемся оттѣнить ихъ наиболѣе характерныя черты. Не вступая въ неумѣстныя здѣсь детали, мы скажемъ только, что выгоды, ожидаемыя имъ отъ общиннаго землевладѣнія, могутъ быть сведены къ двумъ главнымъ пунктамъ, изъ которыхъ одинъ относится къ области права, а другой — къ области сельско-хозяйственной техники.

ad. I. «Русское общинное устройство, говоритъ онъ словами Гакстгаузена, безконечно важно для Россіи, особенно въ настоящее время, въ государ-

ственномъ отношеніи. Всѣ западно-европейскія государства страдаютъ одною болѣзнью, исцѣленіе которой доселѣ остается *неразрѣшенной задачей* *) — они страдаютъ пауперизмомъ, пролетаріатствомъ. Россія не знаетъ этого бѣдствія; она предохранена отъ него своимъ общиннымъ устройствомъ. Каждый русскій имѣетъ и родную землю и право на участокъ ея. И если онъ самъ лично откажется отъ этого участка, или потеряетъ его, то за дѣтьми его остается право, въ качествѣ членовъ общины, самостоятельно требовать себѣ участка.» **)

ad. II. Описавши, по тому же Гакстгаузену, бытъ Уральскихъ казаковъ, «вся область которыхъ составляетъ одну общину и въ хозяйственномъ, и въ военномъ, и въ гражданскомъ отношеніи», Н. Г. Чернышевскій замѣчаетъ: «Если уральцы доживутъ въ нынѣшнемъ своемъ устройствѣ до того времени, когда введены будутъ въ хлѣбопашество машины, то уральцы будутъ тогда очень рады, что сохранилось у нихъ устройство, допускающее потребленіе такихъ машинъ, требующихъ хозяйства въ огромныхъ размѣрахъ, на сотняхъ десятинъ». При этомъ онъ замѣчаетъ, впрочемъ, что разсуждаетъ только для примѣра о томъ, «какъ будутъ думать уральскіе казаки въ будущее время, которое еще неизвѣстно когда придетъ, (хотя успѣхи механики и технологіи несомнѣнно доказываютъ, что такое время прійдетъ)—до слишкомъ отдаленнаго будущаго времени намъ нѣтъ дѣла: наши пра-пра-правнуки, вѣроятно, сумѣютъ прожить на свѣтѣ и своимъ умомъ, безъ нашихъ заботъ, — довольно будетъ того, если мы станемъ заботиться о себѣ и своихъ дѣтяхъ».

Читатель, знакомый съ сочиненіями Чернышевскаго, знаетъ, конечно, что такого рода оговорки не мѣшали ему очень много думать и «заботиться» о будущемъ времени. Одинъ изъ сновъ Вѣры Павловны наглядно показываетъ намъ, въ какомъ видѣ рисовались въ его воображеніи соціальныя отношенія «очень отдаленнаго будущаго», также какъ практическая дѣятельность его героини даетъ намъ нѣкоторое понятіе о тѣхъ способахъ, которыми можно было содѣйствовать приближе-

*) Курсивъ принадлежитъ мнѣ.

**) Сочиненія Н. Г. Чернышевскаго, т. V. Genève, 1879. Объ общинномъ владѣніи землею, стр. 135.

нію этой счастливой эпохи. Странно было бы поэтому, если бы авторъ «Что дѣлать?» не поставилъ дорогой ему формы современнаго крестьянскаго землевладѣнія въ связь съ идеалами будущаго, хотя и далекаго, но желательнаго и, главное, неизбѣжнаго. И дѣйствительно, онъ не одинъ разъ возвращается къ этому предмету въ своихъ статьяхъ объ общинномъ землевладѣніи, разсматривая вліяніе этой формы имущественныхъ отношеній на характеръ и привычки крестьянъ. Онъ несогласенъ, разумѣется, съ тѣмъ мнѣніемъ, что «община убиваетъ энергію въ человѣкѣ». Мысль эта «рѣшительно противорѣчитъ всѣмъ извѣстнымъ фактамъ исторіи и психологіи, доказывающимъ, напротивъ, что «въ союзѣ укрѣпляется умъ и воля человѣка». Но главное преимущество общиннаго землевладѣнія заключается въ поддержаніи и воспитаніи того духа ассоціаціи, безъ котораго немыслима раціональная экономія будущаго. «Введеніе лучшаго порядка дѣлъ чрезвычайно затрудняется въ Западной Европѣ безграничнымъ расширеніемъ правъ отдѣльной личности... не легко отказываться хотя бы отъ незначительной части того, чѣмъ привыкъ уже пользоваться, а на Западѣ отдѣльная личность привыкла уже къ безграничности частныхъ правъ. Пользѣ и необходимости взаимныхъ уступокъ можетъ научить только горькій опытъ и продолжительное размышленіе. На Западѣ лучшій порядокъ экономическихъ отношеній соединенъ съ пожертвованіями, и потому его учрежденіе очень затруднено. Онъ противенъ привычкамъ англійскаго и французскаго поселянина». Но «то, что представляется утопіей въ одной странѣ, существуетъ въ другой какъ фактъ... тѣ привычки, проведеніе которыхъ въ народную жизнь кажется дѣломъ неизмѣримой трудности англичанину и французу, существуютъ у русскаго, какъ фактъ его народной жизни... Порядокъ дѣлъ, къ которому столь труднымъ и долгимъ путемъ стремится теперь Западъ, еще существуетъ у насъ въ могущественномъ народномъ обычаѣ нашего сельскаго быта... Мы видимъ, какія печальныя послѣдствія породила на Западѣ утрата общинной поземельной собственности и какъ тяжело *возвратить западнымъ народамъ свою утрату*. Примѣръ Запада не долженъ быть потерянъ для насъ». *)

*) Сочиненія, томъ V, стр. 16—19.

Такова сдѣланная Чернышевскимъ оцѣнка значенія общиннаго землевладѣнія въ настоящей и будущей экономической жизни русскаго народа. При всемъ нашемъ уваженіи къ великому писателю, мы не можемъ не видѣть въ ней нѣкоторыхъ промаховъ и односторонностей. Такъ напримѣръ, «исцѣленіе» западно-европейскихъ государствъ отъ «язвы пролетаріатства» едва ли можно было признать «неразрѣшенной задачей» въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, черезъ много лѣтъ послѣ появленія «Манифеста Коммунистической Партіи», «Нищеты философіи» и «Положенія рабочаго класса въ Англіи». Не только «исцѣленіе», но все историческое значеніе пугавшей Н. Г. Чернышевскаго «болѣзни» было указано въ трудахъ Карла Маркса и Фридриха Энгельса съ полнотою и доказательностью, остающимися до спхъ поръ образцовыми. Но русскій экономистъ, какъ это видно по всему, не былъ знакомъ съ названными сочиненіями, а соціалистическія утопіи предшествующаго имъ періода, конечно, оставляли очень много теоретическихъ и практическихъ вопросовъ безъ сколько нибудь удовлетворительнаго отвѣта. Главный же пробѣлъ въ міросозерцаніи утопистовъ обусловливался тѣмъ обстоятельствомъ, что «они не видѣли въ пролетаріатѣ никакой исторической самодѣятельности, никакого, свойственнаго ему политическаго движенія», что они не становились еще на точку зрѣнія борьбы классовъ, и что пролетаріатъ существовалъ для нихъ «лишь въ качествѣ болѣе другихъ страдающаго класса».*) Замѣняя «постепенно подвигающуюся впередъ классовую организацію пролетаріата — общественной организаціей своего собственнаго изобрѣтенія», и въ то же время расходясь между собою по вопросу объ основахъ и характерѣ этой организаціи будущаго, они, естественно, приводили своихъ русскихъ читателей къ той мысли, что самые передовые умы Запада не справились еще съ соціальнымъ вопросомъ. Къ тому же, «сводя дальнѣйшую исторію міра къ пропагандѣ и практическому выполненію своихъ реформаторскихъ плановъ», они не могли удовлетворить своими ученіями человѣка такого сильнаго критическаго ума, какъ Чернышевскій. Онъ долженъ былъ самостоятельно искать реальныхъ «историческихъ условій» освобожденія за-

*) Манифестъ Коммунистической Партіи, стр. 36—37.

падно-европейскаго рабочаго класса, и нашелъ ихъ, повидимому, въ возвратѣ къ общинному землевладѣнію. Мы знаемъ уже, что, по его мнѣнію, «отъ пріобрѣтенія этого блага теперь зависитъ благоденствіе земледѣльческихъ классовъ Западной Европы». Но какъ бы кто ни смотрѣлъ на историческое значеніе *русской* общины, едва ли не для всѣхъ соціалистовъ очевидно, что на Западѣ ея роль безвозвратно покончена и что для западныхъ народовъ путь къ соціализму лежалъ и лежитъ *отъ общины черезъ частную собственность*, а не наоборотъ, не отъ частной собственности черезъ общину. Мнѣ кажется, что если бы Н. Г. Чернышевскій лучше выяснилъ себѣ тотъ «трудный и долгій путь», по которому идетъ Западъ къ «лучшему порядку экономическихъ отношеній», если бы онъ, кромѣ того, точнѣе опредѣлилъ экономическія условія этого «лучшаго порядка», то онъ увидѣлъ бы, во-первыхъ, что «Западъ» стремится къ обращенію средствъ производства въ государственную, а не въ общинную собственность, а во-вторыхъ, понялъ бы, что «язва пролетаріатства» сама изъ себя создаетъ свое лекарство. Онъ лучше оцѣнилъ бы тогда историческую роль пролетаріата, а это, въ свою очередь, дало бы ему возможность шире взглянуть на соціально-политическое значеніе русской общины. Объяснимся.

Извѣстно, что всякую форму общественныхъ отношеній можно разсматривать съ весьма различныхъ точекъ зрѣнія. Можно разсматривать ее съ точки зрѣнія тѣхъ выгодъ, которыя она приноситъ данному поколѣнію; можно, недовольствуясь этими выгодами, заинтересоваться способностью ея къ переходу въ другую, высшую форму, болѣе благопріятную экономическому благосостоянію, умственному и нравственному развитію людей; можно, наконецъ, въ самой этой способности къ переходу въ высшія формы различать двѣ стороны: пассивную и активную, *отсутствіе препятствій для перехода* и присутствіе живой, внутренней силы, не только *могущей* совершить этотъ переходъ, но и вызывающей его, какъ необходимое слѣдствіе своего существованія. Въ первомъ изъ этихъ случаевъ мы разсматриваемъ данную общественную форму съ точки зрѣнія *сопротивленія* приносимому извнѣ прогрессу, во второмъ — съ точки зрѣнія *полезной исторической*

работы. Для философіи исторіи, равно какъ и для практическаго дѣятеля-революціонера, имѣютъ значеніе лишь тѣ формы, которыя способны къ большему или меньшему количеству этой полезной работы. Каждая ступень историческаго развитія человѣчества интересна именно постольку, поскольку стоящія на ней общества сами изъ себя, путемъ внутренней своей самодѣятельности, вырабатываютъ силу, способную разрушить старыя формы соціальныхъ отношеній и построить на ихъ развалинахъ новое, лучшее общественное зданіе. Говоря вообще, самое количество препятствій для перехода на высшую ступень развитія находится въ тѣсной связи съ величиной этой живой силы, потому что она есть не что иное, какъ результатъ разложенія старыхъ формъ общежитія. Чѣмъ энергичнѣе процессъ разложенія, тѣмъ большее количество силы имъ освобождается, тѣмъ менѣе устойчивости сохраняютъ отжившія соціальныя отношенія. Другими словами, какъ историка, такъ и практическаго революціонера интересуетъ не статика, а динамика, не консервативная, а революціонная сторона, не гармонія, а противорѣчія общественныхъ отношеній, потому что духъ этихъ противорѣчій есть именно тотъ духъ, который

Stets das Böse will und stets das Gute schaft.

Такъ было до сихъ поръ! Само собою понятно, что такъ не должно быть всегда и что весь смыслъ соціалистической революціи заключается въ устраненіи того «желѣзнаго и жестокаго» закона, по которому противорѣчія общественныхъ отношеній находили лишь временное разрѣшеніе, въ свою очередь, становившееся источникомъ новой безурядицы и новыхъ противорѣчій. Но совершеніе этого величайшаго изъ переворотовъ, этой революціи, которая должна сдѣлать, наконецъ, людей «господами ихъ общественныхъ отношеній» — немыслимо безъ «наличности» необходимой и достаточной для него исторической силы, порождаемой противорѣчіями нынѣшняго буржуазнаго строя. Въ передовыхъ странахъ современнаго цивилизованнаго міра сила эта не только находится въ наличности, но возрастаетъ ежечасно и ежеминутно. Исторія является, слѣдовательно, въ этихъ странахъ союзницей соціалистовъ, и съ постоянно возрастающей быстротою приближаетъ ихъ къ преслѣдуемой ими

цѣли. Такимъ образомъ, еще одинъ — будемъ надѣяться *послѣдній* — разъ мы видимъ, что «сладкое» могло выйти лишь изъ «горькаго», что для совершенія *хорошаго* «дѣла» исторія должна была, если можно такъ выразиться, обнаружить *злую* «волю». Экономія буржуазныхъ обществъ, совершенно «ненормальная и несправедливая» въ области распредѣленія, оказывается гораздо болѣе «нормальной» въ сферѣ развитія производительныхъ силъ, и еще болѣе «нормальной» въ сферѣ производства людей, желающихъ и способныхъ, говоря словами поэта, «здѣсь на землѣ основать царство небесное». Буржуазія «не только выковала оружіе, которое нанесетъ ей смертельный ударъ», т. е. не только довела производительныя силы передовыхъ странъ до такой степени развитія, на которой онѣ не могутъ уже примириться съ капиталистической формой производства, «она породила также людей, которые направятъ это оружіе — современныхъ работниковъ, *пролетаріевъ*».

Изъ этого слѣдуетъ, что для полной оцѣнки политическаго значенія данной общественной формы необходимо принимать въ соображеніе не только тѣ экономическія выгоды, которыя она можетъ принести одному или нѣсколькимъ поколѣніямъ, не только пассивную способность ея къ усовершенствованію подъ вліяніемъ какой нибудь благодѣтельной внѣшней силы, но и, главнымъ образомъ, ея внутреннюю способность къ дальнѣйшему самостоятельному развитію въ желательномъ направленіи. Безъ такой всесторонней оцѣнки анализъ общественныхъ отношеній всегда останется неполнымъ и потому ошибочнымъ; данная соціальная форма можетъ оказаться вполнѣ раціональной съ одной изъ этихъ точекъ зрѣнія, будучи въ то же время совершенно неудовлетворительной съ другой. И это будетъ каждый разъ, когда намъ придется имѣть дѣло съ неразвитымъ населеніемъ, неставшимъ еще «господиномъ своихъ общественныхъ отношеній». Только объективная революціонность самихъ этихъ отношеній можетъ вывести отсталыхъ субъектовъ на путь прогресса. Если же данная форма общежитія не обнаруживаетъ этой революціонности, если, болѣе или менѣе «справедливая» съ точки зрѣнія права и распредѣленія продуктовъ, она отличается въ то же время большою косностью, отсутствіемъ внутренняго стрем-

ленія къ самоусовершенствованію въ данномъ направленіи, то соціальному реформатору приходится или проститься со своими планами, или аппелировать къ иной, внѣшней силѣ, которая могла бы пополнить недостатокъ внутренней самодѣятельности въ данномъ обществѣ и реформировать его, хотя и не противъ воли его членовъ, но во всякомъ случаѣ безъ ихъ активнаго и сознательнаго участія.

Что касается Н. Г. Чернышевскаго, то онъ, какъ кажется, упустилъ изъ виду революціонное значеніе западно-европейской «*болѣзни*»—пауперизма. Ни мало неудивительно, что напр. Гакстгаузенъ, о которомъ такъ часто приходилось говорить ему въ статьяхъ объ общинномъ землевладѣніи, видѣлъ въ «пауперизмѣ—пролетаріатствѣ» одну только отрицательную сторону. *Политическіе* его взгляды были таковы, что революціонное значеніе пролетаріата въ исторіи западно-европейскихъ обществъ никакъ не могло быть отнесено имъ къ положительнымъ, выгоднымъ сторонамъ этой «язвы». Понятно, поэтому, что онъ съ восторгомъ описывалъ тѣ учрежденія, которыя могутъ «предупредить пролетаріатство». Но взгляды, вполнѣ понятные и послѣдовательные въ сочиненіяхъ одного писателя, часто ставятъ читателя въ затрудненіе, встрѣчаясь въ статьяхъ другого. Признаемся, мы не понимаемъ, какой смыслъ должны мы вложить въ слѣдующія слова Чернышевскаго о Гакстгаузенѣ. «Какъ человѣкъ практическій, онъ очень вѣрно предугадывалъ въ 1847 году близость страшнаго взрыва со стороны пролетаріевъ Западной Европы; и нельзя не согласиться съ нимъ, что благодѣтеленъ принципъ общиннаго землевладѣнія, который ограждаетъ насъ отъ страшной язвы пролетаріатства въ сельскомъ населеніи».*) Здѣсь рѣчь идетъ уже не объ экономическихъ бѣдствіяхъ пролетаріата, которымъ, впрочемъ, ни въ чемъ не уступаютъ бѣдствія русскаго крестьянства; не говорится также ничего и о соціальныхъ привычкахъ русскаго крестьянина, съ которыми во всякомъ случаѣ еще поспоритъ западно-европейскій промышленный рабочій своей привычкой къ коллективному труду и всевозможнымъ ассоціаціямъ. Нѣтъ, здѣсь рѣчь идетъ о «страшномъ взрывѣ со стороны пролетаріевъ», и Н. Г. Черны-

*) Ibid. стр. 100.

шевскій даже въ этомъ отношеніи считаетъ «благодѣтельнымъ» принципъ общиннаго землевладѣнія, «который ограждаетъ насъ отъ страшной язвы пролетаріатства». Нельзя допустить, что отецъ русскаго соціализма съ такимъ же ужасомъ относился къ политическимъ движеніямъ рабочаго класса, какъ баронъ фон-Гакстгаузенъ. Нельзя думать, что его могъ испугать самый фактъ возстанія пролетаріата. Остается предположить, что его смущало пораженіе, понесенное въ 1848 году рабочимъ классомъ, что его сочувствіе къ политическимъ движеніямъ этого класса отравлялось мыслью о безрезультатности политическихъ революцій, о безплодности буржуазнаго режима. Такое объясненіе кажется если не достовѣрнымъ, то, по крайней мѣрѣ, вѣроятнымъ при чтеніи нѣкоторыхъ страницъ изъ его статьи «Борьба партій во Франціи при Людовикѣ XVIII и Карлѣ X», именно тѣхъ страницъ, на которыхъ онъ выясняетъ различіе демократическихъ стремленій отъ либеральныхъ. «У либераловъ и демократовъ существенно различны коренныя желанія, основныя побужденія—говоритъ онъ. Демократы имѣютъ въ виду по возможности уничтожить преобладаніе высшихъ классовъ надъ низшими въ государственномъ устройствѣ, съ одной стороны уменьшить силу и богатство высшихъ сословій, съ другой—дать болѣе вѣса и благосостоянія низшимъ сословіямъ. Какимъ путемъ измѣнить въ этомъ смыслѣ законы и поддержать новое устройство общества, *для нихъ почти все равно.**) Напротивъ того, либералы никакъ не согласятся предоставить перевѣсъ въ обществѣ низшимъ сословіямъ, потому что эти сословія, по своей необразованности и матеріальной скудости *равнодушны* къ интересамъ, которые выше всего для либеральной партіи, именно *къ праву свободной рѣчи и конституціонному устройству. Для демократа—наша Сибирь, въ которой простонародье пользуется благосостояніемъ, гораздо выше Англіи, въ которой большинство народа терпитъ сильную нужду.* Демократъ изъ всѣхъ политическихъ учрежденій непримиримо *враждебенъ только одному*—аристократіи; либералъ почти всегда находитъ, что только при извѣстной степени аристократизма общество можетъ достичь либеральнаго устройства. По-

*) Въ этихъ выпискахъ курсивъ повсюду принадлежитъ мнѣ.

тому либералы питаютъ къ демократамъ смертельную непріязнь.... либерализмъ понимаетъ свободу очень узкимъ, чисто формальнымъ образомъ. Она для него состоитъ въ отвлеченномъ правѣ, въ разрѣшеніи на бумагѣ, въ отсутствіи юридическаго запрещенія. Онъ не хочетъ понять, что юридическое разрѣшеніе для человѣка имѣетъ цѣну только тогда, когда у человѣка есть матеріальныя средства пользоваться этимъ разрѣшеніемъ. Ни мнѣ, ни вамъ, читатель, не запрещено обѣдать на золотомъ сервизѣ; къ сожалѣнію, ни у васъ, ни у меня нѣтъ и, вѣроятно, никогда не будетъ средствъ для удовлетворенія этой изящной идеи; потому, я откровенно говорю, что ни мало не дорожу своимъ правомъ имѣть золотой сервизъ, и готовъ продать это право за одинъ рубль серебромъ или даже дешевле. *Точно таковы для народа всѣ тѣ права, о которыхъ хлопочутъ либералы.* Народъ невѣжественъ, и почти во всѣхъ странахъ большинство его безграмотно; не имѣвъ денегъ, чтобы получить образованіе, не имѣя денегъ, чтобы дать образованіе своимъ дѣтямъ, какимъ образомъ станетъ онъ дорожить правомъ свободной рѣчи? Нужда и невѣжество отнимаютъ у народа всякую возможность понимать государственныя дѣла и заниматься ими — скажите, будетъ ли дорожить, можетъ ли онъ пользоваться правомъ парламентскихъ преній?... Нѣтъ такой европейской страны, въ которой огромное большинство народа не было бы совершенно равнодушно къ правамъ, составляющимъ предметъ желаній и хлопотъ либерализма. Поэтому либерализмъ обреченъ повсюду на безсиліе: какъ ни разсуждать, а сильны только тѣ стремленія, прочны только тѣ учрежденія, которыя поддерживаются массою народа.»*)

Не прошло и десяти лѣтъ послѣ появленія только что цитированной статьи Н. Г. Чернышевскаго, какъ европейскій пролетаріатъ, въ лицѣ передовыхъ своихъ представителей, объявилъ, что средство достижнія своей великой экономической цѣли онъ видитъ въ своихъ политическихъ движеніяхъ и что «соціальное освобожденіе рабочаго класса немыслимо безъ политическаго его

*) Борьба партій во Франціи при Людовикѣ XVIII и Карлѣ X. Русская соціально-демократическая библіотека, выпускъ третій, стр. 5—8.

освобожденія». Необходимость постояннаго расширенія политическихъ правъ рабочаго класса и окончательнаго завоеванія имъ политическаго господства признана была Международнымъ Товариществомъ Рабочихъ. «Первый долгъ рабочаго класса заключается въ завоеваніи себѣ политическаго могущества» — говоритъ первый Манифестъ этого Товарищества. Само собою понятно, что рабочее населеніе Англіи ближе и способнѣе къ политическому могуществу, чѣмъ сибирское «простонародье», и по этому одному никто, кромѣ прудонистовъ, не сказалъ бы въ шестидесятыхъ годахъ, что «Сибирь выше Англіи». Но и въ то время, когда Н. Г. Чернышевскій писалъ свою статью, т. е. въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, можно было замѣтить, что въ средѣ «невѣжественнаго и безграмотнаго народа» «почти всѣхъ» западно-европейскихъ странъ былъ цѣлый слой, — т. е. опять таки тотъ же пролетаріатъ,—который не пользовался «правомъ свободной рѣчи и правомъ парламентскихъ преній» вовсе не по равнодушію своему къ нимъ, а лишь благодаря реакціи, воцарившейся послѣ 1848 г. во всей Европѣ и озаботившейся прежде всего устраненіемъ народа отъ обладанія этими «отвлеченными правами». Разбитый, такъ сказать, по всей линіи, оглушенный ударами реакціи, разочаровавшійся въ своихъ радикальныхъ и «демократическихъ» союзникахъ изъ среды буржуазныхъ партій, онъ дѣйствительно впалъ какъ бы во временную летаргію и мало интересовался общественными вопросами. Но поскольку онъ интересовался ими, онъ не переставалъ видѣть въ пріобрѣтеніи политическихъ правъ и въ раціональномъ пользованіи ими могучаго средства своего освобожденія. Даже многія изъ тѣхъ соціалистическихъ сектъ, которыя прежде были совершенно равнодушны къ политикѣ, стали обнаруживать большой интересъ къ ней именно въ началѣ пятидесятыхъ годовъ. Такъ, напримѣръ, во Франціи фурьеристы сошлись съ Риттингаузеномъ и весьма энергично проповѣдывали принципъ прямого народнаго законодательства. Что касается до Германіи, то ни «демократъ» Іоганнъ Якоби со своими приверженцами, ни коммунисты школы Маркса и Энгельса не сказали бы, что для нихъ «почти все равно, какимъ бы путемъ ни измѣнить законы» въ смыслѣ уменьшенія силы и богатства высшихъ сословій и

обезпеченія благосостоянія низшихъ классовъ. У нихъ была вполнѣ опредѣленная *политическая* программа, «непримиримо враждебная» далеко не «одной аристократіи».

Западно-европейское крестьянство дѣйствительно оставалось часто равнодушнымъ ко всякимъ «отвлеченнымъ правамъ» и готово было, пожалуй, по временамъ предпочесть сибирскіе порядки англійскимъ. Но въ томъ то и дѣло, что истинные, не буржуазные демократы, т. е. демократы-*соціалисты* обращаются не къ крестьянству, а къ пролетаріату. Западно-европейскій крестьянинъ, какъ собственникъ, относится ими къ «среднимъ слоямъ» населенія, слоямъ, которые «имѣютъ революціонное значеніе лишь постольку, поскольку имъ предстоитъ переходъ въ ряды пролетаріата, поскольку они защищаютъ не современные, а будущіе свои интересы, *поскольку они покидаютъ свою точку зрѣнія и становятся на точку зрѣнія пролетаріата*»*). Это различіе очень существенно. Западно-европейскіе «демократы» только тогда и вышли изъ безплодной области политической метафизики, когда научились анализировать понятіе о «народѣ», и стали отличать революціонные его слои отъ консервативныхъ.

Для полноты изслѣдованія вопроса объ общинномъ землевладѣніи Н. Г. Чернышевскому нужно было бы взглянуть на дѣло именно съ этой послѣдней соціально-*политической* точки зрѣнія. Ему нужно было показать, что общинное землевладѣніе не только способно предохранить насъ отъ «язвы пролетаріатства», не только представляетъ много выгодныхъ условій для развитія сельско-хозяйственной техники (т. е. для машинной обработки большихъ пространствъ земли), но и способно создать въ Россіи такое же подвижное, такое же воспріимчивое и впечатлительное, такое же энергичное и революціонное населеніе, какъ западно-европейскіе пролетаріи. Но этому-то и мѣшалъ его взглядъ на «народъ» «почти всѣхъ странъ» Западной Европы, какъ на «невѣжественную» и въ большинствѣ случаевъ «безграмотную» массу, равнодушную къ «отвлеченнымъ» политическимъ правамъ. Недостаточно оттѣненная въ его представленіи, политическая роль западно-европейскаго пролетаріата не могла

*) См. «Манифестъ Коммунистической Партіи», стр. 14 моего перевода.

напрашиваться на сравненіе съ политическимъ будущимъ русскихъ крестьянъ-общинниковъ. Пассивность и политическій индиферентизмъ русскаго крестьянства не могли смущать того, кто не ожидалъ большой политической самодѣятельности отъ рабочаго класса Запада. Въ этомъ обстоятельствѣ лежитъ одна изъ причинъ того, что Н. Г. Чернышевскій ограничилъ свое изслѣдованіе объ общинномъ землевладѣніи соображеніями, относящимися къ области права, распредѣленія продуктовъ, агрономіи, но не задался вопросомъ о политическомъ вліяніи общины на государство и государства на общину.

Этотъ вопросъ такъ и остался невыясненнымъ. А вслѣдствіе этого остался невыясненнымъ и вопросъ о способахъ перехода *отъ* общиннаго *землевладѣнія* къ общинной *обработкѣ* и — главное — къ окончательному торжеству соціализма. Какимъ образомъ современная сельская община перейдетъ въ коммунистическую общину или растворится въ коммунистическомъ государствѣ? Какъ можетъ содѣйствовать этому революціонная интеллигенція? «Что дѣлать» этой интеллигенціи? Отстаивать общинное землевладѣніе и вести коммунистическую пропаганду, заводить производительныя ассоціаціи, въ родѣ швейныхъ мастерскихъ Вѣры Павловны, надѣясь, что современемъ, какъ эти мастерскія, такъ и сельскія общины поймутъ выгоды соціалистическаго строя и возьмутся за его осуществленіе? Допустимъ, что такъ; но путь этотъ дологъ, можно ли поручиться, что онъ на всемъ своемъ протяженіи будетъ прямъ и гладокъ, что на немъ не встрѣтится непредвидѣнныхъ препятствій и неожиданныхъ поворотовъ? А что если правительство будетъ преслѣдовать соціалистическую пропаганду, запрещать ассоціаціи, отдавать подъ полицейскій надзоръ и ссылать ихъ членовъ? Бороться съ правительствомъ, завоевать свободу рѣчи, сходокъ и ассоціацій? Но тогда нужно будетъ признать, что Сибирь не выше Англіи, что «отвлеченныя права», о которыхъ «хлопочутъ либералы», составляютъ необходимое условіе народнаго развитія, нужно, словомъ, начать политическую борьбу. Но можно ли разсчитывать на ея благопріятный исходъ, можно ли завоевать сколько нибудь прочную политическую свободу? Вѣдь «какъ ни разсуждать, а сильны только тѣ стремленія, прочны только тѣ учрежденія, которыя поддерживаются массою на-

рода», а эта масса, если не въ другихъ странахъ, то въ Россіи не придаетъ никакого значенія «праву свободной рѣчи» и ровно ничего не понимаетъ въ вопросѣ о «правѣ парламентскихъ преній». Если либерализмъ именно «поэтому обреченъ на безсиліе», то откуда возьмутся силы у соціалистовъ, которые станутъ бороться за «права, составляющія предметъ желаній и хлопотъ либерализма»? Какъ выйти изъ этого затрудненія? Занести въ свою программу вмѣстѣ съ «отвлеченными правами» политической свободы конкретныя требованія экономическихъ реформъ? Но нужно ознакомить народъ съ этой программой, т. е. нужно опять вести пропаганду, а ведя пропаганду, мы опять встрѣчаемся съ правительственными преслѣдованіями, а правительственныя преслѣдованія опять толкаютъ насъ на путь политической борьбы, безнадежной вслѣдствіе равнодушія народа и т. д., и т. д.

Съ другой стороны, очень вѣроятно, что «уральцы, если доживутъ въ нынѣшнемъ своемъ устройствѣ до того времени, когда будутъ введены очень сильныя машины для хлѣбопашества, будутъ очень рады, что сохранилось у нихъ устройство, допускающее употребленіе такихъ машинъ, требующихъ хозяйства въ огромныхъ размѣрахъ, на сотняхъ десятинъ». Очень вѣроятно также, что «будутъ рады» и тѣ крестьянскія общества, которыя «доживутъ въ нынѣшнемъ своемъ устройствѣ» до введенія земледѣльческихъ машинъ. Ну, а чему могутъ быть рады тѣ земледѣльцы, которые не *доживутъ* до этого времени «въ нынѣшнемъ своемъ устройствѣ»? Чему будутъ рады сельскіе пролетаріи, попавшіе въ батраки къ общинникамъ? Эти послѣдніе сумѣютъ довести эксплуатацію рабочей силы до той же степени интенсивности, на какой она будетъ стоять въ частныхъ хозяйствахъ. Русскій «народъ» раздѣлится, такимъ образомъ, на два класса: эксплуататоровъ-*общинъ* и эксплуатируемыхъ-*личностей*. Какая судьба ожидаетъ эту новую касту паріевъ? Западно-европейскій пролетарій, ряды котораго постоянно возрастаютъ, благодаря концентраціи капиталовъ, можетъ льстить себя тою надеждою, что рабъ — сегодня, онъ станетъ независимымъ и счастливымъ работникомъ — завтра; можетъ ли утѣшать себя такою перспективой русскій пролетарій возраста-

ніе численности котораго будетъ замедлено существованіемъ общиннаго землевладѣнія? Не ожидаетъ ли его рабство безъ надежды, суровая борьба

безъ торжества, безъ примиренья?

Чью сторону должна будетъ принять въ этой борьбѣ наша соціалистическая интеллигенція? Если она будетъ отстаивать пролетаріатъ, то не придется ли ей сжечь все, чему она поклонялась, и отталкивать общину, какъ оплотъ мелко-буржуазной эксплуатаціи?

Если такіе вопросы не возникали въ умѣ Н. Г. Чернышевскаго, который писалъ объ общинномъ землевладѣніи до уничтоженія крѣпостного права и могъ надѣяться, что развитіе сельскаго пролетаріата будетъ сдѣлано невозможнымъ—путемъ тѣхъ или другихъ законодательныхъ постановленій, то неизбѣжно всѣ или почти всѣ они должны были явиться передъ нашими революціонерами семидесятыхъ годовъ, которые знали характеръ пресловутой реформы 19 февраля. Какъ ни трудно придумать такіе законы, которые ограждали бы общину отъ разложенія, не налагая вмѣстѣ съ тѣмъ самаго нестерпимаго гнета на весь ходъ нашей промышленной жизни, какъ ни трудно сочетать коллективизмъ крестьянскаго землевладѣнія съ денежнымъ хозяйствомъ и съ товарнымъ *производствомъ* всѣхъ продуктовъ, не исключая и земледѣльческихъ продуктовъ самихъ общинъ, но объ всемъ этомъ еще можно было говорить и спорить до 1861 года. Крестьянская же реформа должна была придать такого рода спорамъ и разговорамъ вполнѣ опредѣленную подкладку. Въ своихъ экскурсіяхъ въ область болѣе или менѣе сомнительнаго будущаго, наши революціонеры должны были исходить изъ безспорныхъ фактовъ настоящаго. А это настоящее имѣло уже очень мало общаго со старой, знакомой Гакстгаузену и Чернышевскому картиной до-реформенной крестьянской жизни. «Положеніе 19 февраля» выбило общину изъ устойчиваго равновѣсія натуральнаго хозяйства, и предало ее во власть всѣхъ законовъ товарнаго производства и капиталистическаго накопленія. Выкупъ крестьянскихъ земель долженъ былъ, какъ мы это увидимъ ниже, совершаться на основаніяхъ, враждебныхъ принципу общиннаго землевладѣнія. Кромѣ того, сохранивши общину въ интересахъ фиска, наше законодательство предоставило, однако, двумъ третямъ домохозяевъ

право окончательнаго раздѣла общинныхъ земель на подворные участки. Передѣлы были также затруднены и, въ довершеніе всего, на «свободныхъ земледѣльцевъ» былъ наложенъ совершенно несообразный съ ихъ платежными силами гнетъ податей и повинностей. Всѣ протесты крестьянъ противъ «новаго крѣпостного права» были подавлены силою розогъ и штыковъ, и «новую» Россію охватила горячка денежныхъ спекуляцій. Желѣзныя дороги, банки, акціонерныя компаніи росли какъ грибы. Приведенное выше предсказаніе Н. Г. Чернышевскаго относительно предстоящихъ Россіи «значительныхъ экономическихъ преобразованій» — исполнилось раньше, чѣмъ великій учитель молодежи дошелъ до мѣста своей ссылки. Александъ II былъ царемъ буржуазіи такъ же точно, какъ Николай былъ солдатскимъ и дворянскимъ царемъ.

Съ этими неопровержимыми фактами необходимо было считаться нашей революціонной молодежи, отправлявшейся въ началѣ семидесятыхъ годовъ «въ народъ», съ цѣлью соціально-революціонной пропаганды и агитаціи. Теперь имѣлось въ виду уже не освобожденіе помѣщичьихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, а освобожденіе всего трудящагося населенія Россіи отъ ига эксплуатаціи всякаго рода; теперь рѣчь шла уже не о крестьянской «реформѣ», а объ «установленіи крестьянскаго братства, гдѣ не будетъ ни моего, ни твоего, ни барыша, ни угнетенія, а будетъ работа на общую пользу и братская помощь между всѣми».*) Чтобы основать такое «крестьяское братство» нужно было обращаться уже не къ правительству, не къ Редакціонной Коммиссіи, и даже не къ «обществу», а къ самому крестьянству. Предпринимая такое освобожденіе трудящихся, которое должно быть дѣломъ «самихъ трудящихся», необходимо было съ большею точностью изслѣдовать, опредѣлить и указать революціонные факторы народной жизни, а для этого нужно было перевести на ариѳметическій языкъ абстрактныя, алгебраическія формулы, выработанныя передовой литературой предшествующихъ десятилѣтій, подвести итогъ всѣмъ тѣмъ положительнымъ и отрицательнымъ вліяніямъ русской

*) См. Хитрую Механику, изд. 1877 г. стр. 47—48.

жизни, отъ совокупности которыхъ зависѣлъ ходъ и исходъ начинаемаго дѣла. А такъ какъ наша молодежь еще изъ статей Чернышевскаго знала, что «масса народа до сихъ поръ понимаетъ землю, какъ общинное достояніе, и количество земли, находящейся въ общинномъ владѣніи... такъ велико, что масса участковъ, совершенно выдѣлившихся изъ него въ полновластную собственность отдѣльныхъ лицъ, по сравненію съ нимъ не значительна», — то именно съ общиннаго землевладѣнія и должно было начаться изученіе революціонныхъ факторовъ русской жизни.

Какъ отразились на общинѣ противорѣчивыя постановленія «Положенія 19 Февраля»? Обладаетъ ли она достаточною устойчивостью для борьбы съ неблагопріятными для нея условіями денежнаго хозяйства? Не ступило ли уже развитіе нашей крестьянской жизни на тотъ путь «естественнаго закона своего движенія», съ котораго уже не въ состояніи будутъ совратить ее ни строгость законовъ, ни пропаганда интеллигенціи? А если нѣтъ, если нашъ крестьянинъ-общинникъ до сихъ поръ можетъ безъ большого труда усвоить соціалистическіе идеалы, то вѣдь это пассивное дѣло усвоенія должно сопровождаться энергичнымъ актомъ осуществленія, требующимъ борьбы съ многочисленными препятствіями; способствуютъ ли условія жизни нашего крестьянства выработкѣ въ немъ активной энергіи, безъ которой остались бы безполезными всѣ его «соціалистическія» *предрасположенія?*

Различныя фракціи нашего движенія различнымъ образомъ рѣшали эти вопросы. Большая часть революціонеровъ готова была согласиться съ Герценомъ въ томъ, что русскій народъ «равнодушенъ, неспособенъ» къ политикѣ. Но склонность къ идеализаціи народа была такъ велика, взаимная связь различныхъ сторонъ общественной жизни была такъ плохо выяснена въ умахъ нашихъ соціалистовъ, что въ этой неспособности «ко всѣмъ *политическимъ* вопросамъ» видѣли какъ бы гарантію противъ буржуазныхъ «полурѣшеній», какъ бы доказательство большой способности народа къ правильному рѣшенію вопросовъ *экономическихъ*. Интересъ и способность къ *политикѣ* считались необходимыми лишь для *политическихъ* революцій, которыя во всей нашей соціалистической ли-

тературѣ того времени противополагались «*соціальнымъ*» революціямъ, какъ злое начало — доброму, какъ буржуазный обманъ — полному эквиваленту за пролитую народомъ кровь, за понесенныя имъ потери. «Соціальной» революціи соотвѣтствовалъ, по нашимъ тогдашнимъ понятіямъ, интересъ къ *соціальнымъ* же вопросамъ, который и усматривался въ жалобахъ крестьянства на малоземелье и податныя тягости. Отъ сознанія народомъ своихъ ближайшихъ нуждъ до пониманія «задачъ рабочаго соціализма», отъ горькихъ сѣтованій на эти нужды до соціалистической революціи — путь, казалось, былъ не дологъ и лежалъ опять таки черезъ общину, казавшуюся намъ прочной скалой, о которую разбились всѣ волны экономическаго движенія.

Но какъ одна точка не опредѣляетъ положенія линіи на плоскости, такъ и поземельная община, на идеализаціи которой сходились всѣ наши соціалисты, не обусловливала собою сходства ихъ программъ. Всѣ чувствовали, что и въ самой общинѣ, и въ міросозерцаніи и привычкахъ общинниковъ есть много—частью недодѣланнаго и недоконченнаго, а частью и прямо противорѣчащаго соціалистическимъ идеаламъ. Способъ устраненія этихъ недостатковъ и служилъ яблокомъ раздора для нашихъ фракцій.

Впрочемъ, и въ этомъ отношеніи была черта, которую можно признать общею всѣмъ нашимъ революціоннымъ направленіямъ.

Этой общей имъ всѣмъ чертой была вѣра въ возможность могущественнаго, рѣшающаго вліянія нашей революціонной интеллигенціи на народъ. Интеллигенція играла въ нашихъ революціонныхъ разсчетахъ роль благодѣтельнаго провидѣнія русскаго народа, провидѣнія, отъ воли котораго зависитъ повернуть историческое колесо въ ту или иную сторону. Какъ бы кто изъ революціонеровъ ни объяснялъ современное порабощеніе русскаго народа — недостаткомъ ли въ немъ *пониманія*, отсутствіемъ ли *сплоченности* и революціонной *энергіи*, или наконецъ, полною *неспособностью* его къ политической *иниціативѣ*—каждый думалъ, однако, что вмѣшательство интеллигенціи устранитъ указываемую имъ причину народнаго порабощенія. Пропагандисты были увѣрены, что они безъ большого труда научатъ крестьянство истинамъ

научнаго соціализма. Бунтари требовали немедленнаго созданія «боевыхъ» организацій въ народѣ, не воображая, что оно можетъ встрѣтить какія либо существенныя препятствія, наконецъ, сторонники «Набата» полагали, что нашимъ революціонерамъ стоитъ только «захватить власть», — и народъ немедленно усвоитъ соціалистическія формы общежитія. Эта самоувѣренность интеллигенціи уживалась рядомъ съ самой беззавѣтной идеализаціей народа и съ убѣжденіемъ—по крайне мѣрѣ большинства нашихъ революціонеровъ—въ томъ, что «освобожденіе трудящихся должно быть дѣломъ самихъ трудящихся». Предполагалось, что формула эта получитъ совершенно правильное примѣненіе, разъ только наша интеллигенція приметъ народъ за объектъ своего революціоннаго воздѣйствія. О томъ, что это основное положеніе устава Международнаго Товарищества Рабочихъ имѣетъ другой, такъ сказать философско - историческій смыслъ, что освобожденіе даннаго класса можетъ быть его собственнымъ дѣломъ лишь въ томъ случаѣ, когда въ немъ самомъ является самостоятельное движеніе во имя своей эмансипаціи, — обо всемъ этомъ наша интеллигенція частью не задумывалась вовсе, а частью имѣла довольно странное представленіе. Такъ напримѣръ, въ доказательство того, что народъ нашъ самъ, безъ помощи интеллигенціи, началъ уже понимать условія своего истиннаго освобожденія — приводилось недовольство его реформой 1861 года. Въ доказательство же его способности къ самостоятельному революціонному движенію — ссылались обыкновенно на наши «крестьянскія войны», на бунты Разина и Пугачева.

Тяжелый опытъ скоро показалъ нашимъ революціонерамъ, что отъ жалобъ на малоземелье безконечно далеко до выработки опредѣленнаго классоваго сознанія, и что отъ бунтовъ, происходившихъ 100 и 200 лѣтъ тому назадъ нельзя умозаключать къ готовности народа возстать въ настоящее время. Исторія нашего революціоннаго движенія семидесятыхъ годовъ была исторіей разочарованій въ «программахъ», казавшихся самыми практичными и безошибочными.

Но насъ интересуетъ въ настоящее время исторія революціонныхъ идей, а не исторія революціонныхъ попытокъ. Для нашей цѣли необходимо подвести

итогъ всѣмъ тѣмъ соціально-политическимъ воззрѣніямъ, которыя достались намъ въ наслѣдство отъ предшествующихъ десятилѣтій.

Посмотримъ же, что завѣщала намъ, въ этомъ случаѣ, каждая изъ главныхъ фракцій семидесятыхъ годовъ.

Поучительнѣе всего будутъ для насъ теоріи М. А. Бакунина и П. Н. Ткачева. Программа такъ называемыхъ пропагандистовъ, сводившая къ распространенію соціалистическихъ идей всю дальнѣйшую исторію Россіи, вплоть до революціи, страдала слишкомъ замѣтнымъ идеализмомъ. Они рекомендовали русскимъ соціалистамъ пропаганду такъ же точно, какъ рекомендовали бы они ее при случаѣ соціалистамъ польскимъ, сербскимъ, турецкимъ, персидскимъ, словомъ, соціалистамъ любой страны, лишенной возможности организовать рабочихъ въ открытую политическую партію. Вышеприведенное герценовское сравненіе судьбы «Евклидовыхъ положеній» съ вѣроятной исторіей соціалистическихъ идей могло бы служить типическимъ примѣромъ ихъ аргументаціи въ пользу своей программы. Они понимали это сравненіе, само по себѣ довольно рискованное, въ томъ абстрактномъ и одностороннемъ смыслѣ, что для усвоенія разъ выработанныхъ соціально-политическихъ понятій достаточно субъективной логики людей, не поддерживаемой объективной логикой общественныхъ отношеній. Они сдѣлали мало ошибокъ въ анализѣ общественныхъ отношеній Россіи по той простой причинѣ, что совсѣмъ почти не брались за такой анализъ.

5. *М. А. Бакунинъ.*

Не такъ разсуждалъ Бакунинъ. Онъ понималъ, что воздѣйствіе революціонной интеллигенціи на народъ возможно лишь при наличности извѣстныхъ историческихъ условій, лишь при существованіи въ самомъ народѣ болѣе или менѣе сознательнаго стремленія къ соціалистическому перевороту. Поэтому онъ исходилъ изъ сравненія «народныхъ идеаловъ» съ идеалами нашей интеллигенціи, конечно анархическаго направленія.

По его мнѣнію, въ русскомъ народѣ существуютъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ тѣ два элемента, на которые мы можемъ указать, какъ на необходимыя

условія соціальной революціи. «Онъ можетъ похвастаться чрезмѣрной нищетою, а также рабствомъ примѣрнымъ (sic). Страданіямъ его нѣтъ числа и переноситъ онъ ихъ не терпѣливо, а съ глубокимъ и страстнымъ отчаяніемъ, выразившимся уже два раза исторически, двумя страшными взрывами: бунтомъ Стеньки Разина и пугачевскимъ бунтомъ, и не перестающимъ понынѣ проявляться въ безпрерывномъ рядѣ частныхъ крестьянскихъ бунтовъ.» *) Совершить побѣдоносную революцію ему мѣшаетъ не «недостатокъ въ общемъ идеалѣ, который былъ бы способенъ осмыслить народную революцію, дать ей опредѣленную цѣль». Если бы такого идеала не было, «если бы онъ не выработался въ сознаніи народномъ, по крайней мѣрѣ въ своихъ главныхъ чертахъ, то надо было бы отказаться отъ всякой надежды на русскую революцію, потому что такой идеалъ выдвигается изъ самой гдубины народной жизни, есть непремѣннымъ образомъ результатъ народныхъ историческихъ испытаній, его стремленій, страданій, протестовъ, борьбы и вмѣстѣ съ тѣмъ есть какъ бы образное и общепонятное, всегда простое, выраженіе его настоящихъ требованій и надеждъ... если народъ не выработаетъ самъ изъ себя этого идеала, то никто не будетъ въ состояніи ему его дать». Но «нѣтъ сомнѣнія», что такой идеалъ существуетъ въ представленіи русскаго крестьянства, «и нѣтъ даже необходимости слишкомъ далеко углубляться въ историческое сознаніе нашего народа, чтобы опредѣлить его главныя черты».

Авторъ «Государственности и анархіи» насчитываетъ шесть «главныхъ чертъ» русскаго народнаго идеала: три хорошихъ и три дурныхъ. Присмотримся къ этой классификаціи повнимательнѣе, такъ какъ міросозерцаніе М. А. Бакунина наложило свой отпечатокъ на взгляды многихъ изъ тѣхъ нашихъ соціалистовъ, которые никогда не были его послѣдователями или даже выступали въ качествѣ его противниковъ.

«Первая и главная черта, это всенародное убѣжденіе, что земля, вся земля принадлежитъ народу, орошающему ее своимъ потомъ и оплодотворяющему ее своимъ трудомъ. Вторая столь же крупная черта, что право на пользованіе ею принадлежитъ не лицу,

*) Государственность и анархія, примѣчаніе А, стр. 7.

а цѣлой общинѣ, міру, раздѣляющему ее временно между лицами; третья черта одинаковой важности съ двумя предыдущими, это квази-абсолютная автономія, общинное самоуправленіе, и, вслѣдствіе того, рѣшительно враждебное отношеніе общины къ государству.»

«Вотъ три главныя черты, которыя лежатъ въ основаніи русскаго народнаго идеала. По существу своему, онѣ вполнѣ соотвѣтствуютъ идеалу, вырабатывающемуся за послѣднее время въ сознаніи пролетаріата латинскихъ странъ, несравненно ближе нынѣ стоящихъ къ соціальной революціи, чѣмъ страны германскія. Однако русскій народный идеалъ омраченъ тремя другими чертами, которыя искажаютъ его характеръ и чрезвычайно (Nota bene) затрудняютъ и замедляютъ осуществленіе его... Эти три затемняющія черты: 1, патріархальность; 2, поглощеніе лица міромъ; 3, вѣра въ царя... Можно было бы прибавить, въ видѣ четвертой черты, христіанскую вѣру, оффиціально-православную или сектаторскую, но... у насъ въ Россіи этотъ вопросъ далеко не представляетъ той важности, какую онъ представляетъ въ Западной Европѣ.» *)

Противъ этихъ-то отрицательныхъ чертъ народнаго идеала и должны бороться «всѣми силами» русскіе революціонеры, и такая борьба «тѣмъ возможнѣе, что она уже существуетъ въ самомъ народѣ.»

Увѣренность въ томъ, что самъ народъ началъ уже борьбу противъ отрицательныхъ «чертъ» своего идеала представляло собою очень характерную «черту» всей программы русскихъ бакунистовъ. Она являлась соломинкой, за которую хватались они, чтобы спастись отъ логическихъ выводовъ изъ ихъ собственныхъ посылокъ и отъ результатовъ сдѣланнаго М. А. Бакунинымъ анализа народнаго идеала. «Ни лицу, ни обществу, ни народу нельзя дать того, чего въ немъ уже не существуетъ не только въ зародышѣ, но даже въ нѣкоторой степени развитія» — читаемъ мы въ «примѣчаніи А.», столько разъ уже цитированномъ нами. Оставаясь послѣдовательнымъ, русскій бакунистъ долженъ былъ бы «отказаться отъ всякой надежды на русскую революцію», если бы народъ самъ

*) Государственность и анархія, примѣчаніе А, стр. 10.

не замѣтилъ «затемняющихъ чертъ» своего идеала и если бы его недовольство этими чертами не достигло уже «нѣкоторой степени развитія». Понятно, поэтому, что въ эту сторону должна была направиться вся діалектическая сила родоначальника русскаго «бунтарства».

Нужно замѣтить, кромѣ того, что въ этомъ пунктѣ М. А. Бакунинъ былъ очень недалекъ отъ вполнѣ правильной постановки вопроса о шансахъ соціально-революціоннаго движенія въ Россіи и отъ серьезнаго, критическаго отношенія къ характеру и «идеаламъ» нашего народа. Такого критическаго отношенія именно и не доставало русскимъ общественнымъ дѣятелямъ. Еще А. И. Герценъ поражался отсутствіемъ сколько нибудь опредѣленной и общепринятой характеристики русскаго народа. «Иные говорятъ только о всемогуществѣ царя, о правительственномъ произволѣ, о рабскомъ духѣ подданныхъ; другіе утверждаютъ, напротивъ, что петербургскій имперіализмъ не народенъ, что народъ, раздавленный двойнымъ деспотизмомъ правительства и помѣщиковъ, несетъ ярмо, но не мирится съ нимъ, что онъ не уничтоженъ, а только несчастенъ, и въ то же время говорятъ, что этотъ самый народъ придаетъ единство и силу колоссальному царству, которое давитъ его. Иные прибавляютъ, что русскій народъ презрѣнный сбродъ пьяницъ и плутовъ; другіе же увѣряютъ, что Россія населена способною и богато одаренною породою людей». *)

Съ тѣхъ поръ, какъ были впервые написаны цитированныя мною строки, прошло уже тридцать лѣтъ, а между тѣмъ и до сихъ поръ, и не только иностранцы, которыхъ имѣлъ въ виду Герценъ, но и русскіе общественные дѣятели придерживаются діаметрально-противоположныхъ взглядовъ на характеръ и «идеалы» русскаго народа. Нѣтъ ничего удивительнаго, конечно, въ томъ, что всякая партія склонна преувеличивать сочувствіе народа къ ея собственнымъ стремленіямъ. Но ни во Франціи ни въ Германіи, ни въ какой либо другой западной странѣ нельзя встрѣтить того противорѣчія во взглядахъ на крестьянство, какое насъ поражаетъ въ Россіи. Это противорѣчіе ведетъ подчасъ къ весьма

*) Русскій народъ и соціализмъ, Лондонъ 1858, стр, 7 — 8.

забавнымъ недоразумѣніямъ. Различіе въ соціально-политическомъ міросозерцаніи людей самыхъ противоположныхъ направленій опредѣляется часто однимъ только различіемъ въ пониманіи «народныхъ идеаловъ». Такъ, напримѣръ, г. Катковъ и г. Аксаковъ согласились бы съ г. Тихомировымъ въ томъ, что «политическая программа ...должна брать народъ, каковъ онъ есть и только въ этомъ случаѣ будетъ способна производить воздѣйствіе на его жизнь». Затѣмъ, редакторъ «Руси» могъ бы принять, что «на 100 милліоновъ жителей» у насъ «приходится 800,000 рабочихъ, объединенныхъ капиталомъ», какъ увѣряетъ г. Тихомировъ въ своей статьѣ «*Чего намъ ждать отъ революціи?*»; редакторъ же «*Московскихъ Вѣдомостей*» счелъ бы, можетъ быть, эту оцѣнку слишкомъ низкой и указалъ бы на многія неточности въ статистическихъ выкладкахъ г. Тихомирова. Тѣмъ не менѣе, и тотъ, и другой подписались бы обѣими руками подъ тѣмъ мнѣніемъ, что Россія страна земледѣльческая, что къ ней не приложимы результаты «анализа общественныхъ отношеній, сдѣланнаго... въ капиталистическихъ странахъ Европы», что толковать о политическомъ и экономическомъ значеніи русской буржуазіи смѣшно и нелѣпо, что русскіе соціаль-демократы осуждены на «положеніе по-истинѣ трагическое», и что, наконецъ, говоря о томъ, «каковъ есть» народъ, нужно имѣть въ виду именно наше крестьянство. Не смотря, однако, на то, что міросозерцаніе литературныхъ представителей нашихъ крайнихъ (въ различныя стороны) партій «охватываетъ взгляды, въ нѣкоторой мѣрѣ» тожественные между собою, выводы дѣлаемые ими изъ своихъ посылокъ оказываются діаметрально-противоположными. Пишетъ о народѣ г. Тихомировъ, и мы съ удовольствіемъ узнаемъ, что «разочаровываясь въ самодержавіи царей» народъ нашъ можетъ перейти «только къ самодержавію народа», что «въ революціонный моментъ нашъ народъ въ политическомъ отношеніи не можетъ оказаться раздробленнымъ, когда рѣчь зайдетъ объ основномъ принципѣ государственной власти. Точно также онъ окажется совершенно единодушнымъ въ экономическомъ отношеніи по вопросу о землѣ, т. е. по вопросу основному для современнаго русскаго производства» (sic). Веселое настроеніе духа окончательно овладѣваетъ нами, когда

мы читаемъ, что «ни по нравственной силѣ, ни по ясности общественнаго самосознанія, ни по вытекающей отсюда исторической устойчивости—мы ни одинъ изъ нашихъ общественныхъ слосвъ не можемъ поставить рядомъ съ крестьянско-рабочимъ классомъ», что «впечатлѣніе интеллигенціи не обманываетъ ея, и въ моментъ окончательной развязки современной путаницы политическихъ отношеній—народъ конечно выступитъ болѣе сплоченнымъ, чѣмъ хотя бы прославленная (кѣмъ?) буржуазія».

Мы видимъ, что народъ «хочетъ хорошо», какъ увѣрялъ когда-то французовъ одинъ русскій писатель, и, преисполненные радостью, готовимся уже грянуть —«громъ побѣды раздавайся, веселися, храбрый россъ!», какъ вдругъ намъ попадается на глаза «Русь» и мы опускаемся съ неба на землю. Оказывается, что народъ «хочетъ» совсѣмъ скверно. Онъ боготворитъ царя, отстаиваетъ тѣлесныя наказанія, не помышляетъ ни о какихъ революціяхъ и готовъ немедленно разносить въ прахъ г. г. народолюбцевъ, какъ только относительно ихъ получится «строгая телеграмма». Въ ссылкахъ на современную дѣйствительность, и даже на исторію, здѣсь, какъ и въ статьяхъ г. Тихомирова, нѣтъ недостатка. Что за странность! Обращаемся къ извѣстнымъ своимъ безпристрастіемъ изслѣдователямъ народной жизни, въ родѣ г. Успенскаго, и наше разочарованіе только усиливается.Мы узнаемъ, что народъ нашъ находится подъ «властью земли», которая заставляетъ его довольно логически умозаключать къ абсолютизму, не дѣлая даже намека на переходъ къ «самодержавію народа». Тотъ же г. Успенскій убѣждаетъ насъ, что не только у такихъ крайнихъ полюсовъ, какъ г. г. Аксаковъ и Тихомировъ, но и у людей одинаковыхъ, приблизительно, воззрѣній существуютъ діаметрально противоположные взгляды на народъ.

Чѣмъ же обусловливается все это вавилонское столпотвореніе, вся эта путаница понятій?

Бакунинская классификація различныхъ сторонъ «народнаго идеала» даетъ намъ довольно вѣроятное объясненіе. Все дѣло въ томъ, что г. Тихомировъ кладетъ въ основу своихъ соціально-политическихъ разсужденій нѣкоторыя положительныя «черты» этого идеала, (тѣ самыя, которыя «по существу своему вполнѣ соотвѣтствуетъ идеалу, вырабатывающемуся

въ сознаніи пролетаріата латинскихъ странъ»): «всенародное убѣжденіе, что земля, вся земля, принадлежитъ народу, и что право на пользованіе ею принадлежитъ не лицу, а цѣлой общинѣ, міру, раздѣляющему ее временно между лицами». И хотя автора статьи «Чего намъ ждать отъ революціи?» не особенно обрадовала бы третья черта, «одинаковой важности съ двумя предыдущими», т. е. «рѣшительно враждебное отношеніе къ государству», но эта вражда въ самой бакунинской классификаціи является лишь слѣдствіемъ «квази-абсолютной автономіи общиннаго самоуправленія», на которомъ опираются многія надежды г. Тихомирова.*) О «затемняющихъ» чертахъ народнаго идеала (патріархальность, поглощеніе лица міромъ, «суевѣріе народа, естественнымъ образомъ сопряженное въ немъ съ невѣжествомъ», нищетою и т. д.) нашъ авторъ или ничего не знаетъ или ничего не хочетъ сообщить своимъ читателямъ. Г. Аксаковъ поступаетъ наоборотъ. Онъ строитъ свою аргументацію именно на этихъ послѣднихъ «чертахъ», забывая или умалчивая о противоположныхъ. Статьи г. Успенскаго также перестаютъ приводить насъ въ изумленіе. Онъ сопоставилъ Ормузда съ Ариманомъ, дурныя стороны идеала съ хорошими, и пришелъ въ тупой переулокъ «власти земли», изъ котораго нѣтъ, повидимому, выхода ни крестьянину, ни всей Россіи, которая стоитъ на крестьянинѣ, какъ земля «на трехъ китахъ»; изображенные же имъ народолюбцы опять-таки видѣли — кто свѣтлыя, а кто «несчастныя» черты народнаго характера и идеала, а потому и не могли придти ни къ какому соглашенію. Все это совершенно понятно, и нельзя не поблагодарить покойнаго Бакунина за тотъ ключъ, который онъ далъ намъ для пониманія односторонности, какъ его собственныхъ послѣдователей, такъ и большей части нашихъ народниковъ вообще.

Но Бакунинъ не даромъ изучалъ когда-то нѣмецкую философію. Онъ понималъ, что предложенная имъ классификація «чертъ народнаго идеала»—беремъ-ли мы однѣ хорошія, или однѣ «несчастныя», или, наконецъ, и счастливыя и «несчастныя черты» — объяс-

*) «Крестьянство умѣетъ устроить свое самоуправленіе, умѣетъ принять въ мірское владѣніе землю и общественно распоряжаться ею», В. Н. В. № 2,, стр. 225.

няетъ только китайскую сторону вопроса. Онъ понималъ, что народъ нужно «брать» не «каковъ онъ есть», а какимъ онъ *стремится стать и становится* подъ вліяніемъ даннаго историческаго движенія. Въ этомъ случаѣ Бакунинъ былъ гораздо ближе къ Гегелю, чѣмъ къ г. Тихомирову. Онъ не удовольствовался тѣмъ убѣжденіемъ, что именно «*таковъ* есть» народный идеалъ, но озаботился изученіемъ «чертъ» этого идеала въ ихъ развитіи въ ихъ взаимномъ соотношеніи. Именно въ этомъ пунктѣ онъ былъ, какъ я сказалъ выше, очень недалекъ отъ правильной постановки вопроса. Если бы онъ надлежащимъ образомъ примѣнилъ діалектическій методъ къ объясненію народной жизни и народнаго міросозерцанія, если бы онъ лучше усвоилъ ту «доказанную Марксомъ несомнѣнную истину, подтверждаемую всей прошлой и настоящей исторіей человѣческаго общества, народовъ и государствъ, что экономическій фактъ всегда предшествовалъ и предшествуетъ ...политическому праву», а слѣдовательно и соціально-политическимъ идеаламъ «народовъ», если бы онъ своевременно вспомнилъ, что «въ доказательствѣ этой истины состоитъ именно одна изъ главныхъ научныхъ заслугъ г. Маркса», *) то мнѣ не пришлось бы, вѣроятно, спорить съ г. Тихомировымъ, такъ какъ отъ «бакунизма» не осталось бы и слѣда.

Но Бакунину измѣнила діалектика или, вѣрнѣе, онъ измѣнилъ ей.

Вмѣсто того, чтобы исходить изъ «экономическихъ фактовъ» въ своемъ анализѣ соціально-политическаго идеала русскаго народа, вмѣсто того, чтобы ожидать переработки этого *стараго* «идеала» отъ вліянія *новыхъ* тенденцій въ экономической жизни народа, авторъ «Государственности и анархіи» устанавливаетъ совершенно произвольную іерархію «недостатковъ» народнаго идеала, стараясь найти такую комбинацію «несчастныхъ» его «чертъ», при которой одна изъ нихъ нейтрализируется или даже совершенно уничтожается другою. Это превращаетъ всю его аргументацію въ совершенно произвольную игру совершенно произвольными опредѣленіями. Авторъ, бывшій, казалось, такъ недалеко отъ истины, вдругъ удалился

*) Государственность и анархія, стр. 223—4.

отъ нея на безконечное разстояніе по той простой причинѣ, что онъ лишь *чувствовалъ* необходимость діалектической оцѣнки народнаго міросозерцанія, но не сумѣлъ или не захотѣлъ *сдѣлать* ее. Вмѣсто ожидаемой діалектики явилась на сцену софистика. «Бакунизмъ» былъ спасенъ, но выясненіе задачъ русской революціонной интеллигенціи не подвинулось ни на одинъ шагъ впередъ.

Іерархія различныхъ недостатковъ народнаго идеала установляется такимъ образомъ. «Поглощеніе лица міромъ и богопочитаніе царя собственно вытекаютъ, какъ естественные результаты... изъ патріахальности». Сама община оказывается «ничѣмъ инымъ, какъ естественнымъ расширеніемъ семьи, рода»,*) а царь, «всеобщимъ патріархомъ и родоначальникомъ, отцомъ всей Россіи». Именно «*поэтому* власть его безгранична». Отсюда понятно, что патріахальность оказывается «главнымъ, историческимъ зломъ», противъ котораго мы обязаны «бороться всѣми силами». Но какъ бороться «противъ историческаго зла» анархисту, не имѣющему «намѣренія и ни малѣйшей охоты навязывать нашему или чужому народу какой бы то ни было идеалъ общественнаго устройства, вычитаннаго изъ книжекъ или выдуманнаго имъ самимъ»? Не иначе, какъ опираясь на историческое развитіе народнаго идеала. Но способствуетъ ли развитіе русскаго народнаго идеала устраненію изъ него затемняющей черты патріархальности? Несомнѣнно, и именно вотъ какимъ образомъ: «война противъ патріархальности ведется нынѣ чуть-ли не въ каждой деревнѣ и въ каждомъ семействѣ, и община, міръ до такой степени обратились теперь въ орудіе ненавистной народу государственной власти и чиновническаго произвола, что бунтъ противъ послѣднихъ становится вмѣстѣ съ

*) М. А. Бакунинъ, очевидно, и не подозрѣвалъ, что община является въ исторіи раньше патріархата и существуетъ у народовъ, не имѣющихъ и тѣни «патріахальности». Впрочемъ, эту ошибку онъ раздѣлялъ со многими изъ своихъ современниковъ, напримѣръ, съ Родбертусомъ, а пожалуй и съ Лассалемъ, который въ своей схемѣ исторіи собственности (System der erworbenen rechte, t. I, ss. 217—223) совсѣмъ не упоминаетъ о первобытной общинѣ.

Примѣч. къ настоящ. изданію. Повторяю, что русская сельская община не имѣетъ ничего общаго съ первобытной общиной. Но въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ это еще не было установлено. Г. П.

тѣмъ и бунтомъ противъ общиннаго и мірского деспотизма».*) Не смущаясь тѣмъ, что борьба противъ общиннаго деспотизма не можетъ не пошатнуть самого принципа общиннаго землевладѣнія, авторъ считаетъ вопросъ окончательно рѣшеннымъ, и увѣряетъ, что «остается богопочитаніе царя», которое «чрезвычайно попріѣлось и ослабло въ самомъ сознаніи народномъ за послѣдніе десять или двѣнадцать лѣтъ», даже не потому, что пошатнулась «патріархальность», а «благодаря мудрой и народолюбивой политикѣ Александра II благодушнаго». Послѣ многихъ испытаній русскій народъ «началъ понимать, что у него нѣтъ врага пуще царя». Интеллигенціи приходится только поддерживать и усиливать это антицарское направленіе въ народной мысли. Въ заключеніе, той же интеллигенціи рекомендуется бороться противъ еще одного «главнаго недостатка», не упомянутаго при вышецитированномъ перечисленіи чертъ народнаго идеала. Недостатокъ этотъ «парализирующій и дѣлающій до сихъ поръ невозможнымъ всеобщее народное возстаніе въ Россіи, это замкнутость общинъ, уединеніе и разъединеніе крестьянскихъ міровъ»... Если принять во вниманіе, что «разъединеніе крестьянскихъ міровъ» есть результатъ того обстоятельства, что «каждая община составляетъ въ себѣ замкнутое цѣлое, вслѣдствіе чего ни одна изъ общинъ не имѣетъ, да и не *чувствуетъ***) надобности имѣть съ другими общинами никакой самостоятельной органической связи», что «соединяются онѣ между собою только посредствомъ батюшки-царя, только съ его верховной, отеческой власти», то приходится сознаться, что на интеллигенцію возлагается не легкая задача. «Связать лучшихъ крестьянъ всѣхъ деревень, волостей и по возможности областей... между собою, и тамъ, гдѣ это возможно, провести такую же живую связь между фабричными работниками и крестьянствомъ»... сдѣлать такъ, «чтобы лучшіе или передовые крестьяне каждой деревни, каждой волости и каждой области знали такихъ же крестьянъ всѣхъ другихъ деревень, волостей, областей», ...«убѣдить ихъ въ томъ, что «въ народѣ живетъ несокрушимая сила, которая могуча только когда она собрана и дѣйствуетъ

*) Государственность и анархія, примѣчаніе А, стр. 19.
**) Курсивъ принадлежитъ мнѣ.

одновременно, ...и что до сихъ поръ она не была собрана»; связать и организовать «села, волости, области по одному общему плану и съ единою цѣлью всенароднаго освобожденія», словомъ, прибавить нѣсколько новыхъ, очень хорошихъ «чертъ» къ народному характеру и идеалу и устранить изъ нихъ нѣсколько коренныхъ недостатковъ,—эта работа, достойная титановъ! И за это-то гигантское предпріятіе приходится браться въ томъ убѣжденіи, что «нужно быть олухомъ царя небеснаго или неизлѣчимымъ доктринеромъ для того, чтобы вообразить себѣ, что можно что нибудь дать народу подарить ему какое бы то ни было матеріальное благо или новое умственное или нравственное содержаніе, новую истину и произвольно дать его жизни новое направленіе или какъ утверждалъ... покойный Чаадаевъ, писать на немъ, какъ на бѣломъ листѣ, что угодно»*)....Можно ли вообразить болѣе вопіющее противорѣчіе между теоретическими положеніями «программы» и намѣченными ею практическими задачами?

Людямъ, не желавшимъ окончательно разрывать съ логикой, оставалось или отказаться отъ практической части этой программы, удерживая основныя ея положенія, или преслѣдовать указанныя ею практическія задачи, стараясь подыскать для нихъ новое, теоретическое обоснованіе. Такъ оно и вышло впослѣдствіи.

6. П. Н. Ткачевъ

Но рядомъ съ бакунизмомъ, носившимъ въ своихъ собственныхъ нѣдрахъ элементы своего разложенія, существовало другое теченіе въ русской революціонной партіи. Крайне враждебное анархической философіи М. А. Бакунина, оно сходилось съ нимъ, — какъ я говорилъ уже въ брошюрѣ «Соціализмъ и политическая борьба», — въ оцѣнкѣ современной русской дѣйствительности. Въ то же время отъ многихъ промаховъ автора «Государственности и анархіи» направленіе это было застраховано такъ сказать меньшею претенціозностью, низшимъ логическимъ типомъ своей аргументаціи.

*) Госуд. и анархія, примѣчаніе А, стр. 9.

М. А. Бакунинъ пытался найти оправданіе для рекомендуемаго имъ способа дѣйствій въ самомъ ходѣ развитія народнаго міросозерцанія, но употребивши въ дѣло неподходящій критерій, онъ вынужденъ былъ подставить на мѣсто историческаго развитія русской общественной жизни логическіе скачки своей собственной мысли. П. Н. Ткачевъ, родоначальникъ того направленія, къ которому мы переходимъ теперь, совсѣмъ не задумывался о діалектическомъ анализѣ нашихъ общественныхъ отношеній. Онъ умозаключалъ къ своей программѣ непосредственно отъ *статики* этихъ отношеній. Современный складъ русской жизни казался ему какъ бы нарочно придуманнымъ для соціальной (что, по его терминологіи, значило — *соціалистической*) революціи. Толковать о прогрессѣ, развитіи — значило для него измѣнять народному дѣлу. «Теперь, или очень не скоро, быть можетъ никогда!» — таковъ былъ девизъ его органа «Набатъ». Ту же мысль высказываетъ онъ въ своей брошюрѣ «Задачи революціонной пропаганды въ Россіи», она же проходитъ черезъ каждую строку его «Открытаго письма къ Энгельсу». Не пускаясь въ трудный путь діалектики, онъ не дѣлалъ свойственныхъ Бакунину невѣрныхъ логическихъ шаговъ, надъ которыми онъ такъ ѣдко смѣялся въ своей «Анархіи мысли». Онъ былъ послѣдовательнѣе Бакунина въ томъ смыслѣ, что тверже держался своихъ посылокъ и дѣлалъ изъ нихъ болѣе логическіе выводы. Вся бѣда заключалась лишь въ томъ, что не только эти посылки, но и та точка зрѣнія, на которую онъ становился при ихъ выработкѣ, были ниже бакунинскихъ, по той простой причинѣ, что онѣ были не чѣмъ инымъ, какъ упрощеннымъ бакунизмомъ, бакунизмомъ, отказавшимся отъ всякой попытки создать свою философію русской исторіи и предавшимъ такого рода попытки ревлюціонной анаѳемѣ. Немногихъ выписокъ изъ сочиненій Ткачева будетъ достаточно, чтобы подтвердить все сказанное.

Начнемъ съ «Открытаго Письма къ г. Фридриху Энгельсу».

Письмо это имѣетъ цѣлью «помочь невѣжеству» Энгельса, доказать ему, что «осуществленіе соціальной революціи не встрѣчаетъ въ Россіи никакихъ препятствій», и что «въ каждую данную минуту возможно возбудить русскій народъ къ единодушному

революціонному протесту».*) Способъ доказательства этого тезиса такъ своеобразенъ, такъ характеренъ для исторіи развитія «бѣдной русской мысли», такъ важенъ для пониманія и правильной оцѣнки программы «партіи Народной Воли», до такой степени предвосхищаетъ всю аргументацію г. Тихомирова, что заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія читателей.

По мнѣнію П. Н. Ткачева, было бы ребячествомъ мечтать о пересажденіи на русскую почву «Международной Ассоціаціи Рабочихъ». Этому препятствуютъ соціально-политическія условія Россіи. «Да будетъ Вамъ извѣстно, говоритъ онъ Энгельсу, что мы въ Россіи не располагаемъ ни однимъ изъ тѣхъ средствъ революціонной борьбы, которыя находятся къ вашимъ услугамъ на Западѣ вообще и въ Германіи въ частности. У насъ нѣтъ городскаго пролетаріата, нѣтъ свободы прессы, нѣтъ представительнаго собранія, нѣтъ ничего, что давало бы намъ надежду соединить (при современномъ экономическомъ положеніи) въ одинъ хорошо-организованный, дисциплинированный рабочій союзъ... забитую, невѣжественную массу трудящагося люда»... «У насъ немыслима рабочая литература, но если бы созданіе ея и было возможно, то она оказалась бы безполезной, такъ какъ большинство нашего народа не умѣетъ читать». Личное вліяніе на народъ также невозможно, благодаря полицейскимъ постановленіямъ, преслѣдующимъ всякое сближеніе интеллигенціи съ чернымъ народомъ. Но всѣ эти неблагопріятныя условія — увѣряетъ Энгельса авторъ Письма — «не должны приводить Васъ къ той мысли, что побѣда соціальной революціи болѣе проблематична, менѣе обезпечена въ Россіи, чѣмъ на Западѣ. Ни въ какомъ случаѣ! Если у насъ нѣтъ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ шансовъ, которые есть у Васъ, то мы можемъ указать много такихъ, которыхъ не хватаетъ у Васъ».

Въ чемъ же заключаются эти шансы? Почему мы можемъ ждать революціи и чего должны ожидать отъ нея?

«У насъ нѣтъ городского пролетаріата, это конечно, вѣрно; но зато у насъ совсѣмъ нѣтъ буржуазіи. Между страдающимъ народомъ и угнетающимъ

*) Offener Brief, s. 10.

его деспотизмомъ государства у насъ нѣтъ никакого средняго сословія: наши рабочіе должны будутъ бороться лишь съ *политической силой — сила капитала* находится у насъ еще въ зародышѣ»...

«Нашъ народъ невѣжественъ — это также фактъ. Но за то онъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ проникнутъ принципами общиннаго владѣнія; онъ, если можно такъ выразиться, коммунистъ по инстинкту, по традиціи»...

«Отсюда ясно, что, несмотря на свое невѣжество, народъ нашъ стоитъ гораздо ближе къ соціализму, чѣмъ народы Запада, хотя они и образованнѣе его».

«Народъ нашъ привыкъ къ рабству и повиновенію — этого также нельзя оспаривать. Но Вы не должны заключать отсюда, что онъ доволенъ своимъ положеніемъ. Онъ протестуетъ, непрерывно протестуетъ противъ него. Въ какой бы формѣ ни проявлялись эти протесты, въ формѣ ли религіозныхъ сектъ, называемыхъ расколомъ, въ отказѣ ли отъ уплаты податей, или въ формѣ возстаній и открытаго сопротивленія власти — во всякомъ случаѣ онъ протестуетъ, и по временамъ очень энергично»...

«Правда, эти протесты узки и разрознены. Но несмотря на это, они въ достаточной мѣрѣ доказываютъ, что народу невыносимо его положеніе, что онъ пользуется каждымъ случаемъ, чтобы дать волю накопившемуся въ его груди чувству озлобленія и ненависти. И поэтому русскій народъ можно назвать инстинктивнымъ революціонеромъ, не смотря на его кажущееся отупѣніе, несмотря на отсутствіе у него яснаго сознанія своихъ правъ»...

«Наша интеллигентная революціонная партія немногочисленна, — это также вѣрно. Но за то она не преслѣдуетъ никакихъ другихъ идеаловъ, кромѣ соціалистическихъ, а враги ея почти еще безсильнѣе ея, и это ихъ безсиліе идетъ ей на пользу. Наши высшія сословія не представляютъ собою никакой силы, — ни *экономической* (они для этого слишкомъ бѣдны), ни политической (они слишкомъ тупы и слишкомъ привыкли во всемъ полагаться на мудрость полиціи). Наше духовенство не имѣетъ никакого значенія. ...Наше государство только издали представляется силой. Въ дѣйствительности его сила—кажущаяся, воображаемая. Оно не имѣетъ корней въ экономической жизни наро-

да. Оно не воплощаетъ въ себѣ интересовъ какого либо сословія. Оно равномѣрно давитъ всѣ классы общества и пользуется равномѣрною ненавистью со стороны ихъ всѣхъ. Они терпятъ государство, переносятъ его варварскій деспотизмъ съ полнымъ равнодушіемъ. Но это терпѣніе, это равнодушіе.... является продуктомъ ошибки: общество создало себѣ иллюзію о силѣ русскаго государства и находится подъ волшебнымъ ея вліяніемъ.» Но немного нужно, чтобы разсѣять эту иллюзію. «Два—три военныхъ пораженія, одновременное возстаніе крестьянъ во многихъ губерніяхъ, открытое возстаніе въ резиденціи въ мирное время—и ея вліяніе мгновенно разсѣется и правительство увидитъ себя одинокимъ и всѣми покинутымъ».

«Такимъ образомъ, мы и въ этомъ отношеніи имѣемъ болѣе шансовъ, чѣмъ вы (т. е. Западъ вообще и Германія въ частности). У васъ государство отнюдь не мнимая сила. Оно опирается обѣими ногами на капиталъ; оно воплощаетъ въ себѣ извѣстные экономическіе интересы. Его поддерживаетъ не только солдатчина и полиція (какъ у насъ), его укрѣпляетъ весь строй буржуазныхъ отношеній..... У насъ... наоборотъ — наша общественная форма обязана своимъ существованіемъ государству, государству, такъ сказать, висящему въ воздухѣ, государству, которое не имѣетъ ничего общаго съ существующимъ соціальнымъ порядкомъ, корни котораго кроются въ прошедшемъ, но не въ настоящемъ».*)

Такова соціально-политическая философія П. Н. Ткачева.

Если бы какъ нибудь по ошибкѣ наборщика подъ вышеприведенными выписками была поставлена ссылка на статью «Чего намъ ждать отъ революціи?», то едва ли самъ г. Тихомировъ замѣтилъ бы эту погрѣшность: до такой степени копія, появившаяся въ свѣтъ въ апрѣлѣ 1884 года похожа на оригиналъ, вышедшій десять лѣтъ тому назадъ. Но увы, что значитъ слава перваго открытія?! Г. Тихомировъ ни единымъ словомъ не упоминаетъ о своемъ учителѣ! Съ своей стороны авторъ «*Открытаго письма къ г. Ф. Энгельсу*» не счелъ нужнымъ сослаться на «*Государственность и анархію*», вышедшую еще въ 1873 году и содержа-

*) Offener Brief, s. s. 4-5-6.

щую ту же самую характеристику русскихъ общественныхъ отношеній и тѣ же увѣренія въ томъ, что русскій крестьянинъ — «коммунистъ по инстинкту, по традиціи». Фр. Энгельсъ былъ совершенно правъ, говоря въ своемъ отвѣтѣ Ткачеву, что аргументація этого послѣдняго построена на обычныхъ «бакунистскихъ фразахъ».

Но къ чему же приводитъ бакунизмъ, потерявшій вѣру въ возможность устранить путемъ непосредственнаго вліянія «несчастныя черты» народнаго идеала и сосредоточившій свое вниманіе на томъ *счастливомъ* обстоятельствѣ, что наше *государство* «виситъ въ воздухѣ» и «не имѣетъ ничего общаго съ существующимъ соціальнымъ порядкомъ», а «*осуществленіе соціальной революціи* не представляетъ никакихъ трудностей»? Понятно — къ чему. Если «капиталъ у насъ еще въ зародышѣ», и «рабочимъ приходится бороться лишь съ *политическою силою*» царизма, если народъ съ своей стороны «всегда готовъ» къ возстанію, какъ пушкинскій Онѣгинъ — къ дуэли, то революціонная борьба пріобрѣтаетъ исключительно «политическій» характеръ. А такъ какъ, кромѣ того, у насъ нѣтъ возможности «соединить въ хорошо-организованный, дисциплинированный союзъ забитую, невѣжественную массу трудящагося люда»; нѣтъ возможности создать рабочую литературу и не было бы даже пользы въ ея созданіи, то выходитъ, что эту политическую борьбу должны вести вовсе не рабочіе. Объ этомъ должна позаботиться та самая «немногочисленная интеллигентская революціонная партія», сила которой заключается въ ея соціалистическихъ идеалахъ и въ безсиліи ея враговъ. Но этому сильному чужимъ безсиліемъ меньшинству, какъ по современнымъ русскимъ условіямъ, такъ и по самой сущности ея отношеній ко всѣмъ прочимъ общественнымъ силамъ, — не остается ничего другого, какъ создавать тайную организацію и подготовлять coup d'etat въ ожиданіи благопріятныхъ для рѣшительнаго удара обстоятельствъ: «военныхъ пораженій» Россіи, «одновременныхъ бунтовъ въ нѣсколькихъ губерніяхъ» или «возстанія въ резиденціи». Другими словами, извѣрившійся въ «прогрессъ» бакунизмъ самымъ прямымъ путемъ приводитъ насъ къ заговору съ цѣлью ниспроверженія существующаго правительства, захвата

власти и организаціи соціалистическаго общества съ помощью этой власти и «прирожденныхъ, традиціонныхъ» склонностей русскаго крестьянства къ коммунизму. Все это мы и видѣли въ произведеніяхъ П. Н. Ткачева гораздо раньше, чѣмъ узрѣли въ статьѣ г. Тихомирова.

Но для полнаго знакомства съ программой Ткачева, или, какъ говорилъ онъ, той «фракціи, къ которой принадлежитъ все, что есть въ нашей революціонной интеллигентной молодежи смѣлаго, умнаго и энергичнаго», — нужно обратиться къ другимъ произведеніямъ редактора «*Набата*», такъ какъ «Открытое письмо» заключаетъ въ себѣ лишь увѣренія въ томъ, что «современный періодъ (русской) исторіи самый удобный для совершенія соціальной революціи», да указанія на такія «общія черты» программы, какъ «прямое воззваніе къ народу», созданіе крѣпкой революціонной организаціи и строгой дисциплины. Изъ брошюры же «Задачи революціонной пропаганды въ Россіи» мы почерпаемъ ту оригинальную мысль, что «насильственная революція тогда только и можетъ имѣть мѣсто, когда меньшинство не хочетъ ждать, чтобы большинство сознало свои потребности, но когда оно рѣшается, такъ сказать, навязать ему это сознаніе». Наконецъ, въ сборникѣ «критическихъ очерковъ П. Н. Ткачева», изданныхъ подъ однимъ общимъ заглавіемъ «Анархія мысли», мы, въ главѣ, направленной противъ программы журнала «Впередъ» и брошюры «Русской соціально-революціонной молодежи», уже прямо встрѣчаемся со слѣдующей альтернативой. «Необходимо выбрать одно изъ двухъ: или интеллигенція должна захватить послѣ революціи власть въ свои руки, или она должна противодѣйствовать, задерживать революцію до той блаженной минуты, когда «народный взрывъ» не будетъ болѣе представлять опасностей, т. е. когда народъ усвоитъ результаты міровой мысли, пріобрѣтетъ недоступныя ему знанія». Уже изъ того обстоятельства, что знанія признаются «недоступными народу» — ясно, куда склоняются симпатіи П. Н. Ткачева.

Организація заговора съ цѣлью захвата власти становится главною практическою задачей пропаганды газеты, а потомъ журнала «Набатъ». Параллельно съ

этимъ идетъ пропаганда террора и возвеличеніе «такъ называемаго нечаевскаго заговора» на счетъ кружковъ пропагандистовъ. «Для насъ, революціонеровъ, не желающихъ долѣе сносить несчастій народа, не могущихъ долѣе терпѣть своего позорнаго рабскаго состоянія, для насъ, не затуманенныхъ метафизическими бреднями и глубоко убѣжденныхъ, что русская революція, какъ и всякая другая революція, не можетъ обойтись *безъ вѣшанія и разстрѣла жандармовъ, прокуроровъ, министровъ, купцовъ, поповъ*, словомъ, не можетъ обойтись безъ «насильственнаго переворота», для насъ матеріалистовъ-революціонеровъ, *весь вопросъ сводится къ пріобрѣтенію силы власти, которая теперь направлена противъ насъ*». Эти строки, напечатанныя *въ 1878 году**), когда никто и не думалъ еще о созданіи «партіи Народной Воли», съ достаточною ясностью показываютъ, гдѣ нужно искать источника тѣхъ практическихъ идей, пропаганду которыхъ приняла на себя эта партія. Мы думаемъ, поэтому, что редакція «Набата» была по своему права, когда, констатируя въ 1879 году «полнѣйшее фіаско» хожденія въ народъ, — она съ гордостью прибавляла: «Мы *первые* указали на неизбѣжность этого фіаско, мы *первые*... заклинали молодежь сойти съ этого гибельнаго анти-революціоннаго пути и снова вернуться къ традиціямъ непосредственно-революціонной дѣятельности и боевой, централистической революціонной организаціи (т. е. къ традиціямъ нечаевщины). И нашъ голосъ не былъ голосомъ вопіющаго въ пустынѣ». ...«Боевая организація революціонныхъ силъ, дезорганизація и терроризація правительственной власти — таковы были съ самаго начала основныя требованія нашей программы. И въ настоящее время эти требованія стали, наконецъ, осуществляться на практикѣ». Увлекшись террористической дѣятельностью, редакція заявляетъ даже, что «*въ настоящее время наша единственная задача* — терроризировать и дезорганизовать правительственную власть.» **)

---

*) См. журналъ «Набатъ», 1878 годъ (N и мѣсяцъ не обозначены) статью «Революціонная пропаганда» стр. I.

**) Набатъ, 1879 г., №№ 3. 4, 5, стр. 2 — 3.

7. *Результаты.*

Ниже мы увидимъ, какое значеніе имѣютъ сдѣланныя мною выписки въ вопросѣ о «нашихъ разногласіяхъ». Теперь же взглянемъ на изложенныя нами программы съ чисто исторической точки зрѣнія и спросимъ себя — насколько удовлетворительно былъ ими поставленъ и рѣшенъ вопросъ о состояніи русской общины и о способности русскаго народа къ сознательной борьбѣ за свое экономическое освобожденіе?

Мы видѣли, что какъ М. А. Бакунинъ, такъ и П. Н. Ткачевъ очень много говорили о коммунистическихъ инстинктахъ русскаго крестьянства. Ссылки на эти инстинкты составляютъ исходную точку ихъ соціально-политическихъ разсужденій, главное основаніе ихъ вѣры въ возможность соціалистической революціи въ Россіи. Но ни авторъ «Государственности и анархіи», ни редакторъ «Набата» ни мало не задумывались, повидимому, надъ вопросомъ о томъ, потому ли существуетъ община, что народъ нашъ, «проникнутъ принципами общиннаго землевладѣнія», или потому онъ «проникнутъ» этими «принципами», т. е. имѣетъ привычку къ общинѣ, что живетъ въ условіяхъ коллективнаго владѣнія землей? Если бы они внимательнѣе отнеслись къ этому вопросу, отвѣтъ на который не можетъ быть сомнительнымъ, то имъ пришлось бы перенести центръ тяжести своей аргументаціи изъ области разсужденій о народныхъ «инстинктахъ» и идеалахъ въ сферу изслѣдованій о народномъ хозяйствѣ. Тогда имъ пришлось бы обратить вниманіе на исторію землевладѣнія и вообще права собственности у первобытныхъ народовъ, на возникновеніе и постепенный ростъ индивидуализма въ общинахъ охотничьихъ, кочевыхъ и земледѣльческихъ племенъ, на соціально-политическое вліяніе этого новаго «принципа», становящагося мало по малу господствующимъ. Примѣняя результаты такого рода изслѣдованій къ Россіи, имъ пришлось бы сдѣлать оцѣнку тѣхъ разлагающихъ общину условій, значеніе которыхъ въ особенности возросло со времени уничтоженія крѣпостного права. Эта оцѣнка логически привела бы ихъ къ попыткѣ опредѣлить силу и значеніе

индивидуалистическаго принципа въ хозяйствѣ современной сельской общины въ Россіи. Затѣмъ, такъ какъ значеніе этого принципа, — подъ вліяніемъ враждебныхъ коллективизму условій, — постоянно возрастаетъ, то имъ нужно было бы узнать величину ускоренія, пріобрѣтаемаго индивидуализмомъ въ ходѣ его вторженія въ право и хозяйство общинниковъ. Опредѣливши, съ возможною въ такихъ случаяхъ точностью, величину этого ускоренія, они должны были бы перейти къ изученію свойствъ и развитія той силы, съ помощью которой они думали не только предупредить торжество индивидуализма и не только возстановить сельскую общину въ ея первобытномъ видѣ, но и придать ей новую, высшую форму. При этомъ возникъ бы очень важный, какъ мы видѣли, вопросъ о томъ, явится ли эта сила продуктомъ внутренней жизни общины, или результатомъ историческаго развитія высшихъ сословій. Во второмъ изъ предположенныхъ случаевъ, интересующая насъ сила оказалась бы чисто внѣшнею силою по отношенію къ общинѣ, и тогда имъ прежде всего нужно было бы спросить себя, достаточно ли однихъ внѣшнихъ вліяній для переустройства экономической и соціально-политической жизни даннаго класса? Покончивши съ этимъ вопросомъ, пришлось бы немедленно считаться съ другимъ, а именно — гдѣ должно искать точку приложенія этой силы, въ сферѣ ли *условій жизни* или въ области *привычекъ мысли* нашего крестьянства? Въ заключеніе, имъ нужно было бы доказать, что *сила сторонниковъ соціализма увеличивается съ большей быстротой, чѣмъ совершается ростъ индивидуализма въ русской экономической жизни.* Только сдѣлавши это обстоятельство по крайней мѣрѣ *вѣроятнымъ*, они могли бы доказать *вѣроятность* той соціальной революціи, которая, по ихъ мнѣнію, не могла встрѣтить въ Россіи «*никакихъ*» затрудненій.

Въ каждомъ изъ вышеперечисленныхъ случаевъ имъ пришлось бы имѣть дѣло не со статикой, а съ динамикой нашихъ общественныхъ отношеній, «брать» народъ не такимъ, «каковъ онъ есть», а такимъ, какимъ онъ *становится*, разсматривать не неподвижную *картину*, а совершающійся по извѣстнымъ законамъ *процессъ* русской жизни. Имъ пришлось бы употребить въ дѣло то самое орудіе діалектики, которое

уже употреблялось Чернышевскимъ для изученія вопроса объ общинѣ въ самомъ абстрактномъ его видѣ.

Къ сожалѣнію, ни Бакунинъ, ни Ткачевъ не сумѣли, какъ мы видѣли, подойти съ этой, наиболѣе важной, стороны къ вопросу о шансахъ соціальной революціи въ Россіи. Они довольствовались тѣмъ убѣжденіемъ, что народъ нашъ «коммунистъ по инстинкту, по традиціи», и если Бакунинъ обращалъ должное вниманіе на слабыя стороны народныхъ «традицій» и народнаго инстинкта, если Ткачевъ видѣлъ, что устранить такого рода слабыя стороны можно лишь путемъ учрежденій, а не логическихъ доводовъ, то все таки ни тотъ, ни другой изъ названныхъ писателей не довели дѣло анализа до конца. Взывая къ нашей интеллигенціи, они ожидали соціальныхъ чудесъ отъ ея дѣятельности, и полагали, что ея преданность замѣнитъ народную иниціативу, ея революціонная энергія займетъ мѣсто внутренняго стремленія русской общественной жизни къ соціалистической революціи. Народное хозяйство, складъ жизни и привычки мысли нашего крестьянства, разсматривались ими именно, какъ неподвижная картина, какъ законченное цѣлое, подлежащее лишь незначительнымъ видоизмѣненіямъ вплоть до самой соціальной революціи. Въ представленіи тѣхъ самыхъ писателей, которые, конечно, не отказались бы признать современныя имъ формы народной жизни результатомъ историческаго развитія, — исторія какъ бы «останавливала свое теченіе». Отъ времени выхода въ свѣтъ «Государственности и анархіи» или «Открытаго письма къ Фр. Энгельсу» вплоть до перваго или «второго дня послѣ революціи», сельская община должна была, по ихъ мнѣнію, остаться въ своемъ нынѣшнемъ видѣ, отъ котораго такъ недалекъ будто бы переходъ къ соціализму. Весь вопросъ былъ въ томъ, чтобы поскорѣе приняться за дѣло и идти по подлежащей дорогѣ. «Мы не допускаемъ никакихъ отсрочекъ, никакого промедленія... Мы не можемъ и не хотимъ ждать... Пусть каждый соберетъ поскорѣе свои пожитки и спѣшитъ отправиться въ путь!» писалъ редакторъ «Набата». И хотя по вопросу о направленіи этого пути между Бакунинымъ и Ткачевымъ были коренныя разногласія, но во всякомъ случаѣ каждый изъ нихъ былъ увѣренъ, что если молодежь пойдетъ по указанному

имъ пути, то успѣетъ еще застать общину въ состояніи желательной прочности. Хотя, «каждый день приноситъ намъ новыхъ враговъ, создаетъ новыя враждебныя намъ общественныя формы», но эти новыя формы не измѣняютъ взаимнаго отношенія факторовъ русской общественной жизни. Буржуазія продолжаетъ отсутствовать, государство продолжаетъ «висѣть въ воздухѣ». Погромче ударивши «въ набатъ», поэнергичнѣе взявшись за революціонную работу, мы успѣемъ еще спасти «коммунистическіе инстинкты» русскаго народа и, опираясь на его привязанность къ «принципамъ общиннаго землевладѣнія», сумѣемъ совершить соціалистическую революцію. Такъ разсуждалъ П. Н. Ткачевъ, такъ же или почти такъ же разсуждалъ и авторъ «Государственности и анархіи».

Наша молодежь читала произведенія обоихъ писателей и, подѣлившись на фракціи, дѣйствительно спѣшила взяться за дѣло. Съ перваго взгляда можетъ показаться страннымъ, какимъ образомъ ткачевская или бакунинская программа могла найти адептовъ въ той самой интеллигентной средѣ, которая воспитывалась на сочиненіяхъ Н. Г. Чернышевскаго и уже по одному тому должна была выработать привычку къ болѣе строгому мышленію. Но дѣло въ сущности — просто и объясняется отчасти вліяніемъ того же Чернышевскаго.

Гегель недаромъ отводилъ въ своей философіи такое важное мѣсто вопросу о методѣ, и не даромъ также тѣ изъ западно-европейскихъ соціалистовъ, которые съ гордостью «ведутъ свою родословную» между прочимъ «отъ Гегеля и Канта», придаютъ гораздо большее значеніе *методу* изслѣдованія общественныхъ явленій, чѣмъ даннымъ его результатамъ.*) Ошибка въ результатахъ *непремѣнно* будетъ замѣчена и исправлена при дальнѣйшемъ примѣненіи правильнаго метода, между тѣмъ какъ ошибочный методъ, наоборотъ, лишь въ рѣдкихъ *частныхъ* случаяхъ можетъ дать результаты, не противорѣчащіе той или другой

*) «Мы далеко не такъ нуждаемся въ голыхъ результатахъ, какъ въ *изученіи* — говоритъ Фр. Энгельсъ; мы знаемъ уже со времени Гегеля, что безъ ведущаго къ нимъ развитія — результаты не имѣютъ никакого значенія; они хуже, чѣмъ безполезны, если на нихъ прекращается изслѣдованіе, если они не становятся посылками для дальнѣйшаго развитія».

частной истинѣ. Но серьезное отношеніе къ методологическимъ вопросамъ возможно лишь въ обществѣ, получившемъ серьезное философское образованіе. Русское же общество никогда не могло похвастаться такимъ образованіемъ. Недостатокъ философскаго развитія съ особенною силою сказался у насъ въ шестидесятыхъ годахъ, когда наши «мыслящіе реалисты», создавши культъ естественныхъ наукъ, открыли жестокое гоненіе на философскую «метафизику». Подъ вліяніемъ этой антифилософской пропаганды, послѣдователи Н. Г. Чернышевскаго не могли усвоить себѣ пріемы его діалектическаго мышленія, а сосредоточивали свое вниманіе лишь на *результатахъ* его изслѣдованій. Въ результатѣ же этихъ изслѣдованій являлась, какъ мы знаемъ, увѣренность въ возможности непосредственнаго перехода нашей общины въ высшую, коммунистическую форму общежитія. Это убѣжденіе страдало односторонностью уже въ силу своей абстрактности, и ученики, оставшіеся вѣрными духу, а не буквѣ сочиненій Чернышевскаго, конечно, не замедлили бы перейти, какъ я выразился выше, отъ алгебры къ ариѳметикѣ, отъ общихъ отвлеченныхъ разсужденій о *возможныхъ* переходахъ однѣхъ соціальныхъ формъ въ другія къ подробному изученію вопроса о современномъ состояніи и *вѣроятной* будущей судьбѣ русской общины въ частности. Такъ называемый «русскій» соціализмъ былъ бы поставленъ, такимъ образомъ, на совершенно твердую почву. Къ сожалѣнію, наша революціонная молодежь даже и не подозрѣвала, что у ея учителя былъ какой то особенный методъ мышленія. Успокоившись на результатахъ его изслѣдованій, она видѣла его единомышленниковъ во всѣхъ писателяхъ, отстаивавшихъ принципъ общиннаго землевладѣнія, и между тѣмъ какъ самъ авторъ «Критики философскихъ предубѣжденій» никогда не могъ сойтись, напримѣръ, со Щаповымъ*), наша молодежь видѣла въ историческихъ трудахъ послѣдняго лишь новую иллюстрацію и новые доводы въ пользу мнѣній своего учителя. Тѣмъ менѣе могла она подвергать строгой критикѣ новыя революціонныя ученія. П. Н. Ткачевъ и М. А. Бакунинъ казались

*) См. книгу Аристова А. П. Щаповъ, жизнь и сочиненія С.-Петербургъ, стр. 89—92.

ей людьми совершенно одного направленія съ Н. Г. Чернышевскимъ. Ученики Гегеля не оставили камня на камнѣ въ его системѣ, строго держась того самаго метода, который завѣщалъ имъ великій мыслитель. Они держались духа, а не буквы его системы. Послѣдователи Н. Г. Чернышевскаго не рѣшались даже подумать о критическомъ отношеніи къ мнѣніямъ своего учителя. Строго держась каждой буквы его писаній, они утратили всякое понятіе объ ихъ духѣ. Вслѣдствіе этого, они не сумѣли сохранить въ чистомъ видѣ даже результатовъ изслѣдованій Чернышевскаго, и изъ смѣси ихъ съ славянофильскими тенденціями образовали ту своеобразную теоретическую амальгаму, изъ которой выросло потомъ наше *народничество*.

Такимъ образомъ, предшествующая соціалистическая литература завѣщала намъ нѣсколько (не нашедшихъ подражателей) попытокъ примѣненія діалектическаго метода къ рѣшенію важнѣйшихъ вопросовъ русской общественной жизни, и нѣсколько соціалистическихъ программъ, изъ которыхъ одна рекомендовала соціалистическую пропаганду, считая русское крестьянство столь же воспріимчивымъ къ ней, какъ и западно-европейскій прлетаріатъ; другая—настаивала на организаціи всенароднаго бунта, а третья, не считая возможной ни пропаганду, ни организацію, указывала на захватъ власти революціонной партіей, какъ на исходный пунктъ русской соціалистической революціи.

Теоретическая постановка революціоннаго вопроса не только не подвинулась впередъ со времени Чернышевскаго, но во многихъ отношеніяхъ отступила назадъ, къ полуславянофильскимъ воззрѣніямъ Герцена. Русская революціонная интеллигенція начала семидесятыхъ годовъ не прибавила ни одного серьезнаго аргумента въ пользу отрицательнаго рѣшенія поставленнаго еще Герценомъ вопроса о томъ, «должна ли Россія пройти всѣми фазами европейскаго развитія?»

Глава I.

1. *Русскій бланкизмъ.*

Теперь прошло уже десять лѣтъ со времени появленія важнѣйшихъ изъ программъ семидесятыхъ годовъ. Десять лѣтъ усилій, борьбы и тяжелыхъ, иногда, разочарованій показали нашей молодежи, что организація революціоннаго движенія въ крестьянствѣ невозможна при современныхъ русскихъ условіяхъ. Бакунизмъ и народничество, какъ *революціонныя* ученія, отжили свой вѣкъ и находятъ теперь радушный пріемъ лишь въ *консервативно*-демократическомъ литературномъ лагерѣ. Имъ предстоитъ или совершенно утратить свои отличительныя черты и слиться съ новыми, болѣе плодотворными революціонными теченіями, или застыть въ своемъ старомъ видѣ и служить опорой для политической и соціальной реакціи. Наши пропагандисты старой пробы также сошли теперь со сцены. Не то съ теоріями П. Н. Ткачева. Хотя въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ «каждый день приносилъ намъ новыхъ враговъ, создавалъ новые, враждебные намъ общественные факторы», хотя соціальная революція «встрѣтила» за это время нѣкоторыя немаловажныя «препятствія», русскій бланкизмъ возвышаетъ теперь свой голосъ съ особенной силой, и по прежнему увѣренный въ томъ, что «современный историческій періодъ особенно благопріятенъ для совершенія соціальной революціи», онъ по прежнему обвиняетъ всѣхъ «несогласномыслящихъ» въ умѣренности и аккуратности, повторяя на новый ладъ свою старую погудку: «теперь или очень нескоро, быть можетъ никогда! мы не имѣемъ право ждать, пусть каждый соберетъ свои пожитки и спѣшитъ отправиться въ путь», и такъ далѣе, и такъ далѣе. Съ этимъ то окрѣпшимъ, и, если можно такъ выразиться, помолодѣвшимъ ткачевизмомъ и приходится имѣть дѣло всякому, кто хотѣлъ бы писать о «разногласіяхъ», существующихъ въ настоящее время въ русской революціонной средѣ. Съ нимъ тѣмъ болѣе придется считаться при изслѣдованіи вопроса о «судьбѣ русскаго капитализма».

Я уже не одинъ разъ говорилъ, что статья г. Тихомирова «Чего намъ ждать отъ революціи?» представляетъ собою лишь новое, дополненное, хотя въ то же время, во многихъ отношеніяхъ, ухудшенное изданіе

соціально-политическихъ воззрѣній П. Н. Ткачева. Если я не ошибся въ распознаваніи характеристическихъ чертъ русскаго бланкизма, то литературная дѣятельность «партіи Народной Воли» сводится къ повторенію на разные лады ткачевскихъ ученій. Разница лишь въ томъ, что для Ткачева «переживаемый нами моментъ» относился къ началу семидесятыхъ годовъ, а для публицистовъ «партіи Народной Воли» онъ совпадаетъ съ концомъ того же и началомъ слѣдующаго десятилѣтія. При полномъ отсутствіи того, что нѣмцы называютъ «историческимъ смысломъ», русскій бланкизмъ съ большою легкостью переноситъ и будетъ переносить это понятіе объ особенно благопріятномъ для соціальной революціи «моментѣ» съ одного десятилѣтія на другое. Оказавшись лже-пророкомъ въ восьмидесятыхъ годахъ, онъ съ достойнымъ лучшей участи упорствомъ возобновитъ свои пророчества черезъ десять, черезъ двадцать, черезъ тридцать лѣтъ, и будетъ возобновлять ихъ вплоть до того времени, когда рабочій классъ пойметъ, наконецъ, условія своего соціальнаго освобожденія и будетъ встрѣчать его проповѣдь самымъ гомерическимъ хохотомъ. Для пропаганды бланкизма благопріятенъ каждый историческій моментъ, кромѣ момента, дѣйствительно благопріятнаго для соціалистической революціи.

Но пора точнѣе опредѣлить употребляемыя мною выраженія. Что такое бланкизмъ вообще? Что такое русскій бланкизмъ?

П. Л. Лавровъ надѣется, какъ мы видѣли, что «большинство членовъ» группы «Освобожденіе труда» —«можетъ быть не сегодня-завтра въ рядахъ «Народной Воли»». Онъ утверждаетъ, что „самъ г. Плехановъ совершилъ уже достаточно значительную эволюцію въ своихъ политико-соціальныхъ убѣжденіяхъ, чтобы мы имѣли основаніе надѣяться на новые шаги съ его стороны въ этомъ же направленіи". Если «партія Народной Воли» стоитъ, поскольку можно судить объ этомъ по ея литературнымъ произведеніямъ, на точкѣ зрѣнія бланкизма, то выходитъ, что и моя «эволюція» совершается «въ этомъ же направленіи». Проповѣдуемый мною въ настоящее время марксизмъ представляетъ собою, слѣдовательно, лишь чистилище, черезъ которое должна пройти моя соціалистическая душа для окончательнаго успокоенія въ лонѣ бланк-

кизма. Такъ-ли это? Будетъ-ли такого рода «эволюція» прогрессивной? Какъ представляется этотъ вопросъ съ точки зрѣнія современнаго научнаго соціализма?

«Бланки прежде всего политическій революціонеръ, читаемъ мы въ одной статьѣ Энгельса, соціалистъ лишь по своимъ чувствамъ, симпатизирующій народу въ его страданіяхъ, но не имѣющій своей особой соціалистической теоріи, и не предлагающій никакихъ опредѣленныхъ мѣръ соціальнаго переустройства. Въ своей политической дѣятельности онъ былъ, главнымъ образомъ, такъ называемымъ *«человѣкомъ дѣла»*, убѣжденнымъ въ томъ, что небольшое число хорошо организованныхъ людей, выбравши подходящій моментъ и произведя революціонную попытку, можетъ увлечь народную массу однимъ-двумя успѣхами и совершить такимъ образомъ, побѣдоносную революцію. Въ царствованіе Луи-Филиппа онъ могъ организовать это ядро, конечно, лишь въ видѣ тайнаго общества, и тогда произошло то, что всегда происходитъ при заговорѣ. Составляющіе его люди, утомившись вѣчной сдержанностью и напрасными обѣщаніями, что дѣло скоро дойдетъ до рѣшительнаго удара, потеряли, наконецъ, всякое терпѣніе, перестали повиноваться, и тогда оставалось одно изъ двухъ: или дать распасться заговору, или начинать революціонную попытку безъ всякаго внѣшняго повода. Такая попытка и была сдѣлана (12 Мая 1839 г.), и была подавлена въ самомъ началѣ. Впрочемъ, этотъ заговоръ Бланки былъ единственный, который не былъ открытъ полиціей.

«Изъ того, что Бланки всякую революцію представлялъ себѣ въ видѣ Handstreich небольшого революціоннаго меньшинства, сама собою слѣдуетъ необходимость революціонной диктатуры послѣ удачнаго переворота; конечно, диктатуры не цѣлаго революціоннаго класса, пролетаріата, но небольшого числа тѣхъ, которые совершили Handstreich и которые сами еще ранѣе того подчинялись диктатурѣ одного или немногихъ избранныхъ.

«Читатель видитъ — продолжаетъ Энгельсъ — что Бланки есть революціонеръ стараго поколѣнія. Подобныя представленія о ходѣ революціонныхъ событій слишкомъ уже устарѣли для нѣмецкой рабочей партіи, да и во Франціи могутъ встрѣтить сочувствіе лишь со

стороны наименѣе зрѣлыхъ или наименѣе терпѣливыхъ рабочихъ.»

Мы видимъ, такимъ образомъ, что соціалисты новѣйшей, научной школы смотрятъ на бланкизмъ, какъ на устарѣвшую уже точку зрѣнія. Переходъ изъ марксизма въ бланкизмъ, конечно, не невозможенъ,—чего не бываетъ на свѣтѣ? — но онъ ни въ какомъ случаѣ не будетъ признанъ ни однимъ изъ марксистовъ прогрессомъ въ «политико-соціальныхъ убѣжденіяхъ» кого либо изъ ихъ единомышленниковъ. Только съ точки зрѣнія бланкиста такая «эволюція» можетъ быть признана прогрессивной. И если почтенный редакторъ «Вѣстника Народной Воли» не измѣнилъ самымъ кореннымъ образомъ своихъ воззрѣній на соціализмъ школы Маркса, то его пророчество относительно группы «Освобожденіе труда» должно привести всякаго безпристрастнаго читателя въ совершенное недоумѣніе.

Мы видимъ, кромѣ того, изъ приведенныхъ словъ Энгельса, что ткачевское пониманіе «насильственной революціи», какъ чего-то «навязаннаго» меньшинствомъ большинству, есть ничто иное, какъ бланкизмъ, который можно было бы назвать самымъ чистопробнымъ, если бы редакторъ «Набата» не вздумалъ доказывать, что въ Россіи соціализмъ не нужно даже навязывать большинству, коммунистическому «по инстинкту, по традиціи».

Отличительной чертою русской разновидности бланкизма является, такимъ образомъ, лишь заимствованная у Бакунина идеализація русскаго крестьянства. Перейдемъ теперь къ воззрѣніямъ г. Тихомирова и посмотримъ, подходятъ ли они подъ это опредѣленіе или представляютъ собою новую разновидность «русскаго соціализма».

2 *Л. Тихомировъ*

Я утверждаю, что въ нихъ нѣтъ рѣшительно ничего новаго, кромѣ нѣсколькихъ историческихъ, логическихъ и статистическихъ ошибокъ.

Эти ошибки, дѣйствительно, представляютъ собою нѣчто новое, оригинальное, характеристичное лишь для міросозерцанія г. Тихомирова. Ни бланкизмъ вообще, ни русскій бланкизмъ въ частности не играли никакой роли въ ихъ возникновеніи и въ ихъ своеобразной «эволюціи».

Появленіе ихъ вызвано причиною чисто отрицательнаго свойства: незнаніемъ, которое вообще играетъ довольно видную роль въ генезисѣ соціально-политическихъ понятій нашей интеллигенціи, а въ статьѣ г. Тихомирова достигаетъ совсѣмъ уже нескромныхъ размѣровъ.

Читателю нетрудно будетъ провѣрить справедливость нашего отзыва, если онъ потрудится вмѣстѣ съ нами надъ распутываніемъ скомканной и во многихъ мѣстахъ оборванной нити «самобытныхъ» разсужденій нашего автора.

Начнемъ съ исторіи революціонныхъ идей въ Россіи и на Западѣ.

«Еще немного лѣтъ назадъ — говоритъ г. Тихомировъ — соціалисты, исходя изъ анализа общественныхъ отношеній, сдѣланнаго ихъ учителями въ капиталистическихъ странахъ Европы, признавали политическую дѣятельность скорѣе вредною въ интересахъ собственно народной массы, такъ какъ полагали, что конституція будетъ у насъ орудіемъ организаціи буржуазіи, какимъ является въ Европѣ. На основаніи этихъ соображеній въ средѣ нашихъ соціалистовъ можно было даже встрѣтить мнѣніе, что изъ двухъ золъ—самодержавный царь для народа все таки лучше, нежели царь конституціонный. Другое направленіе, такъ называемое либеральное, имѣло противоположный характеръ» и т. д.*)

Русскіе соціалисты «признавали политическую дѣятельность скорѣе вредною... исходя изъ анализа... сдѣланнаго ихъ учителями въ капиталистическихъ странахъ Запада». О какомъ «анализѣ» говоритъ г. Тихомировъ? Какихъ учителей имѣетъ онъ въ виду? Съ кого онъ «портреты пишетъ, гдѣ разговоры эти слышитъ»? Извѣстно, что западно-европейская соціалистическая мысль, «исходя изъ анализа.., сдѣланнаго въ капиталистическихъ странахъ Европы», представляла и до сихъ поръ представляетъ «два типа отношеній къ вопросу о политической дѣятельности». Послѣдователи Прудона проповѣдуютъ политическое воздержаніе и совѣтуютъ слѣдовать ему вплоть до «другого дня послѣ революціи». Для нихъ «политическая революція—цѣль, экономическая революція — средство». Поэтому они хотятъ начинать съ экономи-

*) Вѣстникъ Нар. Воли N_0 2, стр. 231.

ческаго переворота, полагая, что при современныхъ условіяхъ политическая дѣятельность «скорѣе вредна въ интересахъ собственно народной массы», и что конституція является лишь «орудіемъ организаціи буржуазіи». Другое направленіе «имѣло противоположный характеръ». Уже Deutsch-Franzoesische Jahrbücher, вышедшіе въ Парижѣ въ 1844 году, намѣтили въ общихъ чертахъ *политическую* задачу рабочаго класса. Въ 1847 году Марксъ писалъ въ своей «Misere de la philosophie»: «Не говорите, что соціальное движеніе исключаетъ движеніе политическое. Никогда не бываетъ политическаго движенія, которое не было бы въ то же время и соціальнымъ. Только при такомъ порядкѣ вещей, при которомъ не будетъ классовъ и антагонизма классовъ, *соціальныя эволюціи* перестанутъ быть *политическими революціями*».*) Въ «Манифестѣ Коммунистической Партіи» Марксъ и Энгельсъ опять возвращаются къ тому же вопросу, доказываютъ, что «*всякая классовая борьба есть борьба политическая*» и самымъ ѣдкимъ образомъ смѣются надъ тѣми «истинными соціалистами», по мнѣнію которыхъ —какъ и по мнѣнію г. Тихомирова—конституція «является въ Европѣ» лишь «орудіемъ организаціи буржуазіи». По мнѣнію авторовъ «Манифеста», соціализмъ, выступавшій противъ освободительнаго движенія буржуазіи, «утрачивалъ свою педантическую невинность» и становился орудіемъ *политической и соціальной реакціи*. Та же самая мысль повторялась затѣмъ много разъ въ другихъ произведеніяхъ, какъ самихъ авторовъ *Манифеста*, такъ и ихъ послѣдователей. Можно сказать, что почти каждый нумеръ каждой соціаль-демократической газеты каждой европейской страны воспроизводитъ эту мысль въ томъ или другомъ видѣ. Карлъ Марксъ и марксисты сдѣлали все, чтобы выяснить свои соціально-политическіе взгляды и показать неосновательность прудонистской «программы».

И послѣ такой-то блестящей литературной дѣятельности, дѣятельности, открывающей собою новую эпоху въ исторіи соціалистической мысли «Европы», мы слышимъ, что русскіе соціалисты отрицали цѣлесообразность политической борьбы лишь потому, что

*) Misere de la philosophie, стр. 177—178.

«исходили изъ анализа, сдѣланнаго ихъ учителями въ капиталистическихъ странахъ Запада»! Можно ли серьезно говорить теперь о какомъ нибудь другомъ «анализѣ общественныхъ отношеній» Западной Европы, кромѣ анализа, заключающагося въ сочиненіяхъ Маркса и Энгельса? Это умѣстно было бы лишь въ историческомъ сочиненіи, трактующемъ объ ошибкахъ и односторонностяхъ предшественниковъ Маркса. Но г. Тихомировъ или совсѣмъ незнакомъ съ литературой марксизма, или понялъ ее также, какъ г. Иванюковъ, «банкротство» котораго было возвѣщено и отчасти доказано въ первой книжкѣ «Вѣстника». Русскіе соціалисты говорили о вредѣ политической дѣятельности не потому, что они вообще «исходили изъ анализа общественныхъ отношеній» Западной Европы, а потому, что они исходили изъ ошибочнаго, мелко-буржуазнаго «анализа» Прудона. Но всѣ ли они были прудонистами? Всѣ ли они придерживались ученія Бакунина, этого, такъ сказать, реформатора прудонизма? Кому же не извѣстно, что далеко не всѣ! П. Н. Ткачевъ точно такъ же, какъ и рѣшительно всѣ западноевропейскіе бланкисты, исходя, впрочемъ, не изъ «анализа, сдѣланнаго въ капиталистическихъ странахъ Европы», а изъ традицій французскаго якобинства, жесточайшимъ образомъ нападали на принципъ «политическаго воздержанія». Развѣ П. Н. Ткачевъ не писалъ именно «еще много лѣтъ тому назадъ»? Развѣ его мнѣнія не должны быть занесены въ исторію русской революціонной мысли? Г. Тихомировъ сдѣлалъ бы очень рискованный шагъ, рѣшившись отвѣтить на послѣдній вопросъ утвердительно: а что если его собственная философія дѣйствительно окажется лишь новымъ изданіемъ философіи Ткачева? Вѣдь сравненіе очень легко сдѣлать каждому читателю.

Но одни ли бакунисты и бланкисты существовали «еще немного лѣтъ тому назадъ» въ русскомъ революціонномъ движеніи? Не было ли другихъ направленій? Не было ли писателей, которые знали, что конституція «является въ Европѣ»... «орудіемъ организаціи» *не только* буржуазіи, но и еще другого класса, интересовъ котораго соціалисты не могутъ игнорировать, не измѣняя своему знамени? Мнѣ кажется, что — были, и были именно въ лагерѣ противниковъ Ткачева, который, возставая противъ той мысли, что

политическая дѣятельность «скорѣе вредна въ интересахъ собственно народной массы», требовалъ однако или всего или ничего, или захвата власти соціалистами или политическаго застоя Россіи. Когда на этомъ основаніи онъ вздумалъ припугнуть русскихъ соціалистовъ призракомъ капитализма и буржуазной конституціи, то вотъ что отвѣтилъ ему одинъ извѣстный русскій писатель, обращаясь къ нашей «соціально-революціонной молодежи». «Вамъ говорятъ, что революція необходима для Россіи теперь или она не осуществится никогда. Вамъ рисуютъ картину развивающейся у насъ буржуазіи и говорятъ вамъ, что съ ея развитіемъ борьба станетъ труднѣе, что революція будетъ невозможна. Очень плохо думаетъ авторъ о вашей сообразительности, если думаетъ, что вы поддадитесь на его аргументы»... «Какое основаніе думать, что борьба народа съ буржуазіей въ Россіи была бы немыслима, если бы, дѣйствительно, въ Россіи установились формы общественной жизни, подобныя формамъ за-граничной? *Развѣ не развитіе буржуазіи, именно, вызвало пролетаріатъ къ борьбѣ?* Развѣ не во всѣхъ странахъ Европы раздаются громко призывы къ близкой соціальной революціи? Развѣ не сознаетъ буржуазія опасность, которая грозитъ ей отъ рабочихъ и все приближается?... Наша молодежь вовсе не такъ отрѣзана отъ міра, чтобы вовсе не знать этого положенія дѣлъ, и люди, желающіе увѣрить ее, что господство буржуазіи было бы непоколебимо у насъ, черезчуръ разсчитываютъ на ея недостатокъ знанія, *рисуя ей фантастическую картину Европы*».

Ясно, что авторъ этихъ строкъ никоимъ образомъ не считаетъ конституцію «орудіемъ организаціи» одной только «буржуазіи», какимъ она «является въ Европѣ» по словамъ г. Тихомірова. Правъ или неправъ этотъ авторъ — пусть г. Тихомировъ судитъ, какъ хочетъ, но нельзя было не упомянуть о немъ, говоря о «типахъ отношеній» нашей «интеллигентной мысли» къ вопросу о политической дѣятельности. Если цитируемый нами авторъ — нынѣшній соредакторъ г. Тихомирова, П. Л. Лавровъ *) и не признавалъ цѣлесообразности политической борьбы въ Россіи, то ужъ

*) См. его брошюру «Русской соціально-революціонной молодежи» стр. 22 — 24.

ни въ какомъ случаѣ не потому, что «исходилъ» изъ бакунистскаго анализа «общественныхъ отношеній въ капиталистическихъ странахъ Европы». Со стороны г. Тихомирова совершенно непростительно такое невниманіе къ литературной дѣятельности его уважаемаго товарища.

Впрочемъ, будемъ безпристрастны, постараемся указать смягчающія его вину обстоятельства. Чѣмъ объясняется это невниманіе? Почему г. Тихомировъ заноситъ всѣхъ русскихъ соціалистовъ недавняго прошлаго въ списокъ бакунистовъ, и умалчиваетъ о литературной дѣятельности П. Л. Лаврова, забываетъ о Ткачевѣ уже теперь, когда «башмаковъ еще не износили» контробандисты, доставлявшіе «Набатъ» въ Россію? По очень простой причинѣ. «Ничто не ново подъ луною» утверждаютъ скептики. И если эту мысль нельзя признать безусловно вѣрною, то несомнѣнно все таки, что во многихъ программахъ «русскаго соціализма» рѣшительно «ничто не ново». А между тѣмъ сторонникамъ этихъ программъ очень пріятно заявить, что ихъ направленіе было первымъ «гласнымъ проявленіемъ» такого-то и такого-то «сознанія». Чтобы доставить себѣ подобное удовольствіе, остается лишь кое-что позабыть въ исторіи русскаго революціоннаго движенія и кое-что прибавить къ ней отъ себя. Тогда будетъ ясно, что «наша интеллигентная мысль» представляла собою какую-то заблудшую овцу, пока не появилась данная программа; но съ тѣхъ поръ, какъ авторы этой программы произнесли свое «да будетъ свѣтъ» — начался «величественный восходъ солнца», какъ выражается Гегель объ эпохѣ французской революціи. Надлежащая точка зрѣнія была найдена, заблужденія были разсѣяны, истина — открыта. Удивительно ли, что люди, которымъ пріятный самообманъ дороже «тьмы горькихъ истинъ», соблазняются такого рода перспективой и, забывая о своихъ предшественникахъ и современникахъ, приписываютъ своей «партіи» открытіе такихъ пріемовъ борьбы, которые часто не были не только открыты, но даже *поняты* ею правильнымъ образомъ?

Г. Тихомировъ увлекся именно такими шаблонными пріемами историческаго изслѣдованія. Ему хотѣлось показать, что хотя «въ общей массѣ русская революціонная интеллигенція», вопреки знаменитому

«анализу», и «не могла отрѣшиться отъ борьбы противъ политическаго гнета», но все это, однако, «дѣлалось только невольно и само собой. Идея дѣйствительной равноправности политическаго и экономическаго элементовъ въ партіонной программѣ — нашла себѣ ясное и громкое признаніе только съ появленіемъ Народовольства» *) (которому нашъ авторъ бьетъ челомъ и большою буквой). Чтобы доказать свое положеніе, г. Тихомировъ и приписалъ всѣмъ русскимъ соціалистамъ взгляды, раздѣлявшіеся только бакунистами. Такъ какъ эти послѣдніе считали политическую дѣятельность «скорѣе вредною», а народовольцы признали ее скорѣе полезною, то ясно, что честь перваго открытія пользы политической дѣятельности принадлежитъ «народовольству». Упоминать о Ткачевѣ было неудобно, потому что тогда обнаружилось бы, что онъ проповѣдовалъ именно того рода «равноправность политическаго и экономическаго элементовъ въ партіонной программѣ», которая «нашла ясное и громкое признаніе» будто бы «только съ появленіемъ народовольства». Упоминать о литературныхъ произведеніяхъ своего соредактора г. Тихомировъ также не нашелъ «своевременнымъ», такъ какъ для ихъ критики и оцѣнки пришлось бы стать на точку зрѣнія, совершенно непривычную для человѣка, до сихъ поръ воображающаго, что нѣтъ другого «анализа общественныхъ отношеній» Западной Европы, кромѣ анализа, «сдѣланнаго» Прудономъ и прудонистами, Бакунинымъ и бакунистами.

Г. Тихомировъ «сдѣлалъ» для возвеличенія своей партіи все возможное и прихватилъ даже немножко невозможнаго. Онъ рѣшился, напримѣръ, утверждать, что «бывшіе основатели *Чернаго Передѣла*» принадлежали когда-то къ числу «самыхъ ярыхъ противниковъ конституціи». А между тѣмъ, если бы онъ руководствовался въ своихъ историческихъ изысканіяхъ стремленіемъ къ истинѣ, а не интересами «партіонной политики», то онъ не забылъ бы, что въ первомъ же № «*Чернаго передѣла*», въ «Письмѣ къ бывшимъ товарищамъ», высказывается слѣдующій взглядъ на конституцію, далеко не соотвѣтствующій его представленію о «бывшихъ основателяхъ» названнаго органа. «*Не*

*) В. Н. В. № 2, стр. 232.

подумайте, пожалуйста, товарищи, что я вообще противъ конституціи, противъ политической свободы — говоритъ авторъ этого письма. Я слишкомъ уважаю человѣческую личность, чтобы быть противъ политической свободы... Говорить, что идея политической свободы для народа вещь непонятная, ненужная — не резонъ. Она, (т. е. политическая свобода) для него такая же необходимая потребность, какъ и для интеллигентнаго. Разница въ томъ, что эта потребность у народа срастается съ другими, болѣе насущными, основными потребностями экономическаго свойства. Эти то послѣднія должна принять въ резонъ каждая соціально-революціонная партія, если она желаетъ, чтобы политическая свобода была вполнѣ обезпечена и гарантирована отъ узурпацій и искаженій враждебныхъ ей элементовъ».

Въ этихъ строкахъ есть кое-какія неточности въ выраженіяхъ, неправильности въ опредѣленіи понятій. Но заключить изъ нихъ, что «основатели Чернаго Передѣла» были «противниками конституціи», да еще противниками «самыми ярыми» — можетъ лишь человѣкъ, или окончательно распростившійся съ логикой, или сознательно игнорирующій факты въ интересахъ своей «партіи», или, наконецъ, совсѣмъ незнающій этихъ фактовъ, т. е. незнающій той самой исторіи революціонныхъ идей въ Россіи, о которой онъ трактуетъ «съ ученымъ видомъ знатока».

Но быть можетъ «основатели Чернаго Передѣла» измѣнили свои взгляды на конституцію впослѣдствіи? Посмотримъ. Подъ редакціей этихъ «основателей» вышло два №№ названнаго органа. Мы знаемъ уже, какіе взгляды на политическую свободу заключаются въ первомъ №; что же находимъ мы во второмъ?

«Конечно, не намъ, отрицающимъ всякое подчиненіе человѣка человѣку, оплакивать паденіе абсолютизма въ Россіи; не намъ, которымъ борьба съ существующимъ режимомъ стоила такихъ страшныхъ усилій и столькихъ тяжелыхъ потерь — желать его продолженія», читаемъ мы въ передовой статьѣ этого №. «*Мы знаемъ цѣну политической свободы* и можемъ пожалѣть лишь о томъ, что русская конституція отведетъ ей недостаточно широкое мѣсто. Мы привѣтствуемъ всякую борьбу за права человѣка, и чѣмъ энергичнѣе ведется эта борьба, тѣмъ болѣе мы ей сочувствуемъ...

Но кромѣ выгодъ, которыя несомнѣнно принесетъ съ собою политическая свобода, *кромѣ задачъ ея завоеванія*, — есть другія выгоды и задачи; и забывать о нихъ невозможно именно въ настоящее время, когда общественныя отношенія такъ заострились и когда, поэтому, нужно быть готовымъ ко всему».

Такъ-ли языкомъ говорятъ «самые ярые противники конституціи»?

Въ программѣ «Чернаго передѣла» были, конечно, весьма существенныя ошибки. Ихъ было въ ней не меньше, чѣмъ въ программѣ «партіи Народной Воли». Но съ успѣхомъ критиковать эти ошибки можно только съ точки зрѣнія научнаго соціализма, а вовсе не съ точки зрѣнія «народовольскихъ» публицистовъ. Эти послѣдніе страдаютъ тѣмъ же самымъ недостаткомъ, какимъ страдали когда-то «основатели Чернаго Передѣла» — именно неумѣньемъ критически отнестись къ соціально-политическимъ формамъ нашей народной жизни. Люди, мирящіеся съ идеализаціей этихъ формъ и строящіе на ней свои практическіе планы, обнаруживаютъ болѣе послѣдовательности, умозаключая къ программѣ «Чернаго Передѣла», чѣмъ подписываясь подъ программой «партіи Народной Воли».

Пусть г. Тихомировъ попробуетъ доказать противное.

Впрочемъ, у него едва-ли хватитъ на это времени. Ему нужно будетъ раньше показать, чѣмъ отличается его революціонное міросозерцаніе отъ міросозерцанія П. Н. Ткачева, чѣмъ отличается соціально-политическая философія статьи «Чего намъ ждать отъ революціи»? отъ соціально-политической философіи «Открытаго письма къ Фр. Энгельсу». Пока онъ не выполнитъ этой трудной задачи, разсужденія его объ историческомъ значеніи «народовольства» будутъ лишены всякаго значенія. Читатель можетъ признать, что *дѣйствія* «народовольцевъ» были героическими, а *теоріи* ихъ были изъ рукъ вонъ плохими и, главное, совсѣмъ не новыми; другими словами, онъ можетъ сказать, что народовольцы-террористы были героями, а народовольцы-писатели людьми.... не стоявшими на высотѣ своей задачи. Этого вывода не пошатнетъ даже ссылка на тотъ фактъ, что «соціалисты въ народовольствѣ первый разъ доросли до значенія партіи, и при томъ партіи, быть можетъ, наиболѣе сильной въ странѣ». Если бы въ этихъ словахъ не было и тѣни преувеличенія, то и тогда изъ

нихъ можно было бы сдѣлать лишь тотъ выводъ, что бываютъ времена, когда, несмотря на ошибочныя и незрѣлыя теоріи, энергичныя партіи могутъ «дорасти» до преобладающаго вліянія въ странѣ. Но и только. Умозаключать отъ вліянія той или другой партіи къ безошибочности ея теорій могутъ лишь люди, совершенно незнакомые съ исторіей. «Народовольство» не ново даже въ томъ отношеніи, что ходъ его идей далеко отсталъ отъ «хода вещей», имъ самимъ «чинимыхъ». Мало ли было партій, непонимавшихъ историческаго значенія своей дѣятельности, мало ли было фикцій, совершенно несоотвѣтствовавшихъ смыслу «партіонныхъ» дѣйствій? Изъ того, что индепенденты доростали временно «до значенія партіи... быть можетъ наиболѣе сильной въ странѣ», еще нельзя выводить, что въ ихъ религіозныхъ ученіяхъ было болѣе здраваго смысла и логики, чѣмъ въ ученіяхъ другихъ партій. А вѣдь индепендентамъ удалось даже «захватить власть», что пока только обѣщаютъ сдѣлать русскіе бланкисты.

Пока нашъ авторъ станетъ собирать матеріалы для болѣе прочнаго возвеличенія политической философіи «народовольства», мы будемъ имѣть достаточно времени для обстоятельнаго изученія статьи «Чего намъ ждать отъ революціи»? и всесторонняго опредѣленія міросозерцанія г. Тихомирова.

Мы знаемъ уже, что онъ или самъ недостаточно хорошо знакомъ, или не хотѣлъ давать своимъ читателямъ случай хорошо познакомиться съ новѣйшей исторіей соціализма вообще и «русскаго соціализма» въ частности. Перейдемъ теперь къ его разсужденіямъ объ исторіи вообще и объ исторіи капитализма въ частности.

Въ эти поучительныя разсужденія онъ вдается по слѣдующему неожиданному поводу.

«Политическая борьба, говоритъ онъ, сдѣлалась такимъ безапеляціоннымъ выводомъ русской жизни, котораго отрицать никто не рѣшается. Но не рѣшаясь на это, нѣкоторая часть соціалистовъ точно также не можетъ привести этотъ выводъ въ связь съ привычными теоретическими взглядами, и въ попыткахъ отыскать ее приходитъ къ искусственнымъ построеніямъ, совершенно искажающимъ смыслъ политической борьбы, предпринятой «Народной Волей».

Какая же это «нѣкоторая часть соціалистовъ», и

что это за «привычные» ихъ взгляды? На предыдущихъ страницахъ статьи г. Тихомирова мы прочли, что «еще немного лѣтъ назадъ соціалисты... признавали политическую дѣятельность скорѣе вредною въ интересахъ собственно народной массы». Мы рѣшили тогда, что по мнѣнію г. Тихомирова, всѣ русскіе соціалисты «еще немного лѣтъ назадъ» были бакунистами, такъ какъ онъ не упомянулъ ни единымъ словомъ о другихъ направленіяхъ. Мы узнали также, что «народовольство» замѣтило ошибку русскихъ соціалистовъ и помогло имъ «понять характеръ историческаго развитія Россіи». Теперь оказывается, что «нѣкоторая часть» русскихъ соціалистовъ не можетъ раздѣлаться со своими «привычными взглядами» и приходитъ къ выводамъ, «совершенно искажающимъ» смыслъ дѣятельности народовольцевъ. Очевидно, г. Тихомировъ имѣетъ въ виду русскихъ бакунистовъ, не успѣвшихъ «понять характеръ развитія Россіи»? Такъ говорила бы логика, но не совсѣмъ такъ говоритъ нашъ авторъ.

«Исходя изъ мысли, что Россія должна будто бы неизбѣжно пройти черезъ фазисъ капиталистическаго развитія, чтобы стать способной къ воспріятію и осуществленію идей соціализма, они (т. е. соціалисты, принадлежащіе къ упомянутой «нѣкоторой части») стараются увлечь русскихъ революціонеровъ на путь борьбы чисто политической, исключительно за конституцію, оставивъ, какъ невозможную фантазію, всякую мысль одновременно съ переворотомъ политическимъ достигнуть въ большей или меньшей степени переворота экономическаго».

«Какой, съ божьей помощью, поворотъ!»—воскликнемъ мы словами Щедрина; но, къ сожалѣнію, этотъ лирическій порывъ не разрѣшитъ терзающихъ насъ «проклятыхъ вопросовъ». Откуда же взялась эта «нѣкоторая часть» русскихъ соціалистовъ, и—что еще удивительнѣе—откуда взяла она свои «привычные взгляды», если «еще немного лѣтъ назадъ» *всѣ* русскіе соціалисты отрицали цѣлесообразность политической борьбы? Какимъ образомъ люди, не придающіе значенія этой борьбѣ могутъ «исходить изъ мысли, что Россія должна... неизбѣжно пройти черезъ фазисъ капиталистическаго развитія»? Эта мысль можетъ быть вѣрною, можетъ быть ошибочною, но она, во всякомъ случаѣ, мысль *новая*, и никакимъ образомъ не отно-

сится къ «привычнымъ» теоретическимъ взглядамъ никакой «части русскихъ соціалистовъ», за это ручается намъ, какъ исторія вопроса о капитализмѣ въ Россіи вообще, такъ и историческая ссылка самого г. Тихомирова. А если это мысль новая, то основывается она, вѣроятно, на какихъ нибудь новыхъ «теоретическихъ взглядахъ», бывшихъ неизвѣстными или несимпатичными русскимъ соціалистамъ «еще немного лѣтъ назадъ». А если въ русской соціалистической мысли возникло новое направленіе, то его слѣдовало назвать, опредѣлить, указать его генезисъ, а не отдѣлываться полунамеками на какіе-то «привычные теоретическіе взгляды,» ровно ничего необъясняющіе въ данномъ случаѣ.

Впрочемъ, мы уже замѣтили выше, что г. Тихомировъ не любитъ «прямыхъ ударовъ» и ни мало не походитъ на Святослава, который, ополчаясь на того или другого изъ своихъ враговъ, говорилъ ему заранѣе: «иду на тя.» Г. Тихомировъ «идетъ» на своихъ противниковъ безъ предварительнаго объявленія войны. Это, конечно, дѣло его вкуса, а о вкусахъ, какъ извѣстно, не спорятъ.

Недоумѣвая, однако, «зачѣмъ же такъ секретно» поступаетъ нашъ авторъ, мы должны «своимъ умомъ» дойти до рѣшенія въ высшей степени интереснаго для насъ вопроса о новомъ теченіи въ русскомъ соціализмѣ. Мы сами отказались отъ многихъ старыхъ, «привычныхъ теоретическихъ взглядовъ» русскихъ соціалистовъ, какъ знать, можетъ быть мы и сойдемся съ разбираемыми г. Тихомировымъ новаторами. Правда, они непривлекательны въ изображеніи г. Тихомирова, но вѣдь «сколько разъ твердили міру», что нужно выслушивать и противную сторону!

3. *Группа «Освобожденіе Труда».*

По мнѣнію «соціалистовъ этой формаціи» стремленіе къ экономическому перевороту «только вредно, потому что пугаетъ либераловъ «краснымъ призракомъ» и лишаетъ насъ ихъ содѣйствія при борьбѣ за конституцію.»

Эти слова о «красномъ призракѣ» звучатъ чѣмъ-то знакомымъ. Въ какой статьѣ, въ какой брошюрѣ они встрѣчаются? Ба! Да вѣдь я употребилъ это выраженіе въ своей брошюрѣ «Соціализмъ и Политическая борьба,»

гдѣ я говорилъ, что народовольцы пугаютъ наше общество краснымъ призракомъ.

Что если все сказанное г. Тихомировымъ есть не что иное, какъ притча, въ которой подъ «нѣкоторой частью соціалистовъ» нужно понимать группу «Освобожденіе труда», а подъ «привычными теоретическими взглядами» — взгляды членовъ этой группы? Но нѣтъ, это было бы слишкомъ уже комично.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ группа «Освобожденіе труда» отказывалась когда нибудь отъ «всякой мысли одновременно съ переворотомъ политическимъ достигнуть въ *большей или меньшей степени* переворота экономическаго»? Какой вздоръ! Мы не вѣримъ только въ ту своеобразную теорію, по которой дѣло извѣстнаго *класса* можетъ быть совершено «въ большей или меньшей степени»—кружкомъ. Мы говоримъ только, что если адвокатъ можетъ представлять своего кліента *на судѣ*, то никакой Комитетъ, — Исполнительный, Распорядительный или какъ бы тамъ его ни называли — не можетъ представлять рабочаго класса *въ исторіи*; что освобожденіе этого класса *должно быть его собственнымъ дѣломъ*, и что для совершенія этого дѣла ему нужно пріобрѣсти политическое воспитаніе, понять и усвоить идеи соціализма. Мы думаемъ, что возможность экономическаго освобожденія рабочаго класса возрастаетъ прямо пропорціонально быстротѣ и интенсивности этого процесса воспитанія и усвоенія. Наша соціалистическая интеллигенція, со стороны которой было бы ребячествомъ даже задумываться о совершеніи экономическаго переворота собственными силами, можетъ однако оказать рабочимъ неоцѣнимую услугу, подготовляя ихъ къ воплощенію въ жизнь «общей идеи рабочаго сословія.» Уже въ первомъ литературномъ произведеніи группы «Освобожденіе Труда», въ брошюрѣ «Соціализмъ и Политическая борьба», ясно сказано, что наша интеллигенція «должна стать руководительницей рабочаго класса въ предстоящемъ освободительномъ движеніи, выяснить ему его политическіе и *экономическіе интересы*, равно какъ и взаимную связь этихъ интересовъ. Она должна позаботиться о томъ, чтобы еще въ до конституціонный періодъ *измѣнить фактическія отношенія русскихъ общественныхъ силъ въ пользу рабочаго класса*... Она должна всѣми силами стремиться къ тому, чтобы въ первый же пе-

ріодъ конституціонной жизни Россіи нашъ рабочій классъ могъ выступить въ качествѣ особой партіи съ опредѣленной соціально-политической программой. Подробная выработка этой программы должна быть предоставлена самимъ рабочимъ, но интеллигенція должна выяснить имъ главнѣйшіе ея пункты, какъ напр., *радикальный пересмотръ современныхъ аграрныхъ отношеній, податной системы и фабричнаго законодательства*, государственная помощь производительнымъ ассоціаціямъ и т. п.»*) Похоже ли все это на отказъ отъ «всякой мысли одновременно съ политическимъ переворотомъ достигнуть въ большей или меньшей степени экономичекаго переворота»? Надѣюсь, что—нѣтъ; а такъ какъ г. Тихомировъ слишкомъ умный человѣкъ, чтобы не понять такихъ простыхъ вещей, и слишкомъ добросовѣстный писатель, чтобы сознательно извращать ихъ значеніе, то, очевидно, подъ «нѣкоторой частью соціалистовъ» онъ разумѣлъ не группу «Освобожденіе труда,» а подъ «привычными теоретическими взглядами» не взгляды, изложенные въ брошюрѣ «Соціализмъ и Политическая борьба.»

По всей вѣроятности и упоминаніе о «красномъ призракѣ» заимствовано имъ не изъ моей брошюры. Если бы это было такъ, то я могъ бы не безъ основанія упрекнуть г. Тихомирова въ томъ, что онъ «неточно цитируетъ». Говоря о «красномъ призракѣ», я не рекомендовалъ нашимъ соціалистамъ отказаться отъ «стремленія» достигнуть «въ большей или меньшей степени переворота экономическаго». Я рекомендовалъ имъ отказаться отъ «стремленія» болтать о близости экономическаго переворота въ то время, когда ими не сдѣлано ничего или сдѣлано очень мало для дѣйствительнаго осуществленія такого переворота и когда увѣренность въ его близости можетъ основываться лишь на самой ребяческой идеализаціи народа. Я противопоставлялъ болтовню о красномъ призракѣ дѣйствительной работѣ на пользу экономической эмансипаціи рабочаго класса, какъ въ этомъ можетъ убѣдиться всякій, кто прочтетъ 71 и слѣдующія страницы моей брошюры, на которыхъ встрѣчается, между прочимъ, указаніе на примѣръ нѣмецкихъ коммунистовъ 1848 года. Или г. Тихомировъ обвинитъ самого Маркса

*) «Соціализмъ и политическая борьба», стр. 73.

въ томъ, что онъ отказывался нѣкогда отъ «всякой мысли одновременно съ политическимъ переворотомъ достигнуть въ большей или меньшей степени переворота экономическаго»? Положимъ, нашъ авторъ, какъ это видно по всему, очень плохо знакомъ съ западноевропейской соціалистической литературой, но такое вопіющее невѣжество было бы уже совершенно непростительно. Нѣтъ, очевидно не мою брошюру и не мои слова о «красномъ призракѣ» имѣлъ въ виду г. Тихомировъ.

Но разъ зашла рѣчь объ этомъ призракѣ, не мѣшаетъ объяснить подробнѣе, по какому случаю я упомянулъ о немъ въ своей брошюрѣ.

Въ концѣ передовой статьи № 6 «Народной Воли» мы читаемъ слѣдующее обращеніе къ нашему, такъ называемому, обществу.

«Мы, *дѣйствующіе въ интересахъ общества*, убѣждаемъ это общество выйти, наконецъ, изъ малодушной апатіи; мы заклинаемъ его возвысить голосъ за свои интересы, за интересы народа, за жизнь своихъ дѣтей и братьевъ, систематически преслѣдуемыхъ и убиваемыхъ».*)

Въ Календарѣ Народной Воли я прочелъ, что «въ отношеніи къ либераламъ слѣдуетъ, не скрывая своего радикализма, указывать на то, что при современной постановкѣ партіонныхъ задачъ, *интересы наши* и ихъ заставляютъ совмѣстно дѣйствовать противъ правительства».**)

Въ то же время, убѣжденіе г. Тихомирова въ томъ, что за паденіемъ абсолютизма насъ ждетъ «начало соціалистической организаціи Россіи» было не первымъ «гласнымъ» проявленіемъ надеждъ «партіи Народной Воли». Подъ этимъ «началомъ соціалистической организаціи Россіи» разумѣлись не тѣ успѣхи рабочей программы-минимумъ, которые Марксъ называетъ первой побѣдой экономіи труда надъ экономіей капитала, а—«соціальная революція» во вкусѣ «Набата». Для убѣжденія читателей въ возможности такой революціи было придумано ученіе объ особенно будто бы благопріятномъ для нея соотношеніи политическаго и экономическаго факторовъ на русской почвѣ.

---

*) Цитирую по первому заграничному изданію.

**) Календарь, 129.

Наконецъ, агитаціонное вліяніе террористической борьбы, «предпринятой» партіей Народной Воли, распространялось гораздо болѣе на «общество», чѣмъ на «народъ», въ тѣсномъ смыслѣ этого слова.

Въ виду всего этого, я и спрашивалъ себя — кого же обманываетъ «партія Народной Воли»: самое себя или «общество»? Какимъ софистомъ нужно быть для того, чтобы убѣдить «либераловъ», что «современная постановка партіонныхъ задачъ», т. е. соціальная (не говорю *соціалистическая*) революція во вкусѣ Ткачева «заставляетъ ихъ» (либераловъ) дѣйствовать «совмѣстно» съ народовольцами противъ правительства? Гдѣ водятся «либералы», до такой степени наивные, что они могли бы не замѣтить бѣлыхъ нитокъ этой софистики? Во всякомъ случаѣ не въ Россіи. «Убѣждая» наше общество «выйти, наконецъ, изъ малодушной апатіи», Народная Воля увѣряетъ его, вмѣстѣ съ тѣмъ, что выходя изъ апатіи и разрушая абсолютизмъ, оно *непосредственно* работаетъ на пользу соціальной революціи. Пропаганда Народной Воли, разсуждалъ я, не можетъ имѣть успѣха въ нашемъ обществѣ.

Съ другой стороны, террористическая борьба, при всей своей безспорной важности, не имѣетъ рѣшительно ничего общаго съ «началомъ соціалистической организаціи Россіи». Что же сдѣлано «Народной Волей» для подготовленія такой организаціи? Создавала ли она тайные революціонные кружки въ народной средѣ? Но почему же ничего не слышно о такихъ кружкахъ? Вела ли она соціалистическую пропаганду въ народѣ? Но гдѣ же созданная ею народная литература? Кромѣ весьма плохо редижированной «Рабочей газеты», мы не знаемъ ровно ничего. Это значитъ, что «начало соціалистической организаціи» Россіи «ждетъ» партію Народной Воли, такъ сказать, безъ всякаго приглашенія со стороны этой послѣдней. А на такую любезность исторіи едва ли можно разсчитывать. Народная Воля собирается пожать то, чего не сѣяла, отыскиваетъ соціальную революцію, такъ сказать, произрастающую въ дикомъ состояніи. Она направляетъ ружье въ одного зайца и думаетъ, что убиваетъ другого. Ея *ожиданія* «отъ революціи» совсѣмъ не соотвѣтствуютъ тому, что *сдѣлано* ею для этой революціи. А если это такъ, то не пора ли со-

гласовать выводы съ посылками и понять, что террористическая борьба есть борьба за политическую свободу и ничего болѣе? Не пора ли признать, что эта борьба велась главнымъ образомъ «въ интересахъ общества», какъ въ этомъ признается № 6 «Народной Воли»? Не пора ли перестать пугать общество появленіемъ «краснаго призрака» съ той стороны, съ которой никогда не можетъ показаться красное знамя рабочаго класса? Толки объ этомъ логически-невозможномъ появленіи вредны не по одному тому, что «лишаютъ насъ содѣйствія» либераловъ «при борьбѣ за конституцію». Они вселяютъ въ насъ ни на чемъ не основанную увѣренность въ томъ, что соціалистическая революція «ждетъ» насъ помимо всякихъ усилій съ нашей стороны, отвлекаютъ наше вниманіе отъ самаго важнаго пункта: *организаціи рабочаго класса для борьбы съ его настоящими и будущими врагами.* Таковъ, и только таковъ, былъ смыслъ сказаннаго мною о «красномъ призракѣ».

Во Франціи, наканунѣ войны 1870 года были люди, которые кричали, что французскія войска не «встрѣтятъ препятствій» по дорогѣ въ Берлинъ, и очень мало думали о вооруженіи и продовольствіи солдата. Были въ ней и другіе люди, которые говорили, что, не пугая никого призракомъ «дяди», слѣдуетъ заняться прежде всего организаціей военныхъ силъ страны. Кто лучше понималъ интересы своего отечества?

Но мое объясненіе увлекло меня въ сторону. Я хотѣлъ изучать Тихомировскую философію исторіи, а перешелъ къ объясненіямъ по поводу «краснаго призрака».

«Нѣкоторая часть соціалистовъ» своей либеральной программой и своими «привычными теоретическими взглядами» должна вывести насъ на истинный путь и вернуть къ интересующему насъ «сюжету».

Что еще говоритъ эта «нѣкоторая часть», и какъ побиваетъ ее г. Тихомировъ?

По словамъ нашего автора, эта «часть» почти ограничивается въ своей аргументаціи вышеприведенными разсужденіями о конституціи и страшномъ призракѣ. Она даже не позаботилась объяснить свое «чрезмѣрное пристрастіе къ конституціи». Это зловредное пристрастіе «является нѣсколько непонят-

нымъ, какъ вообще всѣ эти (какія это *всѣ*?) программы, — и въ цѣломъ производитъ впечатлѣніе чего то не договореннаго, не вполнѣ опредѣлившагося. Онѣ однако порождаются одной общей точкой зрѣнія, уже вполнѣ опредѣленной». Хорошо хоть это; какая же точка порождаетъ «всѣ эти программы»? т. е. между прочимъ и программу «нѣкоторой части» соціалистовъ? Очень плохая, потому что она «создаетъ направленіе», имѣющее «разлагающее вліяніе на революціонную партію».

«Мы говоримъ о томъ направленіи, которое считаетъ историческою неизбѣжностью русскій капитализмъ, и, мирясь съ этимъ яко бы неизбѣжнымъ фактомъ, утѣшаетъ себя мыслью, что безъ прохожденія черезъ школу капитализма Россія не могла бы стать способной къ осуществленію соціалистическаго строя».

Это, положимъ, не ново, такъ какъ на предыдущей страницѣ мы читали, что «нѣкоторая часть соціалистовъ» исходитъ изъ мысли, «что Россія должна будто бы неизбѣжно пройти черезъ фазисъ капиталистическаго развитія» и т. д. Общая точка зрѣнія, «порождающая *всѣ эти* программы», оказывается не чѣмъ инымъ, какъ исходной точкой *одной изъ этихъ* программъ. Но если это не ново и не совсѣмъ логично, то несомнѣнно интересно. Теперь становится ясной причина «чрезмѣрнаго пристрастія къ конституціи» нѣкоторой части нашихъ соціалистовъ. «Въ самомъ дѣлѣ для чего намъ нужна конституція? — спрашиваетъ г. Тихомировъ. Вѣдь не для того же, чтобы дать буржуазіи новыя средства для организаціи и дисциплинированія рабочаго класса посредствомъ обезземеленія, штрафовъ и зуботычинъ. Такимъ образомъ броситься прямо въ омутъ головой можетъ лишь человѣкъ, вполнѣ преклонившійся передъ неизбѣжностью и необходимостью капитализма въ Россіи.» Нѣкоторая часть соціалистовъ преклонилась передъ этою неизбѣжностью, и разъ согрѣшивши, такимъ образомъ, въ мысляхъ своихъ, она уже не можетъ остановиться на наклонной плоскости грѣха и порока. Мало того, что она обнаруживаетъ «пристрастіе къ конституціи», позорное въ глазахъ всякаго правовѣрнаго бакуниста. Она начинаетъ или начнетъ въ весьма непродолжительномъ времени снисходительно относиться къ «обезземеленію, штрафамъ и зуботычинамъ»

въ противоположность г. Тихомирову, который не хочетъ ни буржуазіи, ни обезземеленія, ни штрафовъ, ни зуботычинъ. Но зачѣмъ же нужны всѣ эти ужасы «нѣкоторой части соціалистовъ?“ Дѣло — ясное. „При настоящемъ положеніи Россіи, русскаго капитализма, русскаго фабричнаго рабочаго — пропаганда политической борьбы должна временно приводить человѣка, вѣрующаго въ историческую необходимость капитализма—къ полному отказу отъ соціализма. Рабочій, способный къ классовой диктатурѣ, почти не существуетъ. Стало быть, политической власти ему не доставишь. Не гораздо выгоднѣе ли временно совершенно оставить соціализмъ, какъ безполезную и вредную помѣху ближайшей и необходимой цѣли? Такъ разсудитъ человѣкъ послѣдовательный и умѣющій собой жертвовать.“ Теперь извѣстно, откуда являются штрафы и зуботычины, хотя и не совсѣмъ еще очевидно — суждено ли имъ существовать лишь въ напуганномъ воображеніи г. Тихомирова или дѣйствительно перейти въ программу «нѣкоторой части соціалистовъ“.

Ниже мы постараемся рѣшить этотъ важный вопросъ, а теперь поспѣшимъ вернуться къ г. Тихомирову, который вступаетъ теперь въ генеральное сраженіе съ соціалистами, убѣжденными въ исторической неизбѣжности русскаго капитализма.

4. *Л. Тихомировъ въ борьбѣ съ группой «Освобожденіе Труда.»*

«Не основана ли аргументація его сторонниковъ (т. е. повидимому сторонниковъ капитализма) на цѣломъ рядѣ софизмовъ»? — спрашиваетъ онъ читателя.

«Намъ указываютъ на Францію, на Германію (а на Англію не указываютъ? «Нѣкоторая часть соціалистовъ», очевидно, слона-то и не примѣтила), гдѣ капитализмъ объединилъ рабочихъ. Стало быть — онъ необходимъ и для объединенія нашихъ. Совершенно такимъ же способомъ аргументируютъ сторонники рабства. Они также указываютъ на роль рабства въ первобытной исторіи, гдѣ оно пріучило дикаго къ труду, дисциплинировало аффекты человѣка и усилило производительность труда. Все это совершенно справедливо. Но слѣдуетъ ли изъ этого, чтобы миссіонеръ

въ центральной Африкѣ (гдѣ рабство и безъ того уже существуетъ, напомню я г. Тихомирову) занялся обращеніемъ негровъ въ рабство или чтобы педагогъ примѣнилъ систему рабскаго принужденія къ воспитанію дѣтей»?

Читатель поспѣшитъ согласиться, конечно, что не «слѣдуетъ,» и г. Тихомировъ, заранѣе увѣренный въ его отвѣтѣ, продолжаетъ свою аргументацію. «Исторія человѣчества идетъ подчасъ самыми невѣроятными путями. Мы уже не вѣримъ въ десницу божію, направляющую каждый шагъ человѣчества и указывающую ему наиболѣе скорые и вѣрные пути къ прогрессу. Напротивъ, эти пути въ исторіи бывали иной разъ слишкомъ кривыми и наиболѣе рискованными изо всѣхъ, какіе можно придумать. Случалось, конечно, что историческій фактъ, вредный и задерживающій развитіе людей однѣми сторонами своими — другими, напротивъ, служилъ дѣлу прогресса. Таково было и значеніе рабства. Но эта школа не лучшая и не единственная. Современная педагогія доказала, что рабское принужденіе — это самый худшій изо всѣхъ способовъ пріученія къ труду... Точно также по вопросу о развитіи крупнаго производства — позволительно усомниться, чтобы пути исторіи были въ этомъ отношеніи лучшими и на вѣки для всѣхъ народовъ единственно возможными... Совершенно вѣрно, что въ исторіи нѣкоторыхъ европейскихъ народовъ капитализмъ, породивши массу зла и несчастій, имѣлъ однако же однимъ изъ своихъ послѣдствій нѣчто и хорошее, а именно созданіе крупнаго производства, посредствомъ котораго подготовилъ до нѣкоторой степени (?!) почву для соціализма. Но ни откуда не слѣдуетъ, чтобы другія страны, напримѣръ Россія, не имѣли для развитія крупнаго производства другихъ путей... Все заставляетъ думать, что тотъ способъ обобществленія труда, къ которому былъ способенъ капитализмъ — одинъ изъ самыхъ худшихъ, потому что онъ, дѣйствительно подготовляя во многомъ возможность соціалистическаго строя, въ то же время, другими своими сторонами, во многомъ отдаляетъ моментъ его наступленія. Такъ, напримѣръ, капитализмъ, на ряду съ механическимъ сплачиваніемъ рабочихъ, развиваетъ среди нихъ конкурренцію, подрывающую ихъ нравственное единство; точно также онъ

стремится держать рабочихъ на гораздо болѣе низкомъ уровнѣ развитія, чѣмъ это возможно по общему состоянію культуры; точно также онъ прямо отучаетъ рабочихъ отъ всякаго контроля за общимъ ходомъ производства и т. д. Всѣ эти вредныя стороны капиталистическаго обобществленія труда — не подрываютъ окончательно значенія хорошихъ сторонъ, но во всякомъ случаѣ бросаютъ въ колесо исторіи цѣлый рядъ толстыхъ палокъ, безъ сомнѣнія замедляющихъ ея движеніе къ соціалистическому строю.»

Я не безъ цѣли сдѣлалъ эту огромную выписку изъ статьи г. Тихомирова. Именно эти страницы и показываютъ намъ оригинальную сторону философско-исторической теоріи нашего автора. П. Н. Ткачевъ, полемизируя съ Энгельсомъ, такъ сказать, головою выдавалъ «Западъ» своему западно-европейскому противнику. «Ваши теоріи основаны на западныхъ отношеніяхъ, мои — на нашихъ русскихъ; вы правы по-западно-европейски, я правъ по-русски»—говорила каждая строка его «Открытаго письма». Г. Тихомировъ идетъ далѣе. Съ точки зрѣнія своего «чистаго» русскаго разума, онъ критикуетъ ходъ западно-европейскаго развитія, производитъ цѣлое слѣдствіе о «рядѣ толстыхъ палокъ», брошенныхъ «въ колесо исторіи» и «безъ сомнѣнія замедляющихъ ея движеніе къ соціалистическому строю». Онъ держится, повидимому, того убѣжденія, что исторіи свойственно самостоятельное движеніе въ направленіи «къ соціалистическому строю», совершенно независимое отъ отношеній, созданныхъ тѣмъ или другимъ ея періодомъ, въ данномъ случаѣ періодомъ капитализма. Роль послѣдняго въ этомъ «движеніи исторіи» — второстепенная и даже довольно сомнительная. «Дѣйствительно подготовляя во многомъ возможность соціалистическаго строя», капитализмъ «въ то же время другими своими сторонами отдаляетъ моментъ его наступленія». Но что же сообщаетъ исторіи это «движеніе»? Вѣдь г. Тихомировъ «не вѣритъ уже въ десницу божію», которая съ успѣхомъ могла бы разрѣшить роковой для его философіи исторіи вопросъ о «первомъ толчкѣ». Какъ жаль, что эта оригинальная теорія «производитъ впечатлѣніе чего-то недоговореннаго, не вполнѣ опредѣлившагося».

Ахъ, ужъ этотъ г. Тихомировъ! Любитъ же онъ,

какъ видно, потолковать о матеріяхъ важныхъ! Шутка ли, въ самомъ дѣлѣ, это убѣжденіе въ томъ, что «исторія идетъ подчасъ самыми невѣроятными путями», эта увѣренность въ томъ, что эти «пути бывали иной разъ слишкомъ кривыми и наиболѣе рискованными изъ всѣхъ, какіе *можно придумать*»! Онъ навѣрное скоро «придумаетъ», если уже не «придумалъ», и для «Запада» другой путь къ соціализму, менѣе кривой и рискованный, чѣмъ путь, по которому шли эти страны, родившія Ньютона, Гегеля, Дарвина, Маркса, но, къ сожалѣнію, слишкомъ легкомысленно удалившіяся отъ Святой Руси и ея самобытныхъ теорій. Г. Тихомировъ не спроста, очевидно, заявляетъ, что «позволительно усомниться, чтобы пути исторіи были въ этомъ отношеніи (т. е. въ отношеніи перехода къ соціализму) лучшими» и т. д. Не смущайтесь скромностью этого сомнѣнія! Г. Тихомировъ касается здѣсь знаменитаго вопроса о томъ, лучшій ли нашъ міръ «изъ всѣхъ, какіе можно придумать», или онъ страдаетъ нѣкоторою «рискованностью»? Нельзя не пожалѣть о томъ, что нашъ авторъ ограничиваетъ свои изслѣдованія de optimo mundo одной областью исторіи. Онъ навѣрное привелъ бы своихъ читателей къ благодѣтельному сомнѣнію въ томъ, что ходъ развитія нашей планеты былъ самымъ лучшимъ изъ всѣхъ, «какіе можно придумать». Интересно было бы знать — живъ ли еще maître Pangloss, бывшій преподаватель метафизико-теологико-космоло-нигологіи въ вестфальскомъ замкѣ Тундеръ-тен-Тронкъ? Почтенный докторъ былъ, какъ извѣстно, оптимистомъ и не безъ успѣха доказывалъ, что «пути исторіи» были лучшими «изъ всѣхъ, какіе можно придумать». На знаменитый вопросъ о томъ — не могла ли исторія римской культуры обойтись безъ насилія, испытаннаго цѣломудренной Лукреціей, онъ отвѣтилъ бы, конечно, отрицательно. Г. Тихомировъ — скептикъ и сочтетъ «позволительнымъ усомниться» въ правильности панглоссовскаго рѣшенія этого вопроса. Подвигъ Секста навѣрное кажется ему «рискованнымъ» и самымъ худшимъ изъ всѣхъ, „какіе можно придумать». Такое разногласіе могло бы подать поводъ къ весьма назидательнымъ для потомства философскимъ преніямъ.

Для насъ, очень мало интересующихся *возможной* исторіей *возможнаго* Запада *возможной* Европы и

совсѣмъ уже равнодушныхъ къ тѣмъ историческимъ «путямъ», какіе «могъ бы придумать» тотъ или другой досужій метафизикъ—для насъ важно здѣсь то обстоятельство, что г. Тихомировъ не понялъ смысла и значенія одного изъ важнѣйшихъ періодовъ *дѣйствительной* исторіи *дѣйствительнаго* Запада *дѣйствительной* Европы. Сдѣланная имъ оцѣнка капитализма не удовлетворила бы даже самыхъ крайнихъ славянофиловъ, давно уже предавшихъ своей *восточной* анаѳемѣ всю *западную* исторію. Эта оцѣнка полна самыхъ вопіющихъ логическихъ противорѣчій. На одной страницѣ статьи «Чего намъ ждать отъ революціи?» мы читаемъ о «могучей культурѣ Европы», культурѣ, которая «даетъ тысячи средствъ возбудить любознательность дикаря, развить его потребности, наэлектризовать его нравственно» и т. д., а на слѣдующей, —насъ, русскихъ дикарей, «наэлектризованныхъ нравственно» этими строками, тотчасъ же погружаютъ въ холодную воду вышеупомянутаго скептицизма. Оказывается, что «капитализмъ, породивши массу зла и несчастій, имѣлъ однако же однимъ изъ своихъ слѣдствій *нѣчто и хорошее*, а именно созданіе крупнаго производства, посредствомъ котораго подготовилъ *до нѣкоторой степени* почву для соціализма». Все «заставляетъ» г. Тихомирова думать, что тотъ способъ обобществленія труда, къ которому былъ способенъ капитализмъ — одинъ изъ самыхъ худшихъ, и т. д. [Словомъ, г. Тихомировъ стоитъ передъ вопросомъ объ исторической роли капитализма въ такомъ же недоумѣніи, въ какомъ стоялъ извѣстный генералъ пѣредъ вопросомъ о шарообразности земли:

Говорятъ, земля шарообразна.
Готовъ я это допустить,
Хоть признаюсь, что какъ то безобразно,
Что долженъ я на шарѣ жить...] *)

Подъ вліяніемъ этой скептической философіи у насъ возникаетъ масса «нерѣшенныхъ вопросовъ». Мы спрашиваемъ себя — существовала ли «могучая культура

*) Строки, стоящія въ скобкахъ, были выпущены мною въ первомъ изданіи по совѣту В. И. Засуличъ, которая находила ихъ слишкомъ рѣзкими. Теперь можно надѣяться, что ихъ рѣзкость никому не повредитъ, и я возстановляю ихъ здѣсь. *Г. П.*

Европы» въ докапиталистическій періодъ, и если нѣтъ то не капитализму ли она обязана своимъ возникновеніемъ, а если — да, то почему г. Тихомировъ мимоходомъ только упоминаетъ о крупномъ производствѣ, приписывая ему лишь «механическое сплачиваніе рабочихъ»? Если египетскій фараонъ Хеопсъ для постройки своей пирамиды «механически сплачивалъ» сотни тысячъ рабочихъ, то похожа ли его роль въ исторіи Египта на роль капитализма въ исторіи Запада? Намъ кажется, что разница лишь количественная: положимъ, Хеопсу удалось «механически сплотить» гораздо меньше рабочихъ, но зато онъ навѣрное «породилъ» меньшую «массу зла и несчастій». Какъ думаетъ объ этомъ г. Тихомировъ? Точно также и римскія латифундіи, своимъ «механическимъ сплачиваніемъ» закованныхъ въ цѣпи рабочихъ, «породивши массу зла и несчастій», вѣроятно, «подготовили до нѣкоторой степени почву» для перехода античнаго общества къ соціализму? Что скажетъ намъ тотъ же г. Тихомировъ? Въ его статьѣ мы не находимъ отвѣта на эти вопросы, и

Die Brust voll Wehmuth
Das Haupt voll Zweifel,

мы поневолѣ обращаемся къ западнымъ писателямъ. Не разрѣшатъ ли они нашихъ сомнѣній?

5. *Историческая роль капитализма.*

«Буржуазія (а слѣдовательно и капитализмъ, г. Тихомировъ, не такъ ли?) играла въ исторіи въ высшей степени революціонную роль» — читаемъ мы въ «Манифестѣ Коммунистической Партіи».

«Всюду, гдѣ она достигла господства, буржуазія разрушила всѣ старыя, патріархально-идиллическія отношенія. Она безжалостно разорвала пестрыя феодальныя нити, связывавшія человѣка съ его повелителями, и не оставила между людьми никакой связи, кромѣ голаго интереса, безсердечнаго «чистогана». Въ холодной водѣ эгоистическаго расчета потопила она порывы набожной мечтательности, рыцарскаго воодушевленія и мѣщанской сантиментальности...

«Буржуазія разоблачила ту лѣнивую неподвижность, которая составляла естественное дополненіе

грубаго средневѣковаго проявленія силы, до сихъ поръ восхищающаго реакціонеровъ. Только она показала, какіе плоды можетъ приносить человѣческая дѣятельность. Чудеса ея искусства существенно отличаются отъ египетскихъ пирамидъ, римскихъ водопроводовъ и готическихъ соборовъ, ея завоеванія не имѣютъ ничего общаго съ переселеніями народовъ и крестовыми походами.

«Буржуазія не можетъ существовать, не вызывая постоянныхъ переворотовъ въ орудіяхъ производства, въ его организаціи, а слѣдовательно, во всѣхъ общественныхъ отношеніяхъ. Неизмѣнное сохраненіе старыхъ способовъ производства было, напротивъ, первымъ условіемъ существованія всѣхъ предшествовавшихъ ей промышленныхъ классовъ. Постоянные перевороты въ производствѣ, непрерывное потрясеніе всѣхъ общественныхъ отношеній, вѣчное движеніе и вѣчная неувѣренность — отличаютъ буржуазную эпоху отъ всѣхъ предшествовавшихъ. Всѣ прочныя, окаменѣлыя отношенія, съ соотвѣтствующими имъ, изстари установившимися воззрѣніями и представленіями,—разрушаются, всѣ вновь образовавшіяся оказываются устарѣлыми прежде, чѣмъ успѣваютъ окостенѣть. Все сословное и неподвижное исчезаетъ, все священное оскверняется, и люди приходятъ, наконецъ, къ необходимости взглянуть трезвыми глазами на свои взаимныя отношенія и свое жизненное положеніе.

«Своей эксплуатаціей всемірнаго рынка буржуазія преобразовала въ космополитическомъ духѣ производство и потребленіе всѣхъ странъ. Къ великому огорченію реакціонеровъ она лишила промышленность національной почвы. Старыя національныя отрасли производства уничтожены или уничтожаются съ каждымъ днемъ. Онѣ вытѣсняются новыми отраслями промышленности, введеніе которыхъ является вопросомъ жизни для всѣхъ цивилизованныхъ націй, тѣми отраслями промышленности, которыя обрабатываютъ не мѣстные только сырые продукты, но произведенія самыхъ отдаленныхъ странъ. Въ свою очередь, фабричные продукты этой новой промышленности потребляются не только внутри страны, но и во всѣхъ частяхъ свѣта. Прежнія, удовлетворявшіяся съ помощью мѣстныхъ продуктовъ, потребности замѣнились новыми, для удовлетворенія которыхъ необходимы произведенія

отдаленнѣйшихъ странъ и разнообразнѣйшихъ климатовъ. Прежняя національная замкнутость и самодовольство уступаютъ мѣсто всестороннему обмѣну и всесторонней взаимной зависимости народовъ. Этотъ всесторонній обмѣнъ распространяется также и на произведенія умственнаго труда. Плоды умственной дѣятельности отдѣльныхъ націй становятся общимъ достояніемъ. Національная односторонность и ограниченность становятся теперь все болѣе и болѣе невозможными, и изъ многихъ національныхъ и мѣстныхъ литературъ образуется одна всемірная литература.

«Быстрымъ усовершенствованіемъ орудій производства и безконечно облегченными средствами сообщенія буржуазія толкаетъ на путь цивилизаціи всѣ, даже самые варварскіе, народы. Низкія цѣны товаровъ являются въ ея рукахъ тою тяжелой артиллеріей, съ помощью которой разрушаетъ она всѣ китайскія стѣны и принуждаетъ къ капитуляціи самую упорную ненависть варваровъ къ иностранцамъ. Она заставляетъ всѣ націи принять буржуазные способы производства, подъ угрозой полнаго ихъ раззоренія; она заставляетъ ихъ усвоить такъ называемую цивилизацію, т. е. сдѣлаться буржуа. Словомъ, она творитъ новый міръ, по своему образу и подобію.

Буржуазія подчинила деревню господству города. Она вызвала къ жизни огромные города, въ высокой степени увеличила городское населеніе, сравнительно съ сельскимъ, и вырвала, такимъ образомъ, значительную часть жителей страны изъ отупляющей обстановки деревни. И рядомъ съ этимъ подчиненіемъ деревни городу, она поставила варварскія и полуварварскія страны въ зависимость отъ цивилизованныхъ, крестьянскіе народы—отъ народовъ буржуазныхъ, Востокъ—отъ Запада.

«Менѣе чѣмъ во сто лѣтъ своего господства, буржуазія создала болѣе могущественныя и болѣе грандіозныя производительныя силы, чѣмъ всѣ предшествующія поколѣнія, вмѣстѣ взятыя. Подчиненіе человѣку силъ природы, машины, примѣненіе химіи къ земледѣлію и промышленности, пароходы, желѣзныя дороги, электрическіе телеграфы, эксплуатація цѣлыхъ частей свѣта, приспособленіе рѣкъ для судоходства, цѣлыя, какъ бы изъ земли выросшія населенія.... въ какомъ изъ предшествующихъ поколѣній могли предполагать,

что подобныя производительныя силы таятся въ нѣдрахъ общественнаго труда?»

Такъ понимаютъ значеніе капитализма «революціонеры по логикѣ и чувству», Карлъ Марксъ и Фр. Энгельсъ. А какъ понимаютъ его умные и образованные *консерваторы*?

Почти такъ же. «Акціонерныя предпріятія (высшая фаза развитія капитализма, не такъ ли, г. Тихомировъ?) ...имѣютъ свою историческую миссію—читаемъ мы въ одномъ изъ писемъ Родбертуса къ Р. Мейеру — они должны дополнить дѣло рукъ божіихъ, прорыть перешейки тамъ, гдѣ всемогущій забылъ или считалъ несвоевременнымъ сдѣлать это, соединить подъ морскимъ дномъ или черезъ морскую поверхность страны, разъединенныя моремъ, пробуравить высокія горы и т. д., и т. д. Пирамиды и финикійскія каменныя постройки не могутъ идти въ сравненіе съ тѣмъ, что сдѣлаетъ еще акціонерный капиталъ» и т. п.

Таково общее культурно-историческое значеніе капитализма. А каково вліяніе его въ частности на рабочихъ, на ихъ умственный складъ, на ихъ нравственныя привычки?

Съ какими рабочими пришлось имѣть дѣло капитализму въ началѣ его развитія? «Не трудно догадаться, каковъ былъ умственный и нравственный характеръ этого класса, — читаемъ мы у Энгельса объ англійскихъ ткачахъ. Отрѣзанные отъ большихъ городовъ, до такой степени отрѣзанные, что старые люди, жившіе вблизи городовъ, никогда тамъ не бывали, пока машины не лишили ихъ дохода и не вынудили искать заработка въ городахъ — они стояли на моральномъ и интеллектуальномъ уровнѣ земледѣльцевъ... они видѣли въ своемъ сквайрѣ своего естественнаго опекуна, они обращались къ нему за совѣтами, предоставляли на его рѣшеніе свои маленькія распри и питали къ нему все то уваженіе, которое создается такими патріархальными отношеніями... Короче, тогдашніе англійскіе промышленные рабочіе жили и думали такъ же, какъ это и теперь еще можно встрѣтить кое-гдѣ въ Германіи *) : отсталыми и оторванными отъ внѣшняго міра, безъ умственной дѣятельности и безъ сильныхъ колебаній въ ихъ положеніи. Они рѣд-

*)Писано въ началѣ сороковыхъ годовъ.

ко умѣли читать и еще рѣже писать, аккуратно посѣщали церковь, не занимались политикой, не конспирировали, не мыслили, услаждались тѣлесными упражненіями, съ величайшимъ благоговѣніемъ слушали чтеніе библіи и прекрасно уживались съ высшими классами общества, благодаря своей нетребовательности. Но именно поэтому они были умственно мертвы (слушайте, слушайте, г. Тихомировъ!), жили лишь своими мелкими, частными интересами, своими прялками и садиками, и ничего не знали о томъ сильномъ движеніи, которое происходило тогда въ человѣчествѣ. Имъ приходилась по душѣ ихъ растительная жизнь, и *безъ промышленной революціи* (т. е. капитализма, г. Тихомировъ) они никогда не вышли бы изъ этого романтическаго и чувствительнаго, но недостойнаго человѣка, существованія. Они были не людьми, а только рабочими машинами въ рукахъ немногихъ аристократовъ, которымъ принадлежала до тѣхъ поръ руководящая роль въ исторіи; промышленная революція сдѣлала только выводъ изъ этого положенія, окончательно превращая рабочихъ въ машины и лишая ихъ послѣдней тѣни самостоятельности, но въ то же время возбуждая ихъ къ умственной дѣятельности и завоеванію человѣческаго существованія. Она, эта промышленная революція въ Англіи, вырвала рабочихъ «изъ ихъ апатіи по отношенію къ общечеловѣческимъ интересамъ» и «втолкнула ихъ въ водоворотъ исторіи». *)

Такъ говоритъ Энгельсъ, котораго буржуазные экономисты обвиняютъ въ томъ, что онъ слишкомъ радужными красками изображалъ положеніе рабочихъ въ до-капиталистическій періодъ и слишкомъ мрачно описалъ то же положеніе въ періодъ капитализма. Такими обвиненіями изобилуетъ, наприм., книга Бруно Гильдебранда «Die Nationalökonomie der Gegenwart und Zukunft».

Но что намъ Западъ, съ его лжемудрецами, какъ сказалъ бы г. Аксаковъ, послушаемъ Моисея и пророковъ, почитаемъ самого Бакунина.

«Со времени Возрожденія и Реформаціи вплоть до Революціи, буржуазія (благодаря нарождающемуся капитализму, г. Тихомировъ, или нѣтъ?), если не

*) Die Lage der arbeitenden Klasse in England, s. s. 13-14.

въ Германіи, то въ Италіи, Франціи, Швейцаріи, Англіи, Голландіи, была героемъ и представителемъ революціоннаго генія исторіи. Изъ ея нѣдръ вышла большая часть свободныхъ мыслителей XVIII вѣка, религіозные реформаторы двухъ предшествующихъ столѣтій и апостолы человѣческой эмансипаціи, включая сюда и нѣмецкихъ дѣятелей прошлаго вѣка. Она одна, опираясь, конечно, на могучую руку вѣрившаго въ нее народа, сдѣлала революцію 1789 и 93 годовъ. Она провозгласила паденіе королевской власти и церкви, братство народовъ, права человѣка и гражданина. Вотъ ея права; они безсмертны!» *)

И въ виду этихъ-то безсмертныхъ заслугъ западноевропейскаго капитализма, человѣкъ Востока, г. Тихомировъ, не можетъ отказаться отъ своего славянофильскаго презрѣнія къ Западу, и, лѣниво позѣвывая, заявляетъ, что этотъ путь развитія всетаки былъ не лучшій изъ всѣхъ, «какіе можно придумать»! Во всей исторіи буржуазіи онъ видитъ лишь «массу зла» и «механическое сплачиваніе рабочихъ». Въ этомъ «сплачиваніи» заключается для него все значеніе «крупнаго производства». Говоря о рабствѣ, онъ еще упоминаетъ о вызванномъ имъ увеличеніи производительности труда, переходя же къ капитализму, онъ даже не намекаетъ на тѣ, «какъ бы волшебствомъ созданныя могущественныя средства производства», которыя одни только и могли подготовить побѣду пролетаріата! О вліяніи капитализма на развитіе философіи, общественнаго и частнаго права, философіи исторіи, естествознанія и литературы — онъ не имѣетъ ни малѣйшаго представленія. А между тѣмъ это вліяніе не подлежитъ сомнѣнію и было время, когда русскіе писатели понимали вліяніе классовыхъ отношеній въ обществѣ (а чѣмъ же, какъ не капитализмомъ, создано отношеніе классовъ въ *современномъ* обществѣ?) на ходъ развитія наукъ вообще и философской мысли въ частности. «Политическія теоріи, да и всякія вообще философскія ученія создавались всегда подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ того общественнаго положенія, къ которому принадлежали ихъ авторы, и каждый философъ бывалъ представителемъ какой нибудь изъ политическихъ партій, боровшихся въ его время за пре-

*) Dieu et l'Etat, Geneve 1882, p. p. 92-93.

обладаніе надъ обществомъ, къ которому принадлежалъ философъ, говоритъ Н. Г. Чернышевскій *)... Философскія системы насквозь проникнуты духомъ тѣхъ политическихъ партій, къ которымъ принадлежали авторы системъ». Или г. Тихомировъ полагаетъ, что политическія и философскія системы эпохи капитализма ниже соотвѣтствующихъ системъ среднихъ вѣковъ? Или онъ думаетъ, что свойственныя капитализму теоріи были хуже тѣхъ, какія онъ самъ можетъ «придумать»? Пусть же въ такомъ случаѣ онъ «придумываетъ» ихъ сколько угодно, пусть продолжаетъ игнорировать исторію западно-европейской культуры! Въ этой распрѣ редактора «Вѣстника Народной Воли» съ Западомъ, первый потеряетъ очень много, а послѣдній ровно ничего.

Впрочемъ, не г. Тихомирова нужно считать зачинщикомъ этой распри. Нашъ авторъ повторяетъ по этому вопросу лишь сказанное въ разныхъ статьяхъ г. В. В., который вообще склоненъ, какъ извѣстно, суживать культурно- историческое значеніе западнаго капитализма и, наоборотъ, преувеличивать то же значеніе современной русской «власти», «не имѣющей солиднаго противника въ обществѣ» и потому «могущей не опасаться тѣхъ факторовъ прогресса, съ которыми вели непрерывную войну западно-европейскія правительства» **) Пересмотрите внимательно всю полную безконечныхъ повтореній и потому довольно объемистую книгу о «Судьбахъ капитализма въ Россіи», и вы не встрѣтите другихъ указаній на значеніе капитализма, кромѣ указанія на «обобществленіе труда», которое въ свою очередь приравнивается къ «объединенію рабочихъ» и развитію въ нихъ тѣхъ или другихъ, симпатичныхъ г. В. В. чувствъ. И эта-то узкая и односторонняя оцѣнка цѣликомъ перенесена г. Тихомировымъ въ свою статью, на ней-то основываетъ онъ свои *ожиданія* «отъ революціи»! Нашъ авторъ забылъ, какъ видно, прекрасный совѣтъ, данный Лассалемъ одному изъ своихъ противниковъ: «учитесь, учитесь, но только не по журнальнымъ статьямъ».

Русскіе писатели не довольствуются своей, до не-

*)Антропологическій принципъ въ философіи, стр. 2 — 3

**) Судьбы капитализма въ Россіи, предисловіе, стр. 6.

лѣпости узкой, философіей исторіи капитализма. Они подвергаютъ эту форму производства своему анализу и, такъ сказать, своимъ умомъ находятъ свойственныя ему противорѣчія. Но какія! Эти противорѣчія не разрѣшаются исторической діалектикой путемъ замѣны старой соціальной формы новой, выросшей въ нѣдрахъ первой изъ самаго, повидимому, послѣдовательнаго развитія, лежащаго въ ея основѣ принципа. Это не тѣ противорѣчія, историческій смыслъ которыхъ выражается словами Гёте —

Vernunft wird Unsinn, Wohlthat Plage.

Это противорѣчія, не имѣющія *никакого* историческаго смысла и вытекающія лишь изъ того отношенія мелко-буржуазнаго наблюдателя къ предмету его наблюденій, которое можетъ быть выражено словами: «десять разъ примѣръ, — одинъ разъ отрѣжь». Это своего рода эклектизмъ, который во всемъ видитъ хорошую и дурную сторону, одобряетъ первую, осуждаетъ вторую и грѣшитъ лишь тѣмъ, что не видитъ никакой органической связи между «свѣтлыми» и «затемняющими» чертами данной исторической эпохи. Капитализмъ могъ бы сказать такимъ критикамъ словами Фейербаха: «ты осуждаешь мои недостатки, но знай, что ими обусловливаются мои достоинства». Русскіе писатели примѣняютъ въ этомъ случаѣ къ историческимъ категоріямъ методъ Прудона, который видѣлъ задачу діалектики въ указаніи хорошихъ и дурныхъ сторонъ каждой *экономической* категоріи. «Il veut etre la synthèse — замѣчаетъ о немъ Марксъ — il est une erreur composèe».

Говорятъ, что Прудонъ былъ одно время ученикомъ Бакунина. Не у одного ли общаго учителя заимствовалъ онъ методъ, общій ему со многими русскими критиками капитализма?

Блестящимъ представителемъ этого метода «сложной ошибки» можетъ служить опять таки тотъ же г. Тихомировъ, который, указавши хорошую сторону капитализма — сплачиваніе рабочихъ, немедленно переходитъ къ указанію темныхъ его сторонъ. Мы видѣли уже, въ какой степени соотвѣтствуетъ дѣйствительности его «похвала» капитализму. Неудивительно, если и высказанное имъ порицаніе оказывается ни на чемъ не основаннымъ.

«Капитализмъ, на ряду съ механическимъ сплачи-

ваніемъ рабочихъ, развиваетъ среди нихъ конкурренцію, подрывающую ихъ нравственное единство»...

Г. Тихомирову хочется, очевидно, «придумать» такой переходный путь къ соціализму, который не зналъ бы конкурренціи. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о роли конкурренціи въ существованіи экономической категоріи, называемой мѣновой стоимостью и приводящей труды различныхъ спеціалистовъ къ одному общему знаменателю простого человѣческаго труда, безъ понятія о которомъ немыслимы были бы сознательныя коммунистическія тенденціи,—обратимъ вниманіе на указанную нашимъ авторомъ *дурную* сторону конкурренціи. Здѣсь мы прежде всего замѣтимъ, что «подрывать» можно лишь то, что существуетъ въ дѣйствительности, а не въ симпатіяхъ и «ожиданіяхъ» г. Тихомирова. Существовало ли нравственное единство рабочихъ въ до-капиталистическій періодъ? Мы уже знаемъ, что нѣтъ. Въ самую цвѣтущую пору цехового производства существовало «нравственное единство» рабочихъ одной ассоціаціи или—самое большее—*одной отрасли труда* въ предѣлахъ весьма ограниченной мѣстности; понятія же о рабочемъ, какъ рабочемъ, сознанія единства всего производительнаго класса никогда не существовало*). Капитализмъ подорвалъ, разрушилъ, устранилъ «нравственное единство» патентованныхъ *спеціалистовъ* и создалъ на его мѣстѣ нравственное единство «*пролетаріевъ всѣхъ странъ*», что и было достигнуто имъ путемъ конкурренціи. Почему же г. Тихомировъ такъ нападаетъ на нее? Мы видѣли уже, что по его мнѣнію исторія имѣ-

*) «Хотя всѣ рабочіе, къ какимъ бы профессіямъ они ни принадлежали, имѣютъ въ сущности одни интересы — говоритъ Симонъ о средневѣковыхъ рабочихъ союзахъ — и потому должны были бы образовать одну всеобщую ассоціацію, ...но вмѣсто того, духъ антагонизма бралъ верхъ надъ духомъ общественности и между рабочими не переставало господствовать раздѣленіе. Начало битвъ, въ которыя вступали члены различныхъ ассоціацій, восходитъ ко времени возникновенія самихъ ассоціацій... Въ виду этой смертельной борьбы, не имѣющей никакого разумнаго основанія, можно подумать, что слова: человѣкъ человѣку — волкъ, сказаны были философомъ именно въ виду членовъ этихъ враждебныхъ ассоціацій». Etude historique et morale sur le compagnonage par G. Simon, Paris 1853, p p. 43—44. Нужно сознаться, что капитализму было очень не трудно «подорвать» такое «нравственное единство рабочихъ» предшествующаго ему періода!

етъ какое то самостоятельное, абстрактное «движеніе къ соціалистическому строю»; разъ дано такое «движеніе», можно уже безнаказанно «критиковать» всѣ тѣ двигатели и пружины, которые впервые привели передовое человѣчество «къ необходимости взглянуть трезвыми глазами на свои взаимныя отношенія и свое жизненное положеніе».

Капитализмъ «стремится держать рабочихъ на гораздо болѣе низкомъ уровнѣ развитія, чѣмъ это возможно по общему состоянію культуры».

Эта фраза кажется цѣликомъ выхваченною изъ протоколовъ Эйзенахскаго конгресса нѣмецкихъ катедеръ-соціалистовъ, по мнѣнію которыхъ соціальный вопросъ сводится къ вопросу о поднятіи *рабочихъ* на болѣе высокую «уровень развитія». Но катедеръ-соціалисты знаютъ, чего они требуютъ, хотя до сихъ поръ еще, несмотря на всѣ свои усилія, они не рѣшили, какъ достичь требуемаго. Они понимаютъ всемірно-историческое, революціонное значеніе современнаго пролетаріата, и хотятъ подорвать это значеніе своими палліативами, навязать рабочимъ девизъ Родбертуса — «monarchisch, national, social». Подъ болѣе высокимъ уровнемъ развитія они разумѣютъ нѣсколько болѣе высокую и обезпеченную заработную плату и гораздо большую ограниченность, несравненно меньшую отзывчивость рабочаго класса. Они знаютъ, что «желѣзный законъ» заработной платы есть смертный приговоръ современному обществу и не прочь *позолотить* этотъ законъ для отмѣны приговора. Они предвидятъ, что если дѣло останется въ его современномъ положеніи, то скоро пролетаріатъ возьметъ *все*, и потому они всѣми силами стремятся заставить его промѣнять предстоящее ему первенство за чечевичную похлебку. Они хотятъ буржуазіи безъ пролетаріата. Но чего хочетъ г. Тихомировъ? Въ какомъ изъ предшествующихъ капитализму историческихъ періодовъ рабочій классъ стоялъ на болѣе высокомъ уровнѣ развитія, чѣмъ въ настоящее время? Было ли такъ въ античномъ мірѣ, въ эпоху рабства, или въ средніе вѣка, въ эпоху крѣпостничества? Или г. Тихомировъ сравниваетъ буржуазное общество съ «будущимъ», соціалистическимъ? Если такъ, то конечно онъ правъ въ томъ смыслѣ, что общественный строй «будущей всемірно исторической эпохи» приведетъ развитіе человѣка въ большее

соотвѣтствіе съ созданными цивилизаціей производительными силами. Но не говоря уже о томъ, что обвинять капитализмъ въ томъ, что онъ не соціализмъ — значитъ не понимать историческаго генезиса соціализма, мы замѣтимъ г. Тихомирову, что онъ, по обыкновенію, запутался въ терминологіи. Соціалистическое общество немыслимо, разумѣется, безъ трудящихся, но можно навѣрное сказать, что въ немъ не будетъ *рабочихъ*: рабочій предполагаетъ предпринимателя-капиталиста, землевладѣльца и т. д. совершенно такъ же, какъ рабъ предполагаетъ рабовладѣльца, а сервъ — феодальнаго господина. Изреченіе г. Тихомирова сводится, въ такомъ случаѣ, къ тому удивительному положенію, что современные рабочіе стоятъ на болѣе низкомъ уровнѣ развитія, чѣмъ рабочіе того общества, въ которомъ совсѣмъ нѣтъ рабочихъ.

Или г. Тихомировъ сравниваетъ положеніе рабочихъ въ капиталистическомъ обществѣ съ положеніемъ ихъ при тѣхъ соціальныхъ отношеніяхъ, «какія можно придумать» въ качествѣ переходныхъ ступеней къ соціализму? Если такъ, то пусть онъ «придумываетъ» въ добрый часъ такія отношенія, мы прочтемъ его *выдумку* съ большимъ интересомъ. Но пусть онъ не слишкомъ ужъ сильно увлекается вымысломъ, пусть не забываетъ онъ, что нужно различать *степень* культуры отъ ея *типа*, и что если степень матеріальной культуры современнаго пролетарія очень не высока, то тѣмъ не менѣе она все таки остается культурой самаго высшаго типа изъ всѣхъ, до сихъ поръ существовавшихъ. Мы не говоримъ уже объ умственной и нравственной культурѣ этого класса, стоящаго по своему развитію несравненно выше производительныхъ классовъ всѣхъ предшествовавшихъ періодовъ. Пусть г. Тихомировъ обратитъ серьезное вниманіе на это развитіе, котораго не замѣнятъ ни первобытныя формы землевладѣнія и производства, ни строгая дисциплина, созданная тѣмъ или другимъ «Комитетомъ» въ революціонныхъ организаціяхъ разночинцевъ.

«Точно также» капитализмъ «прямо отучаетъ рабочихъ отъ всякаго контроля за общимъ ходомъ производства и т. д.»

На это неожиданное обвиненіе капитализмъ могъ бы отвѣтить русской поговоркой «чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ». Онъ не можетъ пріучать рабочихъ къ кон-

тролю «за общимъ ходомъ производства» по той простой причинѣ, что такого контроля онъ и самъ не знаетъ. Промышленные кризисы обусловливаются, между прочимъ, именно отсутствіемъ этого контроля. Но спрашивается, мыслимъ-ли такой контроль внѣ соціалистическаго общества? Пусть г. Тихомировъ попробуетъ доказать, что—да, тогда мы потолкуемъ съ нимъ обстоятельнѣе. Теперь же повторимъ ему, что обвинять капитализмъ въ томъ, что онъ не есть соціализмъ, — значитъ обвинять исторію въ томъ, что она не начала прямо съ осуществленія программы «Манифеста Коммунистической партіи», вмѣсто своего «*движенія* къ соціалистическому строю».

Многимъ читателямъ весь этотъ споръ о значеніи западнаго капитализма можетъ показаться совершенно излишнимъ. — Намъ интересенъ не Западъ, а Россія, скажутъ они, зачѣмъ же такъ долго останавливаться на оцѣнкѣ историческаго развитія Запада? Пусть г. Тихомировъ кое-что просмотрѣлъ, кое-что перепуталъ въ этомъ вопросѣ. Какое отношеніе имѣетъ это къ нашимъ домашнимъ дѣламъ?

Самое—непосредственное. Г. Тихомировъ «критикуетъ» западный капитализмъ съ совершенно опредѣленною практическою цѣлью выработки программы для русской соціально-революціонной партіи. Онъ «ждетъ» извѣстныхъ благъ «отъ революціи», между прочимъ, на основаніи своей оцѣнки западно-европейской исторіи. Вѣрна эта оцѣнка—основательны и его ожиданія; и наоборотъ: обнаруживаетъ эта оцѣнка полное незнакомство съ исторіей Запада и съ пріемами современной философско-исторической критики, —самыя «ожиданія» г. Тихомирова оказываются крайне легкомысленными. Поэтому я и посвятилъ много страницъ выясненію той путаницы, которая съ удобствомъ умѣстилась на двухъ страницахъ (238 и 239) 2 N⁰ «Вѣстника». Покончивши съ нею, мы можемъ перейти къ русскимъ вопросамъ.

6. Развитіе капитализма на Западѣ.

«Не сотворяйте же себѣ кумира изъ частнаго предпринимательскаго капитала—восклицаетъ г. Тихомировъ, возвратившись изъ своей философско-исторической экскурсіи,—тѣмъ паче, что большой еще вопросъ,

сумѣетъ ли такого рода капиталъ сдѣлать для Россіи хоть то (!), что сдѣлалъ для Европы. Наше современное положеніе значительно разнится отъ положенія европейскихъ странъ въ моментъ, когда они начали организовывать національное производство на основѣ частнаго капитала. Тамъ частный предприниматель имѣлъ передъ собою громадные рынки и не имѣлъ особенно страшной для себя конкурренціи. У насъ совсѣмъ нѣтъ рынковъ, и частный предприниматель въ каждомъ начинаніи встрѣчаетъ непосильную конкурренцію европейскаго и американскаго производства».

Всѣ эти соображенія нашего автора опять не принадлежатъ ему, а заимствованы у г. В. В. Но не вдаваясь, однако, въ ихъ генеалогію, посмотримъ, насколько они основательны. Здѣсь передъ нами опять выростаетъ трудная и неблагодарная задача распутыванія самой невѣроятной путаницы фактовъ и понятій.

Прежде всего мы спросимъ г. Тихомирова, почему онъ нападаетъ именно на «*частный*» предпринимательскій капиталъ и ничего не упоминаетъ о другихъ видахъ того же *предпринимательскаго* капитала? Почему онъ, по выраженію Родбертуса, предпочитаетъ блондиновъ брюнетамъ? Думаетъ ли онъ, что *государственный* предпринимательскій капиталъ въ рукахъ желѣзнаго канцлера лучше частнаго капитала въ рукахъ Бёрзига или Круппа?.

Или онъ противопоставляетъ частный предпринимательскій капиталъ—такому же капиталу рабочихъ ассоціацій? Но почему же онъ не оговорилъ, въ такомъ случаѣ, что симпатіи его къ предпринимательскому капиталу, не принадлежащему частнымъ лицамъ, простираются лишь на одну разновидность этого капитала. Да и можно ли симпатизировать этой разновидности безъ новыхъ и весьма существенныхъ оговорокъ?

Германская соціаль-демократія требуетъ государственнаго кредита для рабочихъ ассоціацій, но она по опыту знаетъ, что онѣ могутъ имѣть успѣхъ, т. е. не выродиться въ эксплуататоровъ чужого труда, лишь подъ условіемъ строгаго контроля на основѣ соціалистическихъ принциповъ. Представительницей такого контроля могутъ и должны явиться рабочія соціалистическія партіи. Такимъ образомъ, кто говоритъ о

государственномъ кредитѣ рабочимъ ассоціаціямъ, — говоритъ объ упроченіи вліянія рабочей партіи или предлагаетъ мѣру, могущую повести за собою лишь расколъ въ средѣ пролетаріата и упроченіе вліянія буржуазіи или правительства. Г. В. В. не боится этого послѣдняго исхода, и потому онъ смѣло обращается къ «существующей власти» со своими реформаторскими проектами. Г. Тихомировъ принадлежитъ къ непримиримымъ врагамъ абсолютизма, и въ то же время весьма скептически относится къ возможности возникновенія у насъ буржуазнаго режима и рабочей соціалистической партіи. Поэтому, его планы созданія рабочихъ промышленныхъ товариществъ—планы, о которыхъ, впрочемъ, мы, благодаря его запутанной терминологіи, *можемъ лишь догадываться*—относятся къ тому болѣе или менѣе далекому будущему, когда «захватъ власти революціонерами» послужитъ «исходнымъ пунктомъ революціи». А такъ какъ намъ придется еще много говорить объ этомъ захватѣ и о возможныхъ его послѣдствіяхъ, то мы и не будемъ останавливаться здѣсь на разсмотрѣніи условій, при которыхъ русскія рабочія промышленныя товарищества могутъ способствовать дѣлу соціализма. Теперь же, поставивъ г. Тихомирову на видъ неясность и неопредѣленность его экономической терминологіи, перейдемъ къ его историческимъ противопоставленіямъ.

Что «наше современное положеніе значительно разнится отъ положенія европейскихъ странъ въ моментъ, когда они (онѣ) начали организовывать національное производство на основѣ частнаго капитала»— эта мысль не подлежала бы сомнѣнію, если бы была хоть сколько нибудь сносно формулирована. Каждый школьникъ знаетъ, что во всей исторіи нѣтъ двухъ фактовъ, совершившихся при вполнѣ тождественной обстановкѣ; неудивительно, поэтому, что каждый историческій періодъ каждой страны «значительно разнится» отъ соотвѣтствующаго періода всякой другой страны. Но именно вслѣдствіе этого, можно a priori сказать, что шаблонное противопоставленіе Россіи «Западу» теряетъ всякій человѣческій смыслъ, если не сопровождается цѣлымъ рядомъ оговорокъ, поправокъ и дополненій, такъ какъ подъ Западомъ Европы понимается не одна, а много весьма различныхъ странъ. Г. Тихомировъ не видитъ надобности въ этихъ дополненіяхъ.

Онъ противопоставляетъ «современное положеніе Россіи» тому «*моменту*» въ исторіи «европейскихъ странъ, когда онѣ начали организовывать національное производство на основѣ частнаго капитала». Но не говоря уже о томъ, что нельзя «организовать національное производство на основѣ частнаго капитала» и что полная анархія, т. е. отсутствіе какой нибудь организаціи составляетъ отличительную черту «національнаго производства» капиталистическихъ странъ; даря г. Тихомирову эти логическіе и терминологическіе промахи,— мы спросимъ его, точно ли въ одинъ «моментъ» было положено начало капиталистическаго производства «въ европейскихъ странахъ»? Не было ли, напротивъ, такихъ «моментовъ» ровно столько, сколько было «европейскихъ странъ», вступавшихъ на путь капитализма? А если да, то не разнились ли «значительно» эти историческіе «моменты» одинъ отъ другого? Было ли похоже начало англійскаго капитализма на начало капитализма въ Германіи? Поскольку намъ извѣстно, совсѣмъ не похоже, такъ не похоже, что въ свое время и въ Германіи возникло мнѣніе, будто эта страна совсѣмъ не имѣетъ данныхъ для развитія крупной обрабатывающей промышленности и должна навсегда остаться земледѣльческою страною. Люди, державшіеся этого мнѣнія, ссылались именно на то обстоятельство, что «современное» имъ положеніе Германіи „значительно разнится“ и т. д. Что скажетъ намъ г. Тихомировъ объ этомъ вопросѣ вообще и объ этихъ лжепророкахъ въ частности?

Въ брошюрѣ «Соціализмъ и политическая борьба» я говорилъ о тѣхъ русскихъ писателяхъ, которые оказываются приверженцами географической школы, основанной еврейскимъ мальчикомъ въ разсказѣ Вейнберга. «Русскіе самобытные писатели — говорилъ я — сдѣлали лишь одно нововведеніе въ остроумной географической классификаціи бѣднаго школьника: они подраздѣлили «за-границу» на Востокъ и Западъ и, не долго думая, принялись сравнивать этотъ послѣдній съ Россіей, игравшей при этомъ роль какой-то Срединной Имперіи». Когда я писалъ эти строки, мнѣ и въ голову не приходило, что такого рода нелѣпости могутъ быть повторены на страницахъ органа, редактируемаго, между прочимъ, П. Л. Лавровымъ. Теперь я вижу, что самъ соредакторъ г. Лаврова оказы-

вается послѣдователемъ еврейскаго мальчика и валитъ въ одну кучу какого-то «придуманнаго» имъ «момента» цѣлый рядъ въ высшей степени сложныхъ и «значительно» разнообразныхъ историческихъ явленій. «Вѣстнику Народной Воли» суждено, какъ видно, во многомъ и во многомъ обмануть ожиданія своихъ читателей!

Впрочемъ, у г. Тихомирова есть въ этомъ случаѣ смягчающее обстоятельство. Онъ введенъ былъ въ свою ошибку убѣжденіемъ въ томъ, что въ «европейскихъ странахъ«, въ извѣстный уже намъ историческій «моментъ», «частный предприниматель имѣлъ передъ собою громадные рынки и не имѣлъ особенно страшной для себя конкурренціи», между тѣмъ какъ «у насъ совсѣмъ почти нѣтъ рынковъ». Если бы это было справедливо, то его противопоставленіе Россіи Западу имѣло бы достаточное основаніе. Какъ бы ни были различны условія, при которыхъ нарождался капитализмъ въ каждой изъ «европейскихъ странъ», но между ними была бы одна въ высшей степени важная общая черта, не повторяющаяся въ современной Россіи: присутствіе «громадныхъ рынковъ» для сбыта. Это счастливое для «европейскихъ странъ» обстоятельство должно было бы придать совсѣмъ иную окраску экономической исторіи Запада. Вся бѣда въ томъ, что г. Тихомировъ, или вѣрнѣе авторъ, изъ статей котораго онъ почерпнулъ это убѣжденіе, жестоко ошибается. Въ названныхъ странахъ частный предприниматель вовсе *не* имѣлъ передъ собою «громадныхъ рынковъ». Буржуазія *создала* рынки, а не застала ихъ *готовыми*. Въ предшествовавшій ей феодально-ремесленный періодъ не было не только «громадныхъ рынковъ», но и вообще не существовало рынковъ въ новѣйшемъ смыслѣ этого слова: тогда обмѣнивался лишь избытокъ, остатокъ отъ собственнаго потребленія производителя, ремесленники же работали *по заказу* для даннаго лица въ данной мѣстности, а не для сбыта на рынкѣ. Кто имѣетъ хоть малѣйшее понятіе объ экономическихъ отношеніяхъ среднихъ вѣковъ, тотъ не будетъ оспаривать сказаннаго. Точно также всякій, «даже не обучавшійся въ семинаріи», пойметъ, что спросъ, а вмѣстѣ съ нимъ и рынки могли расти лишь рядомъ съ производствомъ, будучи вызываемы этимъ послѣднимъ и вызывая его въ свою очередь.

«Чаще всего потребности родятся прямо изъ производства или изъ порядка вещей, основаннаго на производствѣ. Всемірная торговля зиждется почти всецѣло на потребностяхъ не личностей, а производства.“*) Современный же, дѣйствительно „громадный“, всемірный рынокъ характеризуется именно тѣмъ, что на немъ не потребленіе вызываетъ производство, а наоборотъ. ,,Крупная промышленность, вынуждаемая самими находящимися въ ея распоряженіи орудіями производить въ постоянно возрастающихъ размѣрахъ, не можетъ ожидать спроса, производство предшествуетъ потребленію, предложеніе вынуждаетъ спросъ.“ **)

Что Западная Европа не имѣла ,,особенно страшной конкурренціи“ въ періодъ возникновенія капитализма — это можно признать для краткости неоспоримымъ, хотя нерѣдкое въ то время запрещеніе ввоза въ ,,европейскія страны“ продуктовъ восточной промышленности и показываетъ, что западныя мануфактуры боялись азіатской конкурренціи. Но ,,особенно страшными“ конкуррентами западно-европейскихъ производителей были тѣ же западно-европейскіе производители. Это перестанетъ казаться парадоксомъ, когда мы припомнимъ, что капитализмъ началъ развиваться въ различныхъ ,,европейскихъ странахъ“ далеко не въ одинъ и тотъ же ,,моментъ“, какъ это думаетъ г. Тихомировъ. Когда развитіе промышленности доходило въ одной изъ этихъ странъ до извѣстной степени интенсивности, когда представители капитала достигали такой силы и такого вліянія, что могли дѣлать законодательство орудіемъ своихъ цѣлей — оказывалось, что ,,частный предприниматель въ каждомъ начинаніи встрѣчаетъ непосильную конкурренцію“ со стороны сосѣднихъ странъ. Тогда начиналась агитація въ пользу государственнаго вмѣшательства. Исторія XVII столѣтія съ его тарифами, служащими предметомъ дипломатическихъ переговоровъ, съ его коммерческими войнами, требовавшими колоссальныхъ для того времени расходовъ, наглядно показываетъ намъ, какія огромныя усилія должны были дѣлать ,,европейскія страны“ для пріобрѣтенія этихъ, будто

*) Misere de la philosophie, p. 16.

**) Ibid. p. 48.

бы готовыхъ рынковъ. Дѣло шло не только о завоеваніи внѣшнихъ рынковъ, но и объ отстаиваніи рынка внутренняго. Нужно ли иллюстрировать эту, казалось бы, всѣмъ извѣстную исторію примѣрами? Это будетъ, пожалуй, нелишнимъ, въ виду невѣжества нашихъ доморощенныхъ и самобытныхъ экономистовъ. Начнемъ съ Франціи.

Кольбэръ «видѣлъ, что Франція получала изъ заграницы гораздо болѣе товаровъ, чѣмъ посылала туда; что, несмотря на существованіе турскихъ и ліонскихъ мануфактуръ, Италія продолжала доставлять шелковыя издѣлія, золотыя и серебряныя ткани, золотую пряжу; что Венеція ежегодно получала отъ нея нѣсколько милліоновъ за свои зеркала и кружева; что Англія, Голландія, Испанія снабжали ее шерстяными товарами, пряностями, красками, кожами и мыломъ... Онъ видѣлъ, ...что большія компаніи и колоніи, которыя пытался завести Ришелье, были раззорены, что вся морская торговля Франціи была еще въ рукахъ англичанъ и голландцевъ. Чтобы помѣшать этому вторженію во французскіе порты, уже Фукэ установилъ налогъ въ пятьдесятъ су съ тонны товаровъ, привезенныхъ на иностранныхъ судахъ, и постоянныя жалобы голландцевъ доказывали Кольбэру, что его предшественникъ нанесъ имъ чувствительный ударъ. Таково было положеніе. Кольбэръ задался цѣлью измѣнить его въ пользу Франціи, освободить націю отъ всякаго коммерческаго рабства и поднять ее, путемъ развитія промышленности до уровня наиболѣе цвѣтущихъ націй» и т. д.*) Онъ такъ усердно принялся за дѣло, что тарифомъ 1667 года прямо хотѣлъ «уничтожить голландскую торговлю. «Англичане и голландцы отвѣчали ему тѣмъ же; споръ о тарифѣ послужилъ поводомъ къ войнѣ 1672 года и наконецъ Нимвегенскій миръ вынудилъ Францію возстановить тарифъ 1664 года.»**)

Мы видимъ, что Франція вовсе не «имѣла передъ собою» громадныхъ рынковъ, ей нужно было еще завоевать ихъ съ помощью цѣлесообразной экономической политики, дипломатическихъ переговоровъ и даже

*) Levasseur, Histoire des classes ouvrieres en France, t. 2, p.p. 174—175.

**) См. Henry W. Farnam, Die innere franzoesische Gewerbepolitik von Colbert bis Turgot s 17.

оружія. Кольбэръ разсчитывалъ только на «время и большое прилежаніе», благодаря которымъ Франція могла, по его мнѣнію, стать «учительницей націй, дававшихъ ей уроки».

Извѣстно, что покровительственная и запретительная политика Франціи не прекратилась съ прекращеніемъ вліянія Кольбэра такъ же точно, какъ она не ему обязана была первымъ своимъ возникновеніемъ. Лишь послѣ Версальскаго мира французское правительство дѣлаетъ въ 1786 году первый шагъ въ направленіи къ свободѣ торговли. Но эта попытка оказалась неблагопріятной для французской промышленности. По трактату съ Англіей 1786 года за шерстяныя и хлопчато-бумажныя ткани, фарфоровыя, фаянсовыя, глиняныя и стеклянныя издѣлія взималось лишь 12% стоимости въ каждой изъ договорившихся странъ; на металлическія издѣлія: желѣзныя, стальныя, мѣдныя и т. п. пошлина равнялась 10%; ткани изъ льна и конопли были обложены пошлиной по тарифу, установленному для наиболѣе благопріятствуемыхъ націй; но Англія, будучи въ состояніи производить всѣ эти продукты на 30, 40, 50% дешевле, чѣмъ французскіе фабриканты, скоро стала хозяйничать на французскомъ рынкѣ. Вотъ почему избиратели 1789 года почти единогласно требовали болѣе энергическаго покровительства французской промышленности. Правительства реставраціи и Іюльской монархіи также придерживались строго покровительственнаго тарифа. Для обезпеченія сбыта французскихъ товаровъ колоніямъ было запрещено торговать съ какою либо другой страной, кромѣ метрополіи. Лишь съ 1860 года начинается поворотъ въ пользу свободной торговли, но и этотъ поворотъ вызываетъ очень сильную оппозицію въ странѣ, и порицается, между прочимъ, Прудономъ. Наконецъ, не далѣе какъ въ 1877 г., боязнь англійской конкурренціи вызываетъ со стороны протекціонистовъ образованіе «Ассоціаціи для защиты національнаго труда». Тарифъ 1882 года представляетъ собою компромиссъ между требованіями покровительства и стремленіями къ свободной торговлѣ, обнаруживаемыми главнымъ образомъ представителями коммерческаго капитала.*)

Такова исторія «громадныхъ рынковъ», бывшихъ

*) См. Histoire du commerce francais par Ch. Périgot, Paris 1884

въ распоряженіи французскихъ капиталистовъ. Слышалъ ли о ней что нибудь г. Тихомировъ?

А Германія, на которую «указываетъ» нашему автору «нѣкоторая часть соціалистовъ»?

Здѣсь дѣло стояло не лучше. Здѣсь также «частный предприниматель въ каждомъ своемъ начинаніи» встрѣчалъ непосильную конкурренцію» болѣе передовыхъ странъ. Извѣстно, что нѣмецкій капитализмъ имѣетъ сравнительно недавнее происхожденіе. Не только въ предшествующія столѣтія, но даже въ началѣ нынѣшняго вѣка Германія не могла даже и думать о конкурренціи съ Франціей или Англіей. Возьмемъ для примѣра Пруссію. Въ 1800 году Пруссія совершенно запрещаетъ ввозъ иностранныхъ шелковыхъ, полушелковыхъ и хлопчатобумажныхъ издѣлій. Въ предшествующіе 80 лѣтъ правительство на однѣ только шелковыя фабрики въ Берлинѣ, Потсдамѣ, Франкфуртѣ-на-Одерѣ и Кепникѣ издержало болѣе десяти мил. талеровъ (изъ чего г. Тихомировъ можетъ съ ясностью видѣть, что не одно русское правительство употребляло усилія для «организаціи» національнаго производства «подъ началомъ буржуазіи»). Но французскія и англійскія издѣлія были настолько лучше прусскихъ, что запрещеніе иностраннаго ввоза обходилось контрабандой, которой не могли истребить никакія строгія мѣры законодательства. Побѣды Наполеона лишаютъ Пруссію возможности спасать свои мануфактуры за «стѣною» запретительнаго тарифа. Вмѣстѣ съ вторженіемъ французскихъ войскъ начинается наплывъ французскихъ товаровъ въ завоеванныя мѣстности. Въ началѣ декабря 1806 года завоеватели требуютъ пропуска всѣхъ французскихъ товаровъ, съ оплатой лишь невысокой таможенной пошлины, во всѣ части Пруссіи, занятыя наполеоновской арміей. Напрасно прусское правительство ставитъ имъ на видъ, что туземная промышленность не можетъ вынести конкуренціи французскихъ фабрикантовъ. Напрасно доказываетъ оно, что берлинскія фабрики держались до тѣхъ поръ, лишь благодаря покровительственному тарифу, съ паденіемъ котораго населеніе окончательно обнищаетъ и фабричные рабочіе пойдутъ по-міру. Побѣдоносные полководцы буржуазной Франціи отвѣчаютъ, что ввозъ въ страну французскихъ товаровъ представляетъ «естественное слѣдствіе» завоеванія.

Такимъ образомъ, рядомъ съ политической борьбой правительствъ шла экономическая борьба народовъ, или вѣрнѣе, тѣхъ слоевъ народовъ, въ рукахъ которыхъ и до сихъ поръ сосредоточиваются средства производства. Рядомъ съ борьбой армій шла борьба фабрикантовъ, рядомъ съ соперничествомъ полководцевъ шла конкурренція товаровъ. Французской буржуазіи нужно было овладѣть новымъ рынкомъ, прусская—всѣми силами стремилась отстоять тотъ, который былъ въ ея рукахъ, благодаря покровительственному тарифу. Гдѣ же здѣсь готовые «громадные рынки»? Когда вслѣдъ за объявленіемъ войны 1813 года, прусскіе промышленники избавились, наконецъ, отъ своихъ французскихъ конкуррентовъ, у нихъ явились новые, еще болѣе опасные противники. Паденіе континентальной системы открыло англійскимъ товарамъ доступъ на европейскіе рынки. Огромное количество ихъ наводнило Пруссію. Дешевизна ихъ дѣлала конкурренцію съ ними невозможною для мѣстныхъ производителей, при той невысокой пошлинѣ, какой были обложены теперь товары дружественныхъ и нейтральныхъ государствъ. Жалобы прусскихъ фабрикантовъ снова заставляютъ правительство ограничить ввозъ въ Пруссію, по крайней мѣрѣ, хлопчатобумажныхъ издѣлій.*) Съ тѣхъ поръ до настоящаго времени правительство Пруссіи, да и всей вообще Германіи, не рѣшается отказаться отъ покровительственнаго тарифа, опасаясь «непосильной конкурренціи» болѣе передовыхъ странъ. И если русскіе бланкисты захватятъ власть еще при жизни Бисмарка, то желѣзный канцлеръ не откажется, вѣроятно, открыть имъ тайну своей торговой политики и убѣдить нашихъ журналистовъ, что «громадные рынки» не растутъ и никогда не росли на деревьяхъ.

Перейдемъ къ Америкѣ.

«Сѣверно-американскія колоніи въ отношеніи промышленности были поставлены своей метрополіей въ такую полную зависимость, что въ нихъ не должны были имѣть мѣста никакіе роды промышленности, кромѣ домашняго производства и обыкновенныхъ ремеслъ. Въ 1750 году основанная въ Массачусетѣ шляпная фабрика обратила на себя такое вниманіе парламента и вызвала такую ревность съ его стороны,

*) Die neuere Nationaloekonomie, von Dr. Moritz Meyer.

что всѣ роды фабрикъ (въ колоніяхъ конечно) были объявлены вредными учрежденіями (common nuisances). Еще въ 1770 году великій Чатамъ, обезпокоенный первыми попытками фабричнаго производства въ Новой Англіи, заявилъ, что ни одинъ гвоздь не долженъ быть изготовленъ въ колоніяхъ». Во время войны за независимость, благодаря разрыву съ Англіей, «фабрики всякаго рода получили сильный толчекъ», что въ свою очередь повліяло на земледѣліе и повело къ увеличенію цѣнности земли. «Но такъ какъ послѣ парижскаго мира конституція штатовъ мѣшала выработкѣ общей торговой системы, и тѣмъ открывала свободный доступъ англійскимъ фабрикатамъ, конкурренціи которыхъ не могли вынести только что возникшія фабрики Сѣверной Америки, то промышленное процвѣтаніе страны исчезло еще скорѣе, чѣмъ возникло. — По совѣту новыхъ теоретиковъ, говорилъ послѣ одинъ ораторъ въ Конгрессѣ объ этомъ кризисѣ, мы покупали тамъ, гдѣ могли купить всего дешевле, и наши рынки были наводнены чужими товарами. *Наши мануфактуристы были разорены*, наши купцы обанкротились, и всѣ эти причины такъ вредно повліяли на земледѣліе, что наступило общее обезцѣненіе землевладѣнія, а съ нимъ и банкротство нашихъ землевладѣльцамъ».

Мы видимъ отсюда, что была, въ свое время, гроза и на американское производство, «непосильная конкурренція» котораго угрожаетъ теперь русскому «частному предпринимателю». Какіе же громоотводы придумали американцы? Убѣдило ли ихъ это въ томъ, что ихъ положеніе «значительно разнится отъ положенія европейскихъ странъ, въ моментъ, когда онѣ начали организовывать національное производство на основѣ частнаго капитала»? Отказались ли они отъ крупной промышленности? Ничуть не бывало. Наученные горькимъ опытомъ, они повторяли лишь старую исторію охраненія своего внутренняго рынка отъ иностранной конкурренціи. «Конгрессъ былъ осажденъ петиціями ото всѣхъ штатовъ въ пользу покровительственныхъ мѣръ для туземной промышленности», и уже въ 1789 году былъ обнародованъ тарифъ, сдѣлавшій значительныя уступки мѣстнымъ фабрикантамъ въ этомъ смыслѣ. Тарифъ 1804 года пошелъ еще далѣе въ этомъ направленіи, и наконецъ, послѣ нѣсколькихъ колебаній въ

противную сторону, строго покровительственный тарифъ 1828 года окончательно обезпечилъ американскихъ производителей отъ англійской конкурренціи.*)

Еще разъ, гдѣ же тѣ «громадные» рынки, о которыхъ говоритъ г. Тихомировъ? Я совершенно согласенъ, что указываемый имъ ходъ развитія западно-европейскаго капитализма долженъ быть признанъ болѣе «прямымъ» и наименѣе «рискованнымъ»: чѣмъ рискуетъ «частный предприниматель», имѣя «передъ собой громадные рынки»? Но г. Тихомировъ, съ своей стороны, долженъ согласиться, что этотъ ходъ развитія «придуманъ» имъ, или вѣрнѣе его учителемъ, въ интересахъ доктрины, и не имѣетъ ничего общаго съ дѣйствительной исторіей Запада. Дѣло происходило тамъ до такой степени иначе, что Фридрихъ Листъ устанавливаетъ даже особый законъ, по которому каждая страна можетъ выступить на поприще борьбы на всемірномъ рынкѣ, — лишь давши окрѣпнуть своей промышленности, путемъ господства на своемъ внутреннемъ рынкѣ. По его мнѣнію „переходъ каждой націи отъ дикаго состоянія къ пастушескому и отъ пастушескаго — къ земледѣльческому, равно какъ и первые шаги земледѣлія, лучше всего совершаются подъ вліяніемъ свободной торговли". Затѣмъ, „переходъ земледѣльческихъ народовъ въ классъ земледѣльческо-мануфактурно-торговыхъ націй могъ бы лишь въ томъ случаѣ совершиться при свободѣ торговли, *если бы* во всѣхъ націяхъ, призванныхъ къ развитію мануфактурной силы, *одинъ и тотъ же жизненный процессъ совершался въ одно и то же время*, если бы націи не ставили другъ другу никакихъ препятствій на пути экономическаго развитія, если бы онѣ не мѣшали успѣхамъ другъ друга войной и таможенными системами. Но такъ какъ націи, достигшія превосходства въ мануфактурахъ, торговлѣ и мореплаваніи, видѣли въ этихъ успѣхахъ самое дѣйствительное средство для пріобрѣтенія и упроченія политическаго вліянія на другія націи — то онѣ (т. е. передовыя націи) и стремились создать такія учрежденія, которыя были и до сихъ поръ остаются разсчитанными на то, чтобы обез-

---

*) См. Das nationale Systeem der politischen Okonomie, von Friedrich List, zweite Auflage 1842; B. I, B. I, Cap. 9. Ср. также. Geschichte der Nationaloekonomik von Eisenhart, III Buch, 2 Kapitel.

печить этимъ націямъ монополію въ мануфактурахъ и торговлѣ и воспрепятствовать успѣхамъ отсталыхъ народовъ. Совокупность этихъ учрежденій (запрещеніе ввоза и пошлины на него, ограниченія судоходства, преміи за вывозъ и т. д.) называется таможенной системой. Подъ вліяніемъ болѣе раннихъ успѣховъ другихъ націй, таможенной системы чужихъ странъ и войнъ, болѣе отсталыя націи оказываются вынужденными искать въ самихъ себѣ средствъ для перехода отъ земледѣльческаго состоянія къ мануфактурному; онѣ должны ограничить торговлю съ передовыми странами, — поскольку она мѣшаетъ этому переходу,—посредствомъ собственной таможенной системы. Эта послѣдняя оказывается, поэтому, вовсе не выдумкой спекулятивныхъ головъ, какъ это утверждаютъ нѣкоторые, а естественнымъ слѣдствіемъ стремленія націй гарантировать прочность своего существованія и прогресса или даже своего преобладающаго вліянія. Но это стремленіе можетъ быть признано законнымъ и разумнымъ лишь поскольку оно *не мѣшаетъ* экономическому развитію обнаруживающей его націи, а *напротивъ способствуетъ* ему и не противорѣчитъ болѣе высокой цѣли человѣчества — будущей всемірной конфедераціи.“*)

Такъ говорилъ Фридрихъ Листъ, хорошо понимавшій интересы современнаго ему нѣмецкаго капитализма и грѣшившій лишь нѣкоторою высокопарностью въ опредѣленіи будущихъ, „болѣе высокихъ цѣлей человѣчества“, которыя для буржуазіи сводятся не ко „всемірной федераціи“, а къ ожесточенной борьбѣ на всемірномъ рынкѣ. Листъ не смущался ни обвиненіемъ его взглядовъ въ отсталости, ни указаніемъ на невозможность для Германіи пріобрѣсти сколько нибудь счастливые шансы будущей борьбы на всемірномъ рынкѣ. На первое возраженіе онъ отвѣчалъ, что онъ вовсе не безусловный противникъ свободной торговли, такъ какъ требуетъ лишь временныхъ для нея ограниченій, и при томъ стоитъ за нее въ предѣлахъ германскаго таможеннаго союза. На второе возраженіе онъ отвѣчалъ критикой самой теоріи рынковъ или, вѣрнѣе, условій ихъ завоеванія. Онъ указывалъ на то обстоятельство, что отсталыя страны могутъ и должны заключать между собою союзы для совмѣстной борьбы противъ

*) Das Nationale System etc, s. s. 18—19.

болѣе сильныхъ враговъ, что эти отсталыя страны должны озаботиться заведеніемъ собственныхъ колоній. „Каждая промышленная нація должна стремиться къ тому, чтобы вступить въ непосредственный обмѣнъ со странами жаркаго пояса, и если мануфактурныя націи второго разряда понимаютъ свои интересы, онѣ должны дѣйствовать такъ, чтобы ни одна нація не пріобрѣтала преобладающаго вліянія въ области колоніальныхъ владѣній.“ *) Возможность заведенія новыхъ колоній онъ подтверждалъ указаніемъ на то, что до сихъ поръ еще огромное число удобныхъ мѣстностей жаркаго пояса не утилизировано въ этомъ отношеніи европейцами.

Въ то время, когда Листъ велъ свою агитацію, очень многіе сомнѣвались въ возможности возникновенія въ Германіи крупной обрабатывающей промышленности. Теперь уже никто въ этомъ не сомнѣвается, а между тѣмъ предложеннная имъ программа экономической политики и до сихъ поръ не выполнена окончательно. Лишь теперь поднимается въ Германіи вопросъ о заведеніи колоній. Дѣйствительность превзошла его ожиданія. Для упроченія нѣмецкой крупной промышленности достаточно было одной части его программы.

Теперь не только ни одинъ скептикъ не спрашиваетъ, возможна ли крупная обрабатывающая промышленность въ отечествѣ Листа, но г. Тихомирову „указываютъ“, между прочимъ, „на Германію, гдѣ капитализмъ объединилъ рабочихъ“ и гдѣ „частный предприниматель“ имѣлъ будто бы передъ собою „громадные рынки“. До такой степени забылись первые, трудные шаги этой страны на поприщѣ капитализма! А много ли времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ писалъ Листъ? Всего полстолѣтія, всего въ пять разъ больше того періода, въ теченіе котораго русскіе бланкисты дѣлаютъ безплодныя усилія для „захвата власти“. Что если бы Марксъ, Энгельсъ и ихъ послѣдователи, проникшись тѣмъ убѣжденіемъ, что нужно брать народъ „какъ онъ есть“, и что нѣмецкимъ коммунистамъ сороковыхъ годовъ нужно было, по картинному выраженію г. Тихомирова, „еще только хлопотать о созданіи класса, во имя котораго они хотѣли дѣйствовать“, что если бы Марксъ и Энгельсъ, говорю

*) List ibid. s. s. 560—61.

я, махнули рукой на „Западъ“ и рѣшили, что „исходнымъ пунктомъ“ соціальной революціи въ Германіи долженъ быть „захватъ власти“ силами тогдашняго «Союза коммунистовъ»? Что если бы они направили къ этой цѣли всю свою дѣятельность? Далеко ли была бы теперь нѣмецкая соціаль-демократія? А вѣдь вопросъ о такомъ «захватѣ власти» вовсе не представляетъ собою исключительной черты русскаго движенія. Онъ поднимался даже въ «Союзѣ коммунистовъ» и вызвалъ раздѣленіе его на двѣ фракціи: Маркса-Энгельса съ одной стороны и Виллиха-Шаппера — съ другой.

Исторія этого раздѣленія такъ поучительна, что не мѣшаетъ разсказать ее читателямъ.

«Со времени пораженія революціи 1848—49 года, партія пролетаріата на континентѣ лишилась всего, чѣмъ обладала она въ теченіе этой короткой эпохи: свободы прессы, слова и права ассоціацій, т. е. легальныхъ средствъ организаціи партіи. Послѣ 1849 года, какъ и передъ 1848, передъ пролетаріатомъ былъ только одинъ путь, — путь тайныхъ союзовъ... Одна часть такихъ тайныхъ союзовъ имѣла своею непосредственною цѣлью ниспроверженіе существующей государственной власти. Это было умѣстно во Франціи, гдѣ пролетаріатъ былъ побѣжденъ буржуазіей и гдѣ нападеніе на существующее правительство было равносильно нападенію на буржуазію“. Другая часть этихъ тайныхъ обществъ дѣйствовала въ такихъ странахъ, какъ Германія, «гдѣ и буржуазія и пролетаріатъ одновременно находились подъ гнетомъ полуфеодальныхъ правительствъ, гдѣ, слѣдовательно, побѣдоносная борьба противъ существующей власти должна была не лишить буржуазію господства, а напротивъ, передать его въ ея руки, или въ руки такъ называемыхъ среднихъ сословій»,—въ такихъ странахъ передовые представители пролетаріата, не отказываясь отъ участія въ предстоящей революціи, видѣли свою ближайшую цѣль не въ захватѣ власти, а въ подготовкѣ рабочей партіи будущаго. Такова, между прочимъ, была цѣль «Союза коммунистовъ», въ которомъ главная роль принадлежала Марксу и Энгельсу. «Союзъ коммунистовъ» былъ, поэтому, не обществомъ заговорщиковъ, а обществомъ, стремившимся къ тайной организаціи пролетаріата, потому что нѣмецкій пролетаріатъ находился подъ интердиктомъ, былъ лишенъ *огня и воды*,

печати, слова и ассоціацій». Само собою понятно, что такого рода дѣятельность, «которая имѣла въ виду выработку не *правительственной, а оппозиціонной партіи будущаго*» заключала въ себѣ мало привлекательнаго для людей мало развитыхъ и нетерпѣливыхъ, и тогда „отъ *Союза коммунистовъ* отдѣлилась фракція, которая требовала если не дѣйствительныхъ заговоровъ, то хоть заговорщицкой внѣшности и прямого союза съ демократическими героями дня». Мотивы этого разрыва, который многими приписывался личнымъ ссорамъ вождей обѣихъ фракцій, слѣдующимъ образомъ мотивировался самими участниками этихъ событій.

По словамъ Маркса, „меньшинство (фракція Виллиха и Шаппера) ставитъ на мѣсто критическаго міросозерцанія — догматическое, на мѣсто матеріалистическаго — идеалистическое. Вмѣсто дѣйствительныхъ отношеній, оно принимаетъ свою собственную волю за главный революціонный двигатель. Между тѣмъ какъ мы говоримъ рабочимъ: вы должны пережить еще 5, 20, 50 лѣтъ гражданской войны и народныхъ движеній, и притомъ не только для того, чтобы измѣнить существующія отношенія, но также и для того, чтобы перевоспитать самихъ себя, стать способными къ господству; меньшинство говоритъ наоборотъ: мы должны теперь же достичь господства, или намъ не остается ничего дѣлать. Между тѣмъ какъ мы именно нѣмецкимъ рабочимъ указываемъ на неразвитое состояніе нѣмецкаго пролетаріата, вы самымъ плоскимъ образомъ льстите національному чувству и сословнымъ предразсудкамъ нѣмецкаго ремесленника,*) что, конечно, представляетъ собою гораздо болѣе популярный пріемъ. ...Подобно демократамъ, вы подставляете на мѣсто революціоннаго развитія революціонныя фразы“ и т. д., и т. д.

Съ своей стороны, Шапперъ такъ формулировалъ свои воззрѣнія.

„Я дѣйствительно высказывалъ аттакованное здѣсь

*) Впрочемъ, едва ли даже фракція Шаппера издавала когда нибудь воззванія, въ родѣ извѣстной прокламаціи на малорусскомъ языкѣ по поводу антиеврейскихъ безпорядковъ, съ которой редакція Народной Воли заявила свою полную солидарность и которая представляетъ собою именно самую плоскую лесть національнымъ предразсудкамъ русскаго народа.

воззрѣніе, потому что я вообще держусь его съ энтузіазмомъ. Весь вопросъ заключается въ томъ — мы ли начнемъ рубить головы, или ихъ отрубятъ намъ. Сначала возстанутъ рабочіе во Франціи, а затѣмъ и мы въ Германіи. Если бы это было не такъ, то мнѣ дѣйствительно не оставалось бы ничего дѣлать. Но если наши планы осуществятся, то мы можемъ принять мѣры, которыя обезпечатъ господство пролетаріата (какъ г. Тихомировъ обѣщаетъ принять мѣры, которыя обезпечили бы Россіи „народоправленіе“, замѣтимъ мы въ скобкахъ). Я съ фанатизмомъ держусь этого взгляда, центральный же комитетъ (фракціи Маркса) хочетъ противнаго“ и т. д.

Этотъ споръ происходилъ 15 сентября 1850, когда произошелъ окончательный разрывъ между названными фракціями. Каждая изъ нихъ взялась за свою работу. Виллихъ и Шапперъ стали готовиться къ захвату власти, Марксъ и Энгельсъ продолжали подготовлять «оппозиціонную партію будущаго». Прошло 15 лѣтъ, и эта «партія будущаго» стала грозою буржуазіи всѣхъ народовъ и странъ, взгляды авторовъ «Коммунистическаго Манифеста» были усвоены десятками тысячъ рабочихъ. А что сдѣлали Виллихъ и Шапперъ? Удался ли имъ немедленный «захватъ власти»? Всѣ знаютъ, что нѣтъ, но не всѣ знаютъ, что тотъ же «фантастическій» Шапперъ очень скоро долженъ былъ убѣдиться въ несбыточности своихъ плановъ, и даже «много лѣтъ спустя, умирающій, за день до своей смерти» не могъ говорить о своихъ неудавшихся затѣяхъ безъ „ѣдкой иронiи“.*)

Фракціи въ родѣ Виллихъ-Шапперовской представляютъ собою естественный результатъ неразвитости общественныхъ отношеній. Онѣ появляются и могутъ имѣть нѣкоторый успѣхъ въ періодъ очень неразвитаго состоянія пролетаріата и самыхъ первыхъ попытокъ его добиться своего освобожденія. „Революціонная литература, сопутствовавшая этимъ первымъ движеніямъ пролетаріата, по содержанію своему, необходимо являлась реакціонной“—какъ говоритъ „Манифестъ коммунистической партіи“. Когда, подъ вліяніемъ

*) См. Enthuellungen ueber den Kommunisten-Process zu Koeln von Karl Marx, 2 изданіе, изъ котораго мы заимствуемъ всѣ вышеприведенныя подробности.

болѣе развитыхъ отношеній, въ передовыхъ странахъ вырабатывается, наконецъ, серьезная соціалистическая литература, то она частью подвергается болѣе или менѣе своеобразнымъ передѣлкамъ въ странахъ, считающихъ свою отсталость признакомъ „самобытности", частью даетъ поводъ къ невѣрнымъ истолкованіямъ и реакціоннымъ практическимъ программамъ. Не только въ Россіи, но также и въ Польшѣ и вообще на всемъ Востокѣ Европы, мы и теперь еще встрѣчаемъ или можемъ встрѣтить ,,соціальныхъ революціонеровъ" во вкусѣ Виллиха и Шаппера.*) Само собою разумѣется, что дальнѣйшее развитіе европейскаго Востока также дискредитируетъ ихъ ,,ожиданія отъ революціи", какъ оно дискредитировало ожиданія Виллиха-Шаппера въ Германіи.

Глава II.

Капитализмъ въ Россіи.

1. Внутренній рынокъ.

Мы знаемъ теперь, что каждая отсталая страна можетъ, на первое время, до переполненія внутренняго рынка, устранять ,,непосильную конкурренцію" своихъ болѣе развитыхъ сосѣдей путемъ таможенной системы. Соображеніе г. Тихомирова о томъ, что у насъ совсѣмъ почти нѣтъ рынковъ, теряетъ такимъ образомъ значительную часть своего удѣльнаго вѣса. Для отсталыхъ странъ вопросъ можетъ быть формулированъ лишь такимъ образомъ: успѣетъ ли—и на сколько именно успѣетъ—западный капитализмъ втянуть ихъ въ свой водоворотъ прежде, чѣмъ уступитъ мѣсто высшей формѣ общественности? Чтобы отвѣтить на него, нужно внимательно взвѣсить современное состояніе каждой такой страны въ отдѣльности. Съ своей стороны, мы

*) Эти строки были написаны въ то время, когда мы еще не могли выяснить себѣ направленія «органа международной соціально-революціонной партіи» (?) Walka Klas. Въ настоящее же время, послѣ появленія трехъ №№ этого органа, можно съ увѣренностью сказать, что онъ поставилъ своею главною задачей пропаганду «теорій» во вкусѣ Виллиха-Шаппера. Впрочемъ, о свойственныхъ такому направленію теоріяхъ нужно говорить съ большою осторожностью, такъ какъ, по замѣчанію Маркса «Partei Schapper-Willich hat nie auf die Enre Anspruch gemacht eigne Idee zu besitzen. Was ihr gehert ist das eigentuemliche Missverstaendniss fremder Ideen, die sie als Glaubensartikel fixirt und als Phrase sich angeeignet zu haben meint.

сдѣлаемъ это въ слѣдующей главѣ, а теперь вернемся къ г. Тихомирову и посмотримъ, какъ дѣлаетъ онъ этотъ анализъ.

Всякій, слѣдившій за нашими общественными теченіями послѣдняго времени, знаетъ, конечно, что именно въ сторону обезпеченія внутренняго рынка и направляются усилія нашихъ „частныхъ предпринимателей". Это стремленіе встрѣчаетъ себѣ поддержку какъ въ правительственныхъ сферахъ, такъ и въ прессѣ, а также и въ той средѣ, которую не признать „интеллигенціей" можно лишь на основаніи своеобразной терминологіи г. Тихомирова. Не мало нашихъ профессоровъ и ученыхъ группируется уже подъ этимъ знаменемъ. Тѣмъ не менѣе, дѣло русскаго капитализма кажется г. Тихомирову очень труднымъ, „если не вовсе безнадежнымъ." По его мнѣнію, „промышленность развивается туго. Она постоянно жалуется на недостатокъ интеллигентныхъ и энергичныхъ силъ". Это, конечно, до нѣкоторой степени, справедливо; но указываетъ ли это обстоятельство на „безнадежность стремленій русскаго капитализма?" Не обусловливается ли „тугое развитіе" русской промышленности вліяніемъ современнаго политическаго гнета? Что свободныя учрежденія составляютъ необходимое условіе капитализма на извѣстной стадіи его развитія—это давно уже извѣстно каждому, какъ въ „Европѣ", такъ и въ Россіи, гдѣ еще въ пятидесятыхъ годахъ раздавались голоса, требовавшіе свободы ради успѣховъ промышленности. Г. Тихомировъ могъ бы съ большою для себя пользою прочитать рѣчь покойнаго И. Бабста „О нѣкоторыхъ условіяхъ, способствующихъ умноженію народнаго капитала", произнесенную въ іюнѣ 1856г. въ торжественномъ собраніи казанскаго университета. Эта рѣчь помогла бы ему понять, какимъ образомъ, тотъ же самый капитализмъ, который прячется сначала подъ „мантію самодержца", приходитъ, мало по малу, въ противорѣчіе съ интересами абсолютной монархіи и начинаетъ фрондировать, разумѣется, по своему, умѣренно и аккуратно. „Трудно себѣ представить, до какой степени дурная администрація, отсутствіе безопасности, произвольные поборы, грабительство, дурныя учрежденія дѣйствуютъ гибельно на бережливость, накопленіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на умноженіе народнаго капитала—говоритъ названный экономистъ. Меж-

доусобныя войны, борьба политическихъ партій, нашествія, моръ, голодъ не могутъ имѣть того гибельнаго вліянія на народное богатство, какъ деспотическое и произвольное управленіе. Чего не перенесли благословенныя страны Малой-Азіи, какихъ не испытали онѣ переворотовъ, и постоянно вновь обращались въ земной рай, покуда не скрутила ихъ турецкая администрація. Что было съ Франціей въ 18-мъ столѣтіи, когда надъ земледѣльческимъ народонаселеніемъ тяготѣла безобразная система налоговъ и когда, въ добавокъ еще, подъ видомъ послѣднихъ, каждый чиновникъ могъ смѣло и безнаказанно грабить? Противъ воровъ и разбойниковъ есть управа, но что же дѣлать съ органами и служителями верховной власти, считающими свое мѣсто доходнымъ производствомъ? Тутъ изсякаетъ всякая энергія труда, всякая забота о будущемъ, объ улучшеніи своего быта.... капиталы, М. Г., и накопленіе ихъ, тогда только исполнятъ настоящее свое назначеніе, *когда открыта полная и свободная стезя для ихъ дѣятельности.*“ Напрасно г. Тихомировъ ссылается на то обстоятельство, что „царствованіе Александра II было сплошною попыткой монархіи возстановить свою прочность путемъ организаціи Россіи подъ началомъ(?) буржуазіи“, какъ на аргументъ въ пользу мысли о безнадежности стремленій русскаго капитализма. Исторія французской абсолютной монархіи, начиная съ Генриха IV, была также почти „сплошною попыткой“ поддержать прочность стараго государственнаго строя путемъ организаціи Франціи „подъ началомъ буржуазіи“. Уже на собраніи Генеральныхъ Штатовъ 1614 года дворянство жалуется на это въ самыхъ недвусмысленныхъ выраженіяхъ. Мы говорили уже выше, какія заботы прилагалъ министръ Людовига XIV къ промышленному развитію Франціи. Въ XVIII вѣкѣ, наканунѣ революціи, создается цѣлая школа экономистовъ, которые проповѣдуютъ солидарность интересовъ капитализма и абсолютной монархіи, провозглашаютъ буржуазный принципъ „Laissez faire, laissez passer“ и указываютъ въ то же время на Китай, какъ на образецъ политическаго устройства. Монархія всѣми силами старается приспособиться къ новымъ условіямъ, поскольку это возможно безъ отказа отъ абсолютной власти. На самомъ краю своего гроба, при открытіи Генеральныхъ Штатовъ 1789 года, она, уста-

ми Людовига XVI, осуждая ,,иллюзіи", обѣщаетъ удовлетворить всѣ ,,разумныя" требованія страны. Но неумолимая логика вещей показываетъ неожиданнымъ,— даже для многихъ и многихъ буржуа,—образомъ, что самымъ ,,разумнымъ", хотя и не всѣми сознаннымъ, требованіемъ страны было паденіе абсолютизма. Политическіе идеалы физіократовъ оказались самою несбыточною утопіей. И эту невозможность сочетанія абсолютизма съ дальнѣйшимъ развитіемъ буржуазіи понимали очень многіе современники физіократовъ. Укажемъ хоть на соціалиста Мабли и его „Doutes proposées aux philosophes économistes". Въ его время буржуазія, какъ классъ, не задумывалась еще о „захватѣ" верховной политической власти въ странѣ; но онъ не говорилъ, подобно г. Тихомирову, что ,,если бы она имѣла достаточно силы, она сдѣлала бы это теперь". Онъ зналъ, что бываютъ историческія эпохи, въ которыя сила и политическое сознаніе даннаго класса растутъ съ такой же быстротой, какъ уровень рѣчной воды послѣ вскрытія льда. Онъ зналъ также, что сила каждаго класса есть понятіе относительное, опредѣляющееся, между прочимъ, степенью паденія его предшественника и уровнемъ развитія его наслѣдника. При неразвитости народа, французская буржуазія являлась единственнымъ классомъ, способнымъ къ господству. Абсолютизмъ мѣшалъ далнѣйшему развитію Франціи подъ ея руководствомъ, и потому былъ осужденъ на погибель. Буржуазія возмутилась противъ того самодержавія, подъ „мантіей" котораго она доросла до ,,крамолы". Мабли предвидѣлъ этотъ исходъ и, несмотря на свои коммунистическіе идеалы, сознавалъ, что ближайшее будущее принадлежитъ буржуазіи.

Если бы не только общественнымъ классамъ, но даже философскимъ и политическимъ теоріямъ можно было отказывать въ значеніи и будущности на томъ основаніи, что всѣ онѣ развиваются нѣкоторое время подъ эгидой принципа, не совмѣстнаго съ ихъ далнѣйшимъ развитіемъ, то намъ пришлось бы отрицать всю человѣческую культуру и «придумывать» для нея новые, менѣе «рискованные пути». Развѣ философія не зародилась въ нѣдрахъ и на счетъ теологіи? «Единство, подчиненіе, свобода суть тѣ три отношенія, въ которыя постоянно становилась философія христіанской эпохи къ церковной теологіи» — говоритъ Фридрихъ

Ибервегъ въ своей исторіи философіи,*) и этотъ порядокъ взаимныхъ отношеній знанія и вѣры можетъ быть признанъ всеобщимъ закономъ, если мы, съ своей стороны, прибавимъ, что „свобода“ расчищаетъ себѣ путь лишь посредствомъ самой ожесточенной борьбы за существованіе. Каждый новый общественный или философскій принципъ зарождается въ нѣдрахъ, — и потому на счетъ питательныхъ соковъ, —стараго, ему *противоположнаго*. Умозаключать отсюда къ „безнадежной“ судьбѣ новаго принципа, значитъ не знать исторіи.

Наши самобытники, дѣйствительно, знаютъ ее очень плохо. Слушая разсужденія манчестерцевъ о вредѣ государственнаго вмѣшательства и зная въ то же время, что русскіе капиталисты очень падки на такое вмѣшательство, по-скольку оно выражается въ покровительственномъ тарифѣ, субсидіяхъ, гарантіяхъ и т. п., русскіе доморощенные соціологи заключаютъ отсюда, что путь развитія нашего капитализма діаметрально противоположенъ ходу развитія капитализма западно-европейскаго: на Западѣ буржуазія говоритъ только о „невмѣшательствѣ“, у насъ — только о субсидіяхъ и гарантіяхъ. Но если бы г. г. В. В. и Ко не вѣрили на слово экономистамъ манчестерской школы и хоть на время оторвались бы отъ своихъ „самобытныхъ“ источниковъ, то они узнали бы, что не всегда и не вездѣ западно-европейская буржуазія стояла за принципъ невмѣшательства у себя дома и еще того менѣе стояла за него въ колоніяхъ. Узнавши это, они увидѣли бы, что ихъ противоположенія лишаются почти всякаго смысла. Извѣстно, что коренная ошибка буржуазныхъ экономистовъ манчестерской школы именно въ томъ и заключается, что они возводятъ въ вѣчные и неизмѣнные „естественные законы“ тѣ принципы, которые имѣютъ лишь преходящее значеніе. Не раздѣляя „ожиданій“ буржуазныхъ экономистовъ отъ будущаго, многіе русскіе самобытники убѣждены, однако, въ правильности ихъ взглядовъ на прошлое. Они вѣрятъ, что въ исторіи Запада государственное вмѣшательство и правительственная поддержка никогда не были нужны западно-европейской буржуазіи и ничего, кромѣ вреда, ей не приносили. Въ этомъ-то и

*) Grundriss der geschichte der Philosophie, III Th. s. 2.

состоитъ главный недостатокъ нашихъ самобытныхъ теорій и программъ. Г. В. В. вѣритъ на слово манчестерцамъ и считаетъ лишнимъ хоть немного ознакомиться съ экономической исторіей Европы. Г. Тихомировъ вѣритъ на слово г. В. В., и въ возрастаніи вліянія интересовъ русской буржуазіи на экономическую политику послѣдняго двадцатипятилѣтія („царствованіе Александра II было сплошною попыткою“ и т. д.) видитъ главный признакъ слабости и мертворожденности русскаго капитализма.

До г. В. В., сторонника абсолютизма и уже по одному тому злѣйшаго реакціонера, намъ нѣтъ никакого дѣла. Но, признаемся, насъ очень огорчаетъ легковѣріе редактора революціоннаго органа.

Что интересы русской буржуазіи приходятъ теперь въ непримиримое противорѣчіе съ интересами абсолютизма — это знаетъ всякій, слѣдившій хоть съ нѣкоторымъ вниманіемъ за ходомъ русской жизни въ послѣднее дѣсятилѣтіе.*) Что та же самая буржуазія умѣетъ, однако, извлекать пользу изъ существующаго режима и потому не только поддерживаетъ нѣкоторыя его стороны, но и цѣликомъ стоитъ за него въ извѣстныхъ своихъ слояхъ — это также не удивительно: Развитіе даннаго общественнаго класса есть слишкомъ сложный процессъ, чтобы по нѣкоторымъ частнымъ сторонамъ его можно было умозаключать обо всемъ его направленіи. Наша буржуазія переживаетъ теперь важную метаморфозу: у нея развились легкія, которыя требуютъ уже чистаго воздуха политическаго самоуправленія, но въ то же время у нея не атрофировались еще и жабры, съ помощью которыхъ она продолжаетъ дышать въ мутной водѣ разлагающагося абсолютизма. Корни ея сидятъ еще въ почвѣ стараго режима, но верхушка ея достигла уже развитія, указывающаго на необходимость и неизбѣжность пересадки. Кулаки до сихъ поръ продолжаютъ обогащаться, благодаря хищническому характеру нашего государственнаго хозяйства; но крупные заводчики, фабриканты, торговцы и обуржуазившіеся земледѣльцы понимаютъ уже, что пріобрѣтеніе политическихъ правъ необхо-

*) Примѣчаніе къ настоящему изданію. Нынѣшнее поведеніе русской буржуазіи доказываетъ, что указанное мною противорѣчіе было въ самомъ дѣлѣ непримиримо.

димо для ихъ благосостоянія. За это намъ ручаются нерѣдкія въ послѣднее десятилѣтіе петиціи правительству, въ одной изъ которыхъ наши крупные промышленники и торговцы просили даже правительство не принимать никакихъ финансовыхъ мѣръ безъ совѣщанія съ представителями крупнаго капитала. Какова тенденція такой петиціи? Не показываетъ ли она, что гибельное вліяніе абсолютизма самымъ наглядным и осязательнымъ образомъ отражается на доходахъ торгово-промышленныхъ компаній? Не говоритъ ли она намъ, что система личнаго воздѣйствія каждаго отдѣльнаго предпринимателя на министровъ и министерства,—путемъ всякаго рода «ходатайствъ», пожертвованій «на патреотизмъ» и откровенныхъ подкуповъ,— становится уже недостаточной и недѣйствительной и потому стремится уступить мѣсто организованному и законному участію промышленнаго класса въ управленіи страною? С. С. Поляковъ и до сихъ поръ можетъ находить, что подкупленные имъ министры лучше отвѣтственныхъ, конституціонныхъ министровъ. Но конкурренты Его Превосходительства, побѣжденные имъ съ помощью приношеній и взятокъ, навѣрное, не раздѣляютъ его воззрѣній. Политическій режимъ, выгодный для отдѣльныхъ *личностей*, становится невыгоднымъ для предпринимательскаго *класса*, въ его цѣломъ. Представители этого класса, конечно, не выходятъ на улицу, не строятъ баррикадъ, не издаютъ даже подпольныхъ листковъ. Но буржуазія вообще не любитъ такихъ „рискованныхъ" средствъ. Даже и въ Западной Европѣ она лишь въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ первая поднимала знамя возстанія; большею же частью она лишь исподволь расшатывала ненавистный ей порядокъ и пожинала плоды побѣдъ народа, который боролся „противъ враговъ своихъ враговъ". Что же касается тайной политической пропаганды, то какая же она была бы буржуазія, если бы не понимала значенія раздѣленія труда? Она предоставляетъ вести это дѣло такъ называемой интеллигенціи, не отвлекаясь сама отъ задачъ своего матеріальнаго обогащенія. Она знаетъ, что ея дѣло „вѣрное" и что начатая нашей интеллигенціей политическая борьба рано или поздно очиститъ поле для ея господства. Развѣ итальянская буржуазія не предоставляла революціонерамъ таскать изъ печи каштаны политическаго осво-

божденія и объединенія, и развѣ не она теперь питается этими каштанами?

А если революціонеры ,,захватятъ власть'' и сдѣлаютъ соціальную революцію? Въ это она не вѣритъ, да скоро перестанутъ вѣрить и сами революціонеры. Скоро они всѣ поймутъ, что если люди развертываютъ зонтики, когда идетъ дождь, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что дождь можетъ быть вызванъ развернутыми зонтиками; скоро они убѣдятся, что если ,,захватъ'' политической власти есть неизбѣжное слѣдствіе развитія рабочаго, какъ и всякаго другого, класса, то отсюда еще никакъ нельзя заключить, что достаточно ,,революціонерамъ изъ привилегированной среды'' захватить власть, чтобы сдѣлать трудящееся населеніе Россіи способнымъ къ совершенію соціалистическаго переворота. Скоро всѣ наши соціалисты поймутъ, что служить интересамъ народа можно лишь, организуя и подготовляя народъ къ *самостоятельной борьбѣ* за эти интересы.

Но для русской буржуазіи какъ нельзя болѣе выгодна увѣренность нѣкоторыхъ нашихъ революціонеровъ въ ея безсиліи. Она и сама, пожалуй, готова повторять ихъ пѣсню. Она даже дѣлаетъ это при каждомъ удобномъ случаѣ. Возьмемъ хоть вопросъ о числѣ нашихъ промышленныхъ рабочихъ. По словамъ нашего автора, въ Россіи «на 100,000,000 населенія приходится всего 800,000 рабочихъ, объединенныхъ капиталомъ»; къ тому же это относительно ничтожное число рабочихъ у насъ.... не возрастаетъ, а быть можетъ даже (!) совсѣмъ стоитъ на одной цифрѣ». Замѣтивши, что — «*не возрастаетъ*» и значитъ именно ,,*стоитъ на одной цифрѣ*'', прослѣдимъ генезисъ этого убѣжденія.

2. «*Число рабочихъ*».

Г. Тихомировъ повторяетъ здѣсь слова г. В. В., которому принадлежитъ честь констатированія численнаго застоя нашего рабочаго класса. Для г. В. В. все значеніе капитализма сводится къ «объединенію рабочихъ»; понятно, почему онъ употребилъ такъ много усилій для доказательства того положенія, что число нашихъ рабочихъ «стоитъ на одной цифрѣ». Разъ доказано это положеніе, — доказана и неспособность

капитализма, хоть въ какомъ нибудь смыслѣ, содѣйствовать успѣхамъ русской культуры. Люди, знающіе, что роль капитализма не ограничивается однимъ «объединеніемъ рабочихъ» — знаютъ также, что констатируемый г. В. В. фактъ все еще ничего не доказывалъ бы, даже въ томъ случаѣ, если бы онъ былъ вѣренъ. Люди же, знакомые со статистикой современной Россіи, знаютъ, кромѣ того, что невѣренъ и самый фактъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ доказываетъ его г. В. В.? Изъ одной статьи «Вѣстника Европы» онъ „почерпнулъ слѣдующую таблицу, касающуюся исторіи русскихъ фабрикъ и заводовъ, не обложенныхъ акцизомъ“:

	число рабочихъ	число фабрикъ	сумма производ. въ руб.	производ. на 1 раб. въ руб.
Въ 1761 г. было	7,839	200	2,122,000	
„ 1804 „	95,202	2,423	26,750,000	около 300
„ 1842 „	455,827	6,930	97,865,000	
„ 1854 „	459,637	9,444	151,985,000	„ 330
„ 1866 „	393,371	16,451	342,910,000	„ 870

Изъ этихъ данныхъ г. В. В. заключаетъ, что съ 1842 года, т. е. съ тѣхъ поръ, какъ Англія разрѣшила свободный вывозъ машинъ, а главнымъ образомъ съ 1854 развитіе русскаго производства начало слѣдовать развитому имъ „закону“, т. е. что „рядомъ съ увеличеніемъ его (капитала) оборотовъ идетъ уменьшеніе числа рабочихъ, — производство расширяется не въ ширь, а въ глубь. *) Такъ ли это? Не совсѣмъ.

Чтобы найти „законъ“ развитія русскаго производства нужно брать во вниманіе все русское производство въ его цѣломъ, а не отдѣльныя его части. Почему же г. В. В. строитъ свой выводъ лишь на данныхъ, относящихся къ „фабрикамъ и заводамъ, не обложеннымъ акцизомъ“? Этого не знаемъ ни мы, ни, вѣроятно, г. Тихомировъ, повторяющій чужія слова безъ надлежащей критики. А между тѣмъ, пока этотъ вопросъ остается безъ отвѣта, найденный г. В. В. „законъ“ будетъ стоять лишь на одной ногѣ. Въ исторіи западно-европейскаго капитализма можно найти не мало примѣровъ „расширенія производства не въ ширь, а въ глубь“. Во Франціи, по словамъ Моро-

*) См. Судьбы капитализма въ Россіи, стр. 26 — 27.

де-Жоннеса, общая сумма стоимости продуктовъ шерстяного производства возросла въ періодъ времени отъ 1811 до 1850 года на 74 %, количество употребляемыхъ въ немъ станковъ увеличилось почти вдвое, число же занятыхъ имъ рабочихъ „уменьшилось на 15,000". *) Доказываетъ ли это, что число французскихъ рабочихъ, начиная съ 1811 года „стоитъ на одной цифрѣ" или даже уменьшается? Нисколько; убыль ихъ въ одной отрасли производства возмѣщается прибылью въ другихъ; въ четыре десятилѣтія, предшествующія 1850 году, капитализмъ, несомнѣнно, вовлекъ въ свой водоворотъ огромную массу рабочихъ, хотя конечно не доставилъ имъ обезпеченнаго заработка, какъ въ этомъ хотятъ увѣрить читающую публику буржуазные экономисты. Г. В. В. нужно было доказать, что подобное же явленіе не имѣло мѣста въ Россіи, тѣмъ болѣе, что именно съ сороковыхъ годовъ у насъ получили быстрое развитіе нѣкоторыя производства, обложенныя акцизомъ.

Сдѣлалъ ли онъ это? Онъ не могъ этого сдѣлать, потому что приводимыя имъ цифровыя данныя не годятся ни для какихъ серьезныхъ выводовъ; цифры, относящіяся, напримѣръ, къ 1842 году просто на просто несоизмѣримы съ цифрами, относящимися ко второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ: онѣ собирались различными учрежденіями, при помощи различныхъ пріемовъ и потому имѣютъ неодинаковую степень достовѣрности. До 1866 года въ основаніи статистическихъ исчисленій лежали преимущественно свѣдѣнія Министерства Финансовъ, доставляемыя самими фабрикантами и большею частью очень не точныя. До 1861 года, заводы, обложенные акцизомъ, вовсе не входили въ счетъ. И наконецъ только въ 1866 году, благодаря стараніямъ центральнаго статистическаго комитета, получаются уже болѣе точныя цифры. Г. В. В. поступилъ бы осторожнѣе, если бы совсѣмъ не строилъ никакихъ законовъ на шаткомъ основаніи такой «статистики». Но, не говоря уже объ этомъ, приводимыя имъ цифры не сходятся съ данными центральнаго статистическаго комитета, т. е. единственными данными, заслуживающими хоть нѣкотораго довѣрія. По свѣдѣніямъ этого комитета, общая цифра ра-

*) Statistique de l'industrie de la France, p. 34.

бочихъ, занятыхъ «мануфактурной промышленностью» въ Европейской Россіи, (не считая Царства Польскаго и Финляндіи), равнялась *829,573*. По различнымъ же группамъ производства она распредѣлялась слѣдующимъ образомъ:

		Рабочихъ
По обработкѣ	волокн. веществъ	294,866
,,	дерева	14,639
,,	животныхъ продуктовъ . . .	38,757
,,	минеральныхъ продуктовъ . .	49,332
,,	металловъ	128,058
,,	химическихъ произв.	13,628
,,	табаку	26,116
,,	питательныхъ продуктовъ . .	262,026
,,	разныхъ производствъ. . . .	3,052*)

«О чемъ поютъ эти цифры» — спросимъ мы словами г. В. В.? Прежде всего о томъ, что даже въ производствахъ, не обложенныхъ акцизомъ, число рабочихъ было въ 1866 г. гораздо выше той цифры, которая должна была свидѣтельствовать въ пользу его «закона».

Но и эти цифры не точны, и онѣ ниже дѣйствительности. Въ прибавленіи къ главѣ о мануфактурной промышленности г. г. издатели «Военно-статистическаго Сборника» сознаются, что «въ указателѣ къ выставкѣ (1870 года) и въ атласѣ Тимирязева» они «встрѣтили много фабрикъ и заводовъ, которыхъ не оказывалось въ прежнихъ источникахъ». Страницы 913 — 914 «Сборника», напечатанныя мелкимъ, крайне убористымъ шрифтомъ, цѣликомъ заняты перечисленіемъ такихъ фабрикъ. Въ этомъ новомъ спискѣ упоминаются лишь такія предпріятія, производство которыхъ не ниже 25,000 руб., большая же часть его говоритъ о фабрикахъ, производство которыхъ превышаетъ 100,000 р. с. Но и атласъ г. Тимирязева былъ неполонъ. По заявленію г. Скальковскаго, основанному на словахъ «многихъ фабрикантовъ», помѣщенныя въ этомъ атласѣ цифры «оказываются все таки далекими отъ истины», даже послѣ поправокъ, сдѣланныхъ въ нихъ г. г. Алафузовымъ и Александровымъ.**)

*) См. Военно-статистическій Сборникъ, выпускъ IV Россія, С. П. Б. 1871 г. стр. 322-25.

**) См. Стенографическій очеркъ засѣданій 3-го отдѣленія перваго всероссійскаго съѣзда фабрикантовъ, заводчиковъ» и. т. д. стр. 37.

И это совершенно понятно. Именно съ 1842 года, т. е. со времени разрѣшенія свободнаго вывоза машинъ изъ Англіи многія «необложенныя акцизомъ» отрасли нашего производства получили сильное развитіе и «въ ширь» и «въ глубь». Съ этихъ поръ, напримѣръ, только и начинаютъ развиваться наши бумагопрядильни. Этому развитію „отчасти содѣйствовало и то, что въ 1841 году ... у насъ была возвышена пошлина на привозную пряжу„. И хотя пошлина эта была отмѣнена въ 1850 году, „тѣмъ не менѣе успѣхъ русскаго бумагопряденія былъ уже обезпеченъ, собственная пряжа стала все болѣе и болѣе вытѣснять привозную. Какой переворотъ произошелъ въ нашей бумажной фабрикаціи въ какіе нибудь сорокъ лѣтъ, о томъ можно судить изъ слѣдующихъ цифръ:

Въ 1824—25 г. г.	было	привезено	74,268	п. сырца,
			2,400,000	„ пряжи
„ 1844 г.	„	„	590,000	„ сырца,
			600,000	„ пряжи
„ 1867 г.	„	„	3,394,000	„ сырца,
			186,804	„ пряжи,

А что этотъ «переворотъ» вызванъ былъ расширеніемъ нашей капиталистической промышленности послѣ 1842 г., между прочимъ, и «въ ширь», видно изъ того обстоятельства, что многія ткацкія, бумажныя и другія фабрики датируютъ у насъ съ очень недавняго времени. «Развитіе бумагопряденія отразилось и въ дальнѣйшей обработкѣ бумажной пряжи. Ткацкіе крестьянскіе станки изъ тѣсныхъ избъ мало по малу начали переходить въ просторныя свѣтелки съ 10 и болѣе станами, на которыхъ *работали*, кромѣ хозяина, *и наемные люди*. ...Наконецъ, получили совершенно новый видъ бѣлильное, красильное и набивное производства. *Изъ домашнихъ и ремесленныхъ заведеній по этимъ частямъ образовались настоящія фабрики*, изъ которыхъ нѣкоторыя въ короткое время сравнялись съ заграничными».*) Въ «одномъ изъ наименѣе промышленныхъ уѣздовъ Московской губерніи», именно — Клинскомъ, по словамъ г. Эрисмана, «наибольшее число существующихъ теперь мелкихъ ткацкихъ фабрикъ было основано въ концѣ 60-хъ и началѣ 70-хъ годовъ.

*) Военно-статистич. Сборн. Выпускъ IV стр. 378.

Бумагопрядильня Балина и Макарова (432 рабочихъ обоего пола) была основана въ 1840 году; самоткацкая бумажная фабрика Каулена, Капустина и Красногорова (776 чел. обоего пола) — въ 1849 году; шелкоткацкая и ковровая фабрика Фландена (275 раб.)— въ 1856 году; самоткацкая бумажная фабрика Кашаева (отъ 500 до 700 раб.) — въ 1864 году. Спичечное производство получило свое начало въ 1863 году устройствомъ перваго завода Захарова (на 2 его зав. 90 чел.; на зав. Штрама 60). Приблизительно въ то же время значительно расширилась начавшаяся уже выдѣлка опоекъ устройствомъ нѣсколькихъ новыхъ заводовъ въ Стѣшинѣ. Что касается развитія фабричной промышленности въ уѣздѣ въ теченіе 70-хъ год., то о ней можно судить по слѣдующимъ цифрамъ, показывающимъ число *тѣхъ изъ осмотрѣнныхъ нами* фабрикъ и заводовъ, которые завѣдомо устроены *послѣ 1871 года:*

Ткацкихъ фабрикъ	16
Отбѣльныхъ и красильныхъ заведеній	3
Красильныхъ заведеній	3
Кожевенныхъ заводовъ	3
Зеркальныхъ заведеній	6
Сандальная мельница	1
Бахромное заведеніе	1
Механическій заводъ	1
Паточный заводъ	1
Картофельно-терочный заводъ	1
Спичечный заводъ	1
Химическій заводъ	1
Сапожное заведеніе	1

«Въ дѣйствительности, число фабричныхъ заведеній, основанныхъ послѣ 1871 года, а въ особенности количество мелкихъ ткацкихъ фабрикъ, устроенныхъ въ 1870-хъ годахъ, значительно больше, нежели здѣсь показано, такъ какъ, во-первыхъ, мы не посѣтили всѣхъ мелкихъ заведеній, и слѣдовательно, ничего не можемъ сказать о времени ихъ основанія, во-вторыхъ же — даже въ осмотрѣнныхъ нами заведеніяхъ мы не всегда получили точныя свѣдѣнія о времени ихъ возникновенія.

«Кромѣ того, надобно замѣтить, что и въ настоящее время (1880 г.) въ клинскомъ уѣздѣ устраиваются новыя фабрики. Такъ, напр., товарищество Кашаева

расширяетъ свое производство, устраивая бумагопрядильную фабрику; Ф. О. Захаровъ выстроилъ новый спичечный заводъ при г. Клинѣ; при сельцѣ Щекинѣ, Троицкой волости, возникло новое грохотопленное заведеніе, принадлежащее крестьянину Никифору Павлову; паровой лѣсопильный заводъ при Завидовской станціи Ник. жел. дороги расширилъ свое производство; наконецъ, при Солнечно-горской станціи устроенъ заводъ Фришмака, изготовляющій колесную мазь». *)

«О чемъ поютъ» эти факты, заимствованные изъ экономической жизни одного изъ наименѣе промышленныхъ уѣздовъ Московской губ.? Ни въ какомъ случаѣ не о томъ, что число фабричныхъ рабочихъ «стоитъ на одной цифрѣ». Скорѣе всего они поютъ о томъ, что наши самобытные писатели употребляютъ слишкомъ уже самобытные пріемы для доказательства русской самобытности. Это—вообще; а г. Тихомирову они напѣваютъ о томъ, что въ основѣ его программы лежитъ слишкомъ поверхностное знакомство съ современнымъ состояніемъ нашей промышленности. Г. Тихомировъ совершенно ошибается, если серьезно думаетъ, что у насъ «количество фабрично-заводскихъ рабочихъ не превышаетъ 800,000 человѣкъ». Для фабрикъ и заводовъ Европейской Россіи (не считая, конечно, Царства Польскаго) число это, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, дѣйствительно «не превышаетъ» указаннаго г. Тихомировымъ числа: въ 1879 году оно равнялось 711,097, при чемъ сюда *не вошло, однако, число рабочихъ на винокуренныхъ заводахъ*. Но г. Тихомировъ забылъ, что эта «цифра» относится лишь къ обработывающей промышленности. Онъ совсѣмъ не принялъ въ разсчетъ горнозаводскихъ рабочихъ. А между тѣмъ, въ горно-заводской промышленности рабочихъ въ томъ же 1879 году было 282,959 человѣкъ, а въ слѣдующемъ 1880 году число это *увеличилось* почти на десять тысячъ. Въ суммѣ получается 1,003,143. Но можно ли признать эту цифру точной хоть приблизительно? Не забудемъ, что это оффиціальныя цифры, которыя собираются нашей администраціей и которымъ сама эта администрація даетъ насмѣшли-

*) Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Московской губ. Отдѣлъ санитарной статистики, т. III выпускъ I, Эрисманъ, изслѣдованіе фабричныхъ заведеній Клинскаго уѣзда, Москва 1881 г. стр., 7—8.

вое названіе «министерскихъ цифръ». Мы уже знаемъ, что еще издатели «Военно-статистическаго Сборника» указывали на то обстоятельство, что получаемыя такимъ образомъ цифры «большею частью не полны и ниже дѣйствительности». На «Первомъ Всероссійскомъ Съѣздѣ фабрикантовъ, заводчиковъ и лицъ, интересующихся отечественной промышленностью», въ засѣданіи 3 отдѣленія съѣзда, 29 мая 1870 года, также было констатировано, что «существующій способъ собиранія статистическихъ свѣдѣній о промышленности исключительно путемъ срочныхъ вѣдомостей, доставляемыхъ земскою полиціей, *до крайности неудовлетворителенъ*», и что собранныя такимъ образомъ статистическія данныя значительно ниже дѣйствительности. По мнѣнію Н. С. Ильина — «что у насъ *нѣтъ статистики* ни промышленной, ни торговой — это такія извѣстныя истины, которыя каждый знаетъ».*) Эта неполнота и неточность остаются неоспоримымъ фактомъ и въ настоящее время. Въ цитированномъ уже изслѣдованіи г. Эрисмана мы читаемъ (стр. 6), что, по собраннымъ имъ свѣдѣніямъ, «*число рабочихъ оказалось вдвое больше, нежели оно показано въ вѣдомости исправника*». Это зависитъ, по его словамъ, «главнымъ образомъ отъ того, что владѣльцы фабрикъ и заводовъ, будучи спрошены оффиціальнымъ путемъ о количествѣ рабочихъ на принадлежащихъ имъ заведеніяхъ, *почти всегда показываютъ значительно меньше дѣйствительности.*» Есть ли какія нибудь основанія думать, что при болѣе точномъ статистическомъ изслѣдованіи мы не встрѣтили бы того же и въ другихъ уѣздахъ и губерніяхъ Россіи? А если нѣтъ, то вѣдь и общую сумму фабрично-заводскихъ рабочихъ нужно будетъ увеличить почти «вдвое». Что это предположеніе едва ли грѣшитъ преувеличеніемъ видно изъ преній, имѣвшихъ мѣсто на упомянутомъ уже «Съѣздѣ фабрикантовъ». По словамъ г. А. Б. Фонъ-Бушена, нѣкоторые изъ фабрикантовъ «прямо сознавались ему, что они *на половину уменьшаютъ дѣйствительность*». Г. Т. С. Морозовъ, представитель одной изъ крупнѣйшихъ въ Россіи фирмъ, сообщилъ, что «когда полиція собираетъ свѣдѣнія, то напр. большой фабрикантъ велитъ прикащику: напиши такъ, какъ было прошлый годъ; и

*) См. Стенографическій отчетъ засѣданій 3-го отдѣленія названнаго съѣзда, стр. 47 и 54.

доставляются подобныя свѣдѣнія изъ году въ годъ, штука въ штуку, въ теченіе десяти лѣтъ, тогда какъ и количество вырабатываемаго матеріала и число рабочихъ, все измѣнилось. Чиновникъ все пишетъ, что ему ни скажутъ; онъ не знаетъ дѣла». По словамъ г. М. П. Сыромятникова «*есть много примѣровъ*, что уменьшаютъ производительность *вдвое*, и не мелкіе, но очень солидные производители; *иногда уменьшатъ* свои показанія *и въ десять разъ*. Это фактъ достовѣрный». Просимъ читателей не забывать, что всѣ эти разоблаченія дѣлаются самими фабрикантами, для которыхъ вопросъ о такого рода продѣлкахъ есть все таки «вопросъ деликатный». Что же намъ думать о писателяхъ, не только строящихъ свои соціально-политическія теоріи на данныхъ, неточность которыхъ очевидна a priori, но продолжающихъ утверждать, что «число фабричныхъ рабочихъ стоитъ на одной цифрѣ» даже послѣ того, какъ сами фабриканты объяснили имъ весьма несложную причину этого явленія? Въ лучшемъ случаѣ мы должны признать, что эти писатели не знаютъ предмета, о которомъ разсуждаютъ!

Но зачѣмъ же прибѣгаютъ фабриканты къ указаннымъ хитростямъ? «Большая часть — отвѣчаетъ г. Фонъ-Бушенъ — показываетъ неправду умышленно, изъ боязни обложенія какими нибудь сборами.... нѣкоторые прямо заявляли, что нѣкоторыя земства облагаютъ фабрики налогами пропорціонально числу *станковъ*, *рабочихъ* и т.п., слѣдовательно, есть прямой разсчетъ показывать меньше.» Когда являются собиратели статистическихъ свѣдѣній, «заводчикъ говоритъ, — да они, вѣроятно, отъ земства, должно быть хотятъ обложить какимъ нибудь сборомъ по числу рабочихъ и дѣлаетъ распоряженіе, чтобы показали рабочихъ вдвое меньше». *)

Отсюда мы съ ясностью видимъ, какимъ образомъ для русской буржуазіи оказывается выгодной увѣренность нашихъ революціонеровъ въ ея экономическомъ безсиліи. Опасаясь подоходнаго налога и всякихъ другихъ напастей на свои капиталы, наши «частные предприниматели» всѣми силами стараются скрыть дѣйствительные размѣры своего производства. Наши революціонеры съ поразительною наивностью прини-

*) Ibid. стр. 31.

мають ихъ охи и вздохи за чистую монету; ни на минуту не сомнѣваются въ точности выставляемыхъ ими данныхъ; строятъ на нихъ цѣлыя теоріи о «соотношеніи силъ на русской почвѣ», и распространяютъ въ нашей молодежи ошибочное представленіе о формахъ эксплуатаціи русскаго народа. Но именно тѣмъ самымъ наши революціонеры и играютъ въ руку «рыцарей первоначальнаго накопленія» и капиталистическаго производства.

Впрочемъ, несправедливо было бы обвинять «Вѣстникъ Народной Воли» въ распространеніи такихъ ошибочныхъ понятій. Главная вина «Вѣстника» заключается въ томъ, что онъ постоянно противорѣчитъ себѣ, что, по евангельскому выраженію, правая рука его не вѣдаетъ о томъ, что творитъ лѣвая. Г. Тихомировъ увѣряетъ читателей въ томъ, что русская «промышленность развивается туго». Въ статьѣ же «Положеніе рудокоповъ и заводскихъ рабочихъ на Уралѣ», написанной *«по личнымъ наблюденіямъ»*, и помѣщенной въ томъ же 2 N° «Вѣстн. Нар. Воли», мы встрѣчаемъ совершенно противоположное. Авторъ этой статьи «увѣренъ», что если его читатели видѣли когда нибудь «разные локомотивы, сѣялки, вѣялки и пр., и пр., крупныя машины, сдѣланныя у насъ въ Россіи, нашими рабочими», то у многихъ изъ нихъ, читателей «Вѣстнкка», вырывалось слѣдующее восклицаніе: «Каково!! Да, да, чертъ дери!*) Россія исполинскими шагами идетъ впередъ! Вѣдь еще, такъ сказать, вчера въ Россіи ничего не могли по этой части сдѣлать не только хорошо, но даже мало мальски сносно.... Вѣдь еще какихъ нибудь 50 лѣтъ назадъ у насъ считалось чуть ли не десять заводовъ на всю Россію, а теперь? Теперь на одномъ Уралѣ однихъ желѣзодѣлательныхъ считается чуть ли не 200, а сколько въ Петербургѣ, въ Москвѣ и пр., и пр. Да это еще что, дайте намъ только свободу.... Въ какихъ нибудь 10—15 лѣтъ послѣ этого число заводовъ у насъ удвоилось бы и самое производство, техника улучшилась бы» и т. д. Авторъ статьи думаетъ, что это нѣсколько растянутое «восклицаніе» выражаетъ дѣйствительное положеніе дѣлъ «вѣрно». По его словамъ,—а его слова основываются,

*) Само собою разумѣется, что мы не отвѣчаемъ за красоту слога цитируемаго нами автора.

какъ мы знаемъ, на «личныхъ наблюденіяхъ»—мы «въ послѣднее время въ этомъ (т. е. промышленномъ) отношеніи сдѣлали громадные успѣхи: число заводовъ все увеличивается, техника улучшается (вотъ тебѣ и «развивается туго»!). Послѣдняя наша выставка показала, что нѣкоторые наши металлическіе заводы стоятъ почти наравнѣ съ лучшими заводами Европы.»*) Извольте разобраться во всей этой путаницѣ! Кому вѣрить, г. Тихомирову или человѣку, «лично наблюдавшему» развитіе нашей промышленности? Въ довершеніе курьеза замѣтимъ, что когда этому послѣднему «приходится читать» написанныя не по личнымъ наблюденіямъ «статьи какого нибудь нашего ученаго или неученаго писателя о положеніи нашихъ рабочихъ, то, кромѣ горькаго смѣха», онѣ въ немъ «ничего не вызываютъ». Воображаю, какъ мефистофелевски расхохотался онъ, прочитавши сообщеніе г. Тихомирова о «тугомъ» развитіи нашей промышленности!

Но оставимъ *экономическія противорѣчія* „Вѣстника Народной Воли“ и возвратимся къ г. Тихомирову: въ настоящее время часть интересуетъ насъ больше цѣлаго.

Мы показали нашему автору, что сообщенныя имъ данныя не соотвѣтствуютъ даже „оффиціальной правдѣ“. Мы привели, кромѣ того, данныя, на основаніи которыхъ можно быть увѣреннымъ, что эта „оффиціальная правда“, въ свою очередь, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Теперь мы скажемъ ему, что онъ просто на просто не умѣетъ обращаться даже съ тѣми невѣрными статистическими цифрами, какія находятся въ его распоряженіи, такъ какъ оперируетъ съ величинами, совершенно несоизмѣримыми. По его словамъ, въ нашей „странѣ на 100 милліоновъ жителей приходится 800,000 рабочихъ, объединенныхъ капиталомъ“ — отношеніе весьма неблагопріятное для нашей промышленности. Но цифра 100,000,000 (точнѣе — 101,342,242) выражаетъ собою населеніе всей имперіи, т. е не только Европейской Россіи (76,589,965), но Царства Польскаго (7,319,980), Финляндіи (2,060,782), Кавказа съ Карской и Батумской областями (6,254,966.), Сибири (3,965,192), Средней Азіи (5,151,354). Количество же рабочихъ указано г. Тихомировымъ

* В. Н. В. No 2, стр, 155-56,

на основаніи полицейскихъ данныхъ, относящихся только къ одной Европейской Россіи, и притомъ исключительно къ одной ,,мануфактурной промышленности". Что сказать о такихъ пріемахъ сравнительнаго статистическаго изслѣдованія?

3. *Кустари.*

Но это не все. Приводя свои цифры, онъ имѣетъ въ виду рабочихъ, ,,объединенныхъ капиталомъ", находящихся ,,въ болѣе или менѣе значительной зависимости отъ буржуазіи,, и т. д. Знаетъ ли онъ, что число такихъ рабочихъ гораздо выше вѣроятнаго числа фабрично-заводскихъ рабочихъ, собственно такъ называемыхъ? Въ этой зависимости находится огромное число кустарей, утратившихъ почти всякую самостоятельность и очень успѣшно ,,объединяемыхъ" капиталомъ. На это обстоятельство было указано уже въ ,,Военно-статистическомъ Сборникѣ", вышедшемъ въ 1871 году. Болѣе новыя изслѣдованія вполнѣ подтверждаютъ эти указанія. Такъ, напримѣръ, отъ г. В. С. Пругавина мы узнаемъ, что ,,*въ одной* Московской губерніи количество ткачей-кустарниковъ простирается до 50,000 челов. Между тѣмъ изъ всего громаднаго ткацкаго района Московской губерніи на выставку явилось въ качествѣ экспонентовъ *всего лишь 12 кустарей.* ...Причина этого факта заключается главнымъ образомъ въ томъ, что *громадная масса ткачей*-кустарниковъ *работаетъ не на себя*, а на болѣе или менѣе крупныхъ хозяевъ, которые раздаютъ крестьянамъ на дома сырой матеріалъ производства. Словомъ, *въ ткацкихъ промыслахъ господствуетъ домашняя система крупнаго производства.*" *) Во Владимірской губерніи ,,чрезвычайно разнообразные» ткацкіе промыслы играютъ въ высшей степени важную роль въ экономической жизни населенія. Въ *одной* бывшей Опаринской *волости* Александровскаго уѣзда однимъ шерстянымъ производствомъ «занято 22 селенія, въ которыхъ работаетъ 1,296 человѣкъ». Стоимость ежегодно производимаго кустарями продукта — 155,000 рублей. Что же, находятся эти кустари внѣ «болѣе или менѣе полной за-

*)В. С. Пругавинъ, Кустарь на выставкѣ 1882 года. Москва, 1882, стр. 9.

висимости отъ буржуазіи»? Къ сожалѣнію, нѣтъ. «Обращаясь къ экономикѣ промысла, мы встрѣчаемъ здѣсь прежде всего тотъ фактъ, что масса кустарей лишена самостоятельнаго кустарнаго хозяйства и работаетъ на мастеровъ или фабрикантовъ.» Дѣло зашло въ этомъ отношеніи такъ далеко, что «въ производствѣ краски, гдѣ самостоятельный кустарь получаетъ въ $1^1/_2$ раза больше, чѣмъ зависимый промышленникъ, *число работающихъ на себя производителей равно лишь* $9^0/_0$ *общаго числа кустарей.*» *)

Что шерстяное кустарное производство стало уже на «путь естественнаго движенія» капитализма — видно, какъ изъ самой «экономики» этого промысла, такъ и изъ неравенства, создаваемаго имъ въ средѣ крестьянъ. «Шерстяной промыселъ, съ его рѣзкими переходами, отъ полнаго застоя къ оживленію во время войны — познакомилъ ихъ (кустарей), по крайней мѣрѣ, болѣе крупныхъ производителей, съ промышленной спекуляціей, со всѣми прелестями аферизма, съ быстрымъ обогащеніемъ и еще болѣе быстрыми крахами... Разбогатѣвшіе фабриканты**) прежде всего торопятся воздвигнуть палаты по 9 — 15 оконъ въ каждомъ этажѣ. Въ деревнѣ Корытцевѣ такіе дома составляютъ половину. Въ Опаринскомъ округѣ, при видѣ каменнаго или вообще большого дома, вы можете быть увѣрены, что здѣсь живетъ мастерокъ-фабрикантъ.»***)

Наибольшее развитіе во Владимірской губ. получилъ бумаго-ткацкій промыселъ. «Въ одномъ Покровскомъ уѣздѣ работаетъ болѣе 7,000 ткацкихъ станковъ, выработывающихъ ежегодно товара на $2^1/_2$ мил. руб. Въ Александровскомъ уѣздѣ бумажное производство охватило 120 селеній, въ которыхъ работаетъ слишкомъ 3,000 ткацкихъ станковъ.» Но и здѣсь обнаруживается указанный выше процессъ превращенія кустарнаго промысла въ капиталистическую систему крупнаго производства. «Интересно прослѣдить — говоритъ г. В. С. Пругавинъ — въ разсматриваемомъ промыслѣ постепенный процессъ перехода мелкой кустарной формы производства въ крупную, самоткацкую. Между этими двумя экономическими формами производства

*) Ibid. стр. 10.

**) Просимъ замѣтить, что они выходятъ изъ тѣхъ же крестьянъ.

***) Ibid. стр. 11.

существуетъ много переходныхъ; говорить о нихъ значитъ разсматривать постепенный процессъ капитализаціи кустарнаго ткачества. Въ Покровскомъ уѣздѣ мы встрѣчаемъ, напр., въ бумажномъ производствѣ всевозможныя формы промышленныхъ единицъ. Господствующей формой является до сихъ поръ кустарная изба. Въ настоящее время въ Покровскомъ уѣздѣ работаетъ на домахъ 4,903 станка, а на самоткацкихъ 3,200 станковъ. Переходными же ступенями являются свѣтелки, въ которыхъ сосредоточены 2,330 становъ и которыя отъ 6 — 10 становъ достигаютъ размѣровъ настоящихъ фабрикъ — въ 100 и болѣе становъ. На такихъ крупныхъ ручныхъ свѣтелкахъ зависимость ткача отъ фабриканта выражается рѣзче, чистый заработокъ кустаря меньше, условія работы менѣе благопріятны, чѣмъ въ мелкихъ промышленныхъ единицахъ. Еще шагъ — и мы въ области самоткацкаго производства, гдѣ кустарь-ткачъ уже окончательно превратился въ дѣятельнаго рабочаго. *Число крупныхъ свѣтелокъ въ Покровскомъ уѣздѣ постоянно возростаетъ и часть ихъ въ самое послѣднее время уже перешла къ самоткацкой работѣ.* Число мелкихъ самостоятельныхъ ткачей-кустарниковъ очень ограничено. Въ Александровскомъ уѣздѣ *ихъ совсѣмъ нѣтъ.* Въ Покровскомъ уѣздѣ число ихъ не превышаетъ 50 челов. Хотя крупныя свѣтелки по существу ничѣмъ не отличаются отъ мелкихъ, тѣмъ не менѣе большіе размѣры этихъ свѣтелокъ и постоянное возростаніе ихъ въ количественномъ отношеніи несомнѣнно указываютъ на тенденцію и постепенное фактическое приближеніе чисто кустарной формы бумаго-ткацкаго производства къ формѣ крупной, фабричной, къ типу капиталистической организаціи народнаго труда.»*)

Перейдемъ къ другимъ уѣздамъ той же Владимірской губерни.

«Экономическая организація бумажнаго ткачества въ Юрьевскомъ уѣздѣ — читаемъ мы въ другомъ трудѣ того же В. С. Пругавина — въ общемъ сходна съ той, которую мы наблюдали въ Александровскомъ и Покровскомъ уѣздахъ. Какъ и въ двухъ раньше разсмотрѣнныхъ нами уѣздахъ, — экономическія условія бумажнаго производства вылились здѣсь въ

*) Ibid. стр. 13.

форму домашней системы крупнаго производства... 98,95 % всего производимаго въ Юрьевскомъ уѣздѣ бумажнаго товара вырабатывается путемъ домашней системы *крупнаго производства*, и только 1,05 % приходится на долю»... вы думаете самостоятельныхъ кустарниковъ? Нѣтъ, «на долю мелкихъ самостоятельныхъ фабрикантовъ».*)

Вообще во всей сѣверо-западной части Владимірской губерніи «прядильныя и ткацкія фабрики заняли собою почти всѣ свободныя руки, и народонаселеніе здѣшнее почти все обратилось въ фабричныхъ рабочихъ, такъ что мелкія ручныя производства здѣсь представляются не болѣе, какъ *послѣдними остатками* нѣкогда сильной кустарной промышленности. Конечно, обладаніе землей еще сохранило крестьянину этого края *нѣкоторыя* черты земледѣльца, въ особенности въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ земля плодородна, но его подчиненіе капиталу едва ли слабѣе, чѣмъ и всякаго бездомнаго фабричнаго рабочаго... Многіе чистые кустарники, при всей своей кажущейся самостоятельности въ производствѣ, вполнѣ зависятъ отъ перекупщиковъ, которые въ сущности являются фабрикантами-заказчиками, только безъ фирмъ.»**)

Въ Шуйскомъ бумаго-ткацкомъ округѣ еще въ концѣ шестидесятыхъ и началѣ семидесятыхъгодовъ, «съ открытіемъ новыхъ механическихъ ткацкихъ заведеній, сельское населеніе очень быстро начало стягиваться на большія фабрики и переходить въ чисто-фабричный классъ рабочихъ. Такимъ образомъ, сельскій трудъ ткачей окончательно утрачиваетъ и ту послѣднюю тѣнь самостоятельности, какою онъ пользовался при работѣ въ «свѣтелкѣ», этихъ низкихъ, смрадныхъ сараяхъ, уставленныхъ станами и биткомъ набитыхъ рабочими обоего пола и возраста.»***)

---

*) Общее количество становъ въ Юрьевскомъ уѣздѣ равняется 5,690, изъ нихъ на крупныхъ хозяевъ работаетъ 5,630, на мелкихъ фабрикантовъ 60. Что остается на долю самостоятельныхъ производителей? См. Сельская община, кустарные промыслы и земледѣльческое хозяйство Юрьевскаго уѣзда Влад. губ. Москва, 1884, стр. 60 — 61.

**) См. Статистическій Временникъ Россійской Имперіи, выпускъ III, Матеріалы для изученія кустарной промышленности и ручного труда въ Россіи. С. П. Б. 1872, стр. 198.

***) Ibid. стр. 200.

Ошибочно было бы думать, что указанные факты имѣютъ мѣсто *лишь* въ Московской и Владимірской губерніяхъ. Въ Ярославской губерніи мы видимъ совершенно то же самое. Еще Н. Ѳ. Штукенбергъ, въ своемъ «Описаніи Ярославской губерніи»*) говорилъ о ткачахъ села Великаго, которыхъ онъ насчитывалъ 10,000 человѣкъ, какъ о самостоятельныхъ производителяхъ. Онъ писалъ этотъ очеркъ на основаніи данныхъ М. В. Дѣлъ, относившихся къ сороковымъ годамъ. Въ то время и «до 1850 года полотняное производство въ селѣ Великомъ носило чисто крестьянскій, кустарный характеръ. Каждая крестьянская изба была полотняною фабрикою. Но въ 1850 году *крестьянинъ* этого села Лакаловъ устроилъ ткацкіе станки и сталъ скупать въ Тульской губ. пряжу, часть которой отдавалъ для тканья крестьянамъ. Примѣру Лакалова послѣдовали многіе другіе и такимъ образомъ стали образовываться полотняныя фабрики. На Великосельскихъ фабрикахъ ежегодно раздавалось крестьянамъ, не только своимъ, но и костромскимъ и владимірскимъ, пряжи до 30,000 пуд. Въ одномъ с. Великомъ выдѣлывалось крестьянами въ 1867 году до 100,000 кусковъ... За нѣсколько лѣтъ назадъ въ с. Великомъ полотнянымъ производствомъ занимались только женщины, но теперь съ введеніемъ самолетовъ (усовершенствованныхъ ткацкихъ станковъ) ткачество сдѣлалось почти исключительною принадлежностью мужчинъ и мальчиковъ, начиная съ 10 лѣтъ.»**) Эта послѣдняя перемѣна означаетъ, что ткачеству отведена уже болѣе важная роль при распредѣленіи занятій между членами крестьянской семьи. И дѣйствительно. Льнопряденіе и тканье полотенъ составляютъ теперь «главный промыселъ крестьянъ въ мѣстности, окружающей село Великое». Какую роль играетъ *фабрика* въ *кустарномъ* ткачествѣ крестьянъ, видно изъ того обстоятельства, что «съ развитіемъ въ этой мѣстности льнопрядильныхъ и льнотрепальныхъ фабрикъ, равно какъ и заводовъ для бѣленія полотенъ химическимъ способомъ, льняная промышленность развивается тамъ съ каждымъ годомъ».***)

*) Статистическіе труды Штукенберга. Статья X Описаніе Ярославской губ. С. П. Б. 1858 г.

**) См. цитированный уже выпускъ «Временника», 149—150.

***) См. Докладъ высочайше учрежденной коммиссіи для изслѣдованія нынѣшняго положенія сельскаго хозяйства Пр. I отд. II стр. 166.

Въ Костромской губерніи льнопряденіе и ткачество доставляли и доставляютъ «заработки крестьянамъ обоего пола въ особенности въ селеніяхъ Кинешемскаго, Нерехотскаго, Костромского и Юрьевецкаго уѣздовъ». Но и здѣсь бѣда въ томъ, что «съ развитіемъ льнопрядильныхъ фабрикъ, выдѣлка льняныхъ издѣлій изъ домашней пряжи почти совсѣмъ упала въ краѣ, такъ какъ крестьяне убѣдились въ невозможности соперничать съ фабричнымъ приготовленіемъ пряжи и стали тщательнѣе обдѣлывать и продавать самый ленъ, не превращая его въ домашнюю пряжу и *свое* полотно.»

Не нужно забывать, что домашнее ткачество давало иногда занятіе цѣлой крестьянской семьѣ въ теченіе 9 мѣсяцевъ, т. е. трехъ четвертей года. Куда же понесетъ свой трудъ эта семья теперь, когда «со введеніемъ самоткацкихъ машинъ и механическаго пряденія ручное ткачество и ручная аппретура издѣлій уменьшились болѣе, чѣмъ на половину»? Понятно — куда. «Крестьяне предпочитаютъ работу на ближайшихъ фабрикахъ домашнему производству ткацкихъ издѣлій».*)

Нѣкоторыя отрасли кустарнаго производства Калужской губерніи, повидимому, составляютъ исключеніе изъ общаго, указываемаго нами, правила. Тамъ крестьянскія ткацкія побиваютъ большія купеческія фабрики. Такъ, напр., ленточное и тесемочное производство «возникли въ Малоярославскомъ уѣздѣ съ учрежденіемъ въ 1804 г. бумажно-тесемочной фабрики к. Малютина, производство которой съ 20,000 руб. достигло въ 1820 г. до 140,000 руб., по случаю устройства мельничныхъ станковъ Рошэ, на которыхъ 1 работникъ можетъ заразъ ткать 50 лентъ или тесемокъ. Но когда такіе же станки стали вводиться и въ окрестныхъ крестьянскихъ ткацкихъ, то производство малютинской фабрики упало въ 1860 г. до 24,000 р. и наконецъ эта фабрика совсѣмъ закрылась». Наши самобытники умозаключатъ отсюда, что русскому кустарю не страшна конкурренція капиталиста. Но такое умозаключеніе будетъ столь же легкомысленнымъ, какъ и всѣ прочія ихъ попытки установленія тѣхъ или другихъ экономическихъ «законовъ». Во-первыхъ, если бы надъ Малютинской фабрикой и дѣйствительно восторжест-

*) Ibid. стр. 170—171

вовалъ самостоятельный кустарь, то нужно было бы еще доказать, что торжество это можетъ быть продолжительнымъ. Исторія ткацкаго промысла той же губерніи даетъ сильный поводъ къ сомнѣнію. Открытая въ 1830 г. первая бумаготкацкая фабрика въ имѣніи П. М. Губина также не могла выдержать конкурренціи деревенскихъ производителей и кустарный промыселъ процвѣталъ до 1858 г. Но «съ этого времени стали вводиться *механическія* самоткацкія фабрики, съ паровыми двигателями, которыя, въ свою очередь, начали вытѣснять ручной ткацкій трудъ. Такъ въ Медынскомъ уѣздѣ работало прежде до 15,000 ручныхъ станковъ, въ настоящее же время работаетъ только 3,000».*) Кто поручится намъ, что и въ области тесемочнаго и ленточнаго производствъ новыя улучшенія техники не перетянутъ чашки вѣсовъ на сторону крупныхъ капиталистовъ? Вѣдь прогрессъ промышленности неизмѣнно сопровождается относительнымъ возрастаніемъ постоянной части капитала, въ высшей степени гибельнымъ для мелкихъ производителей. Кромѣ того, большой ошибкой было бы думать, что въ приведенныхъ нами случаяхъ борьба шла между самостоятельными производителями, съ одной стороны, и капиталистами съ — другой. Губинскую фабрику подорвали не самостоятельные производители, а «наибольшія ткацкія заведенія въ крестьянскихъ избахъ», тотчасъ понизившія *задѣльную фабричную плату*». Борьба шла между крупнымъ и мелкимъ капиталомъ, при чемъ этотъ послѣдній восторжествовалъ путемъ увеличенія эксплуатаціи трудящихся. То же самое было и въ тесемочно-ленточномъ производствѣ. Станки Рошэ пріобрѣтались «мастерками», а не самостоятельными кустарями. Ткачъ, ленточникъ и тесемочникъ все болѣе и болѣе утрачиваютъ всякую тѣнь самостоятельности, такъ что имъ приходится выбирать лишь между мѣстнымъ фабрикантомъ и «мастерками», которые «берутъ основу у московскихъ фабрикантовъ, ткутъ изъ нея матерію на своей домашней фабрикѣ за *поаршинную плату*, или раздаютъ для этого другимъ крестьянамъ, и затѣмъ отправляютъ готовую работу къ фабриканту». Многіе изъ этихъ мастерковъ ведутъ довольно крупное, по своему, дѣло и превращаются въ настоящихъ «фаб-

*) Докладъ и т. д. отдѣлъ II стр. 158—9

рикантовъ». Въ Малоярославскомъ уѣздѣ 2 бумаго-ткацкія «кустарныя фабрики» занимаютъ до 40 рабочихъ; 5 бумаго-тесемочныхъ крестьянскихъ фабрикъ въ Овчининской и Недѣлинской волостяхъ имѣютъ 145 станковъ при 163 рабочихъ ; бумаго-ленточная фабрика въ Овчининской волости — 7 станковъ и 8 рабочихъ и т. д.*) Въ Московской губерніи въ «кустарномъ» парчевомъ производствѣ существуютъ «крестьянскія парчевыя фабрики съ оборотомъ на сотни тысячъ рублей». **)

«О чемъ поютъ эти цифры» и факты? Г. Пругавина они убѣдили въ томъ, что «кустарное ткачество фатальнымъ образомъ, хотя и медленно, переходитъ въ крупную форму производства». Но можно ли ограничить этотъ выводъ однимъ ткачествомъ? Увы! Есть не мало другихъ отраслей кустарнаго производства, въ которыхъ только слѣпой не замѣтитъ того же самаго процесса.

Вотъ передъ нами башмачный промыселъ Александровскаго уѣзда Влад. губ. Въ этомъ промыслѣ «значительные размѣры основного и оборотнаго капитала и ничтожная роль мелкихъ мастерскихъ въ производствѣ, строго проведенное въ крупныхъ заведеніяхъ, детальное раздѣленіе труда и незначительные размѣры затратъ изъ общей суммы оборота на покупку труда —все это съ поразительною ясностью свидѣтельствуетъ, что мы имѣемъ дѣло съ производствомъ, которое переходитъ изъ стадіи ремесла на степень мануфактуры».***)

А вотъ кустари-кожевники, которые «все болѣе уменьшаются въ числѣ» и причиною этого уменьшенія является конкурренція со стороны крупныхъ заводовъ. «Заводы, благодаря лучшимъ условіямъ, какъ матеріальнымъ, такъ и техническимъ, имѣютъ возможность работать лучше и дешевле кустарей. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что кустарямъ-кожевникамъ трудно устоять передъ конкурренціей заводскаго производства, болѣе удовлетворяющаго потребностямъ времени».

Вотъ, наконецъ, производство картофельнаго крах-

*) Докладъ, отд. II стр. 158—159.

**) Статистическій Временникъ, вып. 3, стр. 308.

***) В. С. Пругавинъ, Кустарь на выставкѣ, стр. 28.

мала и патоки. Въ Московской губерніи «промыселъ этотъ сосредоточивается въ 43 селеніяхъ, въ которыхъ насчитывается 130 заведеній, изъ нихъ 117 крахмальныхъ и 13 паточныхъ. Здѣсь нѣтъ еще крупныхъ фабрикъ, какія мы видимъ въ ткацкихъ округахъ, но кустарное производство и здѣсь начинаетъ принимать капиталистическій характеръ. Въ этомъ промыслѣ весьма видную роль играетъ наемный трудъ: такъ, въ 29,8 % всѣхъ заведеній исключительно онъ представляетъ рабочую силу, на 59,7 % онъ участвуетъ въ производствѣ наравнѣ съ членами хозяйской семьи*) и только 10 % обходится почти безъ его помощи. Причины этого факта кроются въ значительной величинѣ основного капитала, непосильнаго для большинства крестьянъ».

Кузнечный промыселъ Новгородской, Тверской и всѣхъ тѣхъ губерній, въ которыхъ онъ играетъ сколько нибудь важную роль въ крестьянскомъ быту; все мелкое металлическое производство Нижегородской губ.—также показываютъ окончательную потерю всякой самостоятельности производителями.**) Кустари не испытали еще здѣсь конкурренціи крупнаго промышленнаго капитала, но роль эксплуататора отлично исполняютъ — свой братъ-крестьянинъ или купцы, отъ которыхъ производители получаютъ сырой матеріалъ и которымъ они передаютъ готовый продуктъ.

Въ Нижегородской губерніи «есть не мало такихъ мѣстностей, гдѣ цѣлыя общества живутъ исключительно ручными произведеіями и, по условіямъ жизни, мало чѣмъ разнятся отъ фабричныхъ рабочихъ. Таковы извѣстныя селенія Павлово, Ворсма, Богородское, Лысково и нѣкоторыя волости и селенія Семеновскаго и Балахнинскаго уѣздовъ.»***) Рабочіе не «объединены» здѣсь капиталомъ, но они несомнѣнно *закабалены* ему и составляютъ, такъ сказать, иррегулярную армію капитализма. Зачисленіе ихъ въ регулярное войско яв-

*) Каково положеніе работниковъ въ этихъ семьяхъ-предпринимателяхъ, видно изъ слѣдующихъ словъ г. Эрисмана: «Сынъ владѣльца зеркальнаго заведенія, будучи нами спрошенъ, занимается ли онъ въ подводной (т. е. натираніемъ ртутью зеркальныхъ стеколъ) отвѣтилъ: «нѣтъ, мы себя не портимъ». Эрисманъ, ibid. стр, 200,

**) См. статью о «Кузнечномъ промыслѣ въ Уломской волости, Череповецкаго уѣзда Новгородской губ.» въ цитированномъ уже «Докладѣ».

***) Статистич. Врем. Россійской Имперіи, вып. 3, стр. 83.

ляется лишь дѣломъ времени и хозяйскаго разсчета.

Современное положеніе кустарей такъ неустойчиво, что часто потеря самостоятельности начинаетъ угрожать производителямъ единственно вслѣдствіе улучшенія способовъ производства. Такъ, напр., кустарь И. Н. Костыльковъ изобрѣлъ четыре машины для производства гребней. Онѣ въ весьма значительной степени увеличиваютъ производительность труда и стоятъ, собственно говоря, очень недорого. Тѣмъ не менѣе, г. Пругавинъ выражаетъ весьма справедливое опасеніе того, что «онѣ произведутъ весьма крупное измѣненіе въ области экономической организаціи гребеннаго производства», разумѣется въ смыслѣ подрыва самостоятельности производителей. Г. Пругавинъ полагаетъ, что слѣдовало бы «придти въ этомъ случаѣ на помощь массѣ кустарей гребенщиковъ, дать имъ возможность овладѣть машинами на началахъ коллективизма». Конечно, было бы очень хорошо сдѣлать это; но вопросъ въ томъ, *будетъ* ли это сдѣлано? Нынѣшнія власти предержащія, какъ извѣстно, очень мало сочувствуютъ «началамъ коллективизма», а мы рѣшительно не знаемъ — скоро ли у насъ будутъ власти, симпатизирующія такимъ началамъ, скоро ли, напримѣръ, у кормила правленія станетъ «партія Народной Воли», которая положила бы «начало соціалистической организаціи Россіи». А пока эта партія будетъ лишь толковать о захватѣ власти, дѣло можетъ измѣниться только въ худшую сторону: нынѣшніе кандидаты въ пролетаріи — завтра могутъ совсѣмъ стать таковыми. Можно ли игнорировать этотъ фактъ при изученіи экономическихъ отношеній современной Россіи? Число кустарей равняется у насъ нѣсколькимъ *милліонамъ*, и многія отрасли кустарнаго промысла частью переходятъ, частью совсѣмъ уже перешли въ домашнюю систему крупнаго производства. По свѣдѣніямъ, собраннымъ еще за 1864 годъ, «приблизительное число рабочихъ, занятыхъ по деревнямъ выдѣлкою бумажныхъ издѣлій изъ пряжи на счетъ фабрикантовъ (только однихъ такихъ рабочихъ!) было 350,000 человѣкъ». Говорить послѣ этого, что число нашихъ промышленныхъ рабочихъ не превышаетъ 800,000, — значитъ изучать Россію лишь съ помощью статистическихъ упражненій письмоводителей становыхъ приставовъ и квартальныхъ надзирателей.

4. *Кустарный промыселъ и земледѣліе.*

До сихъ поръ наши кустари остаются еще крестьянами. Но какіе это крестьяне! Изъ такъ называемаго подспорнаго промысла кустарное производство превратилось во многихъ мѣстахъ въ главную доходную статью крестьянина. Это ставитъ земледѣліе въ зависимое, подчиненное положеніе. На немъ отражаются всѣ колебанія нашей промышленности, всѣ перепитіи ея развитія. По словамъ того же г. Пругавина, «*разстройство крестьянскаго хозяйства*» ткачей Владимірской губерніи является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ нашихъ промышленныхъ кризисовъ. При такой зависимости земледѣлія отъ промышленнаго труда, не нужно быть пророкомъ, чтобы предсказать время окончательнаго паденія крестьянскаго хозяйства ткачей: оно совпадетъ съ переходомъ «домашней системы крупнаго производства»—въ систему фабричную. Прежній кустарь долженъ будетъ бросить одну часть своихъ занятій, чтобы не лишиться ихъ обѣихъ. И онъ, конечно, предпочтетъ бросить землю, которая въ промышленной полосѣ Россіи далеко не оплачиваетъ лежащихъ на ней податей и повинностей. Факты отказа крестьянъ отъ земледѣлія и теперь уже имѣютъ мѣсто.

По словамъ г. А. Исаева, упомянутое выше село Великое «давно уже перестало быть деревней. Изъ всего числа домохозяевъ (до 700) только 10—15 обработываютъ землю; большинство же не умѣетъ владѣть ни сохой, ни даже косой... Эти 10—15 домохозяевъ и крестьяне ближайшихъ къ Великому селеній арендуютъ у великоселовъ всю общественную землю съ платою 1 руб. за десятину пашни (при такой высотѣ «поземельной ренты» не трудно и совсѣмъ отказаться отъ земли, замѣтимъ мы мимоходомъ). Низкому уровню хлѣбопашества вполнѣ соотвѣтствуетъ и положеніе скотоводства: едва на 3 двора приходится 1 корова и 1 лошадь... Великоселъ утратилъ обликъ крестьянина».

Да и въ одномъ ли селѣ Великомъ мы можемъ наблюдать процессъ этой утраты? Еще Военно-статистическій Сборникъ констатировалъ тотъ фактъ, что хлопчато-бумажная кустарная промышленность «во многихъ мѣстахъ есть занятіе побочное; но есть мѣстно-

сти, гдѣ оно является главнымъ и даже единственнымъ».*) Точно также, «сапожничество служитъ теперь главнымъ средствомъ существованія для кимрскихъ крестьянъ и отодвинуло земледѣліе на второй планъ. Въ кимрскомъ районѣ обращаютъ вниманіе изслѣдователя много запущенныхъ полосъ земли; упадокъ земледѣлія невольно бросается въ глаза» — сообщаетъ намъ г. Пругавинъ. Какъ истый народникъ онъ утѣшаетъ себя тѣмъ соображеніемъ, что «въ данномъ случаѣ слѣдуетъ винить не столько самый промыселъ, сколько тѣ неблагопріятныя условія, въ какихъ находится земледѣльческій трудъ», и что большинство кустарей «*еще не окончательно* бросило землю». Но во первыхъ, цитированный уже «Докладъ высочайше учрежденной коммиссіи для изслѣдованія нынѣшняго положенія сельскаго хозяйства» показываетъ, вопреки г. Пругавину, что именно большинство кимрскихъ крестьянъ «бросило землю» окончательно†); а во вторыхъ, все сказанное имъ по этому поводу представляетъ собою довольно сомнительное утѣшеніе. Кѣмъ бы и чѣмъ бы ни было вызвано паденіе земледѣлія, оно представляетъ собою существующій фактъ, благодаря которому многіе кустари могутъ скоро совсѣмъ вырваться изъ-подъ «власти земли». Конечно, теперь еще можно было бы замедлить этотъ процессъ, поставивши земледѣліе въ лучшія условія. Но здѣсь опять таки является вопросъ — кто же поставитъ его въ эти условія? Существующее правительство? Оно не хочетъ. Революціонная партія? Она еще не можетъ. А до тѣхъ поръ, пока солнце взойдетъ, роса очи выѣстъ; пока наши революціонеры будутъ имѣть силу для осуществленія своихъ реформаторскихъ плановъ, — отъ крестьянскаго земледѣлія многихъ мѣстностей можетъ остаться лишь одно воспоминаніе.

Упадокъ земледѣлія и разложеніе старыхъ «устоевъ» крестьянскаго міра представляютъ собою неизбѣжное слѣдствіе развитія кустарнаго производства, конечно,

*) Стр. 384.

†) «Въ этомъ селеніи всѣхъ крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ считается до 670, и только не болѣе 70 домохозяевъ занимается хлѣбопашествомъ, пользуясь всею принадлежащею селенію землею (сапожнымъ промысломъ они уже не занимаются»). Докладъ, Отд. II стр. 153. Свѣдѣнія эти сообщены «старшиною и крестьянами Кимрской волости».

при настоящихъ, *дѣйствительныхъ*, а не при тѣхъ *возможныхъ* условіяхъ, которыми утѣшаются наши Маниловы и которые неизвѣстно еще когда будутъ. Такъ, напримѣръ, въ Московской губ, «частыя сношенія (кустарей) съ московскимъ торговымъ міромъ дѣйствуютъ разлагающимъ образомъ на обычно-правовыя отношенія. Міръ совершенно не вступается въ семейные раздѣлы, а вершитъ ихъ старшина или волостной судъ «*по закону*», дѣтей отецъ дѣлитъ по *завѣщанію*, ...послѣ смерти мужа бездѣтная вдова лишается недвижимой собственности (дома), которая переходитъ къ родственникамъ мужскаго поколѣнія, а сама получаетъ $^1/_7$ часть.*) Какимъ образомъ тотъ же кустарный промыселъ, дойдя до извѣстной степени развитія, стремится подорвать земледѣліе, — видно изъ примѣра крахмально-паточнаго производства. «Характернымъ фактомъ въ районѣ разсматриваемаго промысла является *крайне неравномѣрное распредѣленіе между домохозяевами надѣльной земли...* Такъ въ деревнѣ Цибино, Бронницкаго уѣзда, 44,5 % всей земли, нарѣзанной на 166 домохозяевъ, находятся въ рукахъ всего только 18 заводчиковъ (изъ *крестьянъ*), причемъ на каждаго изъ нихъ приходится по 10,7 душевыхъ надѣловъ, между тѣмъ какъ 52 исправныхъ домохозяевъ владѣютъ всего 172-душевыми надѣлами или по 3,3 надѣла на дворъ. Понятно, что чѣмъ болѣе будетъ увеличиваться доходность промысла, ...тѣмъ болѣе будетъ у заводчиковъ побужденій захватывать въ свои руки по возможности большее количество земли, и весьма возможно, что и тѣ 35 домохозяевъ, которые обрабатываютъ теперь свои надѣлы наймомъ, при повысившихся арендныхъ цѣнахъ, найдутъ болѣе выгоднымъ отказаться отъ обработки своихъ надѣловъ и передадутъ ихъ заводчикамъ. Совершенно тѣ же явленія встрѣчаются и въ другихъ селеніяхъ, въ которыхъ болѣе или менѣе развитъ крахмально-паточный промыселъ.»

5. *Кустарь и фабрика.*

Но довольно, мы не пишемъ изслѣдованія о кустарной промышленности въ Россіи. Мы хотимъ лишь указать на безспорные факты, самымъ неотразимымъ

*) Пругавинъ, Кустарь на выставкѣ.

образомъ свидѣтельствующіе о переходномъ состояніи нашего народнаго хозяйства. Въ то время, какъ люди, сдѣлавшіе изъ защиты народныхъ интересовъ главную цѣль своей жизни, закрываютъ глаза на самыя многознаменательныя явленія, капитализмъ идетъ своей дорогой, выбиваетъ самостоятельныхъ производителей изъ ихъ непрочныхъ позицій и создаетъ въ Россіи армію рабочихъ тѣмъ же самымъ испытаннымъ способомъ, какой уже практиковался имъ «на Западѣ». «Съ экспропріаціей прежде самостоятельныхъ крестьянъ и отнятіемъ у нихъ средствъ производства идетъ уничтоженіе сельскихъ побочныхъ промысловъ, процессъ отдѣленія мануфактуры отъ земледѣлія. Однако, собственно мануфактурный періодъ не ведетъ еще ни къ какимъ радикальнымъ преобразованіямъ. Нужно помнить, что мануфактура лишь понемногу овладѣваетъ національнымъ производствомъ и что въ ея основаніи лежатъ городскія ремесла и сельскіе домашніе, побочные промыслы. Если въ извѣстныхъ пунктахъ, въ извѣстныхъ отрасляхъ производства, она уничтожаетъ эти послѣдніе, то она *вызываетъ ихъ къ существованію въ другомъ мѣстѣ*, потому что она нуждается въ нихъ для обработки сырого матеріала... Она *создаетъ*, поэтому, новый классъ мелкихъ сельскихъ производителей, который занимается земледѣліемъ, какъ побочной отраслью, главнымъ же образомъ занятъ промышленнымъ трудомъ, произведенія котораго прямо, или черезъ посредство купцовъ, продаетъ мануфактурамъ.... Только крупная промышленность съ ея машинами даетъ капиталистическому земледѣлію прочную основу, окончательно экспропріируетъ огромное большинство сельскаго люда и заканчиваетъ отдѣленіе земледѣлія отъ сельской домашней промышленности»*) Мы переживаемъ въ настоящее время именно этотъ процессъ постепеннаго охватыванья нашей національной промышленности мануфактурой. И именно этотъ процессъ «*вызыванія къ существованію*» или, по крайней мѣрѣ, временнаго оживленія многихъ отраслей мелкой кустарной промышленности даетъ г. В. В. et cons. возможность съ кажущимся успѣхомъ доказывать, что у насъ не имѣетъ мѣста «капитализація кустарнаго промысла»**). Ничтожная плата, за которую кустари

*) Das Kapital, 2 Aufl. s. 779—80.

**) Какимъ образомъ совершается указанный процессъ, понятно

продаютъ свой трудъ нѣсколько замедляетъ переходъ къ крупной машинной индустріи. Но какъ въ этомъ явленіи, такъ и въ его несомнѣнныхъ послѣдствіяхъ, нѣтъ и не можетъ быть ничего *самобытнаго*. «Удешевленіе рабочей силы посредствомъ простого злоупотребленія трудомъ женщинъ и малолѣтнихъ, простого хищничества по отношенію ко всѣмъ нормальнымъ условіямъ труда и жизни, равно какъ и основывающееся на этомъ удешевленіе товаровъ и вообще капиталистическая эксплуатація,—наталкивается, наконецъ, на извѣстные, неустранимые болѣе естественные предѣлы. Какъ скоро достигнутъ этотъ пунктъ.... бьетъ часъ введенія машинъ и быстраго превращенія изолированной домашней работы (или также манрфактуры) въ фабричное производство.»*) Мы видѣли, что этотъ часъ пробилъ уже для уѣздовъ Шуйскаго бумаго-ткацкаго округа. Скоро пробьетъ онъ и въ другихъ промышленныхъ мѣстностяхъ. Раздача работы «на дома» выгодна для капиталистовъ лишь до тѣхъ поръ, пока промышленный трудъ является побочнымъ, подспорнымъ занятіемъ кустаря. Доходъ отъ земледѣлія позволяетъ работнику довольствоваться невѣроятно

для всякаго, усвоившаго сущность домашней системы крупнаго производства. На всякій случай приводимъ пояснительные факты. «Ситцевые фабриканты набиваютъ обыкновенно или чужія ткани по заказу постороннихъ лицъ, или свой собственный товаръ, закупивъ пряжу и отдавая ее для ткачества по разнымъ мѣстамъ.» Успѣшное веденіе дѣлъ ситцевыми фабрикантами должно вести къ усиленію раздачи пряжи «по разнымъ мѣстамъ», а слѣдовательно и къ развитію мелкой кустарной промышленности. Кустарное хлопковое производство достигло обширнаго развитія *при участіи многихъ купцовъ капиталистовъ*, которые, закупивъ бумажную пряжу, либо снуютъ ее въ своихъ заведеніяхъ и потомъ отпускаютъ ткачамъ, *либо*, не снованную, передаютъ мастерамъ, которые, занимаясь однимъ только снованіемъ и раздачею пряжи по деревнямъ, служатъ посредниками между капиталистами и ткачами.» Военно-статистическій Сборникъ, вып. IV стр. 381 и 384—5. Фирма «Саввы Морозова сыновья» занимающая 18,310 постоянныхъ рабочихъ, имѣетъ ихъ, кромѣ того, 7,490 «на сторонѣ». Эти «сторонніе» рабочіе суть ничто иное, какъ кустари, обязанные своимъ существованіемъ крупной промышленности. Такого рода факты, стоящіе къ капитализму въ самомъ недвусмысленномъ отношеніи, умиляютъ тѣмъ не менѣе народниковъ до забвенія простѣйшихъ истинъ политической экономіи,

*) Kapital s. 493—4.

низкою платою. Но какъ только прекращается этотъ доходъ, какъ только хлѣбопашество окончательно вытѣсняется промышленнымъ трудомъ, — капиталисту приходится довести заработную плату до уровня знаменитаго минимума потребностей трудящагося. Тогда ему становится выгоднѣе эксплуатировать рабочихъ на фабрикѣ, гдѣ самая коллективность труда усиливаетъ его производительность. Тогда то и наступаетъ эра крупной машинной промышленности.

Бумагопрядильное и ткацкое производства являются, какъ извѣстно, самыми передовыми отраслями современной капиталистической индустріи. Вотъ почему въ нихъ оказывается уже почти совершенно законченнымъ процессъ, еще только начинающійся, а пожалуй и совсѣмъ еще не начавшійся въ нѣкоторыхъ другихъ производствахъ. Въ то же время, явленія, имѣвшія мѣсто въ наиболѣе усовершенствованныхъ отрасляхъ промышленности могутъ и должны считаться пророческими по отношенію къ другимъ ея сферамъ. Совершившееся тамъ вчера, можетъ совершиться здѣсь сегодня, завтра, или вообще въ самомъ недалекомъ будущемъ. *)

6. *Успѣхи русскаго капитализма*

Г. Тихомировъ не признаетъ успѣховъ русскаго капитализма. Мы и сами готовы сказать нашей буржуазіи: «что дѣлаешь, дѣлай скорѣе». Но «къ сожалѣнію или къ счастью», она не нуждается въ понуканіяхъ. Еще г. А. Исаевъ, возражая на книгу русскаго «штатс-соціалиста», обратилъ вниманіе читателей на нашу обрабатывающую промышленность. По его мнѣнію, недавняя всероссійская выставка можетъ служить лучшимъ отвѣтомъ на преждевременныя ликованія по поводу печальныхъ, будто бы, «судебъ капитализма въ Россіи». — «Стоитъ развернуть классъ волокнистыхъ веществъ — говорилъ онъ — отъ него такъ и запахнетъ милліонами. Даже по выдѣлкѣ полотна мы имѣемъ не мало фабрикъ, производящихъ 1 — 1,5 мил. въ годъ. А въ классѣ издѣлій изъ хлопчатой бумаги 1 мил. является совершенно ничтожной

*) Прим. къ наст. изд. Впослѣдствіи эти мои мысли были не дурно развиты въ нѣкоторыхъ изслѣдованіяхъ г. Туганъ-Барановскаго.

цифрой. Даниловская мануфактура производитъ на 1,5 мил. въ годъ, Гюбнеръ — на 3, Каретниковы — на 5,5, 2 фирмы Барановыхъ — на 11, товарищество Ярославской мануфактуры — на 6 мил., Прохоровыхъ — на 7, Кренгольмской мануфактуры — до 10 мил. и т. д. Сахарные заводы представляютъ намъ также громадное производство на 5, 6, 8 мил. Даже табачное производство имѣетъ милліонеровъ своими представителями... А цифры за 1878 — 82 г.г. показываютъ намъ крупное расширеніе производства, пошатнувшагося въ годъ русско-турецкой войны.» Эти и многіе другіе факты привели г. Исаева къ тому заключенію, что «крупное частно-капиталистическое производство въ Россіи развивается безостановочно.» *) Да и не одинъ г. Исаевъ держится такого взгляда. Послѣдняя всероссійская выставка убѣдила г. В. Безобразова, что въ нашей промышленности «прогрессъ истекшаго десятилѣтія (со времени петербургской выставки 1870 года) очевиденъ; сравнительно съ положеніемъ дѣлъ 25 лѣтъ тому назадъ этотъ прогрессъ нашей промышленности — въ особенности мануфактурной — громаденъ: она не узнаваема во многихъ отношеніяхъ... Вмѣстѣ съ улучшеніемъ качества нашихъ продуктовъ, нужно замѣтить еще огромное расширеніе, затѣваемое во всѣхъ отрасляхъ нашей промышленности въ теченіе послѣднихъ 25 лѣтъ. Это расширеніе особенно замѣтно въ послѣднее десятилѣтіе, со времени окончанія кризиса, вызваннаго уничтоженіемъ крѣпостного права и турецкой войной. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно сравнить фактуры нашихъ фабрикантовъ со свѣдѣніями, сообщаемыми послѣдней оффиціальной статистикой нашего министерства финансовъ. Эта статистика относится къ 1877 году. Сравненіе цифръ мануфактурнаго производства за 1877 и 1882 годы (цифры послѣдняго по фактурамъ) показываетъ страшное увеличеніе количества продуктовъ за этотъ пятилѣтній періодъ: во многихъ большихъ предпріятіяхъ оно удвоилось. *) Очень большое число

*) Юридическій Вѣстникъ, Январь 1883 г., ст. «Новости экономической литературы», стр. 102.

*) При этомъ сравненіи нужно, конечно, принимать въ разсчетъ уже указанную выше неточность и неполноту нашей оффиціальной статистики, на основаніи которой опредѣляются размѣры производствъ въ 1877 году. Но въ общемъ, выводы г. Безобразова под-

фабрикъ основано въ эти послѣднія 5 лѣтъ. Первое мѣсто принадлежитъ промышленности, обрабатывающей волокнистыя вещества (шелкъ, сукна, льняныя и бумажныя ткани). Наша хлопчато-бумажная промышленность получила огромное развитіе; нѣкоторыя изъ ея продуктовъ могутъ быть поставлены на ряду со всѣмъ, что есть наиболѣе совершеннаго и прекраснаго въ Европѣ» **). Эти выводы людей науки вполнѣ подтверждаются цитированнымъ выше корреспондентомъ «Вѣстника Народной Воли», лично наблюдавшимъ «громадные успѣхи» крупнаго производства въ нашемъ отечествѣ. Наконецъ, тоже самое говорятъ иностранцы, писавшіе и пишущіе о Россіи. Нѣкоторыя отрасли нашей промышленности и теперь уже ставятся ими на ряду съ западно-европейскими. Таково, напримѣръ, производство сахара, которое по словамъ Ед. де Молинари стоитъ au premier rang de l'industrie de l' Europe». ***) Въ 1877 году русскій рафинадъ явился даже на заграничныхъ рынкахъ, именно во Франціи. На ряду съ такими фактами стремленіе и приливъ иностранныхъ *производительныхъ* капиталовъ въ страну есть вѣрный признакъ того, что капитализмъ встрѣчаетъ въ ней удобное поле для своего дальнѣйшаго развитія. А мы видимъ, что иностранные капиталисты съ большою нѣжностью посматриваютъ на Россію, и не упускаютъ случая основать въ ней новыя промышленныя предпріятія. Какой смыслъ имѣло бы это стремленіе, если бы промышленность дѣйствительно развивалась такъ «туго», какъ это кажется г. Тихомирову? Но въ томъ то и дѣло, что это мнѣніе отстаивается, главнымъ образомъ, въ интересахъ доктрины, для торжества которой наши самобытные писатели готовы игнорировать цѣлый рядъ фактовъ самаго недвусмысленнаго характера. «Тугое развитіе» свойственно не столько русскому капиталистическому производству, сколько тѣмъ изъ нашихъ революціонеровъ, программы которыхъ никакъ

тверждаются и личными его наблюденіями. «Я самъ — говоритъ онъ — могъ констатировать это увеличеніе нашей мануфактурной промышленности во время моего путешествія по московскому промышленному округу.

**) Ekonomiste fransais 26 Aout 1882, lettres de Russie par Wlad. Besobrasoff.

***) См. Journal des Economistes, Juillet 1883, «L'industrie du sucre en Russie».

не могутъ придти въ соотвѣтствіе съ нашей современной дѣйствительностью.

А капиталистическое накопленіе, обращеніе денегъ въ странѣ, кредитныя операціи? Ихъ успѣхи по истинѣ громадны. До 1864 года у насъ почти совсѣмъ не было частныхъ кредитныхъ учрежденій; въ этомъ году «капиталъ Государственнаго Банка доходилъ до 15 мил. руб., да разными лицами было внесено на проценты 262,7 мил. руб.; изъ этихъ суммъ на нужды торговли было употреблено всего 42 мил. руб. (23,7 мил. выданы были подъ векселя, да 18,6 мил. въ ссуды подъ процентныя бумаги).» Прошло 13 лѣтъ и положеніе дѣлъ стало неузнаваемо. «Къ 1877 году капиталъ всѣхъ кредитныхъ учрежденій составлялъ уже 167,8 мил. руб., да разными лицами было внесено на проценты (% текущій счетъ, срочные вклады и пр.) 717,5 мил. руб., т. е. капиталъ возросъ на 1018%, тетекущіе счеты, вклады и пр. на 173%, вмѣстѣ же на 220%, слѣдов., эти суммы болѣе, чѣмъ утроились. Вмѣстѣ съ тѣмъ и распредѣленіе ихъ совершенно измѣнилось. Въ 1864 году въ ссуды и подъ векселя изъ этихъ суммъ было выдано только 15%, къ 1877 году онѣ были почти всѣ помѣщены въ ссудахъ и векселяхъ, именно 96%... Ссуды возросли съ 1864 до 1877 дода, съ 18,6 на 337,9 мил. руб., или на 1829%. Ростъ учетной операціи, торговой въ тѣсномъ смыслѣ, былъ еще сильнѣе, за то же время: съ 23,7 мил. руб. сумма учетныхъ векселей увеличилась до 500 мил. руб., т. е. на 2004%!! Вмѣстѣ съ увеличеніемъ всей суммы денегъ, вложенныхъ на проценты, подвижность ихъ болѣе, чѣмъ удвоилась. Въ 1863 году сумма вложенныхъ денегъ обернулась менѣе двухъ разъ; въ 1876 году она уже обернулась 4,75 раза.»

«Кредитъ и желѣзныя дороги ускоряютъ обращеніе натуральнаго хозяйства въ денежное. Денежное же хозяйство — хозяйство товарное — есть хозяйство капиталистическое; слѣдовательно, и кредитъ и желѣзныя дороги ускоряютъ переворотъ хозяйственныхъ условій производства, при которыхъ производители являются собственниками орудій производства, въ такія условія, гдѣ производители становятся наемными рабочими». *)

*) Николай — онъ «Очерки нашего пореформеннаго общественнаго хозяйства». Слово 1870, кн. 10 стр 86 — 135.

7. *Сбытъ.*

Приведенные факты не нуждаются въ дальнѣйшихъ комментаріяхъ. Ясно, внятно, убѣдительно говорятъ они, что, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ промышленности обрабатывающей намъ пора уже перестать закрывать глаза передъ дѣйствительностью, пора уже убѣдиться, что дѣйствительность эта имѣетъ очень мало общаго съ тѣми наивными иллюзіями, которыя характеризовали народническій періодъ нашего движенія. Пора имѣть мужество сказать себѣ, что въ названной сферѣ не только ближайшее будущее, но и настоящее принадлежитъ у насъ капитализму. Всѣ условія обмѣна, всѣ отношенія производства все болѣе и болѣе складываются въ благопріятномъ для него смыслѣ.

Что же касается сбыта, то мы уже говорили, что вопросъ о немъ вовсе не такъ уже неразрѣшимъ, какъ это думаетъ г. В. В. и его эпигоны. Переходъ всякой страны отъ натуральнаго хозяйства къ денежному необходимо сопровождается огромнымъ расширеніемъ ея внутренняго рынка, и безъ всякаго сомнѣнія этотъ рынокъ всецѣло достанется у насъ нашей буржуазіи. Но это еще не все. Предусмотрительный капиталистъ предвидитъ уже его переполненіе и спѣшитъ пріобрѣсти рынки внѣшніе. Нѣкоторые изъ русскихъ товаровъ найдутъ, конечно, сбытъ и на Западѣ, а другіе отправятся на Востокъ, въ сопровожденіи «бѣлыхъ» и другихъ генераловъ, имѣющихъ патріотическую миссію «упроченія нашего вліянія въ Средней Азіи.» — На послѣднемъ съѣздѣ нашихъ заводчиковъ и фабрикантовъ не даромъ обсуждался вопросъ о «мѣрахъ для развитія торговыхъ сношеній съ Балканскимъ полуостровомъ» и о заключеніи «торговыхъ трактатовъ съ Азіей». Въ этомъ направленіи были уже сдѣланы практическія попытки, и нѣтъ основаній ожидать, что имъ суждено окончиться неудачей. Сношенія съ Востокомъ не новость для русскихъ предпринимателей, и хотя иностранная конкурренція часто тяжело отзывалась на ихъ интересахъ, но ошибочно было бы думать, что страны, ранѣе другихъ выступившія на путь капитализма, имѣютъ или могутъ навсегда сохранить монополію наиболѣе дешеваго провоза, наименѣе дорогого производства и на-

илучшаго качества товаровъ. Франція позже Англіи выступила на этотъ путь, а между тѣмъ успѣла же она отвоевать себѣ почетное мѣсто на международномъ рынкѣ. Тоже можно сказать, сопоставляя Германію съ Франціей, и т. д. На «Западѣ» есть много странъ, которымъ такъ же, какъ и Россіи, трудна промышленная борьба съ наиболѣе передовыми государствами, а между тѣмъ, никому изъ революціонныхъ писателей этихъ странъ и въ голову не приходило «самобытничать» на манеръ нашихъ народниковъ. Правда, современныя производительныя силы далеко опережаютъ въ своемъ ростѣ возможность расширенія сбыта, международный рынокъ близится къ окончательному переполненію, періодическіе кризисы стремятся перейти въ одинъ сплошной хроническій кризисъ. Но пока еще не наступило такое время, — ничто не мѣшаетъ появленію на рынкѣ новыхъ конкуррентовъ, опирающихся на какія нибудь физическія особенности своей страны или историческія условія своего общественнаго развитія: дешевизну рабочихъ рукъ, сырого матеріала и т. п. Можно сказать болѣе, — появленіе такихъ конкуррентовъ именно и приблизитъ часъ паденія капитализма въ наиболѣе развитыхъ странахъ. Конечно, торжество рабочаго класса въ Англіи или во Франціи необходимо отразится на развитіи всего цивилизованнаго міра, оно сократитъ господство капитализма въ остальныхъ странахъ. Но и это все дѣло будущаго, отдѣленнаго отъ насъ болѣе или менѣе длиннымъ промежуткомъ времени, въ теченіе котораго нашъ капитализмъ можетъ стать и какъ мы видѣли становится полновластнымъ хозяиномъ Россіи. Довлѣетъ дневи злоба его, и что бы ни сулила намъ въ будущемъ предстоящая Западу соціалистическая революція,—злобой нынѣшняго дня является у насъ все таки капиталистическое производство.*)

*) Примѣчаніе къ настоящему изданію.

Отсюда видно, что я никогда не раздѣлялъ той теоріи, которая была придумана нашими народниками,—а изъ ихъ сочиненій перешла даже въ «*Британскую энциклопедію*»—и согласно которой въ Россіи невозможно развитіе капитализма, такъ какъ эта страна не имѣетъ рынковъ. Мой взглядъ на этотъ вопросъ изложенъ былъ, вскорѣ послѣ выхода «*Нашихъ разногласій*», въ другомъ мѣстѣ слѣдующими словами: По ученію теоретика народничества, г. В. В., «появленіе на всемірномъ рынкѣ новыхъ конкуррентовъ, въ лицѣ новыхъ странъ,

III

Капитализмъ и общинное землевладѣніе.

1. *Капитализмъ въ земледѣліи.*

Но главной, единственной основою нашего общественнаго хозяйства является земледѣліе — говорятъ обыкновенно г. В. В. и К°. Развитію капиталистическаго хозяйства въ этой области, приложенію къ землѣ «частнаго предпринимательскаго капитала» мѣшаетъ община, которая была и остается несокрушимымъ оплотомъ противъ капитализма. Крупное земледѣльческое хозяйство у насъ не только не вытѣсняетъ собою мелкаго, но наоборотъ, все болѣе и болѣе

должно считаться отнынѣ невозможнымъ, такъ какъ рынокъ этотъ окончательно завоеванъ болѣе передовыми государствами. Поэтому г. В. В. сомнѣвается въ будущности русскаго капитализма. ...Теорія г. В. В. не лишена извѣстной доли остроумія, но, къ сожалѣію, обнаруживаетъ полнѣйшее незнакомство съ исторіей. Было время, когда на всемірномъ рынкѣ почти исключительно господствовала Англія, и это господство отсрочивало рѣшительное столкновеніе англійскаго пролетаріата съ буржуазіей. Монополія Англіи была нарушена появленіемъ на всемірномъ рынкѣ Франціи и Германіи, а теперь монополія Западной Европы подрывается конкурренціей Америки, Австраліи и даже Индіи, что, конечно, поведетъ къ заостренію взаимныхъ отношеній между пролетаріатомъ и буржуазіей въ Европѣ. Мы видимъ отсюда, что теорія г. В. В. совсѣмъ не подтверждается дѣйствительнымъ ходомъ событій. Г. В. В. думаетъ, что разъ добившись господства на всемірномъ рынкѣ, болѣе развитыя въ промышленномъ отношеніи страны окончательно закрываютъ доступъ къ нему менѣе развитымъ странамъ, *и тѣмъ толкаютъ эти послѣднія на путь соціальной реформы*, каковая *реформа и должна быть предпринята* будто бы стоящимъ выше классовыхъ интересовъ *правительствомъ*, напримѣръ, правительствомъ Его Императорскаго Величества самодержца всероссійскаго. Факты же показываютъ совсѣмъ обратное. Они говорятъ намъ, что менѣе развитыя страны не стоятъ на одномъ мѣстѣ, а постепенно расчищаютъ себѣ путь на всемірный рынокъ и своею конкурренціей *толкаютъ болѣе развитыя страны на путь соціальной революціи, которая будетъ совершена сознавшимъ свою классовую задачу пролетаріатомъ*, опирающимся на свои собственныя силы и захватившимъ политическую власть въ свои собственныя руки.

Теперь я прибавлю, что мои соображенія были какъ нельзя лучше подтверждены дальнѣйшимъ развитіемъ всемірнаго хозяйства и что въ ихъ пользу можно было бы привести множество данныхъ, какъ изъ относящихся къ этому вопросу англійскихъ синихъ книгъ, такъ и изъ

уступаетъ ему дорогу. Крупные землевладѣльцы и арендаторы спекулируютъ лишь на повышеніе поземельной ренты, отдавая въ руки мужика все земледѣльческое хозяйство. Крестьянское же хозяйство должно вести къ торжеству крестьянскихъ, а не капиталистическихъ формъ производства.

Хотя во всей этой аргументаціи ошибки довольно тѣсно перепутаны съ истиной, но заключающаяся въ ней истина ни въ какомъ случаѣ не убѣдительна. Землевладѣніе почти повсюду является наиболѣе отсталой отраслью національнаго производства, отраслью, которой капитализмъ начиналъ овладѣвать лишь послѣ того, какъ онъ прочной ногой утверждался въ промышленности, собственно такъ называемой: «Только крупная промышленность, съ ея машинами, даетъ

отчетовъ англійскихъ консуловъ. Замѣчу также, что съ другой стороны, я никога не былъ сторонникомъ той теоріи рынковъ вообще и кризисовъ въ частности, которая, какъ зараза, распространилась въ нашей легальной литературѣ марксизма въ девяностыхъ годахъ. По смыслу этой теоріи, — главнымъ пропагандистомъ которой надо признать г. Тугана-Барановскаго, — *перепроизводство* оказывается невозможнымъ, а кризисы объясняются простою диспропорціональностью въ распредѣленіи средствъ производства. Эта теорія очень отрадна для буржуазіи, которую она приводитъ къ тому отрадному убѣжденію, что производительныя силы капиталистическаго общества никогда не перерастутъ свойственныхъ ему отношеній производства. И неудивительно, что одинъ изъ лучшихъ теоретиковъ современной буржуазіи, г. Вернеръ Зомбартъ, отнесся къ ней съ большою нѣжностью въ своемъ рефератѣ, прочитанномъ 15-го сентября 1903 г. на съѣздѣ «*Союза Соціальной Политики*» въ Гамбургѣ. (см. Verhandlungen des Vereins für Socialpolitik über die Lage der in der Seeschiffahrt beschäftigten Arbeiter und über die Störingen im deutschen Wirtschaftsleben während der Jahre 1900 ff., Leipzig 1903, s. 130). Удивительно только то, что г. В. Зомбартъ считаетъ выдающагося русскаго ученаго Тугана-Барановскаго» отцомъ этой будто бы новой теоріи. Настоящимъ отцомъ этого совсѣмъ не новаго ученія былъ *Жанъ Баптистъ Сэй*, въ «курсѣ» котораго она и изложена съ достаточной полнотой. Очень интересно то обстоятельство, что въ этомъ отношеніи буржуазная экономія возвращается на точку зрѣнія вульгарнаго экономиста, котораго она избѣгаетъ называть, какъ бы уступая похвальному чувству стыдливости. Кромѣ г. Тугана-Барановскаго, у насъ теорію Ж. Б. Сэя проповѣдывалъ г. Владимиръ Ильинъ въ «Замѣткѣ по вопросу о теоріи рынковъ», (Научное Обозрѣніе, январь 1899 г.) и въ книгѣ о «Развитіи капитализма въ Россіи». Въ этомъ послѣднемъ сочиненіи г. Владимиръ Ильинъ обнаруживаетъ, впрочемъ, значительный *эклектизмъ*, свидѣтельствующій о томъ, что въ немъ не всегда молчала теоретическая совѣсть марксиста.

капиталистическому земледѣлію твердую основу». Не логично, поэтому, заключать къ отсутствію или даже полной невозможности буржуазныхъ отношеній производства въ данной странѣ на томъ основаніи, что отношенія эти еще не успѣли охватить земледѣлія. Г. Тихомирову кажется, напримѣръ, что въ періодъ великой революціи, французская буржуазія была такъ сильна, что могла помѣшать фактическому установленію самодержавія народа.*) А между тѣмъ, вплоть до самой революціи приложенію «частнаго предпринимательскаго капитала» къ землѣ препятствовали многочисленные остатки феодальныхъ отношеній, земледѣліе было въ страшномъ упадкѣ, поземельные собственники предпочитали жить въ городахъ, сдавая свои земли «половникамъ» или арендаторамъ изъ среды буржуазіи; эти послѣдніе такъ же, какъ и наши современные «Разуваевы», вовсе не думали о правильной земледѣльческой культурѣ, въ свою очередь передавали арендованныя земли крестьянамъ и заботились лишь о возможно болѣе выгодныхъ условіяхъ такой передачи.**) Помѣшало ли это обстоятельство побѣдѣ буржуазіи и торжеству капитализма во Франціи? Если нѣтъ, то почему у насъ оно окажетъ не только болѣе сильное, но, — какъ думаютъ народники, — рѣшающее вліяніе на всѣ наши отношенія производства? Во Франціи въ то время уже не было общины? Прекрасно. Но какъ во Франціи, такъ и во всей «западной Европѣ» былъ феодальный режимъ, были въ свое время цехи, которые сильно затрудняли развитіе капитализма, «стѣсняли производство, а не облегчали его». Эти «цѣпи» не остановили, однако, хода общественно-экономическаго развитія. Наступила пора, когда «ихъ нужно было разбить, и онѣ были разбиты». Чѣмъ застрахована отъ такой же судьбы русская община?

Г. Николай—онъ, гораздо основательнѣе знакомый съ нашимъ пореформеннымъ хозяйствомъ, чѣмъ всѣ русскіе революціонные и консервативные самобытники вмѣстѣ взятые, не колеблется признать, что само «Положеніе» (о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпост-

*) Вѣстникъ Нар. Воли, ст. «Чего намъ ждать отъ революціи?» стр. 251,

**) Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ послѣдней четверти XVIII вѣка, Н. Карѣева. Москва 1879, гл. II, стр. 117 и слѣд.

ной зависимости) было у насъ «лебединою пѣснью стараго процесса производства» и что послѣдовавшая за нимъ дѣятельность законодательства, *направленная въ совершенно противоположную сторону*, «по результату оказала *болѣе существенное вліяніе* на весь народный хозяйственный бытъ», чѣмъ крестьянская реформа. По мнѣнію этого писателя, «приложенію капитала къ землѣ, исполненію его исторической миссіи, у насъ мѣшаетъ «Положеніе», надѣлившее производителей орудіями труда. Капиталистическому же хозяйству способствуетъ вся пореформенная государственно-хозяйственная дѣятельность. ...Теченіе капиталистическое, однако, *видимо пересиливаетъ*. Всѣ данныя говорятъ въ пользу того, что все большая и большая часть производителей экспропріируется: уменьшеніе доли производителя въ продуктѣ и увеличеніе доли капиталиста, происходящее на нашихъ глазахъ, заставляетъ все большую и большую часть первыхъ бросать землю, не «обряжать» ее. При этомъ и въ самой общинѣ происходитъ весьма любопытное явленіе: нехозяйственнымъ хозяевамъ общество начинаетъ отводить худшую землю (все равно не обработываютъ ее), сроки же передѣловъ земли хозяйственныхъ домовъ все увеличиваются и увеличиваются, такъ что мы присутствуемъ при актѣ превращенія общиннаго пользованія въ—индивидуальное».*) Господинъ Тихомировъ совершенно игнорируетъ выводы замѣчательнаго изслѣдованія г. Николая — она и упрямо твердитъ, что у насъ «во владѣніи крестьянъ до сихъ поръ находится 120,628,246 дес. земли». **)

*) Николай—онъ «Очерки» стр. 132—6

**) Прим. къ наст. изд. Въ то время, когда я писалъ эти строки, была напечатана только первая часть изслѣдованія г. Н.—она. Въ своемъ законченномъ видѣ оно появилось лишь въ 1893 году и далеко не оправдало тѣхъ ожиданій, которыя возлагались на него мною, да, — какъ сейчасъ увидитъ читатель, — и не однимъ мною. Г. Н. — онъ въ послѣднемъ счетѣ оказался такимъ же утопистомъ, какими были г. В. В., Пругавинъ, Тихомировъ и т. д. Правда, данныхъ у него было несравненно больше, чѣмъ у нихъ; но обработаны эти данныя были до послѣдней степени односторонне и служили только для подтвержденія предвзятыхъ утопическихъ идей, основывавшихся на совершенно неправильномъ пониманіи теоріи стоимости Маркса. Работа г. Н — она произвела на очень хорошо расположеннаго Энгельса весьма непріятное впечатлѣніе. Въ одномъ изъ своихъ писемъ ко мнѣ Энгельсъ говоритъ, что онъ потерялъ уже всякую вѣру въ то поколѣніе русскихъ людей, къ которому принадлежалъ г. Н — онъ, такъ какъ, о

Онъ забываетъ, что сущность дѣла заключается не въ юридическихъ *нормахъ*, а въ экономическихъ *фактахъ*. Факты же эти показываютъ, что во многихъ и многихъ мѣстностяхъ община настолько уже искажена неблагопріятными ей вліяніями, что изъ средства защиты производителей противъ капиталистической эксплуатаціи она превращается уже въ могучее орудіе этой послѣдней. Чтобы не быть голословными, возьмемъ опять народъ, «каковъ онъ есть», взглянемъ съ этой стороны на современную русскую дѣйствительность.

Но предварительно—нѣсколько общихъ замѣчаній объ исторіи первобытнаго аграрнаго коммунизма.

2. *Община.*

Если послушать нашихъ народниковъ, то дѣйствительно можно подумать, что русская община представляетъ собою совершенно исключительную, по своей прочности, организацію. «Ни междоусобія удѣльнаго времени, ни иго монгольское, ни кровавая эпоха Ивана Грознаго, ни смутные годы междуцарствія, ни реформы Петра и Екатерины, вносившія въ русскую жизнь начала западно-европейской культуры, — ничто не поколебало, не измѣнило этого завѣтнаго учрежденія крестьянской жизни — говоритъ одинъ изъ самыхъ легковоспламеняющихся народниковъ, г. К-нъ, въ книгѣ о «формахъ землевладѣнія у русскаго народа»— его не могло стереть крѣпостное право; на его уничтоженіе не повліяли ни добровольные выходы крестьянъ на новыя земли, ни принудительныя выселенія» и т. д., и т. д., словомъ,

> Вѣка проходили, все къ счастью стремилось,
> Все въ мірѣ по нѣскольку разъ измѣнилось,

а русская община оставалась неизмѣнной и неизмѣнимой. Къ сожалѣнію, славословіе это, при всемъ его безспорномъ краснорѣчіи, ровно ничего не доказываетъ. Сельскія общины обнаруживаютъ несомнѣнную живучесть до тѣхъ поръ, пока онѣ не выходятъ изъ условій натуральнаго хозяйства. «Простой производи-

чемъ бы ни заговорили эти люди, они непремѣнно сведутъ рѣчь «на святую Русь», т. е. обнаружатъ славянофильскіе предразсудки. Главный упрекъ, дѣлаемый Энгельсомъ г. Н. — ону состоялъ въ томъ, что тотъ не понимаетъ революціоннаго значенія переживаемаго Россіей экономическаго переворота.

тельный механизмъ этихъ общинъ, довольствующихся своими собственными продуктами и постоянно воспроизводящихся въ одной и той же формѣ, а въ случаѣ разрушенія вновь возникающихъ на томъ же самомъ мѣстѣ, подъ тѣмъ же самымъ именемъ, — этотъ механизмъ открываетъ намъ тайну неизмѣннаго состоянія азіатскихъ обществъ, находящагося въ такомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ безпрерывною смѣною государствъ и династій. Структура основного экономическаго элемента этихъ обществъ остается нетронутою бурями политическаго горизонта».*)

Но тотъ же самый основной элементъ варварскихъ обществъ, стойко выдерживающій бури политическихъ революцій, оказывается безсильнымъ и беззащитнымъ передъ логикой экономической эволюціи. Развитіе денежнаго хозяйства и товарнаго производства мало по малу подкапываетъ общинное землевладѣніе.**)

---

*) Das Kapital, 2 Aufl. s. 371.

**) Вліяніе денежнаго хозяйства на разложеніе первобытнаго коммунизма прекрасно обрисовано г. Г. Ивановымъ (Успенскимъ) въ примѣненіи къ семейной общинѣ.

«Въ настоящее время», говоритъ г. Ивановъ («Изъ деревенскаго дневника». «Отеч. Записки», Сентябрь. 1880, стр. 38 — 39.), въ жизни крестьянскихъ семействъ есть такое безмѣрное скопище неразрѣшимыхъ и трудныхъ задачъ, что если еще и держатся крѣпко большія крестьянскія семейства (я говорю о подгородныхъ), то только, такъ сказать, соблюденіемъ внѣшняго ритуала, а внутренней правды уже мало. Довольно часто мнѣ приходится сталкиваться съ однимъ изъ такихъ большихъ крестьянскихъ семействъ. Во главѣ семьи стоитъ старуха лѣтъ 70, женщина крѣпкая, по своему, умная и опытная. Но весь ея опытъ почерпнутъ въ крѣпостномъ правѣ и касается хозяйства исключительно земледѣльческаго, гдѣ участвуетъ своими трудами весь домъ, причемъ весь доходъ идетъ въ руки старухи, а она уже распредѣляетъ его по своему усмотрѣнію и общему согласію. Но вотъ прошла шоссейная дорога, и вдругъ кадушка капусты, распродаваемая извозчикамъ, стала приносить столько доходу, что сдѣлалась выгоднѣе цѣлаго года работы на пашнѣ, положимъ, одного человѣка. Вотъ уже явное нарушеніе въ одинаковости труда и заработка. Прошла машина, телята стали дорожать, потребовались въ столицу. Одинъ изъ сыновей пошелъ въ извощики, и въ полгода заработалъ больше всей семьи, работавшей въ деревнѣ годъ. Другой братъ пожилъ дворникомъ въ Петербургѣ, получая въ мѣсяцъ по 15 р., чего бывало не получалъ и въ годъ. А младшій братъ съ сестрами цѣлую весну, цѣлое лѣто драли корье и не выработали третьей части того, что выработалъ извощикъ въ два мѣсяца... И вотъ, благодаря этому, хотя по виду въ семьѣ все ладно, всѣ несутъ въ нее «поровну»

Къ этому присоединяется разрушающее вліяніе государства, которое самою силою обстоятельствъ вынуждается къ поддержанію принципа индивидуализма. На этотъ путь выводятъ его, какъ собственныя, все болѣе и болѣе растущія нужды, такъ и давленіе высшихъ сословій, интересы которыхъ враждебны общинному принципу. Развитіе денежнаго хозяйства, въ свою очередь являющееся слѣдствіемъ развитія производительныхъ силъ, т. е. роста общественнаго богатства, вызываетъ къ жизни новыя общественныя функціи, поддержаніе которыхъ немыслимо было бы съ помощью прежней системы взиманія налоговъ натурою. Нужда въ деньгахъ заставляетъ правительство поддерживать всѣ тѣ мѣропріятія и всѣ тѣ принципы общественнаго хозяйства, которые увеличиваютъ приливъ денегъ въ страну и ускоряютъ пульсъ общественно-экономической жизни. Но эти отвлеченные принципы общественнаго хозяйства существуютъ не сами по себѣ, а представляютъ лишь общее выраженіе дѣйствительныхъ интересовъ извѣстнаго, — именно, торгово-промышленнаго, — класса. Выдѣлившійся частью изъ прежнихъ

плодъ своихъ трудовъ, но на дѣлѣ не то: дворникъ «скрылъ» отъ маменьки четыре красныхъ бумажки, а извощикъ скрылъ еще того больше. Да и какъ тутъ поступить иначе? Эта вотъ дѣвушка ободрала себѣ до крови руки, и цѣлое лѣто билась съ корьемъ, чтобы выработать пять цѣлковыхъ, а извощикъ выработалъ 25 въ одну ночь за то только, что попутался съ господами по Питеру часовъ съ 12 вечера до бѣлаго свѣта. Кромѣ того, авторитетъ старухи еще значилъ бы и значилъ бы очень много, если бы заработокъ семьи былъ исключительно результатомъ земледѣльческаго труда. Въ этомъ дѣлѣ она точно авторитетъ; но спрашивается: что же такое можетъ она смыслить въ дворницкомъ, извозчицкомъ и въ другихъ новыхъ заработкахъ? Что она тутъ понимаетъ и что можетъ присовѣтывать? Авторитетъ ея, поэтому, чисто фиктивный и если значитъ что нибудь, то для остающихся дома бабъ, да и бабы очень хорошо знаютъ, что мужья ихъ относятся къ старухѣ съ почтеніемъ и покорностью только по виду, такъ какъ вполнѣ подробно знаютъ достатки своихъ мужей, знаютъ, много ли кѣмъ отъ нея скрыто и сами скрываютъ эти тайны наикрѣпчайшимъ образомъ. Авторитетъ главы фиктивный и фиктивны всѣ семейно-общинныя отношенія; у всякаго скрыто нѣчто отъ старухи представительницы этихъ отношеній, скрыто для себя. Умри старуха, и большая семья эта не продержится даже въ томъ видѣ, какъ теперь, и двухъ дней. Всѣ захотятъ болѣе искреннихъ отношеній, и это желаніе непремѣнно приведетъ къ другому— жить каждому по своему достатку: сколько кто добылъ, тѣмъ и пользуйся».

общинниковъ, частью изъ лицъ другихъ сословій, классъ этотъ существенно заинтересованъ въ томъ, чтобы мобилизовать какъ недвижимую собственность, такъ самихъ собственниковъ, поскольку эти послѣдніе являются работниками. Принципъ общиннаго землевладѣнія препятствуетъ достиженію каждой изъ этихъ цѣлей. Вотъ почему оно и становится предметомъ сначала антипатіи, а затѣмъ и болѣе или менѣе рѣшительныхъ нападеній со стороны нарождающейся буржуазіи. Но и удары не сразу разрушаютъ общину. Ея гибель подготовляется постепенно. Долгое время внѣшнія отношенія общинниковъ остаются, повидимому, совершенно неизмѣнными, между тѣмъ, какъ внутренній характеръ общины переживаетъ тяжелыя метаморфозы, которыя и приводятъ ее, наконецъ, къ полному разложенію. Этотъ процессъ совершается порой въ теченіе очень продолжительнаго времени, но, разъ дойдя до извѣстной степени интенсивности, онъ уже не можетъ быть остановленъ никакими «захватами власти» со стороны того или другого тайнаго общества. Единственный серьезный отпоръ торжествующему индивидуализму можетъ быть данъ лишь тѣми общественными силами, которыя вызываются къ существованію самимъ процессомъ разложенія общины. Ея члены, когда то равные по своему имущественному полженію, по своимъ правамъ и обязанностямъ, подраздѣляются, благодаря указанному процессу, на два слоя. Одинъ тяготѣетъ къ городской буржуазіи, стремясь слиться съ ней въ одинъ классъ эксплуататоровъ. Въ рукахъ этого привиллегированнаго слоя скопляется, мало по малу, вся мірская земля. Другой слой — частью выкидывается изъ общины, и оторванный отъ земли, несетъ свои рабочія руки на рынокъ, а частью образуетъ новую категорію общинниковъ-паріевъ, эксплуатація которыхъ облегчается, между прочимъ, удобствами, представляемыми общинной организаціей. Только тамъ, гдѣ историческія обстоятельства вырабатываютъ новый экономическій базисъ для переустройства общества въ интересахъ этого низшаго класса; только тогда, когда классъ этотъ начинаетъ сознательно относиться къ кореннымъ причинамъ своего рабства и къ существеннымъ условіямъ своего освобожденія, — только тамъ и только тогда, — можно, не впадая въ маниловщину, «ждать»

новой соціальной революціи. Этотъ новый процессъ также совершается лишь мало по малу, но, разъ начавшись, онъ точно также доходитъ до своего логическаго конца съ неуклонностью астрономическихъ явленій. Соціальная революція опирается, въ этомъ случаѣ, не на «возможный» успѣхъ заговорщиковъ, а на вѣрный и не отразимый ходъ общественной эволюціи.

Mutato nomine de te fabula narratur, — можемъ сказать мы, обращаясь къ русской общинѣ. Именно недавнимъ развитіемъ въ Россіи денежнаго хозяйства и объясняется та прочность, которая обнаруживалась *до послѣдняго времени* нашей общиной и которая *до сихъ поръ* продолжаетъ умилять людей, слабоватыхъ въ дѣлѣ мышленія. До уничтоженія крѣпостного права почти все общественное, а въ значительной степени и государственное хозяйство Россіи было хозяйствомъ натуральнымъ, въ высшей степени благопріятнымъ сохраненію поземельной общины. Вотъ почему этой послѣдней и не могли разрушить политическія событія временъ удѣльно-вѣчеваго уклада и московской централизаціи, петровскихъ реформъ и «барабаннаго просвѣщенія» петербургскихъ самодержцевъ. Какъ ни тяжело отзывались на народномъ благосостояніи многія изъ этихъ событій, но несомнѣнно, что сами они, въ послѣднемъ счетѣ, являлись не предвѣстниками коренныхъ переворотовъ въ общественномъ хозяйствѣ, а лишь слѣдствіемъ тѣхъ взаимныхъ отношеній, въ которыхъ стояли между собою отдѣльныя общины. Въ основѣ московскаго деспотизма лежали именно тѣ «вѣковые устои народной жизни», которыми восхищаются наши народники. Это одинаково ясно понимали и реакціонный баронъ Гакстгаузенъ и революціонный агитаторъ Бакунинъ. Будь Россія изолирована отъ экономическихъ и политическихъ вліяній западно-европейской жизни, — трудно было бы и предвидѣть, когда исторія подкопаетъ, наконецъ, экономическій фундаментъ ея политическаго устройства. Но вліяніе между-народныхъ отношеній ускорило естественный, хотя и медленный, процессъ развитія денежнаго хозяйства и товарнаго производства. Реформа 19-го февраля была необходимой уступкой новому экономическому теченію, и въ свою очередь придала ему новую силу. Община

не сумѣла, да и не могла приспособиться къ новымъ условіямъ. Ея организмъ надломился, и только ослѣпленные люди не замѣчаютъ теперь признаковъ его разложенія. Вотъ факты.

3. *Разложеніе нашей общины.*

Процессъ разложенія нашей сельской общины отражается даже на внѣшнемъ ея видѣ. «Я долго стоялъ у околицы погоста,—всматриваясь въ наружный видъ деревень (расположенныхъ внизу, подъ горой), говоритъ г. Н. Златовратскій. Какое разнообразіе, однако! Тутъ куча избъ, очевидно, дряхлыхъ, двуоконныхъ, крытыхъ соломой. ...Здѣсь, напротивъ, новыя, трехоконныя избы, съ большими проулками между ними, крыты тесомъ; а между ними мелькаютъ даже зеленыя желѣзныя крыши съ флюгерами на трубахъ. А вотъ третья—длинная, извивающаяся какъ червякъ, гдѣ рядомъ съ хоромами зажиточнаго кулака торчитъ, чуть поднимаясь отъ земли, не то шалашъ, не то конура».*) Этому, очень живописному, по внѣшности, разнообразію соотвѣтствуетъ разнообразіе цифръ, выражающихъ бюджеты отдѣльныхъ хозяйствъ. По словамъ г. Златовратскаго, избранная имъ для изученія община заключала въ себѣ, «не смотря на очень небольшой объемъ, довольно крайнія степени экономическаго неравенства, отъ *сидѣнья на капиталахъ*, погрызывая цѣлыми днями орѣхи, до гусарихи (вдовы солдата-гусара), бѣдствующей съ цѣлой оравой ребятишекъ; при томъ эта деревня очень ясно дѣлилась на *красную сторону и холодную сторону*». А между тѣмъ эта община «представляла собою тотъ средній типъ современной *новой* деревни, къ которому или стремятся приблизиться всѣ вообще русскія деревни, или нѣкоторыя успѣли уже шагнуть далеко дальше въ томъ же направленіи, т. е. въ направленіи дезорганизаціи устоевъ деревни старой, какъ представительницы принципа труда и экономическаго равенства». Г Златовратскій знаетъ, что есть еще такія деревни «и много еще ихъ есть, гдѣ вы чувствуете и видите крѣпкія, несокрушимыя основы» стараго общиннаго

*) Н Златовратскій. Деревенскіе будни, С.-Петербургъ 1880 г. стр. 9.

быта. «Но больше этихъ деревень *было*, чѣмъ *есть*».*) Теперь же въ деревнѣ все болѣе и болѣе укрѣпляется то, что авторъ «Будней» называетъ «атмосферой деревенскаго двоедушія и двуличія» и что составляетъ неизбѣжное слѣдствіе разложенія общины на нѣсколько различныхъ слоевъ съ совершенно непримиримыми интересами.

Съ одной стороны вы видите «добродушнаго» *хозяйственнаго мужичка*, «который имѣетъ надѣлъ всего только на одну душу, а между тѣмъ обработываетъ три, четыре, даже пять надѣловъ своихъ собратьевъ, которые не въ силахъ ихъ тянуть»; съ другой стороны передъ вами именно эти «малосильные» хозяева, «чернота», «бѣднота» и т. д., которые «или сами же, въ качествѣ наемщиковъ, работаютъ у своего арендатора, или совсѣмъ заколачиваютъ свои избы и уходятъ на сторону, богъ вѣсть куда, никогда, другой разъ, даже не заявляясь въ свою родную общину». И такихъ бѣдняковъ не мало. Въ № 2922 Новаго Времени, отъ 18 апрѣля текущаго года, мы прочитали слѣдующее многозначительное сообщеніе. «Вотъ фактъ, достовѣрность котораго засвидѣтельствована оффиціально. Изъ 9,079,024 дворовъ въ сельскихъ обществахъ Россіи (за исключеніемъ Привислянскаго и Прибалтійскаго краевъ) насчитывается 2,437,555 дворовъ безлошадныхъ. Это значитъ, что изъ четырехъ дворовъ крестьянскихъ въ одномъ нѣтъ лошади. Но крестьянинъ, не имѣющій лошади, уже не можетъ быть самостоятельнымъ земледѣльцемъ-хозяиномъ. Это значитъ, что четвертую часть сельскаго населенія Россіи надобно исключить изъ числа земледѣльцевъ, ведущихъ самостоятельное хозяйство.»**) Крестьянинъ

*) Деревенскіе будни, стр. 191.

**) Свѣдѣнія эти заимствованы газетой изъ книги «Конская перепись въ 1882 г.»

Указанный здѣсь средній выводъ подтверждается частными изслѣдованіями по отдѣльнымъ губерніямъ и уѣздамъ. Такъ напримѣръ, даже для Тамбовской, вообще болѣе или менѣе зажиточной, губерніи мы имѣемъ слѣдующія данныя.

	Спасскій уѣз.	Темниковскій
Хозяйствъ безлошадныхъ	21 %	21,6 %
„ однолошадныхъ	41 „	42,9 „
„ 2 и 3 лошадныхъ	33 „	31,3 „
	Моршанскій	Борисоглѣбскій
„ безлошадныхъ	21,6	18 %
„ однолошадныхъ	28,9 } 50,5	28 % } 46

же, не могущій вести самостоятельное хозяйство, есть кандидатъ на званіе пролетарія, кандидатъ, утвержденіе котораго въ этомъ званіи должно состояться въ самомъ скоромъ времени. Избѣгая пока непосредственной эксплуатаціи крупнаго капиталиста-предпринимателя, такой крестьянинъ находится уже, однако, въ полной зависимости отъ мелкаго ростовщическаго капитала деревенскихъ кулаковъ, или даже просто «умственныхъ хозяевъ». Какъ обращаются «умственные хозяйственные мужички» съ обнищавшими сообщинниками—видно изъ цитированной уже книги г. Златовратскаго.

—А эти вотъ заколоченныя-то избы «воздушному» народу принадлежатъ — спрашиваетъ авторъ своихъ собесѣдниковъ.

—Воздушному... вполнѣ! улыбнулись собесѣдники—потому летаетъ, какъ птица! Все сидитъ, все крѣпится, перемогается какъ ни то на десятинѣ то своей, а потомъ — фю! и улетѣлъ... Попроситъ сосѣда, чтобы у него паспорта не задержали, взять его надѣлъ въ аренду, *Христомъ Богомъ еще проситъ*, водкой напоитъ и денегъ обязуется присылать въ приплату — только сдѣлай милость возьми! Ну и берутъ... намъ это, хозяйственнымъ мужичкамъ, на руку... случается такъ — вернется назадъ, и хочется взять землюто — да взяться за нее нечѣмъ: къ рендателю же на свою землю въ батраки наймется.... Все вѣдь это кого чѣмъ Господь пошлетъ!..»

Нравится ли вамъ, читатель, община такихъ хозяйственныхъ мужичковъ»? Если да, то ваши вкусы едва-ли схожи въ этомъ случаѣ со вкусами «воздушнаго народа», который «христомъ богомъ проситъ», чтобы его развязали съ землею. И замѣтьте, что этотъ «народъ» совершенно правъ по своему. Разница

(Смотри статью г. Григорьева, «Земско-статистическія изслѣдованія по Тамбовской губерніи», Русская Мысль сентябрь 1884, стр. 79.) Въ Покровскомъ уѣздѣ Владимирской губ (Кудыкинскій районъ) «безлошадные составляютъ 24 проц. всѣхъ домохозяевъ. Въ Юрьевскомъ уѣздѣ той же губерніи «процентъ безлошадныхъ не особенно великъ, но за то мы находимъ здѣсь весьма много домовъ, имѣющихъ всего одну лошадь. А такого рода семьи безспорно должны быть отнесены къ числу слабыхъ, мало способныхъ къ земледѣлію». Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ районахъ того же уѣзда (Никульская волость) безлошадные составляютъ отъ 19, (помѣщичьи крестьяне), до 24 процентовъ, (крестьяне государственные), всего числа домохозяевъ. Въ Спасской волости домохозяева, лично обработывающіе землю, составляютъ только 73%

между вашими и его симпатіями обусловливается тѣмъ очень простымъ обстоятельствомъ, что симпатичная вамъ община совсѣмъ не похожа на ту, съ которой приходится имѣть дѣло «воздушному народу». Въ вашемъ воображеніи рисуется та идеальная община, которая *можетъ* явиться послѣ революціи во вкусѣ народниковъ или народовольцевъ. Воздушный же народъ имѣетъ дѣло съ тою *дѣйствительной* общиной, въ которой утвердился уже его непримиримый антагонистъ, «хозяйственный, умственный мужичекъ», самодовольно повторяющій — «у насъ чернота не держится... у насъ ей вздоху нѣтъ... кабы не *они*, такъ развѣ намъ можно было бы жить? Кабы не этотъ воздушный народъ, такъ намъ бы весьма утѣснительно было... А вотъ теперь, какъ поспустишь отъ міра этого воздушнаго народу достаточно, оно тебѣ и свободно».*) Міръ, «спускающій отъ себя» черноту есть міръ кулаковъ и эксплуататоровъ. Неимѣющій «вздоху» воздушный народъ бѣжитъ отъ него, какъ отъ ярма.

Но умственный мужичокъ не всегда увольняетъ «черноту» даромъ. Забравши «въ одинъ надѣлъ—четыре», принадлежащихъ его раззорившимся односельчанамъ, онъ требуетъ отъ послѣднихъ еще «придачи». Отсюда то и рождаются удивительные договоры, въ родѣ нижеслѣдующаго, увѣковѣченнаго г. Орловымъ. «1874 года. Ноябрь 13. Я, нижеподписавшійся, Московской губерніи, Волоколамскаго уѣзда, деревни Курвиной, далъ сію росписку своему обществу крестьянъ деревни Курвиной въ томъ, что я, Григорьевъ, отдаю въ общественное пользованіе землю—надѣлъ на три души, *за что я, Григорьевъ, обязываюсь уплачивать въ годъ 21 руб.* и означенныя деньги долженъ высылать ежегодно къ первому апрѣля, кромѣ паспортовъ, на которые я долженъ высылать особо, также на посылку оныхъ, въ чемъ и подписуюсь». Что этотъ случай не можетъ быть единственнымъ—видно изъ сравненія платежей, лежащихъ на крестьянскихъ надѣлахъ, съ арендной платой за нихъ. Въ среднемъ выводѣ по 12 уѣздамъ Московской губ. размѣръ платежей, лежащихъ на душевомъ надѣлѣ равняется 10 руб. 45 коп., средняя же арендная цѣна душевого надѣла не превышаетъ 3 руб. 60 коп.

*) Деревенскіе Будни, стр. 203-4.

Такимъ образомъ, средняя приплата со стороны владѣльца за сдаваемый въ аренду душевой надѣлъ доходитъ до 6 руб. 80 к. «Встрѣчаются, конечно, и такіе случаи, когда надѣлъ сдается по цѣнѣ, окупающей лежащіе на немъ платежи, — говоритъ г. Орловъ, — но такіе случаи крайне рѣдки, а потому ихъ можно считать исключеніемъ, общимъ же правиломъ является большая или меньшая приплата къ арендной цѣнѣ надѣла. Понятно теперь, почему у крестьянъ, по ихъ собственному выраженію, нѣтъ зависти на мірскую землю».*) Кто знакомъ съ прекраснымъ изслѣдованіемъ г. Янсона о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ, тотъ знаетъ, что въ большей части Россіи существуетъ указываемое г. Орловымъ несоотвѣтствіе между доходностью душевыхъ надѣловъ и общей суммой лежащихъ на нихъ платежей. Очень часто несоотвѣтствіе это достигаетъ размѣровъ, по истинѣ ужасающихъ. Въ Новгородской губерніи «платежи съ десятины земли для отдѣльныхъ группъ плательщиковъ, по отношенію ихъ къ нормальному доходу съ этихъ земель, составляютъ:

Съ земель крестьянъ государственныхъ	160%
Съ земель крестьянъ собственниковъ:	
бывшихъ удѣльныхъ	161%
» помѣщичьихъ	180%
временно-обязанныхъ	210%

При неблагопріятныхъ же условіяхъ, т. е. при дополнительныхъ платежахъ съ крестьянъ собственниковъ, при малыхъ надѣлахъ и при высокихъ общихъ повинностяхъ для временно-обязанныхъ крестьянъ, платежи эти достигаютъ:

для выкупившихся крестьянъ до	275%
для временно-обязанныхъ до	565%»**)

Въ общемъ, сопоставляя данныя, собранныя въ XXII т. «Трудовъ податной коммиссіи» съ данными, заключающимися въ докладѣ коммиссіи сельскохозяйственной, г. Николай — онъ нашелъ, что «государственные удѣльные крестьяне въ 37 губерніяхъ (не считая слѣд. западныхъ) Европейской Россіи платятъ изъ чистаго

*) Сборникъ Статистическихъ Свѣдѣній по Московской губ. Отдѣлъ хозяйственной статистики, томъ IV, выпускъ I, Москва 1879, стр, 203—203,

**) Докладъ высочайше учрежденной коммиссіи для изслѣдованія нынѣшняго положенія сельскаго хозяйства и т. д, отд, III стр, 6.

дохода, даваемаго землею 92,75%, т. е. на всякія нужды изъ земельнаго дохода имъ остается 7,25%. Платежи же бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ по отношенію къ чистому доходу съ ихъ земли выражаются 198,25,— т. е. они не только отдаютъ весь свой доходъ съ земли, но должны еще приплачивать столько же изъ стороннихъ заработковъ». Отсюда слѣдуетъ, что «спущенная міромъ» чернота въ большей части случаевъ должна ежегодно платить извѣстную сумму денегъ за право отказа отъ надѣла и свободнаго передвиженія. Этотъ безспорный выводъ подтверждается фактами всюду, гдѣ экономическія отношенія крестьянъ подвергались сколько нибудь внимательному изученію. Такъ, напр., въ супесчаномъ районѣ Юрьевскаго уѣзда Владимірской губ., по словамъ г. В. С. Пругавина, «скудная, неблагодарная надѣльная почва представляется бременемъ для хозяйства, земля является мачихой для крестьянъ. Здѣсь надѣлъ не только не окупаетъ лежащихъ на немъ платежей, но сдающій землю долженъ приплачивать еще отъ себя 8 — 10 р. за каждый надѣлъ, такъ какъ средняя арендная цѣна душевого участка земли въ этомъ районѣ равняется 4 — 5 рублямъ въ годъ». *) Подавленная бременемъ налоговъ, разоренная «мачихой»—землей», деревенская «чернота» попадаетъ въ самое безвыходное положеніе. Съ одной стороны, она не можетъ по недостатку средствъ, воздѣлывать землю, которою она владѣетъ; съ другой стороны, существующія законоположенія запрещаютъо ей отказываться отъ землевладѣнія, не приносящаг ничего, кромѣ убытковъ. Куда ведетъ такое положеніе дѣлъ? Очень ясно. По словамъ г. Орлова, такъ называемые пустырники, т. е. домохозяева, забросившіе свою землю, выдѣляются въ особую группу и становятся какъ бы отверженными, изгнанными изъ міра; община раскалывается на двѣ части, изъ которыхъ каждая становится во враждебное отношеніе къ другой: хозяева смотрятъ на пустырниковъ, какъ на тяжелое бремя, такъ какъ имъ, по круговой порукѣ, большею частью приходится отвѣчать за послѣднихъ, съ которыхъ обыкновенно взять бываетъ нечего; пустырники же, окончательно раззо-

*) В. С. Пругавинъ, Сельская община и т. д. Юрьевскаго уѣзда Влад. губ. Москва 1884 г., глава III, стр. 93—95.

рившись и переставши заниматься хлѣбопашествомъ, принуждены бываютъ со своими семьями уходить *на сторону* для заработковъ, а между тѣмъ, не пользуясь своими надѣлами, должны платить всѣ лежащія на нихъ подати, иначе міръ не выдастъ имъ паспорта и при томъ «стегаетъ» ихъ въ волостномъ правленіи за неплатежи; *очевидно, міръ въ глазахъ пустырниковъ является обузою, бичемъ, тормазомъ.* «Понятно, что «связь между двумя указанными частями общины чисто внѣшняя, искусственная, фискальная; съ уничтоженіемъ этой связи должно по необходимости произойти *окончательное распаденіе означенныхъ группъ*: община будетъ состоять изъ однихъ хлѣбопашцевъ; пустырники же, не имѣя средствъ вновь завести хозяйство и исподоволь отвыкая отъ него, окончательно обратятся въ безземельныхъ, которыми фактически они являются и теперь».*)

На извѣстной стадіи разложенія общины неизбѣжно почти наступаетъ такое время, когда бѣднѣйшій слой общинниковъ начинаетъ возставать противъ этой формы землевладѣнія, сдѣлавшейся его «бичемъ и тормазомъ». Во Франціи, въ концѣ прошлаго вѣка, бѣднѣйшіе крестьяне требовали часто «раздѣла общинныхъ земель, такъ какъ или, не имѣя скота, не пользовались ими, или надѣялись завести самостоятельное хозяйство, но въ такомъ случаѣ *имѣли противъ* себя фермеровъ и вообще самостоятельныхъ хозяевъ, которые посылали на эти земли скотъ».**) Иногда имѣло, правда, мѣсто и обратное явленіе, т. е. бѣдные желали сохраненія общинныхъ пастбищъ, а богатые захватывали ихъ въ свое исключительное пользованіе, но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что деревенская коммуна являлась ареной самой ожесточенной борьбы матеріальныхъ интересовъ. Антагонизмъ занялъ мѣсто первобытной солидарности.***) Такой же антагонизмъ замѣчается теперь, какъ мы видѣли, и въ русскихъ деревняхъ, при чемъ стремленіе бѣдныхъ къ выходу изъ общины замѣчается на болѣе раннихъ ступеняхъ ея разложе-

*) Орловъ. Сборн. Статистич. Свѣд. стр. 55.

**) Карѣевъ. Ibid. стр. 132.

***) Une commune est presque toujoure divisé par la difference des esprits qui la gouvernent et qui opposent leurs vues particulieres au bien general, цитировано у Карѣева, стр. 135.

нія. Пахотныя земли, напримѣръ, въ Московской губ. не успѣли еще перейти въ частную собственность, а между тѣмъ гнетъ государственныхъ налоговъ ставитъ уже бѣднѣйшую часть крестьянъ во враждебное отношеніе къ общинѣ. «Въ тѣхъ общинахъ, въ которыхъ не имѣется благопріятныхъ условій для земледѣльческаго хозяйства,... крестьяне средняго состоянія стоятъ за сохраненіе мірского владѣнія; крестьяне же крайнихъ состояній т. е. *наиболѣе и наименѣе состоятельные сочувственно относятся къ замѣнѣ мірского владѣнія подворно-наслѣдственнымъ*».*) Кулаки и «пустырники» одинаково стремятся разорвать свою связь съ общиной.

Какъ сильно распространено такое стремленіе? Мы знаемъ уже, что оно обнаруживается тамъ, гдѣ «не имѣется благопріятныхъ условій для земледѣльческаго хозяйства всѣхъ дворовъ», тамъ, гдѣ «часть дворовъ постепенно бѣднѣетъ, слабѣетъ, а затѣмъ и совсѣмъ разстраиваетъ свое земледѣльческое хозяйство, перестаетъ заниматься хлѣбопашествомъ, обращается исключительно къ стороннимъ промысламъ и, такимъ образомъ, разрываетъ свою непосредственную связь съ мірскою землею». Всюду, гдѣ встрѣчается такое положеніе дѣлъ,—стремленіе бѣдняковъ къ разрыву съ общиною настолько естественно, что оно представляетъ собою или уже существующій фактъ или дѣло очень близкаго будущаго. Тамъ, гдѣ существуетъ причина, не замедлитъ обнаружиться и слѣдствіе.

Мы знаемъ также, что большинство нашихъ общинъ поставлено не только въ неблагопріятныя, но просто въ невозможныя условія. Наше хозяйство, какъ общегосударственное, такъ и спеціально *народное*, покоится теперь на самомъ ненадежномъ основаніи. Чтобы разрушить это основаніе, не нужно ни чудесъ, ни неожиданностей: къ этому ведутъ насъ — самая строгая логика вещей, самое естественное отправленіе функцій современнаго нашего общественно-экономическаго организма. Фундаментъ разрушается просто отъ тяжести и несоразмѣрности частей построеннаго на немъ зданія.

Какъ быстро теряетъ равновѣсіе хозяйство бѣднѣй-

*) Орловъ, стр. 289—90.

шей части общинниковъ, видно отчасти изъ приведенныхъ выше данныхъ о числѣ безлошадныхъ крестьянскихъ дворовъ, а отчасти--и притомъ съ большей ясностью — изъ слѣдующихъ многозначительныхъ фактовъ. Въ Подольскомъ уѣздѣ «по переписи 1869 года изъ 33,802 душевыхъ надѣловъ не обработывалось 1750, т. е. 5%; въ переводѣ на десятины это значитъ, что изъ 68,544 десятинъ пахатной крестьянской земли запущено было 3564 дес. Точныя данныя о необработанныхъ надѣлахъ въ 1877 году собраны только по тремъ волостямъ, гдѣ они даютъ 22,7% запущенной пашни. Не имѣя основаній считать эти волости чѣмъ-то исключительнымъ и предполагая, поэтому, что и въ остальной части уѣзда господствуетъ запущеніе въ тѣхъ же размѣрахъ*), мы найдемъ, что количество необработываемой земли съ $3^1/_2$ тысячъ десятинъ возвысилось до $15^1/_2$, т. е. увеличилось въ 4—5 разъ. *И это въ 8 лѣтъ!* Это приблизительное опредѣленіе количества запущенной пашни находитъ себѣ подтвержденіе въ свѣдѣніяхъ о числѣ хозяевъ, необрабатывающихъ своихъ надѣловъ».**) И дѣйствительно, между тѣмъ, какъ въ 1869 г. число такихъ хозяевъ составляло 6,9% получившихъ надѣлъ дворовъ, въ 1877 году *оно возросло до 18%*. Это средняя цифра для всего уѣзда. Въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мѣстностяхъ возростаніе числа незанимающихся земледѣліемъ домохозяевъ шло еще быстрѣе. Въ Кленовской волости оно поднялось съ 5,6% (1869 г.) до 37,4% въ 1877 году! Но и это еще не предѣльная величина. Въ одиннадцати селеніяхъ, взятыхъ изслѣдователями, какъ примѣръ, мы находимъ, что въ указанный промежутокъ времени скотоводство сократилось на 20,6%, число же забросившихъ земледѣліе возросло съ 12,3% до 54,3%, т. е. «большая половина населенія принуждена въ 1877 г. искать заработка внѣ земледѣлія». Въ лучше обставленныхъ мѣстностяхъ того же уѣзда, въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ, по словамъ изслѣдователей, земледѣліе «процвѣтаетъ», процентъ необработывающихъ землю всетаки возросъ больше, чѣмъ вдвое: съ 4 — въ 1869 г., до 8,7 въ 1877

*) Читатель тотчасъ увидитъ, что это предположеніе вполнѣ основательно.

**) «Московская губ. въ трудахъ ея земскихъ статистиковъ». Отеч. Записки 1880 г., кн. 5, стр. 22.

году. Такимъ образомъ, это относительное «процвѣтаніе» только замедляетъ разрывъ крестьянина съ землею, но вовсе не устраняетъ его. Общая, роковая для крестьянина, тенденція нашего народнаго хозяйства остается неизмѣнной.

Но можетъ быть этотъ уѣздъ составляетъ исключеніе изъ общаго правила? Едва-ли. Другіе уѣзды Московской губерніи, равно какъ и другія губерніи европейской Россіи, находятся въ аналогичномъ положеніи. Въ Серпуховскомъ уѣздѣ количество незанимающихся хлѣбопашествомъ хозяевъ простирается до 17%, въ Верейскомъ — 16%. Въ Гжатскомъ уѣздѣ Смоленской губ. «есть селенія, въ которыхъ оставлено земли на половину и даже до $^3/_4$; ...крестьянское полеводство вообще въ уѣздѣ сократилось на четвертую часть»*) Не плодя цитатъ и выписокъ, мы смѣло можемъ, по крайней мѣрѣ, къ половинѣ Россіи примѣнить сказанное г. Орловымъ о Московской губерніи:— «Возникаютъ рѣзкія противоположности въ имущественномъ состояніи крестьянскаго населенія: *громадный процентъ крестьянъ постепенно теряетъ всякую возможность вести самостоятельное хозяйство и обращается въ разрядъ безземельныхъ и бездомныхъ*, а вмѣстѣ съ этимъ незначительный процентъ крестьянъ съ каждымъ годомъ увеличиваетъ степень своего имущественнаго благосостоянія».**) А это значитъ, что, по крайней мѣрѣ, половина сельскихъ общинъ въ Россіи является бременемъ для общинниковъ.

Сами народники хорошо сознаютъ неотразимость этого вывода. Въ брошюрѣ «Соціализмъ и политическая борьба» мы цитировали уже г. N. Z., по мнѣнію котораго «несчастная община дискредитируется въ глазахъ народа.»***) Г. Златовратскій также говоритъ гдѣ-то, что община дорога теперь лишь деревенскимъ старичкамъ да городской интеллигенціи. Наконецъ, самъ г. В. В. признаетъ, что «община распадается, какъ добровольный союзъ, остается «общество» въ административномъ смыслѣ, группа лицъ, насильственно связанныхъ круговой порукой, т. е. отвѣтственностью каждаго за ограниченность силъ всѣхъ

*. Свѣдѣнія эти относятся еще къ 1873 г. См. «Докладъ» сельскохоз. ком. Дополненія, ст. о «Земледѣліи», стр. 2,

**) Орловъ, Ibid. стр. I.

***) См. Недѣлю, N⁰ 39, 1883 г. ст. «Въ родныхъ мѣстахъ».

плательщиковъ и неспособность фиска понять эту ограниченность. Всѣ выгоды, когда то доставляемыя общиной, исчезли; остались лишь неудобства, связанныя съ принадлежностью къ обществу.» *) Такъ называемая несокрушимая основа народнаго быта ежедневно и ежечасно сокрушается давленіемъ государства. Капитализмъ могъ бы, пожалуй, и не вступать въ активную борьбу съ этой «Непобѣдимой Армадой»: она и безъ того разрушается о подводные камни малоземелья и налоговыхъ тягостей.

Но махнувши рукой на современную, *дѣйствительную* общину, народники не перестаютъ пѣть дифирамбы общинѣ абстрактной, общинѣ an und fuer sich, общинѣ *возможной* при извѣстныхъ благопріятныхъ условіяхъ. Они твердятъ, что община разрушается подъ вліяніемъ внѣшнихъ, независящихъ отъ нея обстоятельствъ, что ея рзложеніе *несамопроизвольно* и прекратится съ устраненіемъ современнаго государственнаго гнета. На эту сторону ихъ аргументаціи намъ и нужно обратить теперь вниманіе.

Наши народники, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, отличаются по истинѣ умилительною кротостью. Забота объ избавленіи общины отъ ея современнаго «египетскаго плѣненія» охотно возлагается ими на то самое правительство, усердіемъ котораго доведена до нищеты чуть не вся Россія. Гнушаясь политикой, какъ «буржуазной» забавой, презирая конституціонныя стремленія, какъ несогласныя съ народнымъ благомъ, наши легальные общинофилы стараются убѣдить правительство, что поддержка пресловутыхъ «устоевъ» лежитъ въ его собственныхъ интересахъ. Само собою разумѣется, что голосъ ихъ остается голосомъ вопіющаго въ пустынѣ. Котъ Васька слушаетъ, да ѣстъ, да время отъ времени прихлопываетъ тѣ газеты и журналы, которые слишкомъ уже надоѣдаютъ ему разъясненіемъ его «правильно понятыхъ интересовъ». Безспорная мораль знаменитой басни оказывается аксіомой и въ области соціально-политической жизни.

Вопросъ объ избавленіи крестьянскаго хозяйства отъ неблагопріятныхъ ему условій сводится, такимъ

*) Экономическій упадокъ Россіи. «Отеч. Записки» 1881, кн. 9. стр. 149.

образомъ, къ вопросу объ избавленіи Россіи отъ гнета абсолютизма. Съ своей стороны, мы думаемъ, что эта политическая эмансипація нашего отечества станетъ возможной лишь въ результатѣ того перераспредѣленія народныхъ силъ, которое несомнѣнно будетъ вызвано и уже вызывается разложеніемъ нѣкоторой части нашихъ сельскихъ общинъ. Но объ этомъ рѣчь впереди. Теперь же мы сдѣлаемъ уступку народникамъ, забудемъ о *дѣйствительной* и поговоримъ о *возможной* общинѣ.

4. *Идеальная община народниковъ.*

Всѣ предыдущіе доводы наши основывались на томъ предположеніи, что русская община надолго останется подъ бременемъ непосильныхъ для нея налоговъ и малоземелья. Взглянемъ теперь на дѣло съ другой стороны. Допустимъ, что, благодаря тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ, общинѣ удастся избавиться отъ этого бремени. Спрашивается, не остановится ли тогда ея, начавшееся уже, разложеніе? И не помчится ли она тогда къ коммунистическимъ идеаламъ съ быстротой и неудержимостью гоголевской тройки?

Въ настоящее время общая сумма платежей, лежащихъ на крестьянскихъ надѣлахъ, въ большинствѣ случаевъ, далеко превышаетъ доходность этихъ надѣловъ. Отсюда происходитъ весьма естественное стремленіе нѣкоторой части крестьянъ развязаться съ землею, приносящею имъ лишь отрицательную ренту. Вообразимъ теперь, обратный случай. Представимъ себѣ, что совершена серьезная реформа нашей податной системы и что лежащіе на крестьянской землѣ платежи стали значительно ниже ея доходности. Этотъ предполагаемый нами общій случай и теперь уже существуетъ въ видѣ отдѣльныхъ исключеній. И теперь есть общины, въ которыхъ земля не является бременемъ для крестьянина, въ которыхъ она приноситъ ему, напротивъ, нѣкоторый, хотя и не большой доходъ. Тенденціи, обнаруживаемыя такими общинами, должны показать намъ, какую судьбу имѣла бы старинная форма нашего крестьянскаго землевладѣнія въ томъ случаѣ, если бы *всѣ* общины попали въ такія, сравнительно благопріятныя, условія.

Посмотримъ же, какія надежды, какія ожиданія можетъ возбудить въ насъ примѣръ этихъ привилегированныхъ общинъ.

Въ «Сборникѣ Статистическихъ Свѣдѣній по Московской губ.» мы находимъ слѣдующее, въ высшей степени важное указаніе. «Общіе передѣлы мірскихъ полей повторяются тѣмъ чаще, чѣмъ *выше* размѣръ платежей, лежащихъ на мірской землѣ, чѣмъ въ большемъ несоотвѣтствіи находятся они (платежи) съ доходностью земли. Если цѣнность платежей не выше доходности мірского надѣла, то передѣлы повторяются черезъ длинные промежутки времени, простирающіеся до 15—20 и болѣе лѣтъ; если, наоборотъ, размѣръ платежей превышаетъ доходность земли, то промежутки между передѣлами бываютъ болѣе короткими, и при томъ передѣлы повторяются тѣмъ чаще, чѣмъ значительнѣе несоотвѣтствіе между цѣнностью платежей и доходностью земли, при равенствѣ всѣхъ другихъ условій.»*) Тоже самое явленіе было замѣчено г. Личковымъ въ Рязанской губерніи. Смыслъ этого явленія очень понятенъ: оно показываетъ намъ, что уменьшеніе лежащихъ на крестьянской землѣ платежей вызвало бы стремленіе къ удлиненію сроковъ передѣловъ. Впрочемъ, выражаясь точнѣе, нужно сказать, что уменьшеніе платежей только *увеличило бы* это стремленіе, такъ какъ оно существуетъ уже и въ настоящее время. «Сопоставленіе по отдѣльнымъ уѣздамъ среднихъ чиселъ, выражающихъ промежутки времени между общими передѣлами съ числами частости передѣловъ указываетъ на тенденцію къ удлиненію сроковъ передѣловъ, а слѣдовательно къ уменьшенію числа передѣловъ, т. е. къ большей продолжительности владѣнія.»**) Та же тенденція указана въ «Докладѣ» сельскохозяйственной коммиссіи по отношенію къ другимъ губерніямъ европейской Россіи. Многіе изъ нашихъ народниковъ очень сочувственно относятся къ такой тенденціи. По ихъ мнѣнію, она дастъ возможность устранить или ослабить нѣкоторыя сельскохозяйственныя неудобства, неразрывно связанныя съ коренными передѣлами общинной земли. Это справедливо, но бѣда въ томъ,

*) Сборникъ Стат. Свѣд. т. IV. вып. I стр. 200.

**) Ibid. стр. 158.

что неудобныя слѣдствія общиннаго принципа устраняются въ этомъ случаѣ такими средствами, которыя ведутъ къ подрыву самаго принципа и очень напоминаютъ леченіе головной боли посредствомъ ампутаціи головы. Удлиненіе сроковъ передѣловъ есть одинъ изъ признаковъ предстоящаго разложенія общины. Всюду, гдѣ эта форма землевладѣнія исчезла подъ напоромъ возрастающаго индивидуализма, исчезновеніе ея совершалось путемъ довольно продолжительнаго процесса приспособленія *общины* къ народившимся потребностямъ въ *индивидуальной* недвижимой собственности. *Фактическія* отношенія здѣсь, какъ и вездѣ, опережали *юридическія*: земля, составлявшая собственность цѣлой общины, все дольше и дольше оставалась въ рукахъ даннаго, обработывавшаго ее семейства, пока, наконецъ, удлиненіе сроковъ передѣловъ не подготовляло почву для полнаго устраненія отжившихъ правовыхъ нормъ. Причина этого явленія очень понятна и легко обнаруживается при сколько нибудь внимательномъ изученіи процесса индивидуализаціи недвижимой собственности.

Деревенская община представляетъ собою не болѣе, какъ *одну изъ ступеней разложенія первобытнаго коммунизма**). Келлективная собственность на землю не могла не возникнуть въ тѣхъ обществахъ, которыя не знали никакихъ другихъ видовъ собственности. «Историкъ-этнографъ,—справедливо говоритъ г. Ковалевскій,—станетъ искать древнѣйшихъ формъ общенія имуществъ не у осѣвшихъ уже племенъ, а у бродячихъ звѣролововъ и рыболововъ, и видѣть *въ общинномъ землевладѣніи* первыхъ *не болѣе, какъ перенесеніе на недвижимое имущество тѣхъ правовыхъ идей и учрежденій*, которыя, подъ гнетомъ необходимости, возникли у отдѣльныхъ племенъ въ ту эпоху, когда единственнымъ средствомъ къ пропитанію было занятіе звѣринымъ и рыбнымъ промыслами».**) Такимъ образомъ, относящіяся къ *движимой* собственности «правовыя идеи и учрежденія»—оказывали рѣшающее вліяніе на характеръ собственности *недвижимой*. Это вліяніе не только не ослабѣло, но

*) Примѣч. къ настоящему изданію. Повторяю, теперь уже доказано *фискальное* происхожденіе нашей общины.

**) Общинное землевладѣніе, причины, ходъ и послѣдствія его разложенія, стр. 27.

еще болѣе возросло въ то время, когда движимая собственность приняла индивидуальный характеръ. Но за то оно приняло теперь противоположное направленіе. Прежде движимая собственность стремилась придать недвижимой—коллективный характеръ, потому что сама она принадлежала не отдѣльнымъ лицамъ, а цѣлому племени. Теперь, наоборотъ, она подрываетъ *общинную* недвижимую собственность, потому что сама она принадлежитъ не цѣлой общинѣ, а отдѣльнымъ лицамъ. И это несомнѣнное вліяніе движимой собственности на недвижимую съ особенною силою сказывается тамъ, гдѣ, какъ въ земледѣліи, самая сущность хозяйственнаго предпріятія требуетъ одновременнаго употребленія въ дѣло объектовъ какъ частной, такъ и коллективной собственности. Хлѣбопашцу нужна, во-первыхъ, земля, поступающая въ его пользованіе лишь на извѣстное время, а во-вторыхъ, — удобреніе, сѣмена, рабочій скотъ и орудія труда, составляющія его частную собственность. Въ этой-то точкѣ соприкосновенія двухъ родовъ собственности разлагающее вліяніе индивидуализма достигаетъ наивысшей степени, и побѣда тѣмъ скорѣе клонится на его сторону, чѣмъ болѣе возрастаетъ въ земледѣльческой культурѣ значеніе предметовъ движимой (частной) собственности, т. е. чѣмъ болѣе труда, удобренія и ухода требуютъ данная категорія общинныхъ земель. Вотъ почему огороды и вообще приусадебныя земли, подвергающіяся наиболѣе старательной обработкѣ, раньше другихъ переходятъ въ подворно-наслѣдственное владѣніе, между тѣмъ, какъ дольше другихъ въ общинной собственности остаются выгоны и пустоши, требующіе развѣ лишь огораживанія, для охраны пасущагося на нихъ скота. Между этими двумя крайностями другія общинныя угодья располагаются въ порядкѣ возрастающей или убывающей сложности ихъ обработки.

Такимъ образомъ, удлиненіе сроковъ передѣловъ есть естественное слѣдствіе возрастающей тщательности въ обработкѣ земельныхъ угодій.

Вотъ нѣсколько примѣровъ въ поясненіе сказаннаго.

Въ Заозерской сельской общинѣ (Новогородской губ.) «всѣ пахатныя поля раздѣляются на два вида: 1) *степенныя поля* и 2) пашни». Первыя переходятъ

отъ одного домохозяина къ другому только во время коренныхъ передѣловъ, происходящихъ только при ревизіи; поля второго рода, *пашни*, «каждый годъ подъ осень дѣлятся между домохозяевами». Это различіе обусловливается тѣмъ обстоятельствомъ, что *степенныя поля* удобряются обыкновенно навозомъ» и «крестьяне довольны большими промежутками времени отъ передѣла до передѣла», потому что, по ихъ собственнымъ словамъ, «нужно получить свою пользу отъ земли, *а то на кой чертъ я буду хорошо работать на своей полосѣ, если завтра другому отдай*». Болѣе тщательная обработка ведетъ къ большей продолжительности владѣнія, которая, въ свою очередь, естественно распространяется и на другіе виды общинныхъ угодій, почему либо имѣющіе въ глазахъ крестьянъ большую цѣнность, хотя и не требующіе никакихъ спеціальныхъ затратъ на свою обработку. Въ той же Заозерской общинѣ сѣнокосы, какъ и поля, подраздѣляются, на нѣсколько разрядовъ, при чемъ сѣнокосы лучшаго разряда, «обширные поемные луга» по рѣкѣ Хоринкѣ, «поступаютъ только въ коренной передѣлъ»*).

Тоже самое и еще болѣе рельефно выраженное явленіе мы встрѣчаемъ въ Торховской общинѣ Тульской губерніи. *Тѣ изъ домохозяевъ этой общины, «которые удобряютъ свои полосы, крѣпко за нихъ держатся и только въ крайнемъ случаѣ рѣшаются уступить ихъ другому* домохозяину».

Въ Михайловскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи «крестьяне не дѣлятъ навозныхъ полей».

Въ Мценскомъ уѣздѣ Орловской губерніи «при передѣлахъ одну полосу земли оставляютъ недѣлимою, чтобы ее каждый могъ удобривать. Это называется навозниками. Такого навозника, никогда не передѣляемаго, приходится на крестьянина сажень 5».

Въ Курмышскомъ уѣздѣ Симбирской губ. «въ послѣдніе годы (писано въ началѣ семидесятыхъ годовъ) передѣлы полей дѣлаются на болѣе долгіе сроки, вслѣдствіе чего земледѣліе улучшается и удобреніе полей навозомъ входитъ въ общее употребленіе»**).

*) См. Сборникъ матеріаловъ для изученія сельской поземельной общины, изданіе Вольнаго Экономическаго и Русскаго Географическаго Обществъ С. Петербургъ 1880, стр. 257—65

**) Докладъ сельскохозяйственной коммисіи. Приложеніе I, от. I глава 2: общинное и участковое пользованіе землею.

Связь между удлиненіемъ сроковъ передѣловъ и улучшеніемъ обработки полей — выясняется вышеприведенными примѣрами до очевидности. Не остается никакого сомнѣнія въ томъ, что домохозяева очень неохотно разстаются съ землей, обработка которой потребовала отъ нихъ какихъ нибудь спеціальныхъ затратъ. Это стремленіе къ возможно болѣе продолжительному удержанію въ своихъ рукахъ разъ полученной въ надѣлъ полосы значительно ослабѣло бы, конечно, если бы всѣ члены общины имѣли матеріальную возможность одинаково удобрять свои поля. «Если бы всѣ, или по крайней мѣрѣ, значительное большинство дворовъ одинаково исправно могли бы заниматься хлѣбопашествомъ, то большой разницы между полосами не могло бы быть, и общіе передѣлы полей были бы ни для кого необременительны» — говорили г. Орлову крестьяне Московской губерніи. Но такое равенство само по себѣ очень не прочно въ сельской общинѣ, гдѣ на *мірской землѣ ведется подворное хозяйство*, гдѣ каждый самостоятельный общинникъ на свой собственный страхъ и рискъ обрабатываетъ полученную имъ въ надѣлъ землю. Количество скота, качество сельско-хозяйственныхъ орудій, рабчія силы семьи — представляютъ перемѣнныя величины, значительно разнообразящія доходы отдѣльныхъ дворовъ. Развитіе промышленности вокругъ или внутри общины открываетъ новые пути для заработка, но вмѣстѣ съ тѣмъ и новые источники неравенства. Одинъ дворъ совсѣмъ не имѣетъ возможности «работать на сторонѣ», другой — получаетъ оттуда значительную часть своего дохода. Одинъ домохозяинъ, занимаясь кустарной промышленностью, становится «мастеркомъ», эксплуататоромъ членовъ своей собственной общины, другому суждено попасть въ болѣе многочисленный разрядъ эксплуатируемыхъ. Все это, разумѣется, отражается на хозяйственной способности различныхъ дворовъ. Наконецъ, не всѣ дворы переносятъ съ одинаковой легкостью гнетъ государственныхъ налоговъ. Такимъ то образомъ, община распадается на «красную» и «холодную» стороны, на слой богатыхъ, «хозяйственныхъ мужичковъ», и слой бѣдняковъ, превращающихся, мало по малу, въ «пустырниковъ». Тогда передѣлы становятся въ высшей степени невыгодными для исправныхъ хозяевъ. Послѣднимъ при-

ходится «трудиться не на себя, а на своихъ малосильныхъ и неисправныхъ сосѣдей». Само собою понятно, что зажиточные крестьяне стараются избѣжать этой, печальной для нихъ, необходимости; они начинаютъ очень несочувственно относиться къ передѣламъ. Мы можемъ сказать, поэтому, что *неравенство, необходимо возникающее въ общинѣ, въ извѣстный болѣе или менѣе ранній періодъ ея существованія, также необходимо ведетъ къ удлиненію сроковъ передѣловъ.*

Но на этомъ дѣло не останавливается. Съ удлиненіемъ сроковъ передѣловъ неравенство между общинниками не только не исчезаетъ, но, напротивъ, еще болѣе усиливается. Домохозяева, имѣющіе возможность лучше обработывать свои надѣлы, не боятся теперь, что земля ихъ «завтра» же перейдетъ въ другія руки. Они воздѣлываютъ ее съ большимъ стараніемъ, не останавливаются передъ затратами на ея улучшеніе. Эти заботы естественно вознаграждаются лучшими урожаями. Хорошо обработанная полоса исправнаго домохозяина приноситъ большій доходъ, чѣмъ еле вспаханные надѣлы деревенской «черноты».*) Благодаря этому, въ общинѣ повторяется старая, но вѣчно новая исторія, разсказанная въ притчѣ о талантахъ: исправные домохозяева становятся еще «исправнѣе»; бѣдняки—еще бѣднѣе. Зажиточные домохозяева образуютъ между собою оборонительный и наступательный союзъ противъ «черноты», за которой остается еще право голоса при рѣшеніи мірскихъ дѣлъ и которая можетъ потребовать переверстки. Желая, во что бы то ни стало, сохранить за собою лучше обработанныя полосы общинной земли и не рѣшаясь или не будучи въ состояніи установить подворно-наслѣдственное владѣніе, зажиточные крестьяне прибѣгаютъ къ слѣдующей, весьма остроумной, мѣрѣ. Они выдѣляютъ свои земли въ особый участокъ, изъ котораго надѣлы отводятся лишь исправнымъ домохозяевамъ. «Мірское

*) Въ Спасской волости Юрьевскаго уѣзда, Влад. губ. «при посѣвѣ 12 мѣръ ржи на душу нажинаютъ 6 сотенъ сноповъ, намолачиваютъ 5 мѣръ съ сотни». Таковъ средній урожай. Въ частности онъ не одинаковъ у крестьянъ различной степени благосостоянія. Самый большій урожай бываетъ «у зажиточныхъ крестьянъ — по 10 сотенъ сноповъ на душу, умолотъ *6 мѣръ съ сотни*», самый меньшій «у бобылокъ—200—300 сноповъ, по *3—4 мѣры* умолота». Пругавинъ, Сельская община и т. д. стр. 15.

поле разбивается на двѣ неровныя части: одна, состоящая изъ лучшихъ ярусовъ, идетъ въ надѣлъ исправнымъ хлѣбопашцамъ и обрабатывается ими; другая, состоящая изъ худшихъ ярусовъ, поступаетъ въ надѣлъ безхозяйнымъ дворамъ и лежитъ въ пустыряхъ».**) Бѣдняки лишаются, такимъ образомъ, всякой надежды когда нибудь получить въ свое распоряженіе хорошо обработанную землю своихъ счастливыхъ сосѣдей. Община радикально измѣняетъ свой характеръ: изъ оплота и опоры бѣднѣйшихъ своихъ членовъ она становится источникомъ окончательнаго ихъ раззоренія. *Удлиненіе сроковъ передѣловъ, явившееся, какъ результатъ неравенства между общинниками, ведетъ лишь къ усиленію неравенства и окончательному подрыву сельской общины.*

Добиваясь осуществленій своихъ гребованій, наши реформаторы полагаютъ, что они работаютъ для упроченія «вѣковыхъ устоевъ, выдержавшихъ» и проч.. и проч., т, е. переводя съ народническаго языка на общечеловѣческій, — для сохраненія общиннаго землевладѣнія. Но жизнь готовитъ имъ не мало самыхъ непріятныхъ неожиданностей. Увеличеніе надѣловъ и уменьшеніе податей приведетъ къ тому, что крестьяне станутъ «дорожить» землею; а тамъ, гдѣ ею «дорожатъ», не любятъ передѣловъ и стремятся удлинять ихъ сроки; а тамъ, гдѣ удлиняются сроки передѣловъ, возрастаетъ неравенство между общинниками, крестьяне исподволь и самою логикою вещей подготовляются къ подворно-наслѣдственному владѣнію. Словомъ, мѣра, рекомендуемая, какъ средство сохраненія общины, только увеличитъ ту неустойчивость ея равновѣсія, которая и теперь уже поражаетъ безпристрастнаго наблюдателя; эта мѣра будетъ настоящимъ подаркомъ данайцевъ для общины. Нужно сознаться, что только съ помощью очень пылкой фантазіи и довольно крупной дозы невѣжества можно строить какіе нибудь реформаторскіе планы на шаткомъ основаніи бытовой формы, находящейся въ такомъ безвыходномъ и противорѣчивомъ положеніи.

Противорѣчія, свойственныя данной соціальной формѣ, неизбѣжнымъ и роковымъ образомъ отражаются на образѣ мыслей и на поведеніи ея сторонниковъ. Наши народники-легалисты, столь плодовитые на

**) Орловъ. Формы крестьянскаго землевладѣнія, стр. 55.

всякаго рода рецепты для поддержанія и упроченія «вѣковыхъ устоевъ русскаго нвроднаго быта», не замѣчаютъ, что фактически они все болѣе и болѣе становятся выразителями интересовъ той части крестьянства, которая является представительницей индивидуалистическаго принципа и кулацкой наживы.

Толки о народномъ кредитѣ и умиленіе передъ такъ называемыми «мірскими» арендами помѣщичьихъ земель могутъ служить новыми примѣрами близорукаго отношенія къ интересамъ общины. Въ сущности, какъ мірская аренда, такъ и мелкій поземельный кредитъ, нисколько не упрочиваютъ дорогихъ нашимъ народникамъ «устоевъ» и даже прямо подрываютъ общинный принципъ. Мы еще вернемся къ этому предмету, но прежде считаемъ нужнымъ покончить съ другими, уже затронутыми нами, причинами разложенія общины.

Мы знаемъ уже, что крестьяне стоятъ за удлиненіе сроковъ передѣловъ мірской земли въ интересахъ лучшей ея обработки. Они не хотятъ «*хорошо работать*» на той полосѣ, которая можетъ скоро перейти въ чужія руки. — Хорошая обработка земли предполагаетъ затрату не только живого труда работника, но и мертвыхъ продуктовъ его прошлаго труда, тѣхъ средствъ производства, которыя въ буржуазной экономіи носятъ названіе капитала.

Эти затраты «капитала» окупаются въ болѣе или менѣе продолжительный періодъ времени. Однѣ уже черезъ годъ или черезъ нѣсколько лѣтъ сполна возвращаются собственнику, въ видѣ увеличеннаго дохода съ его земли; другія требуютъ, напротивъ, весьма продолжительнаго времени для своего оборота. Первыя называются затратами оборотнаго, вторыя — затратами постояннаго капитала. Само собою понятно, что чѣмъ болѣе будутъ возрастать затраты постояннаго капитала въ крестьянскомъ земледѣліи, тѣмъ болѣе будетъ усиливаться у богатыхъ и зажиточныхъ домохозяевъ стремленіе удерживать свои надѣлы въ теченіе возможно болѣе длиннаго срока. Унавоживаніе земли не богъ знаетъ какая затрата, а между тѣмъ мы видимъ, что и оно уже вызываетъ у нѣкоторой части нашего крестьянства враждебное отношеніе къ передѣламъ. «Это дурно, потому: у меня три коровы, а у него одинъ пѣтухъ»—отзываются о переверстках

земли крестьяне Сенгилевской волости, Юрьевскаго уѣзда*). Что же будетъ со введеніемъ болѣе раціональныхъ способовъ хозяйства, интенсивной культуры, многопольной системы? Общинное землевладѣніе несомнѣнно явится серьезнымъ препятствіемъ для ихъ упроченія. Оно и теперь уже ведетъ къ такимъ ненормальнымъ явленіямъ, какъ отказъ отъ удобренія пахатныхъ полей. Въ Калужской губ. нѣкоторые «крестьяне почти все удобреніе вывозятъ на конопляники, а поля свои очень мало удобряютъ изъ опасенія, что при передѣлѣ удобренная полоса перейдетъ къ другому хозяину». Въ Московской губ. «вывозка навозу на пашню останавливается года за 3 до передѣла». Въ Кинешемскомъ уѣздѣ Костромской губ. «есть примѣры, что зажиточные крестьяне продаютъ накопленное удобреніе», не рѣшаясь, по указаннымъ причинамъ, вывозить въ поле. Въ Тульской губ. «у крестьянъ, не вышедшихъ еще на выкупъ и остающихся до времени на оброчной повинности, поля съ каждымъ годомъ приходятъ къ истощенію, по случаю неудобренія, ибо навозъ не вывозятъ на поля уже десятый годъ и хранятъ его до раздѣла земли». Наконецъ, въ Сызранскомъ уѣздѣ Симбирской губ. «изъ многихъ свѣдѣній о сдаточныхъ цѣнахъ явствуетъ, что наемная цѣна земли при общинномъ землевладѣніи (при сдачѣ цѣлыми надѣлами), въ среднемъ выводѣ, вдвое ниже наемной цѣны земли, находящейся въ личной собственности, при подворномъ владѣніи. Это фактъ, не подлежащій сомнѣнію; удостовѣриться въ этомъ легко изъ книгъ, сдѣлокъ и договоровъ въ волостныхъ правленіяхъ.

Объясняется онъ тѣмъ, что просто самая обработка земли при тѣхъ незначительныхъ дѣлянкахъ, которыя приходятся на долю каждаго домохозяина, весьма неудобна; фактъ этотъ вполнѣ сознается наиболѣе зажиточной и развитой частью крестьянскаго населенія, и онъ вызвалъ, съ своей стороны, два явленія, которыя слѣдуетъ признать самыми характеристичными для опредѣленія настоящаго положенія крестьянскаго землевладѣнія. Во-первыхъ, въ нѣкоторыхъ селеніяхъ (Кравковѣ, Головинѣ, части селъ Федрина и Загарина) состоялись приговоры о раздѣ-

*) Пругавинъ, Сельская община, стр. 40—41.

леніи общинной земли на подворные участки. Во-вторыхъ, въ весьма многихъ селеніяхъ отдѣльные домохозяева вносятъ выкупъ за свои надѣлы и требуютъ выдѣла ихъ изъ общинной земли. Подобные случаи встрѣчаются въ селахъ: Репьевкѣ, Самойкинѣ, Окуловкѣ и многихъ другихъ; они встрѣчались бы гораздо чаще, если бы было поболѣе порядка въ крестьянскомъ управленіи, теперь же нѣкоторая неясность закона, усиливаемая еще недостатками крестьянскаго управленія, невольно задерживаетъ случаи выкупа»*).

Но этимъ не исчерпываются неудобства общиннаго землевладѣнія. Связанная съ нимъ обязательность сѣвооборота также не мало затрудняетъ усовершенствованіе земледѣлія.

Возможны ли радикальныя улучшенія земледѣлія, напримѣръ, въ Торховской общинѣ, Тульской губ., гдѣ «*ни огораживать своихъ полей, ни измѣнять системы полеводства не дозволяется*», или въ Погорѣловской общинѣ Костромской губ., гдѣ «ведется трехпольная, *обязательная для всѣхъ*, система полеводства?» Такія общины вовсе не составляютъ исключенія; напротивъ, существующіе въ нихъ порядки могутъ быть признаны общимъ правиломъ, основаннымъ на томъ простомъ соображеніи, что въ случаѣ огораживанія полей или измѣненія системы полеводства какимъ нибудь членомъ общины—«пришлось бы для одного всѣмъ стѣсниться въ выпускѣ скота на паръ и на жнивье»**). По заявленію старшины и крестьянъ Тихоновской волости Калужскаго уѣзда—«ни одна хозяйственная работа не можетъ быть выполнена такъ, какъ бы желательно было отдѣльному домохозяину: троить паръ, когда всѣ только двоятъ, ему не позволятъ, потому что паръ служитъ выгономъ для скота; посѣять озимую рожь раньше другихъ онъ по той же причинѣ не можетъ; начать сѣнокосъ онъ долженъ тоже въ одно время съ другими, ибо косить нельзя до раздѣла покосовъ, а косить послѣ другихъ нельзя, потому что перегонятъ съ парового поля скотъ; и такъ рѣшительно во всѣхъ работахъ встрѣчаются подобныя препятствія». Нечего и говорить о введеніи новыхъ

*) «Докладъ» сельскохозяйственной коммиссіи; прилож. I, отд. I гл. 2, условія хозяйства крестьянъ.

**) Сборникъ матеріаловъ для изученія сельской поземельной общины, стр. 161 и 234.

культурныхъ растеній. Это невозможно, если они «высѣваются позже нашихъ растеній, по снятіи которыхъ мірской скотъ все вытопчетъ».*) Поэтому можно сказать, что совершенно неизбѣжна борьба между общиною съ одной стороны, и общинниками, видящими выгоду въ измѣненіи системы полеводства и *имѣющими необходимыя для того* средства. И не трудно предсказать, на чью сторону склонится побѣда: «богатый бѣднаго всегда засилитъ»—говорятъ крестьяне; въ данномъ же случаѣ богатое меньшинство будетъ «засиливать» бѣдняковъ съ помощью самаго страшнаго оружія, какое когда либо создавалось исторіей, т. е. съ помощью усовершенствованныхъ средствъ производства.

Много бумаги исписано было нашими народниками для доказательства того положенія, что община сама по себѣ, т. е. по сущности лежащаго въ ея основѣ принципа, не враждебна никакимъ усовершенствованіямъ въ земледѣліи. Стоитъ только всѣмъ членамъ данной общины взяться за такія усовершенствованія, а еще лучше — ввести коллективную обработку полей, говорили они, и дѣло не только не затруднится, но, напротивъ, будетъ значительно облегчено отсутствіемъ частной собственности на землю. Это, конечно, справедливо, но вѣдь мало ли *возможностей*, переходъ которыхъ въ *дѣйствительность* мыслимъ лишь при извѣстныхъ, *невозможныхъ* въ данное время условіяхъ?

Ахъ, кабы на цвѣты да не морозы,
И зимой бы цвѣты расцвѣтали!

справедливо говоритъ пѣсня. Но возможно ли, чтобы въ нашемъ климатѣ зимой не было морозовъ? Нѣтъ? Ну такъ и цвѣты не расцвѣтутъ зимою, иначе, какъ въ теплицахъ. Наши крестьяне *могли бы* ѣсть устрицъ и запивать ихъ шампанскимъ, *если бы... если бы* имѣли для этого средства. Неотвязный вопросъ о средствахъ всегда былъ холодной водою, охлаждавшей порывы пылкой маниловской фантазіи. Если бы *всѣ* наши крестьяне имѣли средства не только для обработки своихъ полей по усовершенствованнымъ системамъ, но просто для поддержанія традиціоннаго трехпольнаго хозяйства, — то у насъ не было бы и того аграрнаго вопроса, надъ рѣшеніемъ

*) Докладъ, Услов. хоз. кр.

котораго такъ усердно и такъ безуспѣшно трудятся гг. народники. Дѣйствительность говоритъ, что такихъ средствъ у огромной части нашего крестьянства нѣтъ; а разъ ихъ нѣтъ, то ни отдѣльнымъ домохозяевамъ, ни всему государству нѣтъ ни охоты, ни основанія откладывать улучшеніе земледѣльческой культуры до тѣхъ поръ, пока «поправится» большинство общинниковъ: вѣдь наша допотопная соха и безъ того уже довольно подгадила намъ въ борьбѣ за рынокъ, хотя бы съ американцами, не откладывающими употребленія паровыхъ плуговъ до золотого вѣка братства и равенства.

Мы можемъ сказать, слѣдовательно, что *введеніе усовершенствованныхъ способовъ земледѣлія явится новымъ факторомъ разложенія нашей общины*, если только, какимъ нибудь чудомъ не исчезнетъ неравенство, уже существующее въ современной, «пореформенной» деревнѣ. Но о чудесахъ ниже.

Что же такое, однако, это усовершенствованное земледѣліе? Представляетъ ли оно собою отрицательное условіе общественнаго развитія, продуктъ окружающихъ земледѣльца неблагопріятныхъ вліяній — или, напротивъ, является оно результатомъ устраненія этихъ неблагопріятныхъ вліяній, слѣдствіемъ повышенія уровня матерьяльнаго благосостоянія крестьянъ? Намъ кажется, что второе предположеніе вѣрнѣе перваго. Теперь большинство крестьянъ очень бѣдно, а круговая порука грозитъ раззореніемъ даже зажиточному ихъ меньшинству. Понятно, что имъ теперь не до интенсивной культуры. Но поставьте ихъ въ лучшія условія, снимите давящій ихъ податной гнетъ—и сама круговая порука перестанетъ быть грозою богатыхъ крестьянъ: меньше несостоятельныхъ общинниковъ — меньше и отвѣтственности за нихъ. Увѣренная въ своемъ будущемъ, зажиточная часть крестьянства задумается о серьезныхъ улучшеніяхъ въ земледѣліи. Но тогда-то и столкнется она съ общиной, тогда-то и придется вступить ей съ нею въ смертельную борьбу. Передъ нами опять выростаетъ, слѣдовательно, тотъ выводъ, что улучшеніе матерьяльнаго благосостоянія крестьянъ увеличитъ неустойчивость общиннаго землевладѣнія, сдѣлаетъ болѣе частымъ явленіе и теперь уже встрѣчающееся, напр. въ Тамбовской губ., гдѣ «богатѣющіе крестьяне

заводятъ владѣніе участковое, а пока они бѣдны держатся владѣнія общиннаго, съ передѣломъ полей.»*) Плохъ, плохъ нашъ больной! Онъ истощенъ теперь до такой степени, что разлагается заживо, и въ то же время всѣ питательныя вещества, рекомендуемыя нашими легальными народниками-гомеопатами, какъ средство возстановленія его силъ, — могутъ только ускорить начавшееся разложеніе.

Но не пора ли намъ кончить съ общиной? Не указаны ли уже нами всѣ факторы ея разложенія? О нѣтъ! Такихъ факторовъ много, очень много. Всѣ принципы современнаго хозяйства, всѣ пружины современной экономической жизни находятся въ непримиримой враждѣ съ общиною. Вслѣдствіе этого, надѣяться на ея дальнѣйшее самостоятельное «развитіе» такъ же странно, какъ странно надѣяться на долговѣчность и дальнѣйшее размноженіе вытащенной на берегъ рыбы. Дѣло не въ томъ, на какой крюкъ посажена рыба, а въ томъ — приспособлены ли ея дыхательные органы къ окружающей атмосферѣ. Атмосфера же современнаго денежнаго хозяйства убиваетъ нашу архаическую форму землевладѣнія, подкапываетъ ее въ самомъ корнѣ. Хотите иллюстрацій? Вотъ онѣ.

Мы видѣли уже, какъ разрушительно вліяетъ денежное хозяйство на семейную общину. Поищемъ теперь примѣра вліянія его на сельскую общину, собственно такъ называемую.

5. *Выкупная операція.*

Вотъ передъ нами выкупная операція, долженствующая подарить Россію новымъ сословіемъ крестьянъ-собственниковъ. Нѣкоторыя общины уже успѣли выкупить свои земли. Какъ же отразилось это на ихъ внутреннемъ складѣ?

«Еще въ сборникѣ статистическихъ свѣдѣній по Тамбовской губерніи — говоритъ г. Л. С. Личковъ*)— между прочимъ указано было В. И. Орловымъ на то, что система *выкупа земель чрезвычайно сильно вліяетъ на уничтоженіе между крестьянами земельныхъ*

*) «Докладъ» С. К. Пр. 1. Отд. II. стр. 178.

**) См. его статью «Выкупная операція, какъ разрушитель общины», Дѣло No 11, 1881.

передѣловъ, утверждая и распространяя въ крестьянствѣ взгляды на выкупаемую землю, какъ на *личную, неотъемлемую ихъ собственность*... Такое же явленіе мнѣ и моимъ товарищамъ по собиранію статистическихъ свѣдѣній удалось подмѣтить и въ Рязанскомъ уѣздѣ».

Нужно сознаться, что г. Личкову удалось подмѣтить въ высшей степени любопытное и поучительное явленіе. Въ Рязанскомъ уѣздѣ — говоритъ онъ — состоящіе на выкупѣ крестьяне *совсѣмъ не передѣляютъ* своихъ земель въ тѣхъ общинахъ, *гдѣ землею дорожатъ*, тогда какъ временно-обязанные, и особенно государственные, производятъ земельные передѣлы. Собственники же дѣлятъ землю только тамъ, гдѣ землей не дорожатъ, т. е. гдѣ приходится дѣлить въ сущности не землю, а приносимыя ею тягости... Весьма характерно, что во всѣхъ выкупныхъ общинахъ, гдѣ земля подѣлена по живымъ душамъ, распредѣленіе это сдѣлано *не послѣ*, а *до* или *при* самомъ выходѣ на выкупъ (*обыкновенно съ тѣмъ, чтобы никогда уже болѣе не дѣлить*). Послѣ же выхода на выкупъ *ни одна община*, за исключеніемъ тѣхъ, гдѣ плохая земля только обременяетъ крестьянъ,—ни въ одной, говорю я, не было передѣла земли, несмотря на явную неравномѣрность въ ея распредѣленіи. Какъ ни прискорбно, а приходится все таки признать, какъ этотъ, такъ и другіе факты, *характеризующіе совсѣмъ не мірское настроеніе крестьянскихъ интересовъ*,—приходится потому, что всякому факту надо глядѣть прямо въ глаза, не прикрашивая его вредящими дѣлу фразами».

Тенденція выкупленныхъ крестьянами земель къ переходу въ частную,—вѣрнѣе подворную,—собственность замѣчается не въ одной только Рязанской губерніи. То же явленіе обнаруживается и въ другихъ мѣстностяхъ.

Въ Крестецкомъ уѣздѣ Новгородской губ. «около половины бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, вышедшихъ на выкупъ, мірскимъ приговоромъ опредѣлили раздѣлить всю землю черезполосно, по душамъ, а передѣлы навсегда уничтожить». Такіе же случаи указаны Докладомъ сельскохозяйственной коммиссіи и для Калужской губерніи. Въ деревнѣ Старухинѣ Тульской губерніи «общинная земля не передѣлялась

со времени реформы». Въ случаѣ же частныхъ переверстокъ число душъ, «получившихъ надѣлъ при реформѣ», служитъ нормой для дѣлежа. Даже «при раздѣлѣ *семьи* считаются тѣ же души, *не принимая во вниманіе малолѣтнихъ*. Усадебная земля совсѣмъ не передѣляется и переходитъ къ семьѣ». Общинный принципъ сдѣлалъ, какъ мы видимъ, не мало уступокъ индивидуализму въ этой деревнѣ крестьянъ *собственниковъ*, не смотря на то, что, по словамъ г-жи Ел. Якушкиной, они видятъ въ общинномъ землевладѣніи «единственное средство противъ обезземеленія». Объективная логика вещей оказывается сильнѣе субъективной логики крестьянина. Но здѣсь между этими родами логики все таки происходитъ еще борьба, существуетъ разногласіе, а вотъ въ Борокской общинѣ (Псковской губ.), состоящей на выкупѣ съ 1864 года, субъективная логика большинства давно уже заключила самый тѣсный союзъ съ объективной логикой денежнаго хозяйства. На требованіе бѣдняками новаго передѣла имъ отвѣчаютъ, что «хотя нынѣ владѣющіе лишними надѣлами владѣютъ ими и не по праву (не по числу душъ), но все таки они очистили эти надѣлы податью (выкупные платежи), а слѣдовательно и несправедливо было бы взять отъ нихъ эти надѣлы».*) Въ другой деревнѣ той же мѣстности произошелъ такой характерный случай: «одинъ крестьянинъ принялъ подкидыша и просилъ міръ нарѣзать въ общемъ полѣ надѣлъ; тогда пріемный отецъ выкупилъ этотъ участокъ за 100 руб. т. е. *исключилъ его навсегда изъ передѣла*». Выкупъ земли и здѣсь оказался враждебнымъ общинному землевладѣнію.

Этотъ случай переводитъ насъ къ вопросу о выкупѣ надѣла не цѣлымъ міромъ, а отдѣльными его членами. Такая операція допускается закономъ и не рѣдко имѣетъ мѣсто въ дѣйствительности. Иногда крестьяне, окончательно выкупившіе свой надѣлъ, продолжаютъ владѣть имъ на прежнемъ мірскомъ началѣ, но иногда они противятся передѣламъ, и тогда міръ принужденъ считаться съ ними, какъ съ собственниками. Въ селѣ Сорогужинѣ, Влад. губ., Юрьевскаго уѣзда «есть три дома полныхъ собственни-

*) См. названный выше «Сборникъ», статью г. П. Зиновьева, стр. 308,

ковъ, окончательно выкупившихъ свой надѣлъ, изъ нихъ двое безусловно согласились на коренной передѣлъ со всѣми его послѣдствіями (перемѣна мѣста по жребію, уменьшеніе земельныхъ участковъ и т. п.), а одинъ потребовалъ добавленія своего надѣла и міръ отвелъ ему недостающую землю прирѣзкою съ краевъ каждаго поля».*) Въ д. Хорошевкѣ и с. Николаевскомъ той же губерніи «есть полные собственники, и міръ намѣренъ имъ *выдѣлить*, хотя и черезполосно, *полный надѣлъ*, въ томъ размѣрѣ, какъ они выкупили его».**) Иногда, наоборотъ, міръ препятствуетъ выдѣлу собственниковъ и тогда самый выкупъ замедляется. Такъ напримѣръ, въ Тамбовской губ. «выкупить отдѣльно свои надѣлы многіе крестьяне желаютъ, но общества не допускаютъ такого выкупа, чтобы не освободить богатыхъ крестьянъ отъ круговой поруки». Иногда выкупившимъ свои надѣлы домохозяевамъ міръ отводитъ отдаленные и неудобные участки. Вотъ почему въ Харьковской губ. «крестьяне гораздо болѣе покупаютъ чужихъ земель, чѣмъ выкупаютъ свои».***)

Этихъ фактовъ достаточно, чтобы показать, до какой степени неустойчивымъ становится равновѣсіе общинныхъ отношеній, благодаря выкупной операціи. Правда, окончательный, юридическій переходъ къ подворно-наслѣдственному владѣнію не только не является необходимымъ *непосредственнымъ* результатомъ выкупа, но, наоборотъ, составляетъ рѣдкое относительно явленіе. Крестьянинъ консервативенъ вообще, а въ своихъ отношеніяхъ къ землѣ—въ особенности. Но это не измѣняетъ дѣла. Взаимныя отношенія членовъ выкупившей свои земли общины, только по названію, напоминаютъ собою деревенскій «міръ» добраго стараго времени, времени натуральнаго хозяйства, крѣпостного права и отсутствія всякихъ путей сообщенія. Въ основу распредѣленія земли кладется уже не потребность въ ней того или другого хозяина, не количество рабочихъ силъ въ его семьѣ, наконецъ, даже не налоги и не повинности. Новыя птицы поютъ новыя пѣсни. Крестьяне-собственники не любятъ передѣловъ и не смущаются нуждою сво-

**) Пругавинъ, сельская община, стр: 19:
**) Ibid: стр: 48:
***) «Докладъ» С. К. От. II;

ихъ сосѣдей. Деревенскіе старики охаютъ и жалуются на «избалованность» народа, интеллигенція вздыхаетъ еще усерднѣе, и, съ сокрушеніемъ видя, что «поврежденіе нравовъ» неудержимо проникаетъ въ деревню, она надѣется лишь на «революцію», которая все поправитъ, все загладитъ и возвратитъ общинѣ свѣжесть временъ Гостомысла. Но что же удивительнаго въ этомъ явленіи, столь печальномъ для деревенскихъ «старичковъ» и для столичныхъ народниковъ? Ровно ничего. «Нравы» не испортились, они только получили другую экономическую подкладку. Въ прежнее время земля была царская, «божья», какая вамъ угодно, но только не купленная. Крестьянину достаточно было добиться принятія его въ общину, чтобы получить на пользованіе землею право, ограниченное, иногда, лишь передѣлами его собственной рабочей силы. А община и вовсе была господиномъ занятой ею территоріи, она распоряжалась всюду, куда ея топоръ, коса и соха ходили. Крѣпостное право сковало и принизило земледѣльца, но не измѣнило его отношенія къ землѣ. «Мы ваши, а земля наша» — говорили крестьяне помѣщикамъ. Но вотъ пришло время, когда крестьяне перестали быть барскими, но за то и земля перестала быть крестьянскою. Ее нужно выкупать, платить за нее деньги. Что такое деньги? Это прежде всего товаръ, и при томъ совершенно особеннаго свойства, товаръ, за который покупаются всѣ другіе товары, который служитъ мѣриломъ и выраженіемъ ихъ стоимости. Само собою понятно, что этотъ особенный товаръ не можетъ быть исключенъ изъ дѣйствія общихъ законовъ товарнаго производства и обращенія. Напротивъ, онъ является носителемъ этихъ законовъ, онъ распространяетъ ихъ дѣйствіе всюду, куда забрасываетъ его случайность той или другой мѣновой сдѣлки. Но каковы же законы товарнаго производства? Что такое товаръ и откуда онъ берется? Товарное производство развивается лишь въ томъ обществѣ, гдѣ средства, а слѣдовательно и продукты производства, составляютъ частную собственность производителя; безъ этого условія никакое раздѣленіе труда недостаточно было бы для его возникновенія. Такимъ образомъ, товарное производство представляетъ собою слѣдствіе развитія *частной собственности*. Деньги, естественно

выростающія изъ обмѣна товаровъ, также точно предполагаютъ *частнаго собственника*, какъ предполагаетъ его, говоря вообще, весь процессъ товарнаго производства. Отдѣльные члены общины могутъ пріобрѣсти деньги лишь въ обмѣнъ за тѣ или другіе предметы ихъ *частной собственности*, хотя бы собственностью этого рода и являлись продукты обработки *общинной* земли. Эти то деньги крестьянинъ и долженъ платить теперь въ видѣ выкупа.

Но «деньги родятъ деньги», между прочимъ и въ томъ смыслѣ, что купленныя за нихъ средства производства и предметы обработки сами составляютъ уже *мѣновую стоимость*, эквивалентную заплаченной за нихъ денежной суммѣ и способную къ новому превращенію въ деньги, по желанію пріобрѣтателя. Слѣдовательно, предметы, купленные тѣмъ или другимъ лицомъ, должны составлять его частную собственность. Такова безспорная логика денежнаго хозяйства. Это-то логика и вступаетъ въ борьбу съ традиціей общиннаго землевладѣнія. Выкупная операція приводитъ крестьянскій міръ къ противорѣчію, разрѣшимому лишь посредствомъ окончательнаго разрушенія общины. Въ силу привычки, преданія, а частью и сознательнаго убѣжденія, онъ стремится сохранить старый *коллективный* принципъ *владѣнія* землею, послѣ того, какъ способъ *пріобрѣтенія* этой земли сталъ всецѣло основываться на новомъ, денежномъ, *индивидуалистическомъ* принципѣ. Само собою понятно, что стремленіе это неосуществимо, что невозможно передать въ коллективную собственность міра предметовъ, пріобрѣтенныхъ въ обмѣнъ за частную собственность отдѣльныхъ домохозяевъ.

«Хотя по *Положенію о выкупѣ* крестьянскіе надѣлы выкупаются въ общинную собственность, — говоритъ г. Личковъ — тѣмъ не менѣе уплата выкупа, по обычаю (т. е. въ силу фактовъ, которые всегда сильнѣе всякихъ юридическихъ нормъ, тѣмъ болѣе всякихъ юридическихъ противорѣчій) въ большинствѣ общинъ производится *членами* общины, *сообразно количеству* земли. По мѣрѣ уплаты, величина выкупной платы съ каждымъ годомъ уменьшается. Послѣдствіемъ этого можетъ оказаться вотъ что: усердно платившіе выкупъ, иногда даже въ теченіе двухъ-трехъ десятковъ лѣтъ, могутъ лишиться

при передѣлѣ значительной доли выкупленной ими земли, и наоборотъ не платившіе ничего могутъ получить землю даромъ. Иными словами, каждый новый взносъ части выкупной суммы, повидимому, увеличивая собою права платящаго на выкупаемую землю, *тѣмъ самымъ* приближаетъ его къ тому времени, когда онъ фактически *лишится* этихъ потомъ и кровью заработанныхъ правъ, при первомъ же передѣлѣ земель общины. Понятно, что мужикъ не могъ не замѣтить этого практическаго противорѣчія». Мы уже видѣли, что противорѣчіе это разрѣшается уничтоженіемъ передѣловъ и закрѣпленіемъ земли за тѣми членами общины, которые платили за нее выкупъ.

Къ январю 1883 года выкуплено было 20,353,327 дес. крестьянской земли. А такъ какъ во владѣніи крестьянъ всей земли считается 120,628,246 дес., то на основаніи предыдущаго мы можемъ сказать, что выкупная операція успѣла уже поставить въ условія, несовмѣстимыя съ общиннымъ принципомъ, *шестую часть* крестьянскихъ земель.

До какой степени несовмѣстимъ принципъ общиннаго землевладѣнія съ *выкупомъ* или покупкой земли на деньги — ясно изъ слѣдующаго. Въ Московской губ. нѣкоторыя крестьянскія общества, помимо надѣльной земли, имѣютъ еще «дарственную землю», т. е. полученную въ даръ при выходѣ на волю отъ своихъ бывшихъ помѣщиковъ. За исключеніемъ одной только деревни, «владѣніе дарственной землею вездѣ общинное». Въ тѣхъ же случаяхъ, когда крестьянскія общества *покупаютъ* помѣщичьи земли, «владѣніе доставшимися каждому двору долями установляется всегда подворно-наслѣдственное, при которомъ каждый дворъ получаетъ право свободнаго распоряженія и отчужденія части или всей своей доли посредствомъ продажи, даренія, и т. п. Такимъ образомъ, размѣръ доли каждаго двора, участвовавшаго въ покупкѣ земли, остается постояннымъ». *)

Точно также и въ Псковской губ., въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьяне «пріобрѣтаютъ имѣнія, чему есть не мало примѣровъ», владѣніе установляется «необщинное».

Но и этимъ дѣло не ограничивается. Г. Николай

*) Орловъ. Формы крестьянскаго землевладѣнія въ Москов. губ.

—онъ справедливо замѣчаетъ, что «выкупъ вынуждаетъ производителя обращать все большую и большую часть продукта своего труда въ товаръ и слѣдовательно все болѣе и болѣе упрочивать основы капиталистическаго хозяйства».

Изъ сказаннаго ясно, до какой степени наивны народники, видящіе въ развитіи мелкаго поземельнаго кредита средство упроченія общины и борьбы противъ капитализма. По своему обыкновенію, они рекомендуютъ, какъ разъ тѣ мѣры, которыя могутъ только ускорить торжество ненавистныхъ имъ буржуазныхъ отношеній. Съ одной стороны, «всѣ проекты, стремящіеся улучшить матеріальное положеніе производителя, основанные на кредитѣ, не только не могутъ улучшить этого положенія, но совсѣмъ напротивъ, улучшая положеніе немногихъ, ухудшаютъ положеніе большинства». Съ другой стороны, купленныя земли всегда, а выкупленныя — очень часто, — и чѣмъ лучше земля, тѣмъ чаще, — переходятъ въ личное владѣніе пріобрѣтателя.

Въ случаѣ аренды помѣщичьихъ или казенныхъ земель, крестьянскій міръ также превращается въ компанію отвѣтственныхъ другъ за друга пайщиковъ, въ которой распредѣленіе арендованной земли совершается сообразно количеству внесенныхъ денегъ. При чемъ же здѣсь община, при чемъ «вѣковые устои»?

Впрочемъ, не одни только мирные народники умиляются передъ фактами весьма сомнительнаго значенія. Такимъ «прекраснодушіемъ» могутъ похвалиться даже и террористы. Г. Тихомировъ, напримѣръ, въ своей войнѣ противъ людей, убѣжденныхъ въ «неизбѣжности русскаго капитализма», — указываетъ на то обстоятельство, что «количество земель, принадлежащихъ крестьянамъ, медленно, но постоянно возрастаетъ». Онъ считаетъ, повидимому, этотъ фактъ настолько многознаменательнымъ, что не сопровождаетъ его никакими коментаріями. Но послѣ всего сказаннаго нами о значеніи денежнаго хозяйства въ исторіи разложенія общины, мы имѣемъ право считать возрастаніе крестьянскаго землевладѣнія фактомъ, по крайней мѣрѣ, очень двусмысленнымъ. Дѣйствительность вполнѣ оправдываетъ нашъ скептицизмъ.

Въ Московской губерніи количество купленныхъ крестьянами земель «увеличилось за 12 лѣтъ съ

17,680 десятинъ до 59,741». Мы видимъ здѣсь, стало быть, именно указываемое г. Тихомировымъ «медленное, но постоянное» возрастаніе. Прекрасно, какъ же распредѣляется эта новая земля между крестьянами? Изъ 59,741 десятины «31,858 дес. принадлежитъ *всего 69 владѣльцамъ*, т. е. выходитъ изъ размѣровъ крестьянскаго хозяйства, а 10,428 десятинъ состоитъ изъ владѣній, *превышающихъ 100 десятинъ*».*) Какъ понимать такого рода «крестьянское землевладѣніе»? Доказываетъ ли оно, что буржуазный строй не можетъ имѣть мѣста въ Россіи? О г. Тихомировѣ можно сказать въ этомъ случаѣ то же, что говорилъ когда то Прудонъ объ Ад. Смитѣ: онъ видитъ и не понимаетъ, онъ разсказываетъ и не разумѣетъ смысла своего разсказа!

Теперь пора намъ кончать съ общиной. Мы изложили свой взглядъ на ея исторію вообще и на положеніе ея въ Россіи въ частности. Мы подтверждали свои слова фактами и примѣрами, заставляли часто говорить за насъ самихъ народниковъ. Наше изслѣдованіе по необходимости было бѣгло и поверхностно. Мы не только не могли перечислить всѣхъ подтверждающихъ нашу мысль и уже замѣченныхъ изслѣдователями *явленій*; но предѣлы нашего труда не позволили намъ указать даже на всѣ тѣ, очень важныя теперь въ жизни земледѣльца, тенденціи, развитіе которыхъ несовмѣстимо съ общиннымъ принципомъ. И не смотря на все это, мы можемъ сказать, что наши положенія не были голословными. *Приведенныхъ* примѣровъ, *указанныхъ* тенденцій совершенно достаточно для защиты нашихъ положеній. Серьезное сомнѣніе невозможно. Всякій безпристрастный наблюдатель видитъ, что наша община переживаетъ тяжелый кризисъ, что самый этотъ кризисъ близится къ концу и первобытный аграрный коммунизмъ готовится уступить мѣсто личному или подворному владѣнію. Многоразличны виды этого владѣнія, часто внѣдряется оно въ деревню подъ покровомъ привычныхъ общинныхъ отношеній. Но старая форма не въ силахъ измѣнить новое содержаніе: она сама должна будетъ примѣниться къ нему или погибнуть окончательно. И этотъ переворотъ, совершающійся все съ большею и боль-

*) В.В. Судьбы капитализма, стр. 136.

шею интенсивностью, этотъ процессъ разложенія, съ каждымъ днемъ распространяющійся и въ «ширь» и въ «глубь», охватывающій все болѣе и болѣе широкое пространство — вноситъ коренныя измѣненія въ привычки и міросозерцаніе крестьянъ. Въ то время, какъ наши славяноФильствующіе революціонеры утѣшаются тѣмъ соображеніемъ, что «три четверти» нашихъ фабричныхъ рабочихъ «вовсе не пролетаріи, а половина работаетъ на фабрикахъ временно и чуть не случайно»,*) — сами крестьяне отлично сознаютъ, что современная община далеко не такова, какъ была прежде и что связь земледѣльца съ землей разрывается все болѣе и болѣе. «Бѣгутъ молодые, то другъ мой сладкій, бѣгутъ отъ земли... Городъ ихъ смущаетъ», говорятъ крестьяне въ «Деревенскихъ будняхъ» г. Златовратскаго. И дѣйствительно, городъ все болѣе и болѣе подчиняетъ себѣ деревню, онъ вноситъ въ нее свою «цивилизацію», свою погоню за наживою, свой антагонизмъ между богатыми и бѣдными; онъ возвышаетъ однихъ, принижаетъ другихъ, создаетъ «образованнаго» кулака и цѣлую армію «воздушнаго народа», игнорируетъ іереміады деревенскихъ старичковъ и безжалостно вырываетъ почву изъ подъ ногъ нашихъ реформаторовъ и революціонеровъ стараго, такъ сказать, физіократическаго пошиба. Здѣсь-то на отношеніи къ этому процессу коренной передѣлки нашихъ деревенскихъ «устоевъ» и выясняется все безсиліе того міросозерцанія, которое Марксъ и Энгельсъ заклеймили названіемъ *метафизическаго*. «Для метафизика вещи и ихъ умственные образы, т. е. понятія, суть отдѣльные, неизмѣнные, застывшіе, разъ навсегда данные предметы, подлежащіе изслѣдованію одинъ послѣ другого и одинъ независимо отъ другого. Онъ мыслитъ законченными, непосредственными противоположеніями; рѣчь его состоитъ изъ: да—да, нѣтъ—нѣтъ, что сверхъ того, то отъ лукаваго. Для него вещь существуетъ или не существуетъ, для него предметъ не можетъ быть самимъ собою и одновременно быть чѣмъ нибудь другимъ». Именно таково міросозерцаніе и пріемы мысли г. Тихомирова. Для него «народъ» есть застывшее, неизмѣнное, разъ навсегда данное понятіе, для него община «существуетъ или не существуетъ», для него

*) Чего намъ ждать отъ революціи? стр. 228 и 236. В. Н. В. №2

крестьянинъ-общинникъ «не можетъ быть самимъ собою и одновременно быть чѣмъ нибудь другимъ», т. е., въ данномъ случаѣ, представителемъ принципа индивидуализма, невольнымъ, но зато и неудержимымъ разрушителемъ общины. Г. Тихомировъ «мыслитъ законченными непосредственными противоположеніями», ему непонятно, какъ можно признавать полезное дѣйствіе капитализма и въ то же время организовать рабочихъ для борьбы съ нимъ, какъ можно отстаивать принципъ коллективизма и въ то же время видѣть торжество прогресса въ разложеніи одного изъ конкретныхъ проявленій этого принципа. Въ качествѣ «человѣка послѣдовательнаго и умѣющаго собою жертвовать», нашъ метафизикъ полагаетъ, что людямъ, убѣжденнымъ въ «исторической неизбѣжности русскаго капитализма», остается лишь поступать на службу къ «рыцарямъ первоначальнаго накопленія». Его аргументація можетъ быть классическимъ образчикомъ метафизическаго мышленія. «Рабочій, способный къ классовой диктатурѣ почти не существуетъ. Стало быть, политической власти ему не доставишь. Не гораздо ли выгоднѣе временно совершенно оставить соціализмъ, какъ безполезную и вредную помѣху ближайшей и необходимой цѣли?» Г. Тихомировъ не понимаетъ, что рабочій, неспособный къ классовой диктатурѣ, можетъ ежегодно и ежедневно становиться все болѣе и болѣе способнымъ къ ней, и что ростъ этой способности въ значительной степени зависитъ отъ воздѣйствія людей, понявшихъ смыслъ историческаго развитія. Рѣчь нашего автора «состоитъ изъ: да—да, нѣтъ—нѣтъ, что сверхъ того, то отъ лукаваго».

«Этотъ способъ мышленія кажется намъ, на первый взглядъ, потому вполнѣ вѣрнымъ, что онъ присущъ такъ называемому здравому смыслу. Но здравый человѣческій смыслъ, почтенный спутникъ въ домашнемъ обиходѣ, между четырьмя стѣнами, переживаетъ крайне удивительныя приключенія, лишь только онъ пускается въ далекій путь изслѣдованія».

Мы знаемъ уже, какія «удивительныя приключенія» пережилъ здравый смыслъ г. Тихомирова во время своихъ странствованій въ области посылокъ: отъ него не оставалось часто и слабаго воспоминанія. Но исторія этого здраваго смысла есть, въ концѣ концовъ, тоже діалектическая исторія. Онъ не существуетъ

и существуетъ въ одно и то же время. Онъ разбивается о подводные камни посылокъ и, не смотря на это, онъ, какъ воскресшій Рокамболь, снова является во всей красѣ на болѣе торной дорогѣ умозаключеній.

Мы не упустимъ, конечно, случая, опять встрѣтиться съ этимъ веселымъ спутникомъ. Но теперь намъ нужно пріостановиться, чтобы запомнить направленіе пути, уже пройденнаго нами по иниціативѣ г. Тихомирова.

6. *Мелкое землевладѣніе.*

Мы видѣли, что въ области обрабатывающей промышленности крупное капиталистическое производство развивается теперь «безостановочно»; что вооруженное силою капитала и могуществомъ современной техники, оно все болѣе и болѣе сбиваетъ съ позиціи, побѣждаетъ и покоряетъ мелкихъ производителей. Мы сказали затѣмъ, что къ услугамъ крупнаго производства всецѣло готовъ внутренній рынокъ, да и на международномъ — для него закрыты далеко не всѣ пути и выходы. Мы заключили отсюда, что въ этой сферѣ не только ближайшее будущее, но и настоящее принадлежитъ капитализму. Но мы вспомнили, что народники видятъ въ общинѣ несокрушимый оплотъ противъ капитализма въ нашей странѣ, гдѣ главная доля народнаго труда обращена до сихъ поръ на земледѣліе. Тогда мы обратились къ общинѣ и постарались изучить ея современное положеніе. Это изученіе привело насъ къ тому выводу, что община разрушается подъ гнетомъ налоговъ, разлагается подъ вліяніемъ денежнаго хозяйства и обнаружившагося въ ней неравенства, что во многихъ мѣстностяхъ Россіи, далекая отъ своего прежняго назначенія охранять и защищать интересы всѣхъ своихъ членовъ безъ исключенія, она превращается въ общину кулаковъ, разрушеніе которой принесло бы лишь выгоду закабаленной ими деревенской голи. Не довольствуясь этимъ результатомъ, мы постарались опредѣлить, какое значеніе имѣли бы тѣ реформы, на которыя возлагается такъ много надеждъ нашими народолюбцами. Мы убѣдились, что эти реформы только увеличили бы уже начавшееся въ общинѣ разложеніе и что она ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить оплотомъ противъ тѣхъ условій производства,

которыя и теперь уже нанесли ей столько неизлечимыхъ ранъ. Намъ остается теперь сказать два слова о мелкомъ крестьянскомъ земледѣліи, чтобы имѣть право сдѣлать свой окончательный выводъ по вопросу о капитализмѣ.

Большою ошибкою было бы думать, что такъ называемая «ликвидація крупнаго земледѣлія» спасетъ насъ отъ капитализма. Во первыхъ, «ликвидація» эта можетъ оказаться лишь временнымъ, переходнымъ явленіемъ, а во вторыхъ, само мелкое земледѣліе стремится принять буржуазный характеръ. Та же самая американская конкурренція, передъ которой пасуютъ наши крупные землевладѣльцы, наложитъ свою печать и на крестьянина. Превращая наше хлѣбопашество въ производство хлѣбнаго *товара*, она подчинитъ всѣ отношенія земледѣльцевъ неумолимымъ законамъ товарнаго производства. А эти неумолимые законы ведутъ къ тому, что на извѣстной стадіи своего развитія товарное производство ведетъ къ эксплуатаціи производителя, создаетъ капиталиста-предпринимателя и пролетарія-работника. Такимъ образомъ, вопросъ о мелкомъ или крупномъ земледѣліи сводится для Россіи лишь къ вопросу о торжествѣ крупной или мелкой буржуазіи. Старинныя основы крестьянскаго хозяйства не только не упрочатся «ликвидаціей крупнаго земледѣлія», но, наоборотъ, еще болѣе пострадаютъ, благодаря полному перенесенію въ крестьянскую среду всѣхъ противорѣчій товарнаго производства. Крестьянское сословіе тѣмъ скорѣе разложится на два враждебныхъ лагеря: эксплуатирующаго меньшинства и трудящагося большинства.

7. *Выводъ.*

Если, послѣ всего сказаннаго, мы еще разъ спросимъ себя — пройдетъ ли Россія черезъ школу капитализма, то, не колеблясь, можемъ отвѣтить новымъ вопросомъ — почему же бы ей и не окончить той школы, въ которую она *уже поступила*?

Всѣ наиболѣе новыя, а потому и наиболѣе вліятельныя теченія нашей общественной жизни, всѣ наиболѣе знаменательные факты въ области производства и обмѣна — имѣютъ одинъ несомнѣнный и безспорный смыслъ: они не только расчищаютъ дорогу

капитализму, но и сами являются необходимыми и въ высшей степени важными моментами его развитія. *За капитализмъ* вся динамика нашей общественной жизни, всѣ тѣ силы, которыя развиваются при движеніи соціальнаго механизма и въ свою очередь опредѣляютъ направленіе и скорость его движенія. *Противъ капитализма* лишь болѣе или менѣе сомнительные интересы нѣкоторой части крестьянства, да та сила инерціи, которая, по временамъ, такъ больно даетъ себя чувствовать развитымъ людямъ всякой отсталой, земледѣльческой страны. Но крестьяне не достаточно сильны, чтобы защищать свои дѣйствительные интересы; съ другой стороны, они часто не достаточно заинтересованы, чтобы энергично отстаивать старые принципы своего общежитія. Главный потокъ русскаго капитализма пока еще не великъ; еще не много такихъ мѣстъ въ Россіи, гдѣ отношенія нанимателя къ работнику совершенно соотвѣтствовали бы общераспространенному представленію объ отношеніяхъ труда къ капиталу въ капиталистическомъ обществѣ; но въ этотъ потокъ со всѣхъ сторонъ направляется такое множество мелкихъ и крупныхъ ручейковъ, ручьевъ и рѣчекъ, что общая масса направляющейся къ нему воды огромна, и быстрый, сильный ростъ потока не подлежитъ сомнѣнію. Его уже нельзя остановить, еще менѣе можно его высушить; остается лишь регулировать его теченіе, если мы не хотимъ, чтобы онъ принесъ намъ одинъ только вредъ, если мы не отказываемся отъ надежды хотя отчасти подчинить стихійную силу природы разумной дѣятельности человѣка.

Но что же дѣлать, въ такомъ случаѣ, намъ, русскимъ соціалистамъ, привыкшимъ думать, что наше отечество обладаетъ какой-то хартіей самобытности, выданной ему исторіей за никому, впрочемъ, неизвѣстныя заслуги?

Не трудно отвѣтить на этотъ вопросъ.

Всѣ непонятые законы общественнаго развитія дѣйствуютъ съ неотразимою силой и слѣпою жестокостью законовъ природы. Но узнать тотъ или другой законъ природы или общественнаго развитія значитъ уже, во—первыхъ, умѣть избѣгать столкновенія съ нимъ, а слѣдовательно и напрасной траты силъ, а во-вторыхъ, — быть въ состояніи регулировать его при-

ложеніе такъ, чтобы извлекать изъ него пользу. Эта общая мысль всецѣло примѣняется къ интересующему насъ частному случаю. Намъ нужно воспользоваться, въ интересахъ революціи и трудящагося населенія, совершающимся въ Россіи соціально-экономическимъ переворотомъ. Для насъ не должно остаться потерянымъ то, въ высшей степени, важное обстоятельство, что соціалистическое движеніе началось у насъ уже въ то время, когда капитализмъ былъ еще въ зародышѣ. *Эта* особенность русскаго историческаго развитія не придумана славянофилами и славянофильствующими революціонерами. Она составляетъ безспорный, всѣмъ извѣстный фактъ, который принесетъ огромную пользу дѣлу нашего рабочаго класса, если только русскіе соціалисты не растратятъ своей умственной и нравственной энергіи на постройку воздушныхъ замковъ въ стилѣ удѣльно-вѣчевой эпохи.

IV

Капитализмъ и наши задачи.

I. Характеръ предстоящей революціи.

Сказанное въ концѣ предыдущей главы нуждается въ поясненіи. Самые недвусмысленные взгляды подаютъ поводъ къ ошибочнымъ истолкованіямъ, если только такія истолкованія служатъ для защиты чьей нибудь «программы». Мы должны ставить точки надъ *і*, потому что, не видя такихъ точекъ, наши противники могутъ, по «недоразумѣнію», принять *і* за ѳиту или ижицу. Всегда лучше самому сдѣлать выводъ изъ своихъ посылокъ, чѣмъ полагаться, въ этомъ случаѣ, на добрую волю другого. Кромѣ того, русскіе программные вопросы до такой степени исключительно пріурочивались къ нашей «самобытности», что нельзя считать напрасной тратой времени попытку разсмотрѣнія этихъ вопросовъ съ той точки зрѣнія, съ которой *самобытность* оказывается лишь славянофильствомъ, или «безъ лести преданнымъ», или взбунтовавшимся и перебѣжавшимъ въ революціонный лагеръ. Вѣрна или не вѣрна такая точка зрѣнія, правильно или не правильно разсуждаютъ люди, ея держащіеся,—несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что

несправедливо было бы упрекать ихъ въ повтореніи давно уже всѣмъ извѣстныхъ и давно уже многимъ надоѣвшихъ «теорій».

И такъ, что же именно дѣлать «нѣкоторой части соціалистовъ», убѣдившейся въ «исторической неизбѣжности русскаго капитализма»? Какую дѣйствительную пользу для дѣла русскаго рабочаго класса можно извлечь изъ того обстоятельства, что начало соціалистическаго движенія почти совпало у насъ съ паденіемъ экономическихъ порядковъ добраго стараго времени? Вотъ вопросы, на которые мы необходимо должны отвѣтить.

Мы не позабудемъ этой обязанности. Но слово принадлежитъ пока не намъ; оно осталось, какъ помните, за г. Тихомировымъ и онъ долженъ воспользоваться имъ по всѣмъ законамъ, божескимъ и человѣческимъ. Мы довольно коротко и съ большою для насъ пользой ознакомились съ общими основаніями его философско-исторической и соціально-политической теорій. Для вразумленія непонимающихъ и для побіенія «несогласно-мыслящихъ», г. Тихомировъ заставилъ пройти передъ нами старуху-исторію, съ ея «невѣроятными путями», западную Европу, съ ея капитализмомъ, и, наконецъ, матушку Русь, съ ея китайско-неподвижностью и поземельной общиной. Онъ уясн нилъ намъ и прошлое и настоящее. Но можемъ ли мы удовольствоваться этимъ? Откажемся ли мы заглянуть въ будущее?

Что сулитъ Россіи это будущее?

Намъ казалось, что прежде всего — торжество буржуазіи и начало политической и экономической эмансипаціи рабочаго класса. Такой исходъ казался намъ самымъ вѣроятнымъ, въ виду многихъ и многихъ фактовъ. Мы изслѣдовали современное положеніе нашего народнаго хозяйства и рѣшили, что не спасутъ его старинныхъ основъ никакія реформы. Но мы разсуждали такъ, забывая, что «исторія человѣчества идетъ подчасъ самыми невѣроятными путями». Г. Тихомировъ твердо помнитъ это основное положеніе своей философско-исторической теоріи и потому, въ своихъ экскурсіяхъ въ область будущаго, онъ не смущается невѣроятностью изображаемой имъ картины. Послѣдуемъ же за нимъ и посмотримъ, не

окажется ли народовольская революція дѣйствительнѣе народническихъ реформъ.

На нашей дорогѣ насъ ждетъ, во-первыхъ, очень пріятное извѣстіе. Россіи предстоитъ революція, «мы идемъ къ катастрофѣ». Это очень пріятно, хотя, правъ, невольно чувствуешь страхъ, когда г. Тихомировъ начинаетъ разъяснять смыслъ и безъ того грозной картины высокимъ «штилемъ» во вкусѣ старика Державина. Попытки правительства затормозить революціонное движеніе страны «только ускоряютъ наступленіе того страшнаго и торжественнаго момента, когда Россія съ размаху (!) войдетъ въ полосу революціоннаго разрушенія, какъ низвергается рѣка», и пр. Хорошо пишетъ г. Тихомировъ! Но соловья не накормишь баснями, хотя бы это были басни самого дѣдушки Крылова. Спора нѣтъ: «полоса революціоннаго разрушенія» была бы счастливой полосой въ исторіи нашего отечества; но намъ все таки интересно узнать, что можетъ принести Россіи революція, что «насъ ждетъ за этой таинственной чертой, гдѣ бурлятъ и пѣнятся волны историческаго потока»?

«Начало соціалистической организаціи»—отвѣчаетъ г. Тихомировъ, вопреки мнѣнію «нѣкоторыхъ», полагающихъ, что насъ ждетъ «царство капитализма».

Какъ игру судьбы постичь! Вотъ ужъ по истинѣ невѣроятная старуха эта исторія! Водила она, водила «Западъ» по всевозможнымъ мытарствамъ своихъ «путей»—и все таки до сихъ поръ еще не развязала его съ капиталистическимъ производствомъ; насъ же она оставляла въ покоѣ, не двигала съ мѣста въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, а теперь сразу хочетъ перевести въ высшій классъ своей школы. За какія же это добродѣтели? Не за то ли, что мы все это время смирно сидѣли и не приставали къ ней съ тѣми нескромными вопросами, на которые такой большой мастеръ «свободоязычный» Западъ?

Впрочемъ, мы сами начинаемъ впадать въ непозволительное «свободоязычіе». Нашъ скептицизмъ совсѣмъ неумѣстенъ въ виду того, что исторія любитъ подчасъ пройтись невѣроятнымъ путемъ, какъ Хлестаковъ любилъ иногда «почитать что нибудь смѣшное». Credo quia absurdum!

Признавая вполнѣ вѣроятными самыя невѣроятныя прихоти взбалмошной старухи, мы все таки по-

зволимъ себѣ спросить,—какими средствами обладаетъ исторія для выполненія обѣщанія, сдѣланнаго за нее г. Тихомировымъ? Черезъ какія страны проходитъ путь, ведущій насъ къ «началу соціалистической организаціи»?

Какъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ нашъ авторъ, что говоритъ редактируемый имъ «Вѣстникъ»?

Просимъ читателя не забывать, что программа «Вѣстника Народной Воли» «охватываетъ элементы, въ нѣкоторой мѣрѣ нетожественные между собою». Каждый изъ этихъ элементовъ отстаиваетъ свое существованіе, каждый стремится жить и развиваться, не всегда безъ ущерба для своего антагониста. Отсюда—противорѣчія и невозможность составить себѣ ясное представленіе о программѣ этого журнала. Очевидно одно: г. Тихомировъ не считаетъ себя связаннымъ не только тѣмъ, что говоритъ его соредакторъ, но даже и тѣмъ, что говоритъ онъ самъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда соло смѣняется дуэтомъ и къ его голосу присоединяется голосъ почтеннаго П. Л. Лаврова. Такъ, напр., по словамъ г. Лаврова, партія Нар. Воли «направляетъ *всѣ свои силы**) (курсивъ нашъ) противъ главнаго врага, мѣшающаго сколько нибудь раціональному приступу къ рѣшенію задачи», слѣдующимъ образомъ формулированной однимъ изъ членовъ нашей группы**):—«помочь нашему рабочему классу выработаться въ сознательную общественную силу, восполнить до нѣкоторой степени недостатокъ его историческаго опыта и вмѣстѣ съ нимъ бороться за освобожденіе всего трудящагося населенія Россіи». Если дѣйствительность соотвѣтствуетъ тому, что говоритъ почтенный авторъ «Историческихъ Писемъ», то настоящая задача партіи «Народной Воли» сводится къ расчищенію пути для русской соціаль-демократіи будущаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ, роль названной партіи оказывается чисто отрицательной. Она не подготовляетъ элементовъ для организаціи русской рабочей партіи, но «направляетъ *всѣ свои силы противъ главнаго врага*», мѣшающаго не только рѣшенію, но даже и приступу къ рѣшенію подобной задачи. Какого же

*) См. В. Н. В. N 2, отд. II, стр. 67.

**) В. З. въ предисловіи къ переводу брошюры Ф. Энгельса, Развитіе научнаго соціализма, стр. IX.

врага имѣетъ въ виду г. Лавровъ? Всякій согласится, что такимъ врагомъ можетъ быть въ настоящее время только абсолютизмъ, сковывающій всѣ живыя силы Россіи; тѣмъ болѣе должны признать это народовольцы, не одинъ разъ печатно высказавшіе ту мысль, что въ нашемъ отечествѣ не политическій строй опирается на извѣстнаго рода экономическія отношенія, а наоборотъ, эти послѣднія обязаны своимъ существованіемъ абсолютизму. Но если это такъ, то Народная Воля борется ни болѣе ни менѣе, какъ за политическое освобожденіе своей родины, и «начало соціалистической организаціи Россіи» естественно отодвигается къ тому времени, когда русскій рабочій классъ сложится, наконецъ, въ сознательную общественную силу. Говоря иначе, партія Народной Воли есть партія *конституціонная*, прежде всего и главнымъ, если не исключительнымъ, образомъ, такъ какъ въ сторону разрушенія абсолютизма она «направляетъ теперь всѣ свои силы». Кажется такъ? Или быть можетъ Нар. Воля не отличается такимъ «пристрастіемъ къ конституціи»? Но тогда, какъ же понимать дѣятельность, сводящуюся къ борьбѣ противъ абсолютизма для «возможнаго осуществленія» въ будущемъ соціаль-демократической задачи? Нѣкоторые народовольческіе писатели дѣйствительно не отличаются большимъ пристрастіемъ къ слову — *конституція*, и узѣряютъ, что партія ихъ стремится къ «народоправленію». Но между народоправленіемъ и демократической конституціей разница такъ же велика, какъ между мокроступами и калошами, т. е. ограничивается замѣной неуклюжаго русскаго слова общепринятымъ иностраннымъ. Кромѣ того, во всякомъ цивилизованномъ обществѣ, демократія или, если угодно, народоправленіе опять таки предполагаетъ хоть нѣкоторую политическую подготовку народа, если только «народоправленіе» не означаетъ правленія кружка людей, спекулирующихъ на *народную волю*. Значитъ и демократическая конституція — цѣль не столь еще близкая, и достижимая лишь путемъ сплоченія производительнаго класса въ особую демократическую партію. Но у насъ въ Россіи «главный врагъ» мѣшаетъ даже «сколько нибудь раціональному приступу» къ рѣшенію соціально-политическихъ задачъ рабочаго класса. Значитъ, долой «врага»! Да здравствуетъ

«пристрастіе» къ политической свободѣ, а слѣдовательно и къ конституціи! Дѣятельность партіи «Народной Воли» пріобрѣтаетъ ясный и опредѣленный смыслъ.

Къ такимъ логическимъ выводамъ приходимъ мы, читая библіографическую замѣтку П. Л. Лаврова. Здѣсь все ясно, хотя, быть можетъ, и не все симпатично тому или другому читателю. Къ сожалѣнію, библіографическихъ замѣтокъ недостаточно для уясненія тенденцій «соціально-политическаго» журнала и мы коснулись здѣсь замѣтки г. Лаврова лишь потому, что она содержитъ прямой отвѣтъ нашей группѣ. Руководящія же статьи и непосредственныя заявленія редакціи «Вѣстника» только запутываютъ вопросъ о дѣйствительномъ направленіи этого органа. Возьмите «Объявленіе» объ его изданіи и прочтите строки, относящіяся къ способу осуществленія общихъ цѣлей соціализма: вы подумаете, что имѣете дѣло съ «убѣжденными» соціаль-демократами. — «Эти общія всѣмъ соціалистамъ цѣли—говорятъ гг. редакторы — могутъ быть достигнуты *лишь однимъ путемъ* (замѣтьте это, читатель!): рабочій классъ (городской и сельскій) долженъ *постепенно сплачиваться и организоваться* въ общественную силу, соединенную общими интересами и стремленіями къ общимъ цѣлямъ; эта сила, въ процессѣ сплоченія, должна *постепенно подрывать* существующій экономическій и политическій порядокъ, скрѣпляя, вслѣдствіе самой борьбы, свою организацію и выростая въ могущество, пока ей удастся окончательно низвергнуть существующій порядокъ». Авторы «Объявленія» прибавляютъ даже, что «въ сознаніи необходимости этого пути сходятся соціалисты-революціонеры *всѣхъ странъ*. Въ виду этого можно думать, что «русскій соціализмъ, какъ онъ выразился въ партіи Народной Воли», есть ни болѣе ни менѣе, какъ русская соціаль-демократія. «Объявленіе» выясняетъ, повидимому, задачи народовольческой партіи еще яснѣе, чѣмъ библіографическая замѣтка г. Лаврова и еще ближе, чѣмъ она подходитъ ко взглядамъ «мыслящихъ соціалистовъ» всѣхъ цивилизованныхъ странъ. Извѣстно, однако, что русскіе люди часто имѣютъ двѣ мѣрки, два критерія для оцѣнки общественныхъ явленій: одинъ для «Запада», а другой для домашняго обихода. Никогда не отказываясь симпатизировать

наиболѣе передовымъ идеаламъ «Европы», русскій человѣкъ часто ухитряется прибавить такое многозначительное «но» къ своему исповѣданію общечеловѣческой вѣры, что дорогіе ему идеалы превращаются въ нѣчто совершенно неузнаваемое. Само собою разумѣется, что безъ такого «но» не обходится и занимающее насъ «Объявляеніе»; понятно также, что нельзя сказать ничего рѣшительнаго о программѣ «Вѣстника», пока не совершится трудный переходъ ея съ Запада на Востокъ. Взглянемъ же на «Объявленіе» съ этой опасной стороны, и взглянемъ внимательнѣе, такъ какъ авторы его русскіе суть и ничто русское имъ, вѣроятно, не чуждо.

«Но программа русскаго соціализма—читаемъ мы на той же V страницѣ «Объявленія»—въ *настоящую* минуту, при *данныхъ* условіяхъ, не можетъ ограничиться этими общими стремленіями соціализма. Передъ каждою общественною группою исторія поставила въ наше время эти самыя задачи въ иной формѣ, сообразно экономическимъ, юридическимъ и культурнымъ условіямъ среды. Партія Народной Воли убѣдилась, что передъ подданными Россійской Имперіи эти задачи поставлены теперь неизбѣжно въ формѣ *необходимости измѣненія политическаго строя Россіи* для возможности дальнѣйшаго здороваго развитія всякой прогрессивной партіи, въ *томъ числѣ* (курсивъ принадлежитъ намъ) и партіи соціалистической»... Поэтому, «рядомъ съ соціалистическими цѣлями, составляющими сущность программы русской соціалистической партіи, въ эту программу входитъ ближайшая задача: подготовить и ускорить измѣненіе политическаго строя Россіи».

Нужно сознаться, что уже это первое «но», сопровождающее изложеніе «общихъ соціалистическихъ цѣлей русской соціалистической партіи», отличается большою неясностью и неопредѣленностью. Настоящее уравненіе со многими неизвѣстными! Читатель остается въ полномъ недоумѣніи относительно того, что понимаетъ редакція подъ «измѣненіемъ политическаго строя Россіи»? «Народоправленіе» ли это, упоминаемое гг. Тихомировымъ и К. Т., или низверженіе «главнаго врага» и т. д., т. е. по просту паденіе абсолютизма? И почему эта ближайшая задача» стоитъ «*рядомъ* съ общими соціалистическими цѣлями», а не

вытекаетъ изъ нихъ въ порядкѣ логической послѣдовательности? Обо всемъ этомъ можно только догадываться. Многія изъ нашихъ догадокъ будутъ вѣроятны, но ни одна не будетъ безспорной. Въ самомъ дѣлѣ редакція говоритъ, что желательное для нея «измѣненіе» должно дать «возможность дальнѣйшаго здороваго развитія всякой прогрессивной партіи, въ томъ числѣ и партіи соціалистической». Какія же это *другія* «прогрессивныя партіи»? Очевидно, буржуазныя. Но «здоровое развитіе» буржуазныхъ партій въ области политики немыслимо безъ соотвѣтствующаго ему «дальнѣйшаго здороваго развитія» въ сферѣ экономической. Значитъ, буржуазное развитіе будетъ прогрессивнымъ для Россіи явленіемъ? Повидимому, именно это выходитъ изъ словъ редакціи. Что касается до насъ, то мы, съ нѣкоторыми, весьма, впрочемъ, существенными оговорками, готовы согласиться съ этимъ мнѣніемъ. Но дѣло не въ насъ, а въ одномъ изъ авторовъ «Объявленія», г. Тихомировѣ, который, какъ мы уже знаемъ, рекомендуетъ своимъ читателямъ «не сотворять себѣ кумира изъ частнаго предпринимательскаго капитала». Изъ сказаннаго имъ о томъ, что именно «сумѣетъ такого рода капиталъ сдѣлать для Россіи», — выходитъ, что «дальнѣйшее здоровое развитіе» буржуазныхъ партій будетъ для нея, пожалуй, чистымъ убыткомъ. Да и «Объявленіе» торопится заявить, что соціалистическая партія (какъ и всѣ другія партіи, замѣтимъ мы мимоходомъ) считаетъ себя представительницею истиннаго и единственно-возможнаго прогресса». Значитъ, нѣтъ никакихъ другихъ прогрессивныхъ партій? Но тогда, при чемъ же здѣсь ихъ «дальнѣйшее здоровое развитіе»?

Если, по мнѣнію русской соціалистической партіи, «измѣненіе политическаго строя Россіи» должно произойти въ интересахъ прогрессивныхъ партій, и въ то же время никакихъ другихъ прогрессивныхъ партій, кромѣ соціалистической не существуетъ, то названное «измѣненіе» совершится исключительно въ интересахъ этой послѣдней. Другими словами, предстоящая революція должна повести по крайней мѣрѣ къ торжеству уже упомянутаго «народоправленія», т. е. къ политическому господству «рабочаго класса, городского и сельскаго». Но вѣдь «соціалисты-рево-

люціонеры всѣхъ странъ» сходятся «въ сознаніи» той истины, что рабочій классъ можетъ лишь «постепенно» подрывать существующій экономическій и *политическій* порядокъ», а слѣдовательно также «постепенно приближать время своего господства. Точно также «соціалисты революціонеры всѣхъ странъ» согласны, по словамъ редакціи, въ томъ, что къ соціалистической революціи можно придти «лишь однимъ путемъ»—путемъ постепеннаго сплачиванія и организаціи рабочаго класса «въ общественную силу» и т. д. Можетъ быть «Вѣстникъ Народной Воли» видитъ въ такой организаціи главную задачу русскихъ соціалистовъ? Но мы знаемъ уже, что въ современной Россіи, по мнѣнію г. Лаврова, существуетъ нѣкій «главный врагъ», мѣшающій «сколько нибудь раціональному приступу къ рѣшенію такой задачи». А пока не рѣшена эта задача, невозможна и соціалистическая революція, невозможно и народоправленіе. Значитъ, не ихъ имѣетъ въ виду редакція, говоря объ «измѣненіи политическаго строя Россіи?» Но что же, наконецъ, понимаетъ она подъ этимъ таинственнымъ измѣненіемъ? Не ту ли самую конституцію, «пристрастіе» къ которой «нѣсколько непонятно» г. Тихомирову? Какимъ прогрессивнымъ партіямъ создаетъ Народная Воля «возможность дальнѣйшаго здороваго развитія»? Не партіи ли «частнаго предпринимательскаго капитала»?

Какъ все ясно было на «Западѣ», и какъ все потемнѣло на Востокѣ! И все это затменіе получилось, благодаря одному только «но», сопровождающему изображеніе «общихъ цѣлей соціализма». Что за таинственная сила въ этомъ коротенькомъ словечкѣ?

Дѣло очень просто.

Именно, съ интересующаго насъ пункта и начинается тотъ процессъ, благодаря которому составные элементы программы Вѣстника оказываются «въ нѣкоторой (и даже очень значительной) мѣрѣ нетожественными между собою». Востокъ вступаетъ въ борьбу съ Западомъ, какъ только оканчивается изложеніе «общихъ цѣлей соціализма» и *единственнаго* пути, ведущаго къ ихъ осуществленію. И эта-то борьба, глухая и скрытая въ началѣ, — доходитъ до полнаго разгара въ статьѣ «Чего намъ ждать отъ революціи?» Западъ берется въ ней «подъ сомнѣніе». По поводу его исторіи г. Тихомировъ вдается въ длинныя и до-

вольно «рискованныя» разсужденія о «рискованныхъ» и «невѣроятныхъ путяхъ» исторіи вообще, и въ концѣ концовъ указанный «Объявленіемъ» *единственный* путь къ побѣдѣ соціализма — превращается въ стереотипное изданіе программы покойнаго «Набата», дополненное лишь нѣкоторыми иллюстраціями самобытности г. Тихомирова. Все измѣняется до неузнаваемости, все превращается въ свою противоположность по сю сторону маленькаго «но», отдѣляющаго западную территорію редакціоннаго міросозерцанія — отъ восточной, или, вѣрнѣе, взгляды, находящіеся въ общинномъ владѣніи гг. редакторовъ, отъ взглядовъ, составляющихъ частную собственность г. Тихомирова. И вся эта транссубстанціація совершается съ помощью нѣсколькихъ новыхъ «но», выловленныхъ изъ статей П. Н. Ткачева. Само собою разумѣется, что аргументъ, неубѣдительный въ устахъ редактора «Набата», не станетъ убѣдительнѣе на страницахъ «Вѣстника Народной Воли». Но встрѣча со старымъ знакомымъ всегда пріятна, и уже по одному этому мы не устояли бы передъ искушеніемъ остановить вниманіе читателя на аргументаціи г. Тихомирова.

Какъ истинный послѣдователь Бланки—или, вѣрнѣе, Ткачева — г. Тихомировъ, приступая къ обсужденію тѣхъ или другихъ революціонныхъ вопросовъ, прежде всего стремится поставить на мѣсто историческаго развитія свою собственную волю, замѣнить инціативу *класса* инціативой *комитета*, превратить въ дѣло тайной организаціи — дѣло всего рабочаго населенія страны. Не легко совершать такіе фокусы на глазахъ людей, хоть не много затронутыхъ пропагандой современнаго соціализма, хоть наполовину убѣжденныхъ въ томъ, что «освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ». Поэтому нашъ авторъ и старается доказать, что дѣло Исполнительнаго Комитета будетъ всенароднымъ дѣломъ, не только въ смыслѣ *интереса*, но также въ смыслѣ *воли и сознанія*. Вынужденный согласиться, что *историческое развитіе* мало способствовало до сихъ поръ выработкѣ соціалистическаго сознанія и *революціонныхъ* (а не *бунтовскихъ* только) тенденцій въ русскомъ народѣ,—онъ съ тѣмъ большимъ усердіемъ убѣждаетъ насъ въ прочности, непоколебимости *доисторическихъ формъ* русскаго быта и міросозерцанія.

Экономическая революція, къ которой близится Западъ, послѣ продолжительнаго и труднаго движенія, оказывается очень близкой къ намъ, благодаря нашему вѣковому застою. Но такъ какъ нѣкоторое знакомство съ исторіей можетъ вызвать сомнѣніе въ подобной близости, то читателямъ и ставится на видъ, что историческіе пути «бывали иной разъ слишкомъ кривыми и наиболѣе рискованными изъ всѣхъ, какіе можно придумать». Своеобразность излюбленной нашими бакунистами схемы русскаго общественнаго развтія становится, такимъ образомъ, какъ бы нѣкоторымъ ручательствомъ за ея вѣроятность. Подобнымъ же образомъ обходится необходимость приданія *классового характера* борьбѣ за экономическое освобожденіе рабочихъ.

Противопоставленіе Россіи Западу и здѣсь съ успѣхомъ разрѣшаетъ всѣ трудности. На Западѣ существуютъ классы, рѣзко разграниченные экономически, сильные и сплоченные политически. Самое государство является тамъ результатомъ классовой борьбы и ея орудіемъ въ рукахъ побѣдителей. Поэтому, овладѣть государственной властью тамъ можно, лишь противопоставивши классу классъ, лишь побѣдивши побѣдителей. У насъ—не то, у насъ отношенія общества къ государству прямо противоположно западно—европейскому. У насъ не борьба классовъ обусловливаетъ данный государственный строй, а наоборотъ, этотъ строй вызываетъ къ жизни тѣ или другіе классы, съ ихъ борьбой и антагонизмомъ. Если бы государство рѣшилось измѣнить свою политику, то лишенные его поддержки высшіе классы были бы осуждены на гибель, а народныя начала первобытнаго коллективизма получили бы возможность «дальнѣйшаго здороваго развитія». Но правительство Романовыхъ не хочетъ и не можетъ отказаться отъ своихъ дворянско—буржуазныхъ традицій, между тѣмъ какъ мы и хотимъ, и можемъ сдѣлать это, мы одушевлены идеалами экономическаго равенства и «народоправленія». Поэтому долой Романовыхъ, и да здравствуетъ нашъ *комитетъ!* — вотъ неизмѣнная схема россійско-якобинской аргументаціи, встрѣчается ли она въ оригиналѣ, т. е. въ «письмѣ къ Фридриху Энгельсу» или въ «спискѣ», т. е. въ статьѣ «Чего намъ ждать отъ революціи?».

Мы говорили уже, что основныя посылки ткачевской программы заимствованы изъ того же источника, изъ котораго черпали свою политическую мудрость и русскіе анархисты. Бакунинскія теоріи легли въ основу ученій обѣихъ фракцій. Но этимъ не ограничилось, какъ извѣстно, вліяніе Бакунуна. Онъ имѣлъ учениковъ и на «Западѣ», т. е. въ тѣхъ самыхъ странахъ, которыя такъ охотно противопоставлялись имъ Россіи. И замѣчательно, что западные послѣдователи автора «Государственности и анархіи» приписываютъ государству такую же преобладающую роль въ исторіи отношеній своихъ, «западно-европейскихъ» классовъ, какую гг. Ткачевъ и Тихомировъ отводятъ ему лишь въ Россіи, такъ сказать, «не въ примѣръ» прочимъ странамъ. «Уничтожьте правительственную диктатуру, —говоритъ Артуръ Арну, обращаясь къ французскимъ рабочимъ,—и у васъ останутся только подобные другъ другу люди, только экономическія силы, равновѣсіе которыхъ немедленно возстановится, вслѣдствіе самаго простого закона статики. ...Итакъ, государствомъ, однимъ только государствомъ, причиняется ваша нищета и слабость, равно, какъ сила и дерзость вашихъ враговъ».*) Западные анархисты разсуждаютъ въ этомъ случаѣ смѣлѣе и послѣдовательнѣе русскихъ бакунистовъ и ткачевистовъ. Въ исторіи рѣшительно всѣхъ странъ доводится ими до нуля значеніе того экономическаго фактора, который, по мнѣнію ихъ русскихъ «компаньоновъ», осужденъ на бездѣйствіе только въ Россіи. Отличительная черта русской самобытности превращается, такимъ образомъ, въ космополитическій призракъ анархическаго невѣжества. Объективное условіе развитія одной страны оказывается субъективнымъ недостаткомъ, логическимъ промахомъ «нѣкоторой части соціалистовъ» всѣхъ цивилизованныхъ народовъ.

Утрачивая, вслѣдствіе этого, значительную долю своей самобытности, разсужденія русскихъ якобинцевъ не лишаются, однако, своей поучительности. Не говоря ничего новаго о томъ, *какъ надо* смотрѣть на нашу дѣйствительность, они собственнымъ примѣромъ прекрасно показываютъ, *какъ не надо* смотрѣть на нее, *какъ не надо* истолковывать ея характерныя стороны.

*) L'Etat et la revolution p. 65.

По обычной манерѣ русскихъ якобинцевъ, г. Тихомировъ старается доказать своимъ читателямъ, что — какъ выражался когда-то Ткачевъ—«переживаемый нами моментъ особенно благопріятенъ для соціальной революціи». Онъ подвергаетъ анализу современное соотношеніе всѣхъ общественныхъ силъ на русской почвѣ, и приходитъ къ тому выводу, что изъ предстоящей революціи ничего, кромѣ «начала соціалистической организаціи Россіи», выйти не можетъ. За доказательствами ему не пришлось идти далеко. «Письмо къ Ф. Энгельсу» представляетъ собою концентрированный экстрактъ россійско-якобинской аргументаціи, сохранившій въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ всю прелесть свѣжести и новизны для многихъ и многихъ читателей. Стоитъ только развести этотъ экстрактъ въ горячей водѣ краснорѣчія, и изъ него получатся всѣ свойственныя г. Тихомирову «ожиданія отъ революціи». Приглядимся поближе къ этому упрощенному способу приготовленія «новой» программы. Начнемъ съ «фактора» политическаго.

Что заключается на этотъ конецъ въ ткачевскомъ консервѣ?

Читатель помнитъ, конечно, обширныя выписки, сдѣланныя нами выше изъ «Открытаго Письма къ Фр. Энгельсу». Онъ не забылъ ткачевской увѣренности въ томъ, что хотя «у насъ нѣтъ городского пролетаріата, но за то у насъ совсѣмъ нѣтъ буржуазіи. Между страдающимъ народомъ и угнетающимъ его государствомъ у насъ нѣтъ никакого средняго сословія». Это-то отсутствіе буржуазіи и ложится въ основу всѣхъ политическихъ разсужденій г. Тихомирова.

По его словамъ, наша буржуазія ничтожна въ экономическомъ, безсильна въ политическомъ смыслѣ. Что же касается народа, то у него «есть нѣкоторые пункты, на которыхъ онъ не можетъ разбиться на группы, а, напротивъ, всегда представляется вполнѣ единодушнымъ» (стр. 251). Первымъ изъ этихъ пунктовъ оказываются «представленія относительно верховной власти». Дѣло въ томъ, что «верховная власть, по воззрѣніямъ народа, есть представительство общенародное, а отнюдь не классовое. Только несокрушимою прочностью такого убѣжденія поддерживалась власть самихъ царей». Этимъ то убѣжденіемъ въ общенародномъ характерѣ нашей верховной власти и

укрѣпляется вѣра г. Тихомирова въ недалекое торжество народоправленія. Переходъ къ послѣднему отъ самодержавія царей «не составляетъ чего нибудь оригинальнаго (?). Французскій народъ также точно отъ идеи о самодержавномъ королѣ, способномъ говорить l'état c'est moi, перешелъ безъ затрудненія (?!) къ идеѣ о peuple souverain. Господство самодержавнаго народа тамъ не могло фактически установиться, благодаря силѣ буржуазіи»; у насъ нѣтъ буржуаіи, поэтому ничто не мѣшаетъ у насъ торжеству народоправленія, «если только самодержавіе не продержится достаточно долго для того, чтобы дать буржуазіи время окрѣпнуть до такой степени, которая необходима для организаціи всего нашего производства на капиталистическихъ началахъ. Но «едва-ли Россія въ современномъ хаотическомъ состояніи можеъ ждать, пока буржуазія сложится сама настолько, чтобы умѣть привести этотъ хаосъ къ какому нибудь порядку, хотя бы даже буржуазному»... Потому, «если мы доживемъ до крушенія существующаго строя раньше этого, то буржуазія не имѣетъ никакихъ данныхъ захватить политическую власть».

Мы видимъ отсюда, что «переживаемый нами моментъ» дѣйствительно очень благопріятенъ для соціальной революціи: съ одной сороны — «едва-ли Россія можетъ ждать», а съ другой — и власть-то захватить, кромѣ народа, да пожалуй, революціонной партіи, рѣшительно некому. П. Н. Ткачевъ былъ совершенно правъ, говоря, что соціальная революція будетъ «теперь, или очень не скоро, быть можетъ никогда». Но въ такомъ случаѣ неправъ былъ П. Л. Лавровъ, называвшій это увѣреніе спекуляціей на невѣжество русскихъ читателей.

Мы видимъ также, что по вопросу о «политическомъ факторѣ» разогрѣваніе ткачевскихъ доводовъ не причинило большихъ хлопотъ г. Тихомирову. Ему оставалось только дополнить частнымъ примѣромъ общія разсужденія П. Н. Ткачева о силѣ западной — и безсиліи русской буржуазіи. Такимъ примѣромъ и послужила для него великая революція, благодаря которой французскій народъ, навѣрное, сдѣлался бы самодержавнымъ, если бы этому не помѣшала сила буржуазіи.

«Счастливы люди, у которыхъ есть *абсолютный*

принципъ — говорилъ Н. Г. Чернышевскій. Имъ не нужно ни наблюдать фактовъ, ни думать: у нихъ заранѣе готово лекарство для всякой болѣзни и для всякой болѣзни одно и то же лѣкарство, какъ у знаменитаго доктора, каждому паціенту говорившаго — purgare et clystirizare... Подобными талисманами обладаютъ многіе. Для «значительнаго лица», къ которому обратился Аккакій Аккакіевичъ по поводу пропажи шинели, талисманомъ было «распечь». Для экономистовъ отсталой школы такимъ же талисманомъ служитъ прелестный девизъ: *невмѣшательство государства*». Наконецъ, прибавимъ мы отъ себя, для «русскихъ соціалистовъ», не менѣе отсталой школы, роль этого талисмана играетъ «буржузія». Ссылка на ея слабость или совершенное отсутствіе рѣшаетъ всѣ самые трудные вопросы прошедшаго, настоящаго и будущаго времени. Г. Тихомировъ занимаетъ не послѣднее мѣсто между счастливыми обладателями этого философскаго камня. Почему во Франціи не установилось «самодержавіе народа»? Потому что этому помѣшала «сила буржуазіи». Почему у насъ оно установится, когда народъ «разочаруется въ самодержавіи царей»? Потому что у насъ слаба буржуазія. Почему на Западѣ единственнымъ путемъ для осуществленія «общихъ всѣмъ соціалистамъ цѣлей» является медленный и постепенный путь организаціи рабочаго класса, городского и сельскаго, «въ сознательную общественную силу», между тѣмъ, какъ у насъ «говорятъ иногда», что «захватъ власти революціонерами» можетъ послужить «исходнымъ пунктомъ революціи», которая въ свою очередь послужитъ исходнымъ пунктомъ «соціалистической организаціи Россіи»? Опять таки, потому что у насъ очень слаба сильная на Западѣ буржуазія. Purgare et clistirizare, — какъ упрощается теорія медицины, какъ облегчается медицинская практика этимъ талисманомъ! Къ сожалѣнію, общественные вопросы нѣсколько сложнѣе вопросовъ медицины, и потому даже родственные мольеровскому доктору публицисты должны были бы запастись болѣе хитрыми талисманами. Можно держать пари, что ключъ, находящійся въ распоряженіи «русскихъ соціалистовъ», не отопретъ имъ дверей ко многимъ историческимъ вопросамъ. Почему испанскій народъ, разочаровавшись «въ самодержавіи царей», не перешелъ «безъ

затрудненія» къ идеѣ о самодержавномъ народѣ? Положимъ, Испанія есть одна изъ самыхъ «западныхъ» странъ Европы, но вѣдь и самъ г. Тихомировъ не рѣшится приписать большой силы испанской буржуазіи въ особенности начала нынѣшняго столѣтія. Къ тому же и «принципы общиннаго землевладѣнія» были и остаются, какъ это показали недавнія изслѣдованія г. Лучицкаго, гораздо болѣе распространенными въ Испаніи, чѣмъ въ какой либо другой еретической странѣ. Какъ ни бейся, а тихомировскимъ ключемъ не отопрешь этой двери!

Мы позволимъ себѣ придти на помощь «русскимъ соціалистамъ» въ этомъ затруднительномъ обстоятельствѣ. Если умъ хорошо, а два еще лучше, то съ такимъ же правомъ можно сказать, что два талисмана лучше одного, хотя бы и хорошаго. Такъ вотъ, почему бы имъ не прибавить къ «буржуазіи» еще какого нибудь не менѣе магическаго слова, скажемъ католицизма, протестантизма или вообще *не*православнаго вѣроисповѣданія. Положимъ, этотъ талисманъ не новъ и довольно таки поистерся въ рукахъ славянофиловъ консервативнаго направленія, но все таки онъ едва ли не универсальнѣе «буржуазіи». Вѣдь большой еще вопросъ, точно ли у насъ нѣтъ буржуазіи и точно-ли она, — если и есть, — «слабѣе» буржуазіи всѣхъ западныхъ странъ, всѣхъ періодовъ «разочарованія народа въ самодержавіи царей»; православіе же составляетъ несомнѣнный, «истинно и крѣпко русскій» признакъ, совершенно чуждый европейскому Западу. Съ помощью его очень легко было бы рѣшить вопросъ о томъ, что помѣшало «фактическому установленію господства самодержавнаго народа» въ Испаніи двадцатыхъ годовъ, вовсе не имѣвшей сильной буржуазіи. Довольно было бы сослаться на католичество. Право, попробовали бы, господа!

Впрочемъ, мы далеки отъ мысли унижать значеніе тихомировскаго талисмана; мы не только знаемъ цѣну ему, но и сами хотимъ попробовать примѣнить его къ дѣлу. Почему на Западѣ «мыслящіе» соціалисты знаютъ, о чемъ они говорятъ, и не вносятъ тихомировской путаницы въ разбираемые ими вопросы? Не потому ли, что «западная» буржуазія сильнѣе нашей? Очень на то похоже! Тамъ, гдѣ сильна буржуазія, велико и экономическое развитіе страны, ясны и опре-

дѣленны всѣ соціальныя отношенія. А тамъ, гдѣ ясны соціальныя отношенія, нѣтъ мѣста и фантастическому рѣшенію политическихъ вопросовъ; вотъ почему «на Западѣ» только совсѣмъ уже безнадежнымъ въ умственномъ отношеніи людямъ свойственна та «анархія мысли», которая характеризуетъ часто даже «убѣжденныхъ и мыслящихъ соціалистовъ» Россіи. Итакъ, если г. Тихомировъ пишетъ изъ рукъ вонъ плохія публицистическія статьи, то въ этомъ нужно винить не его, а слабость нашей буржуазіи. Читатель видитъ, что любимый ключикъ нашего автора открываетъ подчасъ очень хитрые ларчики.

Не составляя чего нибудь «оригинальнаго», доводы г. Тихомирова поражаютъ, тѣмъ не менѣе, своею «рискованностью». Откуда заключилъ г. Тихомировъ, что верховная власть есть, по народнымъ понятіямъ, «*представительство*»? Мы полагали до сихъ поръ, что нынѣшія «представленія народа относительно верховной власти» объясняются тѣмъ, что онъ не имѣетъ рѣшительно никакого понятія о представительствѣ. Подданные персидскаго шаха, египетскаго хедива и китайскаго императора имѣютъ такіе же нелѣпые предразсудки относительно своей верховной власти, какъ и русскіе крестьяне. Слѣдуетъ-ли отсюда, что персы, египтяне и китайцы съ такою же легкостью перейдутъ къ «идеѣ о peuple souverain»? Если такъ, то чѣмъ болѣе удаляемся мы на Востокъ, тѣмъ болѣе приближаемся къ торжеству народоправленія. Далѣе, —почему думаетъ г. Тихомировъ, что, «разочаровавшись въ самодержавіи царей», народъ нашъ можетъ стать лишь сторонникомъ своего собственнаго самодержавія? Развѣ ошибочное понятіе о сущности абсолютизма гарантировало когда нибудь отдѣльную личность, или цѣлый народъ, отъ ошибочныхъ представленій о сущности ограниченной монархіи или буржуазной республики? «Противъ государства классоваго, если только этотъ характеръ его дѣлается сколько нибудь замѣтнымъ, единодушно станутъ милліоны народа»—говоритъ г. Тихомировъ. Но въ томъ-то и дѣло, что сознаніе недостатковъ настоящаго еще не даетъ народу правильнаго понятія о будущемъ. Развѣ абсолютная монархія не была у насъ, какъ и вездѣ, «классовымъ государствомъ»? Вѣдь самъ г. Тихомировъ признаетъ въ нашей исторіи «существо-

ваніе дворянства, *какъ сословія, дѣйствительно господствующаго,*» по крайней мѣрѣ, съ «указа о вольности». И развѣ народъ не объяснялъ именно вліяніемъ и даже прямымъ заговоромъ баръ и чиновниковъ всѣхъ невыгодныхъ для него постановленій нашего законодательства, всѣхъ произвольныхъ и стѣснительныхъ распоряженій администраціи? А если это такъ, то классовой характеръ нашей монархіи былъ очень замѣтнымъ. Полагаемъ, что протестъ противъ классоваго государства проходитъ красною нитью черезъ всю нашу исторію. Противъ него дѣйствительно «возставали милліоны», хотя, къ сожалѣнію, далеко не такъ «единодушно», какъ это предсказываетъ г. Тихомировъ относительно будущаго. И что же вышло изъ этихъ протестовъ? Уничтожили они «классовое государство», привели они народъ къ тому убѣжденію, что дѣйствительная «верховная власть» не соотвѣтствуетъ его политическимъ идеаламъ? Если нѣтъ, то что же гарантируетъ насъ отъ продолженія той же печальной исторіи и при конституціонной монархіи? Разочарованіе народа «въ самодержавіи царей»? Но отъ чего же спасетъ оно народъ, чему оно помѣшаетъ? Вѣдь слабая сторона политическаго міросозерцанія народа заключается, по словамъ г. Тихомирова, въ выводахъ, а не въ посылкахъ. Если вѣрить нашему автору, то русскій народъ хорошо знаетъ, какою *должна быть* верховная власть; онъ требуетъ, чтобы она была «представительствомъ общенароднымъ», и путается лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда ему приходится опредѣлить,—соотвѣтствуетъ ли его идеаламъ данный видъ государственнаго устройства? Замѣтивши одну ошибку, онъ можетъ впасть въ другую, не менѣе печальную и грубую. Онъ можетъ не знать, при какихъ условіяхъ его собственныя верховныя права перестанутъ быть пустымъ и лицемѣрнымъ словомъ, завѣсой, прикрывающей политическое господство высшихъ классовъ. Допускаетъ ли г. Тихомировъ, что русскій народъ дѣйствительно *можетъ* не знать упомянутыхъ условій? Что касается насъ, то мы нимало не поколеблемся отвѣтить на этотъ вопросъ утвердительно: не только можетъ, но даже навѣрное не знаетъ. А если не знаетъ, то будетъ ошибаться, а если будетъ ошибаться,—и поскольку будетъ ошибаться,—не осуществитъ и приписываемыхъ ему Тихомировымъ

идеаловъ, т. е. не будетъ самодержавнымъ. Г. Тихомировъ считаетъ подобныя политическія неудачи народа возможными лишь на «Западѣ» и немыслимыми на его излюбленномъ Востокѣ, въ странахъ, спасенныхъ заботливой исторіей отъ язвы капитализма. Это было бы резонно и утѣшительно, если бы политическія представленія народа не были бы тѣсно связаны съ экономическимъ его развитіемъ. Къ сожалѣнію, связь эта несомнѣнна, и народъ разочаровывается «въ самодержавіи царей» лишь тамъ, гдѣ экономическія отношенія его утрачиваютъ свой первобытный характеръ и становятся болѣе или менѣе буржуазными; но одновременно съ этимъ начинаетъ пріобрѣтать силу и буржуазія, т. е. становится невозможнымъ и непосредственный переходъ къ самодержавію народа. Г. Тихомировъ утѣшаетъ насъ, правда, соображеніями о самобытномъ развитіи Россіи. Но, во-первыхъ, никакія историческія особенности данной страны не избавляютъ ее отъ дѣйствія общихъ соціологическихъ законовъ; а во вторыхъ, мы знаемъ уже, что экономическая дѣйствительность современной Россіи вовсе не подтверждаетъ политическихъ парадоксовъ редактора «Вѣстника Народной Воли». Разочарованіе народа въ самодержавіи царей только начинаетъ казаться *вѣроятнымъ*, между тѣмъ какъ возрастающее разложеніе общины и проникновеніе въ народную жизнь буржуазныхъ принциповъ стало уже несомнѣннымъ и неоспоримымъ фактомъ. Что, если такого рода параллель удержится и въ будущемъ? Вѣдь ко времени полнаго разрыва народа съ царизмомъ, буржуазія можетъ стать всесильной. Откуда же возьмется у насъ тогда «народоправленіе»?

Замѣтимъ г. Тихомирову, что мы противополагаемъ народное самодержавіе господству буржуазіи единственно потому, что ему самому угодно было сдѣлать это. Въ сущности же мы думаемъ, что такое противоположеніе можетъ имѣть смыслъ только въ исключительныхъ случаяхъ. Политическое самодержавіе народа вовсе не гарантируетъ его отъ экономическаго порабощенія и не исключаетъ возможности развитія въ странѣ капитализма. Цюрихскій кантонъ есть одинъ изъ самыхъ демократическихъ и въ то же время одинъ изъ самыхъ буржуазныхъ кантоновъ Швейцаріи. Демократическая конституція становится

средствомъ соціальной эмансипаціи народа только въ томъ случаѣ, когда естественный ходъ развитія экономическихъ отношеній дѣлаетъ невозможнымъ продолженіе господства высшихъ классовъ. Такъ, напримѣръ, въ передовыхъ странахъ производство все болѣе и болѣе принимаетъ коллективный характеръ, между тѣмъ какъ индивидуальное присвоеніе его продуктовъ предпринимателями вызываетъ цѣлый рядъ болѣзненныхъ потрясеній во всемъ общественно-экономическомъ организмѣ. Народъ начинаетъ понимать причину этихъ потрясеній, и потому навѣрное воспользуется, рано или поздно, политическою властью для своего экономическаго освобожденія. Но вообразимъ иной фазисъ общественнаго развитія, представимъ себѣ страну, въ которой крупная промышленность только стремится еще къ господству, между тѣмъ какъ товарное производство уже легло въ основу ея хозяйства; другими словами, перенесемся въ страну мелкой буржуазіи. Какія экономическія задачи долженъ будетъ рѣшать «самодержавный народъ въ этомъ случаѣ»? Прежде всего и исключительно— задачу обезпеченія интересовъ мелкихъ индивидуальныхъ производителей, такъ какъ именно этотъ классъ составляетъ большинство народа. Но, идя по этой дорогѣ, не минуешь ни капитализма, ни господства крупной буржуазіи, такъ какъ сама объективная логика товарнаго производства заботится о превращеніи мелкихъ индивидуальныхъ производителей въ наемныхъ рабочихъ, съ одной стороны, и буржуа-предпринимателей, съ другой. Когда совершится такое превращеніе, рабочій классъ, разумѣется, воспользуется всѣми политическими средствами для смертельной борьбы съ буржуазіей. Но тогда взаимныя отношенія общественныхъ классовъ станутъ рѣзко опредѣленными, мѣсто «народа» займетъ рабочій классъ и народное самодержавіе превратится въ диктатуру пролетаріата.

Отсюда слѣдуетъ, что степень подготовки даннаго народа къ истинной и не поддѣльной демократіи опредѣляется степенью его экономическаго развитія. Опредѣленность экономическихъ отношеній обусловливаетъ не меньшую опредѣленность въ группировкѣ политической, антагонизмъ труда и капитала вызываетъ борьбу рабочихъ партій съ буржуазными. Раз-

витіе же производительныхъ силъ приближаетъ эту борьбу къ концу и обезпечиваетъ торжество пролетаріата. Такъ было и есть во всѣхъ «западныхъ» странахъ.

Но гг. славянофильствующимъ революціонерамъ не хочется, чтобы точно также было и въ Россіи. Подобно тому, какъ русскій крестьянинъ не любитъ писанныхъ законовъ и стремится обдѣлать всякое дѣло по своему, «по душѣ», русскій интеллигентный человѣкъ боится законовъ историческихъ, и аппелируетъ къ самобытности, къ «субъективному методу въ соціологіи» и т. п., т. е. въ сущности къ той же «душѣ». Разсматриваемая, съ точки зрѣнія «души», исторія получаетъ совершенно своеобразную окраску. Она представляется ничѣмъ инымъ, какъ рядомъ интригъ злыхъ противъ добрыхъ, при чемъ наступленію «царства божія» на землѣ мѣшаетъ только сила первыхъ и слабость вторыхъ. Само собою понятно, что именно, вслѣдствіе своей испорченности, злые не могутъ установить между собою прочнаго и продолжительнаго союза. Они борются не только съ добрыми, но и между собою, образуютъ фракціи и факціи, вырываютъ другъ у друга «кормило правленія». Это междоусобіе въ лагерѣ злыхъ идетъ, разумѣется, на пользу добрыхъ, для которыхъ особенно выгоднымъ оказывается тотъ «моментъ», когда одна фракція злыхъ уже не въ силахъ удержать власть въ своихъ рукахъ, между тѣмъ какъ другія фракціи еще не достаточно сильны для ея захвата. Тогда счастье становится возможнымъ и близкимъ, нужно только небольшое усиліе со стороны добрыхъ, чтобы установить по крайней мѣрѣ «народоправленіе». Добрый и чувствительный по существу, «русскій соціализмъ, какъ онъ выразился» въ статьяхъ П. Н. Ткачева и г. Тихомирова, любитъ льстить себя тою надеждою, что въ «переживаемый нами моментъ» Россія находится именно въ этомъ періодѣ междуцарствія злыхъ и порочныхъ, истощенія абсолютизма и безсилія буржуазіи.

На предыдущихъ страницахъ мы не мало потратили труда на разрушеніе этой наивно-оптимистической стороны русскаго революціоннаго міросозерцанія. Но такъ какъ г. Тихомировъ все таки будетъ болѣе склоненъ согласиться съ своимъ учителемъ, П. Н. Ткачевымъ, чѣмъ съ нами, своимъ политическимъ противни-

комъ, то мы авторитету редактора «Набата» противопоставимъ авторитетъ товарища нашего автора по редактированію «Вѣстника Нар. Воли». Г. Лавровъ не откажется, вѣроятно, отъ солидарности съ мыслями, высказанными въ руководящей статьѣ 27 № «Впередъ». Авторъ этой прекрасной статьи утверждаетъ, что «въ Россіи пышно и быстро разростается капиталистическій строй со всѣми послѣдствіями», что «этого не отрицаютъ защитники современнаго порядка точно такъ же, какъ и его противники», и что, наконецъ, соціалисты видятъ въ этихъ явленіяхъ лишь «фатальный процессъ, который можетъ излечиться только однимъ путемъ: *самое развитіе капиталистическаго строя должно вызвать* и подготовить переворотъ, который унесетъ этотъ строй». Г. Лавровъ можетъ вполнѣ основательно спросить г. Тихомирова — куда же дѣвались русскій капитализмъ и русская буржуазія, несомнѣнно существовавшіе въ періодъ изданія лондонскаго «двухнедѣльнаго обозрѣнія»? И если ему удастся убѣдить своего товарища въ томъ, что капитализмъ не иголка, и что онъ не могъ затеряться въ сутолокѣ русской жизни, то г. Тихомировъ и самъ увидитъ, съ какой стороны грозитъ опасность русскому «народоправленію», долженствующему будто бы непосредственно замѣнить собою царское самодержавіе. Тамъ, гдѣ «пышно и быстро развивается капиталистическій строй со всѣми своими послѣдствіями», буржуазія всегда можетъ имѣть достаточно силы, чтобы помѣшать,—какъ это было, по словамъ г. Тихомирова, во Франціи,—фактическому установленію «господства самодержавнаго народа».

Если авторъ цитируемой нами статьи 27 № «Впередъ» былъ правъ, говоря о быстромъ развитіи въ Россіи капитализма, то неправъ г. Тихомировъ, полагающій, что именно современныя наши экономическія отношенія въ высшей степени благопріятствуютъ возможности положить «начало соціалистической организаціи въ нашемъ отечествѣ». Разсужденія его и въ этомъ случаѣ представляютъ собою лишь легкія варіаціи на ткачевско-бакунинскія темы.

П. Н. Ткачевъ писалъ, какъ мы знаемъ, Энгельсу: «Народъ нашъ невѣжественъ—это... фактъ. Но зато онъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ проникнутъ принципами общиннаго землевладѣнія; онъ,

если можно такъ выразиться, коммунистъ по инстинкту, по традиціи.»

Вѣрное эхо Ткачева, г. Тихомировъ, увѣряетъ, что «въ народныхъ понятіяхъ и привычкахъ находится въ наличности достаточно элементовъ для успѣшной организаціи его силъ. Крестьянинъ умѣетъ устроить свое самоуправленіе, умѣетъ принять въ мірское владѣніе землю и общественно ею распоряжаться».*) Изъ факта существованія общиннаго землевладѣнія въ Россіи редакторъ «Набата» дѣлалъ тотъ выводъ, что, несмотря на свое невѣжество, народъ нашъ стоитъ гораздо ближе къ соціализму, чѣмъ народы Запада. Редакторъ «Вѣстника Народной Воли» не рѣшился послѣдовать за своимъ учителемъ до такихъ крайнихъ умозаключеній, но онъ, разумѣется, не преминулъ напомнить читателямъ, что «право народа на землю и общественный характеръ этого орудія труда сознается нашимъ крестьяниномъ не менѣе отчетливо, чѣмъ сознается европейскимъ пролетаріемъ его право на фабрику пропріетера». Плохо знакомый съ исторической философіей современнаго соціализма, г. Тихомировъ никакъ не можетъ понять той простой истины, что для соціалистической революціи важно не только сознаніе «европейскимъ пролетаріемъ его права на фабрику пропріетера». Римскіе пролетаріи также довольно ясно сознавали когда-то «свое право» на латифундіи богачей, возникшія путемъ захвата государственныхъ земель и экспропріаціи мелкихъ собственниковъ; но если бы имъ удалось реализировать свое право, то никакого соціализма изъ этого никоимъ бы образомъ не вышло. Соціалистическая революція подготовляется и облегчается не тѣмъ или другимъ способомъ *владѣнія*, а развитіемъ производительныхъ силъ и *организаціей производства*. Въ приданіи этой организаціи общественнаго характера и заключается исторически-подготовительное значеніе капитализма, сведенное г. Тихомировымъ, со словъ г. В. В., къ «механическому сплачиванію рабочихъ». Ни П. Н. Ткачевъ, ни г. В. В., ни г. Тихомировъ, наконецъ, никто изъ народниковъ и бакунистовъ не потрудился доказать намъ, что русскій народъ такъ же «отчетливо понимаетъ» необходимость *общественной организаціи*

*) В. П. В. No 2., стр. 255.

производства, какъ понимаетъ ее «европейскій пролетарій». А между тѣмъ въ ней то и все дѣло. Г. Тихомирову слѣдуетъ запомнить разъ на всегда, что не организація производства опредѣляется юридическими нормами, а юридическія нормы опредѣляются организаціей производства. Порукой въ этомъ служитъ намъ вся соціальная исторія всѣхъ народовъ, не исключая даже дикихъ и самобытныхъ. А если это такъ, и если капитализмъ дѣйствительно не имѣетъ у насъ мѣста, то сравнивая Россію съ Западомъ, нужно брать за точку исхода не слѣдствіе, а причину, не господствующій типъ *землевладѣнія*, а преобладающій характеръ *земледѣлія*, его организацію и предстоящія въ ней перемѣны: вѣдь отъ этихъ перемѣнъ зависятъ судьбы самихъ формъ поземельнаго владѣнія. Пусть же г. Тихомировъ попробуетъ доказать намъ, что въ нашемъ земледѣліи господствуетъ теперь та же тенденція, что и въ крупной машинной промышленности капиталистическихъ странъ, т. е. стремленіе къ планомѣрной организаціи въ предѣлахъ, по крайней мѣрѣ, цѣлаго государства. Если ему удастся эта попытка, то экономическая сторона его ожиданій отъ революціи получитъ весьма серьезное значеніе. Въ противномъ же случаѣ, всѣ его политико-экономическія соображенія и сопоставленія сведутся опять таки къ избитому пріему рѣшенія всѣхъ нашихъ общественныхъ вопросовъ, такъ сказать, по методу исключенія буржуазіи; начало же «соціалистической организаціи Россіи» потеряетъ всякую связь съ «недалекимъ отъ насъ моментомъ» предстоящей намъ «катастрофы», и снова отодвинется въ болѣе или менѣе туманную даль.

Достаточно ли сказаннаго нами? Если нѣтъ, то мы опять обратимся къ помощи многоуважаемаго П. Л. Лаврова. «Для огромнаго большинства русскаго народа—говоритъ превосходная статья 27 N⁰ «Впередъ!»—унаслѣдованное чувство солидарности общиннаго міра или артели въ разныхъ ея формахъ ограничивается самыми тѣсными предѣлами, за которыми начинается область соперничества и борьбы за существованіе между голодающими и притѣсненными со всѣхъ сторонъ группами. Въ этомъ большинствѣ старинная традиція, что земля принадлежитъ земледѣльцу, старинная ненависть къ ближайшимъ эксплуататорамъ народнаго труда... не могла формулироваться въ созна-

ніе необходимости экономическаго коммунизма, этому большинству не можетъ быть ясна громадная разница, которая произошла бы для будущаго общества, если бы, при удачномъ народномъ взрывѣ, экономическій переворотъ ограничился бы *перераспредѣленіемъ* имущества, (нужно было бы сказать средствъ производства) а не безусловнымъ признаніемъ его общности». Цитируемый нами авторъ справедливо полагаетъ, что перераспредѣленіе имуществъ, вмѣсто ихъ общности, неизбѣжно поведетъ къ выработкѣ новаго раздѣленія классовъ, новаго эксплуататорства и, слѣдовательно, къ возсозданію буржуазнаго общества въ новой формѣ». И дѣйствительно, такъ называемое «всенародное право на землю» нисколько не обусловливаетъ общности движимыхъ средствъ производства, а потому допускаетъ неравенство въ ихъ распредѣленіи и эксплуатацію бѣдныхъ богатыми. Именно, разлагающее вліяніе движимой частной собственности и привело къ разложенію первобытныхъ формъ коллективизма.

Что скажетъ по этому поводу бывшій редакторъ «Впередъ!»? Продолжаетъ ли онъ признавать справедливость только что приведенной аргументаціи, или онъ «совершилъ» настолько «значительную эволюцію въ своихъ соціально-политическихъ убѣжденіяхъ», что раздѣляетъ теперь несовмѣстимые съ этой аргументаціей взгляды П. Н. Ткачева и г. Тихомирова?

Прямой и категорическій отвѣтъ на этотъ вопросъ имѣлъ бы въ высшей степени важное значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, если сознаніе народомъ своего «права на землю» не можетъ послужить достаточно прочнымъ фундаментомъ для заложенія «начала соціалистической организаціи Россіи», то всѣ практическіе выводы г. Тихомирова утрачиваютъ всякій смыслъ и всякое значеніе. Если въ народѣ неясно сознаніе насущнѣйшихъ условій своего экономическаго освобожденія, то немыслимо и самое освобожденіе, а слѣдовательно и захватъ власти революціонерами не можетъ «послужить исходнымъ пунктомъ» ожидаемой г. Тихомировымъ антибуржуазной революціи. Нужно, значитъ, говорить не о томъ, «чего намъ *ждать* отъ революціи», а о томъ, что намъ *дѣлать* для нея, какъ выяснить народу пониманіе ея задачъ, какъ предотвратить или направить на пользу народа торжество буржуазіи, какимъ образомъ достигнуть того, чтобы «самое раз-

витіе капиталистическаго строя вызвало и подготовило переворотъ, который унесетъ этотъ строй»?

«Нѣкоторая часть соціалистовъ» совѣтовала нашей «революціонной молодежи» заняться пропагандой въ средѣ промышленныхъ рабочихъ. Г. Тихомировъ воспользовался всѣми ошибками и всѣмъ невѣжествомъ нашихъ полицейскихъ статистиковъ, чтобы доказать непрактичность этого совѣта. По его мнѣнію, численность рабочаго класса нашихъ промышленныхъ центровъ слишкомъ незначительна для того, чтобы на этомъ слоѣ нашего трудящагося населенія могли основываться какія либо соціально-революціонныя надежды. Изъ сказаннаго имъ по этому поводу можно было бы заключить, что нашъ авторъ стоитъ на старо-народнической точкѣ зрѣнія, игнорирующей городъ и возвеличивающей деревню. Но и эта догадка основательна только отчасти. Г. Тихомировъ дѣйствительно возвеличиваетъ деревню, но всякій внимательный читатель немедленно пойметъ, что деревнѣ «не поздоровится отъ этакихъ похвалъ.» Въ самомъ дѣлѣ, идеализація бываетъ различнаго рода и ведетъ за собою различные практическіе выводы. Народники недавняго прошлаго идеализировали народъ отчасти съ тою цѣлью, чтобы подвинуть самихъ себя и всю нашу интеллигенцію на революціонную дѣятельность въ его средѣ. Усильте эту идеализацію еще на одну степень, и вы придете къ тому убѣжденію, что, благодаря своимъ общиннымъ тенденціямъ, народъ нашъ вовсе не нуждается ни въ какихъ воздѣйствіяхъ со стороны соціалистической интеллигенціи. Роль послѣдней становится, въ такомъ случаѣ, чисто разрушительной. Она сводится на устраненіе внѣшнихъ препятствій, мѣшающихъ осуществленію народныхъ идеаловъ. Именно съ такой идеализаціей народа мы встрѣчаемся въ статьѣ г. Тихомирова. «Въ революціонный моментъ нашъ народъ не можетъ оказаться раздробленнымъ, когда зайдетъ рѣчь объ основномъ принципѣ государственной власти — рѣшилъ нашъ авторъ. Точно также онъ окажется единодушнымъ въ экономическомъ отношеніи по вопросу о землѣ... Для того, чтобы собрать массы въ огромную силу вокругъ этихъ двухъ пунктовъ — *не нужно никакой особенной пропаганды*; нужно только, чтобы народъ зналъ, о чемъ идетъ дѣло.» Доведенная до крайняго своего выраженія, идеализація

народа лишаетъ народническую дѣятельность всякаго смысла и значенія. Но за то, тѣмъ болѣе возростаетъ значеніе заговора. Соціальная революція — разсуждаетъ заговорщикъ — задерживается, благодаря вліянію современнаго правительства. Устраните это вліяніе — и въ результатѣ вашей разрушительной дѣятельности необходимо должно явиться «начало соціалистической организаціи Россіи.» Въ политической борьбѣ «власть принадлежитъ тому, кто имѣетъ возможность въ каждый данный моментъ выставить на защиту своего дѣла наибольшее количество живой человѣческой силы.» Нѣтъ надобности освѣдомляться о томъ, изъ какого класса выходитъ эта сила. «Получать» ее «въ свое распоряженіе можно различно.» Можно даже «покупать своихъ бойцовъ или выгонять на защиту свою посредствомъ какого нибудь экономическаго давленія.»*) Тѣмъ болѣе можно вербовать ихъ изъ какихъ угодно классовъ общества. Успѣхъ дѣла зависитъ лишь отъ искуснаго направленія «полученныхъ» силъ сообразно цѣлямъ заговорщиковъ. Вотъ почему г. Тихомировъ «говоритъ иногда» о захватѣ власти революціонерами, какъ «объ исходномъ пунктѣ революціи». Этотъ выводъ логически вытекаетъ изъ всѣхъ посылокъ нашего автора.

Вся бѣда въ томъ, что посылки г. Тихомирова не выдерживаютъ критики, что въ народѣ не все обстоитъ благополучно даже по вопросу о «двухъ главныхъ пунктахъ», и что есть еще и другіе пункты, игнорированіе которыхъ можетъ привести революціонеровъ лишь къ тяжелому разочарованію. А вмѣстѣ съ посылками падаютъ, разумѣется, и выводы, дорогіе г. Тихомирову, но мало благопріятные для успѣховъ соціалистическаго движенія въ Россіи. Сантиментальный туманъ ложной и напускной идеализаціи народа исчезаетъ, и дѣйствительность снова выступаетъ передъ нами съ своими насущными требованіями. Мы видимъ, что невозможно надѣяться на сколько нибудь удачный исходъ русскаго революціоннаго движенія безъ «особенной пропаганды» въ народной средѣ. Мы убѣждаемся, что нашимъ революціонерамъ невозможно довольствоваться программой Ткачева и не мѣшаетъ вспомнить о программѣ журнала «Впередъ!» Но мы

*] В. Н. В. No 2 «Чего намъ ждать отъ революціи»? стр. 250.

все еще не рѣшили, въ какой мѣрѣ желателенъ разрывъ ихъ съ традиціями нашего бланкизма. Очень интересно было бы, въ этомъ затруднительномъ случаѣ, опредѣленно узнать авторитетное мнѣніе г. Лаврова.

2. «*Захватъ власти*».

Впрочемъ, мы можемъ отчасти предугадать это мнѣніе. Почтенный редакторъ, навѣрное, не одобряетъ того обстоятельства, что г. Тихомировъ «иногда говоритъ о захватѣ власти революціонерами, какъ объ исходномъ пунктѣ революціи». П. Н. Ткачевъ также имѣлъ привычку «иногда говорить» о такомъ захватѣ, и этимъ вызвалъ сильное порицаніе со стороны г. Лаврова. Редакторъ «Впередъ» счелъ даже нужнымъ предостеречь нашу революціонную молодежь отъ союза съ *ложными друзьями*. «Есть революціонные кружки — писалъ онъ — которые говорятъ, что они хотятъ блага народа, что они имѣютъ въ виду осуществить это благо путемъ революціи, но революціи не народной.» Для такихъ кружковъ вся философія революціи сводится, конечно, къ захвату власти. «Другіе хотятъ диктатуру лишь временную, только для того, чтобы распустить войско, *снять* верхній слой противниковъ и сойти со сцены, оставивъ народъ рѣшить свою судьбу. Третьи мечтаютъ передать эту диктатуру, когда они совершатъ свое дѣло, Земскому Собору изъ народныхъ представителей или мѣстнымъ собраніямъ и т. д., и т. д. Общее у всѣхъ революціонеровъ этого рода — революція, произведенная меньшинствомъ, при болѣе или менѣе продолжительной диктатурѣ этого меньшинства.» Въ качествѣ редактора, г. Лавровъ заявилъ, что его журналъ «никогда не сочтетъ возможнымъ допустить *безъ возраженія* на свои страницы теорію революціонной диктатуры меньшинства, такъ называемую якобинскую теорію.» Названная теорія подвергалась остракизму по слѣдующимъ, довольно уважительнымъ, причинамъ.

«Исторія доказала и психологія убѣждаетъ насъ, что всякая неограниченная власть, всякая диктатура портитъ самыхъ лучшихъ людей, и что даже геніальные люди, думая облагодѣтельствовать народы декретами, не могли этого сдѣлать. Всякая диктатура должна окружать себя принудительною силою, слѣпо-

повинующимися орудіями; всякой диктатурѣ приходилось насильственно давить не только реакціонеровъ, но и людей, просто несогласныхъ съ ея способами дѣйствія; всякой захваченной диктатурѣ пришлось истратить болѣе времени, усилій, энергіи на борьбу за власть съ ея соперниками, чѣмъ на осуществленіе своей программы помощью этой власти. *О сложеніи же диктатуры, захваченной насильно какой либо партіей (т. е. о томъ, что диктатура послужитъ лишь «исходнымъ пунктомъ революціи», не правда ли, г. редакторъ?) можно мечтать лишь до ея захвата*; въ борьбѣ партій за власть, въ волненіи явныхъ и тайныхъ интригъ, каждая минута вызываетъ новую необходимость сохранить власть, выказываетъ новую невозможность оставить ее. Диктатуру вырываетъ изъ рукъ диктаторовъ лишь новая революція»... «Неужели наша революціонная молодежь согласна служить подножіемъ трона нѣсколькихъ диктаторовъ, которые и *при самыхъ самоотверженныхъ намѣреніяхъ могутъ быть лишь новыми источниками общественныхъ бѣдствій*, но которые, всего вѣроятнѣе, будутъ даже не самоотверженные фанатики, но страстные честолюбцы, жаждущіе власти для самой власти, жаждущіе власти для себя?» ..

«Если, дѣйствительно, доля нашей молодежи стоитъ за диктатуру, за захватъ власти меньшинствомъ, — продолжалъ почтенный редакторъ — то органомъ *этой* доли «Впередъ» никогда не будетъ; ... пусть борются русскіе якобинцы противъ правительства; мы имъ мѣшать не будемъ, но партія народной соціальной революціи станетъ всегда ихъ врагомъ, едва одинъ изъ нихъ протянетъ руку къ власти, которая принадлежитъ народу и больше никому.»*)

Предсказаніе П. Л. Лаврова исполнилось въ точности. Журналъ «Впередъ», дѣйствительно, «никогда не былъ» органомъ русскихъ якобинцевъ. Правда, П. Л. Лавровъ сдѣлался редакторомъ органа «этой доли молодежи». Но это уже дѣло другое, насъ здѣсь не касающееся.

Въ настоящую минуту насъ интересуетъ слѣдующее соображеніе. Авторъ «Историческихъ Писемъ»

*) Русской соціально-революціонной молодежи, редактора журнала «Впередъ», Лондонъ 1874, стр. 40—43.

нигдѣ не заявлялъ, что онъ измѣнилъ свои взгляды на захватъ власти: поэтому мы можемъ съ увѣренностью сказать, что одинъ изъ редакторовъ« Вѣстника Народной Воли» относится къ такому захвату крайне отрицательно. Насъ радуетъ подобная увѣренность: пріятно согласиться во мнѣніяхъ съ извѣстнымъ и уважаемымъ писателемъ, а мы можемъ сказать, что совершенно раздѣляемъ его мысли о захватѣ власти, хотя и пришли къ своему убѣжденію нѣсколько инымъ путемъ. Мы всегда стремились обращать главное вниманіе не на субъективную, а на объективную сторону дѣла, не на мысли и чувства отдѣльныхъ личностей,—хотя бы эти личности носили даже диктаторское званіе, — а на соціальныя условія, съ которыми имъ приходится считаться, на внутренній смыслъ тѣхъ общественныхъ задачъ, за рѣшенія которыхъ они берутся. Мы не потому говоримъ противъ захвата власти, что «всякая диктатура портитъ самыхъ лучшихъ людей», — это вопросъ едва ли окончательно разрѣшенный «исторіей и психологіей». Но мы думаемъ, что если «освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ», то никакая диктатура ничего не сдѣлаетъ тамъ, гдѣ рабочій классъ, «городской и сельскій», не подготовленъ къ соціалистической революціи. А такая подготовка идетъ, обыкновенно, параллельно съ развитіемъ производительныхъ силъ и соотвѣтствующей имъ организаціи производства. Вотъ почему мы и задавались вопросомъ — на сколько современныя экономическія отношенія Россіи оправдываютъ программы людей, стремящихся къ захвату власти и обѣщающихъ совершить, съ ея помощью, цѣлый рядъ соціально-политическихъ чудесъ? Есть ли у этихъ людей болѣе физической возможности исполнить свои обѣщанія, чѣмъ у синицы, собиравшейся зажечь море? И мы пришли къ отрицательному отвѣту. Въ брошюрѣ «Соціализмъ и Политическая борьба», мы подробно объяснили, почему мы считаемъ такой отвѣтъ единственно возможнымъ въ настоящее время. Не разбирая прямо нашихъ доводовъ, г. Тихомировъ также коснулся въ разбираемой статьѣ этого вопроса, при чемъ кинулъ въ «нѣкоторую часть соціалистовъ» нѣкоторою частью употребленныхъ нами выраженій. Но аргументація нашего автора, по обыкновенію, очень неубѣдительна; да онъ не всегда и гонится за

убѣдительностью. По временамъ онъ совершенно перестаетъ доказывать и только утверждаетъ, такъ сказать, декретируетъ тѣ или другія положенія, какъ будто бы онъ «захватилъ» уже «власть» надъ умами своихъ читателей. Такъ, напримѣръ, прикрикнувши на людей, считающихъ физически невозможнымъ захватъ власти силами современной революціонной партіи, и обвинивши ихъ въ «перетасовкѣ понятій», онъ противопоставляетъ ихъ доводамъ слѣдующее.... заявленіе. «Не подлежитъ сомнѣнію, что вопросъ о захватѣ власти всякою революціонною силою опредѣляется, прежде всего, тѣмъ, достаточно ли дезорганизовано, расшатано и непопулярно существующее правительство, и если всѣ эти данныя имѣются въ наличности — государственный переворотъ не представляетъ ничего невозможнаго и даже особенно труднаго.»*) Не останавливаясь долѣе на этомъ интересномъ вопросѣ, онъ прямо переходитъ къ обсужденію шансовъ «удержанія власти» нашими революціонерами. Волей-неволей, всѣмъ «несогласно-мыслящимъ» приходится мириться съ не совсѣмъ обычнымъ лаконизмомъ автора. Помиримся съ нимъ и мы, тѣмъ болѣе, что истина нѣкоторыхъ положеній автора на этотъ разъ дѣйствительно «не подлежитъ сомнѣнію». Но даже и въ этомъ случаѣ весьма умѣстно будетъ спросить — кто же «перетасовываетъ понятія» — г. Тихомировъ или его противники? Во-первыхъ, «государственный переворотъ» далеко не то же самое, что «захватъ власти всякою революціонною силою». Тамъ, гдѣ «существующее правительство дезорганизовано, расшатано и непопулярно» — государственный переворотъ не только «не представляетъ ничего невозможнаго», но просто почти неизбѣженъ, а вслѣдствіе этого, разумѣется, и не «особенно» труденъ. Но это еще не значитъ, что «всякая революціонная сила» можетъ стать на мѣсто свергнутаго правительства, захватить потерянную имъ власть. Государственный переворотъ можетъ быть совершенъ совокупнымъ дѣйствіемъ многихъ «силъ», враждебныхъ между собою, но тѣмъ не менѣе революціонныхъ по отношенію къ существующему порядку. Тогда и «власть» достанется не одной изъ этихъ силъ, а общей ихъ равнодѣйствующей, воплощенной въ новомъ,

*) В. Н. В. No 2, стр. 255.

временномъ или постоянномъ правительствѣ. Для каждой же изъ нихъ въ отдѣльности, «вопросъ о захватѣ власти» не только не разрѣшится, но еще болѣе усложнится такимъ исходомъ: вмѣсто слабаго и непопулярнаго противника, имъ придется спорить за власть съ соперниками свѣжими, бодрыми, еще неутомленными борьбой и имѣющими за себя голосъ нѣкоторой части націи. Все это ясно, какъ божій день. А если ясно, то можно ли пріурочивать интересующій насъ вопросъ о захватѣ власти «партіей Народной Воли»— исключительно къ непрочности существующаго правительства, къ вѣроятности государственнаго переворота? Позволительно ли такъ подмѣнять понятія, совершенно различныя по своему смыслу и содержанію?

Но, скажутъ намъ, вы придаете «государственному перевороту» совсѣмъ не тотъ смыслъ, въ какомъ употребляетъ это выраженіе г. Тихомировъ. Онъ понимаетъ подъ нимъ не только паденіе существующаго и организацію новаго правительства; онъ предполагаетъ, что вся эта революція совершится путемъ удачнаго заговора въ средѣ извѣстной, опредѣленной, симпатичной ему революціонной партіи. Заговоръ есть предпріятіе тайное, начинаемое безъ вѣдома всѣхъ тѣхъ, кто могъ бы соперничать съ заговорщиками послѣ переворота. Когда маленькій Наполеонъ задумывалъ свой «государственный переворотъ», то ему и въ голову не приходило открывать свои намѣренія орлеанистамъ или легитимистамъ, а еще того менѣе рѣшился бы онъ просить у нихъ помощи и содѣйствія. Добыча, пріобрѣтенная силами однихъ бонапартистовъ, цѣликомъ и досталась бонапартистамъ; соперникамъ оставалось только злобствовать и сожалѣть о томъ, что не они задумали и выполнили это удалое предпріятіе. То, что сдѣлалъ пресловутый племянникъ— можетъ быть сдѣлано и искренними революціонерами. Неужели одно только зло имѣетъ привиллегію успѣха? Неужели орудіе, доказавшее свою годность въ рукахъ политическихъ авантюристовъ, откажется служить людямъ, искренно преданнымъ благу своей родины?

Если г. Тихомировъ дѣйствительно понимаетъ «государственный переворотъ» въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, то онъ прибѣгаетъ къ «перетасовкѣ понятій», еще болѣе грубой, чѣмъ мы думали ранѣе. Что даетъ ему право такъ неожиданно и беззастѣнчиво подмѣ-

нять общую, абстрактную возможность данною, конкретною дѣйствительностью? Развѣ *возможное* въ общемъ смыслѣ не оказывается сплошь и рядомъ невозможнымъ въ примѣненіи къ тому или другому частному случаю? И потому, развѣ позволительно, рекомендуя русской революціонной партіи путь заговора, ограничиваться общими фразами о томъ, что организовать удачный заговоръ не «особенно трудно» тамъ, гдѣ правительство дезорганизовано и непопулярно? Развѣ русскіе революціонеры представляютъ собою заговорщиковъ вообще, безъ костей и плоти, стоящихъ внѣ всѣхъ тѣхъ условій, которыя превращаютъ возможное для однихъ въ фантастическое и невозможное для другихъ? Развѣ шансы успѣха заговора не опредѣляются свойствами среды, къ которой принадлежатъ его участники, и развѣ свойства среды не вліяютъ на стремленія и цѣли заговорщиковъ? Стоитъ только взглянуть на нашу революціонную среду съ этой точки зрѣнія, — и общія фразы о не «особенной трудности» успѣшнаго заговора совершенно потеряютъ всякій смыслъ.

Къ какому классу, къ какому слою общества принадлежало и принадлежитъ до сихъ поръ огромное большинство нашихъ революціонеровъ? Къ такъ называемому мыслящему пролетаріату. О политическихъ свойствахъ этого слоя мы уже подробно говорили въ брошюрѣ «Соціализмъ и Политическая борьба», и мы очень жалѣемъ, что г. Тихомировъ не счелъ нужнымъ опровергнуть наши соображенія. «Нашъ мыслящій пролетаріатъ, писали мы, сдѣлалъ уже очень много для освобожденія своей родины. Онъ расшаталъ абсолютизмъ, пробудилъ политическій интересъ въ обществѣ, занесъ сѣмя соціалистической пропаганды въ среду нашего рабочаго класса. Онъ составляетъ переходъ отъ высшихъ классовъ общества къ низшимъ, онъ обладаетъ образованіемъ первыхъ и демократическими инстинктами послѣдняго. Это положеніе облегчало ему его разностороннюю работу атитаціи и пропаганды. Но то же самое положеніе даетъ ему очень мало надежды на успѣхъ заговора съ цѣлью захвата власти. Для такого заговора недостаточно талантовъ, энергіи и образованія; нужны связи, богатство и вліятельное положеніе заговорщиковъ. Именно этого и недостаетъ нашей революціонной ин-

теллигенціи. Пополнить этотъ недостатокъ она можетъ, лишь вступая въ союзъ съ другими недовольными элементами русскаго общества. Допустимъ, что ея планы и встрѣтятъ сочувствіе со стороны этихъ элементовъ, допустимъ, что къ заговору примкнутъ богатые землевладѣльцы, чиновники, штабъ и оберъ-офицеры. Успѣхъ заговора станетъ тогда вѣроятнѣе, хотя вѣроятность эта будетъ еще очень не велика: припомнимъ только исходъ большей части извѣстныхъ въ исторіи заговоровъ. Но главная опасность будетъ грозить соціалистическому заговору не со стороны существующаго правительства, а со стороны его собственныхъ участниковъ. Вошедшія въ него вліятельныя и высокопоставленныя лица могутъ быть искренними соціалистами только въ видѣ «счастливой случайности». Относительно же большей части изъ нихъ не можетъ быть никакихъ гарантій въ томъ, что они не пожелаютъ воспользоваться захваченною ими властью для цѣлей, не имѣющихъ ничего общаго съ интересами рабочаго класса... Такимъ образомъ, *результаты заговора* соціалистической интеллигенціи, съ цѣлью захвата власти въ ближайшемъ будущемъ, *станутъ тѣмъ болѣе сомнительными, чѣмъ болѣе сочувствія встрѣтитъ онъ во вліятельныхъ сферахъ, т. е. чѣмъ вѣроятнѣе будетъ его внѣшній успѣхъ*; и наоборотъ, результаты такого заговора — поскольку рѣчь идетъ о намѣреніяхъ его участниковъ — будутъ тѣмъ несомнѣннѣе, чѣмъ болѣе его сфера ограничится нашею соціалистической интеллигенціей, т. е. чѣмъ невѣроятнѣе будетъ его счастливый исходъ». Понятно ли сказанное? Правы ли мы были, говоря, что нашъ нигилистъ-отщепенецъ, очень полезный, какъ революціонный ферментъ въ общественной средѣ, не захватитъ власти, потому что этому препятствуетъ его соціальное положеніе? Бонапартъ былъ не нигилистъ, а и ему, для его государственнаго переворота, понадобилось сначала стать ни болѣе ни менѣе, какъ во главѣ исполнительной власти республики. Далѣе. Вѣроятно ли, что если нигилистъ и перетянетъ на свою сторону достаточное число лицъ, вліятельныхъ и занимающихъ важные посты, что если за нимъ и пойдутъ всякаго рода «бѣлые генералы», то не онъ воспользуется ихъ общественнымъ положеніемъ, а они воспользуются его самоотвержен-

ностью, и обратятъ весь заговоръ въ орудіе для своихъ личныхъ цѣлей? Намъ скажутъ, быть можетъ, что высокое общественное положеніе не всегда же безповоротно развращаетъ человѣка, что и подъ генеральскимъ мундиромъ можетъ биться преданное народу сердце. Мы вполнѣ допускаемъ это, но не перестаемъ бояться данайцевъ. Какія гарантіи будутъ у революціонеровъ относительно преданности и искренности высокопоставленныхъ участниковъ заговора? Личная извѣстность этихъ господъ центральному комитету? А чѣмъ увѣритъ насъ комитетъ въ безошибочности своего выбора? Можно ли довольствоваться такими гарантіями въ столь важномъ дѣлѣ, какъ судьба рабочаго класса цѣлой страны? Здѣсь-то и обнаруживается различіе между точками зрѣнія соціаль-демократовъ, съ одной стороны, и бланкистовъ —съ другой. Первые требуютъ объективныхъ гарантій успѣха своего дѣла, гарантій, которыя заключаются для нихъ въ развитіи сознанія, самодѣятельности и организаціи въ средѣ рабочаго класса; вторые довольствуются гарантіями чисто субъективнаго свойства, отдаютъ дѣло рабочаго класса въ руки отдѣльныхъ лицъ и комитетовъ, пріурочиваютъ торжество дорогой имъ идеи къ вѣрѣ въ личныя свойства тѣхъ или другихъ участниковъ заговора. Будутъ заговорщики честны, смѣлы и опытны—восторжествуетъ соціализмъ; не достанетъ у нихъ рѣшимости или умѣнья,—побѣда соціализма отодвинется на время, быть можетъ короткое: если явятся новые, болѣе умѣлые заговорщики; а быть можетъ и безконечно долгое, — если такихъ заговорщиковъ не будетъ. Все подводится здѣсь къ случаю, уму, умѣнью и волѣ отдѣльныхъ единицъ*)

*) Впрочемъ, это не совсѣмъ такъ. Иногда объективныя условія успѣха представляются заговорщику въ видѣ какихъ нибудь физическихъ или метеорологическихъ воздѣйствій. Такъ, напримѣръ, въ одной изъ книжекъ «Набата» помѣщена статья о заговорѣ генерала Малэ. Изъ этой статьи видно, что въ 1812 году революція не имѣла во Франціи мѣста лишь потому, что въ ночь съ 22 на 23 октября этого года совершенно некстати и неожиданно пошелъ сильный дождь. Вамъ это кажется невѣроятнымъ, читатель? Прочтите нижеслѣдующую выписку и судите сами. «Когда все было кончено, Малэ хотѣлъ было, немедля, отправиться въ ближайшую казарму, но дождь лилъ, какъ изъ ведра, и заговорщики вздумали его переждать. Пришлось ждать до 3-хъ часовъ — это было роковою ошибкою. Ночью заговоръ имѣлъ всѣ шансы удаться, такъ какъ свѣтская власть

И пусть не говорятъ намъ, что современные русскіе бланкисты не отрицаютъ значенія подготовительной дѣятельности въ средѣ рабочаго класса. Никакое сомнѣніе невозможно на этотъ счетъ послѣ того, какъ «Календарь Нар. Воли» объявилъ, что городское рабочее населеніе имѣетъ «особенно важное значеніе *для* революціи» (стр. 130). Но есть ли на свѣтѣ хоть одна партія, которая не признавала бы, что рабочій классъ можетъ оказать ей важную помощь въ достиженіи ея цѣлей? Современная политика желѣзнаго канцлера ясно показываетъ, что такого сознанія не лишено даже прусское юнкерство. Теперь всѣ обращаются къ рабочимъ, но не всѣ говорятъ съ ними одинаковымъ голосомъ, не всѣ отводятъ имъ одинаковую роль въ своихъ политическихъ программахъ. Это различіе замѣтно даже на соціалистахъ. Для демократа Якоби основаніе одного рабочаго союза имѣло болѣе важное культурно-историческое значеніе, чѣмъ битва при Садовой. Бланкистъ, конечно, вполнѣ согласится съ этимъ мнѣніемъ. Но согласится—единственно потому, что не битвы, а революціонные заговоры являются въ его глазахъ главными двигателями прогресса. Если же вы предложите ему выбрать между рабочимъ союзомъ и «кающимся дворяниномъ» въ лицѣ какого нибудь начальника дивизіи, то онъ едва ли задумается предпочесть второго первому. Да оно и понятно. Какъ ни важны «для революціи» рабочіе, но высокопоставленные заговорщики еще того важнѣе, безъ нихъ нельзя ступить шагу, и часто весь исходъ заговора можетъ зависѣть отъ поведенія того

и военная не имѣли бы времени столковаться между собою. Заговорщики пропустили удобную минуту», а вслѣдствіе этого, и только вслѣдствіе этого, не удался и самый заговоръ.

Какъ бы кто ни смотрѣлъ на такія объясненія историческихъ судебъ народовъ, несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что они не даютъ намъ никакой возможности сколько нибудь трезваго предвидѣнія общественныхъ явленій, т. е. другими словами, исключаютъ всякую попытку серьезнаго обсужденія программныхъ вопросовъ.

Извѣстное уже намъ, тихомировское «начало соціалистической организаціи Россіи» также, повидимому, будетъ отмѣнено въ случаѣ ненастной погоды. Вообще сильные дожди тѣмъ вреднѣе для торжества соціализма, чѣмъ болѣе дѣло этого послѣдняго пріурочивается къ успѣхамъ того или другого комитета и отвлекается отъ соображеній о степени соціально-политическаго развитія рабочаго класса данной страны.

или другого «превосходительства».*) Съ точки зрѣнія соціаль-демократа истинно-революціонное движеніе настоящаго времени возможно только въ средѣ рабочаго класса: съ точки зрѣнія бланкиста революція только частью опирается на рабочихъ, имѣющихъ для нея «важное», но не главное значеніе. Первый полагаетъ, что *революція* имѣетъ «особенно важное значеніе» *для рабочихъ*; по мнѣнію второго, *рабочіе* имѣютъ, какъ мы знаемъ, особенно важное значеніе *для революціи*. Соціальдемократъ хочетъ, чтобы рабочій *самъ сдѣлалъ* свою революцію; бланкистъ требуетъ, чтобы рабочій *поддержалъ* революцію, начатую и руководимую за него и отъ его имени другими, положимъ хоть г.г. офицерами, если вообразить нѣчто въ родѣ заговора декабристовъ. Сообразно съ этимъ, измѣняется и характеръ дѣятельности, и распредѣленіе силъ. Одинъ обращается, главнымъ образомъ, къ рабочей средѣ, другіе имѣютъ съ ней дѣло только между прочимъ и когда этому не мѣшаютъ многочисленныя, сложныя, непредвидимыя и все болѣе и болѣе возростающія нужды начатаго внѣ ея заговора. Это—различіе огромной практической важности; именно имъ-то и объясняется враждебное отношеніе соціаль-демократовъ къ заговорщицкимъ фантазіямъ бланкистовъ.

3. *Вѣроятныя послѣдствія «народной» революціи.*

Но будемъ сговорчивы. Допустимъ невѣроятное, предположимъ, что «власть» дѣйствительно оказалась въ рукахъ нашихъ современныхъ революціонеровъ. Къ чему приведетъ ихъ такая удача?

Послушаемъ нашего автора. «Ближайшая и первая задача побѣдоноснаго временнаго правительства состоитъ въ томъ, чтобы явиться на помощь народной революціи. Захваченная государственная власть должна быть употреблена для того, чтобы повсюду революціонизировать народныя массы и организовать ихъ власть, а это такая задача, при выполненіи которой революціонеры стоятъ на твердой почвѣ. Тутъ

*) Сообщенная въ «Набатѣ» исторія заговора генерала Малэ подробно выясняетъ «важность для революціи» начальниковъ «частей» или даже простыхъ офицеровъ. «Для приведенія въ исполненіе задуманнаго имъ плана, Малэ нужно было заручиться помощью по крайней мѣрѣ двухъ офицеровъ, способныхъ, ловкихъ, воодушевленныхъ, подобно ему, ненавистью къ императору» и т. д.

временное правительство даже ничего не творитъ, а только разрѣшаетъ силы, существующія въ народѣ и даже находящіяся въ состояніи сильнѣйшаго напряженія... Временное правительство не имѣетъ тутъ нужды ни приневоливать народную массу, ни учить ее. Оно только помогаетъ ей съ чисто внѣшней стороны».*)

Такъ говоритъ г. Тихомировъ, разсуждая о роли «временнаго правительства, вынужденнаго захватить власть».

Онъ убѣжденъ, что эта «чисто внѣшняя» помощь народу приведетъ къ «началу соціалистической организаціи Россіи». Если мы припомнимъ его родословную, то увидимъ, что подобная увѣренность нисколько неудивительна съ его стороны, и перешла къ нему просто по закону наслѣдственности: Бакунинъ «роди» Ткачева, Ткачевъ роди Тихомирова и братьевъ его. И если ближайшіе литературные предки нашего автора держались того убѣжденія, что «народъ всегда готовъ» къ соціальной революціи, то потомку ихъ вполнѣ естественно вѣрить въ такую готовность народа, по крайней мѣрѣ, въ «переживаемый нами моментъ». Нужно удивляться не г. Тихомирову, который, стыдясь открыто признать свое происхожденіе, все таки свято хранитъ преданія своихъ духовныхъ отцовъ. Нужно удивляться тѣмъ читателямъ, которые, отказавшись отъ теорій Бакунина и Ткачева, воображаютъ, что г. Тихомировъ предлагаетъ имъ нѣчто болѣе новое, болѣе серьезное и осуществимое. Для такихъ читателей критика есть пустое слово, а послѣдовательность самое безсодержательное понятіе!

Людямъ, дѣйствительно и безповоротно покончившимъ съ бакунинско-ткачевскими фантазіями, указанная увѣренность г. Тихомирова покажется рѣшительно ни на чемъ не основанной. Такіе люди понимаютъ, что соціалистическая революція предполагаетъ цѣлый рядъ мѣръ для соціалистической организаціи производства. И уже по одному этому «чисто внѣшняя» помощь революціоннаго правительства никоимъ образомъ не можетъ быть признана достаточной для удачнаго исхода такой революціи. Кромѣ того, соціалистическая организація предполагаетъ два

*) Вѣстн. Нар. Воли, No 2 стр. 255—6.

условія, безъ «наличности» которыхъ за нее невозможно и браться. Первое изъ этихъ условій имѣетъ объективный характеръ и заключается въ экономическихъ отношеніяхъ страны. Другое условіе — чисто субъективное, и относится къ самимъ производителямъ: недостаточно одной объективной, экономической возможности перехода къ соціализму; нужно, чтобы рабочій классъ понялъ и созналъ эту возможность. Эти два условія находятся въ тѣсной взаимной связи. Экономическія отношенія вліяютъ на экономическія понятія людей. Экономическія понятія людей вліяютъ на ихъ образъ дѣйствія, на общественныя, а слѣдовательно и экономическія отношенія. И такъ какъ мы «не вѣримъ» уже ни въ «десницу божію», ни во врожденныя идеи, то намъ остается предположить, что «порядокъ идей опредѣляется порядкомъ вещей», и что взгляды людей на окружающую ихъ экономическую дѣйствительность обусловливаются свойствами самой этой дѣйствительности. Этими же свойствами опредѣляются и наклонности различныхъ классовъ, консервативныя въ одинъ, революціонныя въ другой историческій періодъ. Извѣстный классъ возмущается противъ окружающей его дѣйствительности, становится въ противорѣчіе съ нею лишь въ томъ случаѣ, когда она «раздѣляется на ся», когда въ ней самой обнаруживаются тѣ или другія противорѣчія. Характеръ, ходъ и исходъ начавшейся противъ нея борьбы опредѣлятся характеромъ этихъ противорѣчій. Въ капиталистическихъ странахъ однимъ изъ главныхъ экономическихъ противорѣчій является противорѣчіе между общественнымъ характеромъ производства, съ одной стороны, и индивидуальнымъ присвоеніемъ предпринимателями его средствъ, орудій, а слѣдовательно, и продуктовъ—съ другой. При полной невозможности отказа отъ общественной организаціи производства, единственнымъ средствомъ разрѣшенія этого противорѣчія является приведеніе юридическихъ нормъ въ соотвѣтствіе съ экономическими фактами, передача орудій и объектовъ труда въ собственность общества, которое распредѣляло бы продукты, сообразно съ потребностями трудящихся. И это противорѣчіе, равно какъ неотложная необходимость его разрѣшенія, все болѣе и болѣе входитъ въ сознаніе страдающихъ отъ него людей. Рабочій

классъ все болѣе и болѣе становится склоннымъ и готовымъ къ соціалистической революціи. Мы не разъ уже повторяли ту доказанную Марксомъ истину, что указанное выше противорѣчіе неизбѣжно возникаетъ на извѣстной ступени развитія товарнаго производства. Но товарное производство, какъ и все въ мірѣ, имѣетъ не только конецъ, но и начало. Оно не только подготовляетъ новый общественный строй, благодаря свойственнымъ ему противорѣчіямъ, но и само было когда-то ново, само возникло изъ противорѣчій своего предшественника. Извѣстно, что товарному производству предшествовало натуральное хозяйство и первобытный коллективизмъ. Главнѣйшей причиной возникновенія противорѣчій въ первобытныхъ общинахъ была свойственная имъ ограниченность, недопускавшая приложенія коммунистическаго принципа къ меж-общиннымъ отношеніямъ. Эти отношенія повели къ развитію *обмѣна*, продукты общественнаго труда стали товарами, и въ этомъ новомъ своемъ качествѣ оказали разлагающее вліяніе на внутреннюю организацію самой общины. Та ступень разложенія первобытнаго коллективизма, которая носитъ названіе сельской общины, характеризуется, какъ мы знаемъ, тѣмъ противорѣчіемъ, что на *общественной землѣ*, хлѣбопашество ведется въ ней *отдѣльными домохозяевами*. Это ведетъ къ развитію частной собственности, къ новому усиленію товарнаго производства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ зарожденію свойственныхъ этому послѣднему противорѣчій, т. е. къ эксплуатаціи труда капиталомъ. Итакъ, товарное производство близится къ концу, благодаря противорѣчію между общественной организаціей производства и индивидуалистическимъ способомъ присвоенія. Наоборотъ; оно развивается, благодаря противорѣчію между индивидуальнымъ характеромъ хозяйства и общественнымъ характеромъ присвоенія одного изъ самыхъ главныхъ средствъ производства — земли. Теперь мы спросимъ г. Тихомирова—какую изъ ступеней развитія товарнаго производства переживаетъ Россія? Какое изъ указанныхъ нами противорѣчій свойственно ея экономическимъ отношеніямъ? Если первое, то не имѣетъ смысла противопоставленіе Россіи Западу, а слѣдовательно и своеобразный характеръ русскихъ «соціально-революціонныхъ» про-

граммъ. Если—второе, то какимъ путемъ остановитъ революціонное правительство дальнѣйше развитіе товарнаго производства? Какими средствами разрѣшитъ оно противорѣчія, свойственныя нашей сельской общинѣ?

Захватъ власти революціонерами можетъ имѣть два исхода.

Или временное правительство дѣйствительно ограничится «чисто внѣшнею» помощью народу, и, ни чему его не уча, ни къ чему не приневоливая, оно предоставитъ ему самому устроить свои экономическія отношенія.

Или, не полагаясь на народную мудрость, оно удержитъ въ своихъ рукахъ захваченную власть, и само примется за организацію соціалистическаго производства.

Въ брошюрѣ «Соціализмъ и политическая борьба» мы говорили уже о каждомъ изъ этихъ исходовъ. Теперь намъ остается только повторить и развить высказанныя тамъ мысли.

Г. Тихомировъ избавилъ насъ отъ необходимости подробно говорить о второмъ изъ предположенныхъ нами случаевъ. Онъ и слышать не хочетъ о «деспотизмѣ коммунистическаго правительства». Онъ требуетъ, чтобы временное правительство «помогало» народу «съ чисто внѣшней стороны», чтобы оно «организовало народъ временно и лишь настолько, насколько его (т. е. народное) самодержавіе можетъ быть осуществлено при тѣхъ условіяхъ». Какъ ни темна эта послѣдняя фраза, но если она имѣетъ какой нибудь смыслъ, то означаетъ рѣшительный отказъ отъ всякой попытки насаждать соціализмъ посредствомъ декретовъ «захватившаго власть» тайнаго общества. Наконецъ, нашъ авторъ прямо заявляетъ, что временное правительство должно пользоваться властью «разумѣется не для созданія соціалистическаго строя». Это, конечно, опять очень большая нескладица, потому что смѣшно соціалистическое—хотя бы и временное—правительство, не пользующееся своею властью для созданія соціалистическаго строя. Но какъ бы тамъ ни было, очевидно, что г. Тихомировъ серьезно убѣжденъ въ томъ, что временному правительству не нужно будетъ «ничего творить, а только разрѣшать силы, уже существующія въ народѣ». Посмотримъ же, къ чему

можетъ привести такого рода «разрѣшающая» дѣятельность.

Нашъ авторъ не объяснилъ, какъ долго протянется тотъ періодъ времени, въ теченіе котораго временное правительство будетъ «организовать власть народныхъ массъ». Онъ не сообщилъ также, что означаетъ эта организація въ переводѣ съ мистическаго «нарѣчія» его партіи на литературный русскій языкъ. Ни однимъ словомъ не обмолвился онъ о томъ, какимъ образомъ правительство захватившей власть «партіи Нар. Воли»—будетъ замѣнено правительствомъ, «народомъ выбираемымъ, контролируемымъ и смѣняемымъ.» Намъ остается, поэтому, самимъ выбирать наиболѣе вѣроятную изъ всѣхъ возможныхъ догадокъ. Восточныя страны отличались до сихъ поръ лишь дворцовыми революціями, или такими народными движеніями, въ которыхъ было очень мало сознательныхъ политическихъ дѣйствій. Чтобы сколько нибудь наглядно представить себѣ вѣроятный ходъ русской революціи, мы, волей-неволей, должны предположить, что, при всей своей самобытности, она все таки совершится хоть отчасти на западный манеръ. А на Западѣ дѣло происходило обыкновенно такимъ образомъ. Выдвинутое переворотомъ временное правительство, продолжая поддерживать революцію противъ реакціонныхъ посягательствъ, созывало учредительное собраніе, въ руки котораго и передавало судьбу страны. Выработавши новую конституцію, учредительное собраніе создавало правительство постоянное, соотвѣтствующее наиболѣе энергичнымъ требованіямъ всей страны, или нѣкоторыхъ ея классовъ. Само собою разумѣется, что новое правительство оставалось *постояннымъ*, лишь до новой революціи, или до новой передѣлки конституціоннаго зданія страны.

Вообразимъ теперь, что, захвативши власть, «партія Народной Воли» останется вѣрна обѣщаніямъ г. Тихомирова, и, ни къ чему не приневоливая русскій народъ, созоветъ его представителей въ учредительное собраніе. Допустимъ, что выборы произойдутъ при самыхъ благопріятныхъ для революціонеровъ условіяхъ, что къ нимъ приступятъ лишь послѣ «обезпеченія экономической независимости народа», т. е. послѣ экспропріаціи крупныхъ землевладѣльцевъ и предпринимателей. Допустимъ даже, что временное прави-

тельство установитъ сословный и классовой цензъ и признаетъ политическую правоспособность лишь за крестьянами, ремесленниками и пролетаріями умственнаго и физическаго труда. Допустимъ, наконецъ, что временное правительство сумѣетъ отстоять, а учредительное собраніе—упрочить «политическую независимость» народа. Это послѣднее будетъ дѣломъ тѣмъ болѣе труднымъ, чѣмъ скорѣе настанетъ предсказываемый г. Тихомировымъ революціонный моментъ; отъ того же г. Тихомирова мы знаемъ, что, даже при безсиліи буржуазіи, народоправленіе возможно только въ томъ случаѣ, когда народъ достаточно разочаруется въ самодержавіи царей. Отсюда слѣдуетъ, что если ко времени революціоннаго взрыва упомянутое разочарованіе не будетъ достаточно сильно, то не будетъ и народоправленія, и совершившаяся революція можетъ привести къ политическому уродству въ родѣ древней китайской или перувіанской имперіи, т. е. къ обновленному царскому деспотизму на коммунистической подкладкѣ. Но мы не будемъ пессимистами, примемъ въ соображеніе что Россія «едва ли можетъ ждать», и предположимъ, что ,въ виду такой крайности, наше отечество поторопится покончить съ самодержавіемъ. Мы до такой степени уступчивы, что готовы признать наилучшій исходъ наиболѣе вѣроятнымъ, готовы допустить, что у насъ установится самый чистый видъ «народоправленія», т. е. прямое народное законодательство. Мы спросимъ только, можно ли «ждать», что самодержавный народъ немедленно положитъ «начало соціалистической организаціи Россіи»?

Мы давно знаемъ, что

...Wo die Begriffe fehlen,
Da stellt ein Wort Zur recht'n Zeit sich ein,

но мы просимъ читателя вдуматься въ значеніе словъ *соціалистическая организація производства*, и для большей наглядности представить себѣ вѣроятныя рѣшенія на этотъ счетъ русскаго самодержавнаго народа.

Собраніе представителей вынуждено будетъ аппеллировать къ его приговору во всѣхъ важныхъ законодательныхъ вопросахъ.

Оно спроситъ его, одобряетъ ли и утверждаетъ ли онъ совершенную временнымъ правительствомъ экспропріацію крупныхъ собственниковъ? И онъ отвѣ-

тить, конечно, утвердительно. Земля, рудники, заводы и фабрики будутъ признаны собственностью государства.

Но перемѣна собственника не означаетъ еще перемѣны въ организаціи производства. Вопросъ объ *экспропріаціи* приведетъ къ вопросу объ *эксплуатаціи* конфискованныхъ имуществъ.

Самодержавному народу нужно будетъ организовать на новый ладъ все свое хозяйство, производство и распредѣленіе всѣхъ своихъ продуктовъ.

Какой видъ организаціи признаетъ онъ необходимымъ? Выскажется ли за коммунизмъ большинство нашего крестьянства?

Этого не «ждетъ» и самъ г. Тихомировъ. Находясь на своей настоящей, или на недалекой отъ нея ступени развитія, народъ не захотѣлъ бы, да и не сумѣлъ бы устроить коммунистическое хозяйство.

Даже по отношенію къ хлѣбопашеству, народъ, навѣрное, удержалъ бы нынѣ существующую организацію производства. На общественной землѣ хозяйство по прежнему велось бы отдѣльными дворами. А мы знаемъ уже, къ чему ведетъ это противорѣчіе. Оно создаетъ неравенство, способствуетъ развитію товарнаго производства, а слѣдовательно и новыхъ противорѣчій, съ нимъ неразрывно связанныхъ. Исторія разложенія общины и возникновенія различныхъ общественныхъ классовъ повторилась бы въ новомъ видѣ и въ болѣе широкомъ масштабѣ. Наши народники и народовольцы относятъ, обыкновенно, разложеніе общины насчетъ враждебнаго ей сословнаго и «классового» государства. Но послѣ всего сказаннаго на этотъ счетъ въ предыдущей главѣ, намъ не нужно останавливаться на опроверженіи или—лучше сказать — на выясненіи истиннаго смысла этого довода. Современная наука не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія относительно того, что неравенство возникаетъ въ первобытныхъ общинахъ прежде, чѣмъ сами эти общины организуются въ государство. Далекое отъ того, чтобы быть *первоначальной причиной* возникновенія неравенства, государство само является въ исторіи его *продуктомъ*. Впослѣдствіи и государство начинаетъ, конечно, оказывать свое дѣйствіе на экономическія отношенія, разрушать первобытный коммунизмъ. Но тотъ, кто желаетъ въ корнѣ уничтожить

неравенство (а не желая этого, нельзя быть и соціалистомъ) — тотъ долженъ обращать главное вниманіе не на производную, а на кореннyю его причину. Очень не послѣдовательно было бы со стороны такого человѣка стремиться уничтожить ту разновидность государства, которая *усиливаетъ* неравенство, и оставлять неприкосновенными тѣ экономическія отношенія, которыя *создаютъ*, какъ самое неравенство, такъ и «классовое» государство. Но именно такою-то непослѣдовательностью и страдало бы временное соціалистическое правительство, не задающееся цѣлью ни «учить» народъ, «ни приневоливать его» къ соціалистической организаціи. Предоставляя дѣло этой организаціи совершенно неподготовленнымъ къ ней производителямъ, и ограничиваясь помощью народу «счисто внѣшней стороны», оно въ самомъ лучшемъ случаѣ срубило бы только стволъ, оставляя нетронуть тымъ поддерживающій его корень. Бывшіе члены такого правительства обнаружили бы большую наивность, если бы стали удивляться тому, что на мѣстѣ стараго, уже подгнившаго ствола, выросъ новый, болѣе сильный и крѣпкій.

Повторяемъ, если бы у насъ дѣйствительно установилось народоправленіе, то самодержавный народъ на вопросъ — нужна ли ему земля и слѣдовало ли отобрать ее у помѣщиковъ — отвѣтилъ бы: да, нужна и отобрать ее слѣдовало. На вопросъ же, нужно ли ему «начало соціалистической организаціи» — сначала отвѣтилъ бы, что онъ не понимаетъ, о чемъ его спрашиваютъ, а затѣмъ, съ большимъ трудомъ понявши въ чемъ дѣло, отвѣтилъ бы — нѣтъ, мнѣ этого не нужно. А такъ какъ экспропріація крупныхъ землевладѣльцевъ вовсе не равносильна «началу соціалистической организаціи», то въ результатѣ захвата власти революціонерами не было бы никакого соціализма*). Вышло бы то, что невольно напророчилъ самъ г. Тихомировъ, говоря, что временное правительство воспользовалось бы своею властью «вовсе не для созданія соціалистическаго строя». Мы имѣли бы передъ собой ту же самую сельскую общи-

*) Примѣчаніе къ настоящему изданію. Этого до сихъ поръ не хотятъ понять наши нынѣшніе «соціалисты-революціонеры», старательно воскрешающіе наши старые «революціонные» предразсудки.

ну, которую имѣемъ и теперь. Вся разница свелась бы къ тому, что эта община, имѣя приблизительно втрое больше земли, чѣмъ имѣетъ она въ настоящее время, стала бы, можетъ быть, разлагаться медленнѣе, а, слѣдовательно, и медленнѣе очищать мѣсто для высшихъ формъ общежитія.

А дальнѣйшее самостоятельное развитіе общины? Да ея развитіе и заключается въ ея разложеніи! Кто оспариваетъ это, тотъ долженъ доказать противное, долженъ указать намъ, если не историческіе примѣры перехода сельской общины въ коммунистическую, то, по крайней мѣрѣ, тенденцію къ такому переходу, тенденцію, находящуюся не въ головахъ нашихъ народниковъ, а въ самой организаціи общины и во всей динамикѣ ея земледѣльческаго хозяйства. Мы знаемъ, гдѣ, какъ и почему превобытныя коммунистическія общины превращались въ общины отдѣльныхъ домохозяевъ. Но мы не знаемъ, почему и какъ наша русская община перейдетъ въ коммунистическую. Любя побесѣдовать подчасъ съ народниками, мы не могли, конечно, остаться въ неизвѣстности относительно того факта, что двѣ-три общины завели у насъ коллективную обработку полей. Отличившійся такою добродѣтелью хуторъ Грековка былъ одно время на устахъ рѣшительно у всѣхъ «друзей народа», и своимъ примѣромъ разрѣшалъ, казалось, весь соціальный вопросъ въ Россіи. Но если бы крестьяне этого знаменитаго хутора подверглись когда-нибудь преслѣдованію за коммунистическія наклонности, то защитнику ихъ не трудно было бы доказать, что обвинитель ничего не смыслитъ въ коммунистическихъ ученіяхъ. Отъ общественной обработки полей немногимъ ближе до коммунизма, чѣмъ отъ общественной работы на барщинѣ или отъ «общественныхъ запашекъ», вводившихся при Николаѣ Павловичѣ съ помощью штыковъ и розогъ. Какъ ни глупъ былъ «незабвенный» императоръ, но и ему не приходило въ голову думать, что общественныя запашки могутъ вызвать самостоятельное движеніе общины къ коммунизму. Центръ тяжести вопроса заключается не въ томъ, какъ работаютъ домохозяева — вмѣстѣ или по одиночкѣ, а въ томъ, существуютъ ли отдѣльныя хозяйства, и стремятся ли они слиться въ одно коммунистическое цѣ-

лое. Хуторъ Грековка не обнаружилъ такого стремленія. Составляющіе его домохозяева продолжали быть собственниками продуктовъ, обращаемыхъ ими въ товары. А разъ они не уничтожали товарнаго свойства своихъ продуктовъ, то можно математически доказать, что сильнѣйшая тенденція этой общины клонилась въ сторону капитализма, а отнюдь не коммунизма.

Коллективная обработка полей — вещь очень хорошая и полезная; но странно было бы думать, что она можетъ послужить главнымъ соединительнымъ путемъ между современной общиной и коммунистическими идеалами. Она можетъ играть роль развѣ лишь мелкой «питательной вѣтви», впадающей въ большую дорогу, которая идетъ совсѣмъ по другому направленію. Она сослужила бы очень большую службу на Западѣ, гдѣ значеніе ея привелось бы къ тому, что, пріучая крестьянъ къ коллективному труду, она уменьшила бы ихъ сопротивленіе коммунистической революціи, иниціатива которой принадлежала бы городскому и сельскому пролетаріату. Но на этомъ и остановились бы представляемыя ею выгоды. Во всякомъ историческомъ, какъ и въ механическомъ, движеніи часть движущей силы идетъ на преодолѣніе сопротивленія. Уменьшить сопротивленіе — значитъ освободить соотвѣтствующую долю связанной имъ силы, ускорить движеніе. Вымостите грязную улицу, смажьте машину — и вы уменьшите трудъ лошади, везущей повозку, вы сократите необходимый расходъ на топливо. Но ни одинъ механикъ не вообразитъ, что машина придетъ въ движеніе лишь потому, что уменьшилось треніе ея частей, ни одному извощику не придетъ въ голову выпрягать лошадь, добравшись до хорошей мостовой. Человѣкъ, вообразившій или сдѣлавшій что нибудь подобное, былъ бы всѣми признанъ за сумасшедшаго. И въ такомъ приговорѣ не было бы ни малѣйшей несправедливости. Чтобы вызвать движеніе — нужна активная, а не пассивная сила, положительное, а не отрицательное условіе. То же — и съ общиной. Коллективная обработка полей хороша въ томъ случаѣ, когда существуетъ активная сила, вызывающая и ускоряющая ея переходъ въ высшую форму общежитія. На Западѣ роль такой силы сыгралъ бы пролетаріатъ, начавшій коммунистическую

революцію совсѣмъ въ другой области — въ области крупнаго производства и земледѣлія, на заводахъ. на фабрикахъ, на большихъ фермахъ. Сила пролетаріата создавалась и направлялась бы вполнѣ опредѣленными экономичесиими отношеніями, существующими внѣ и помимо общины. Ну, а у насъ то, въ мужицкомъ государствѣ, созданномъ народовольческой революціей — у насъ то, откуда взялась бы такая активная сила? Изъ среды самихъ крестьянъ? Г. Тихомирову кажется, какъ мы знаемъ, что исторія имѣетъ какое-то самостоятельное «движеніе къ соціализму». Ему позволительно думать, что такое самостоятельное «движеніе» обнаружится и въ средѣ крестьянства. Но мы оставимъ г. Тихомирова, и поговоримъ съ менѣе легковѣрными читателями. Эти послѣдніе согласятся, по крайней мѣрѣ, съ тѣмъ, что *экономическія* тенденціи каждаго класса опредѣляются характеромъ тѣхъ экономическихъ условій, въ которыхъ онъ живетъ. Нашъ крестьянинъ живетъ въ условіяхъ товарнаго производства, а въ товарномъ производствѣ продуктъ господствуетъ надъ производителемъ и предписываетъ ему свои законы. А законы товарнаго производства таковы, что прежде всего способствуютъ развитію капитализма и капиталистическихъ, а вовсе не коммунистическихъ, тенденцій. Откуда же возьмется стремленіе къ коммунизму у нашего крестьянина?

Ясно ли это? Нѣтъ? Перейдемъ отъ разсужденія къ сравненію. У донскихъ казаковъ теперь столько земли, сколько было бы ея у нашихъ крестьянъ послѣ народной (народовольческой тожъ) революціи. Ея приходится почти по 30 дес. на душу. Земля эта принадлежитъ не отдѣльнымъ лицамъ, даже не отдѣльнымъ общинамъ, а всему «славному войску». Спрашивается, — обнаруживаютъ ли донскіе казаки склонность заводить коммунистическое хозяйство? Насколько намъ извѣстно, — не коммунистическія, а буржуазныя стремленія все болѣе и болѣе усиливаются въ ихъ средѣ. Можетъ быть это будетъ отнесено насчетъ «разлагающаго вліянія государства»? Ну, такъ вѣдь было время, когда вліяніе это почти равнялось нулю; почему же тогда не переходили они къ коммунизму? Имъ мѣшалъ военный бытъ? Вообразите же себѣ, что казаки, совсѣмъ избавленные отъ военной службы, цѣликомъ предались мирнымъ занятіямъ. Что

было бы въ такомъ случаѣ? Мы скажемъ вамъ—что: тогда-то и началось бы усиленное разложеніе существующихъ въ средѣ казаковъ остатковъ первобытнаго коммунизма, тогда-то и приблизилось бы царство казацкой буржуазіи.

Многоземелье не спасло казаковъ отъ возникновенія неравенства, а съ нимъ и эксплуатаціи бѣднаго богатымъ. Совсѣмъ напротивъ: многоземелье само способствовало возникновенію неравенства*). Покойный профессоръ Бѣляевъ, не смотря на свою сильно славянофильскую окраску, прекрасно понималъ роль многоземелья въ исторіи возникновенія классовъ. «Конечно, въ древней Россіи земли было очень много, несравненно больше тогдашнихъ потребностей, и каждый желающій могъ свободно занимать огромныя пространства дикихъ полей и лѣсовъ, никому не принадлежащихъ, *что конечно и дѣлали тѣ, у кого были средства*“**). Но средства были не у всѣхъ одинаковы, а потому не всѣ занимали одинаковое количество земли; нѣкоторые даже совсѣмъ не занимали ея, потому что совсѣмъ не имѣли средствъ для ея расчистки и обработки. Отсюда—неравенство въ доходахъ, зависимость бѣдныхъ отъ богатыхъ. Несомнѣнно также, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, «свободное занятіе и разработка земли не замедлили повести къ понятію о поземельной собственности». Эта сторона дѣла хорошо выяснена у М. Ковалевскаго, въ его книгѣ объ общинномъ землевладѣніи. До послѣдняго времени существовало въ землѣ войска Донского,—а въ Кубанской области, быть можетъ, и теперь существуетъ,—право свободнаго занятія невоздѣланныхъ земель; и именно оно-то и позволяло богатымъ обогащаться еще болѣе, оно-то и кинуло на эту дѣвственную почву первые зародыши борьбы классовъ.

Но, преобразованное революціей, государство помѣшало бы у насъ такому обороту дѣла — скажетъ иной читатель.

Трудно напередъ сказать, что сдѣлало бы народ-

*) Прим. къ наст. изд. Сказанное здѣсь подтверждено было, нѣсколько лѣтъ спустя, замѣчательнымъ изслѣдованіемъ г. Бородина объ уральскомъ казачьемъ войскѣ.

**) Крестьяне на Руси, 2 изд. Москва 1879, стр. 19.

ное государство въ томъ или другомъ частномъ случаѣ, но имѣя понятіе объ экономическихъ условіяхъ жизни большинства гражданъ, не трудно предвидѣть общее направленіе его хозяйственной политики. Согласно «ожиданіямъ» самого г. Тихомирова, созданное революціей государство было бы государствомъ крестьянскимъ по преимуществу. Крестьянинъ, не желающій и не умѣющій положить «начало соціалистической организаціи» у себя въ общинѣ, не сумѣлъ бы и не пожелалъ бы заводить такую организацію въ гораздо болѣе широкихъ государственныхъ предѣлахъ. Экономическая политика народнаго государства была бы столь же мало коммунистической, какъ и политика отдѣльныхъ, составляющихъ его крестьянскихъ общинъ. Само собою разумѣется, что оно постаралось бы устранить злоупотребленія, могущія возникнуть при раздачѣ общественной земли въ обработку отдѣльнымъ лицамъ или группамъ лицъ. Но оно никогда не рѣшилось бы отбирать у болѣе зажиточныхъ домохозяевъ принадлежащихъ имъ запасовъ и орудій. Точно также, оно считало бы справедливымъ и естественнымъ ограниченіе права земледѣльца на землю лишь мѣрою его труда и *средствъ*, составляющихъ, конечно, его частную собственность. Если у крестьянина дѣйствительно есть какіе нибудь идеалы общественнаго устройства, то, несомнѣнно, въ нихъ играетъ важную роль такое земельное раздолье, благодаря которому каждый можетъ занимать свободную землю всюду, куда его «топоръ, коса и соха ходитъ». «Народная революція» дала бы возможность хоть отчасти осуществить этотъ идеалъ; осуществленіе же его повело бы, какъ мы знаемъ, къ неравенству между земледѣльцами. Разъ получивши такой толчокъ, неравенство сумѣло бы, разумѣется, дойти до своего логическаго конца и свести «на нѣтъ» всѣ результаты «народной революціи».

Далѣе. Крестьянское государство, конечно, оставило бы неприкосновеннымъ не только торговый, но въ значительной степени и промышленный капиталъ. Это допускаетъ, повидимому, самъ г. Тихомировъ, полагающій, что народная революція только *обезсилила бы* «и безъ того слабыя дворянство и буржуазію». «Обезсилить» не значитъ уничтожить. Нужно ли говорить, къ какимъ послѣдствіямъ привело бы суще-

ствованіе торгово-промышленнаго капитала? Г. Тихомировъ полагаетъ, что обнаруженію этихъ послѣдствій помѣшало бы опять таки то же народное правительство. Но мы замѣтимъ ему, что не все то, что кажется вреднымъ соціалисту, является такимъ въ глазахъ крестьянина, а слѣдовательно и крестьянскаго правительства. Между тѣмъ, какъ мы съ г. Тихомировымъ вообще противъ «частнаго предпринимательскаго капитала», крестьянинъ возмущается лишь нѣкоторыми приложеніями капиталистическаго принципа, и ничего не имѣетъ противъ него по существу. Онъ вполнѣ признаетъ возможность *частной* предпринимательской наживы. А если это такъ, то противъ нея не будетъ ничего имѣть и «народное» правительство. Въ лучшемъ случаѣ его радикализма хватитъ на борьбу съ крупнымъ капиталомъ фабриканта, но оно даже не задумается о томъ, чтобы положить предѣлъ «хозяйской» эксплуатаціи вообще. Слѣдовательно, вотъ уже второй факторъ разложенія созданнаго революціей «относительнаго равенства». Г. Тихомировъ думаетъ, что факторъ этотъ будетъ обезсиленъ «изъятіемъ земли изъ области эксплуатаціи». Но мы знаемъ уже, что земля не совсѣмъ будетъ «изъята» изъ нея: народное правительство допуститъ и неравенство въ ея распредѣленіи и возможность принанять «работничка» изъ числа раззорившихся домохозяевъ. *Крестьянскіе* «идеалы» легко мирятся съ *батрачествомъ*. Кромѣ того, всякому понимающему дѣло, извѣстно, что только такъ называемый мелко-буржуазный соціализмъ надѣется помочь народу «обезсиливаніемъ» буржуазіи или «изъятіемъ изъ области эксплуатаціи» того или другого изъ средствъ производства въ частности. Да и онъ-то питаетъ эту надежду лишь потому, что интересующій его «народъ» есть мелкая буржуазія, которая только выиграла бы отъ «обезсиленія» — крупной. Мелко-буржуазный соціализмъ тѣмъ и отличается, что его реформаторскіе планы оставляютъ нетронутымъ товарное производство. Но отсюда-то и проистекаетъ его полное, теоретическое и практическое безсиліе. Истинно-революціонное, рабочее движеніе настоящаго времени не имѣетъ ничего общаго съ трусливыми фантазіями мелкаго мѣщанства. Къ сожалѣнію, «русскій соціализмъ, какъ онъ выразился»... въ статьѣ г. Тихомирова, стоитъ въ

этомъ случаѣ гораздо ближе къ мелко-буржуазному, чѣмъ къ рабочему соціализму. Подобно первому также не доводитъ своихъ реввлюціонныхъ проектовъ до уничтоженія товарнаго производства. Онъ предоставляетъ позаботиться объ этомъ будущей, послѣ-революціоннной «исторіи государства россійскаго». Совершенно игнорируя значеніе экономической эволюціи при анализѣ своихъ революціонныхъ посылокъ, онъ возлагаетъ на нее преувеличенныя надежды, какъ только заходитъ рѣчь о результатахъ рекомендуемаго имъ переворота. Онъ взываетъ къ *революціи* тамъ, гдѣ она немыслима безъ предшествующей *эволюціи*, онъ аппелируетъ къ *эволюціи* тамъ, гдѣ она невозможна безъ коренной *экономической революціи*. Онъ хочетъ быть революціоннымъ по преимуществу, и оказывается половинчатымъ и нелогичнымъ по существу*). Скоро увидимъ мы, откуда заимствовалъ онъ эту характерную черту, обращающую въ ничто всѣ его революціонныя фразы.

Стремясь убѣдить своихъ читателей въ томъ, что народное правительство сумѣетъ парализовать вредныя послѣдствія половинчатости предстоящей экономической революціи, г. Тихомировъ такъ изображаетъ вѣроятный ходъ будущаго соціальнаго развитія Россіи.

«Правительство, отвѣтственное за ходъ дѣлъ въ странѣ, заинтересованное въ ея благосостояніи, отъ котораго зависитъ и его собственная популярность, безъ сомнѣнія принуждено будетъ употреблять мѣры къ повышенію производительности труда, а между прочимъ и къ организаціи крупнаго производства.... Выгода и необходимость крупнаго производства слишкомъ очевидна, а во многихъ случаяхъ оно даже неизбѣжно. Это легко понять массѣ народа. Сверхъ того (и это въ особенности интересно, замѣтимъ мы отъ себя), частная предпріимчивость, заторможенная на поприщѣ капиталистическаго производства, обратится со всѣхъ сторонъ (какая идилія, подумаешь!) на разъясненіе народу выгодъ и удобства общественнаго производства... Мы не говоримъ уже о вліяніи на народъ соціалистической интеллигенціи... Почему же такимъ путемъ не можетъ мало по малу создаваться переходъ общины въ ассоціацію, *организація обмѣна между об-*

*) Прим. къ наст. изд. Это опять можетъ быть цѣликомъ примѣнено къ нынѣшнимъ «соціалистамъ-революціонерамъ».

щинами и союзами общинъ, самый союзъ нѣсколькихъ общинъ въ цѣляхъ того или другого производства, пока соціалистическій строй, развиваясь, мало по малу, и все болѣе вытѣсняя частное хозяйство, не охватитъ, наконецъ, всѣхъ отправленій страны». Затѣмъ, «наступленіе соціалистическаго переворота, если не во всей Европѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ ея странахъ... поставитъ Россію въ почти безусловную необходимость организовать свой международный обмѣнъ на тѣхъ же (т. е. на соціалистическихъ) началахъ, а стало быть, почти навяжетъ намъ *соціалистическую организацію* и въ сферѣ *внутренняго обмѣна*» (стр. 258—59). Такъ «представляется» этотъ вопросъ г. Тихомирову. Прежде чѣмъ разсматривать его по существу, мы сдѣлаемъ два мимоходныхъ замѣчанія.

Нашъ авторъ возлагаетъ большія надежды на вліяніе русской соціалистической интеллигенціи и западно-европейской рабочей революціи. Мы также признаемъ значеніе этого вліянія, но думаемъ, что оно не можетъ быть безусловнымъ. Во первыхъ, откуда взялъ г. Тихомировъ, что послѣ крестьянской революціи у насъ будетъ «безпрепятственно нарождаться» не только соціалистическая, но и вообще какая либо «интеллигенція» въ нынѣшнемъ смыслѣ этого слова? Въ настоящее время, наша соціалистическая, какъ и всякая другая, интеллигенція происходитъ, главнымъ образомъ, изъ чиновничьей, помѣщичьей, купеческой и поповской среды, т. е. изъ среды высшихъ классовъ, видящихъ въ образованіи средство къ карьерѣ. Создавая карьеристовъ, наши университеты создаютъ, между прочимъ, и революціонеровъ. Но и карьеристы, и революціонеры составляютъ собою продуктъ существованія бюрократическаго государства и высшихъ классовъ. Это до такой степени несомнѣнно, что сознаніе своего «буржуазнаго» происхожденія и заставляло нашихъ революціонеровъ — съ одной стороны, толковать о своемъ «долгѣ народу», а съ другой — систематически противопоставлять себя этому послѣднему. «Соціалистическая интеллигенція» сознаетъ, что она есть не болѣе, какъ одна изъ вѣтокъ, выросшихъ на общемъ стволѣ чиновничьяго и «классоваго» государства. Г. Тихомировъ хочетъ подрубить этотъ стволъ, и въ то же время надѣется, что дорогая ему вѣтка не только не засохнетъ, но будетъ нарождаться «безпре-

пятственно». Это напоминаетъ извѣстный анекдотъ о малороссѣ, который, подрубивши поддерживавшій его сукъ, очень удивился своему паденію. Или, быть можетъ, г. Тихомировъ думаетъ, что послѣ «народной революціи» соціалистическая интеллигенція будетъ «безпрепятственно нарождаться» изъ среды самого крестьянства? Если это такъ, то мы боимся, что онъ ошибается.

Къ чему сводится значеніе «ожидаемой» имъ революціи? Къ аграрному перевороту, къ экспропріаціи крупныхъ землевладѣльцевъ, къ возможности дать крестьянамъ надѣлы, втрое большіе противъ нынѣшнихъ, къ уничтоженію податного гнета. Полагаетъ ли г. Тихомировъ, что такое увеличеніе надѣловъ убѣдитъ крестьянъ въ необходимости высшаго образованія, что оно заставитъ: *ихъ самихъ*—посылать своихъ дѣтей въ университеты, а *ихъ правительство*—поддерживать и учреждать высшія учебныя заведенія?

Большое количество земли настолько *упроститъ* положеніе крестьянства, настолько увеличитъ значеніе лишнихъ рабочихъ рукъ въ его семьѣ, что оно не увидитъ ни надобности, ни возможности тратить большое количество денегъ и времени на высшее образованіе.

Университеты нужны чиновничьему государству, буржуазіи, дворянству, наконецъ нужны будутъ пролетаріату, который безъ высшаго научнаго образованія не управится съ поступившими въ его распоряженіе производительными силами; въ царствѣ же крестьянскихъ общинъ университеты будутъ роскошью, мало привлекательною для практичныхъ домохозяевъ. Но допустимъ, что крестьянамъ «легко понять» значеніе высшаго образованія. Припомнимъ, кромѣ того, что послѣ «народной революціи» останется и буржуазія и дворянство; положимъ, что и та и другое будутъ «обезсилены» ровно настолько, насколько это нужно для того, чтобы, не вредя народу экономически, они имѣли возможность посылать своихъ дѣтей въ высшія школы. Почему думаетъ г. Тихомировъ, что эти школы будутъ разсадниками *соціалистической* интеллигенціи? Въ Швейцаріи мы какъ разъ видимъ, съ одной стороны, зажиточное крестьянство, съ другой—довольно «безсильную», т. е. мелкую буржуазію. Много ли соціалистовъ выходитъ изъ швейцарскихъ школъ,

гдѣ дѣйствительно обучается не мало крестьянскихъ дѣтей?

Но вѣдь «легко понять» швейцарскимъ крестьянамъ выгоды соціалистической организаціи производства?

Да вотъ подите,—легко, а не понимаютъ! И слышать не хотятъ о соціализмѣ, не помогаютъ и остатки общиннаго землевладѣнія, и знаменитыя артельныя сыроварни!

Выгоды соціалистическаго общежитія такъ очевидны, что казалось бы ихъ «легко понять» всякому. Но только соціалисты утопическаго періода могли не знать, что дѣйствительное пониманіе соціализма идетъ лишь рядомъ съ настоятельною экономическою необходимостью. Въ крестьянскомъ же государствѣ, такая необходимость можетъ представиться лишь въ видѣ рѣдкой случайности.

Ну, а нынѣ существующая интеллигенція?—спроситъ читатель — развѣ не можетъ она, переживя народную революцію, посвятить свои силы «на служеніе народу, на организацію его труда и его общественныхъ отношеній?»

Много ли такихъ «интеллигентовъ»? Много ли, извините, понимаютъ они сами? Что сдѣлаютъ они противъ неумолимой логики товарнаго производства?

Ихъ усиліямъ поможетъ западно-европейская революція? О ней то мы и хотимъ теперь побесѣдовать.

Западно-европейская революція будетъ могущественна, но не всесильна. Чтобы оказать рѣшительное вліяніе на другія страны, соціалистическія государства Запада должны будутъ имѣть какіе нибудь проводники для такого вліянія. «Международный обмѣнъ» — могучій, но опять таки не всесильный проводникъ. Европейскія страны ведутъ дѣятельныя торговыя сношенія съ Китаемъ; но едва ли можно быть увѣреннымъ, что рабочая революція на Западѣ въ очень скоромъ времени «навяжетъ» Китаю «соціалистическую организацію въ сферѣ внутренняго обмѣна». Почему? Потому что «соціальная конструкція» Китая очень ужъ затрудняетъ рѣшительное вліяніе на него европейскихъ идей и учрежденій. То же можно сказать о Турціи, Персіи и т. д. А что такое представляетъ «соціальная конструкція» блистательной Порты? Прежде всего — крестьянское государство, въ

предѣлахъ котораго сохранилась не только сельская община, но и задруга, по схемѣ нашихъ народниковъ, гораздо болѣе близкая къ соціализму. И не смотря на это, не смотря ни на какія «народныя» революціи въ предѣлахъ Турецкой Имперіи, невозможно думать, что европейскому пролетаріату безъ труда удастся «навязать» соціализмъ турецкимъ гражданамъ, хотя бы и славянскаго происхожденія. Здѣсь опять таки нужно различать между активной силой обстоятельствъ, *толкающихъ* народы къ соціализму, и отрицательными условіями, *только облегчающими* переходъ къ нему. Объективная логика внутреннихъ отношеній крестьянскихъ государствъ вовсе не «навязываетъ» имъ «соціалистической организаціи въ сферѣ внутренняго обмѣна»; навязываніе же ея «съ чисто внѣшней стороны» не можетъ увѣнчаться успѣхомъ. Европейская рабочая революція несомнѣнно и очень сильно повліяетъ на всѣ тѣ страны, въ которыхъ хоть нѣкоторые слои гражданъ будутъ походить на европейскій рабочій классъ по своему экономическому положенію, по своему политическому воспитанію и по привычкамъ мысли. Наоборотъ, ея вліяніе будетъ сравнительно слабо тамъ, гдѣ такихъ слоевъ не окажется. Февральская революція отразилась почти во всѣхъ странахъ, схожихъ съ Франціей по своей «соціальной конструкціи». Но поднятая ею волна разбилась на порогѣ крестьянской Европы. Смотрите, какъ бы не повторилось того же и съ будущей революціей пролетаріата!

«Смыслъ басни сей таковъ», что Западъ — Западомъ, а Россія — Россіей, или, другими словами, на чужой каравай ротъ не разѣвай, а пораньше вставай, да свой затѣвай. Какъ бы ни было могущественно возможное вліяніе европейской революціи, но мы должны позаботиться о созданіи тѣхъ условій, которыя сдѣлали ы это вліяніе дѣйствительнымъ. Половинчатая же, крестьянско-мѣщанская революція г. Тихомирова не только не создастъ такихъ условій, но уничтожитъ даже тѣ изъ нихъ, которыя существуютъ уже въ настоящее время.

Въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ прочихъ, «ожиданія» г. Тихомирова полны противорѣчій. Западное вліяніе на Россію кажется ему возможнымъ, благодаря «международному обмѣну». Отсюда слѣдуетъ, что чѣмъ сильнѣе будетъ этотъ обмѣнъ, тѣмъ скорѣе За-

падъ «навяжетъ» намъ «соціалистическую организацію въ сферѣ внутренняго обмѣна». Но развитіе нашихъ международныхъ торговыхъ сношеній предполагаетъ развитіе у насъ торговли, товарнаго производства. А чѣмъ болѣе будетъ развиваться товарное производство, тѣмъ болѣе будетъ разрушаться то «относительное экономическое равенство», которое явится результатомъ народной революціи, тѣмъ болѣе затруднится «соціалистическая организація въ сферѣ внутренняго обмѣна», затруднится, по крайней мѣрѣ, до поры до времени, т. е. до тѣхъ поръ, пока развитіе товарнаго производства не дойдетъ до своего логическаго конца. Но въ такомъ случаѣ потеряетъ всякій смыслъ совершившаяся «народная революція».

Итакъ, если послѣ «переворота» мы вернемся къ натуральному хозяйству, то у насъ будетъ «относительное равенство», но за то и Западъ не въ состояніи будетъ вліять на насъ, вслѣдствіе слабости международнаго обмѣна. Если же у насъ будетъ развиваться товарное производство, то Западу будетъ трудно вліять на насъ, потому что очень сильно расшатается наше «относительное равенство», и Россія превратится въ страну мелкой буржуазіи. Въ этомъ заколдованномъ кругу суждено вращаться ожиданіямъ г. Тихомирова отъ Запада. Вотъ, что значитъ быть метафизикомъ, вотъ, что значитъ разсматривать предметы «одинъ послѣ другого и одинъ независимо отъ другого!»

Mein theurer Freund, ich rath euch drum
Zuerst Collegium logicum.

И эти то противорѣчивыя надежды на Западъ питаетъ тотъ самый человѣкъ, который всю новѣйшую исторію Европы подозрѣваетъ въ «рискованности» и «невѣроятности»! Поистинѣ, collegium logicum былъ бы очень полезенъ для г. Тихомирова!

Покончивъ съ этими замѣчаніями, перейдемъ къ главному содержанію вышеприведенной выписки.

4. *Колебанія Л. Тихомирова между бланкизмомъ и бакунизмомъ.*

Въ своихъ проектахъ соціалистической организаціи Россіи г. Тихомировъ является бакунистомъ чистѣйшей воды. Правда, онъ не уничтожаетъ государ-

ства, но его государство помогаетъ процессу названной организаціи «съ чисто внѣшней стороны», оно *не создаетъ* элементовъ такого процесса, оно «только поддерживаетъ ихъ». Ближайшій литературный предокъ г. Тихомирова, П. Н. Ткачевъ, полагалъ, что, захвативши власть, меньшинство должно «навязать» соціализмъ большинству. Правительство г. Тихомирова «безъ всякой насильственности» *облегчаетъ* народу организацію общественнаго производства, при чемъ «приходитъ на помощь *только такому движенію*, которое *не можетъ не возникать въ странѣ самостоятельно*». Въ своихъ разсужденіяхъ о настоящемъ г. Тихомировъ былъ вѣрнымъ ученикомъ Ткачева. Его «ожиданія» отъ будущаго представляютъ собою случай идейнаго атавизма, возврата къ теоріямъ болѣе отдаленнаго духовнаго предка.

Анархистъ Артуръ Арну писалъ, какъ мы знаемъ: уничтожьте государство, и экономическія силы придутъ въ равновѣсіе вслѣдствіе простого закона статики. Г. Тихомировъ говоритъ: уничтожьте *современное* государство, экспропріируйте крупныхъ собственниковъ, и экономическія силы Россіи начнутъ «самостоятельно» приходить въ равновѣсіе. Первый аппелируетъ къ «закону статики», второй — къ «народнымъ понятіямъ и привычкамъ», т. е. къ тому же «народному идеалу», о которомъ мы знаемъ изъ сочиненій М. А. Бакунина. Артуръ Арну мѣтитъ въ «государство» и не замѣчаетъ, что его «критика» касается лишь государства современнаго, буржуазно-централистическаго. Г. Тихомировъ хочетъ создать государство «народное» — и придумываетъ новый видъ мелко-буржуазнаго государства, такого государства, которое, не отказываясь окончательно отъ принципа laissez faire, laissez passer, т. е. ничего „не создавая“, умѣетъ однако, „поддерживать“ самостоятельное „движеніе исторіи“ нашего отечества къ соціалистическому строю.

Бакунизмъ — не система, это рядъ противорѣчій, которыя распредѣляются между гг. бакунистами и анархистами, сообразно общей совокупности «понятій и привычекъ» каждаго изъ нихъ.

Нашъ авторъ выбралъ ту своеобразную разновидность бакунизма, которая выродилась въ «программу» П. Н. Ткачева. Но онъ не остался до конца вѣрнымъ этой программѣ. Ему слишкомъ памятны были на-

ставленія «первоучителя», онъ не забылъ, что хотя «народъ нашъ явнымъ образомъ нуждается въ помощи», но въ то же время «нужно быть олухомъ царя небеснаго», чтобы «пытаться учить народъ чему бы то ни было, или стараться дать его жизни новое направленіе». И вотъ онъ рѣшился придумать такое революціонное правительство, которое помогло бы народу «съ чисто внѣшней стороны», которое, не стремясь «ни приневоливать народную массу, ни учить ее», направило бы, тѣмъ не менѣе, ея дѣло къ благополучному окончанію.

Мы спрашивали г. Тихомирова, — чѣмъ отличается соціально-политическая философія его статьи отъ философіи «Открытаго Письма къ Фр. Энгельсу»? Теперь намъ самимъ не трудно будетъ отвѣтить на этотъ вопросъ. Она отличается блѣдностью и робостью мысли, стремленіемъ согласить несогласимое. Что же сказать о блѣдной копіи, если самый оригиналъ могъ, по словамъ Энгельса, увлекать только «зеленыхъ гимназистовъ»?

М. А. Бакунинъ проповѣдывалъ непремиримую ненависть ко всякому государству, и совѣтовалъ нашимъ революціонерамъ не захватывать власти, ибо всякая власть — отъ дьявола. П. Н. Ткачевъ находилъ, что имъ нужно захватить власть и надолго удержать ее въ своихъ рукахъ. Г. Тихомировъ выбралъ золотую середину. Онъ думаетъ, что захватъ власти «легко можетъ оказаться полезнымъ и необходимымъ», но онъ полагаетъ, въ то же время, что революціонерамъ слѣдуетъ не *удерживать* власть на неопредѣленное время, а только *подержать* ее, пока не начнется народная революція.

Изъ этого неудобнаго положенія между двумя стульями можетъ быть только два выхода. Нашъ авторъ можетъ сѣсть или на бакунинскій или на ткачевскій стулъ; онъ можетъ сдѣлаться анархистомъ, можетъ стать рѣшительнымъ послѣдователемъ (а не тайнымъ только ученикомъ) П. Н. Ткачева. Но едва ли удастся ему вдохнуть въ «народовольскую программу» дѣйствительно новое содержаніе, едва-ли удастся ему доказать, что та или другая новая идея нашла «признаніе только съ появленіемъ народовольства». Никогда еще безсодержательный эклектизмъ не рождалъ новыхъ могучихъ теорій, никогда еще робкое нерѣши-

тельное колебаніе между двумя старыми «программами» не открывало новой эпохи въ исторіи революціонныхъ идей той или другой страны!

Итакъ, г. Тихомировъ будетъ послѣдователемъ Ткачева въ «первый день революціи», и превратится въ бакуниста немедленно по истеченіи ея медоваго мѣсяца.

Но что же такое бакунизмъ въ его примѣненіи къ «lendemain de la revolution»? Повторяемъ, бакунизмъ — не система. Это смѣшеніе соціалистическихъ теорій «латинскихъ странъ» съ русскими крестьянскими «идеалами», народнаго банка Прудона — съ сельской общиной, Фурье — со Стенькой Разинымъ.

Такая именно смѣсь характеризуетъ собою тотъ «родъ процесса обобществленія труда», который рекомендуетъ нашему отечеству г. Тихомировъ, и котораго не только «нигдѣ и никогда не бывало», но «нигдѣ и никогда» не можетъ быть.

Объ этомъ «процессѣ» можно безъ преувеличенія сказать словами Фамусова:

Тутъ все есть, если нѣтъ обмана!

Тутъ есть и община, есть и «переходъ общины въ ассоціацію», есть и «организація *обмѣна* между общинами и союзами общинъ», есть даже, кромѣ всего этого, «самый союзъ *нѣсколькихъ* общинъ въ цѣляхъ *того или другого производства*»; словомъ, сюда цѣликомъ вошла пресловутая бакунинско-анархическая «организація производителей снизу вверхъ». Если читатель имѣетъ понятіе объ этой «организаціи», то онъ не нуждается въ дальнѣйшихъ доказательствахъ тихомировскаго бакунизма. Если же ему не случилось ознакомиться съ анархическими теоріями (что, конечно, и не составляетъ особенной потери), то мы рекомендуемъ ему прочитать небольшую брошюру извѣстнаго когда-то Гильома — «Idées sur l'organisation sociale». Ознакомившись съ предлагаемымъ въ этой брошюркѣ «процессомъ обобществленія труда», онъ увидитъ, что революціонныя теоріи русскихъ самобытниковъ находятся въ очень близкомъ родствѣ съ теоріями европейскихъ анархистовъ.

Русскому интеллигентному человѣку трудно уйти отъ вліянія «Запада». Объявляя «непримѣнимыми» къ своей странѣ наиболѣе передовыя теоріи Европы, русскій общественный дѣятель не спасаетъ этимъ своей

самобытности, а только переноситъ свои симпатіи съ серьезнаго образца на каррикатуру. Г. В. В. оказывается роднымъ братомъ императорско-королевскихъ «штатсъ-соціалистовъ», г. Тихомировъ — поставленнымъ на голову анархистомъ.

Но такое неудобное положеніе нашего автора мало благопріятствуетъ послѣдовательности его мысли. Вотъ почему онъ и не доходитъ до тѣхъ выводовъ, до которыхъ доходилъ когда то М. А. Бакунинъ. Даже самые смѣлые порывы «революціонной фантазіи» г. Тихомирова не простираются до уничтоженія *выгодъ предпринимателя*. При организаціи «общественнаго» производства, «предприниматель, какъ иниціаторъ и способный распорядитель (отъ такой мотивировки не отказался бы и самъ Бастіа), пріобрѣтаетъ все таки нѣкоторыя выгоды, меньшія, конечно, чѣмъ въ настоящее время, но единственно ему доступныя въ то время»*) Эта часть проекта «соціалистической организаціи Россіи» какъ то невольно напоминаетъ, съ одной стороны, ревнивое отношеніе мелко-буржуазнаго соціалиста къ большимъ «выгодамъ» крупнаго предпринимателя, а съ другой — рекомендованное Фурье распредѣленіе дохода между трудомъ, капиталомъ и талантомъ. Не даромъ мы говорили, что нѣкоторыя разновидности «русскаго соціализма» представляютъ собою не болѣе, какъ смѣсь Фурье со Стенькой Разинымъ.

Однако во всемъ этомъ нѣтъ, по крайней мѣрѣ, обмана, подумаетъ читатель.

Обмана дѣйствительно нѣтъ, но есть *самообманъ*. Нѣтъ даже самомалѣйшихъ дурныхъ намѣреній, но есть огромная доля наивности. И заключается она ни въ чемъ иномъ, какъ въ толкахъ о «*соціалистической* организаціи *обмѣна*». Для всякаго понимающаго дѣло, эта послѣдняя есть абсурдъ, «сапоги въ смятку». Только мелко-буржуазные послѣдователи мелко-буржуазнаго Прудона могли принимать эту нелѣпость за нѣчто возможное и желательное. Но за то о Прудонѣ и говорили, что онъ столько же понимаетъ въ діалектикѣ, сколько дровосѣкъ въ ботаникѣ. Созданный пролетаріатомъ общественный строй не можетъ имѣть ничего общаго съ *обмѣномъ*, онъ будетъ знать только распредѣленіе продуктовъ по *потребностямъ* трудящихся.

*) В. Н. В. № 2, ст. «Чего намъ ждать» и т. д., стр. 258.

Нѣкоторые непослѣдовательные коммунисты находятъ болѣе удобнымъ распредѣленіе, соотвѣтствующее участію работника въ производствѣ. Не трудно было бы обнаружить слабыя стороны такого требованія.*) Тѣмъ не менѣе, даже предъявляющіе его люди понимали и понимаютъ невозможность «обмѣна» въ соціалистическомъ государствѣ.

Кто говоритъ обмѣнъ — говоритъ товаръ; кто оставляетъ товаръ, тотъ предполагаетъ всѣ свойственныя товару противорѣчія. И опять таки только анархисты могли думать, со словъ Прудона, что существуетъ философскій камень, дающій возможность устранить изъ «соціалистическаго обмѣна» всѣ, заключающіяся въ обыкновенномъ обмѣнѣ, «буржуазныя» противорѣчія.

Такого камня нѣтъ и быть не можетъ, потому что *обмѣнъ* есть коренное неотъемлемое свойство буржуазнаго производства, а буржуазное производство есть необходимое слѣдствіе *обмѣна*. Карлъ Марксъ еще въ концѣ пятидесятыхъ годовъ прекрасно выяснилъ эту сторону дѣла и тѣмъ оставилъ далеко назади современнаго движенія науки мелко-буржуазныя теоріи анархистовъ и бакунистовъ всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ. Нужно не знать азбуки революціоннаго соціализма, чтобы основывать свои ожиданія «отъ революціи» на соціалистической организаціи обмѣна.

Въ другомъ мѣстѣ намъ уже приходилось говорить объ этомъ вопросѣ,**) но онъ такъ интересенъ, что не мѣшаетъ еще разъ повторить сказанное. Для большей удобопонятности, мы оставимъ на этотъ разъ отвлеченныя формулы науки, и ограничимся простыми, наглядными примѣрами.

Соціалистическій обмѣнъ есть обмѣнъ безъ денегъ, непосредственный обмѣнъ продуктовъ одинъ на другой, сообразно количеству труда, затраченнаго на ихъ производство. Въ такомъ видѣ вышла идея этого обмѣна изъ головы Прудона, который, впрочемъ, лишь повторялъ въ этомъ случаѣ гораздо ранѣе его сдѣланную ошибку.

*) Прим. къ наст. изданію. Разумѣется, это требованіе несостоятельно лишь, какъ *идеалъ*, а какъ *переходная мѣра* оно можетъ оказаться вполнѣ умѣстнымъ.

**) Прим. къ наст. изд. Я имѣлъ здѣсь въ виду свое изложеніе и критику экономическаго ученія Родбертуса.

Вообразимъ теперь, что «на другой день послѣ революціи», нашимъ бакунистамъ удалось убѣдить въ выгодахъ соціалистической организаціи обмѣна уже знакомую намъ Торховскую общину Тульской губ. Общинники рѣшились «положить начало» такой организаціи, и опубликовали свое рѣшеніе въ какихъ нибудь «Народныхъ Вѣдомостяхъ». На ихъ призывъ откликнулись архангельскіе рыболовы, новгородскіе гвоздари, кимрскіе сапожники, тульскіе самоварщики и московскіе портные, все — артельные, «мірскіе» люди. Они также прониклись новыми принципами обмѣна, подъ вліяніемъ «безпрепятственно нарождающихся» бакунистовъ. Сказано—сдѣлано, «договоръ» заключенъ и нужно только привести его въ дѣйствіе. По уборкѣ хлѣбовъ, наши крестьяне-прудонисты приступаютъ къ обмѣну. Они посылаютъ нѣсколько четвертей хлѣба въ Архангельскъ, и получаютъ оттуда рыбу; отправляютъ нѣсколько возовъ картофеля въ Кимры, и вывозятъ оттуда сапоги. Портнымъ они предлагаютъ пшено, гвоздарямъ — крупу и прочее. Каждый изъ этихъ продуктовъ посылается не на удачу, а въ силу предварительнаго условія. Далеконько и хлопотно будетъ возить всѣ эти предметы, ихъ навѣрное можно было бы выгоднѣе сбыть на сосѣднемъ рынкѣ, но наши «мужички» — люди идейные и готовы стоять за новый принципъ обмѣна, хотя бы онъ и обошелся, что называется, «себѣ дороже». Итакъ, обмѣнъ совершенъ, и у нашихъ общинниковъ есть гвозди, рыба, сапоги, самовары и готовое платье. Но дѣло въ томъ, что этими продуктами удовлетворяются далеко не всѣ потребности крестьянина. Ему нужно еще множество другихъ предметовъ потребленія, нужны земледѣльческія орудія, удобреніе, скотъ и проч. Производители всѣхъ этихъ вещей не хотятъ вступать въ соціалистическій обмѣнъ, потому-ли, что читали Маркса и смѣются надъ экономическими «открытіями» Прудона, или потому, что не доросли еще и до прудоновской премудрости и остаются обыкновенными товаропроизводителями. Вѣдь и самъ г. Тихомировъ предполагаетъ, что рекомендуемый имъ «соціалистическій» строй будетъ развиваться лишь «мало по малу». Что же остается, въ такомъ случаѣ, дѣлать нашимъ торховскимъ прудонистамъ? Какимъ образомъ могутъ они удовлетворить тѣ многочислен-

ныя потребности, которыя не удовлетворяются съ помощью «соціалистическаго» обмѣна? У нихъ одинъ только выходъ: имъ остается *покупать* недостающіе предметы. Въ такомъ же положеніи окажутся портные, которые не могутъ, конечно, жить однимъ пшеномъ, гвоздари, не могущіе просуществовать одной крупою. Словомъ, рядомъ съ «справедливымъ», соціалистическимъ обмѣномъ будетъ существовать старый, такъ сказать, языческій обмѣнъ на деньги. Къ этимъ «проклятымъ деньгамъ» (maudit argent) придется прибѣгать даже въ сдѣлкахъ между прозелитами прудонизма. Если кимрскимъ сапожникамъ нуженъ картофель лишь въ количествѣ воплощающей въ себѣ x дней труда, между тѣмъ какъ торховцамъ требуется столько паръ сапогъ, сколько можно приготовить въ теченіе вдвое большаго числа дней, то разность должна быть покрыта деньгами, буде кимряки не пожелаютъ ни овса, ни сѣна, ни соломы, ни какихъ либо другихъ земледѣльческихъ продуктовъ. А это легко можетъ случиться, если оправдается предсказаніе г. Пругавина, и кимрскіе сапожники опять обратятся къ земледѣлію, съ «улучшеніемъ его условій». Что же выйдетъ? Организуясь лишь «мало по малу», производители-прудонисты будутъ имѣть противъ себя огромную массу производителей старой экономической «вѣры», и ничтожный «прогрессъ», достигнутый съ помощью «соціалистической организаціи обмѣна», будетъ всегда съ огромнымъ избыткомъ перевѣшиваться тѣмъ регрессомъ въ «относительномъ равенствѣ», который составляетъ неизбѣжное слѣдствіе товарнаго производства и обыкновеннаго, «буржуазнаго» обмѣна. Порокъ будетъ пересиливать добродѣтель, буржуазныя отношенія станутъ брать верхъ надъ прудоновскимъ соціализмомъ. Окруженные мелко-буржуазнымъ большинствомъ, сами прудонисты станутъ «развращаться», тѣмъ болѣе, что ихъ собственное богатство будетъ въ значительной степени состоять изъ денегъ старой „эксплуататорской“ породы. Искусившись наживой, кимряки могутъ послать торховцамъ сапоги на картонной подошвѣ, за что торховцы не преминутъ отплатить имъ полусгнившей „картошкой“. „Врагъ — силенъ“ вообще, а въ данномъ случаѣ сила его будетъ опираться на непреодолимую логику товарнаго производства, господствующаго даже въ средѣ всту-

пившихъ въ „соціалистическій обмѣнъ“ общинъ. Съ трудомъ созданные союзы будутъ распадаться, прудонисты превратятся въ обыкновенныхъ мелко-буржуазныхъ производителей, и воспитанной на бакунизмѣ интеллигенціи нужно будетъ снова и снова приниматься за свою неблагодарную работу пропаганды новыхъ экономическихъ принциповъ. Сказка про бѣлаго бычка, сизифова работа! И эту-то сизифову работу г. Тихомировъ задаетъ русскимъ соціалистамъ единственно для того, чтобы какъ можно болѣе приблизить царство соціализма, чтобы не идти къ нему медленнымъ и труднымъ путемъ капитализма. Вотъ что значитъ поспѣшить — людей насмѣшить.

По вопросу о «соціалистической организаціи въ сферѣ внутренняго обмѣна», нужно—какъ и въ вопросѣ о международной торговлѣ — имѣть въ виду одно изъ двухъ: или народная революція вернетъ насъ къ натуральному хозяйству, и тогда у насъ «соціалистическій обмѣнъ» будетъ медленно развиваться, потому будетъ очень слабъ обмѣнъ вообще ; или она сохранитъ и нынѣ уже существующую тенденцію къ все большему и большему раздѣленію труда, къ полному отдѣленію хлѣбопашества отъ промышленности — и тогда соціалистическая организація обмѣна будетъ представлять собою крайне трудную задачу, вслѣдствіе большой сложности производительнаго механизма страны. А тежду тѣмъ, медленное развитіе соціалистической организаціи обмѣна лишаетъ ее даже того смысла, который видятъ въ ней ея сторонники. Чтобы уединить отъ разлагающаго вліянія денежнаго хозяйства *одну только сельскую общину*, нужно, чтобы ей удалось организовать соціалистическій обмѣнъ *со всѣми* тѣми *производителями*, продукты которыхъ соотвѣтствуютъ различнымъ ея потребностямъ. Въ противномъ случаѣ, ея уродливый денежно-соціалистическій организмъ задохнется въ собственномъ противорѣчіи. Но одна община не въ состояніи снабдить земледѣльческими продуктами *всѣхъ* производителей *всѣхъ* нужныхъ ей предметовъ потребленія. Этимъ производителямъ придется или покупать часть необходимаго имъ сырья и, въ свою очередь, вести уродливое денежно-безденежное хозяйство, — что посадитъ на мель ихъ соціалистическіе планы ; или дожидаться того блаженнаго времени, когда число прудонистскихъ сельскихъ об-

щинъ возрастетъ до необходимаго и достаточнаго уровня. Съ наступленіемъ этого блаженнаго момента получится возможность организовать первую минимальную производительно-мѣновую ячейку. Но что значитъ одна такая ячейка въ громадномъ экономическомъ организмѣ русскаго государства? Она сама будетъ задыхаться въ окружающей ее атмосферѣ конкурренціи. Она будетъ изображать собою каплю меда въ бочкѣ дегтя. Рядомъ съ ней и противъ нея будутъ дѣйствовать всѣ производители-язычники; ей будутъ на каждомъ шагу подставлять ногу «дворянство и буржуазія», хотя и «обезсиленныя», но все таки не уничтоженныя «народной» революціей. Какъ вы думаете, читатель, скоро ли, при такихъ условіяхъ, «соціалистическій строй охватитъ, наконецъ, всѣ отправленія страны»? Мы думаемъ, что, по крайней мѣрѣ, очень и очень не скоро. А вѣдь — повторяемъ — г. Тихомировъ указываетъ «такого рода процессъ обобществленія труда» исключительно въ видахъ быстроты и натиска на исторію. Путь, избранный соціаль-демократіей всѣхъ цивилизованныхъ странъ, кажется ему слишкомъ «умѣреннымъ и аккуратнымъ». Нашъ авторъ пошелъ «напрямикъ», и завязъ въ трясинѣ мелко-буржуазныхъ реформъ, чуждыхъ какой бы ни было послѣдовательности, оригинальности или смѣлости.

Но не будемъ уклоняться. Предположимъ, что дѣло соціалистической организаціи обмѣна идетъ быстро и успѣшно. Посмотримъ, къ чему приведетъ практическое примѣненіе его принциповъ.

Торховская сельская община вступила въ союзъ съ ассоціаціей кимрскихъ сапожниковъ. Обмѣнъ ихъ продуктовъ совершается на началахъ «конституированной стоимости», мѣриломъ которой служитъ трудъ и одинъ только трудъ. Прудонъ торжествуетъ. Но практичные и «исправные» торховскіе «домохозяева» поднимаютъ вопросъ о томъ, какого рода трудъ долженъ служить мѣрою стоимости? Болѣе идеально настроенные кимряки (сапожники всегда немножко философы) не затрудняются отвѣтомъ. Они говорятъ, что мѣрою стоимости долженъ служить трудъ вообще, абстрактный человѣческій трудъ. Однако, «свободные хлѣбопашцы» не унимаются. Они говорятъ, что не знаютъ такого труда, и что хотя «по ученому» онъ, быть можетъ, и существуетъ, но они имѣютъ

дѣло съ конкретнымъ, опредѣленнымъ сапожнымъ трудомъ Петра, Ивана, Федора, или цѣлой ассоціаціи Петровъ, Ивановъ, Федоровъ. Ихъ обуреваютъ «буржуазныя» сомнѣнія и они полагаютъ, что давать тѣмъ больше хлѣба кимрякамъ, чѣмъ дольше они провозятся съ сапогами — значитъ учреждать премію за неумѣлость, медленность и неповоротливость. Доведенные до отчаянія мужицкою недогадливостью, сапожники оставляютъ Прудона и аппелируютъ, какъ имъ кажется, къ самому Марксу. Они говорятъ, что мѣрою стоимости ихъ продуктовъ долженъ служить «общественно-необходимый трудъ», тотъ средній трудъ, который необходимъ на производство сапогъ, при данномъ развитіи техники. Но и этотъ аргументъ не побѣждаетъ упорства торговцевъ. Имъ непонятно, какимъ образомъ можно опредѣлить, сколько именно такого общественно-необходимаго труда заключается въ трудѣ пристающихъ къ нимъ сапожниковъ. Тогда эти послѣдніе ищутъ спасенія въ Родбертусѣ и съ торжествомъ приносятъ его брошюру «Der Normalarbeitstag», а также и переписку его съ архитекторомъ Петерсомъ изъ Шверина. Померанскій экономистъ доказываетъ, что всегда есть возможность опредѣлить, сколько именно можетъ и долженъ сдѣлать средній работникъ въ данной отрасли производства. Эта-то средняя производительность труда и должна считаться трудомъ общественно-необходимымъ. Кто можетъ превзойти эту норму — получаетъ больше, кто не достигаетъ ея — получаетъ меньше; вопросъ исчерпывается, повидимому, окончательно. — Постойте, однако, восклицаютъ поколебавшіеся было торговцы. Допустимъ, что есть возможность опредѣлить среднюю производительность и вашего, и нашего труда. Будемъ надѣяться, что за это дѣло возьмется государство, «способствующее» соціалистической организаціи обмѣна. Положимъ, что на пару сапогъ нужно два дня труда. Но рядомъ съ вашей ассоціаціей существуетъ огромное количество другихъ сапожниковъ. Эти производятъ на сбытъ, да и вы, отославши намъ 30 паръ сапогъ въ годъ, вывозите цѣлыя тысячи ихъ на рынокъ. Вообразите, что предложеніе сапоговъ превышаетъ спросъ на нихъ. Тогда понизится ихъ мѣновая стоимость, потому что каждая пара сапоговъ будетъ представлять собою лишь полтора или три

четверти дня общественно-необходимаго труда. Думаете ли вы, что мы будемъ давать вамъ прежнее количество хлѣба? Это для насъ очень невыгодно, а вы знаете, что своя рубашка ближе къ тѣлу. Если, наоборотъ, сапоговъ будетъ приготовлено слишкомъ мало, то *вамъ* не будетъ разсчета отдавать ихъ намъ по прежней «справедливой», соціалистической цѣнѣ. Вообще, намъ кажется, что въ основѣ справедливости лежитъ утилитарный принципъ, и что не можетъ быть признана «справедливою» сдѣлка, приносящая убытокъ одной изъ сторонъ. При современныхъ же колебаніяхъ товарныхъ цѣнъ, нѣтъ никакой возможности уравновѣсить наши взаимные интересы, такъ какъ только посредствомъ этихъ колебаній и опредѣляется отношеніе индивидуальнаго труда отдѣльныхъ производителей — или совокупнаго труда цѣлой ассоціаціи производителей — къ *труду, общественно-необходимому.* Поэтому, до тѣхъ поръ, пока товарный рынокъ будетъ диктовать намъ условія нашего соціалистическаго обмѣна, весь нашъ «договоръ» будетъ празднымъ переливаніемъ изъ пустого въ порожнее. Польза отъ него будетъ такъ же велика, какъ если бы мы согласились писать свои счеты римскими цифрами вмѣсто арабскихъ. Вы, сапожники, давно уже извѣстны не только пьянствомъ, но и большою склонностью къ фантазіямъ; мы же—мужички умственные, и на вздоръ тратить времени не намѣрены.

— Но вѣдь неудобства соціалистическаго обмѣна будутъ существовать лишь до тѣхъ поръ, пока къ нему не согласятся приступить всѣ производители, — отвѣтятъ сапожники. Разъ наступитъ такой моментъ, ничто не помѣшаетъ соціалистическому обмѣну охватить всѣхъ отправленій страны.

— Ну это еще улита ѣдетъ, когда-то будетъ, — возражаютъ хлѣбопашцы. Если всѣ согласятся на это, что-жъ, и мы отъ міра не отказчики. А до тѣхъ поръ намъ неспособно.

Исполненіе «договора» отсрочивается, такимъ образомъ, на неопредѣленное время, въ теченіе котораго товарное производство идетъ своимъ чередомъ и подкапываетъ «относительное равенство».

Изъ всего этого слѣдуетъ, что время «соціалистической организаціи въ сферѣ внутренняго обмѣна» наступитъ лишь тогда, когда будетъ возможность

устранить всѣ указанныя его противорѣчія. А это возможно будетъ лишь въ томъ случаѣ, когда *трудъ каждаго отдѣльнаго лица приметъ общественный характеръ*. А это лишь будетъ тогда, когда весь общественный производительный механизмъ будетъ представлять собою одно планомѣрное цѣлое. Но тогда «организація обмѣна» окажется пятымъ колесомъ въ телѣгѣ, потому что всякій обмѣнъ имѣетъ смыслъ лишь до тѣхъ поръ, пока производительный механизмъ общества состоитъ изъ отдѣльныхъ, не связанныхъ органически, частей, т. е. когда трудъ производителя имѣетъ не общественный, а индивидуальный характеръ. Ни родовая, ни семейная община не знали «внутренняго обмѣна» и не нуждались въ его организаціи по той простой причинѣ, что въ основаніи ихъ лежало *организованное производство*. Если онѣ нуждались въ чемъ-нибудь, то развѣ лишь въ тѣхъ или другихъ *нормахъ распредѣленія*; но при современномъ развитіи производительныхъ силъ, и эти нормы могутъ быть пріурочены къ одному принципу — человѣческимъ потребностямъ. Прогулявшись по пути «соціалистической организаціи обмѣна", мы опять возвращаемся къ своему исходному пункту. Мы опять приходимъ къ вопросу о томъ, какимъ образомъ явится въ Россіи *соціалистическая организація производства*? Мы видѣли, что его не станетъ заводить ни временное, ни постоянное народное правительство; мы видѣли также, что къ нему не ведетъ ни общинное владѣніе землею, ни общинная обработка полей. Теперь мы убѣдились, кромѣ того, что къ ней не ведетъ и „соціалистическая организація въ сферѣ внутренняго обмѣна". А вѣдь г. Тихомировъ пророчилъ намъ „начало соціалистической организаціи Россіи"; въ этомъ заключался весь смыслъ его „народовольской" революціи. Какимъ же образомъ осуществится его пророчество?

Нужно вѣрить, — восклицаетъ г. Тихомировъ, — вѣрить „въ народъ, въ свои собственныя силы, въ революцію".

«Вѣрую, господи, помози моему невѣрію!» Мы знаемъ, что вѣра — прекрасная вещь, что «вѣрою движется мореплаватель, когда, вручивъ судьбу свою утлому древу, непостоянное стремленіе волнъ предпочитаетъ твердѣйшей стихіи, землѣ». Но тотъ же са-

мый боговдохновенный отецъ, который дѣлаетъ эту апологію вѣры, могъ бы разсказать, въ какое неустойчивое равновѣсіе попадаетъ вѣра, приходя въ противорѣчіе съ разумомъ. Тихомировская же „вѣра“ сильно страдаетъ этимъ роковымъ противорѣчіемъ. Онъ вѣритъ въ *свою*, полубакунистскую, полуткачевскую революцію лишь потому, что его разумъ вполнѣ удовлетворяется ткачевско-бакунистской философіей. Но едва только возрастетъ требовательность его разума— отъ *этой* его вѣры не останется и слѣда. Онъ поймётъ тогда, что онъ жестоко заблуждался, считая позволительнымъ толковать объ экономической революціи безъ малѣйшаго знакомства съ азбукой экономической науки, т. е. съ понятіемъ о деньгахъ, товарѣ и обмѣнѣ.

Впрочемъ, по этому послѣднему поводу мы не станемъ особенно упрекать нашего автора. Мы скажемъ: вѣра его спасла его. Онъ ошибался лишь потому, что „вѣрилъ“ въ Ткачева и Бакунина; виноватъ не онъ, а „соблазнившіе“ его.

Намъ важенъ общій выводъ изъ всего предыдущаго, выводъ, который можетъ быть формулированъ такъ: *всѣ тихомировскія ожиданія „отъ революціи“ представляютъ собою одно сплошное недоразумѣніе и возвратъ передовой русской мысли на избитую дорогу бакунизма*. Но „что было, то быльемъ поросло, а что будетъ, то будетъ не по старому, а по новому“, какъ говоритъ народная пѣсня. Дискредитированный въ семидесятыхъ годахъ, бакунизмъ не оживетъ въ восьмидесятыхъ. Воскресить его не удастся „витіямъ» и болѣе „громкимъ“, чѣмъ г. Тихомировъ.

Тѣ изъ читателей, которымъ покажется убѣдительнымъ этотъ выводъ, могутъ сдѣлать намъ новое и послѣднее возраженіе. Они могутъ сказать намъ, что вся наша аргументація основывается на томъ предположеніи, что г. Тихомировъ только *подержитъ* власть въ своихъ рукахъ, а не *удержитъ* ее на болѣе долгое время. Что будетъ, если революціонеры послѣдуютъ указаніямъ Ткачева, а не Тихомирова, если оправдается мнѣніе П. Л. Лаврова, который уже десять лѣтъ тому назадъ говорилъ, что „диктатуру вырываетъ изъ рукъ диктаторовъ только новая революція“?

5. Вѣроятныя послѣдствія захвата власти соціалистами.

Что будетъ тогда? О, тогда произойдетъ позорнѣйшее фіаско русской соціалистической партіи! Она вынуждена будетъ взяться за дѣло такой «организаціи», для которой у нея не хватитъ ни силъ, ни пониманія. Все соединится для того, чтобы нанести ей пораженіе: собственная неподготовленность, вражда высшихъ сословій и сельской буржуазіи, равнодушіе народа къ ея *организаторскимъ* планамъ, общая неразвитость нашихъ экономическихъ отношеній. Русская соціалистическая партія дастъ лишь новый историческій примѣръ для подтвержденія мысли, высказанной Энгельсомъ по поводу крестьянской войны въ Германіи. «Самымъ худшимъ изъ всего, что можетъ предстоять вождю крайней партіи, является вынужденная необходимость овладѣть властью въ то время, когда движеніе еще не достаточно созрѣло для господства представляемаго имъ класса и для проведенія мѣръ, обезпечивающихъ это господство. *Возможное* для такого вождя зависитъ не отъ его воли, а отъ уровня, достигнутаго противоположностью интересовъ различныхъ классовъ, уровня, въ свою очередь, зависящаго отъ степени развитія матерьяльныхъ условій существованія, отношеній производства и обмѣна. Съ другой стороны, то, что такой вождь *долженъ* дѣлать, то, чего требуетъ отъ него его собственная партія, также зависитъ не отъ него, но въ то же время и не отъ степени развитія классовой борьбы и не отъ ея условій; онъ остается связаннымъ своими прежними доктринами и требованіями, которыя также вытекаютъ не изъ взаимнаго положенія общественныхъ классовъ въ *данный моментъ*, не отъ *временныхъ*, болѣе или менѣе случайныхъ отношеній производства и обмѣна, — но обусловливаются способностью этого вождя къ пониманію общихъ результатовъ соціальнаго и политическаго движенія. Такимъ образомъ, передъ нимъ неизбѣжно вырастетъ неразрѣшимая дилемма: что онъ *можетъ* сдѣлать — противорѣчитъ всѣмъ его предыдущимъ поступкамъ, его принципамъ и непосредственнымъ интересамъ его партіи; что онъ *долженъ* былъ бы дѣлать—оказывается неисполнимымъ. Сло-

вомъ, онъ будетъ вынужденъ отстаивать не свою собственную партію, не свой собственный классъ, а тотъ классъ, для господства котораго уже созрѣло движеніе. Онъ долженъ будетъ въ интересахъ именно этого движенія отстаивать интересы чуждаго ему класса и отдѣлываться отъ своего собственнаго класса фразами, обѣщаніями и увѣреніями въ томъ, что интересы другого класса являются его собственными интересами. Кто разъ попалъ въ это ложное положеніе— тотъ пропалъ безвозвратно».

Отсюда слѣдуетъ, что очень заблуждается г. Тихомировъ, воображающій, что захватъ власти революціонерами послужилъ бы «исходнымъ пунктомъ революціи». Совершенно наоборотъ: такой «захватъ» послужилъ бы лишь сигналомъ реакціи. Онъ не упрочилъ бы вліянія передовыхъ силъ страны, но, истощивши ихъ первой, безплодной попыткой, онъ обезпечилъ бы торжество консервативныхъ и реакціонныхъ партій. Русская революція не только отклонилась бы отъ дорогого и единственно понятнаго нашимъ якобинцамъ образца французской революціи, но представляла бы, своимъ ходомъ, прямую противоположность этой послѣдней. Между тѣмъ какъ, до извѣстнаго времени, каждая новая волна французской революціи выносила на историческую арену новую, болѣе крайнюю партію, — наши доморощенные якобинцы свели бы къ нулю соотвѣтствующій періодъ русской революціи. Разбитые и дискредитированные, они удалились бы со сцены подъ градомъ вражескихъ обвиненій и насмѣшекъ, а оставшіяся безъ руководителей, нестройныя и несплоченныя массы народа не смогли бы одолѣть систематическаго сопротивленія своихъ непріятелей. Народныя возстанія, въ самомъ лучшемъ случаѣ, окончились бы лишь низверженіемъ остатковъ стараго режима, не принеся трудящемуся классу тѣхъ реформъ, которыя касаются его интересовъ прямымъ и непосредственнымъ образомъ.

По замѣчанію Маркса, великія событія дважды повторяются въ исторіи: въ первый разъ они являются трагедіей, во второй—фарсомъ. Исторія французскихъ якобинцевъ представляетъ собою величественную, полную жгучаго интереса, трагедію. Исторія же заговорщицкихъ плановъ новѣйшихъ бланкистовъ (русскихъ и иностранныхъ), *не смотря на героизмъ* отдѣль-

ныхъ личностей, остается фарсомъ, трагикомизмъ котораго заключается въ полной неспособности дѣйствующихъ лицъ понять смыслъ и характеръ предстоящей рабочей революціи.

Глава V.

Истинныя задачи соціалистовъ въ Россіи.

1. Соціальдемократы и «зуботычины».

Итакъ, «русскій соціализмъ, какъ онъ выразился въ партіи Народной Воли», до тѣхъ поръ останется чуждымъ великимъ задачамъ европейскаго соціализма, пока онъ не покинетъ безвозвратно своего промежуточнаго положенія между анархизмомъ Бакунина и бланкизмомъ Ткачева, т. е. пока онъ не признаетъ безплодности теоретическихъ построеній г. Тихомирова.

Но такъ какъ эти построенія представляютъ собою послѣднюю, отчаянную попытку оживить наши революціонныя теоріи добраго стараго времени, то возвысившись до такого признанія, нашъ соціализмъ перестанетъ быть «*русскимъ*», и сольется со всемірнымъ соціализмомъ, «какъ онъ выразился» въ сочиненіяхъ Маркса, Энгельса и отчасти Лассаля.

Его сторонники поймутъ тогда, что:

1) *Коммунистическая* революція рабочаго класса никоимъ образомъ не можетъ вырасти изъ того мѣщанско-крестьянскаго соціализма, проповѣдниками котораго являются въ настоящее время почти всѣ наши революціонеры;

2) По внутреннему характеру своей организаціи, сельская община прежде всего стремится уступить мѣсто буржуазнымъ, а не коммунистическимъ формамъ общежитія;

3) При переходѣ къ этимъ послѣднимъ, ей предстоитъ не *активная*, а *пассивная* роль; она не въ состояніи *двинуть* Россію на путь коммунизма; она можетъ только *менѣе сопротивляться* такому движенію, чѣмъ мелкое подворное землевладѣніе;

4) Иниціативу коммунистическаго движенія можетъ взять на себя лишь рабочій классъ нашихъ промышленныхъ центровъ, классъ,

5) Освобожденіе котораго можетъ быть достигнуто только путемъ его собственныхъ сознательныхъ усилій.

Разъ понявши эти простыя истины, русскіе соціалисты «изъ привиллегированной среды» оставятъ всякіе помыслы о захватѣ власти, предоставляя его нашей рабочей соціалистической партіи будущаго. Ихъ усилія направятся тогда лишь *къ созданію такой партіи и къ устраненію всѣхъ условій, неблагопріятныхъ для ея роста и развитія.*

Само собою понятно, что такого рода дѣятельность не можетъ имѣть ничего общаго съ тѣмъ объединеніемъ рабочаго класса посредствомъ «обезземеленія, штрафовъ и зуботычинъ», о которомъ говоритъ г. Тихомировъ, какъ объ исходѣ, единственно возможномъ въ настоящее время для русскихъ соціальдемократовъ. Одной этой выдумки было бы достаточно для увѣковѣченія литературнаго имени нашего автора, если бы она, подобно всѣмъ прочимъ его выводамъ, не отличалась полнымъ отсутствіемъ оригинальности. Нашъ авторъ и въ этомъ случаѣ повторилъ лишь то, что давно уже говорилось и печаталось нашими легальными и нелегальными народниками. Даже беллетристы «мужиковствующаго» направленія отводили марксистамъ, въ своихъ произведеніяхъ, роль какихъ-то приспѣшниковъ капитализма. Года два тому назадъ, г. Эртель помѣстилъ въ «Вѣстникѣ Европы» повѣсть «Волконская барышня». Въ этомъ забавномъ произведеніи фигурируютъ и либеральный землевладѣлецъ, и просвѣщенный буржуа, и народникъ — занимающійся отчасти собираніемъ пѣсенъ, а отчасти амурами съ героиней повѣсти, — и наконецъ, марксистъ, посвятившій свои силы на усовершенствованіе земледѣльческой культуры въ имѣніи либерала-помѣщика. Эртельскій марксистъ не любитъ, правда, «штрафовъ и зуботычинъ», но онъ приходитъ въ восторгъ при одной мысли о пріобрѣтеніи помѣщикомъ какой нибудь новой машины, не говоримъ уже завода или фабрики. Онъ такъ проникся интересами капитализма, что немедленно заключаетъ тѣсный и братскій союзъ съ упомянутымъ уже просвѣщеннымъ буржуа, какъ только этотъ послѣдній пріѣзжаетъ въ гости къ его патрону. Такая «программа», дѣйствительно, не заключаетъ въ себѣ ни-

чего привлекательнаго, но въ этомъ не виноватъ ни марксизмъ вообще, ни упомянутый марксистъ въ частности. Этотъ послѣдній могъ придумать лишь такую программу, какой угодно было наградить его г. Эртелю. Давно уже замѣчено, что яблоко не далеко падаетъ отъ яблони, и что герои беллетристическихъ произведеній не бываютъ догадливѣе ихъ авторовъ. Въ подтвержденіе этой старой истины можно было бы привести то новое доказательство, что самъ эртелевскій народникъ говоритъ цѣлый рядъ ни съ чѣмъ не сообразныхъ вещей, напримѣръ, въ разговорѣ съ марксистомъ, котораго онъ увѣряетъ, что теперь Марксу «пришелъ карачунъ», вслѣдствіе появленія какихъ-то новыхъ статей въ какихъ-то русскихъ журналахъ (ужъ не статей ли г. В. В. въ «Отеч. Запискахъ»?). Если читатель приметъ въ соображеніе эту истину, то снимая вину съ «марксиста», онъ тѣмъ болѣе снисходительно долженъ будетъ отнестись къ самому марксизму, преступленіе котораго заключается лишь въ томъ, что его не въ силахъ были понять и оцѣнить русскіе самобытники.

При сколько нибудь внимательномъ отношеніи къ вопросу, очевидно, что соціальдемократы не только никогда и нигдѣ не могутъ быть союзниками буржуазіи въ дѣлѣ порабощенія рабочихъ, но наоборотъ, только они и могутъ организовать серьезный отпоръ капиталистической эксплуатаціи. Для наглядности опять обратимся къ практическому примѣру. Припомнимъ современное положеніе ткачей-кустарниковъ, и посмотримъ, какъ могутъ и должны отнестись къ нимъ различныя соціалистическія фракціи.

Объ анархистахъ говорить много нечего. Они рекомендовали бы кустарямъ «пропаганду дѣйствіемъ», посовѣтовали бы имъ взорвать тотъ или другой трактиръ, изувѣчить того или другого фабриканта. Никакого систематическаго образа дѣйствій не можетъ указать программа, главной особенностью которой является отрицаніе всякой логической послѣдовательности, всякой системы. Для насъ интереснѣе бланкисты. На родинѣ Бланки, во Франціи, послѣдователи этого замѣчательнаго человѣка представляютъ собою людей систематическаго образа дѣйствій лишь постольку, поскольку программа ихъ утрачиваетъ свои отличительныя свойства и сливается съ программой

«рабочей партіи», какъ это мы видимъ въ выборной агитаціи, въ пропагандѣ классовой борьбы и т. д., и т. д. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда бланкисты сохраняютъ во всей неприкосновенности свой «особый отпечатокъ», ихъ образъ дѣйствій теряетъ всякую руководящую нить и сводится къ формулѣ—«шумимъ, братецъ, шумимъ!» Сегодня они агитируютъ въ пользу поднесенія почетнаго револьвера Березовскому, завтра требуютъ уничтоженія постоянной арміи, послѣ-завтра горячатся по поводу «Искупительной Капеллы» и т. п. Такого рода «шумная» дѣятельность, разумѣется, невозможна для русскихъ послѣдователей Бланки, т. е. для явныхъ или тайныхъ сторонниковъ «Набата». Въ Россіи, агитаціонная дѣятельность бланкистовъ по необходимости сводится, главнѣйшимъ образомъ, къ «террору»; организаціонная — къ созданію тайныхъ обществъ заговорщиковъ. Спрашивается, какую роль можетъ играть при этомъ кустарь, какъ таковой, т. е. не затерявшійся среди интеллигенціи, а остающійся при своемъ ремеслѣ и при всѣхъ тѣхъ отношеніяхъ къ капиталу, которыя навязаны ему исторіей? Въ террористической борьбѣ могутъ принимать участіе только отдѣльныя личности. Приглашать же кустарей къ сплоченію въ одну рабочую партію теперь несвоевременно, такъ какъ «рабочій», способный къ классовой диктатурѣ, почти не существуетъ, стало быть, политической власти ему не доставишь» и т. д. Ткачамъ остается уповать на будущее, и поддерживать революціонную партію въ ея стремленіи къ захвату власти, въ той надеждѣ, что результатомъ такого захвата будетъ «начало соціалистической организаціи Россіи»:

Вотъ пріѣдетъ баринъ,
Баринъ насъ разсудитъ!

Но «баринъ» можетъ опоздать своимъ пріѣздомъ, онъ можетъ совсѣмъ не пріѣхать, можетъ подвергнуться изгнанію тотчасъ по пріѣздѣ, не успѣвши положить знаменитое «начало». Какую же практическую, непосредственную пользу принесетъ кустарямъ революціонное движеніе? Уяснитъ ли оно имъ ихъ собственное положеніе, научитъ ли оно ихъ дружному, организованному отстаиванію своихъ интересовъ?

Нѣтъ, не научитъ! А если и научитъ, то лишь случайно и мимоходомъ, такъ какъ главныя усилія бланкистовъ направляются вовсе не въ сторону соціалистической пропаганды между рабочими. Мы уже видѣли, что тихомировская революція надѣется собрать народныя силы вокругъ такихъ «пунктовъ», для уясненія которыхъ «не нужно никакой особенной пропаганды». А между тѣмъ, для серьезной и дѣйствительно успѣшной борьбы кустарей съ ихъ эксплуататорами, необходима именно «особенная пропаганда». Отсюда слѣдуетъ, что при всемъ своемъ желаніи «брать народъ, какъ онъ есть», русскіе бланкисты не могутъ не игнорировать цѣлаго ряда его практическихъ нуждъ и потребностей.

Въ какое положеніе станетъ къ кустарямъ русскій соціальдемократъ, такъ часто и такъ настойчиво обвиняемый въ фантазерствѣ и непрактичности? Зная, что освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ, и что степень капиталистической эксплуатаціи опредѣляется, между прочимъ, уровнемъ потребностей и развитія эксплуатируемыхъ, онъ постарается побудить рабочихъ къ самостоятельной борьбѣ противъ капитала. Такъ какъ разрозненныя усилія рабочихъ отдѣльныхъ фабрикъ и мастерскихъ не могутъ обезпечить удачнаго исхода такой борьбы, то ему нужно будетъ сообщить ей классовой характеръ. Для этого ему придется энергично и настойчиво вести «ту особенную пропаганду», которая называется пропагандой соціализма. Но мы знаемъ уже, что всякая классовая борьба есть борьба политическая. Поэтому пропаганда нашего соціальдемократа должна будетъ немедленно принять *соціально-политическій* характеръ. Онъ скажетъ рабочимъ: «возвышеніе уровня вашего матеріальнаго благосостоянія возможно лишь при рѣшительномъ вмѣшательствѣ со стороны государства. Однимъ изъ васъ, именно тѣмъ, которые почти окончательно стали уже фабричными рабочими, оно можетъ и должно помочь, прежде всего, путемъ законодательнаго огражденія интересовъ взрослыхъ работниковъ, женщинъ и дѣтей; тѣ же изъ васъ, мелкое самостоятельное производство которыхъ еще борется противъ капитализма, могутъ упрочить свое положеніе лишь посредствомъ кредита, выдаваемаго государствомъ рабочимъ ассоціаціямъ. Но не

всякое государство возьметъ на себя роль вашего союзника. Государство будетъ всецѣло на вашей сторонѣ лишь тогда, когда оно всецѣло будетъ вашимъ, рабочимъ государствомъ. Къ этой цѣли и должны быть направлены всѣ ваши усилія. А пока эта цѣль не достигнута, — вы должны *заставлять* дѣлать вамъ уступки даже враждебное вамъ государство. Не забывайте при томъ, что уступки эти будутъ тѣмъ рѣшительнѣе, чѣмъ рѣшительнѣе вы будете ихъ требовать, чѣмъ сильнѣе будетъ ваша партія. Создавайте же такую партію, сплачивайтесь въ одну грозную и дисциплинированную силу. Когда вамъ удастся одержать окончательную побѣду, тогда вы совсѣмъ сбросите иго капитала, а до той поры вы будете держать его хоть въ какой нибудь уздѣ, и предохраните, по крайней мѣрѣ, себя и своихъ дѣтей отъ физическаго, нравственнаго и умственнаго вырожденія. У васъ есть только два выхода изъ вашего современнаго положенія: или борьба, или полное подчиненіе капиталу. Я зову съ собою тѣхъ, которые хотятъ бороться!»

Какъ вы думаете, читатель, не будетъ ли такого рода дѣятельность наиболѣе практичною изъ всѣхъ возможныхъ? Вы скажете, что успѣхи ея будутъ слишкомъ медленны и невѣрны. Допустимъ, что такъ; но другіе роды дѣятельности сулятъ еще менѣе вѣрные успѣхи. Ни анархическая «пропаганда дѣйствіемъ», ни бланкистскіе заговоры — ни на шагъ не подвинутъ классовой борьбы въ Россіи, а отъ хода этой борьбы только и зависитъ эмансипація рабочихъ.

Соціальдемократъ, конечно, сдѣлаетъ лишь то, что *можетъ*; но преимущество его положенія заключается въ томъ, что *онъ можетъ сдѣлать для рабочаго класса гораздо больше*, чѣмъ всякій другой «соціалистъ-революціонеръ». Онъ внесетъ въ рабочій классъ *сознаніе*, безъ котораго невозможно начало серьезной борьбы съ капиталомъ. А разъ внеся это сознаніе, онъ придастъ революціонному движенію такую силу, прочность и интенсивность, о какихъ невозможно и мечтать, оставаясь при старыхъ «программахъ».

И замѣтьте, что нашему соціаль-демократу вовсе не нужно «хлопотать (характерное для русскаго чело-

вѣка выраженіе!) о созданіи класса, во имя котораго онъ хочетъ дѣйствовать». Только при полномъ незнаніи экономическихъ отношеній современной Россіи, можно быть въ невѣдѣніи относительно того безспорнаго обстоятельства, что классъ этотъ частью созданъ, частью все скорѣе и скорѣе *создается* неумолимымъ ходомъ общественнаго развитія. Только при полномъ непониманіи исторической роли всенивеллирующаго капитала—можно сравнивать положеніе нашего рабочаго класса съ болѣе или менѣе исключительнымъ положеніемъ нашего «дворянства». Французскимъ англоманамъ конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія не удалось пересадить на свою почву аристократическихъ учрежденій Англіи; но французская рабочая партія можетъ, ни мало не впадая въ утопію, держаться той же самой программы, что и англійская демократическая федерація. Откуда такое различіе? Это секретъ, который, впрочемъ, безъ труда откроетъ самъ г. Тихомировъ, если онъ внимательно прочтетъ хотя бы «Манифестъ Коммунистической Партіи». Рекомендуя ему это замѣчательное произведеніе, мы, съ своей стороны, скажемъ еще нѣсколько словъ о задачахъ соціалистовъ того «направленія, которое считаетъ историческою неизбѣжностью русскій капитализмъ», и къ которому принадлежимъ мы сами.

Наиболѣе обыкновеннымъ доводомъ противъ этого направленія, доводомъ, если не «отъ разума», то *отъ сердца*,—является указаніе на невозможность быстраго развитія революціоннаго движенія въ Россіи, въ томъ случаѣ, если шансы его будутъ пріурочены лишь къ силѣ и росту русскаго рабочаго класса. Это-то соображеніе и возбуждаетъ — съ одной стороны, склонность къ самобытнымъ программамъ, а съ другой — уже упомянутое опасеніе того, что самимъ революціонерамъ придется, пожалуй, опредѣлиться на службу русскому капиталу. Этотъ доводъ не замедлятъ, конечно, выставить и противъ нашей аргументаціи.

Мы считаемъ, поэтому, нелишнимъ обратить вниманіе читателей на странную непослѣдовательность людей, отъ которыхъ приходится слышать возраженія, подобныя только что приведенному. Именно эта непослѣдовательность наглядно показываетъ, что многіе изъ такъ называемыхъ учениковъ Чернышевскаго усвоили одни результаты его изслѣдованій, не соста-

вивши себѣ ни малѣйшаго понятія о методѣ своего учителя.

Когда заходитъ рѣчь о вѣроятной судьбѣ русскаго капитализма или объ его вліяніи на наши политическія отношенія, то народники начинаютъ обыкновенно съ указанія на то, несомнѣнное будто бы, обстоятельство, что капитализмъ нашъ находится на той же ступени развитія, на какой стоялъ онъ «въ западной Европѣ» болѣе вѣка тому назадъ. Изъ этого дѣлается тотъ выводъ, что цѣлое столѣтіе должно пройти прежде, чѣмъ капитализмъ сослужитъ нашей исторіи ту же «службу», которую онъ сослужилъ исторіи «Запада». Это долго; а такъ какъ наша интеллигенція давно уже привыкла подставлять на мѣсто революціоннаго развитія свою революціонную волю, то она обращаетъ свои взоры на общину, и ссылается на доказанную Чернышевскимъ возможность непосредственнаго перехода ея въ соціалистическую форму общежитія. Такимъ образомъ, она аппелируетъ къ вѣроятности *полнаго устраненія* одной изъ фазъ общественнаго развитія—въ значительной степени потому, что не понимаетъ возможности *сокращенія продолжительности* этой фазы. Ей и на мысль не приходитъ, что полное устраненіе даннаго историческаго періода есть лишь частный случай его сокращенія и что, доказывая возможность перваго, мы тѣмъ самымъ, и притомъ въ гораздо болѣе сильной степени, подтверждаемъ вѣроятность—второго.

Мы видѣли уже выше, на примѣрѣ П. Н. Ткачева, что эта грубая логическая ошибка легла въ основаніе программы нашихъ бланкистовъ. Но къ сожалѣнію ее повторяютъ не одни бланкисты.

Очень и очень многіе думаютъ, что соціальная революція можетъ совершиться въ Россіи «теперь, или очень нескоро, быть можетъ никогда», т. е., другими словами, или на основѣ нашихъ современныхъ экономическихъ отношеній, или на основѣ того строя, созданіе и упроченіе котораго отходитъ въ самую туманную даль. Но мы знаемъ уже, — и этому учитъ насъ исторія той же западной Европы,—что для капитализма труденъ былъ только первый шагъ, и что его непрерывное движеніе отъ «Запада» къ Востоку совершается съ постоянно возростающимъ ускореніемъ. Не только развитіе русскаго капитализма не можетъ

быть такъ же медленно, какъ было оно, напримѣръ въ Англіи, но и самое существованіе его не можетъ имѣть такой продолжительности, какая выпала на его долю въ «западно-европейскихъ странахъ». Нашъ капитализмъ отцвѣтетъ, не успѣвши *окончательно* расцвѣсть, за это ручается намъ могучее вліяніе международныхъ отношеній. Но что дѣло подвигается, тѣмъ не менѣе, къ его болѣе или менѣе полному торжеству — въ этомъ также невозможно сомнѣваться. Ни голословныя отрицанія уже существующаго факта, ни скорбные возгласы по поводу распаденія старыхъ, «вѣковыхъ» формъ народнаго общежитія — ничто не остановитъ страны, «ступившей на слѣдъ естественнаго закона своего развитія». Но это развитіе можетъ быть болѣе или менѣе медленнымъ, «роды» окажутся болѣе или менѣе мучительными—въ зависимости отъ комбинаціи всѣхъ общественныхъ и международныхъ отношеній данной страны. Болѣе или менѣе благопріятный для рабочаго класса характеръ такой комбинаціи, въ свою очередь, зависитъ отъ поведенія людей, понявшихъ смыслъ предстоящей ихъ странѣ эволюціи. Развитіе капитализма въ Германіи застало рабочій классъ на болѣе высокой ступени развитія, чѣмъ въ Англіи или во Франціи, а потому и отпоръ капиталистической эксплуатаціи въ этой странѣ былъ быстрѣе и рѣшительнѣе. Нѣмецкіе коммунисты и не думали опредѣляться на службу капитализму. Они знали, что болѣе или менѣе близкая побѣда рабочаго класса зависитъ, между прочимъ, отъ вліянія на этотъ классъ людей, понявшихъ смыслъ историческаго развитія. Они дѣятельно взялись за пропаганду въ рабочей средѣ, и успѣхъ превзошелъ ихъ ожиданія. Почему бы намъ нельзя было послѣдовать ихъ примѣру?

Фабрикантъ такъ же немыслимъ безъ рабочаго, какъ античный «господинъ» былъ, по замѣчанію Аристотеля, немыслимъ безъ раба. Развитіе буржуазіи предполагаетъ развитіе рабочаго класса; историческій ростъ капитализма представляетъ собою двусторонній процессъ, при чемъ на каждой изъ его сторонъ группируется соотвѣтствующій общественный классъ. Въ цѣломъ, каждый изъ этихъ классовъ прикованъ къ своему мѣсту «крѣпче, чѣмъ цѣпи Вулкана приковывали Прометея къ скалѣ». Въ капита-

листическомъ обществѣ товаръ господствуетъ надъ производителемъ и предписываетъ ему его поведеніе. Но для отдѣльныхъ личностей есть возможность сознательнаго выбора между каждымъ изъ противоположныхъ полюсовъ. Къ такимъ личностямъ принадлежатъ наши такъ называемые «интеллигентные люди». Отъ ихъ собственнаго нравственнаго и умственнаго развитія будетъ зависѣть то или другое отношеніе ихъ къ дѣлу рабочаго класса. И никакіе софизмы не могутъ дать нравственнаго оправданія соціалисту, перебѣжавшему въ лагерь эксплуататоровъ. Да и софизмы-то, возможные въ этомъ случаѣ, настолько жалки и безсильны, что ни на минуту не могутъ показаться убѣдительными человѣку, умѣющему правильно построить хоть одинъ силлогизмъ.

Лишь при свойственной нашимъ самобытникамъ прямолинейности и угловатости воззрѣній, возможны толки о логической необходимости личнаго участія соціалиста въ процессѣ капиталистическаго развитія страны. Самобытникъ привыкъ подставлять на мѣсто историческаго развитія свою собственную волю, привыкъ довольствоваться догматическимъ міросозерцаніемъ, вмѣсто критическаго. Онъ разсуждаетъ такъ: капитализмъ неизбѣженъ, какъ переходная фаза; поэтому необходимы люди, которые создавали бы капиталистическія отношенія. А между тѣмъ, я не могу уже служить рыцарямъ первоначальнаго накопленія, я не могу «грабить рабочаго съ чистой совѣстью и энергіей». Что—если будетъ много подобныхъ мнѣ людей? Что—если *всѣ* проникнутся моими взглядами? Тогда не будетъ капитализма, который неизбѣженъ, какъ переходная фаза и т. д. Бѣдный самобытникъ попадаетъ, такимъ образомъ, въ настоящій логическій кругъ посылокъ, за которымъ слѣдуютъ новые концентрическіе круги умозаключеній. Не лучше ли «временно отречься отъ соціализма и приложить свои силы къ расширенію и укрѣпленію капитализма, если онъ такъ безусловно необходимъ»! «Съ какой стати, говоритъ г. Тихомировъ, мы будемъ самого рабочаго напитывать соціалистическими идеями, отвлекающими въ этомъ классѣ лучшія силы отъ стремленія къ капиталистической карьерѣ, которую никто не совершаетъ успѣшнѣе, чѣмъ выходцы изъ самихъ рабочихъ»? Мы успѣемъ вернуться къ соціализму, когда капита-

лизмъ исполнитъ свою историческую миссію и т. д. Самобытникъ вѣчно живетъ въ мірѣ готовыхъ и рѣзко опредѣленныхъ фактовъ и понятій, не имѣя ни малѣйшаго представленія о *процессѣ возникновенія* этихъ фактовъ и понятій. Поэтому, управляясь кое-какъ съ каждымъ изъ нихъ въ отдѣльности, онъ совершенно теряетъ изъ виду ихъ взаимную связь и зависимость.

Онъ исходитъ изъ того предположенія, что безъ развитія капитализма невозможно успѣшное распространеніе соціалистическихъ идей. Но, стремясь, какъ можно скорѣе, привести къ абсурду взгляды своихъ противниковъ, онъ немедленно забываетъ это предположеніе, и начинаетъ толковать о томъ, что быстрое распространеніе соціалистическихъ идей помѣшаетъ развитію капитализма. Онъ соглашается признать одно явленіе слѣдствіемъ, другое — причиной; но онъ опасается, что слѣдствіе явится раньше причины и тѣмъ помѣшаетъ ей обнаружить свое дѣйствіе, т. е. вызвать это самое слѣдствіе. Нашъ самобытникъ попадаетъ, такимъ образомъ, въ ту самую яму абсурда, которую онъ такъ старательно рылъ своимъ противникамъ. Этимъ послѣднимъ остается лишь вытаскивать его на божій свѣтъ съ помощью слѣдующаго, весьма простого разсужденія.

Они скажутъ ему: если бы успѣшное распространеніе соціалистическихъ идей во всей массѣ народа мыслимо было безъ того коренного переворота въ жизненныхъ отношеніяхъ, который вызывается капитализмомъ, то не нужно было и толковать о какихъ бы то ни было переходныхъ фазахъ нашего общественнаго развитія. Эти фазы имѣютъ для насъ значеніе именно потому, что расчищаютъ почву для соціалистической пропаганды. Поэтому, смѣшно было бы опасаться того, что нынѣшняя наша пропаганда остановитъ развитіе капитализма въ нашей странѣ. Но, съ другой стороны, нелѣпо было бы и оставлять эту пропаганду, такъ какъ самая возможность ея есть указаніе на то, что исторія уже подготовила для нея нѣкоторую часть почвы. Чѣмъ скорѣе воздѣлаемъ мы эту часть, тѣмъ скорѣе совершится наше историческое развитіе, тѣмъ меньшихъ жертвъ и усилій будетъ стоить нашему народу окончаніе предстоящаго ему пути. Мы не хотимъ идти противъ исторіи, но мы не хотимъ и отставать отъ нея ни на одинъ шагъ. По

выраженію Чернышевскаго, мы не жалѣемъ ни о чемъ, отживающемъ свое время; но мы ни на минуту не хотимъ откладывать дѣло, которое теперь уже оказывается своевременнымъ и возможнымъ. Мы беремся за пропаганду нашихъ идей, будучи въ состояніи математически доказать, что каждый шагъ на пути общественнаго развитія Россіи приближаетъ время торжества этихъ идей и облегчаетъ нашу дальнѣйшую работу.

Мы различаемся съ вами въ томъ, что, между тѣмъ какъ развитіе современныхъ экономическихъ отношеній все болѣе и болѣе удаляетъ васъ отъ вашихъ *общинныхъ* идеаловъ, *наши коммунистическіе* идеалы все болѣе и болѣе приближаются къ намъ, благодаря тому же самому развитію. Вы напоминаете человѣка, который, отправляясь на сѣверъ, попалъ въ поѣздъ, везущій его на югъ; мы же знаемъ свою дорогу, и садимся въ тотъ историческій поѣздъ, который на всѣхъ парахъ везетъ насъ къ нашей цѣли. Правда, васъ смущаетъ принятое нами направленіе; вамъ кажется, что соціалистъ не можетъ сочувствовать развитію буржуазныхъ способовъ производства. Но это происходитъ отъ того, что ваша логика слишкомъ уже самобытна.

Вы воображаете, что, оставаясь вѣрнымъ своимъ идеаламъ, соціалистъ вездѣ и всюду долженъ препятствовать развитію капитализма. Въ этомъ случаѣ вы опять разсуждаете самымъ примитивнымъ образомъ: помѣшать развитію капитализма, — говорите вы, — значитъ повредить интересамъ предпринимателей; а такъ какъ интересы послѣднихъ діаметрально противоположны интересамъ рабочихъ, то все, вредящее капиталу, принесетъ пользу труду. Вы и не подозрѣваете, что капитализмъ противоположенъ *не только слѣдующему* за нимъ, *но и предыдущему* звену въ цѣпи историческаго развитія, что онъ ведетъ борьбу не только съ революціонными попытками пролетаріата, но также и съ реакціонными стремленіями дворянства и мелкаго мѣщанства. Вы горите ненавистью къ капиталу, и готовы нападать на него, гдѣ и когда угодно. Это усердіе часто заставляетъ васъ сочувствовать тѣмъ пораженіямъ капитализма, которыя могутъ быть выгодны *однимъ только реакціонерамъ*. Программа вашего «русскаго соціализма» совпадаетъ,

въ такомъ случаѣ, съ программой нѣмецкихъ «соціаль-консерваторовъ», и отъ прогрессивныхъ ея тенденцій не остается и слѣда. Чтобы избѣжать такихъ жалкихъ метаморфозъ, вамъ нужно, наконецъ, проникнуться діалектическимъ взглядомъ на исторію. Вы, одновременно, должны поддерживать капитализмъ въ его борьбѣ съ *реакціей* и быть непримиримыми врагами того же капитализма въ борьбѣ его съ рабочей *революціей* будущаго. Толко такая программа достойна партіи, считающей себя представительницей самыхъ передовыхъ стремленій своего вѣка. Чтобы стать на эту точку зрѣнія, вамъ, опять таки, нужно оставить свое нынѣшнее положеніе какого-то промежуточнаго вещества между различными классами и слиться съ рабочими.

2. *Пропаганда въ рабочей средѣ.*

Но возможно ли такое сліяніе въ настоящее время? Возможна ли, вообще, пропаганда въ рабочей средѣ при современныхъ политическихъ условіяхъ?

Невозможность есть частный случай трудности. Трудности же, переходящія по временамъ и въ невозможность, бываютъ двухъ родовъ. Одинъ родъ трудностей зависитъ отъ личныхъ свойствъ дѣятелей, отъ преобладающаго характера ихъ стремленій, взглядовъ и наклонностей. Этотъ родъ трудностей создается общественной средой черезъ посредство индивидуумовъ, и потому оттѣнки его такъ же разнообразны, какъ разнообразны свойства отдѣльныхъ личностей. *Трудное* для Гольденберга было *легкимъ* для Желябова, невозможное для человѣка съ однимъ складомъ характера и убѣжденій кажется необходимымъ, а потому возможнымъ, хотя, быть можетъ, и труднымъ, для другого человѣка, съ иными привычками, иными воззрѣніями. Невозможнымъ объявляется часто не то, что невозможно само по себѣ, а то, что, по мнѣнію даннаго лица, приноситъ выгоды, не вознаграждающія сдѣланныхъ усилій. Оцѣнка же выгодъ, приносимыхъ даннымъ политическимъ дѣломъ, цѣликомъ зависитъ отъ взгляда на это дѣло самого дѣятеля. Г. В. В., убѣжденный въ томъ, что само правительство возьмется за желательную для него, г-на В. В., организацію національнаго производства, естественно

будетъ считать излишними и нецѣлесообразными тѣ жертвы и усилія, которыхъ будетъ стоить, въ настоящее время, пропаганда въ рабочей средѣ. Точно также заговорщикъ, разсчитывающій, главнымъ образомъ, на тотъ или другой «комитетъ», безъ большой внутренней борьбы объявитъ невозможной пропаганду среди рабочихъ, только *важныхъ*, по его мнѣнію, «для революціи», но далеко не представляющихъ собою исключительныхъ представителей революціи. Не такъ будетъ разсуждать соціальдемократъ, убѣжденный въ томъ, что не рабочіе нужны *для революціи*, а революція нужна *для рабочихъ*. Для него пропаганда въ рабочей средѣ будетъ главной цѣлью его усилій, и онъ не откажется отъ нея, не испытавши всѣхъ средствъ, которыя находятся въ его распоряженіи, не сдѣлавши всѣхъ усилій, на которыя онъ способенъ. И чѣмъ болѣе будетъ проникаться истинно-соціалистическими взглядами наша революціонная интеллигенція, тѣмъ возможнѣе и легче будетъ казаться ей дѣятельность между рабочими по той простой причинѣ, что тѣмъ сильнѣе будетъ стремиться она къ такого рода дѣятельности.

Мы не хотимъ, да и не могли бы, обманывать кого бы то ни было. Всѣмъ извѣстно, сколько трудностей и преслѣдованій ожидаетъ теперь у насъ пропагандиста и народнаго агитатора. Но не нужно преувеличивать этихъ трудностей. Всѣ, безъ исключенія, роды революціонной дѣятельности сильно затруднены у насъ теперь полицейскими преслѣдованіями, но это еще не значитъ, что бѣлый терроръ достигъ своей цѣли, т. е. «вырвалъ крамолу съ корнемъ». Дѣйствіе вызываетъ противодѣйствіе, преслѣдованіе порождаетъ самоотверженность, и какъ бы ни были энергичны реакціонныя мѣры правительства, революціонеръ сумѣетъ всегда обойти ихъ, если только направитъ въ эту сторону надлежащую долю энергіи. Было время, когда взрывъ Зимняго дворца и подкопъ на Малой Садовой показались бы вещью несбыточною и неосуществимою самимъ революціонерамъ. Но нашлись люди, которые совершили невозможное, осуществили неосуществимое. Неужели проявленіе подобной же настойчивости немыслимо въ другихъ сферахъ революціонной дѣятельности? Неужели шпіоны, преслѣдующіе «террористовъ» менѣе искусны и много-

численны, чѣмъ шпіоны, охраняющіе нашу рабочую среду отъ «лжеученій соціализма и коммунизма»? Это можетъ утверждать только тотъ, кто рѣшилъ, во чтобы то ни стало, отговориться отъ непріятной для него работы.

Что касается свойствъ самой рабочей среды, то они вовсе не оправдываютъ мрачныхъ предсказаній нашихъ пессимистовъ. Собственно говоря, за пропаганду въ рабочей средѣ у насъ почти никогда не брались сколько-нибудь послѣдовательно и систематически. Опытъ показалъ, однако, что даже разрозненныхъ усилій нѣсколькихъ десятк. человѣкъ было достаточно для сообщенія сильнаго толчка революціонной самодѣятельности нашего рабочаго класса. Пусть читатель припомнитъ Сѣверно-Русскій Рабочій Союзъ, его соціальдемократическую программу и его организацію, очень обширную для тайнаго общества. Этотъ союзъ распался, но прежде чѣмъ винить въ этомъ рабочихъ, наша интеллигенція должна припомнить, много ли было сдѣлано ею для его поддержанія. А поддержать его было возможно и вовсе не такъ трудно. Въ своемъ «Письмѣ въ редакцію Земли и Воли», представители Союза даже опредѣляли видъ желательной и необходимой для нихъ помощи. Они просили содѣйствія при устройствѣ тайной типографіи для изданія рабочаго органа. Исполненіе этой просьбы признано было несвоевременнымъ со стороны «интеллигентнаго» общества «*Земля и Воля*». Главныя усилія нашихъ «интеллигентныхъ» соціалистовъ были тогда направлены совсѣмъ въ другую сторону. Результатомъ этихъ усилій было не поддержаніе рабочихъ, а усиленіе полицейскихъ преслѣдованій, обрушившихся, между прочимъ, и на рабочія организаціи. Мудрено ли, что, предоставленный исключительно своимъ силамъ въ непривычномъ для него дѣлѣ конспираціи' Рабочій Союзъ былъ разбитъ на болѣе мелкія частинесвязанныя между собою единствомъ плана и дѣйствія. Но эти мелкіе кружки и кучки соціалистовъ-рабочихъ до сихъ поръ не переставали существовать въ нашихъ промышленныхъ центрахъ; нужно только немного убѣжденности, энергіи и настойчивости, чтобы опять сплотить ихъ въ одно внушительное цѣлое.

Само собою понятно, что тайныя рабочія общества не составляютъ еще рабочей партіи. Въ этомъ

смыслѣ совершенно правы тѣ люди, которые говорятъ, что наша программа разсчитана болѣе на будущее, чѣмъ на настоящее. Но что же изъ этого слѣдуетъ? Значитъ ли это, что мы не должны немедленно же браться за ея выполненіе? Разсуждающіе такъ самобытники опять попадаютъ въ безвыходный кругъ умозаключеній. Широкое рабочее движеніе предполагаетъ хоть временное торжество въ данной странѣ, хоть отчасти только свободныхъ учрежденій. Но завоевать эти учрежденія, въ свою очередь, невозможно безъ политической поддержки наиболѣе передовыхъ слоевъ народа. Гдѣ же выходъ? Западно-европейская исторія разрывала этотъ заколдованный кругъ путемъ медленнаго политическаго воспитанія рабочаго класса. Но наши революціонеры какъ нельзя болѣе боятся медленности кропотливой старухи. Они хотятъ революціи, какъ можно скорѣй и во что бы то ни стало. Въ виду этого, остается только удивляться, какъ не вспомнятъ они пословицы—любишь кататься, люби и саночки возить, пословицы, политическій смыслъ которой сводится къ тому безспорному положенію, что всякій, желающій поскорѣе добиться свободы, долженъ стараться заинтересовать рабочій классъ въ борьбѣ съ абсолютизмомъ. Развитіе политическаго смысла рабочаго класса есть одинъ изъ главныхъ видовъ борьбы противъ «главнаго врага, мѣшающаго сколько нибудь раціональному приступу» къ дѣлу созданія у насъ рабочей партіи на западноевропейскій манеръ. Въ самомъ дѣлѣ, что значатъ увѣренія историковъ въ томъ, что въ такой-то историческій періодъ буржуазія или, — что почти то же самое, — общество боролось въ такой-то странѣ противъ абсолютизма? Ни болѣе ни менѣе, какъ то, что буржуазія толкала и вела рабочій классъ на борьбу или, по крайней мѣрѣ, разсчитывала на его поддержку. До тѣхъ поръ, пока ей не была обезпечена такая поддержка, она была труслива, потому что была безсильна. Что сдѣлала противъ Наполеона III республиканская буржуазія, заслуженнымъ образомъ лишенная поддержки рабочаго класса? Ей оставалось выбирать между безнадежнымъ героизмомъ и лицемѣрнымъ одобреніемъ совершившемуся факту. Когда являлось мужество у революціонной буржуазіи 1830 и 1848 годовъ? Когда рабочій классъ уже одерживалъ

верхъ на баррикадахъ. Наше «общество» не можетъ еще разсчитывать на такую поддержку рабочихъ; оно не знаетъ даже, на кого направить свое ружье рабочій-инсургентъ: на защитниковъ абсолютной монархіи или на сторонниковъ политической свободы? Отсюда его робость и нерѣшительность, отсюда овладѣвшее имъ теперь тяжелое и безнадежное уныніе. Но измѣните положеніе дѣлъ, обезпечьте нашему «обществу» поддержку однихъ только городскихъ предмѣстій, — и вы увидите, что оно знаетъ, чего хочетъ, и умѣетъ говорить съ властью языкомъ, достойнымъ гражданина. Припомнимъ петербургскія стачки 1878-1879 годовъ. Слухъ объ этихъ стачкахъ интересовалъ далеко не однихъ соціалистовъ. Онѣ стали событіемъ дня, ими интересовался чуть ли не весь интеллигентный и мыслящій Петербургъ. Вообразите теперь, что въ стачкахъ выразился не только антагонизмъ интересовъ нанимателей и рабочихъ данной фабрики, но также и начинающійся политическій разладъ петербургскаго рабочаго *класса* съ абсолютной монархіей. Обращеніе полиціи со стачечниками дало немало поводовъ къ проявленію такого разлада. Представьте же себѣ, что рабочіе Новой бумагопрядильни требовали не только новышенія заработной платы для себя, но также извѣстныхъ политическихъ правъ для всѣхъ русскихъ гражданъ. Буржуазія увидѣла бы тогда, что ей нужно серьезнѣе, чѣмъ прежде считаться съ требованіями рабочихъ. Кромѣ того, всѣ тѣ ея либеральные слои, экономическимъ интересамъ которыхъ успѣхъ стачечниковъ не грозилъ бы прямымъ и непосредственнымъ образомъ, почувствовали бы, что ихъ политическія требованія пріобрѣли, наконецъ, твердую почву, и что поддержка рабочаго класса дѣлаетъ гораздо болѣе вѣроятнымъ счастливый исходъ борьбы съ абсолютизмомъ. Политическое движеніе рабочихъ вдохнуло бы новую увѣренность въ сердца всѣхъ сторонниковъ политической свободы. Сами народники обратили бы, можетъ быть, свое вниманіе на новыхъ бойцовъ изъ народной среды, и перестали бы, пожалуй, безплодно и безнадежно ныть по поводу разрушенія дорогихъ имъ «устоевъ»*).

*) Примѣчаніе къ настоящему изданію. Событія послѣдняго года служатъ блестящимъ подтвержденіемъ всему здѣсь сказанному — пролетаріатъ разбудилъ политическое сознаніе русскаго «общества».

Спрашивается теперь, кто же, если не революціонная интеллигенція могъ бы способствовать политическому развитію рабочаго класса? Во время стачекъ 1878-1879 г. г. сама эта, увѣренная въ себѣ, интеллигенція не могла похвалиться ясностью своего политическаго сознанія. Поэтому и стачечники не могли услышать отъ нея чего-нибудь поучительнаго насчетъ связи экономическихъ интересовъ рабочаго класса съ его политическими правами. Много и теперь путаницы въ головахъ нашей «революціонной молодежи». Но будемъ надѣяться, что путаница эта уступитъ, наконецъ, мѣсто теоріямъ современнаго научнаго соціализма, и перестанетъ парализовать успѣхи нашего революціоннаго движенія. А разъ придетъ такое счастливое время, то и рабочіе кружки не замедлятъ стать на правильную политическую точку зрѣнія. Борьба съ абсолютизмомъ войдетъ тогда въ новый и послѣдній фазисъ; поддержанныя рабочей массой, политическія требованія передовой части нашего «общества» получатъ, наконецъ, столь давно ожидаемое удовлетвореніе.

Если бы смерть Александра II сопровождалась волненіемъ рабочихъ въ главныхъ городахъ Россіи, то результаты ея, навѣрное, были бы гораздо болѣе рѣшительными. Но широкая агитація въ рабочей средѣ немыслима безъ помощи предварительно созданныхъ въ ней и возможно болѣе многочисленныхъ тайныхъ организацій, которыя подготовляли бы умы рабочихъ и руководили бы ихъ движеніемъ. Поэтому, можно сказать, что безъ серьезной дѣятельности въ рабочей средѣ, а, слѣдовательно, и безъ сознательной поддержки со стороны тайныхъ рабочихъ организацій, — самые смѣлые подвиги террористовъ останутся не болѣе, какъ блестящими вылазками. «Главный врагъ» будетъ только пораженъ, но не уничтоженъ ими; а это значитъ, что *террористическая* борьба не достигнетъ своей цѣли, такъ какъ единственной ея цѣлью должно быть полное и безпощадное уничтоженіе абсолютизма.

Итакъ, политическое положеніе современной Россіи не только не вынуждаетъ насъ къ отказу отъ дѣятельности среди рабочихъ, но, наоборотъ, *лишь посредствомъ такой дѣятельности можемъ мы избавиться отъ невыносимаго гнета абсолютизма.*

Взглянемъ теперь на дѣло съ другой стороны. Предыдущее изложеніе лишній разъ подтвердило намъ ту истину, что рабочій классъ очень важенъ «для революціи». Но соціалисту нужно подумать прежде всего о томъ, чтобы революція была полезна для трудящагося населенія его страны. Оставляя пока въ сторонѣ крестьянство, мы замѣтимъ, что рабочій классъ извлечетъ тѣмъ большую пользу изъ своей политической борьбы, чѣмъ яснѣе будетъ для него связь между его экономическими нуждами и политическими правами. Въ «западноевропейскихъ странахъ» пролетаріатъ очень часто боролся противъ абсолютизма подъ знаменемъ и подъ верховнымъ руководствомъ буржуазіи. Отсюда являлась умственная и нравственная зависимость его отъ вожаковъ либерализма, вѣра въ исключительную святость либеральныхъ девизовъ, убѣжденіе въ неприкосновенности буржуазнаго порядка. Въ Германіи понадобилась вся энергія и все краснорѣчіе Лассаля, чтобы только *подорвать* духовную связь рабочихъ съ прогрессистами. Наше «общество» лишено такого вліянія на рабочій классъ, и соціалистамъ нѣтъ ни нужды, ни выгоды создавать его заново. Они должны указать рабочимъ ихъ собственное, рабочее знамя, дать имъ вожаковъ изъ ихъ собственной, рабочей среды, короче, должны позаботиться о томъ, чтобы не буржуазное «общество», а тайныя рабочія организаціи пріобрѣли господствующее вліяніе на умы рабочихъ. Этимъ въ значительной степени ускорится образованіе и ростъ русской рабочей соціалистической партіи, которая сумѣетъ завоевать себѣ почетное мѣсто среди другихъ партій, послѣ того, какъ она еще въ пеленкахъ способствовала паденію абсолютизма и торжеству политической свободы.

Чтобы содѣйствовать, такимъ образомъ, умственной и политической самостоятельности русскаго рабочаго класса, нашимъ революціонерамъ не нужно прибѣгать къ какимъ либо искусственнымъ мѣрамъ, становиться въ сколько-нибудь ложное или двусмысленное положеніе. Имъ нужно только проникнуться принципами современной соціальной демократіи, и, не ограничиваясь политической пропагандой, постоянно внушать своимъ слушателямъ, что «экономическое освобожденіе есть великая цѣль, которой всякое

политическое движеніе подчинено, какъ средство». Усвоивши эту мысль, нашъ рабочій классъ самъ уже сумѣетъ пройти между Сцилой и Харибдой, между политической реакціей государственнаго соціализма и экономическимъ шарлатанствомъ либеральной буржуазіи.

Способствуя образованію рабочей партіи, наши революціонеры будутъ дѣлать самое плодотворное, самое важное дѣло, какое только можно указать «передовому человѣку» современной Россіи. Одна лишь рабочая партія способна разрѣшить всѣ тѣ противорѣчія, которыя осуждаютъ теперь нашу интеллигенцію на теоретическое и практическое безсиліе. Мы уже видѣли, что наиболѣе осязательнымъ изъ этихъ противорѣчій является, въ настоящее время, необходимость низверженія абсолютизма и невозможность сдѣлать это безъ поддержки народа. Тайныя рабочія организаціи разрѣшатъ это противорѣчіе, привлекая къ политической борьбѣ наиболѣе развитые слои народа. Но этого мало. Возрастая и укрѣпляясь подъ защитой свободныхъ учрежденій, русская рабочая соціалистическая партія разрѣшитъ другое, не менѣе важное противорѣчіе, на этотъ разъ экономическаго свойства. Всѣмъ извѣстно, что современная сельская община должна уступить мѣсто коммунизму, или окончательно разложиться. Въ то же время экономическая организація общины не имѣетъ тѣхъ пружинъ, которыя толкали бы ее на путь коммунистическаго развитія. *Облегчая* переходъ нашего крестьянства къ коммунизму, община не можетъ однако сообщить ему необходимой для такого перехода *иниціативы*. Напротивъ, развитіе товарнаго производства все болѣе и болѣе подрываетъ старый общинный принципъ. И нѣтъ у нашей народнической интеллигенціи возможности однимъ рѣшительнымъ движеніемъ устранить это коренное противорѣчіе. На ея глазахъ нѣкоторая часть сельскихъ общинъ падаетъ, разрушается, становится «бичемъ и тормазомъ» бѣднѣйшей части общинниковъ. Какъ ни печально для нея это явленіе, но она рѣшительно не въ силахъ помочь ему въ настоящее время. Между «народомъ» и народолюбцами нѣтъ рѣшительно никакой связи. Разлагающаяся община остается сама по себѣ, ея интеллигентные печальники—сами по себѣ, и ни та, ни другіе не въ состо-

яніи положить конецъ этому печальному положенію дѣлъ. Какъ же выйти изъ этого противорѣчія? Неужели нашей интеллигенціи приходится махнуть рукой на всякую попытку практической дѣятельности, и утѣшаться «утопіями» во вкусѣ г. Г. Успенскаго? Ничуть не бывало! Наши народники могутъ спасти, по крайней мѣрѣ, нѣкоторую часть сельскихъ общинъ, если только они пожелаютъ апеллировать къ діалектикѣ нашего общественнаго развитія. Но и такая апелляція возможна только при посредствѣ рабочей соціалистической партіи.

Разложеніе нашей общины представляетъ собою безспорный и несомнѣнный фактъ. Но быстрота и интенсивность этого процесса различны въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи. Чтобы совершенно остановить его тамъ, гдѣ община сохранила наибольшую свѣжесть и прочность, наши народники должны воспользоваться тѣми силами, которыя освобождаются при распаденіи общины въ наиболѣе промышленныхъ губерніяхъ. Силы эти суть не что иное, какъ силы нарождающагося пролетаріата. Онѣ, и только онѣ, могутъ послужить связующимъ звеномъ между крестьянствомъ и соціалистической интеллигенціей; онѣ, и только онѣ, могутъ пополнить историческую пропасть, отдѣляющую «народъ» отъ «образованной» части населенія. Черезъ нихъ и съ ихъ помощью соціалистическая пропаганда проникнетъ, наконецъ, во всѣ закоулки деревенской Россіи. Кромѣ того, своевременно сплоченныя и организованныя въ одну рабочую партію, онѣ могутъ послужить главнымъ оплотомъ соціалистической агитаціи въ пользу экономическихъ реформъ, предохраняющихъ общину отъ повсемѣстнаго разложенія. А когда придетъ часъ окончательной побѣды рабочей партіи надъ высшими сословіями, то опять таки она, и только она, возьметъ на себя иниціативу соціалистической организаціи національнаго производства. Подъ ея вліяніемъ, — а при случаѣ и давленіемъ, — сохранившіяся сельскія общины дѣйствительно начнутъ переходить въ высшую, коммунистическую форму. Тогда выгоды, представляемыя общиннымъ землевладѣніемъ станутъ *дѣйствительными*, а не только *возможными*, и народническія мечты о самобытномъ развитіи нашего крестьянства осуществятся по отношенію, по крайней мѣрѣ, къ нѣкоторой его части.

Такимъ образомъ, *силы, освобождающіяся при разложеніи общины въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи, могутъ предохранить ее отъ полнаго разложенія въ другихъ мѣстностяхъ*. Нужно только умѣть правильно и своевременно утилизировать и направить эти силы, т. е. какъ можно скорѣе организовать ихъ въ соціальдемократическую партію.

Но мелкіе поземельные собственники окажутъ сильное сопротивленіе соціалистическимъ тенденціямъ рабочей партіи — возразятъ самобытники. — Всего вѣрнѣе, что — да; но за то будетъ кому и бороться съ этимъ сопротивленіемъ. Появленію класса мелкихъ собственниковъ соотвѣтствуетъ возрастаніе численности и силы революціоннаго пролетаріата, который придастъ, наконецъ, жизнь и движеніе нашей тяжеловѣсной государственной машинѣ. Сопротивленіе не страшно тамъ, гдѣ есть способная побѣдить его историческая сила; точно также, какъ и наоборотъ, предполагаемое отсутствіе сопротивленія — далеко не радостная вещь тамъ, гдѣ народъ не способенъ [*начать* соціалистическое движеніе, гдѣ героическія усилія отдѣльныхъ личностей разбиваются объ инерцію темной и невѣжественной массы.

Кромѣ того, нужно имѣть въ виду, что та же самая рабочая партія будетъ служить у насъ проводникомъ для западныхъ вліяній. Рабочій не останется глухъ къ движенію европейскаго пролетаріата, какъ это легко могло бы случиться съ крестьяниномъ. Соединенныя же силы внутренняго и международнаго движенія будутъ болѣе, чѣмъ достаточны для побѣды надъ реакціонными стремленіями мелкихъ собственниковъ.

Итакъ, еще разъ: *возможно болѣе скорое образованіе рабочей партіи есть единственное средство разрѣшенія всѣхъ экономическихъ и политическихъ противорѣчій современной Россіи*. На этой дорогѣ насъ ждутъ успѣхъ и побѣда; всѣ же другіе пути ведутъ лишь къ пораженію и безсилію.

А терроръ? — восклицаютъ народовольцы. А крестьянство? — кричатъ, съ другой стороны, народники. Ради вашихъ отдаленныхъ плановъ, вы готовы помириться съ существующей реакціей — умозаключаютъ одни; какъ узкій доктринеръ, вы жертвуете реальными интересами, ради торжества вашей доктрины —

ужасаются другіе. Но попросимъ у своихъ противниковъ нѣсколько минутъ терпѣнія, и постараемся отвѣтить хоть на нѣкоторую часть сыплющихся на насъ упрековъ.

Во первыхъ, мы нисколько не отрицаемъ важной роли террористической борьбы въ современномъ освободительномъ движеніи. Она естественно выросла изъ нашихъ соціально политическихъ условій, и также естественно должна способствовать измѣненію ихъ въ лучшую сторону. Но взятый самъ по себѣ, такъ называемый терроръ, только разрушаетъ силы правительства, очень мало способствуя сознательной организаціи силъ его противниковъ. Террористическая борьба не расширяетъ сферы нашего революціоннаго движенія; напротивъ, она сводитъ его къ героическимъ дѣйствіямъ небольшихъ партизанскихъ кучекъ. Послѣ нѣсколькихъ блестящихъ успѣховъ, наша революціонная партія видимо ослабѣла отъ сильнаго напряженія, и не можетъ уже оправиться безъ притока свѣжихъ силъ изъ новыхъ слоевъ неселенія. Мы рекомендуемъ ей обратиться къ рабочему классу, какъ самому революціонному изъ всѣхъ классовъ современнаго общества. Значитъ-ли это, что мы совѣтуемъ ей прекратить на время активную борьбу съ правительствомъ? Не только — нѣтъ, но напротивъ, мы указываемъ ей возможность сдѣлать эту борьбу болѣе широкой, болѣе разносторонней, а потому и болѣе успѣшной. Но само собою разумѣется, что мы не можемъ смотрѣть на дѣло рабочаго движенія лишь съ точки зрѣнія важности рабочихъ «для революціи». Мы хотимъ обратить самое торжество революціи на пользу рабочаго населенія нашей страны, а потому считаемъ необходимымъ содѣйствовать его умственному развитію, его сплоченію и организаціи. Мы вовсе не хотимъ, чтобы тайныя рабочія организаціи превратились въ тайные питомники для разведенія террористовъ изъ рабочей среды. Но мы хорошо понимаемъ, что политическое освобожденіе Россіи совершенно совпадаетъ съ интересами рабочаго класса, и потому думаемъ, что существующіе въ его средѣ революціонные кружки должны содѣйствовать политической борьбѣ нашей интеллигенціи путемъ пропаганды, агитаціи, а подчасъ, и открытой уличной борьбы. Несправедливо было бы цѣликомъ взваливать на плечи рабочаго

класса всѣ трудности освободительнаго движенія, но вполнѣ справедливо и цѣлесообразно было бы привлечь къ нему, между прочимъ, и робочихъ. Есть другіе слои населенія, которые съ гораздо большимъ удобствомъ могутъ взять на себя террористическую борьбу съ правительствомъ. Но помимо рабочихъ, нѣтъ другого такого слоя, который въ рѣшительную минуту могъ бы повалить и добить раненное террористами политическое чудовище. Пропаганда въ рабочей средѣ не устранитъ необходимости террористической борьбы, но за то она создастъ ей новые, небывалые до сихъ поръ шансы.*)

Сказанное относится къ террористамъ. Побесѣдуемъ теперь съ народниками.

Ихъ огорчаютъ всѣ тѣ программы, въ которыхъ не отводится главнаго мѣста революціонной дѣятельности въ крестьянской средѣ. Но хотя такого рода дѣятельность и составляетъ все содержаніе ихъ собственной программы, однако отъ этого обстоятельства

Немного выигралъ народъ
И легче нѣтъ ему покуда!

Начиная съ конца семидесятыхъ годовъ, т. е. со времени раздѣленія общества «Земля и Воля», революціонная дѣятельность въ крестьянской средѣ не только не расширялась, но суживалась все болѣе и болѣе. Въ настоящее время ее безъ большой ошибки можно приравнять къ нулю. А между тѣмъ, за все это время не было недостатка въ людяхъ, полагающихъ, что центръ тяжести всего нашего революціоннаго движенія немедленно долженъ быть перенесенъ въ крестьянскую среду. Откуда это противорѣчіе? Несправедливо было бы подозрѣвать народниковъ въ бездѣятельности, трусости и нерѣшительности. Остается думать, что они поставили себѣ задачу, неисполнимую при настоящихъ условіяхъ, что не съ крестьянства должна начинать наша интеллигенція свое революціонное сліяніе съ народомъ. И мы дѣйствительно такъ дума-

*) Примѣч. къ наст. изданію. На основаніи этого мѣста говорили, впослѣдствіи, что гр. «Освобожденіе Труда» сочувствовала «терроризму». Но эта группа съ самаго начала своего существованія находила, что рабочимъ «терроризмъ» *не удобенъ*; высказываться противъ террористической борьбы интеллигенціи было тогда безусловно безполезно: интеллигенція вѣрила въ «терроръ», какъ въ бога.

емъ. Но это далеко не значитъ, что мы *не придаемъ значенія* революціонной дѣятельности въ крестьянской средѣ. Мы констатируемъ фактъ, и стараемся понять его истинный смыслъ, убѣжденные въ томъ, что понявши причину своей неудачи, наши народники сумѣютъ избѣжать ее въ будущемъ. Намъ кажется, что именно образованіе рабочей партіи избавитъ насъ отъ того противорѣчія, благодаря которому, въ теченіе послѣднихъ семи лѣтъ, въ Россіи могли существовать только совершенно чуждые народу народники.

Какимъ образомъ сдѣлаетъ это рабочая партія — видно уже изъ предыдущаго изложенія. Но не мѣшаетъ сказать еще нѣсколько словъ по этому поводу.

Чтобы вліять на многочисленную темную массу— необходимъ извѣстный минимумъ силъ, безъ котораго всѣ старанія отдѣльныхъ личностей не пойдутъ дальше самыхъ ничтожныхъ результатовъ. Наша революціонная интеллигенція не обладаетъ такимъ необходимымъ минимумомъ силъ, потому то ея революціонныя усилія въ крестьянской средѣ и не оставили по себѣ почти ровно никакого слѣда. Мы указываемъ ей на промышленныхъ рабочихъ, какъ на промежуточный слой, способный помочь ея сліянію съ «народомъ». Значитъ-ли это, что мы игнорируемъ крестьянство? Нисколько. Это значитъ, напротивъ, что мы ищемъ болѣе дѣйствительныхъ способовъ для воздѣйствія на него.

Далѣе. Кромѣ извѣстнаго минимума силъ, для вліянія на данную среду необходима хоть нѣкоторая общность между характеромъ этой среды и характеромъ обращающихся къ ней дѣятелей. Ни по привычкамъ мысли, ни по способности къ физическому труду, наша революціонная интеллигенція не имѣетъ ничего общаго съ крестьянствомъ. Промышленный рабочій и въ этомъ случаѣ составляетъ середину между крестьяниномъ и «студентомъ». Онъ долженъ, поэтому, послужить связующимъ звеномъ между ними.

Наконецъ, не нужно упускать изъ виду и еще одно, далеко не маловажное обстоятельство. Что бы ни говорили объ исключительно будто-бы земледѣльческомъ характерѣ современной Россіи, несомнѣнно, однако, что «деревня» не можетъ привлечь къ себѣ всѣхъ силъ нашей революціонной интеллигенціи.

Это не мыслимо уже по одному тому, что не въ деревнѣ, а въ городѣ вербуются силы этой интеллигенціи, что не въ деревнѣ, а въ городѣ ищетъ убѣжища революціонеръ, подвергшійся полицейскимъ преслѣдованіямъ, хотя бы даже за пропаганду въ крестьянской средѣ. Наши главные города являются, поэтому, центрами, въ которыхъ всегда находится на лицо болѣе или менѣе значительный контингентъ силъ революціонной интеллигенціи. Само собою понятно, что интеллигенція не можетъ не испытывать на себѣ вліяній города, что она не можетъ не жить его жизнью. Съ нѣкоторыхъ поръ жизнь эта стала принимать политическій характеръ. И мы знаемъ, что, несмотря на самыя «народническія» программы, наша интеллигенція не могла удержаться противъ теченія, вынуждена была взяться за политическую борьбу. Пока у насъ нѣтъ рабочей партіи, «городскіе» революціонеры по неволѣ обращаются «къ обществу», такъ что фактически они являются его революціонными представителями. Народъ отодвигается на задній планъ, а этимъ не только замедляется установленіе связи между нимъ и интеллигенціей, но нарушается и существовавшая прежде связь между «сельскими» и «городскими» революціонерами изъ самой интеллигенціи. Отсюда — взаимное непониманіе, разногласія, расхожденія. Не то было бы, если бы политическая борьба въ городахъ приняла, главнымъ образомъ, рабочій характеръ. Тогда городскіе и сельскіе революціонеры различались бы между собою лишь по *мѣсту*, а вовсе не по *сущности* своей дѣятельности, и тѣ и другіе были бы представителями *народнаго* движенія, въ различныхъ его видахъ, и соціалистамъ не было бы необходимости жертвовать своею жизнью въ интересахъ чуждаго ихъ взглядамъ «*общества*».

Такое согласіе не представляетъ собою несбыточной утопіи. Его очень не трудно осуществить на дѣлѣ. Если въ настоящее время нельзя насчитать десятка народниковъ, поселившихся въ деревнѣ въ силу своей программы, по долгу службы *революціи*, то не мало образованныхъ и искреннихъ демократовъ живетъ въ деревнѣ по долгу службы *государству*, въ силу своей профессіи. Многіе изъ этихъ людей не сочувствуютъ нашей политической борьбѣ, *въ ея нынѣшнемъ видѣ*, и въ то же время не берутся за си-

стематическую революціонную работу въ крестьянствѣ, по той простой причинѣ, что не видятъ партіи, съ которой они могли бы соединить свои усилія, одинъ же, какъ извѣстно, въ полѣ не воинъ. Начните соціально-политическое движеніе въ рабочей средѣ, и вы увидите, что эти сельскіе демократы мало по малу перейдутъ на точку зрѣнія соціальдемократіи и, въ свою очередь, послужатъ связующимъ звеномъ между городомъ и деревней,

Тогда наши революціонныя силы будутъ распредѣляться слѣдующимъ, весьма простымъ образомъ: въ деревню пойдутъ всѣ тѣ, кого вынуждаютъ къ этому профессіональныя обязанности. Само собою разумѣется, что такихъ будетъ не мало. Въ то же время, люди, имѣющіе возможность поселиться въ городахъ или промышленныхъ центрахъ, направятъ свои усилія на рабочую среду, и постараются сдѣлать изъ нея авангардъ русской соціальдемократической арміи.

Такова наша программа. Она не жертвуетъ деревней въ интересахъ города, не игнорируетъ крестьянства ради промышленныхъ рабочихъ. *Она ставитъ своей задачей организацію соціально-революціонныхъ силъ города для вовлеченія деревни въ русло всемірно-историческаго движенія.*

Глава VI.

Заключеніе

Теперь мы позволимъ себѣ сказать нѣсколько заключительныхъ словъ читателю.

Во всемъ, что касается защиты нашей *точки зрѣнія*, мы хотѣли бы аппелировать къ его уму, а не къ чувству. Дорожа исключительно интересами истины, мы сумѣемъ примириться съ нею даже въ томъ случаѣ, если она разойдется съ самыми дорогими намъ убѣжденіями. Поэтому мы просимъ читателя только объ одномъ: пусть критикуетъ онъ наши доводы съ тѣмъ вниманіемъ, котораго заслуживаютъ затронутые нами революціонные вопросы. Одобритъ или не одобритъ онъ предложенное нами рѣшеніе

этихъ вопросовъ — во всякомъ случаѣ, русская революціонная мысль только выиграетъ отъ новаго пересмотра достигнутыхъ ею результатовъ.

Но есть другая сторона дѣла, касающаяся не сущности нашихъ взглядовъ, а избранной нами формы изложенія. Насъ—или лучше сказать *меня*— могутъ обвинить въ излишней рѣзкости, во враждебномъ отношеніи къ фракціямъ, сослужившимъ немаловажную службу революціонному дѣлу, и, потому, несомнѣнно, заслуживающимъ уваженія.

Знакомые уже мнѣ «баккалавры» могутъ пойти еще далѣе и обвинить меня во враждебномъ отношеніи ко всей русской революціи.

Во всемъ, что касается *этого* вопроса, я считаю не лишнимъ обратиться къ тому чувству читателя, которое называется чувствомъ справедливости и безпристрастія.

Теперь, въ заключительной главѣ, какъ и въ началѣ, въ «Письмѣ къ П. Л. Лаврову», я могу съ полной искренностью повторить, что желаю «Народной Волѣ» не неудачъ, а дальнѣйшихъ успѣховъ. И если я такъ рѣзко отнесся къ литературнымъ упражненіямъ одного изъ ея представителей, то на это были свои достаточныя причины, не имѣющія рѣшительно ничего общаго съ враждебнымъ отношеніемъ къ революціи или къ какой либо изъ революціонныхъ фракцій*)·

Прежде всего нужно имѣть въ виду, что революціонеръ не есть революція, и что *теоріи революціонеровъ* далеко не всегда и не во всѣхъ своихъ частяхъ могутъ быть названы *революціонными теоріями.*

Я нисколько не отрицаю важнаго и полезнаго значенія совершенныхъ народовольцами революціонныхъ дѣйствій; но я истолковываю ихъ не такъ, какъ

Примѣчаніе къ настоящему изданію. Надо замѣтить еще вотъ что. Мнѣ было хорошо извѣстно, что г. Гихомировъ уже задолго до появленія его статьи «Чего намъ ждать отъ революціи?» совершенно «разочаровался» въ программѣ «Народной Воли». Поэтому ея отстаиваніе имъ принимало характеръ крайне возмутительнаго лицемѣрія.

дѣлаютъ это оффиціальные представители «партіи». Я вижу ихъ въ томъ свѣтѣ, который непріятно раздражаетъ глаза «народовольскихъ» публицистовъ. Мой взглядъ на значеніе этихъ дѣйствій достаточно выяснился еще въ брошюрѣ «Соціализмъ и политическая борьба», гдѣ я говорилъ, что «Народная Воля не можетъ найти оправданія, да и не должна искать его помимо современнаго научнаго соціализма».

Г. Тихомирову угодно было высказать на этотъ вопросъ другой взглядъ, по его мнѣнію, болѣе правильный и революціонный.

Огорченный тѣмъ, что «въ нѣкоторыхъ слояхъ соціалистовъ»... «политическая демократическая идея»... «приняла формы, которыя извращаютъ самую сущность ея», онъ рѣшился поправить дѣло, и въ статьѣ «Чего намъ ждать отъ революціи?» постарался пріурочить дѣятельность своей партіи къ теоріямъ Бакунина и Ткачева. Благодаря такому обороту, оффиціальныя теоріи «партіи Народной Воли» перестали быть революціонными теоріями, и безъ малѣйшаго вреда для революціи могли быть подвергнуты такой же рѣзкой критикѣ, какъ и всѣ двугія проявленія все болѣе и болѣе усиливающейся теперь русской литературной реакціи.

Реакціонныя теоріи вообще непривлекательны; но онѣ не опасны до тѣхъ поръ, пока выступаютъ подъ своимъ собственнымъ знаменемъ. Вредной отравой, настоящимъ умственнымъ ядомъ онѣ становятся лишь тогда, когда начинаютъ прикрываться революціоннымъ знаменемъ. Въ такомъ случаѣ, противникомъ революціи является не тотъ, кто сдергиваетъ съ нихъ революціонную маску, а тотъ, кто остается равнодушнымъ зрителемъ вольной или невольной литературной поддѣлки.

Я не способенъ, да и не стремлюсь къ такому равнодушію. Ненавидя реакцію вообще, я тѣмъ болѣе ненавижу ее, когда она призываетъ къ себѣ людей во имя революціи. И я не могу признать себя виновнымъ въ излишней рѣзкости по отношенію къ г. Тихомирову, до тѣхъ поръ, пока мнѣ не докажутъ слѣдующихъ двухъ положеній:

1) Что теоріи г. Тихомирова не представляютъ собою новаго изданія ученій Бакунина и Ткачева;

2) Что эти послѣднія ученія не могутъ быть признаны реакціонными, по сравненію съ научнымъ соціализмомъ Карла Маркса.

Пусть же противники мои постараются доказать эти положенія, не торопясь обвинять меня въ оскорбленіи величества русской революціи. Я самъ объявлю свою рѣзкость неумѣстной, если доводы ихъ будутъ убѣдительны.

Но для этого необходимо, между прочимъ, чтобы за основу спора были взяты тѣ самыя положенія г. Тихомирова, которыя послужили поводомъ къ моей полемикѣ противъ него. Общее направленіе «*Вѣстника Народной Воли*» такъ неясно и неопредѣленно, что бакунинско-ткачевскія тенденціи статьи «Чего намъ ждать отъ революціи?» не могутъ помѣшать появленію марксистскихъ тенденцій въ статьяхъ другихъ сотрудниковъ, а пожалуй,—какъ ни трудно ожидать этого, — и въ новыхъ статьяхъ г. Тихомирова. Нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что нашъ авторъ вспомнитъ о той части программы «Вѣстника», которая лежитъ по ту сторону рокового «но», и напишетъ нѣсколько краснорѣчивыхъ страницъ объ *единственномъ* пути, ведущемъ къ достиженію общихъ «соціалистическихъ цѣлей». Но такая перемѣна фронта не ослабитъ реакціоннаго значенія разобранной нами статьи, и докажетъ только, что нашъ авторъ не имѣетъ никакихъ опредѣленныхъ воззрѣній.

Читателей, болѣе безпристрастныхъ, чѣмъ защитники г. Тихомирова, я прошу помнить, что можно отъ души сочувствовать не только революціи вообще, но и революціонной «партіи Народной Воли» въ частности, и въ то же время думать, что насущнѣйшей задачей этой партіи, первымъ, самымъ необходимымъ ея успѣхомъ долженъ быть *безусловный разрывъ съ ея нынѣшними теоріями*.

Напрасно думаютъ сторонники «Народной Воли», что такого рода разрывъ былъ бы измѣной памяти героевъ русской террористической борьбы. Наиболѣе выдающіеся террористы начали съ критическаго отношенія къ общепризнаннымъ въ ихъ время «про-

граммамъ» революціонеровъ. Почему же люди, идущіе по ихъ стопамъ, не могутъ предпринять дѣла такой же критики по отношенію къ «программамъ» своего времени; почему думаютъ они, что критическая мысль Желябова должна остановиться передъ догматическимъ міросозерцаніемъ г. Тихомирова?

Вотъ вопросъ, о которомъ стоитъ подумать нашимъ молодымъ народовольцамъ*).

---

*) Примѣчаніе къ настоящему изданію. Я такъ и не дождался серьезнаго отвѣта на свою книгу. Въ пятомъ номерѣ «Вѣстника Народной Воли» появилась, правда, маленькая библіографическая замѣтка, въ которой говорилось, что возражать мнѣ значило бы прежде всего говорить о моей *личности* Кромѣ этого *намека*, который, очевидно, хотѣлъ быть *злымъ*, редакція «Вѣстника» не сказала *ровно ничего* въ защиту тихомировскихъ ожиданій отъ революціи, а спустя нѣсколько лѣтъ самъ г. Тихомировъ заявилъ, что эти ожиданія несбыточны и признался, что уже со времени своего пріѣзда заграницу онъ считалъ свою «партію» *трупомъ*. Это было неожиданнымъ, но весьма многознаменательнымъ заключеніемъ всего нашего спора. Мнѣ оставалось только подвести итогъ, что я и сдѣлалъ въ статьѣ: «Неизбѣжный поворотъ», напечатанной въ сборникѣ «Соціальдемократъ» и въ брошюрѣ: «Новый защитникъ самодержавія или горе г. Тихомирова», Женева 1889 года.

ПРОГРАММА

СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ

„Освобожденіе Труда“.

Группа «*Освобожденіе Труда*» задается цѣлью пропаганды соціалистическихъ идей въ Россіи и выработки элементовъ для организаціи русской *рабочей соціалистической партіи*.

Сущность ея воззрѣній можетъ быть выражена въ слѣдующихъ немногихъ положеніяхъ: *)

I. Экономическое освобожденіе рабочаго класса будетъ достигнуто лишь путемъ перехода въ коллективную собственность трудящихся всѣхъ средствъ и продуктовъ производства и сообразной съ общественными потребностями организаціи всѣхъ функцій соціально-экономической жизни.

II. Современное развитіе техники въ цивилизованныхъ обществахъ не только даетъ *матеріальную возможность* такой организаціи, но и дѣлаетъ ее *необходимою* и *неизбѣжною* для разрѣшенія противорѣчій, препятствующихъ спокойному и всестороннему развитію этихъ обществъ.

III. Эта радикальная экономическая революція

*) Примѣчаніе 1. Предлагаемая нами на судъ товарищей программа отнюдь не разсматривается нами, какъ нѣчто совершенно законченное, неподлежащее никакимъ частнымъ измѣненіямъ и дополненіямъ. Напротивъ, мы готовы внести въ нее всякія поправки, если только онѣ не противорѣчатъ основнымъ понятіямъ научнаго соціализма и соотвѣтствуютъ практическимъ выводамъ, вытекающимъ изъ этихъ понятій по отношенію къ дѣятельности соціалистовъ въ Россіи.

повлечетъ за собою самыя коренныя измѣненія во всемъ складѣ общественныхъ и международныхъ отношеній.

Устраняя борьбу классовъ путемъ уничтоженія самихъ классовъ; дѣлая невозможной и ненужной экономическую борьбу индивидуумовъ путемъ устраненія товарнаго производства и связанной съ нимъ конкурренціи; короче, устраняя борьбу за существованіе между личностями, классами и цѣлыми обществами, — она дѣлаетъ излишними всѣ тѣ общественные органы, которые развились въ многовѣковый періодъ этой борьбы за существованіе, въ качествѣ ея орудій.

Не вдаваясь въ утопическія фантазіи относительно общественной и международной организаціи будущаго, можно теперь уже предсказать уничтоженіе важнѣйшаго изъ органовъ хронической борьбы внутри обществъ, именно—*государства, какъ политической организаціи, противостоящей обществу* и охраняющей, главнымъ образомъ, интересы его господствующей части. Точно также и теперь уже можно предвидѣть международный характеръ предстоящей экономической революціи. Современное развитіе международнаго обмѣна продуктовъ дѣлаетъ необходимымъ участіе въ этой революціи всѣхъ цивилизованныхъ обществъ.

Поэтому соціалистическія партіи всѣхъ странъ признаютъ международный характеръ современнаго рабочаго движенія и провозглашаютъ принципы международной солидарности производителей.

Группа «*Освобожденіе Труда*» также признаетъ великіе принципы бывшей «*Международной Ассоціаціи Рабочихъ*» и тождество интересовъ трудящихся всего цивилизованнаго міра.

IV. Внося *сознательность* туда, гдѣ господствуетъ нынѣ *слѣпая экономическая необходимость*, замѣняя современное господство *продукта* надъ *производителемъ* господствомъ *производителя* надъ *продуктомъ*, соціалистическая революція упрощаетъ и осмысливаетъ всѣ общественныя отношенія, предоставляя вмѣстѣ съ тѣмъ каждому гражданину реальную возможность непосредственнаго участія въ обсужденіи и рѣшеніи всѣхъ общественныхъ дѣлъ.

Это непосредственное участіе гражданъ въ завѣдываніи всѣми общественными дѣлами предполагаетъ

устраненіе современной системы политическаго представительства и замѣны ея *прямымъ народнымъ законодательствомъ*.

Въ своей современной борьбѣ соціалисты должны имѣть въ виду эту необходимую политическую реформу и всѣми зависящими отъ нихъ средствами добиваться ея осуществленія.

Это тѣмъ болѣе необходимо, что политическое самовоспитаніе и господство рабочаго класса составляетъ необходимое предварительное условіе его экономическаго освобожденія. Только вполнѣ *демократическое* государство можетъ совершить экономическій переворотъ, сообразный съ интересами производителей и требующій разумнаго участія ихъ въ организаціи и регулированіи производства.

Въ настоящее время рабочій классъ передовыхъ странъ все болѣе и болѣе выясняетъ себѣ необходимость указаннаго соціально-политическаго переворота и организуется въ особую партію труда, враждебную всѣмъ партіямъ эксплуататоровъ.

Совершаясь на началахъ «*Международной Ассоціаціи Рабочихъ*», организація эта имѣетъ, однако, прежде всего въ виду завоеваніе рабочими политическаго господства внутри каждаго изъ соотвѣтствующихъ государствъ. «Пролетаріатъ каждой страны естественно долженъ прежде всего покончить съ своей собственной буржуазіей».

Это вноситъ элементъ разнообразія въ программы соціалистическихъ партій различныхъ государствъ, заставляя каждую изъ нихъ сообразоваться съ общественными условіями своей страны.

Само собою понятно, что практическія задачи, а слѣдовательно, и программы соціалистовъ должны имѣть болѣе своеобразный и сложный характеръ въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ капиталистическое производство не сдѣлалось еще господствующимъ, и гдѣ трудящіяся массы находятся подъ двойнымъ игомъ развивающагося капитализма и отживающаго патріархальнаго хозяйства.

Въ этихъ странахъ соціалистамъ приходится одновременно организовать рабочій классъ для борьбы съ буржуазіей и вести войну противъ вредныхъ — какъ для развитія рабочаго класса, такъ и для благосостоянія всего народа — остатковъ старыхъ, до-буржуазныхъ общественныхъ отношеній.

Русскіе соціалисты находятся именно въ такомъ положеніи. Трудящееся населеніе Россіи непосредственно несетъ на себѣ всю тяжесть огромной машины полицейско-деспотическаго государства, и въ то же время переживаетъ всѣ бѣдствія, свойственныя эпохѣ капиталистическаго *накопленія*, а мѣстами, — въ нашихъ промышленныхъ центрахъ, — оно испытываетъ уже гнетъ капиталистическаго *производства*, не ограниченный еще ни сколько-нибудь рѣшительнымъ государственнымъ вмѣшательствомъ, ни организованнымъ противодѣйствіемъ самихъ рабочихъ. Современная Россія страдаетъ, — какъ говорилъ когда-то Марксъ о западѣ европейскаго континента, — не только отъ развитія капиталистическаго производства, но и отъ недостатка этого развитія.

Однимъ изъ вреднѣйшихъ слѣдствій этого отсталаго состоянія производства было и есть до сихъ поръ неразвитое состояніе средняго класса, который не способенъ у насъ взять на себя *иниціативу* борьбы съ абсолютизмомъ.

Соціалистической интеллигенціи пришлось, поэтому, стать во главѣ современнаго освободительнаго движенія, прямой задачей котораго должно быть созданіе свободныхъ политическихъ учрежденій въ нашемъ отечествѣ, причемъ соціалисты, съ своей стороны, должны стараться доставить рабочему классу возможность активнаго и плодотворнаго участія въ будущей политической жизни Россіи.

Первымъ средствомъ для достиженія этой цѣли должна быть агитація въ пользу демократической конституціи, обезпечивающей:

1) Право быть избирателемъ и избираемымъ, какъ въ Законодательное собраніе, такъ и въ провинціальные и общинные органы самоуправленія всякому гражданину, не приговоренному судомъ за извѣстныя,

строго опредѣленныя закономъ, *позорныя* дѣйствія, къ потерѣ политической правоспособности.*)

2) Опредѣленную закономъ денежную плату народнымъ представителямъ, позволяющую выбирать ихъ изъ бѣдныхъ классовъ населенія.

3) Неприкосновенность личности и жилища гражданъ.

4) Неограниченную свободу совѣсти, слова, печати, собраній и ассоціацій.

5) Свободу передвиженія и занятій.

6) Полную равноправность всѣхъ гражданъ, независимо отъ религіи и племенного происхожденія. **)

7) Замѣну постояннаго войска всеобщимъ вооруженіемъ народа.

8) Пересмотръ всего нашего гражданскаго и уголовнаго законодательства, уничтоженіе сословныхъ подраздѣленій и наказаній, несовмѣстныхъ съ достоинствомъ человѣка.

Но цѣль эта останется недостигнутой, политическая самодѣятельность рабочихъ будетъ немыслима, если паденіе абсолютизма застанетъ ихъ въ совершенно неподготовленномъ и неорганизованномъ состояніи.

Поэтому, на соціалистической интеллигенціи лежитъ обязанность организаціи рабочихъ и посильной *подготовки* ихъ къ борьбѣ, какъ съ современной правительственной системой, такъ и съ будущими буржуазными партіями.

Она должна *немедленно взяться за организацію* рабочихъ нашихъ промышленныхъ центровъ, — какъ передовыхъ представителей всего трудящагося населенія Россіи, — въ связанные между собою тайные кружки съ опредѣленной соціально-политической программой, соотвѣтствующей современнымъ нуждамъ всего русскаго производительнаго класса и основнымъ задачамъ соціализма.

---

*) Примѣчаніе 2. Къ числу такихъ дѣйствій могутъ быть отнесены, напримѣръ, *подкупы при выборахъ*, вопіющія притѣсненія нанимателемъ своихъ работниковъ и т. п.

**) Примѣчаніе 3. Этотъ пунктъ логически заключается въ 4 §, требующемъ, между прочимъ, полной свободы совѣсти; но мы считаемъ нужнымъ оттѣнить его въ виду того, что теперь существуетъ у насъ цѣлые слои населенія, какъ напр. *евреи*, не пользующіеся даже тѣми жалкими «правами», которыя предоставлены другимъ «обывателямъ».

Понимая, что подробности такой программы могутъ быть выработаны лишь въ будущемъ, и притомъ самимъ рабочимъ классомъ, призваннымъ къ участію въ политической жизни и сплотившимся въ особую партію, группа «*Освобожденіе Труда*» полагаетъ, что главнѣйшими пунктами *экономическаго отдѣла* рабочей программы должны быть *требованія*:

1) Радикальнаго пересмотра нашихъ аграрныхъ отношеній, т. е. условій выкупа земли и надѣленія ею крестьянскихъ обществъ. Предоставленіе права отказа отъ надѣла и выхода изъ общины тѣмъ изъ крестьянъ, которые найдутъ это для себя удобнымъ, и т. п.

2) Устраненія современной податной системы и установленія прогрессивнаго подоходнаго налога.

3) Законодательнаго регулированія отношеній рабочихъ (городскихъ и сельскихъ) къ предпринимателямъ и организаціи соотвѣтствующей *инспекціи съ представительствомъ отъ рабочихъ*.

4) Государственной помощи производительнымъ *ассоціаціямъ*, организующимся во всевозможныхъ отрасляхъ земледѣлія, добывающей и обработывающей промышленности (крестьянами, горными, фабричными и заводскими рабочими, кустарями и т. д.).

Группа «*Освобожденіе Труда*» убѣждена, что не только успѣхъ, но и самая возможность такого осмысленнаго движенія русскаго рабочаго класса въ огромной степени зависитъ отъ указанной выше работы интеллигенціи въ его средѣ.

Но названная группа полагаетъ, что сама интеллигенція должна предварительно стать на точку зрѣнія современнаго научнаго соціализма, лишь постольку удерживая народническія традиціи, поскольку онѣ не противорѣчатъ его положеніямъ.

Въ виду этого, группа «Освобожденіе Труда» задается цѣлью пропаганды современнаго соціализма въ Россіи и подготовки рабочаго класса къ сознательному соціально-политическому движенію; этой цѣли она и посвящаетъ всѣ свои силы, призывая нашу революціонную молодежь къ помощи и содѣйствію.

Преслѣдуя эту цѣль всѣми зависящими отъ нея средствами, группа «Освобожденіе Труда» въ то же время признаетъ необходимость террористической борьбы противъ абсолютнаго правительства и расходится съ

партіей «*Народной Воли*» лишь по вопросамъ о такъ называемомъ захватѣ власти революціонной партіей и *о задачахъ непосредственной дѣятельности соціалистовъ въ средѣ рабочаго класса.*

Группа «Освобожденіе Труда» *ни мало не игнорируетъ крестьянства, составляющаго огромнѣйшую часть трудящагося населенія Россіи.* Но она полагаетъ, что работа интеллигенціи, въ особенности при современныхъ условіяхъ соціально-политической борьбы, должна быть прежде направлена на болѣе развитой слой этого населенія, какимъ и являются промышленные рабочіе. Заручившись сильной поддержкой со стороны этого слоя, соціалистическая интеллигенція можетъ съ гораздо большею надеждой на успѣхъ распространить свое воздѣйствіе и на крестьянство, въ особенности, если она добьется къ тому времени свободы агитаціи и пропаганды. Само собою, впрочемъ, разумѣется, что распредѣленіе силъ нашихъ соціалистовъ *должно будетъ измѣниться, если въ крестьянствѣ обнаружится самостоятельное революціонное* движеніе, и что даже въ настоящее время люди, находящіеся въ непосредственномъ соприкосновеніи съ крестьянствомъ, могли бы своей дѣятельностью въ его средѣ оказать важную услугу соціалистическому движенію въ Россіи. Группа «Освобожденіе Труда» не только не отталкиваетъ отъ себя такихъ людей, но приложитъ все стараніе, чтобы согласиться съ ними въ основныхъ положеніяхъ программы.

Женева, 1884 г.

КОНЕЦЪ.

Академия Наук СССР